
PREFACE

The fall of Russian monarchy is certainly one of the most studied events of the twentieth century. Yet it continues to attract, fascinate and often mystify historians and the public at large. The complex currents and cross currents of politics played out against the backdrop of a World War, court intrigues, parliamentary maneuvers, bewildering shifts of key players, the alleged intervention of “dark forces,” the looming specter of popular revolt, the tragic and difficult figures of the last emperor and empress, create a vast labyrinth that is exceedingly difficult to negotiate. Historians face a staggering volume of source material, both published and archival—institutional records, memoirs, journalism, diplomatic correspondence, governmental investigations, testimony of almost every kind, detailed and sometimes accurate, but often self-serving and polemical — that make definitive judgments virtually impossible. The best readers can hope for is a scholar with a clear point of view to guide them along one of the many paths that can be taken.

S.V. Kulikov provides such a guide with this massive study of conflict within the Russian governing elite from the outbreak of World War I to the February Revolution of 1917. While not denying the significance of revolt from below, Kulikov insists we remember that *revolutions* almost always start at the top of societies. Not until the elites have discredited the older order, often through well-meaning reforms and conflicts among themselves, do the lower orders begin to rise against an established regime.

Kulikov describes these fatal disputes and reform efforts during the last years of tsarism in enormous, some might say excruciating, detail. In the process he demonstrates a stunning mastery of the sources and the literature of the period, a mastery that emancipates him from many past narratives and interpretations. Kulikov has little use for the class struggle or for the long-established dichotomy between *vlast'* and *obshchestvennost'*. At the center of his analysis is a reconsideration of the higher bureaucracy itself. Kulikov insists that by the beginning of the twentieth century the government elite was not a special element set apart from educated society but a part of it. Those in the upper ranks of tsarist officialdom were members of the Russian intelligentsia, indeed Kulikov believes they were perhaps its most westernized and cultured segment. The intellectual hallmark of this “serving intelligentsia” was its liberalism. This was not the “liberalism” of the Kadets and left Octobrists, whose views Kulikov sees as essentially radical, but a “governmental” and “preservationist” liberalism that was strongly influenced by the ideas of B.N. Chicherin. By no means

hostile to significant reform, this liberalism was constitutional. It accepted a limited monarchy and a law-based state, and opposed the “rejectionist” position of the Kadets and socialists on the left and of the “black hundreds” on the right.

Kulikov maintains, however, that on the eve of the war the upper bureaucracy was, itself, seriously divided. Its constitutionalism had taken two distinct forms. The first was “dualist,” based on a strict interpretation of the Fundamental Laws of 1906. Those who held this position believed that the autocracy was limited only in the legislative process. While the Duma and the State Council were essential to the functioning of government, they could have no role in the administration of the state. The tsar was absolute in this area and all ministers were responsible solely to him. The second tendency within the upper bureaucracy was “parliamentarist,” founded on a loose construction of the Fundamental Laws. Central to this point of view was the belief that Russia was already in essence a fully constitutional regime and that the term “autocrat” had only historical and ideological significance. The tsar embodied the idea of the sovereignty of the state and the independence of the nation. For the “parliamentarists” it was entirely appropriate for the emperor to share full power with the representatives of the people even in the exercise of his administrative duties.

Kulikov puts Nicholas II at the center of this conflict in official ranks. Instead of a conservative, hostile to significant change and distrustful of the Duma, Kulikov’s Nicholas is a liberal reformer, a constitutionalist of the “dualist” persuasion. The circumstances of wartime increased, rather than decreased, the tsar’s willingness to work with the parliament. The story of politics in the years 1914–1917 was, Kulikov believes, a tale of repeated, failed attempts of the emperor to reach accommodation with the legislative institutions in order to achieve victory and to effect significant reforms. But the tsar’s efforts were frustrated and conflict escalated because of the dispute over the creation of a “ministry enjoying public confidence.” For the “parliamentarists” within the upper bureaucracy and members of the Progressive Bloc in the Duma, such a ministry would have to be *de facto* if not *de jure* responsible to the legislative institutions. Nicholas and the “dualists” believed that this goal could be accomplished without abandoning their strict construction of the Fundamental Laws. In the end all the tsar’s efforts at compromise proved unavailing. The “parliamentarist” faction increasingly moved in the direction of the Progressive Bloc and, like the Bloc itself, became increasingly hostile to Nicholas. Ultimately, intra-elite conflict brought about the abdication of the tsar, the end of the monarchy and opened the way to revolution from below.

Kulikov’s account of the fall of the dynasty is sure to be controversial and the author should expect sharp criticism from those who hold more traditional views. But whatever failings this book may possess, its impact will be a salutary one, forcing a significant reconsideration of one of the most important events of the century just passed. Kulikov calls on us to reexamine the nature of the tsarist bureaucratic elite, the character of the last tsar and a host of well-established truisms about the period of World War I and the outbreak of the revolution. Either by accident or by design, Kulikov’s focus on the role of intra-elite conflict in the downfall of the tsarist autocracy also provides intriguing parallels with the processes that brought down twentieth-century Russia’s second “old regime” seventy-five years after the end of the monarchy.

Richard Robbins
University of New Mexico
Albuquerque, NM USA

Маме

Общественный порядок, разрушаемый революцией, почти всегда лучше того, что непосредственно ей предшествовал, и, как показывает опыт, наиболее опасным и трудным для правительства является тот момент, когда оно приступает к преобразованиям. Только гений может спасти государя, предпринявшего попытку облегчить положение своих подданных после длительного угнетения. Зло, которое долго терпели как неизбежное, становится непереносимым от одной только мысли, что его можно избежать. И кажется, что устраняемые злоупотребления лишь еще сильнее подчеркивают оставшиеся и делают их еще более глупыми: зло действительно становится меньшим, но ощущается острее. Феодализм в самом своем расцвете никогда не вызывал у французов такой ненависти, как в канун своего падения. Самые незначительные проявления произвола при Людовике XVI казались более несносными, чем деспотизм Людовика XIV.

Алексис де Токвиль.

«Старый порядок и революция»

ВСТУПЛЕНИЕ

В центре внимания предлагаемого исследования — высшая царская бюрократия периода Первой мировой войны, точнее — роль высшей бюрократии в предыстории падения старого порядка. Поставленная проблема рассматривается сквозь призму элитистской парадигмы.¹ Поэтому в качестве эквивалента понятию «высшая бюрократия» далее будет использоваться понятие «бюрократическая элита».

Формально бюрократическую элиту составляли чиновники, занимавшие высшие должности, т.е. должности первых четырех классов (назначенные члены Государственного совета, министры, их товарищи (заместители), сенаторы, директора департаментов и т.д.). Наряду с функционально-значимыми чиновниками, бюрократическая элита включала в себя чиновников, без которых эффективная работа государственной машины была вполне возможна. Среди них — и члены консультативных органов (советов при министрах), и чиновники особых поручений 4 класса, и начальник придворной певческой капеллы, числившийся, по своей должности, также в 4 классе. Кроме того, помимо чиновников, находившихся на политических должностях, бюрократическую элиту составляли чиновники, занимавшие

технические должности. Главное внимание в этом исследовании будет уделяться чиновникам, которые не только имели высокое положение в иерархии власти, но и принимали последние решения, выражая политическую волю бюрократической элиты.

Важность изучения роли бюрократической элиты в предыстории и истории Февральской революции детерминируется тем, что до революции правящая элита России была, прежде всего, элитой бюрократической. «Россия, — писал последний царский министр финансов П.Л.Барк, — управлялась бюрократической машиной».²

Доминирование царской бюрократии над остальными факторами исторического процесса, с другой стороны — жесткая иерархичность государственной власти, характерная для дореволюционной России, приводили к тому, что бюрократическая элита в большей степени, чем какая-либо иная социальная прослойка, оказывала решающее влияние не только внутри сферы своей компетенции, но и далеко за ее пределами. Эта черта бюрократической элиты делала ее поистине квинтэссенцией старого порядка.

Ключевая роль бюрократической элиты в политической системе царской России предопределялась и тем, что сам император Николай II являлся ее членом, будучи высшим чиновником империи. «Император, — отмечал барон Б.Э.Нольде, — был высшим чиновником, дальше которого некуда было посылать бумаги на подпись и который с воспитанной традицией аккуратностью и точностью давал свою подпись и венчал, таким образом, бюрократическую иерархию».³

В России начала XX в. бюрократизация не только общества, но и верховного управления достигла такой степени, что роль интегрирующего фактора стала играть не царская власть или какой-либо иной элемент политической системы, а бюрократическая элита. Поэтому изучение именно ее более всего способствует пониманию причин и закономерностей падения старого и возникновения нового порядка.

Представленная мотивация делает необходимым анализ не только бюрократической элиты как таковой, но и ее отношений с основными подразделениями правящей элиты предреволюционного периода, т.е. с элитами придворной (царь и императорская фамилия), военной (Ставка верховного главнокомандующего), политической (Дума и Государственный совет) и общественной (Земский и Городской союзы и военно-промышленные комитеты). Но прежде всего — необходимо дать коллективный портрет главного персонажа этой книги, бюрократической элиты, тем более что ее историография, как отечественная,⁴ так и западная,⁵ обрывается на 1914 г. Что же представляли из себя категории бюрократической элиты к 23 февраля 1917 г., накануне Февральской революции? Сведения об этом содержатся в таблице 1 приложения. Суммируя их, важно отметить, что на личном составе бюрократической элиты отразился принцип разделения властей. Категории высшей столичной бюрократии взаимопроникали друг друга слабо. Категории высшей провинциальной бюрократии были вовсе изолированы друг от друга.

Чиновный ценз представителей бюрократической элиты соответствовал их должностному статусу. Подавляющее большинство сановников

имели высшие чины, т.е. чины первых четырех классов. Отношения всех категорий бюрократической элиты с императорским двором (за исключением дипломатов) не отличались особой прочностью.⁶ Степень милитаризованности всех категорий (кроме генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников) была низкой. Гражданская служба на вершине власти эмансипировалась как от придворной, так и от военной службы.

По своему происхождению большинство сановников принадлежали к потомственному дворянству. На уровне высшей столичной бюрократии недворяне образовывали одну шестую членов Государственного совета, две пятых министров и главноуправляющих, одну пятую сенаторов, треть товарищей министров и директоров департаментов.⁷ На уровне высшей провинциальной бюрократии недворяне составляли четверть генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, одну десятую вице-губернаторов,⁸ более трети председателей судебных палат и окружных судов. Недворяне доминировали только среди управляющих казенными палатами и акцизными сборами (две трети). Среди дипломатов они образовывали одну седьмую.⁹ Налицо как будто бы невысокая степень демократизованности, вернее — обуржуазивания, личного состава бюрократической элиты. Однако это только кажется.

Дворянская прослойка высшей бюрократии была крайне неоднородна, на что в историографии не обращалось должного внимания. Во-первых, данная прослойка включала в себя представителей старого, допетровского дворянства. Они составляли явное большинство только среди губернаторов, вице-губернаторов и дипломатов. Особую подгруппу образовывали титулованные дворяне, составлявшие внутри всех категорий меньшинство.

Дворянская прослойка включала в себя и представителей нового дворянства, т.е. потомков лиц, которые выслужили дворянское достоинство. Формально новые дворяне принадлежали к потомственному дворянству. Фактически они были представителями потомственного чиновничества и офицерства, разночинцами. Старые дворяне не считали их своими.¹⁰

Разночинцы образовывали треть членов Государственного совета (адмирал Е.И.Алексеев,¹¹ Л.В.Барсов,¹² А.К.Варженевский,¹³ С.Ф.Вебер,¹⁴ Л.А.Георгиевский,¹⁵ Н.Н.Герард,¹⁶ В.Ф.Дейтрих,¹⁷ А.Н.Деревицкий,¹⁸ Н.А.Зиновьев,¹⁹ И.С. и Н.С.Крашенинниковы,²⁰ С.М.Лукиянов,²¹ Н.А.Маклаков,²² Н.В.Плеве,²³ генерал А.Ф.Редигер,²⁴ В.К.Саблер,²⁵ А.С.Стишинский,²⁶ А.Ф.Трепов,²⁷ генералы П.Ф.Унтербергер²⁸ и А.А.Фрезе,²⁹ Г.Г.Чаплинский,³⁰ генерал Н.К.Шведов,³¹ В.К.Шлиппе,³² Б.В.Штюрмер,³³ адмирал А.А.Эбергард³⁴ и другие).

Среди министров новые дворяне составляли одну десятую (министр финансов П.Л.Барк³⁵ и морской министр адмирал И.К.Григорович³⁶), а среди сенаторов — почти треть (в том числе В.А.Бальц,³⁷ Ф.К.Баних,³⁸ А.В.Бельгард,³⁹ А.К.Бельгард,⁴⁰ В.А.Брюн-де-Сент-Ипполит,⁴¹ Ф.А.Вальтер,⁴² Д.А.Викторов,⁴³ К.Ф.Виноградов,⁴⁴ Н.И. и Э.И.Вуичи,⁴⁵ Я.Ф.Ганскау,⁴⁶ А.Н.Гедда,⁴⁷ Н.Н.Гирс,⁴⁸ И.Я.Голубев,⁴⁹ Л.С.Драверт,⁵⁰ А.А. и Д.А.Живковичи,⁵¹ Н.Н.Камышанский,⁵² М.К.Катеринич,⁵³ Н.Н. и Н.П.Лавриновские,⁵⁴ А.В.Лонгинов,⁵⁵ Д.Н.Любимов,⁵⁶ П.Г.Мокиевский,⁵⁷ Н.И.Ненарокомов,⁵⁸

Л.В.Позен,⁵⁹ Н.П.Посников,⁶⁰ А.Н.Рождественский,⁶¹ А.Н.Силин,⁶² С.Я.Утин,⁶³ В.Э. и Э.В.Фриши,⁶⁴ Р.Г.Шлейфер⁶⁵).

Среди представителей высшей ведомственной бюрократии новые дворяне образовывали одну пятую (помощник военного министра Н.П.Гарин,⁶⁶ начальник главного тюремного управления Министерства юстиции П.К.Гран,⁶⁷ заведующий придворной конюшенной частью генерал А.А.Гринвальд,⁶⁸ директор департамента общих дел Министерства народного просвещения А.П.Даев,⁶⁹ товарищ главноуправляющего канцелярией по учреждениям императрицы Марии В.К.Кистер,⁷⁰ начальник управления по сооружению железных дорог МПС А.В.Ливеровский,⁷¹ главный врачебный инспектор МВД А.Н.Молодовский,⁷² товарищ министра иностранных дел А.А.Нератов,⁷³ директор департамента общих дел МВД Е.Г.Шинкевич⁷⁴ и товарищ главноуправляющего канцелярией по принятию прошений на высочайшее имя М.Н.Юст⁷⁵ и другие).

Среди генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников новые дворяне составляли треть (в том числе генерал Ф.А.Зейн,⁷⁶ А.И.Келеповский,⁷⁷ В.В.Лигин,⁷⁸ А.И.Пилыц⁷⁹ и генерал Ф.Ф.Трепов⁸⁰), среди вице-губернаторов — одну пятую, управляющих казенными палатами и акцизными сборами — одну десятую, председателей судебных палат и окружных судов — четверть и дипломатов — одну десятую.

Неоднородной была не только дворянская прослойка, но и входившая в нее подгруппа старых дворян, которую образовывали помещики и безземельные сановники. Безземельные старые дворяне составляли одну пятую членов Государственного совета, треть министров, четверть сенаторов и представителей высшей министерской бюрократии, четверть генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, две пятых вице-губернаторов, около четверти управляющих казенными палатами и акцизными сборами, одну пятую председателей судебных палат и окружных судов и две пятых дипломатов.

Безземельные старые дворяне принадлежали к интеллигенции с точки зрения не только помещиков и консерваторов, но и оппозиционеров.⁸¹ Новые дворяне и безземельные старые дворяне по своему социальному статусу были ближе к недворянам, а не к старым дворянам, обладавшим землей. Поэтому первых трех целесообразно соединить в одну прослойку. Недворяне, новые дворяне и безземельные старые дворяне среди всех категорий бюрократической элиты в совокупности составляли подавляющее большинство. Следовательно, степень обуржуазивания, демократизированности бюрократической элиты на самом деле была весьма высокой.

Почти все сановники исповедовали православие. Тем не менее доля инославных (главным образом — лютеран) доходила до одной седьмой (сенаторы). Учитывая, что в годы мировой войны политическую актуальность обрела борьба с «немецким засильем», сохранение на вершине власти заметной прослойки лютеран, т.е. немцев, говорит о толерантности бюрократической элиты.⁸²

Средний возраст членов Государственного совета равнялся 64 годам, министров и главноуправляющих — 56, сенаторов — 62, товарищей министров и директоров департаментов — 53 годам, генерал-губернаторов,

губернаторов и градоначальников — 51,3 года, вице-губернаторов — 43 годам, управляющих казенными палатами и акцизными сборами — 55,7, председателей судебных палат и окружных судов — 54,7 года и послов и посланников — 55 годам. Очевидно, война не нарушила функционирования механизма гражданской службы, поскольку и накануне революции получению высокой должности предшествовало прохождение нижестоящих ступеней, на что уходила значительная часть жизни.

Подавляющее большинство сановников являлись выпускниками вузов, среди которых лидировали выпускники университетов. Четверть от общего числа представителей высшей столичной бюрократии были выпускниками Санкт-Петербургского университета, а более одной шестой — выпускниками его юридического факультета.⁸³

Образовательный ценз бюрократической элиты отличался высоким уровнем даже по сравнению с остальными группами образованного класса. Современники, вхожие как в бюрократические, так и в интеллигентские круги, а значит — имевшие возможность для компетентного сравнения потенциала тех и других, отдавали пальму первенства бюрократической элите.⁸⁴ В отношении профиля образования юристы преобладали над остальными гуманитариями, а гуманитарии над естественниками и технократами. К 1917 г. российская монархия стала формой политического господства гуманитарной научной субкультуры.⁸⁵

Внутри всех категорий бюрократической элиты землевладельцы составляли меньшинство, за ними шли домо- и заводовладельцы. Среди землевладельцев доминировали мелко- и среднепоместные сановники. Владельцы крупных поместий были крайне немногочисленны. Владельцы родовых имений преобладали над владельцами приобретенных.

Большинство сановников почти всех категорий (кроме генерал-губернаторов) не обладали недвижимой собственностью. Для них основным источником существования было жалованье. Следовательно, к 1917 г. Россией правили не помещики, а бюрократы-профессионалы. В результате эволюции бюрократической элиты, с точки зрения социально-значимых показателей (сословное происхождение, образовательный уровень и имущественное положение), она стала частью «служилой интеллигенции», которая пребывала в составе российской интеллигенции и ранее вмещала в себя только среднее и низшее чиновничество.⁸⁶

Традиционно считается, что интеллигенция противостояла самодержавию, а значит — бюрократической элите. Однако это мнение грешит политизированностью. «Интеллигенцию, — писал ее наиболее типичный представитель, — объединяют интересы умственные, образование, специальные знания, занятие наукой, литературой, искусством, все то, что носит название свободной профессии. Интеллигенция поглощает бесконечное разнообразие всевозможных мнений, направлений, интересов и социальных положений».⁸⁷ Согласно этому, деполитизированному, определению, сановники, как носители специальных, управленческих знаний, являлись интеллигентами. С интеллигенцией бюрократическую элиту идентифицировали совершенно разные наблюдатели, в том числе и сами сановники.⁸⁸

Взаимопроникновение бюрократической элиты и интеллигенции было вполне естественно. В системе российской государственности начала XX в., при аморфности социальных страт и слабости связей между ними, царский режим являлся едва ли не единственной несущей конструкцией, а потому нуждался в компенсировании своего функционального одиночества принципом не количества, а качества. «Никакому другому правительству, — подразумевая царское правительство, подчеркивал французский посол Ж.М.Палеолог в 1916 г., — не нужны в такой степени интеллигентность, честность, мудрость, дух порядка, предвидение, талант».⁸⁹

Бюрократическая элита была весьма специфической частью интеллигенции, частью, резко выделявшейся четким отождествлением общего блага и государственного интереса. В совмещении этих идеалов сановники не видели никакого противоречия.⁹⁰

Накануне революции благодаря принадлежности к интеллигенции бюрократическая элита обеспечивала политическое доминирование интеллигенции. Согласно плану, составленному в июне 1916 г. графом А.А.Бобринским, И.Я.Гурляндом и Б.В.Штюмером, вершителями судеб тогдашнего правительственного курса, в будущей V Думе было предусмотрено предоставить 50 мест — инородцам, 70 — представителям банков и торгово-промышленных кругов, по 80 — крестьянам и священникам и целых 200 — именно «интеллигенции».⁹¹

Вхождение бюрократической элиты в интеллигенцию усилило политическую неоднородность бюрократической элиты, что заставляет обратить особое внимание на проблему правительственного либерализма. Дух охранительства был сутью правительственного либерализма, консервативного уже по своему определению.⁹² Поэтому он обыкновенно расценивается как менее полноценный, чем общественный либерализм.⁹³ Его типичными представителями традиционно считаются члены кадетской партии. Между тем, по признанию самих же кадетов, они являлись не либералами, а радикалами. Более того, по сравнению со своими европейскими аналогами кадеты, опять таки — по их собственному признанию, были самыми левыми.⁹⁴

Радикализм кадетов обусловил неприятие ими консервативно-либеральных Основных государственных законов 1906 г. Основные законы, став первой действующей конституцией России, оформили создание дуалистической монархии, при которой наблюдается ограничение власти монарха только в законодательстве. В начале XX в. под «конституцией» русская радикальная интеллигенция подразумевала «парламентаризм»,⁹⁵ т.е. народовластие, ограничение власти главы государства не только в законодательстве, но и в управлении, прежде всего — при назначении и увольнении министров (парламентаризм в узком смысле этого слова).

Поскольку Основные законы формально такого ограничения не установили, кадеты не считали их настоящей конституцией. Однако, по мнению последнего царского министра торговли и промышленности князя В.Н.Шаховского, соглашавшегося, в данном случае, с кадетом В.А.Маклаковым, статьи 4, 7, 9, 84 и 86 Основных законов «означают точно и ясно ограничение власти монарха и тем самым составляют несомненную конститу-

цию. Другого толкования быть не могло, и оно никогда сомнения не вызывало».⁹⁶ Сохранявшееся до самой Февральской революции негативное отношение кадетской партии к Основным законам не позволяет рассматривать ее членов как ортодоксальных либералов. Если они и принадлежали к либерализму, то только в качестве представителей «нового», буржуазного либерализма, стремившегося к синтезу ряда положений «старого», «дворянского либерализма» и социализма.

Другая представительница общественного либерализма, партия октябристов, также не отличалась ортодоксальной либеральностью. По вопросу о народовластии левые октябристы примыкали к кадетской партии. На проходившем 25—29 апреля 1906 г. совещании ЦК «Союза 17 октября» при баллотировке резолюции о введении парламентаризма голоса разделились поровну.⁹⁷ Таким образом, водораздел между «новым» и «старым либерализмом» проходил по октябризму.

В отличие от общественного либерализма, правительственный либерализм являлся цитаделью «старого либерализма», идеалы которого разделяли широкие круги бюрократической элиты. Работы апостола «старого либерализма» Б.Н.Чичерина пользовались у сановников огромной популярностью.⁹⁸ Политическая философия Б.Н.Чичерина была родственна коллективному сознанию бюрократической элиты своим антисоциалистическим пафосом. Он отличал и взгляды сановников, обвинявших адептов социализма в том, что те, «в погоне за осуществлением личного равенства, забыли о свободе».⁹⁹

Столь же непопулярной, как и социалистическая идеология, была среди представителей бюрократической элиты и консервативная идеология, выражавшаяся лидерами крайне правых, черносотенцев.¹⁰⁰ Казалось бы, и сановников, и черносотенцев объединяло то, что они защищали идеалы «православия, самодержавия и народности». Но к началу XX в. семантика пресловутой триады была весьма растяжимой. В 1907 г. октябрист граф Д.А.Олсуфьев резонно заметил, что «в эти слова можно вложить самое неопределенное понятие».¹⁰¹

Представители черносотенного движения и бюрократической элиты шли в разные стороны, поскольку последние, в отличие от первых, характеризовались высочайшей степенью вестернизированности. В начале XX в. круги высшей бюрократии являлись «наиболее европейскими из всего, что было тогда в России».¹⁰²

Вестернизированность бюрократической элиты предопределила приверженность ее представителей тезису об отсутствии непреодолимого противоречия между либеральным идеалом и старым порядком. С.Е.Крыжановский, автор основных реформаторских актов начала XX в., считал, что «правовой строй» «вполне совместим с самодержавием».¹⁰³

Противоречивший либерализму антисемитизм черносотенцев большинству сановников попросту претил. П.Л.Барк, отмечая, что «в кругах бюрократии» он «не видел неприязненного отношения» к евреям, писал: «Конечно, были единичные лица, не питавшие к ним симпатии, но общего враждебного чувства не было».¹⁰⁴ Открытые сторонники черносотенцев на верхах иерархии власти составляли исключения. К 1917 г.

среди 139 членов Государственного совета по назначению и 313 сенаторов членами Главных советов марковского и дубровинского Союзов русского народа были, соответственно, только два сановника — А.А.Римский-Корсаков и А.И.Соболевский.

Широкого сочувствия крайне правым со стороны сановников не замечали сами черносотенцы.¹⁰⁵ Низкую степень сочувствия бюрократической элиты черносотенному движению доказывал и небольшие суммы казенных субсидий, отпускавшихся его лидерам. Отпуск этих субсидий говорил не о тождественности взглядов сановников и черносотенцев, а об ее отсутствии. Считая взгляды крайне правых неприемлемыми, представители бюрократической элиты хотели добиться при помощи подкупа эволюции лидеров черносотенного движения в сторону умеренности. Когда этого не происходило, субсидии прекращались.¹⁰⁶

Бюрократов и черносотенцев объединял общий враг — революция, но разделяли совершенно разные стратегические цели. «Седалище современной реакции, — справедливо подчеркивал П.Б.Струве в начале 1914 г., — находится вне бюрократии».¹⁰⁷

После революции 1905—1907 гг. царское правительство свернуло деятельность черносотенцев до минимума. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства констатировала, что период после 1907 г. — это «время постепенного упадка» крайне правых партий, когда правительство «только терпит их, помня о деятельности их в годы революции».¹⁰⁸

Дистанцирование бюрократической элиты от черносотенцев и кадетов обеспечило центральное место правительственного либерализма в общеимперском политическом спектре 1906—1917 гг. Это место признавали за правительственным либерализмом и его представители, и лидеры оппозиции.¹⁰⁹

Вопреки традиционному взгляду, согласно которому общественное движение в последние годы старого порядка левело по причине правления власти, она пребывала в центре. Левение общественного движения обуславливалось его собственной внутренней неустойчивостью, а не правлением власти. Полевевшим общественным деятелям сановники, оставшиеся в центре, казались ортодоксальными консерваторами, что хорошо видно на примере А.А.Нарышкина, сенатора и лидера правой группы Государственного совета и Объединенного дворянства. В 1880—1890-е гг. он «имел репутацию либерала». В 1905 г. А.А.Нарышкин был «правых убеждений, но вовсе не ретроградных». После революции он, «нисколько не меняя» своих либеральных убеждений, приобрел репутацию столпа реакции.¹¹⁰ Подобная метаморфоза связана с тем, что во время революции политический спектр передвинулся влево, в результате чего центр оказался справа. Но это не означало того, что находившиеся в центре консервативные либералы стали ортодоксальными консерваторами.

Доминирование внутри бюрократической элиты не черносотенцев, а либералов конфликт между ними делало менее значимым, чем конфликт между двумя течениями правительственного либерализма. Критерием различия этих течений необходимо признать отношение их представителей к двум формам ограничения власти монарха, ключевого элемен-

та думской монархии. Тех бюрократов, которые принадлежали к левому, радикальному, крылу правительственного либерализма и, безотносительно к мотивации проводившейся ими точки зрения, выступали за введение парламентаризма, целесообразно именовать *парламентаристами*.¹¹¹ Политические взгляды парламентаристов соотносятся с идеологическими установками кадетов, прогрессистов и левых октябристов, являвшихся поклонниками «нового», «буржуазного либерализма».

Трактуя Основные законы расширительно, парламентаристы не просто признавали факт ограничения самодержавия этими законами, что имело место, по их букве и духу, только в законодательстве, но и видели в них акт, ограничивший власть императора и в управлении. Организация власти, предусмотренная Основными законами, подчеркивал министр иностранных дел А.П.Извольский, «давала России полную конституционную систему, которая, несмотря на некоторые недостатки, являлась, тем не менее, решительным шагом вперед».¹¹²

Противоречие между мнением об ограничении царской власти и применением по отношению к ней прилагательного «самодержавная» парламентаристы разрешали весьма просто. Они трактовали это прилагательное как титул, не имеющий никакого материального наполнения. По мнению автора одного из проектов Основных законов, директора Александровского лицея А.П.Саломона, прилагательное «самодержавная» указывало «скорее на источник верховной власти, чем на образ действия ее».¹¹³ Подтверждение тому, что это прилагательное не связано с неограниченностью явления, которое оно характеризовало, парламентаристы находили в российской истории допетровского периода. Поскольку тогда, считали парламентаристы, самодержавная власть «ограничения не избегала», то после 17 октября 1905 г. власть эта, «поставив себе новые пределы, права называться самодержавной не теряет».¹¹⁴

Всего лишь титул парламентаристы видели и в слове «самодержец». Обосновывая нежелательность его устранения из действовавшего законодательства, А.П.Саломон подчеркивал, что это слово должно быть сохранено как «неотъемлемая принадлежность императорского титула».¹¹⁵

Понятие «самодержавие» парламентаристы трактовали двояко. С одной стороны — как суверенитет, «независимость государя и государства», а с другой — как «самостоятельность монарха, властвующего по собственному праву, унаследованному от предков, и олицетворяющего идею верховной власти в стране».¹¹⁶ Данная точка зрения юридической неограниченности за самодержавием не признавала однозначно.

Другое мнение о самодержавии имели *дуалисты*,¹¹⁷ т.е. те сановники, которые, составляя правое, консервативное, крыло правительственного либерализма, защищали принципы конституционно-дуалистической системы. Политические взгляды дуалистов соотносимы с идеологическими установками правых октябристов, националистов и умеренно-правых, являвшихся наследниками «старого», «дворянского либерализма».

В отличие от парламентаристов, дуалисты понимали под реформированным «самодержавием» неограниченность императорской власти, но не вообще, а *только* в управлении, признавая, тем самым, ограничение

ее в законодательстве. В апреле 1906 г., характеризуя компетенцию народного представительства, член Государственного совета граф К.И. Пален заявил: «Надо надеяться, что с учреждением Думы министры не будут назначаться и увольняться по желанию ее большинства. Ведь его величество король датский 30 лет держал министерство, находившееся в оппозиции с парламентом. То же самое было и в Пруссии. Я надеюсь, что у нас никогда не будет того, что делается во Франции».¹¹⁸ К.И. Пален, выступая против парламентаризма, проводил начало конституционно-дуалистической системы, при которой власть главы государства не ограничена палатами в управлении.

Четкое отождествление строя, созданного в 1906 г., с конституционно-дуалистической системой было характерно для наиболее видных сановников. Основные законы, подчеркивал граф С.Ю. Витте, «установили конституцию, но конституцию консервативную и без парламентаризма».¹¹⁹

Дуалисты признавали права Думы только в законодательстве. Выступая против распространения ее компетенции и на управление, они полагали, что Основные законы «провели определенную грань между сферой применения власти законодательной и власти исполнительной, и грань эту надлежит строго соблюдать», поскольку «представители исполнительной власти ни в каком отношении не подчинены законодательным учреждениям».¹²⁰

Следовательно, дуалисты были горячими сторонниками основополагающего принципа классического либерализма, принципа разделения властей. В нем и заключался корень их разногласий с парламентаристами.

В исторической перспективе расхождение между дуалистами и парламентаристами базировалось на выявившемся еще в XVIII в., в концепциях Ш.Л. Монтескье и Ж.Ж. Руссо, различном понимании роли народного представительства в государственной жизни. Если первый полагал, что общая воля выражается совокупностью высших органов (в том числе и монархом), то второй выразителя общей воли видел только в народном представительстве. Однако, при воплощении концепции Ж.Ж. Руссо, «сам принцип разделения власти, — по мнению В.В. Леонтовича, — теряет почти все свое значение», поэтому руссоистская концепция — «радикальная, полностью противоречащая либерализму».¹²¹

Таким образом, правительственный либерализм начала XX в., дуалистический по своей сути, был более либеральным, чем общественный либерализм.

Наблюдающееся в настоящее время не только в исторической науке, но и в российской политике возрождение интереса к либерализму придает особую актуальность изучению предреволюционной бюрократической элиты. Необходимость этого предопределяет и ситуация, сложившаяся в научной историографии. Действительно, специальные работы, посвященные бюрократической элите периода Первой мировой войны, на сегодняшний день отсутствуют. Однако в историографии существуют исследования, посвященные отдельным аспектам этой темы. Первые попытки их рассмотрения были предприняты сразу после падения монархии и свя-

заны с именами В.Н. Сторожева, А.А. Блока, С.С. Петропавловского, В.П. Семенникова, Е.И. Мартынова и П.Е. Щеголева.¹²²

Перечисленные авторы рассматривали состояние власти накануне и в дни Февральской революции. Весьма скоро традиция изучения этой темы в отечественной историографии пресеклась, поскольку советские историки концентрировали свое внимание на изучении горизонтальных противоречий, пронизавших общество («классовых противоречий»).

Эмигрантские историки, рассматривая историю русской революции, главное внимание уделяли горизонтальным противоречиям, которые пролегли между властью и обществом. На анализе этих противоречий базировалась концепция предистории революции, созданная лидером кадетов П.Н. Милюковым.¹²³ Ее существенным недостатком является политизированность, обусловившая преувеличение выдающимся историком консервативности бюрократии. Влияние концепции П.Н. Милюкова породило недооценку позднейшими исследователями роли правительственного либерализма в 1914—1917 гг.

С.П. Мельгунов и В.А. Маклаков,¹²⁴ а также С.С. Ольденбург,¹²⁵ несмотря на разность их воззрений (до 1917 г. первый из них являлся народным социалистом, второй — правым кадетом, а третий — умеренным октябристом), разработали концепции предистории революции, которые объединяются большей объективностью. Следы влияния перечисленных авторов видны в исследовании Г.М. Каткова, появившемся в 1967 г.¹²⁶

Большой популярностью на Западе пользовалась концепция П.Н. Милюкова, что видно на примере книг М.Т. Флоринского и Б. Пэйрса.¹²⁷ Западные историки 1950—1960-х гг. не вышли за рамки трактовок, данных Б. Пэйрсом.¹²⁸ Исключение из общего правила составили статьи Л. Хейсона,¹²⁹ важные для понимания социально-политического фона, в контексте которого протекал конфликт между либеральной оппозицией и царским правительством.

Первым советским историком, обратившимся к изучению горизонтальных противоречий между обществом и властью, применительно к предистории Февральской революции, стал Е.Д. Черменский. Еще в 1947 г. он защитил по этой теме докторскую диссертацию, положенную в основу статей и монографий.¹³⁰

Работы Е.Д. Черменского — исключение из правил. Изучение советскими историками горизонтальных противоречий, разделявших общество и власть накануне падения царизма, первоначально было возможно в рамках не собственно политической, а лишь экономической истории. Подтверждением этому являются исследования И.В. Маевского, К.Н. Тарновского и А.Л. Сидорова.¹³¹ Однако уже Р.Ш. Ганелин, помимо экономических аспектов истории России 1914—1917 гг., в ряде статей и монографий рассмотрел также внутри- и внешнеполитические аспекты данной проблемы.¹³²

Вслед за Р.Ш. Ганелиным В.С. Дякин предпринял попытку комплексного анализа сложившихся в годы войны взаимоотношений буржуазии и царизма.¹³³

К исследованию В.С. Дякина тематически примыкают исследования В.Я. Лаврычева.¹³⁴ Беспрецедентно широкая для советской историогра-

фии картина предыстории Февральской революции была дана Э.Н.Бурджаловым.¹³⁵ Работой, которая заняла место в этом же историографическом ряду, стала монография А.Г.Слонимского.¹³⁶

Дальнейшему изучению предреволюционной политики царского правительства способствовали книги и статьи Г.З.Иоффе.¹³⁷ Другим историком, обратившимся в 1970-е гг. к изучению конфликта между самодержавием и общественностью, явился В.И.Старцев.¹³⁸ Внутриполитические аспекты внешней политики России периода Первой мировой войны затронул В.А.Емец.¹³⁹

Если обратиться к зарубежной, и прежде всего — англоязычной, историографии 1970-х гг., то там наиболее важными, с точки зрения предыстории Февральской революции, стали исследования У.Розенберга, Н.Стоуна, Ц.Хасегавы, Р.Пирсона и Х.Солсбери.¹⁴⁰

В 1980-е гг. внимание исследователей постепенно переключается с изучения противоречий между властью и обществом на изучение противоречий внутри власти. Символ этой переориентации — вышедшая в 1984 г. коллективная монография, освещающая состояние самодержавия в царствование Николая II. Соответствующая глава монографии была написана В.С.Дякиным.¹⁴¹

Насколько изучение наблюдавшихся накануне революции противоречий внутри власти стало актуальным, видно из того, что этой темой, параллельно с В.С.Дякиным, заинтересовался его оппонент — А.А.Аврех.¹⁴² Особенностью работ последнего является то, что в них полностью реанимированы некоторые стереотипы эмигрантской историографии. Вместе с тем А.А.Авреху принадлежит сохраняющий свое значение вывод о том, что именно в годы войны произошло рассогласование связей между императором и его министрами.¹⁴³

Помимо политической истории России периода мировой войны, в 1980-е гг. советские исследователи продолжали изучение внешней политики данного периода, и в частности — ее внутриполитических аспектов, рассмотренных В.С.Васюковым и И.В.Алексеевой.¹⁴⁴ Те же самые аспекты, но только применительно к экономической истории, осветила Т.М.Китанина.¹⁴⁵

В центре внимания монографии М.Ф.Флоринского — функционирование в годы войны царского правительства.¹⁴⁶ Отношение к его политике со стороны лидеров оппозиции проанализировала Н.Г.Думова.¹⁴⁷ Реакцию представителей старого порядка на приближение революции рассмотрели Р.Ш.Ганелин и В.А.Уланов.¹⁴⁸

В 1980-е гг. изучение состояния власти накануне падения монархии, в связи с историей политической культуры России, продолжалось и западными исследователями, в частности — Д.Ливеном¹⁴⁹ и М.Хильдермайером.¹⁵⁰

Важные выводы о природе предреволюционной власти сделаны в работе Р.Пайпса, вышедшей в 1990 г. и отличающейся тягой автора к историческим обобщениям.¹⁵¹

Вообще, 1990-е гг. отмечены интересом исследователей к общей проблематике, что показал научный colloquium «Реформы или революция? Россия 1861–1917». Представленный на этом colloquium доклад Б.В.Ананьича и Р.Ш.Ганелина был посвящен типологии процессов, наблюдавшихся во власти в годы Первой русской и накануне Февральской революций.¹⁵²

Доклад А.В.Островского, сделанный им в 1994 г. на конференции по истории элиты российского общества, также полон широкими обобщениями. Крайне интересными представляются предположения А.В.Островского об обусловленности деятельности оппозиции состоянием верхов.¹⁵³

Итоги деятельности отечественных историков, занимающихся изучением противоречий, пролежавших не только между властью и обществом, но и внутри власти, подведены в коллективной монографии «Власть и реформы». Глава, посвященная периоду войны, была написана В.С.Дякиным.¹⁵⁴

Кроме появления большого числа работ по общей тематике, 1990-е гг. отмечены возрождением исследовательского интереса к Первой мировой войне,¹⁵⁵ причем не только к ее военным, но и к социально-политическим аспектам. Доказательством этого стал состоявшийся в 1998 г. научный colloquium «Россия и Первая мировая война».¹⁵⁶

Из недавних работ, посвященных состоянию власти в России периода мировой войны, необходимо назвать статьи Р.Ш.Ганелина¹⁵⁷ и М.Ф.Флоринского,¹⁵⁸ а также статьи, написанные ими совместно.¹⁵⁹ Помимо них, отдельные стороны состояния власти накануне Февральской революции в последние годы успешно изучали С.Г.Беляев,¹⁶⁰ А.П.Бородин,¹⁶¹ А.Н.Боханов,¹⁶² Б.М.Витенберг,¹⁶³ Ф.А.Гайда,¹⁶⁴ А.А.Искендеров,¹⁶⁵ Б.И.Колоницкий,¹⁶⁶ И.В.Лукоянов,¹⁶⁷ К.Мацузато,¹⁶⁸ У.Розенберг,¹⁶⁹ С.Л.Фирсов,¹⁷⁰ Л.Хеймсон,¹⁷¹ В.М.Шевырин¹⁷² и другие историки. Некоторые аспекты заявленной темы затронуты также в кандидатской диссертации,¹⁷³ статьях¹⁷⁴ и публикациях¹⁷⁵ автора этой книги.

Наметившаяся в 1980-е гг. переориентация интереса историков с изучения горизонтальных противоречий внутри общества и между властью и обществом на изучение вертикальных противоречий внутри власти имеет огромное методологическое значение. Ведь именно эта переориентация создала предпосылки для освобождения исследовательского сознания от стереотипов, довлевших над ним в течение предыдущих десятилетий.

Невнимание к вертикальным противоречиям создало абсурдную историографическую ситуацию, когда значение политической борьбы, которая происходила внутри бюрократической элиты накануне Февральской революции, либо преуменьшается, либо игнорируется. В результате адекватное представление о причинах и закономерностях падения старого и возникновения нового порядка становится невозможным. Эта книга есть не что иное, как посильный вклад в изменение подобной ситуации.

Конечно, изучение горизонтальных противоречий внутри общества и между обществом и властью не потеряло своей актуальности до сих пор. Однако теперь оно становится исчерпывающим только тогда, когда не подменяет собой рассмотрения вертикальных противоречий внутри власти. Большой популярностью пользуется сейчас микроистория. Но в ее рамках анализируются только нижестоящие уровни исторической реальности. Между тем микроисторический синтез необходим едва ли не более тогда, когда рассматриваются вышестоящие уровни, в том числе — бюрократическая элита. Сквозь призму такого подхода были проработаны исторические источники, положенные в основу этого исследования.¹⁷⁶

Заканчивая вступление, автор находит непременно долгим выразить искреннюю благодарность С.М.Ляндресу, подтолкнувшему автора к написанию настоящей книги, и Д.Вульф, Р.Роббинсу, А.В.Смолину и П.А.Трибунскому, прочитавшим рукопись книги и сделавшим ценные замечания. В целесообразности некоторых своих идей автор убедился во время заседаний основанного С.М.Ляндресом в 1998 г. семинара по истории Временного правительства. В частности, в статье сборника «Россия в XIX–XX вв.», посвященного 70-летию Р.Ш.Ганелина и опубликованного в мае 1998 г., автор доказывал идею о тождественности лозунгов «министерства доверия» и «ответственного министерства». Однако ту же самую идею на майском заседании семинара отстаивал С.М.Ляндрес, пришедший к ней самостоятельно.

В ходе написания книги большое значение имело для автора общение с Р.Ш.Ганелиным, Б.Б.Дубенцовым, А.Н.Цамутали и другими коллегами по Санкт-Петербургскому Институту истории РАН (среди них — Б.В.Ананьич, Т.В.Андреева, С.Г.Беляев, Л.А.Булгакова, В.Г.Вовина, Б.Ф.Егоров, Б.С.Каганович, Б.И.Колоницкий, В.В.Лапин, С.К.Лебедев, И.В.Лукоянов, Б.Н.Миронов, В.А.Нардова, Е.А.Правилова, М.М.Сафонов, Н.Н.Смирнов, В.Г.Чернуха, В.Ю.Черняев), а также с членами Исторического общества при Европейском университете в Санкт-Петербурге и сотрудниками этого университета. Хочется поблагодарить и сотрудников библиотек и архивов (прежде всего — С.И.Варехову, Б.М.Витенберга и Б.Д.Гальперину). Теплую признательность автор испытывает по отношению к А.В. и Е.С.Павловым, Кате Павловой и К.И.Тимоховой, помогавшим ему при подготовке рукописи к печати.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основоположниками элитизма считаются итальянские социологи конца XIX — начала XX вв. Г.Моска и В.Парето. Их работы см.: *Mosca G. The Ruling Class*. N. Y., 1939; *Pareto V. The Rise and Fall of the Elites: The Application of Theoretical Sociology*. N. Y., 1968. Об истории и теории элитизма см.: Ашин Г.К., Игнатов В.Г., Понделков А.В., Старостин А.М. Основы политической элитологии. М., 1999; *Eldersveld S.J. Political Elites in Modern Societies: Empirical Research and Democratic Theory*. Ann Arbor, 1993. См. также: *Киселев И.Ю. Политическая элита: ее сущность и психология* (по материалам исследований американских ученых). Ярославль, 1995.

² Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.173. С.103.

³ Нольде Б.Э. Из истории русской катастрофы // СЗ. 1927. Т.30. С.542.

⁴ См. список литературы.

⁵ То же.

⁶ Об императорском дворе см.: Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // ИГВ. 1999. Вып.11; *он же*. «Необычайно презрительное отношение к самой промышленности и торговле». Придворные и предприниматели в начале XX в. // История глазами историков. СПб.—Пушкин, 2002; *он же*. Придворный штат и частное предпринимательство в начале XX в. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. СПб., 2003.

⁷ Среди членов Государственного совета по назначению не принадлежали к потомственному дворянству генерал М.М.Бородкин (сын штабс-капитана), В.И.Герье (из иностранцев), П.Н.Думитрашко (сын протоиерея), Н.А.Зверев (из мещан), генерал Н.И.Иванов (сын штабс-капитана), П.П.Кобылинский (сын статского советника), А.Ф.Кони (сын коллежского советника), А.В.Кривошеин (сын подполковника), А.А.Макаров (из купцов), С.С.Манухин (сын личного дворянина), К.С.Немешаев (сын коллежского секретаря), А.П.Никольский (сын священника), А.Н.Разумовский (из мещан), генерал Н.В.Рузский (сын чиновника), С.В.Рухлов (сын губернского секретаря), А.И.Соболевский (сын чиновника), Н.С.Таганцев (из купцов), генерал Д.С.Шуваев и Б.М.Якуничков (оба — из потомственных почетных граждан). Среди министров и главноуправляющих недворянами были: генерал М.А.Беляев (сын генерал-лейтенанта), С.Е.Крыжановский (сын бакалавра), Н.К.Кульчицкий (из обер-офицерских детей), В.И.Мамантов (сын тайного советника),

генерал В.И.Марков (из купцов), Н.Н.Покровский (сын действительного статского советника), Н.П.Раев (из духовного звания) и Г.Е.Рейн (сын унтер-офицера). Из числа товарищей министров и начальников министерских подразделений недворянами, в частности, были: А.Т.Васильев (сын чиновника), А.А.Евтифеев (сын губернского секретаря), Н.П.Ланговой (из купцов), Г.В.Левицкий (из обер-офицерских детей), Р.М.Ловягин (из солдатских детей), генерал А.А.Маниковский (сын надворного советника), В.В.Прилежаев (из духовного звания), В.И.Разумовский (из духовного звания), адмирал А.И.Русин (из духовного звания), В.Т.Шевяков (из мещан) и многие другие (Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // ИГВ. 1995. Вып.5. С. 4,7,11,13–14).

⁸ Там же С.15,17.

⁹ Там же. С.20.

¹⁰ Доклад на съезде соединенной комиссии представителей правых партий в г. Киеве по вопросу о желательных изменениях в законах о выборах в Государственную думу и в Положении об учреждении Государственной думы // Правые партии. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1998. Т.1. С.230; Журналы заседаний Первого съезда уполномоченных дворянских обществ // Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. М., 2001. Т.1. 1906—1908 гг. С.49.

¹¹ Федорченко В.И. Императорский дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий. В 2-х т. Красноярск, 2000. Т.1. С.37.

¹² РГИА. Ф.1343. Оп.17. Ч.1. Д.1211. Л.1.

¹³ Там же. Оп.18. Д.340. Л.45,48 об.,50,62–63.

¹⁴ Куликов С.В. Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии: коллизия между конфессиональной и национальной идентичностями в начале XX в. // Немцы в государственности России. СПб., 2004. С.61.

¹⁵ РГИА. Ф.1343. Оп.19. Ч.1. Д.1266. Л.3 об.,12.

¹⁶ Куликов С.В. Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГИА. Ф.1343. Оп.20. Ч.1. Д.1323. Л.11.

¹⁹ Федорченко В.И. Указ. соч. С.482.

²⁰ РГИА. Ф.1343. Оп.23. Ч.3. Д.8724. Л.18.

²¹ Бурыйшин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С.204; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802—1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С.386.

²² РГИА. Ф.1343. Оп.25. Ч.1. Д.477. Л.22.

²³ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // ВИ. 1997. № 2—3. С.130; Куликов С.В. Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917) // ИГВ. 1997. Вып.9. С.10.

²⁷ Губастов К.А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов. СПб., 1908; Куликов С.В. Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ РГИА. Ф.1343. Оп.32. Д.793. Л.25,29.

³¹ РГИА. Ф.1343. Оп.33. Д.710. Л.4,56–56 об.

³² Куликов С.В. Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

³³ Симанович А.С. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 1991. С.93; Шилов Д.Н. Указ. соч. С.757; Куликов С.В. Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Бобринский А.А. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. В 2-х ч. СПб., 1890. Ч.1. С.587.

³⁷ Куликов С.В. Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

³⁸ Там же.

³⁹ РГИА. Ф.1343. Оп.17. Ч.1. Д.2603. Л.4 об.,19.

⁴⁰ Там же. Д.2604. Л.2 об.,22.

⁴¹ Там же. Ч.2. Д.6415. Л.6–7,11.

⁴² Бобринский А.А. Указ. соч. Ч.2. С.754.

⁴³ РГИА. Ф.1343. Оп.18. Ч.2. Д.2177. Л.12,15.

⁴⁴ Там же. Д.2415. Л.1 6,3 об.,6 об.,7.

⁴⁵ Бобринский А.А. Указ. соч. Ч.2. С.610.

⁴⁶ Куликов С.В. Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

⁴⁷ Там же.

- ⁴⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Ч. 1. Д. 1795. Л. 26, 38.
- ⁴⁹ Там же. Д. 2839. Л. 3 об., 44 об.
- ⁵⁰ Там же. Оп. 35. Ч. 2. Д. 7868. Л. 32–32 об.
- ⁵¹ Там же. Оп. 21. Д. 1942. Л. 24 об.
- ⁵² Там же. Оп. 23. Ч. 1. Д. 977. Л. 12.
- ⁵³ Там же. Д. 2236. Л. 2.
- ⁵⁴ *Левин Н.Ф., Филиппов М.А., Шумков А.А.* Лавриновские. Дворяне Псковской губернии. СПб., 1998. С. 6–7.
- ⁵⁵ *Бобринский А.А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 634.
- ⁵⁶ *Губастов К.А.* Указ. соч.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Ч. 2. Д. 5338. Л. 37 об., 68.
- ⁵⁸ *Бобринский А.А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 590.
- ⁵⁹ Там же. С. 661.
- ⁶⁰ Там же. С. 610.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Ч. 1. Д. 2122. Л. 5, 13.
- ⁶² *Бобринский А.А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 697.
- ⁶³ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С. 57–58.
- ⁶⁴ *Бобринский А.А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 697.
- ⁶⁵ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С. 61.
- ⁶⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Ч. 1. Д. 737. Л. 3, 37.
- ⁶⁷ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С. 61.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Ч. 1. Д. 203. Л. 2, 14–14 об.
- ⁷⁰ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С. 61.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ч. 1. Д. 1922. Л. 3 об., 21, 22а.
- ⁷² Там же. Оп. 25. Ч. 2. Д. 5402. Л. 2 об., 9.
- ⁷³ Там же. Оп. 26. Ч. 1. Д. 1327. Л. 8 об., 19–19 об.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 33. Д. 1659. Л. 7 об., 13–13 об.
- ⁷⁵ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С. 61.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Ч. 1. Д. 2741. Л. 45–45 об.
- ⁷⁸ *Губастов К.А.* Указ. соч.; *Витте С.Ю.* Воспоминания. В 3-х т. М., 1960. Т. 1. С. 71.
- ⁷⁹ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С. 61.
- ⁸⁰ См. прим. 27.
- ⁸¹ *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., 1991. С. 117; *Ону А.М.* Загадки русского сфинкса. М., 1995. С. 19; Приложение 2 к докладу на съезде соединенной комиссии представителей правых партий в г. Киеве по вопросу о желательных изменениях в законах о выборах в Государственную думу и в Положении об учреждении Государственной думы // Правые партии. Т. 1. С. 238; Приложения к журналам заседаний Четвертого съезда уполномоченных дворянских обществ // Объединенное дворянство. Т. 1. 1906–1908 г. С. 849. О социальной неоднородности дворянства конца XIX – начала XX в. см. также: *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). В 2-х т. СПб., 2000. Т. 1. С. 82–98.
- ⁸² Подробнее об этом см.: *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии.
- ⁸³ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия как элемент социальной структуры предреволюционного Петрограда // Петербургские чтения 96. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург–2003». СПб., 1996. С. 172.
- ⁸⁴ *Ковалевский М.М.* Воспоминания // ИСССР. 1969. № 5. С. 91; *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 31; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 241, 242.
- ⁸⁵ Подробнее об этом см.: *Куликов С.В.* Власть науки и наука власти в России начала XX в. // Россия XXI. 2001. № 5, 6; *он же.* Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х гг. Материалы международного науч. colloquium. СПб., 2003.
- ⁸⁶ О превращении бюрократической элиты в «служилую интеллигенцию» см.: *Куликов С.В.* Российская интеллигенция и высшая царская бюрократия в начале XX в. // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX в.: Тезисы докладов и сообщений науч. конф., Санкт-Петербург, 19–20 марта 1996 г. СПб., 1996.
- ⁸⁷ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // АРР. 1934. Т. 21. С. 152.
- ⁸⁸ *Вильтон Р.* Последние дни Романовых // Последние дни Романовых. М., 1991. С. 386; Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // ВИ. 1996. № 1. С. 120;

А.А. Риттих – А.Н. Яхонтову. 15 июня 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 432; *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции // *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции; *Спроге В.Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 9. Нельзя согласиться с В.Р. Лейкиной-Свирской, которая полагала, что «образование и навыки» чиновников «оставались вне функций профессионального труда интеллигенции» (*Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. С. 34–35).

⁸⁹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 10.

⁹⁰ *Завадский С.В.* На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.) // АРР. 1923. Т. 8. С. 27.

⁹¹ Проект выборов в V Государственную думу // Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.–Л., 1927. С. 245.

⁹² Применяя понятие «правительственный либерализм», мы вкладываем в него то содержание, которое имел в виду Б.Н. Чичерин, когда, в дополнение к понятию «оппозиционного либерализма», более всего присущего общественному движению, он выдвинул понятие «либерализма охранительного» с его парадоксальным лозунгом «либеральные меры и сильная власть». Этот вид либерализма действует, «понимая условия власти, не становясь к ней в систематически враждебное отношение, не предъявляя безрассудных требований, но сохраняя беспристрастную независимость, побуждая и задерживая, где нужно» (*Чичерин Б.Н.* Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 47). Во всей своей значимости проблема правительственного либерализма XVIII – начала XX в. была поставлена В.В. Леонтовичем еще в 1957 г., в монографии, опубликованной по-немецки. Русский перевод этой работы издан в 1980 г. в Париже и в 1995 г. – в Москве (*Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995). В последнее время эта проблема привлекала внимание Б.В. Ананьича, Е.В. Анисимова, Р.Ш. Ганелина, В.С. Дякина, А.Н. Цамутали и В.Г. Чернухи (Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996). Кроме того см.: *Куликов С.В.* Правительственный либерализм начала XX в. как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы: Материалы международной конф. СПб., 2001.

⁹³ Об общественном либерализме начала XX в. см.: *Шацко К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программа. Тактика. М., 1985; *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; *он же.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996; *Тоголевский А.В.* Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX в. СПб., 1996; *Селецкий В.Н.* Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996; *Fischer G.* Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge, 1958; *Galai Sh.* The Liberation Movement in Russia: 1900–1905. N. Y., 1973. См. также: Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Материалы международной науч. конф., Москва, 27–29 мая 1998 г. М., 1999; Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 25–26 мая 2000 г. М., 2001; *Essays on Russian Liberalism* /Ed. by С.Е. Timberlake. Columbia, 1972. Характерно, что тематика статей этих сборников, которые подытожили изучение российского либерализма отечественными и западными историками, почти не касается правительственного либерализма начала XX в.

⁹⁴ *Карпович М.М.* Два типа русского либерализма. Маклаков и Милюков // Опыт русского либерализма. С. 398, 400; *Тыркова А.В.* То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998. С. 380; В.А. Маклаков – И.И. Тхоржевскому. 27 марта 1936 г. // *Тхоржевский И.И.* Указ. соч. С. 150. Левизна кадетской партии происходила из того, что она «сходится с социализмом» (*Новгородцев П.И.* Идеалы Партии народной свободы и социализм // Опыт русского либерализма. С. 298). Именно поэтому, по мнению современника, кадетская партия «была не только оппозиционная, но даже, несомненно, революционная» (*Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 218).

⁹⁵ *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // ВИ. 1997. № 3. С. 120.

⁹⁶ *Шаховской В.Н.* Sic transit gloria mundi. 1893–1917 гг. // РВ. 1995–1996. Кн. 64–65. С. 132–134. См. также: Свод Основных государственных законов // Государственный строй Российской империи накануне крушения: Сб. законодательных актов. М., 1995. С. 15, 24. Подробнее об Основных законах см.: *Szeftel M.* The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institution of the Duma Monarchy. Brussels, 1976; *Куликов С.В.* Основные государственные законы 1906 г.: рецепция западного конституционализма в России начала XX в. // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всерос. науч.-методологического семинара. СПб., 2004. Кадетской точки зрения на Основные законы 1906 г. придерживался М. Вебер, называя их «Scheinkonstitution». В современной историографии сторонником учения о псевдоконституционализме является А.Н. Медушевский (*Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998). Между тем большинство государствоведов начала XX в., в том числе и оппозиционные, считали, что в 1905–1906 гг. российская монархия превратилась из абсолютной в ограниченную, точнее – дуалистическую, а потому «новый строй» России – «строй конституционный» (*Казанский П.Е.* Власть всероссийского

императора. М., 1999. С. 136, 484). Либеральные идеологи начала XX в. «конституционной» называли именно дуалистическую монархию, отличая ее от монархии парламентарной (*Герье В.И.* О конституции и парламентаризме. М., 1906. С.3–4).

⁹⁷ Резолюция совещания ЦК с октябристами, членами Думы и Госсовета и представителями местных отделов Союза, происходившего в Петербурге 25–29 апреля 1906 г. // *Партия «Союз 17 октября»*. Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т.1. 1905–1907 гг. С.191.

⁹⁸ А.Ф.Кони — Б.Н.Чичерину. 15 ноября 1898 г. // *Кони А.Ф.* Собр. соч. в 8-ми т. М., 1969. Т.8. Письма. С.145. В компилятивном сборнике, подготовленном государственной канцелярией для нужд бюрократического реформаторства 1905–1906 гг., цитаты из работ Б.Н.Чичерина, по сравнению с остальными правоведами, занимали самое большое место (Самодержавие. История, закон, юридическая конструкция. Б.м., б.г. С.5).

⁹⁹ *Саблер В.К.* О мирной борьбе с социализмом. В 2-х т. Сергиев Посад, 1911. Т.2. С.40–41.

¹⁰⁰ О черносотенцах см.: *Ганелин Р.Ш.* Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. В 3-х ч. СПб., 1992. Ч.1; *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; *Кириянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. Об идеологии российского консерватизма начала XX в. см.: *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001.

¹⁰¹ Журнал заседания 28 марта 1907 г. Третьего съезда уполномоченных дворянских обществ // Объединенное дворянство. Т.1. 1906–1908 гг. С.338.

¹⁰² *Тхоржевский И.И.* Указ. соч. С.31.

¹⁰³ *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // ВИ. 1997. № 2. С.120. Эта точка зрения соответствовала консервативно-либеральному дискурсу (*Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1899. С.XVI–XVII; *Герье В.И.* Указ. соч. С.7).

¹⁰⁴ *Барк П.Л.* Указ. соч. // Возрождение. 1966. Кн.172. С.98.

¹⁰⁵ 25 лет назад (Из дневника Л.А.Тихомирова) // КА. 1930. Т.40. С.60; Правые в 1915 – феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам // Минувшее. М.—СПб., 1993. Вып.14. С.169.

¹⁰⁶ Первоначально П.А.Столыпин выдавал деньги А.И.Дубровину, издававшему газету «Русское знамя», которая, тем не менее, критиковала премьера за либерализм. Летом 1907 г. П.А.Столыпин распорядился о выдаче А.И.Дубровину 25 000 рублей под условием прекращения на страницах «Русского знамени» критики правительства. Однако на следующий день именно в этой газете появилась очередная антистолипинская статья, после чего денег А.И.Дубровину больше не выдавали (*Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М., 1991. С.156). А.А.Аврех писал, что А.И.Дубровин «перестал получать субсидии» из-за «его плохих взаимоотношений с «союзными» главарями» (*Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С.224). В действительности причиной дубровинской опалы были «плохие отношения» с правительством, а не с «главарями». Вслед за А.И.Дубровиным деньги на поддержку крайне правых изданий получал Н.Е.Марков 2-й, которому выдавали 10 000 – 12 000 рублей в месяц. Но на фоне суммы, полученной рептилиями с октября 1906 г. по март 1911 г. и равнявшейся 3 168 000 рублей, субсидия крайне правым была сравнительно невелика (Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7-ми т. М.—Л., 1926. Т.5. С.412, 413). Правительство отпускало средства не только крайне правым, но и националистам и октябристам (*Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Из бумаг С.Е.Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б.г. С.152). Более того, в течение 1905–1907 гг. П.А.Столыпин отпустил оппозиционной Общеземской организации, возглавлявшейся князем Г.Е.Львовым, 5 600 000 рублей (*Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Г.Е.Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001. С.193, 194). Вопреки этому факту, А.А.Аврех писал, что «царь и правительство не жалели на черносотенцев денег» (*Аврех А.А.* Указ. соч. С.224).

¹⁰⁷ *Струве П.Б.* Оздоровление власти // *Струве П.Б.* Patriotic. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С.395.

¹⁰⁸ *Кириянов Ю.И.* Предисловие // Правые партии. Т.1. С.20.

¹⁰⁹ Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания под председательством бывшего императора по вопросу о расширении избирательного права. // Былое. 1917. № 3 (25). С.249; Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.408, 436; *Ковалевский М.М.* Указ. соч. // ИСССР. 1969. № 5. С.87.

¹¹⁰ *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1888. С.222, 379; *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С.238.

¹¹¹ Этот термин употреблялся в начале XX в. На заседании Совета министров 11 февраля 1905 г. министр юстиции С.С.Манухин заявил, имея в виду противников и сторонников создания парламента: «Мысли преданных русских людей, отнюдь не большинство парламентаристов. Миллионы против подчиненного правительства» (*Ганелин Р.Ш.* Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю.Нольде // АЕ за 1989 г. М., 1990. С.303).

¹¹² *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1991. С.22.

¹¹³ Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // РП. 1998. Кн.8. С.111.

¹¹⁴ *Князьков С.А.* Самодержавие в его исконном смысле. СПб., 1906. С.37.

¹¹⁵ Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. С.111.

¹¹⁶ *Князьков С.А.* Указ. соч. С.37.

¹¹⁷ Правомерность употребления этого термина объясняется тем, что именно в дуализме, раздвоении власти между монархом и народным представительством, либеральные мыслители видели суть конституционной монархии (*Герье В.И.* Указ. соч. С.3). Термин «дуализм» использовался для наименования особой формы правления, отличной как от парламентаризма, так и от абсолютизма (*Гессен В.М.* Основы конституционного права. Пг., 1918. С.VIII, 415–419).

¹¹⁸ Царскосельские совещания. Протоколы Секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. № 4 (26). С.221.

¹¹⁹ *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т. 3. С.306.

¹²⁰ Особый журнал Совета министров 13 января 1909 г. «По проекту МВД о выделении из состава Привислинского края восточных частей Седлецкой и Люблинской губерний, с образованием из них особой Холмской губернии» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. М., 2000. С.37.

¹²¹ *Леонтович В.В.* Указ. соч. С.14–16.

¹²² *Сторожев В.Н.* Дипломатия и революция // Вестник НКВД. 1920. № 4–5; *он же.* Февральская революция 1917 г. // Научные известия: Экономика, история, право. М., 1922. Сб.1; *Блок А.А.* Последние дни императорской власти. Пг., 1921; *Петропавловский С.С.* Дворянство, бюрократия и монархия перед Февральской революцией // ПРР. 1922. № 8; *Семенников В.П.* Политика Романовых накануне революции. От Антанты к Германии. М.—Л., 1926; *он же.* Романовы и германские влияния. М.—Л., 1929; *Мартынов Е.И.* Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927; *Щеголев П.Е.* Последний рейс Николая II. М.—Л., 1928.

¹²³ *Милоков П.Н.* История второй русской революции. В 3-х вып. София, 1921–1923; *он же.* Россия на переломе. Париж, 1927.

¹²⁴ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931; *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России. В 3-х т. Париж, 1936.

¹²⁵ Отечественное издание: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991.

¹²⁶ Русское издание: *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997.

¹²⁷ *Florinsky M. T.* The End of the Russian Empire. Yale—Oxford, 1931; *Pares B.* The Fall of the Russian Monarchy. Lnd., 1939.

¹²⁸ *Seton-Watson H.* The Decline of Imperial Russia. Lnd., 1952; *Taylor E.* The Fall of the Dynasties. Garden City, 1963; *Kochan L.* Russia in Revolution. 1890–1918. Lnd., 1966; *Goldston R.* The Russian Revolution. Lnd., 1967; *Holliday E.* Russia in Revolution. N. Y., 1967.

¹²⁹ *Haimson L.* The Problem of Social Stability in Urban Russia: 1905–1917 // Slavic Review. 1964. Vol.23, № 4; 1965. Vol.24, № 1.

¹³⁰ См. список литературы.

¹³¹ *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях I мировой войны. М., 1957; *Тарновский К.Н.* Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны. М., 1958; *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960; *он же.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.

¹³² См. список литературы.

¹³³ *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.

¹³⁴ См. список литературы.

¹³⁵ *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

¹³⁶ *Слонимский А.Г.* Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 г. Душанбе, 1975.

¹³⁷ См. список литературы.

¹³⁸ *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.

¹³⁹ *Емец В.А.* Очерки истории внешней политики России в период Первой мировой войны. 1914–1917. М., 1977.

¹⁴⁰ *Rosenberg W.G.* Kadets and the Politics of Ambivalence, 1905–1917 // Essays on Russian liberalism; *он же.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974; *Stone N.* The Eastern Front, 1914–1917. Lnd., 1975; *Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle—Lnd., 1981; *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917. Lnd., 1977; *Solisbury H.* Black Night, White Snow: Russia's Revolutions, 1905–1917. N. Y., 1978.

¹⁴¹ *Дякин В.С.* Царизм и Первая мировая война // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984.

¹⁴² *Аврех А.А.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985; *он же.* Царизм накануне свержения.

- ¹⁴³ Там же. С.175.
- ¹⁴⁴ *Васюков В.С.* К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции // ИЗ. 1982. Т.107; *он же.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. М., 1989; *Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914—1917. Л., 1990.
- ¹⁴⁵ *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.). Л., 1985. См. также: *Китанина Т.М.* Россия в Первой мировой войне 1914—1917 гг. Экономика и экономическая политика. СПб., 2003. Ч.1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 — середина 1916 г.
- ¹⁴⁶ *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914—1917 гг.). Л., 1988.
- ¹⁴⁷ *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.
- ¹⁴⁸ *Ганелин Р.Ш., Уланов В.А.* Примечания // Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. — февраль 1917 г.). Л., 1986.
- ¹⁴⁹ *Lieven D.* Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven—Lnd., 1989.
- ¹⁵⁰ *Hildermeier M.* Die russische Revolution 1905—1921. Frankfurt am Main, 1989.
- ¹⁵¹ Русское издание: *Пайнс Р.* Русская революция. В 2-х ч. М., 1994.
- ¹⁵² *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917 // Реформы или революция? Россия 1861—1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992.
- ¹⁵³ *Островский А.В.* Элита российского общества XIX—XX вв.: некоторые проблемы истории и историографии // ИГВ. 1994. Вып.3. С.17.
- ¹⁵⁴ *Дякин В.С.* Крушение царизма // Власть и реформы.
- ¹⁵⁵ Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.
- ¹⁵⁶ Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. коллоквиума. СПб., 1999.
- ¹⁵⁷ См. список литературы.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906—1917). Вятка, 1999.
- ¹⁶² *Боханов А.Н.* Сумерки монархии. М., 1993; *он же.* Император Николай II. М., 1998.
- ¹⁶³ См. список литературы.
- ¹⁶⁴ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003.
- ¹⁶⁵ *Искендеров А.А.* Закат империи. М., 2001.
- ¹⁶⁶ *Колоницкий Б.И.* К изучению механизма десакрализации монархии (Слухи и «политическая порнография» в годы первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999.
- ¹⁶⁷ См. список литературы.
- ¹⁶⁸ *Мацузато К.* Земство во время Первой мировой войны. Межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен. Политологический подход. Саппоро, 2001.
- ¹⁶⁹ *Розенберг У.* Регулирующее государство и проявления «функциональной легитимности» на закате старого режима // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX в. Кишинев—СПб., 2000.
- ¹⁷⁰ *Фирсов С.Л.* Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996.
- ¹⁷¹ См. список литературы.
- ¹⁷² *Шевырин В.М.* Власть и общественные организации в России (1914—1917): Аналитический обзор. М., 2003.
- ¹⁷³ *Куликов С.В.* Высшая бюрократия России в годы Первой мировой войны (1914—1917): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.
- ¹⁷⁴ См. список литературы.
- ¹⁷⁵ См. список источников.
- ¹⁷⁶ Подробнее об источниках по истории России начала XX в. см.: *Ганелин Р.Ш., Куликов С.В.* Основные источники по истории России конца XIX — начала XX в. СПб., 2000.

ГЛАВА I

НАЧАЛО И КОНЕЦ «СВЯЩЕННОГО ЕДИНЕНИЯ»

Французский бунт против мягкой и законной монархии принял характер более издевательский, яростный и оскорбительный, чем если бы народ выступал против узурпатора или самого кровавого тирана. Народ сопротивлялся уступкам. Его удары были направлены против протянутой руки, которая предлагала милость, пощаду и избавление.

Эдмунд Берк.
«Размышления о революции
во Франции»

1. «Вы в душе либеральны». Николай II на пути к «священному единению» (1894–1914 гг.)

Начало мировой войны было ознаменовано заключением символического союза между Николаем II и либеральной оппозицией, который вылился в «единение царя и его народа», аналогичное «священному единению», достигнутому тогда же в Англии и Франции. Формулу такого «единения» содержал царский манифест, объявивший о вступлении России в войну с Германией. «В грозный час испытания, — провозглашал манифест, — да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага».¹ Никогда еще мысль о национальном примирении не звучала в последнее царствование столь искренно.

Заключение союза власти с оппозицией было вызвано не только начавшейся войной. Подразумевая наметившуюся с июля 1914 г. либерализацию правительственного курса, посол в Англии граф А.К.Бенкендорф писал своему брату, обер-гофмаршалу графу П.К.Бенкендорфу, что царь

пошел на нее «вследствие природной своей склонности».² Таким образом, уже современники причиной возникновения «священного единения» власти и оппозиции называли стремление к этому Николая. Насколько, однако, верна подобная точка зрения?

Согласно историографическому стереотипу, царь являлся противником союза с либералами, поскольку имел консервативные взгляды.³ Действительно, культивировавшийся им официальный ритуал подчас отличался ортодоксальной консервативностью.⁴ Но для адекватного постижения политической индивидуальности любого персонажа важны не только его ритуалы, но и практики.

Традиционно считается, что практики Николая были также ортодоксально-консервативными, прежде всего потому, что он имел воззрения, унаследованные от отца, Александра III. Однако сходство между отцом и сыном являлось относительным. Николай «благоговел» перед памятью Александра III.⁵ Вместе с тем, он говорил «с глубоким чувством» о деде, Александре II. С мировоззрением этого либерального монарха у Николая было «много общего».⁶ Сравнивая царствование Александра III с царствованием сына, Л.А.Тихомиров отмечал: «Нельзя придумать ничего более противоположного!» Причину этого Л.А.Тихомиров видел в том, что в лице Николая на престоле появился «русский интеллигент» «либерального типа».⁷ Тем не менее ортодоксально-консервативный ритуал сына провозглашал неразрывную преемственность между старым и новым царствованием. Однако политическая практика уже первых лет нового царствования противоречила его ритуалу, доказывая, что Николай возобновил осуществление либеральной политики деда.⁸ Отмеченную двойственность обусловил консервативно-либеральный габитус Николая.

Специфику царского габитуса предопределило чисто западное воспитание, полученное Николаем под руководством англичанина К.О.Хиса и генерала Г.Г.Даниловича.⁹ После завершения своего воспитания будущий монарх являлся человеком, насквозь проникнутым западной культурой. По причине рафинированности вестернизированной Николая октябристу барону А.Ф.Мейендорфу царская власть начала XX в. представлялась «наиболее европейским из русских учреждений, может быть — единственным европейским».¹⁰ Вестернизированность Николая не противоречила его религиозности, отличавшейся нетрадиционностью.

Царь и его супруга Александра Федоровна были поклонниками западного оккультизма.¹¹ Нетрадиционный дух религиозности императора выразился в посвящении Николая в мистическое масонство и общении монарха с его адептами — великим магистром Ордена мартинистов Папюсом и Филиппом.¹² Перед смертью, последовавшей в 1905 г., Филипп предрек венценосцам, что у них появится «другой друг, который будет говорить с ними о Боге». Знакомство с Г.Е.Распутиным, состоявшееся также в 1905 г., они сочли за осуществление этого предсказания.¹³ С точки зрения царя и царицы, их «второй друг» был не чем иным, как персонификацией русского варианта французского мартинизма.

Даже в области религиозных исканий царь являлся не славянофилом, а западником. Это было характерно еще более для его государственной

деятельности. В области политического ритуала Николай, вопреки своей вестернизированной, поддерживал иллюзию того, что он является вотчинником. В анкете переписи населения 1897 г. в графе о роде занятий царь написал: «Хозяин земли Русской». Процитированные слова историки обычно трактуют как доказательство преобладания в Николае вотчинных настроений. Но на практике либеральные компоненты царского габитуса заставляли Николая стремиться к избеганию подобных настроений. «Политика, — писал он королеве Виктории в октябре 1896 г., — это не то, что частные или домашние дела, и в ней нельзя руководствоваться личными чувствами и отношениями».¹⁴

Как государственный деятель император являлся учеником выдающегося представителя бюрократического либерализма, председателя Комитета министров Н.Х.Бунге.¹⁵ Лидеры консерваторов, обер-прокурор Синода К.П.Победоносцев и дядя Николая, великий князь Сергей Александрович, особого влияния на молодого монарха не оказывали.¹⁶ Наоборот, идейное влияние на Николая Н.Х.Бунге продолжалось и после его смерти. Это влияние стало причиной разработки царем собственного реформаторского проекта.¹⁷

Основу реформаторского проекта Николая составило политическое завещание Н.Х.Бунге, содержавшее программу либеральных преобразований. В 1895 г. царь повелел раздать его печатные копии наиболее видным сановникам. Реформаторская политика монарха, вдохновляемая идеями Н.Х.Бунге, имела системный характер. Это показал указ 12 декабря 1904 г. и последующие реформы. Они были, по словам лидера октябристов А.И.Гучкова, «торжеством русского либерализма».¹⁸ Внешне указ 12 декабря выглядел как ответ на требования оппозиции. В действительности он оказался торжеством не общественного, а правительственного либерализма, поскольку стал «полным осуществлением» завещания Н.Х.Бунге.¹⁹ Кроме завещания источниками реформаторского проекта Николая были программы преобразований, которые по заказу царя разработали министры внутренних дел В.К.Плеве и князь П.Д.Святополк-Мирский и председатель Совета министров П.А.Столыпин.²⁰

Как государственный деятель император являлся сторонником модернизации России. Он видел «задачу правления в неусыпной заботливости о потребностях страны», т.е. в осуществлении либеральных реформ. Когда реформа представлялась императору назревшей, то к ее совершению «мы, — признавался он публично в конце 1904 г., — считаем необходимым приступить, хотя бы намеченное преобразование вызвало внесение в законодательство существенных нововведений».²¹ Таким образом, даже в области ритуала Николай расценивал самого себя как царя-реформатора. В то же время свой реформаторский стиль он сознательно противопоставлял аналогичному стилю Петра Великого.²² Николай полагал, что модернизация должна проводиться не сразу, а постепенно и строго соотноситься с национальными и историческими особенностями России.²³

Специфика консервативно-либерального габитуса Николая проявилась на примере его подхода к решению вопроса о конституционной реформе. Она привлекала самое пристальное внимание царя еще в 1890-е гг. В 1897 г.

он говорил князю П.Н.Трубецкому, что «вопрос о конституции» «ставил себе не раз» и «душой переболел над ним». ²⁴ Интерес императора к этому вопросу поддерживала его супруга. ²⁵

Николай готовил создание народного представительства задолго до 1905 г. и совершенно независимо от революционного или оппозиционного движения. Государственный контролер генерал П.Л.Лобко напомнил Николаю в июле 1905 г.: «Ваше величество еще задолго до рескрипта 18 февраля изволили высказывать, что мысль об обращении к народу для помощи правительству уже издавна составляет предмет Ваших забот». ²⁶

Император являлся противником не конституции, а такого понимания этого термина, которое ассоциировалось исключительно с парламентаризмом. Он подразумевает ограничение верховной власти не только в законодательстве, но и в управлении, когда монарх царствует, но не правит. Отрицательное отношение к парламентаризму Николай воспринял от Н.Х.Бунге. Намекая на отсутствие у идеи народовластия широкой популярности на Западе, он писал, что насчет парламентаризма «мнения в Европе в конце XIX в. изменились коренным образом». ²⁷ Именно против парламентаризма царь и выступил в январе 1895 г., назвав «бессмысленными мечтаниями» планы земцев-радикалов об их участии «в делах внутреннего управления». ²⁸ Будучи сторонником сотрудничества власти и оппозиции, Николай полагал, что лидерство в реформаторском процессе, т.е. участие в определении того, кому, когда и как осуществлять необходимые реформы, должно сохраняться за короной. ²⁹ В роли парламентарного монарха Николай бы этого лидерства лишился. Поэтому царь и дистанцировался от земцев-радикалов.

Нежелание Николая идти на создание парламента отнюдь не означало, что он являлся противником идеи народного представительства. ³⁰ Понимая необходимость реформирования российской государственности, Николай находил, однако, что конечной целью такого реформирования менее всего может быть водворение парламентаризма. В 1897 г. министр иностранных дел граф М.Н.Муравьев говорил князю Б. фон Бюлову, выражая мысли царя, что «нужны реформы, но чисто парламентская, радикальная система привела бы к анархии и разложению». Сам Николай говорил князю, что «можно допустить постепенное преобразование земства, но что действительная парламентская система будет означать гибель России». Причину невозможности введения парламентаризма Николай видел в политической незрелости российского общества. «В противоположность своей обычной манере выражаться, которая скорее отличалась изысканностью, — вспоминал об этом Б. фон Бюлов, — он процитировал здесь русскую поговорку: “Посади свинью за стол, она и ноги на стол”». ³¹

Другой причиной неосуществимости попыток установления парламентаризма было, по мнению царя, враждебное отношение к ним со стороны народных масс. Они, считал Николай, настроены более консервативно, чем интеллигенция и само правительство, а потому хотят лишь одного — сохранения неограниченной царской власти. Беседуя с князем П.Н.Трубецким в 1897 г., Николай заявил: «Я готов поделиться с народом властью, но я сделать этого не могу, так как не сомневаюсь, что ограничение царской власти было бы понято народом как насилие интеллиген-

ции над царем, и тогда народ стер бы с лица земли верхние слои общества». ³² Во избежание народного сопротивления модернизации Николай в области ритуала был вынужден играть роль консерватора. Но на практике он вел себя как умеренный либерал, поскольку содействовал постепенному созданию народного представительства.

В 1898 г., по совету главного управляющего канцелярией по принятию прошений Д.С.Сипягина, Николай собирался издать особый манифест, который призвал бы население «писать проекты и направлять их в канцелярию». ³³ Инициатива царя натолкнулась на сопротивление его министров. В 1898—1899 гг. Николай и либеральный общественный деятель А.А.Клопов обсуждали возможность образования «особого, независимого Комитета при императоре». Тогда же они хотели создать «небольшой кружок из постоянных сотрудников и местных деятелей». ³⁴

В 1900 г., через друга царской семьи П.В.Жуковского, Николай повелел товарищу министра финансов В.И.Ковалевскому составить указ «о созыве представителей земств, больших городов, Академии наук, университетов и биржевых комитетов для обсуждения современного политического и экономического положения в России». ³⁵ Это начинание царя не воплотилось только потому, что его внимание было отвлечено «боксерским восстанием» в Китае. Тем не менее в феврале 1901 г., с одобрения Николая, в учреждение Государственного совета внесли статью «об образовании в Совете особых совещаний и подготовительных комиссий для разработки законодательных предположений». ³⁶ Добавление новой статьи было воплощением идей, которые содержала так называемая «конституция» графа М.Т.Лорис-Меликова. В конце 1901 — начале 1902 г., в дополнение к этому, появился проект реформы Комитета министров. Реформа предусматривала соединение комитета с Государственным советом. ³⁷

В 1902 г. царь обсуждал с В.К.Плеве план создания народного представительства в виде Государственной думы. ³⁸ В начале 1903 г. оппозиционный публицист Н.А.Демчинский представил Николаю записку, в которой доказывал «необходимость привлечения общественного мнения к решению важнейших государственных вопросов». Н.А.Демчинский указал императору «на ошибку Александра III, совершенно пренебрегавшего общественным мнением, вследствие чего Россия, по пути прогресса, сделала несколько шагов назад». Царь остался «чрезвычайно доволен» докладом Н.А.Демчинского и «в самых лестных выражениях выразил ему благодарность». ³⁹ Опытом обращения Николая к поддержке общества явился манифест 26 февраля 1903 г. Выступая за сотрудничество с оппозицией при проведении реформ, царь не хотел отказываться от сохранения за собой лидерства в реформаторском процессе. ⁴⁰

Преемник В.К.Плеве, князь П.Д.Святополк-Мирский, начал с того же, что и его предшественник. Намеченное князем введение в Государственный совет выборных представителей общественности «совпадало с первоначальными предположениями» В.К.Плеве. ⁴¹ Намерения князя совпадали и с намерениями царя. ⁴²

Не желая выглядеть исполнителем воли оппозиции, Николай вычеркнул из первоначального текста указа 12 декабря 1904 г. пункт о пополне-

нии Государственного совета выборными членами. Это не означало, что царь отказался от создания в ближайшем будущем народного представительства. Самодержец являлся противником не представительства, а парламента. Подразумевая именно парламентаризм, император заявил Сергею Александровичу и председателю Комитета министров С.Ю.Витте, вычеркивая пресловутый пункт: «Я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне Богом народа».⁴³

Решение Николая создать народное представительство было бесповоротным. Однако вначале он хотел пойти на это по окончании русско-японской войны.⁴⁴ Впрочем, уже осенью 1904 г., втайне от П.Д.Святополк-Мирского и С.Ю.Витте, Николай поручил главноуправляющему канцелярией по принятию прошений барону А.А.Будбергу взяться за составление проекта манифеста, в котором «высказано было бы намерение созвать народных представителей». А.А.Будберг «имел в виду представить такой проект государю для опубликования на Пасхе»,⁴⁵ т.е. 17 апреля 1905 г. Александра Федоровна сообщила графу А.А.Бобринскому 28 января 1905 г., что ее супруг «решился объявить о предстоящем созыве» представительного органа.⁴⁶

Свое решение созвать народное представительство царь объявил на два месяца раньше, не 17 апреля, а 18 февраля. В этот день появился царский рескрипт министру внутренних дел А.Г.Булыгину, сообщивший о готовности Николая создать выборное учреждение для разработки и обсуждения «законодательных предположений».⁴⁷

Царь, однако, не собирался способствовать установлению парламентаризма. На заседании Совета министров 3 февраля 1905 г. он выступил против «парламентарных форм».⁴⁸ Народное представительство, по мысли Николая, должно было функционировать не как парламент, а как орган дуалистической системы. При этой системе полномочия монарха (де-факто или де-юре) ограничены только в законодательстве.

Единомышленником Николая являлся Вильгельм II, находившийся во главе классической дуалистической монархии. Он выступил за то, чтобы «исполнительная власть» находилась «в руках самодержавного царя, а не в руках руководящего министра с целым штатом беспомощных сотоварищей».⁴⁹ Решившись на создание представительства, Николай занимал центристскую позицию. Он игнорировал рекомендации и правых, и левых.⁵⁰

Создавая представительство, Николай сохранял инициативу в этом вопросе за собой. Во время состоявшейся 6 июня встречи царя с лидерами оппозиции Николай заявил: «Моя воля, воля царская — созывать выборных от народа — непреклонна. Привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом». В то же время, разыгрывая роль консерватора, Николай заявил о преемственности между земскими соборами и будущим народным представительством: «Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое лежит в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам».⁵¹ На самом деле народное представительство вписывалось не только в отечественную, но и в западноевропейскую традицию. Непублично это призна-

вал сам император. На особом журнале Совета министров, содержавшем утверждение о том, что манифестом 6 августа 1905 г. об учреждении законосовещательной Думы «русская жизнь восприняла характерные черты западно-европейского общественного строя», Николай написал 24 августа 1906 г.: «Вполне одобряю».⁵²

Манифест 6 августа означал фактическое введение конституционно-дуалистической системы германского типа.⁵³ Устанавливая эту систему, Николай действовал, учитывая не требования оппозиционеров и революционеров, а собственные консервативно-либеральные взгляды. Мнение о том, что создание Думы — «признак боязни и уступки только перед лицом опасности», полагал В.О.Ключевский в конце июля 1905 г., «едва ли соответствует действительности».⁵⁴ В Думе Николай видел не временную уступку, а средство дальнейшего реформирования России. Царь надеялся, что «лояльность и рассудительность» народа «будут значительно способствовать развитию России с помощью этого совещательного органа».⁵⁵

Либеральные компоненты габитуса Николая делали для него неприемлемой какую-либо реакционную политику. «Реакция, в сущности, возможна, — записал Л.А.Тихомиров в августе 1905 г., — но не при этом государе. Этот государь ее искренне не хочет».⁵⁶ Именно поэтому Николай выступил инициатором манифеста 17 октября 1905 г. Он провозгласил юридическое ограничение царской власти в законодательстве и даровал политические свободы.⁵⁷ Манифест учредил конституционно-дуалистическую систему не только фактически, но и формально. В качестве ее приверженца, т.е. дуалиста, Николай заявил 1 декабря 1905 г. депутации правых организаций, что манифест «есть полное и убежденное выражение» его «непреклонной и непреложной воли и акт, не подлежащий изменению».⁵⁸ Таким образом, Николай дистанцировался от правых.

Дистанцированию царя от черносотенцев содействовали взгляды Николая на реформированное самодержавие. Имея четкие представления об абсолютизме, парламентаризме и дуализме, царь «отлично понимал различие его самодержавия до 1905 г. и после этого года».⁵⁹ При состоявшемся 16 февраля 1906 г. представлении Николаю депутации «Самодержавно-монархической партии» он заявил, что «его самодержавие» «останется таким, каким оно было встарь».⁶⁰ Однако под «самодержавием» Николай понимал порядок, во главе которого стоит не неограниченный монарх, а монарх, «независимый от какой бы то ни было верховной власти, как этот титул и понимали в Московской Руси».⁶¹ Неограниченность самодержавия Николай признавал, но не вообще, а только в управлении. Тем самым он признавал ограничение своей власти в законодательстве.⁶²

Публично провозглашая преемственность между Московской Русью и думской монархией, царь, на самом деле, считал последнюю фактором вестернизации. На особом журнале Совета министров, в котором говорилось о том, что манифестом 17 октября Россия направлена «по стезе государственного развития западноевропейских народов», Николай 12 марта 1907 г. наложил резолюцию: «Согласен».⁶³

Дистанцируясь от черносотенцев, император, однако, не питал иллюзий относительно способности народного представительства быстро впи-

саться в политическую систему старого порядка.⁶⁴ Поводы для этого давали оппозиционеры и революционеры. Они требовали еще более радикальных уступок, и прежде всего — парламентаризма и всеобщего избирательного права. В соответствии со своим консервативно-либеральным габитусом Николай дистанцировался и от левых.⁶⁵ Примечательно, что в данном случае союзником императора был апостол консервативного либерализма Б.Н.Чичерин.⁶⁶ Консервативные компоненты царского габитуса не подавляли либеральные компоненты. В начале 1906 г., при приеме представителей «Союза 17 октября», С.Ю.Витте заявил: «Клянусь вам, что государь желает возможно скорее созвать Думу и осуществить начала, провозглашенные манифестом 17 октября».⁶⁷ В феврале 1906 г. царь объявил черносотенцам, что реформы, возведенные манифестом 17 октября, «будут осуществлены неизменно», права же, данные «одинаково всему населению, неотъемлемы».⁶⁸

Обещания, содержащиеся в манифесте, Николай выполнял не так, как хотелось бы оппозиции. Но причиной поведения царя была не его реакционность, а неспособность оппозиционеров повредить отношения с революционерами.⁶⁹ Это показала I Дума, чье радикально-либеральное большинство выступило за введение парламентаризма, т.е. государственный переворот, и за принудительное отчуждение помещичьего землевладения, т.е. за нарушение принципа неприкосновенности частной собственности. Между тем Николай, в соответствии со своим консервативно-либеральным габитусом, являлся противником этого.⁷⁰ Роспуск Думы оказался неизбежным. Император и бюрократы расценивали его не как шаг назад, а как единственное, с их точки зрения, средство для укрепления нового порядка.⁷¹

В июле 1906 г. царь и глава кабинета П.А.Столыпин были сторонниками компромисса с оппозицией, который бы не противоречил Основным законам. «Мне известно о пущенном слухе, — писал Николай П.А.Столыпину 25 июля 1906 г., подразумевая назначение министрами общественных деятелей, — будто я переменял свое мнение о пользе привлечения людей со стороны, что, разумеется, не так. Я был против вступления целой группы лиц с какой-то программой».⁷² Будучи противником парламентаризма, Николай не чуждался допущения его элементов в политическую практику дуалистической системы. Вину за неудачу попытки привлечения к власти общественных деятелей С.Ю.Витте возлагал на кадетов.⁷³

Расхождению Николая с оппозиционерами способствовало введение в августе 1906 г. военно-полевых судов.⁷⁴ Однако параллельно с их действием П.А.Столыпин, выполняя царскую волю, начал осуществление программы либеральных реформ, опубликованной тогда же. Консервативно-либеральные взгляды царя делали для него неприемлемыми политические идеалы черносотенцев. Эти идеалы Николай воспринимал с иронией. В январе 1907 г. на вопрос государственного контролера П.Х.Шванебаха: «Что может быть в действительности сегодня Земский собор?» император ответил: «Собрание бояр в пиджаках».⁷⁵ Дистанцируясь от черносотенцев, Николай занимал центристскую позицию. На следующий день после открытия II Думы, 21 февраля 1907 г., он дал аудиенцию ее председателю, кадету Ф.А.Головину. Хотя результаты выборов

говорили о том, что сотрудничество правительства и нижней палаты, скорее всего, не состоится, беседуя с Ф.А.Головиным, император интересовался возможностью образования в Думе «работоспособного центра». В конце аудиенции Николай заявил, что «Дума должна дружно работать с правительством, что того настоятельно требуют интересы государства».⁷⁶ Радикально-либеральное большинство II Думы выступило, как и большинство I Думы, за государственный переворот и нарушение принципа неприкосновенности частной собственности.

Стремление к государственному перевороту оппозиционеров и революционеров подвигнуло царя к решению распустить нижнюю палату и изменить выборный закон без ее участия. Это решение не означало того, что Николай разочаровался в конституции.⁷⁷ Целью изменения избирательного закона было, с точки зрения Николая, не восстановление абсолютизма, а создание работоспособного законодательного органа. Во время состоявшейся 17 мая встречи с Ф.А.Головиным император указал на то, что «Дума по своему составу неработоспособна», что «левое ее крыло заражено антигосударственными идеями» и что «такой состав Думы есть следствие неудачного избирательного закона». Для того чтобы нижняя палата стала работоспособной, «надо, — полагал Николай, — изменить этот закон».⁷⁸

Последовавшие 3 июня 1907 г. роспуск II Думы и изменение избирательного закона царь не считал нарушением Основных законов.⁷⁹ Его единомышленником явился П.А.Столыпин. Опровергая мнение о том, что издание нового избирательного закона — это нарушение конституции, П.А.Столыпин делал ссылку на «учредительную власть государя» и на то, что Основные законы «не подкреплены» его присягой.⁸⁰ Точка зрения царя и премьера базировалась на государственно-правовой доктрине либерального мыслителя Б.Констана. Согласно этой доктрине, наряду с тремя властями (законодательной, исполнительной и судебной), существует еще одна власть — учредительная, отвечающая за создание основных законов. В контексте доктрины Б.Констана изменение без Думы избирательного закона, отнесенного к разряду основных законов, де-факто значило восстановление неограниченности полномочий монарха в области учредительной власти и сохранение их ограничения в законодательстве.

Черносотенцы считали, что после третьеиюньского переворота самодержавие восстановило свою неограниченность полностью. В отличие от них Николай признавал и в дальнейшем ограничение своей власти в законодательстве.⁸¹ Поэтому третьеиюньский переворот консервативные либералы расценили как средство укрепления конституционной монархии.⁸² Как и они, царь являлся противником эволюционирования режима дуалистической монархии, оформленного Основными законами, в сторону парламентаризма. Николай начертил на обращении к нему правых депутатов: «Верю, что созданная мною Дума обратится на путь труда, и в строгом подчинении установленным мною Основным законам оправдает мои надежды».⁸³ В отстаивании дуалистической системы от попыток замены ее парламентаризмом император находил поддержку у П.А.Столыпина.⁸⁴

Приверженность императора и премьера дуалистической системе привела к их расхождению с лидером октябристов А.И.Гучковым. Оно зая-

вило о себе сначала в 1909 г., по вопросу о штатах морского генерального штаба, а затем — в 1911 г., по поводу законопроекта о земстве в Юго-Западном крае. Противниками этого законопроекта были члены Государственного совета из числа кадетов и октябристов. Тем не менее традиционно причиной кризиса 1911 г. считается интрига правых членов верхней палаты против П.А.Столыпина, поддержанная, якобы, царем. Однако мнение о том, что Николай «делал все, что в его силах, чтобы повредить Столыпину», сестра царя квалифицировала как «подлую ложь». ⁸⁵ Поводы для подобного мнения возникли потому, что накануне обсуждения законопроекта верхней палатой Николай встречался с ее председателем М.Г.Акимовым и лидером правых В.Ф.Треповым. Но царь «определенно дал понять» этим сановникам, что «очень дорожит прохождением законопроекта». ⁸⁶ М.Г.Акимов передал членам Государственного совета высочайшее повеление «голосовать за законопроект». ⁸⁷

В.Ф.Трепов и его единомышленники поступили иначе. Они пошли на тактическое сближение с левыми. В Государственном совете по поводу организации провала законопроекта наблюдалось «товарищеское общение многих правых с членами оппозиции». ⁸⁸ Следовательно, события начала 1911 г. необходимо трактовать как антистольпинскую акцию, но только не правых, а левых, которых поддержали некоторые правые. Целью оппозиции было ограничение царской власти в управлении. Поэтому правые саванники, действовавшие вместе с оппозиционерами, олицетворяли для П.А.Столыпина направление, «сознательно или бессознательно склоняющееся к парламентаризму и преуменьшению прав монарха». ⁸⁹ Поведение правых, действовавших совместно с левыми, вызвало «резкую реакцию» у Николая. ⁹⁰ Царь недвусмысленно поддержал П.А.Столыпина. После кризиса положение премьера при дворе по-прежнему было прочным. ⁹¹ Если бы не гибель П.А.Столыпина в сентябре 1911 г., то он имел бы большие шансы для продолжения своей деятельности на посту премьера.

Преемник П.А.Столыпина В.Н.Коковцов, исполняя царскую волю, стремился к соглашению с Думой на почве аполитичного централизма. ⁹² Занимая центристскую позицию, Николай дистанцировался от черносотенцев и не испытывал какого-либо предубеждения даже к левым. В ноябре 1912 г. председатель IV Думы М.В.Родзянко, подготавливая представление депутатов императору, поинтересовался у министра двора барона В.Б.Фредерикса, «пожелает ли государь принять кадет». В.Б.Фредерикс ответил, что «государь примет всех, кто захочет явиться, даже социалистов». Многие кадеты, в том числе и П.Н.Милюков, на приглашение не откликнулись. Однако во время приема царь оказался «холоднее, чем с другими», не с левыми, а с правыми. ⁹³ Ради соглашения с левыми Николай дистанцировался от правых и в дальнейшем. В феврале 1913 г., при праздновании 300-летия царствования Романовых, по инициативе монарха, вопреки просьбам черносотенцев, «предпочтение той или иной политической группе считалось недопустимым». ⁹⁴ Более того, Николай разрешил произнести во время празднования речь одному М.В.Родзянко. ⁹⁵

Несмотря на демонстративно примирительное отношение Николая к оппозиции, она не шла на заключение компромисса с правительством.

Ярче всего непримиримость оппозиции проявилась, как это ни парадоксально, в мае 1913 г., после выступления лидера черносотенцев Н.Е.Маркова 2-го. Он обвинил премьера в покушении на казенный сундук, заявив по его адресу: «Красть нельзя». Несмотря на то, что Н.Е.Марков не пользовался симпатиями большинства Думы, она, прежде всего — в лице М.В.Родзянко, отказалась извиниться перед В.Н.Коковцовым за выходку своего депутата. Как бы в насмешку над всеми мыслимыми политическими конstellациями нижняя палата поддержала не либерального премьера, а черносотенного думца. После отказа нижней палаты протестующие министры перестали посещать ее заседания. Казалось, что в своей оппозиционности IV Дума превзошла две первые. Оппозиционность нижней палаты грозила затормозить законодательную деятельность, а потому царь остановился на мысли о превращении Думы в законосовещательную. К этому царя призывали крайне правые. Но Николай не согласился с ними. Расхождению царя с черносотенцами способствовал консервативно-либеральный габитус Николая, детерминировавший его приверженность именно дуалистической системе. Н.Е.Марков констатировал, что царь постоянно требовал от лидеров черносотенного движения «признания законодательных прав Государственной думы». ⁹⁶

После переговоров с министром юстиции И.Г.Щегловитовым Н.Е.Марков принес В.Н.Коковцову свои извинения на заседании Думы 1 ноября 1913 г. Инцидент между нижней палатой и правительством оказался исчерпанным. Рассмотрение Николаем вопроса о понижении статуса Думы было вызвано рецидивом ее оппозиционности, а не враждебностью царя идее законодательных учреждений. Как только менялось отношение Думы к правительству, менялось и отношение монарха к Думе. Состоявшаяся в декабре аудиенция М.В.Родзянко у Николая выявила с его стороны «вполне благожелательное отношение» к нижней палате. Царь указал на «нежелательность дальнейшей задержки в осуществлении реформ». По признанию М.В.Родзянко, «таким милостивым приемом» он удостоился «впервые». ⁹⁷

Консервативно-либеральный габитус Николая подталкивал императора к поиску компромисса с оппозицией. Попыткой такого компромисса был «новый курс». Его провозглашение сопровождала замена В.Н.Коковцова И.Л.Горемыкиным. ⁹⁸ Условия соглашения с оппозицией, базирующегося на Основных законах, Николай выдвинул в рескрипте, данном И.Л.Горемыкину 6 марта 1914 г. ⁹⁹ На практике Николай был готов идти намного дальше. Предвоенная сессия Думы ознаменовалась «небывало высокомилостивым» отношением к ней со стороны царя. ¹⁰⁰ Когда законопроект о введении городского самоуправления в Польше поступил в Государственный совет, И.Л.Горемыкин «открыто намекал» в его кулуарах, что «монарх стоит на стороне Думы». ¹⁰¹

Во время состоявшейся 10 апреля 1914 г. встречи с А.А.Клоповым, ¹⁰² выразителем пожеланий оппозиции, Николай, намекая на предстоящую либерализацию правительственного курса, заявил: «Подождите, будут большие перемены». ¹⁰³ Под переменами Николай подразумевал согласование своей кадровой политики с Думой, т.е. допущение в практику дуалисти-

ческой системы элементов парламентаризма. В мае фактический премьер и главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В.Кривошеин представил императору записку. В ней доказывалась необходимость увольнения неугодных Думе министров: народного просвещения — Л.А.Кассо, внутренних дел — Н.А.Маклакова и юстиции — И.Г.Щегловитова.¹⁰⁴ Записка получила одобрение царя, и запланированные кадровые перемены должны были состояться осенью 1914 г.

Примирительная политика Николая по отношению к оппозиции противоречила политической программе, за проведение которой выступали черносотенцы. Принципиальные разногласия разделяли монарха и крайние правых не только по вопросу о полномочиях Думы, но и по еврейскому вопросу. Национализм Николая, по сравнению с Александром III, не имел «крайнего, почти монолитного характера». Сын был «гораздо тоньше и культурнее отца».¹⁰⁵ Поэтому, в отличие от черносотенцев, император не являлся принципиальным антисемитом. В октябре 1915 г. он признался министру финансов П.Л.Барку, что «никакой неприязни к евреям не питает, смотрит на них так же, как и на всех других своих подданных».¹⁰⁶ В том же году Г.Е.Распутин сообщил своему секретарю А.С.Симановичу, что, «в общем, царь уж совсем не так враждебно относится к евреям, как это принято думать».¹⁰⁷ Не будучи антисемитом, император являлся противником еврейского неравноправия. Характеризуя Николая, английский журналист Д.Маккензи-Уоллес писал в 1911 г.: «Сочувствуя стремлениям своего отца — созданию из святой Руси однородной империи — он не одобрял основывавшихся на этом репрессивных мер против евреев».¹⁰⁸ В неприятии антиеврейских законов Николай был учеником Н.Х.Бунге, который полагал, что все ограничения евреев «требуют пересмотра».¹⁰⁹ В конечном итоге, царь являлся сторонником еврейского равноправия. Когда в октябре 1905 г. министр народного просвещения граф И.И.Толстой выдвинул перед Николаем аргументы в пользу этого, то он заметил: «Теоретически вы, я думаю, правы, но с практической точки зрения придется поработать над этим вопросом. Я не против равноправности евреев, но при решении вопроса необходимо оградить интересы русских людей».¹¹⁰ В январе 1917 г. Николай говорил иркутскому генерал-губернатору А.И.Пильцу: «Против почти полного равноправия евреев я лично ничего не имею».¹¹¹ Почему же царь не шел на немедленное дарование еврейского равноправия?

Николай верил в существование массового антисемитизма. По мнению монарха, немедленное дарование равноправия могло вызвать «негодование в некоторой части русского общества».¹¹² Царь опасался спровоцировать излишне либеральным курсом сопротивление ему со стороны народных масс. Именно поэтому Николай выступал за постепенное, а не немедленное проведение равноправия. Следовательно, политика царя в еврейском вопросе имела консервативно-либеральный характер. Это стало очевидным уже в начале правления Николая, когда он отказался от политики, проводившейся по отношению к евреям его отцом. «Со вступлением на престол императора Николая II, — вспоминал С.Ю.Витте, — последовало другое направление. Началось медленное и постепенное уничтожение сделанных ограничений».¹¹³

В ноябре 1897 г. И.Л.Горемыкин сообщил А.С.Суворину, что царь «желает веротерпимости».¹¹⁴ Сам император объявил об этом в манифесте 26 февраля 1903 г.¹¹⁵ Неудивительно, что по поводу произошедшего в апреле 1903 г. кишиневского погрома Николай выразил герцогу Эрнсту Гессен-Дармштадтскому свое «неудовольствие».¹¹⁶ Царь не только не сочувствовал погромщикам, но и содействовал постепенному проведению еврейского равноправия.¹¹⁷ Меры, нацеленные на облегчение жизни простых евреев, император утверждал сознательно. В октябре 1903 г. Николай говорил одесскому градоначальнику Д.Б.Нейдгарту, что он «против еврейских тузов, но не против еврейских масс; что, напротив того, он готов оказать доверие массе».¹¹⁸

Новые импульсы постепенному проведению еврейского равноправия дали указ 12 декабря 1904 г.¹¹⁹ и манифест 17 октября 1905 г.¹²⁰ После образования черносотенных организаций царь неоднократно и публично осуждал их погромную тактику.¹²¹ Местной администрации он постоянно приказывал не допускать погромов.¹²² Дистанцирование монарха от черносотенцев объяснялось его принципиальным согласием с идеей еврейского равноправия. Приверженность этой идее Николай доказал во время подготовки Основных законов 1906 г. Царь отказался от введения в них правовых ограничений евреев, что предлагал проект Основных законов, составленный начальником императорской военно-походной канцелярии графом А.Ф.Гейденом.¹²³

Содействуя постепенному проведению еврейского равноправия, его немедленное дарование Николай находил, однако, преждевременным. «Еврейский вопрос, — написал он на мемории Совета министров 20 января 1906 г., — должен быть рассмотрен в общей совокупности тогда, когда я признаю это благовременным».¹²⁴ Немедленное дарование еврейского равноправия Николай расценивал как акцию, способную привести к усилению социальной нестабильности и пагубно отразиться на евреях, поскольку народные массы, считал император, настроены антисемитски. В июне 1906 г. он говорил А.И.Гучкову, что меры по расширению прав евреев «могут вызвать сильное противодействие» и «повести к громадному всероссийскому погрому».¹²⁵ Разделяя такие взгляды, Николай отказался от предложенной П.А.Столыпиным немедленной отмены некоторых еврейских ограничений. На особом журнале Совета министров император написал 15 декабря 1906 г.: «Внести на рассмотрение Государственной думы».¹²⁶ Полное решение еврейского вопроса царь возложил на народных представителей. В то же время он оставался сторонником отмены отдельных антиеврейских законов.¹²⁷ Как и ранее, Николай содействовал постепенному проведению еврейского равноправия.¹²⁸

Подобно вопросу об отношении к Думе, еврейский вопрос не мог явиться точкой соприкосновения царя и черносотенцев. Консервативно-либеральный габитус Николая делал неизбежным расхождение между ним и ортодоксальными консерваторами. Почему же мнение о близости между царем и черносотенцами стало таким распространенным? Основная причина этого — ортодоксально-консервативные ритуалы Николая, вводившие в заблуждение современников и исследователей.

Ортодоксально-консервативные ритуалы царя скрывали за собой консервативно-либеральные практики.

Созданию превратного впечатления о политической индивидуальности Николая способствовала его крайняя скрытность. Подлинные политические взгляды монарха были тайной даже для представителей бюрократической элиты, причем не только в первые годы царствования Николая, но и позже.¹²⁹

Дистанцирование царя от партий также способствовало созданию неверного представления о политической индивидуальности Николая. Будучи сторонником либеральных реформ, он, однако, не хотел казаться либералом. «Отчего могли думать, что я буду либералом? — говорил Николай П.Д.Святополк-Мирскому в ноябре 1904 г. — Я терпеть не могу этого слова». Тем не менее, когда П.Д.Святополк-Мирский заметил, что «вы в душе либеральны», Николай «ничего определенного не ответил», т.е. молчаливо согласился с собеседником.¹³⁰ Отказ Николая от самоидентификации с какой-либо партией детерминировался мнением императора о том, что сутью царской власти является политическая нейтральность.¹³¹

Консервативно-либеральный габитус Николая заставлял его дистанцироваться не только от ортодоксального либерализма, но и от ортодоксального консерватизма. Николай считал себя левее консерваторов. «Вы знаете, что я запретил Грингмуту хвалить меня? — в мае 1901 г. поинтересовался царь у начальника главного управления по делам печати князя Н.В.Шаховского. — Он больший роялист, чем король, и больший католик, чем сам папа римский».¹³²

Беспартийности Николая не противоречило то, что 23 декабря 1905 г. он принял от А.И.Дубровина, лидера «Союза русского народа», его значок. Этот акт имел исключительно ритуальное значение.¹³³ Если бы свой значок императору преподнесла какая-либо либеральная партия, то он бы его тоже принял. Но вопрос об этом либералы никогда не поднимали. К осени 1907 г. крайне правые лишились у Николая всякого авторитета.¹³⁴ Получая от манифестаций черносотенцев доказательства лояльности простого народа, царь игнорировал их политические рекомендации.

Отсутствие близости между Николаем и черносотенцами доказывается личным составом придворного штата. В 1905–1907 гг. царь исключил из него общественных деятелей, имевших какое-либо отношение к нелегальной кадетской партии.¹³⁵ В то же время в течение 1906–1917 гг. придворные, которые были лидерами легальных либеральных партий, т.е. прогрессисты,¹³⁶ октябристы¹³⁷ и националисты,¹³⁸ составляли заметную прослойку, особенно по сравнению с придворными, являвшимися руководителями «Союза русского народа».¹³⁹ Последние составляли ничтожное меньшинство. Отсутствие близости между Николаем и черносотенцами доказывается и тем, что царь и царица не оказывали поддержки своими личными средствами черносотенным изданиям и организациям.¹⁴⁰ Первоначально сочувствием Николая пользовались октябристы.¹⁴¹ Затем, из-за левения их лидера А.И.Гучкова, предпочтениями царя стали пользоваться умеренно-правые.¹⁴² Лидер умеренно-правых П.Н.Балашев был «консервативно-либерального направления».¹⁴³ В конце марта 1911 г. с

подачи П.А.Столыпина, царь уверился в том, что «все, что правее Нейдгарта, — революционеры».¹⁴⁴ Лидер группы правого центра Государственного совета А.Б.Нейдгарт являлся единомышленником П.Н.Балашева. Несомненные симпатии Николая к умеренно-правым доказывали консервативно-либеральный характер его габитуса. В конкретном контексте политического спектра России начала XX в. царь являлся центристом. «Россия, — писал уже в эмиграции А.Ф.Мейендорф, — была страной причудливых мечтаний, в которой императорская власть была наименее эксцентричным центром».¹⁴⁵

Искажению представлений о политической индивидуальности царя способствовала политическая борьба, в пылу которой оппоненты Николая были склонны преувеличивать его консервативность и влияние на монарха крайне правых.¹⁴⁶ Наконец, из-за своего статуса царь являлся самым консервативным либералом Российской империи, и одно это приводило к аберрации зрения любого, даже наиболее умеренного оппозиционера. Но либеральные компоненты царского габитуса в июле 1914 г. сделали неизбежным выбор Николая в пользу «священного единения» с оппозицией.

2. «Распространить контроль Думы». Фактическое премьерство А.В.Кривошеина (июль 1914 — июль 1915 г.)

С началом войны альфой и омегой внутренней политики Николая II и правительства И.Л.Горемыкина стало поддержание «единения царя и народа».¹⁴⁷ Идею «священного единения» воплотила чрезвычайная сессия законодательных учреждений, состоявшаяся 26 июля 1914 г. Однодневную сессию премьер наметил по совету лидера фракции националистов П.Н.Балашева.¹⁴⁸ Созыв палат император публично объяснил своим желанием «быть в полном единении с народом».¹⁴⁹ Правительство пошло навстречу Думе не только в этом вопросе, но и относительно срока ее последующего созыва.

Министр внутренних дел Н.А.Маклаков предлагал не созывать нижнюю палату до осени 1915 г. Однако среди думцев обнаружилось единодушное желание перенести срок будущего созыва на более близкое время. О необходимости этого лидеры фракций сообщили фактическому премьеру, главноуправляющему землеустройством и земледелием А.В.Кривошеину. Он согласился, что «для поддержания создавшегося настроения» необходимо приблизить срок созыва.¹⁵⁰ Свою точку зрения А.В.Кривошеин доложил Совету министров. После обсуждения поднятого главноуправляющим вопроса правительство единогласно решило, что «к удовлетворению заявленного Думою пожелания препятствий не усматривалось бы». Поэтому срок ее будущего созыва министры отнесли ко времени «не позднее 1 февраля 1915 г.».¹⁵¹

Мнение Совета министров император утвердил 26 июля. В этот день, перед открытием чрезвычайной сессии законодательных учреждений, Николай принял депутатов в Зимнем дворце, выступив перед ними с благожелательной речью.¹⁵² На заседании палат «единение царя и народа»

нашло свое выражение в полной поддержке кабинета И.Л.Горемыкина подавляющим большинством Думы. Впервые со времени существования нижней палаты Совет министров получил вотум доверия всех ее фракций, за исключением социал-демократов.

Изменение отношения к правительству со стороны Думы, ранее находившейся в почти перманентной оппозиции, вызвало изменение отношения к нижней палате со стороны Николая.¹⁵³ Дума реабилитировала себя в глазах императора. Это, в свою очередь, обусловило координирование деятельности правительства с пожеланиями оппозиции. С началом войны Николаю «казалось необходимым, чтобы его правительство работало в полном согласии с Думой».¹⁵⁴

Пожелания оппозиции представил от имени левого крыла Думы ее председателю М.В.Родзянко лидер фракции трудовиков А.Ф.Керенский. Его программа содержала такие пункты, как политическая амнистия, восстановление конституции Финляндии, создание автономной Польши, культурная автономия национальных меньшинств, еврейское равноправие, религиозная терпимость, отказ от преследования профсоюзов и других рабочих организаций. Листок бумаги с программой реформ М.В.Родзянко передал императору. Николай, мельком проглядев листок, положил его на стол «без каких-либо замечаний».¹⁵⁵ В данном случае молчание было знаком согласия.

С первых же дней войны ради наполнения конкретным содержанием союза правительства и оппозиции царь учитывал ее пожелания при введении в августе и сентябре 1914 г. «сухого закона»¹⁵⁶ и частичной амнистии¹⁵⁷ и при решении польского¹⁵⁸ и еврейского вопросов.¹⁵⁹ Когда М.В.Родзянко попросил Николая «ускорить созыв Думы», обещанный в июле 1914 г., царь был «очень любезен».¹⁶⁰ Однако поддержание «единения царя и народа» мыслилось Николаю единственно в рамках дуалистической системы. Она исключала вмешательство Думы в управление, и прежде всего — в назначение и увольнение министров. В собственноручных пометах императора, делавшихся им на официальных документах периода войны, «развивались типичные для так называемых конституционно-дуалистических монархий рассуждения о недопустимости вторжения законодательной власти в область исполнительную».¹⁶¹

Единомышленником Николая являлся И.Л.Горемыкин.¹⁶² Демонстрируя благожелательное отношение к оппозиции, премьер лично приезжал к М.В.Родзянко для обсуждения вопроса о созыве Думы.¹⁶³ Платформу такого сотрудничества кабинета И.Л.Горемыкина и Думы, которое бы не выходило за пределы дуалистической системы, содержала записка Н.И.Туган-Барановского, директора канцелярии министра путей сообщения.¹⁶⁴ Записка была представлена А.В.Кривошеину в конце октября 1914 г.

Записка предусматривала разрешение польского и еврейского вопросов, осуществление мероприятий по ликвидации немецкого участия в российской экономике, принятие законов о неприкосновенности личности, об исключительных положениях, о свободе передвижения и печати, создание волостного земства, реформирование земских и городских учреждений, налоговой системы и мелкого кредита.¹⁶⁵

Если для осуществления либеральных реформ дуалисты не планировали выхода за пределы Основных законов, то парламентаристы с А.В.Кривошеиным во главе придерживались иной точки зрения.¹⁶⁶ «Священное единение» А.В.Кривошеин расценил как уникальную предпосылку для введения парламентаризма путем замены кабинета И.Л.Горемыкина коалиционным, общественно-бюрократическим кабинетом. Полагая, что положение дел могут исправить не паллиативы, а только радикальные уступки оппозиции, А.В.Кривошеин «мечтал образовать такой правительственный синклит, который заключал бы сколь можно больше лиц из общественной среды».¹⁶⁷

К парламентаризации верховного управления фактического премьера подталкивали не только его взгляды, но и связи с лидерами оппозиции, в частности — М.В.Родзянко и А.И.Гучковым.¹⁶⁸ Габитус А.И.Гучкова имел конфронтационный характер. Задолго до войны он являлся сторонником низложения Николая.¹⁶⁹ Этапом на пути к осуществлению своей цели А.И.Гучков считал установление парламентаризма, к чему стремился и А.В.Кривошеин. Поэтому у него существовали особо близкие отношения с А.И.Гучковым.¹⁷⁰ Их объединяло и то, что в качестве главного аргумента в пользу парламентаризма они использовали миф о влиянии на царя «темных сил», олицетворяемых Г.Е.Распутиным.¹⁷¹

Непосредственной предпосылкой парламентаризации верховного управления было, с точки зрения А.И.Гучкова и А.В.Кривошеина, увольнение в отставку неугодных оппозиции министров: народного просвещения — Л.А.Кассо, внутренних дел — Н.А.Маклакова, юстиции — И.Г.Щегловитова, а также обер-прокурора Синода В.К.Саблера. Все они, кроме более правого Н.А.Маклакова, являлись дуалистами.

Война придала большую актуальность борьбе А.В.Кривошеина с военным министром генералом В.А.Сухомлиновым, на которую фактического премьера вдохновляли А.И.Гучков и М.В.Родзянко.¹⁷² Против В.А.Сухомлинова действовал и другой парламентарист — министр иностранных дел С.Д.Сазонов.¹⁷³

В декабре 1914 г. выдвинулся вопрос об отставке И.Л.Горемыкина. Против нее сам он ничего не имел. И.Л.Горемыкин заявил французскому послу Ж.М.Палеологу 8 декабря 1914 г.: «Я так стар. Уж так давно следовало бы положить меня в гроб. Я говорил это еще на этих днях императору».¹⁷⁴ Главным кандидатом в премьеры, естественно, был А.В.Кривошеин. В конце 1914 г., писал 29 декабря лидер фракции центра граф В.В.Мусин-Пушкин своему тестю, кавказскому наместнику графу И.И.Воронцову-Дашкову, стало известно, что «будет новое министерство с Кривошеиным во главе».¹⁷⁵

Начиная постепенное осуществление выношенного им плана, А.В.Кривошеин решил назначить своим товарищем (заместителем) по должности главноуправляющего землеустройством и земледелием именно В.В.Мусина-Пушкина. К намерению фактического премьера царь отнесся «очень одобрительно».¹⁷⁶ На заседании правительства 23 января 1915 г. намерение А.В.Кривошеина получило и одобрение министров. В.В.Мусин-Пушкин был назначен товарищем главноуправляющего 9 февраля.¹⁷⁷ Он явился первым за всю историю Думы депутатом, перешедшим непосредственно из Таврического дворца на столь высокий пост.

После назначения графа предметом его совещаний с А.В.Кривошеиным оказалась идея «сборного кабинета», аналога «министерства доверия». Кто именно, по мысли фактического премьера, должен был войти в «сборный кабинет», видно из его списка, написанного рукой В.В.Мусина-Пушкина не позднее февраля и сохранившегося в бумагах А.В.Кривошеина.¹⁷⁸ «Комбинации» списка (см. таблицу 2 приложения) предусматривали создание кабинета, возглавляемого либо А.В.Кривошеиным, либо государственным контролером П.А.Харитоновым, другим лидером парламентаристов.¹⁷⁹ А.В.Кривошеин и В.В.Мусин-Пушкин полагали, что новый председатель Совета министров должен руководить министрами не только на заседаниях кабинета, но и при их докладах императору. Характеризуя полномочия премьера, граф писал про его «присутствие на докладах, когда [он] пожелает».¹⁸⁰ Большинство членов обновленного кабинета принадлежали бы к составу законодательных палат, а значит — и зависели бы от них. Это видно и из того, что явное предпочтение авторы списка отдавали поклонникам парламентаризма — кадетам, прогрессистам, левым октябристам и сочувствовавшим им сановникам. Замена кабинета И.Л.Горемыкина «синклитом» во главе с А.В.Кривошеиным или П.А.Харитоновым означала бы введение парламентаризма де-факто.

Первым шагом на пути к созданию общественно-бюрократического кабинета стало назначение 9 января управляющим Министерством народного просвещения графа П.Н.Игнатьева. Назначение графа, предшественника В.В.Мусина-Пушкина по должности товарища главноуправляющего, произошло с подачи А.В.Кривошеина и И.Л.Горемыкина после смерти дуалиста Л.А.Кассо. Своей предыдущей карьерой П.Н.Игнатьев, являвшийся парламентаристом, заслужил «популярность в общественных кругах».¹⁸¹ Другими кандидатами А.В.Кривошеина и В.В.Мусина-Пушкина в министры просвещения были выборный член Государственного совета граф Андрей А.Бобринский и брат А.И.Гучкова, московский общественный деятель Н.И.Гучков.

Николай обдуманно назначил кандидата, приемлемого для Думы. При получении министерского портфеля П.Н.Игнатьев заявил императору, что считает необходимым работать «в полном единении с Государственной думой». Николай выразил «одобрение» такому взгляду и надежду на то, что это графу «удастся».¹⁸² Однако сотрудничество правительства и оппозиции не должно было, по мнению царя, вести к установлению парламентаризма. В начале 1915 г. А.И.Гучков говорил, подразумевая дарование «ответственного правительства», что «пока шансов на это мало», поскольку царь «упорен и хитер».¹⁸³

Накануне созыва Думы фактический премьер активизировал свои усилия, направленные на то, чтобы добиться от Николая согласия на введение парламентаризма. В это время А.В.Кривошеин считал, что «существенная задача министров — устранить несогласие, которое обнаруживается в течение нескольких месяцев между правительством и общественным мнением». «Это условие, — полагал фактический премьер, — *sine qua non* [непременное условие. — С.К.] нашей победы». Именно об этом А.В.Кривошеин говорил императору 19 января.¹⁸⁴ Через четыре дня, 23 января,

фактический премьер объявил Ж.М.Палеологу: «Я считаю, что более определенное ограничение императорской власти все же необходимо, а также, что надо будет распространить контроль Думы на управление; наконец, я считаю, что надо будет осуществить во всех наших ведомствах широкую децентрализацию».¹⁸⁵ Следовательно, А.В.Кривошеин хотел добиться ограничения царской власти не только в законодательстве, но и в управлении, т.е. именно введения парламентаризма и замены дуалистической монархии монархией парламентарной.

Приверженность А.В.Кривошеина парламентаризму была принципиальной. Столь масштабную уступку, как его введение, фактический премьер планировал тогда, когда авторитет власти, благодаря успехам, сопутствовавшим русскому оружию вплоть до марта 1915 г., находился на недостижимой высоте и не давал никакого повода к тому, чтобы задумываться о способах успокоения оппозиции.

Шагом на пути к парламентаризации верховного управления стала трехдневная сессия Думы, проходившая 27–29 января 1915 г. За день до ее открытия прошло частное совещание Комиссии государственной обороны с участием кабинета. На совещании деятельность министров подверглась критике со стороны лидеров оппозиции. Вдохновителем этой критики был А.И.Гучков.¹⁸⁶ Несмотря на выявившийся конфликт между правительством и Думой, И.Л.Горемыкин произнес на совещании «несколько примирительных слов».¹⁸⁷ В декларации премьера, зачитанной им 27 января, говорилось «о предстоящей правительству, в дружном единении с законодательными учреждениями, созидательной деятельности в области внутренней жизни страны».¹⁸⁸

Благожелательное отношение И.Л.Горемыкина к оппозиции продемонстрировал и раут, устроенный премьером 30 января для членов Думы и Государственного совета. Раут означал, что И.Л.Горемыкин «не чуждается их, а, наоборот, желает установить добрые с ними отношения».¹⁸⁹ Представление о реформах, на которые были готовы идти дуалисты, дает очередная записка Н.И.Туган-Барановского, датированная 31 января. В записке мотивировалась необходимость автономии Польши, уравнивания в правах евреев, развития местного самоуправления, политической амнистии, подоходного налога, а также законов о свободе личности, союзов, собраний, печати, совести, передвижения и преподавания.¹⁹⁰

В отличие от дуалистов, парламентаристы придавали первостепенное значение координированию с Думой высшей кадровой политики. Именно этим было вызвано последовавшее 21 февраля назначение управляющим Министерством торговли и промышленности, вместо С.И.Тимашева, начальника управления внутренних водных путей и шоссейных дорог МПС князя В.Н.Шаховского. Кандидатами А.В.Кривошеина и В.В.Мусина-Пушкина в министры торговли являлись граф Андрей А.Бобринский, Н.И.Гучков, лидер фракции прогрессистов А.И.Коновалов и другой прогрессистский лидер — С.И.Четвериков. Явное предпочтение А.В.Кривошеин отдавал Н.И.Гучкову и С.И.Четверикову. В последний момент фактический премьер выдвинул В.Н.Шаховского как «человека, пользующегося симпатиями Думы».¹⁹¹

Неожиданность появления князя на посту министра торговли породила слухи о том, что для получения этого поста он использовал Г.Е.Распутина.¹⁹² Однако мнение о причастности старца к назначению В.Н.Шаховского совершенно неосновательно. В январе—феврале 1915 г., накануне своего назначения, князь ни разу с Г.Е.Распутиным не встречался.¹⁹³

Еще одним актом координирования высшей кадровой политики с оппозицией стало назначение товарищем министра просвещения выборного члена Государственного совета А.К.Рачинского, фигурировавшего в списке А.В.Кривошеина и В.В.Мусина-Пушкина. Предположение П.Н.Игнатьева о замене А.К.Рачинским барона М.А.Таубе кабинет одобрил 13 марта. Назначение А.К.Рачинского произошло 3 апреля.¹⁹⁴ Все эти кадровые перемены, следовавшие до и после краткой сессии Думы, как и сама эта сессия, не означали демонтажа дуалистической системы, к чему стремилась оппозиция. В результате — противоречия между кабинетом и Думой лишь усилились.

Колебание «священного единения», в свою очередь, усилило противоречия между парламентаристами и дуалистами внутри правительства.¹⁹⁵ Борьба А.В.Кривошеина с его оппонентами, и прежде всего В.А.Сухомлиновым, весьма способствовало делу полковника С.Н.Мясоедова, бесосновательно обвиненного в измене. Слухи о связи С.Н.Мясоедова с В.А.Сухомлиновым раздували князь М.М.Андроников, А.И.Гучков и назначенный член Государственного совета генерал А.А.Поливанов.¹⁹⁶ Дело С.Н.Мясоедова А.И.Гучков рассматривал как этап на пути к демонтажу дуалистической системы.¹⁹⁷ Союзниками оппозиции были парламентаристы. Они принимали за чистую монету обвинения, выдвигавшиеся по адресу С.Н.Мясоедова и В.А.Сухомлинова, тем более что эти обвинения дали дополнительные аргументы в пользу парламентаризации верховного управления.¹⁹⁸ Поэтому весну 1915 г. фактический премьер и его соратники посвятили дальнейшему воплощению плана радикального обновления кабинета.

Конкретизируя мотивы поведения парламентаристов, один из них, министр финансов П.Л.Барк, писал: «Ввиду натянутых отношений между Думой и правительством было два выхода: или нужно было распустить Думу на все время войны и возложить всю ответственность за все будущие события полностью на правительство государя императора, или же принять все возможные меры, чтобы Дума разделила ответственность за войну с государем императором и исполнительной властью». «Наше мнение, — подчеркивал П.Л.Барк, — было таково: раз парламентский режим введен у нас и так как Дума состоит из избранных представителей народа, необходимо, чтобы эти представители и через их посредство нация были призваны оказать поддержку в грозном кризисе, переживаемом страной».¹⁹⁹

В своих рассуждениях П.Л.Барк весьма последователен. Действительно, с точки зрения дуалистической системы правительство, неся ответственность исключительно перед императором, а не законодательными палатами, имело законное право игнорировать народное представительство. Однако, допуская разделение лежавшей на нем ответственности за управление с Думой даже на короткое время, правительство создавало совершенно иную ситуацию. Суть ее как раз и была в постепенном, состоящем из целого ряда прецедентов переходе к парламентаризму.

Одним из прецедентов на пути к парламентаризации верховного управления стало создание Особого совещания по усилению снабжения действующей армии главнейшими видами довольствия. Его прототипом являлся Комитет военных заготовок. Создание комитета, вместе с тремя другими комитетами (по продовольствию страны и армии, снабжению топливом и делам Польши), планировали в начале 1915 г. А.В.Кривошеин и В.В.Мусин-Пушкин. Председатели комитетов (депутат Думы, бывший товарищ ее председателя князь В.М.Волконский, главноуполномоченные Земского и Городского союзов князь Г.Е.Львов и М.В.Челноков и выборный член Государственного совета И.А.Шебеко) должны были войти в кабинет на правах министров без портфелей. Особые совещания по усилению снабжения действующей армии и Польше правительство создало в мае, а по продовольствию и топливу — в августе 1915 г. Первенствующее значение имело Особое совещание по усилению снабжения. Оно начало функционировать 14 мая.

Наряду с бюрократами, членами совещания стали М.В.Родзянко, его заместитель А.Д.Протопопов, секретарь Думы И.И.Дмитрюков, член кадетской фракции А.А.Добровольский и лидер фракции земцев-октябристов Н.В.Савич. По справедливому замечанию В.С.Дякина, «включение в совещание думцев было небывалым явлением в российской практике».²⁰⁰ М.В.Родзянко сразу же выступил за то, чтобы совещание получило статус не межведомственного учреждения, а органа верховного управления, хотя это противоречило Основным законам, не предусматривавшим участия законодателей в деятельности подобных органов.

На заседании Совета министров, состоявшемся 29 мая, во время обсуждения проекта положения об Особом совещании претензии думцев получили отпор со стороны дуалистов — И.Г.Щегловитова и В.К.Саблера, а также Н.А.Маклакова. Несоответствие статуса совещания предшествовавшей практике верховного управления признал и лидер парламентаристов. Целесообразность изменения сложившейся практики А.В.Кривошеин мотивировал не политическими, а функциональными причинами: «Такого соединения власти исполнительной и законодательной никогда не было. Но положение настолько тревожно, что надо на все закрыть глаза, лишь бы иметь не уверенность, а надежду, что все будет сделано».²⁰¹ Благодаря фактическому премьеру положение об Особом совещании министры одобрили в редакции думцев. Это решение правительства царь утвердил 7 июня.²⁰²

Тактика А.В.Кривошеина доказывала, что его стратегической целью было введение парламентаризма если не де-юре, то де-факто.²⁰³ Поэтому повышенное внимание неформального премьера и сочувствовавших ему министров занимал вопрос о созыве законодательных учреждений. Прерывая в январе 1915 г. занятия Думы, Николай планировал возобновить их «не позднее ноября 1915 г.».²⁰⁴ Но в мае этого года парламентаристы решили добиться созыва в ближайшее же время. Для получения правительством вотума доверия Думы они хотели приурочить к началу ее занятий удаление из кабинета Н.А.Маклакова, В.К.Саблера, В.А.Сухомлинова и И.Г.Щегловитова. От выступления против И.Л.Горемыкина министры-

оппозиционеры пока воздерживались. Они полагали, что без дуалистов роль престарелого премьера «будет ничтожна».²⁰⁵

Преемником Н.А.Маклакова А.В.Кривошеин предложил назначить выборного члена группы правого центра Государственного совета и главноуправляющего государственным коннозаводством князя Н.Б.Щербатова. Кроме него, кандидатами в министры внутренних дел были сам фактический премьер, В.М.Волконский и товарищ министра внутренних дел генерал В.Ф.Джунковский. В списке А.В.Кривошеина и В.В.Мусина-Пушкина генерал фигурировал в двух из трех комбинаций.²⁰⁶ В конце мая В.В.Мусин-Пушкин выдвинул В.Ф.Джунковского на пост министра полиции.²⁰⁷

Преемниками В.К.Саблера и В.А.Сухомлинова фактический премьер предложил сделать назначенных членов Государственного совета А.Д.Самарина (правая группа) и А.А.Поливанова (кружок внепартийного объединения). Они также присутствовали в списке А.В.Кривошеина и В.В.Мусина-Пушкина.

В министры юстиции А.В.Кривошеин хотел провести либерального сенатора П.Н.Милютина или назначенного члена группы центра верхней палаты С.С.Манухина.²⁰⁸ Но, чтобы не обидеть формального премьера, выбор преемника И.Г.Щегловитова А.В.Кривошеин предложил предоставить исключительно И.Л.Горемыкину. Впоследствии на пост министра юстиции премьер выбрал своего бывшего сотрудника по МВД — назначенного члена правой группы Государственного совета А.А.Хвостова.

Выражая мнение единомышленников, 28 мая П.Л.Барк потребовал от И.Л.Горемыкина обратиться к Николаю с просьбой о приближении созыва Думы и замене неугодных оппозиции министров сановниками, пользующимися общественным доверием. И.Л.Горемыкин не только присоединился к этому требованию, но и пошел дальше. Он заметил: «В сущности, нужно было бы, чтобы более молодой человек заменил меня, я слишком стар для вас всех».²⁰⁹ Во время встречи с императором, состоявшейся 30 мая,²¹⁰ И.Л.Горемыкин получил от Николая согласие по всем пунктам. Тогда же премьер, сознавая свою неприемлемость для Думы, умолял императора принять его отставку. Николай дал на это «лишь уклончивый ответ».²¹¹

Параллельно с министрами действовал М.В.Родзянко. На следующий день, 31 мая,²¹² председатель Думы постарался доказать императору, что Н.А.Маклаков, В.К.Саблер, В.А.Сухомлинов и И.Г.Щегловитов «совершенно нетерпимы». Реакция Николая на выступление М.В.Родзянко была благосклонной. По окончании беседы с председателем Думы Николай сказал: «Благодарю вас за ваш прямой, искренний и смелый доклад». В дополнение к докладу М.В.Родзянко отправил императору письмо, в котором еще раз доказывал, что «необходимо удалить Сухомлинова и ускорить созыв Думы». На выдвижение этих требований, как и на постановку вопроса о низложении Николая, председателя нижней палаты подталкивал А.И.Гучков.²¹³

Наступление парламентаристов и лидеров оппозиции против дуалистов увенчал демарш, направленный против Г.Е.Распутина. В его гипотетическом влиянии на царицу, а через нее — на царя, противники старца видели преграду на пути к парламентаризму. Вечером 1 июня В.Ф.Джун-

ковский, с ведома Н.А.Маклакова, доложил императору о скандальном поведении Г.Е.Распутина при посещении им в марте 1915 г. московского ресторана «Яр».²¹⁴ На обвинение старца В.Ф.Джунковский решился несмотря на то, что документальная база для этого была зыбкой.²¹⁵ Генерал заявил Николаю, что поведение Г.Е.Распутина представляет «опасность, которая угрожает государству и династии». В.Ф.Джунковский полагал, что старец является «орудием какого-нибудь сообщества, которое хочет повлечь Россию к гибели». На просьбу генерала разрешить ему расследование деятельности Г.Е.Распутина Николай ответил: «Я вам не только разрешаю, но я вас даже прошу сделать это. Но, пожалуйста, чтобы все эти доклады знал я и вы, это будет между нами».²¹⁶

Просьбы царя генерал не выполнил. Доклад о Г.Е.Распутине В.Ф.Джунковский показал великому князю Дмитрию Павловичу, который рассказал о нем отцу, великому князю Павлу Александровичу, и сестре А.А.Вырубовой А.А. фон Пистолькорс.²¹⁷ Впоследствии поведение генерала привело к разочарованию царя в В.Ф.Джунковском и его отставке.

Объединенные усилия И.Л.Горемыкина, парламентаристов и лидеров оппозиции были весьма результативными. Беседуя с М.В.Родзянко 2 июня, И.Л.Горемыкин заявил: «Подождите настаивать на немедленном созыве Думы и отложите его до того времени, когда последует смена некоторых министров. А такая смена будет, я вас в этом могу уверить, так как уже беседовал по этому поводу с государем, и он согласился с необходимостью изменения министерского кабинета».²¹⁸

Уже 4 июня Николай послал главноуправляющему Собственной канцелярией А.С.Танееву следующую записку: «Пришлите мне указ об увольнении министра внутренних дел и о назначении управляющим Министерством внутренних дел управляющего государственным коннозаводством князя Щербатова. Составьте краткий теплый рескрипт на имя Маклакова. Николай».²¹⁹ Замена Н.А.Маклакова Н.Б.Щербатовым произошла 5 июня, В.А.Сухомлинова А.А.Поливановым — 13 июня, В.К.Саблера А.Д.Самариным — 5 июля и И.Г.Щегловитова А.А.Хвостовым — 6 июля.²²⁰

Назначения Н.Б.Щербатова, А.А.Поливанова и А.Д.Самарина состоялись несмотря на то, что против этих назначений была императрица Александра Федоровна. Против назначения А.Д.Самарина высказался Г.Е.Распутин.²²¹

Новые члены кабинета пользовались «доверием Думы».²²² В итоге совершенных летом 1915 г. кадровых перемен возникла реальная предпосылка для фактического введения парламентаризма. Его сторонники составили в кабинете подавляющее большинство, а первую скрипку играл А.В.Кривошеин. Парламентаристы входили в так называемую «прогрессивную группу».²²³

За летними назначениями было не только влияние А.В.Кривошеина, но и не находившееся в прямой зависимости от обострения внутривнутриполитической ситуации «личное желание» Николая привлечь общественных деятелей на министерские посты.²²⁴ Настаивая на том, что «эти перемены должны состояться, и нужно выбирать человека, имя которого известно всей стране и единодушно уважается», царь писал супруге: «С такими людьми в правительстве можно работать, и все они будут держаться сплоченно — это совершенно несомненно».²²⁵

Легкость, с которой Николай шел на удовлетворение требований парламентаристов летом 1915 г., объяснялась тем, что обновление кабинета протекало в рамках дуалистической системы, без формального влияния на формирование правительства со стороны Думы, пока что не заседавшей. Само же по себе участие в высшем управлении отдельных общественных деятелей данной системе не противоречило.²²⁶ Согласование кадровой политики с обществом, не колеблющее дуалистической системы, казалось императору более чем необходимым, особенно в условиях нараставшего внутриполитического кризиса, вызванного поражениями русской армии. Когда 9 июня английский посол Д.У.Бьюкенен сообщил Николаю об образовании в Англии коалиции «из лучших умов страны», он «согласился, что при таком большом национальном переломе это — единственный путь».²²⁷

Если царь и бюрократы, ради сохранения «священного единения», шли на дальнейшие уступки оппозиции, ее лидеры на уступки идти не хотели. Выступая 7 июня на конференции кадетской партии, П.Н.Милюков заявил: «У нас противопоставляются не одна партия другой: правительственная — оппозиционной, у нас противопоставляются бюрократия и общество».²²⁸ Точка зрения П.Н.Милюкова, грешившая догматизмом, не отражала реальной ситуации, сложившейся на вершине власти в годы войны. При воплощении курса на «священное единение» правительства и оппозиции, выступавшей за введение парламентаризма, влияние его идеологии на представителей бюрократической элиты сильно возросло.²²⁹ Тем не менее П.Н.Милюков, а за ним — и большинство членов кадетской партии, с упорством, достойным лучшего применения, придерживались устаревшего мнения о реакционности всей бюрократии и необходимости не союза, а борьбы с нею.

Кадеты, подчеркивал оппонент П.Н.Милюкова слева, привыкли к положению «безответственной оппозиции», а потому им было трудно встать «на точку зрения здорового компромисса».²³⁰ Непримируемость наиболее влиятельного лидера оппозиции носила всеобъемлющий характер.²³¹

Кадеты, настроенные по отношению к бюрократической элите примирительно, составляли явное меньшинство. Политика А.В.Кривошеина встречала с их стороны полную поддержку.²³² П.Б.Струве, наиболее принципиальный сторонник самого тесного союза бюрократических и общественных деятелей, вообще вышел из кадетского ЦК. В июне 1915 г. он выдвинулся на роль политического консультанта фактического премьера.

В письме от 11 июня П.Б.Струве развернул перед А.В.Кривошеиным аргументацию в пользу немедленного разрешения вопросов об обновлении кабинета и созыве Думы. Выступая за то, чтобы «власть закрепила себя на известном минимуме и закрепила общественное мнение на этом минимуме», П.Б.Струве высказался за «скорейший “ремонт” правительства в пришедших в негодность частях» и приглашение в Совет министров, на правах членов без портфеля, «общественных деятелей, пользующихся широким доверием», а именно — А.И.Гучкова и князя Г.Е.Львова. После такого «ремонта» правительства, полагал П.Б.Струве, «скорейший созыв» Думы «не страшен несколько, и чем скорее он будет произведен, тем глаже он сойдет».²³³

Еще дальше П.Б.Струве шел в это время В.В.Мусин-Пушкин. После ознакомления с письмом П.Б.Струве граф не только согласился с аргументацией этого письма, но и настойчиво призывал своего патрона сместить И.Л.Горемыкина, который «больше не ко времени», и занять его место.²³⁴

Прежде чем отставить И.Л.Горемыкина, необходимо было добиться созыва Думы. Окончательное решение этого вопроса последовало на заседании правительства, состоявшемся 13 июня в Барановичах, где располагалась Ставка верховного главнокомандующего. В ходе заседания министры остановились на мысли о том, что необходимо, в дополнение к обновлению кабинета, обнародовать обращение царя к народу. Оно должно было, «ободряя общество», призвать его «к совместной с правительством работе для подготовки победы» и указать «на предстоящий созыв Государственной думы».²³⁵ Подобное обращение А.В.Кривошеин предложил сделать в форме царского рескрипта на имя И.Л.Горемыкина. Его проект, составленный неформальным премьером, министры тут же одобрили. Николай подписал рескрипт 14 июня.²³⁶

Настаивая на скорейшем созыве Думы, А.В.Кривошеин и другие парламентаристы вступали в противоречие с дуалистической системой. В контексте внутриполитической ситуации лета 1915 г. фактическое введение парламентаризма означал уже сам экстренный созыв нижней палаты. Для дуалистов это не вызывало никакого сомнения. «Созыв Государственной думы, в настоящее тяжелое время, должен являться крайне опасным, — писал А.В.Кривошеину 16 июня бывший начальник Петербургского охранного отделения отставной генерал А.В.Герасимов. — Опасность заключается в возможном захвате правительственной власти Государственной думой». А.В.Герасимов полагал, что «при вырастающем авторитете Государственной думы в глазах общества последнее может признать в лице Думы правительственную исполнительную власть».²³⁷

На опасность досрочного созыва Думы обращал внимание в записке, датированной 1 и представленной А.В.Кривошеину 20 июня, и Н.И.Туган-Барановский, выступавший с позиций принципиального дуалиста. «Государственная дума Российской империи, — писал он, — является учреждением чисто законодательного характера». «В России не было парламентаризма, — подчеркивал Н.И.Туган-Барановский. — Власть принадлежала и принадлежит государю императору». С этой точки зрения «внезапный, для постоянной деятельности», созыв Думы символизировал бы «переход к новым формам управления».²³⁸

Хотя прогнозы высокопоставленных аналитиков относительно последствий созыва полностью сбылись, неформальный премьер не изменил своего политического курса. Это является очевидным доказательством того, что А.В.Кривошеин действовал в пользу введения парламентаризма вполне сознательно.

И.Л.Горемыкин, понимая, что функционирование Думы при обострении внутриполитического кризиса может повести к фактическому демонтажу дуалистической системы, сначала всячески оттягивал созыв нижней палаты. Он хотел пойти на это не ранее начала августа. Тогда 24 июня Совет старейшин Думы в полном составе отправился к И.Л.Горемыкину.

Думцы сообщили премьеру постановление Совета старейшин о необходимости скорейшего созыва законодательных палат. И.Л.Горемыкин ответил, что ставит определение дня созыва «в зависимость от подготовки правительственных законопроектов», и обещал обсудить вопрос о созыве на ближайшем заседании Совета министров, т.е. 26 июня.²³⁹ На заседании И.Л.Горемыкин, сообщив о встрече с думцами, отнесся к их предложению скептически. Но благодаря парламентаристам, вопреки премьеру и поддерживавшей его царше, созыв Думы был намечен на 19 июля, годовщину начала войны.²⁴⁰

Согласившись на приближение созыва, премьер, однако, решил добиться хотя бы предварительного ограничения срока занятий палат. Вопрос об этом И.Л.Горемыкин поднял на заседании Совета министров, состоявшемся 7 июля. Мотивируя, с точки зрения дуалистической системы, необходимость ограничения длительности думских занятий, И.Л.Горемыкин сослался на то, что даже в союзных странах «общих собраний законодательных палат не было и действовало правительство при содействии комиссии из членов законодательных палат». Поскольку такая комиссия, в виде Особого совещания по снабжению армии, действовала теперь и в России, премьер находил, что «нет основания законодательным палатам длительно заседать». Парламентарист П.Н.Игнатьев выступил решительно против ограничения занятий Думы заранее определенным сроком и был поддержан единомышленниками — А.В.Кривошеиным, А.А.Поливановым и А.Д.Самариным. «В первый раз, — отмечал П.Н.Игнатьев, — активное выступление председателя Совета министров встретило неодобрение».²⁴¹

Точку зрения премьера оспорили также парламентаристы П.Л.Барк, П.А.Харитонов и Н.Б.Щербатов и дуалисты С.В.Рухлов и А.А.Хвостов.²⁴² Николай поддержал большинство кабинета, подписав уже 8 июля указ о созыве Думы 19 июля, причем указ не содержал каких-либо ограничительных условий.²⁴³ Впрочем, выступление министров против И.Л.Горемыкина не поколебало его положения. «Горемыкин сильнее сильного, — писал брату М.М.Андроников, — и никуда не уходит. Это говорят вздор».²⁴⁴ Расхождение между премьером и остальными министрами доказывало, что А.В.Кривошеин и его единомышленники уже явно начинали выходить за пределы дуалистической системы. Это стало еще более очевидным на заседании Совета министров 14 июля, когда рассматривался законопроект об Особом совещании. Он подразумевал объединение мероприятий лишь по обеспечению армии предметами боевого и материального снабжения.

По настоянию А.В.Кривошеина в законопроект были внесены существенные изменения. Они сводились к возложению на Особое совещание, помимо задачи снабжения армии, еще и принятия мер «к обеспечению топливом, а равно согласование отдельных по продовольственному делу мероприятий, вызываемых временными обстоятельствами».²⁴⁵ Идея изменений, которые предложил А.В.Кривошеин, совпадала с идеей «общественной диктатуры», выдвинутой в начале июня, в качестве первого шага на пути к «ответственному министерству», фракцией прогрессистов.²⁴⁶ Следовательно, предложение фактического премьера, помимо функционального, имело и политический подтекст, подтверждающий, как

и позиция А.В.Кривошеина по другим вопросам, решавшимся правительством летом 1915 г., что в пользу введения парламентаризма он действовал сознательно.

Впрочем, пока фактический премьер и его сторонники не выказывали слишком явного стремления выйти за границы дуалистической системы, их политика находила полную поддержку у формального премьера. Текст его декларации был выработан именно А.В.Кривошеиным и на заседании правительства 16 июля одобрен «с незначительными редакционными исправлениями».²⁴⁷

Принципиальное противоречие между взглядами И.Л.Горемыкина и А.В.Кривошеина на разрешение внутриполитического кризиса выявилось полностью после открытия 19 июля очередной сессии Думы. В течение сессии премьер осуществил ряд мер, имевших целью поддержание «священного единения». На первом заседании Думы И.Л.Горемыкин выступил с декларацией. В ней подчеркивалось, что свою дальнейшую деятельность правительство представляет «не иначе, как в полном единомыслии с законодательными учреждениями».²⁴⁸

Первые дни сессии показали всю тщетность надежд на единомыслие правительства и Думы. Она отказалась от признания обновленного кабинета «министерством доверия», что повело к обострению борьбы между дуалистами и парламентаристами. На заседании кабинета, состоявшемся 24 июля, министры пришли к выводу, что Дума настроена «непримиримо» и правительство «не может ждать от нее поддержки». После этого отношения между членами кабинета и премьером приобрели «нервный характер».²⁴⁹ Тем не менее И.Л.Горемыкин, идя навстречу желанию оппозиции, 24 июля высказался за назначение особой комиссии для расследования деятельности В.А.Сухомлинова и привлечение в нее членов Думы и Государственного совета. О согласии царя на создание комиссии, существенно расширявшей полномочия Думы, ее уведомил 30 июля А.А.Поливанов.²⁵⁰

Уступкой кабинета оппозиции стало и состоявшееся 27 июля назначение товарищем министра внутренних дел В.М.Волконского.²⁵¹ Когда фактический премьер выдвинул его кандидатуру, то кабинет единогласно приветствовал это предложение. Министры были убеждены, что «при содействии Волконского можно будет добиться хороших сношений с Думой».²⁵²

Цель, которую имели в виду А.В.Кривошеин и его сторонники при назначении князя, состояла в том, чтобы добиться «хороших сношений» путем введения парламентаризма. Вскоре после назначения В.М.Волконского министры поручили ему дать заключение по законодательному предположению «о расширении запросного права Государственной думы».²⁵³ Предположение это было разработано в МИДе по инициативе С.Д.Сазонова и с ведома А.В.Кривошеина. Мидовский проект подразумевал установление «широкого контроля Думы над всеми действиями правительства, что являлось первой серьезной ступенью к парламентскому режиму».²⁵⁴

Готовя демонтаж дуалистической системы, парламентаристы нанесли еще один удар по Г.Е.Распутину, который расценивался ими как главная преграда на пути к этому. В.М.Волконский и Н.Б.Щербатов сняли существовавший с 1912 г. запрет писать о старце. В августе пресса снова «заго-

ворила о нем».²⁵⁵ Газеты способствовали широкому распространению бездоказательных слухов о германофильстве Г.Е.Распутина.

Характер уступок, на которые пошло правительство летом 1915 г., был таков, что современники расценили их как фактическое введение парламентаризма.²⁵⁶ Однако уступки, сделанные в рамках дуалистической системы для успокоения оппозиции, не привели к упрочению «священного единения». Оппозиционеры расценили сделанные уступки как поводы для предъявления требований о более радикальных уступках, направленных на введение парламентаризма не только де-факто, но и де-юре. В ходе заседания кабинета 4 августа министры говорили, что тон Думы «вышается» и все ярче видны с ее стороны «захватные стремления».²⁵⁷

Непримиримостью Думы Николай был «горько разочарован».²⁵⁸ Но, несмотря на то, что оппозиционность нижней палаты росла, царь не пошел на немедленный перерыв ее занятий, хотя это диктовала логика дуалистической системы. Николай надеялся, что соглашение правительства с Думой на базе Основных законов по-прежнему достижимо. Надеялся на это и И.Л.Горемыкин. Именно с его согласия 4 августа министры поручили А.А.Поливанову и Н.Б.Щербатову переговорить с М.В.Родзянко и лидерами фракций относительно дальнейшего течения занятий Думы.²⁵⁹

Более того, продолжая реформаторскую деятельность, на заседании 4 августа кабинет уполномочил управляющего МВД разрешить евреям «жительство в городских поселениях вне черты общей их оседлости, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министров Двора и военного».²⁶⁰ Тем самым отменялась черта еврейской оседлости. Решение правительства в известной степени стало результатом датированного 1 августа письма П.Б.Струве А.В.Кривошеину. В нем доказывалась необходимость этой меры.²⁶¹ Но самое главное — она встретила полную поддержку царя. С его стороны «никакого сопротивления» в данном случае «не было». Поэтому ликвидация черты оседлости прошла «довольно легко».²⁶²

На заседании кабинета 9 августа последовала отмена процентной нормы в вузах для евреев—участников войны и их детей, а также детей евреев, служивших по Министерству народного просвещения.²⁶³ Решение об этом император утвердил уже 10 августа. Сразу после принятия 23 августа верховного главнокомандования Николай «по собственной инициативе» отменил практиковавшиеся Ставкой «бесчеловечные притеснения евреев».²⁶⁴

Признание необходимости либеральных реформ объединяло царя, премьера и парламентаристов. Разъединяло их лишь одно — полярные мнения относительно введения парламентаризма. Если царь и И.Л.Горемыкин полагали, что преодоление внутривластного кризиса возможно только при сохранении дуалистической системы, то фактический премьер именно вследствие кризиса начал действовать еще активнее в пользу введения парламентаризма. Результатом этого стало появление Прогрессивного блока.

3. «На счет казны». Парламентаристы, дуалисты и общественные организации (июль 1914 — август 1915 г.)

При проведении курса на «священное единение» важнейшее значение приобрели отношения правительства с общественными организаци-

ями — Земским и Городским союзами.²⁶⁵ Их появлению предшествовала либерализация правительственной политики, которая в области самоуправления нашла свое выражение в привлечении земств и городов к признанию солдатских семей.²⁶⁶

Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам был образован 30 июля 1914 г. в Москве, на съезде председателей губернских земских управ. Его главноуполномоченным земцы избрали князя Г.Е.Львова. Начиная с 1904 г. он возглавлял Общеземский союз помощи больным и раненым воинам. Неделий позже, 8—9 августа, также в Москве на съезде городских голов образовался Всероссийский союз городов. Его главноуполномоченным являлся товарищ московского городского головы В.Д.Брянский, а затем — московский голова М.В.Челноков.

Создание организаций, объединяющих органы местного самоуправления, противоречило закону. Городской союз, указывал М.В.Челноков, «не имел под собой никакого законного основания. Он был сооружен просто явочным порядком».²⁶⁷ Кроме того, поначалу союзы не представляли все местное самоуправление.²⁶⁸

Несмотря на то, что, согласно закону, органы самоуправления уже были объединены в рамках МВД, Совет министров не сопротивлялся возникновению новых общественных организаций. Съезд городских голов состоялся благодаря разрешению кабинета, последовавшему 30 июля.²⁶⁹

Благожелательное отношение правительства к союзам дошло до того, что оно согласилось на появление во главе их оппозиционных, а не более лояльных деятелей, хотя это вело к усилению политической роли оппозиции. В официальных кругах Общеземский союз и Г.Е.Львов «считались неблагонадежными» по причине их «кадетизма». Благодаря своему руководству «кадетской организацией» был и Городской союз.²⁷⁰

Почему же в таком случае Совет министров не препятствовал образованию и деятельности союзов? Одна из причин этого — обстоятельство функционального характера. Потребность в оказании помощи больным и раненым солдатам резко выросла с первых же дней войны. Но для ее удовлетворения существовали казенные учреждения. «Нельзя сказать, чтобы эта существенная потребность, — отмечал П.Г.Курлов, — объяснялась дефектами санитарной части Военного министерства: казенные госпитали и санитарные поезда имелись с первого момента войны».²⁷¹

Эффективность казенных учреждений общественные деятели оценивали крайне низко. Однако, по свидетельству соратника Г.Е.Львова князя С.Е.Трубецкого, степень неспособности правительства «преувеличивалась нашей самовлюбленной общественностью». «Особенно гордиться» перед «военными бюрократами» общественным деятелям «не приходилось».²⁷² Это проявилось еще в 1904—1905 гг., когда функционеры Общеземского союза, подчеркивал П.Н.Миллюков, не смогли «многого».²⁷³ Союзы стали такими же бюрократическими организациями, как и аналогичные казенные учреждения, с той лишь разницей, что у первых зачастую не было профессионализма последних. Из-за этого деятельность общественных организаций характеризовали «отсутствие настоящего хозяйственного расчета», «наплевательское отношение к вопросу о стоимости», «самоуверенная без-

грамотность во многих вопросах» и «распоясанность иных руководителей дела, не считающихся ни с какими правилами».²⁷⁴

Если тем не менее правительство поддержало союзы с момента их возникновения, то в силу не столько функциональной, сколько политической целесообразности. Содействие власти созданию и деятельности союзов, по мнению минского губернатора князя В.А.Друцкого-Соколинского, «последовало исключительно в целях политических», и потребовалось, отмечал один из руководителей Земского союза В.И.Гурко, не столько «для пользы и существа дела, сколько психологически».²⁷⁵

Союзы, как инструменты политики «священного единения», должны были продемонстрировать искреннее стремление власти к сотрудничеству с общественными силами, даже если ранее некоторые из них являлись, по ее мнению, неблагонадежными. Появление новых благотворительных организаций сделала возможным инициатива не только снизу, со стороны лидеров оппозиции, но и сверху, со стороны их единомышленников — парламентаристов.²⁷⁶

Главным покровителем союзов являлся лидер парламентаристов А.В.Кривошеин. Как политик, он действовал под влиянием «московских, главным образом промышленных, тузов, к которым он зачастую ездил за осведомлением».²⁷⁷ Между тем союзы создали именно «московские тузы», т.е. вожди левых октябристов, прогрессистов и кадетов. Помощь, оказанная им А.В.Кривошеиным, была такова, что давала основания для причисления его к создателям союзов.²⁷⁸ После того как 1 августа 1914 г. заготовку продовольствия для армии правительство по инициативе А.В.Кривошеина возложило на его ведомство и земства,²⁷⁹ Главное управление землеустройства и земледелия не препятствовало земствам, которым оно поручило продовольственное дело, присоединяться к Земскому союзу. Содействуя созданию и деятельности общественных организаций, чьи руководители принадлежали к оппозиции, А.В.Кривошеин обеспечивал массовую опору политике «священного единения», нацеленной, по замыслу фактического премьера, на введение парламентаризма, к чему стремились и оппозиционеры.

Положение А.В.Кривошеина облегчалось тем, что сторонником тесного сотрудничества власти и общества, но только в рамках Основных законов, являлся сам император, который с образованием союзов демонстрировал по отношению к ним явное расположение. При посещении Москвы 7 августа Николай со свитой «заехали в один из складов Общеземской организации»,²⁸⁰ где присутствовали ее руководители. Г.Е.Львов обратился к императору с приветственной речью. Николай поблагодарил Г.Е.Львова, принял его доклад и обошел всех членов московского комитета Земского союза. При представлении царю руководителей Городского союза после приветственной речи В.Д.Брянского монарх обратился к присутствующим с ответной речью, а затем «очень долго беседовал с представителями городов, подходя к каждому».²⁸¹

Самым ярким доказательством того, что политику «священного единения» царь и его правительство проводили на деле, стало массированное финансирование союзов государством. Уже 8 августа делегаты съезда городских голов признали, что «без денежной помощи со стороны государственной казны города многого сделать не в состоянии».²⁸²

Еще раньше по поводу выделения Земскому союзу казенных субсидий Г.Е.Львов обратился к И.Л.Горемыкину. Поскольку 20 000 000 рублей, необходимых Красному Кресту, под началом которого первоначально действовал союз, по мнению Г.Е. Львова, «не хватит», то «придется, — полагал он, — просить у казны», тем более что у него «нет врачей и фельдшеров». Таким образом, Г.Е.Львов просил деньги не под уже существующую санитарную организацию, а для того, чтобы организацию создать. Поэтому поначалу просьбу князя правительство встретило прохладно. Суммируя суждения, высказанные на заседании кабинета 3 августа, помощник управляющего делами Совета министров А.Н.Яхонтов записал: «1) Деньги — пока рано говорить; надо их подсчет и финансовый чек. Подпись не давать. 2) Врачи — надо сначала военные потребности и Красный Крест». Итак, царское правительство сознавало, что, наряду с Земским союзом, имеются организации (Красный Крест), содействием которых оно могло пользоваться с большей безопасностью для режима. Тем не менее Г.Е.Львову кабинет не отказал, а решил направить его к министру финансов П.Л.Барку.²⁸³

При встрече с министром финансов руководитель Земского союза заявил, что призрение раненых и больных солдат «требует огромных ассигнований, выполнение же его на местные земские средства представляется, конечно, невозможным, а потому необходимо вспомоществование союзу из средств казны». Сообщив П.Л.Барку о поступлении в распоряжение союза пожертвований на 12 000 000 рублей, главноуполномоченный высказался за выделение из казны, «для первоначальной организации дела», сразу 10 000 000 рублей.²⁸⁴

Просьбу Г.Е.Львова П.Л.Барк доложил коллегам 9 августа. Реагируя на слова министра финансов, И.Л.Горемыкин заметил: «Государь и я говорим о будущем, а не сейчас». Однако государственный контролер П.А.Харитонов оспорил позицию премьера: «Придется дать». Министр путей сообщения С.В.Рухлов высказался за то, чтобы выбрать одно из двух, раз налицо «2 русла — Красный Крест и Земская организация». Поскольку даже Г.Е.Львов расценивал Земский союз как «ячейку Красного Креста», П.Л.Барк отметил: «Казалось бы, нам иметь дело только с Красным Крестом». А.В.Кривошеин разрешил поставленную дилемму в пользу союза: «Надо обе организации, а от Львова потребовать примерный расчет и план организации, а затем отчет». Мнение А.В.Кривошеина возобладавало. Для начала правительство решило дать союзу 1 000 000 рублей. Победу парламентаристов обусловило то, что А.В.Кривошеин настаивал «от имени государя императора».²⁸⁵ По этой причине Земский союз являлся столько же детищем фактического премьера, сколько и Николая. После начала войны он пожертвовал на благотворительные нужды все 200 000 000 рублей, хранившихся на единственном заграничном счету царя в Английском банке.²⁸⁶

Вопрос о финансировании Союза городов был решен 12 августа, когда В.Д.Брянский посетил И.Л.Горемыкина, А.В.Кривошеина и П.Л.Барка. Министры обещали выделить союзу пособие в размере 20 000 000 и немедленный аванс в 1 000 000 рублей.²⁸⁷ Начиная с августа 1914 г. (см. таблицу 3 приложения) при субсидировании благотворительных органи-

заций правительство оказывало предпочтение союзам, несмотря на то, что их деятельность повышала престиж оппозиции.

Предпочтение, оказанное не Красному Кресту, а союзам, доказывало, что к началу войны внутри Совета министров оппозиция имела мощное лобби в лице парламентаристов. Это выявилось и при решении вопроса об отпуске союзам казенных сумм на условии контролирования государством их использования. Сославшись на то, что земские учреждения не подчинены Государственному контролю, а ревизуются своими органами, Г.Е.Львов занял точку зрения, согласно которой никакая правительственная ревизия расходования Земским союзом казенных сумм недопустима. Это, по мнению князя, было бы «оскорблением земства и общественности». Данное мнение, «до смешного наивное, разумеется, — полагал В.И.Гурко, один из лидеров союза, — не выдерживало ни малейшей критики».²⁸⁸

Действительно, с ревизией многомиллионных сумм, расходовавшихся союзами, мог бы справиться только Государственный контроль, обладавший соответствующим аппаратом. Исходя из этого, на заседании правительства 9 августа С.В.Рухлов заявил о необходимости ввести в руководство союзов представителей Министерства финансов и Государственного контроля, чтобы были «отчетность и учет». Однако предложение С.В.Рухлова сочувствия не встретило. «Мысль [о необходимости] подчинения контролю, — полагали министры, — вызовет негодование и протест, обида».²⁸⁹

Против того, чтобы союзы получали кредиты не иначе, как под условием подчинения союзных организаций Государственному контролю, «с необыкновенной энергией вставал» ... сам государственный контролер П.А.Харитонов.²⁹⁰ Между тем ревизия расходов Земского союза была крайне необходима. Влившаяся в него Общеземская организация во время русско-японской войны также получала «крупные» казенные ассигнования.²⁹¹ Однако организация не только не представила «вполне обоснованной» отчетности по этим ассигнованиям, но за ней с того времени числился долг в 800 000 рублей.²⁹² Позицию П.А.Харитонova нельзя объяснить его некомпетентностью. Занимая пост государственного контролера семь лет, он являлся одним из крупных специалистов ревизионного дела. Но в данном случае профессионализм П.А.Харитонova был заслонен его политическими симпатиями, аналогичными тем, которые разделял и фактический премьер.

Неудивительно, что вопрос о контролировании расходования союзами казенных сумм А.В.Кривошеин попросту спустил на тормозах. «Потребовать смету и проект организации, — заявил он 9 августа, — а затем о контроле». Впрочем, вопрос о финансовом контроле возник на заседании правительства 14 августа, когда обсуждался механизм отпуски союзам казенных субсидий. Министры решили создать постоянный междоветовственный комитет «для рассмотрения ходатайств о восполнениях», целью которого стало бы также «выяснение настоятельности расхода и пособия». В Совет министров ходатайства могли направляться только после экспертизы комитета. А.В.Кривошеин, подразумевая ведомственную принадлежность комитета, заметил: «Лучше Военное ведомство — авторитетнее для земцев, чем штатские».²⁹³ После этого при Военном мини-

стерстве было создано Особое совещание по рассмотрению ходатайств о пособиях на организацию помощи больным и раненым воинам. Его председателем являлся сначала генерал П.А.Фролов, а затем — генерал А.А.Веденяпин.²⁹⁴

Совещание не рассматривало существа проектировавшихся союзами затрат и их соответствия задачам общественных организаций. Оно решало только, согласуются ли кредиты с общепринятыми нормами и расчетами или нет. Поэтому «эта комиссия была чисто формальная».²⁹⁵ Союзы, вопреки требованиям совещания, не признавали нужным давать какие-либо отчеты «об использовании ранее отпущенных им кредитов».²⁹⁶ Позднее П.А.Харитонов согласился на командирование в главные комитеты союзов, по просьбе их же главноуполномоченных, особого представителя Государственного контроля. Ему поручили «общее наблюдение за расходами союзов из ассигнуемых казною средств».²⁹⁷ Однако и эта мера была чисто символической. В итоге расходы союзов «никакому контролю ни разу не были подвержены».²⁹⁸

Покровительство парламентаристов союзам выявилось и при решении вопроса об их легализации как самостоятельных организаций, независимых от Российского общества Красного Креста. На заседании правительства 19 августа, подразумевая устав Городского союза, министр внутренних дел Н.А.Маклаков отметил: «Устав туманный, по всеподданнейшему докладу признать организацию состоявшейся в рамках помощи раненым и больным. Нежелательно идти дальше». Начальник главного управления по делам местного хозяйства МВД Н.Н.Анциферов заявил: «Земцы не возбуждали легализацию, а лишь просили денег из казны. Таким образом, вопрос легализации возбужден правительством. Надо дать организацию целевого союза: совместная работа для целей городских потребностей». По вопросу о легализации союзов кабинет опережал их самих. Окончательное решение этого вопроса сформулировал А.В.Кривошеин: «Временная легализация для временных целей: только больные и раненые воины».²⁹⁹

В результате 25 августа было объявлено высочайшее повеление об образовании самостоятельного Земского союза, не подчиненного российскому Красному Кресту и пользующегося эмблемой международного Красного Креста.³⁰⁰ Аналогичный статус получил и Городской союз.

Легализация союзов содействовала росту их финансовых запросов, которые министрами удовлетворялись без проволочек. Уже 16 августа члены кабинета узнали, что Г.Е.Львов просит 101 500 000 рублей. На заседании правительства 25 августа П.Л.Барк сообщил о телеграмме В.Д.Брянского, который просил 3 000 000. Выданный П.Л.Барком аванс кабинет утвердил немедленно. Четырьмя днями позже, 29 августа, П.Л.Барк, сообщив о том, что Г.Е.Львов просит 3 000 000 рублей, заявил: «Я перевел тотчас же».³⁰¹

В демонстрировании своего расположения руководителям союзов дуалисты не отличались от парламентаристов. Так, 4 сентября В.А.Сухомлинов принял В.Д.Брянского «очень любезно» и обещал содействие, а П.Л.Барк «обнадежил» его относительно субсидии в 11 000 000 рублей. А.В.Кривошеин принял В.Д.Брянского тоже любезно и даже «либеральничал».³⁰²

Итогом массированного субсидирования союзов государством оказалось то, что с самого начала своей деятельности фактически они стали государственными структурами, числясь общественными организациями только формально. На заседании правительства 16 сентября министры говорили о том, что Г.Е.Львов «живет на счет казны».³⁰³ К концу ноября 1914 г. выделенные Советом министров ассигнования союзам составили около 43 000 000 рублей. По сравнению с этими цифрами сумма общественных пожертвований была ничтожной. Даже к январю 1915 г. из обещанных Г.Е.Львовым еще в августе 1914 г. 12 000 000 в дело пошли только 3 000 000 рублей.³⁰⁴

Помимо Совета министров, массированное финансирование союзов осуществляли Военное министерство и главное управление землеустройства и земледелия. Они «сыпали этим организациям десятки и сотни миллионов и тем содействовали их развитию».³⁰⁵ Массированное финансирование казной союзов обуславливалось исключительно благожелательным отношением к общественным организациям со стороны самого царя.

Во время очередного пребывания в Москве, 10 декабря, Николай посетил 7-й передовой отряд Земского союза.³⁰⁶ Вспоминая о своей беседе с императором, Г.Е.Львов отмечал: «Казалось, глядя на него, что он всей своей душой сочувствует нам, ценит нашу работу, совершенно готов идти с нами, с обществом».³⁰⁷ Когда князь пожаловался Николаю на проблемы, стоявшие перед союзом, император немедленно поинтересовался: «За чем же дело стало?» «За деньгами», — сказал Г.Е.Львов. «А вы, — посоветовал Николай, — попросите в Петрограде». «Протекции нет, ваше величество», — явно приbedняясь, ответил Г.Е.Львов. «А вы, — заявил император, — сошлитесь на меня».³⁰⁸ На массированное финансирование казной союзов Николай соглашался, несмотря на то, что оно порождало беспокойство у крайне правых.³⁰⁹

Филантропические организации черносотенцев император и правительство не финансировали. В начале войны Главный совет «Союза русского народа», сообщив о том, что не позже 14 сентября в Петрограде откроется его лазарет, призвал все местные отделы союза последовать «сему примеру».³¹⁰ Однако эта инициатива заглохла. Для ее развития были только частные средства.

Черносотенная печать, как и прежде, получала казенные субсидии по линии главного управления по делам печати МВД. В 1914 г. эти субсидии составили 298 364 рубля, или 31,5% от общего количества сумм, отпущенных на финансирование репутительной прессы.³¹¹ Естественно, что на такие маленькие средства вести благотворительную деятельность, хоть отчасти сопоставимую с деятельностью Земского и Городского союзов, черносотенцы не могли.

Более внимательное отношение встретили со стороны власти не крайне правые, а консервативные либералы, националисты. На заседании правительства 21 августа 1914 г. было решено дать беспроцентную ссуду на 5 лет Юго-Западному областному комитету по оказанию помощи раненым. Он объединял земства Юго-Западного края и возглавлялся лидером думской фракции националистов П.Н.Балашевым.³¹² Однако финансиру-

ние правительством организации П.Н.Балашева не приняло слишком заметных размеров (см. таблицу 3 в приложении). Она так и не стала серьезным конкурентом Земского и Городского союзов, хотя позднее получала казенные средства и на другие благотворительные цели. Согласно особому журналу от 10 февраля 1915 г., утвержденному царем 21 февраля, Совет министров удовлетворил ходатайство П.Н.Балашева о выделении его организации 1 000 000 рублей «для удовлетворения продовольственной нужды населения Восточной Галиции».³¹³

На заседании кабинета 17 февраля было принято решение об отпуске П.Н.Балашеву 10 000 000 рублей «для оказания населению Восточной Галиции семной помощи, а также для снабжения его лошадьми».³¹⁴ Это решение царь утвердил 6 марта.³¹⁵ С потерей не только Восточной Галиции, но и ряда районов Юго-Западного края масштабы деятельности организации П.Н.Балашева, естественно, уменьшились.

Итак, политика правительства в области финансирования благотворительных организаций была нацелена преимущественно на поддержку Земского и Городского союзов. Это доказывало, что начатая после провозглашения «священного единения» либерализация правительственного курса, сопровождавшаяся дистанцированием императора и Совета министров от черносотенцев и националистов, отличалась несомненной радикальностью. Между тем, несмотря на то, что массированное финансирование казной союзов повлекло за собой их огосударствление, псевдообщественные организации пытались дистанцироваться от администрации и приобрести положение государства в государстве.³¹⁶

Автономия союзов от администрации нашла свое выражение в том, что ее представители не могли влиять на личный состав союзов путем утверждения их служащих, как это было в случае с остальными органами местного самоуправления. Союзы «отстояли без особенного напряжения, чтобы наших служащих, — отмечал М.В.Челноков, — не утверждать; а в городе и в земстве служащие утверждаются и представляются; до самого конца мы принимали в союз, кого хотели».³¹⁷ Поскольку руководители союзов были лидерами оппозиции, значительную часть их подчиненных составляли представители левых партий. «Характерно, — говорилось на заседании правительства 25 ноября, — всюду забирают попечение о раненых левые партии».³¹⁸

Создавалась парадоксальная ситуация, при которой союзы, материально зависимые от царского правительства, постепенно переходили в открытую оппозицию к этому правительству. Данная тенденция проявилась уже в начале войны. На совещании общественных деятелей, состоявшемся 15 сентября в Москве, П.Н.Милюков, намекая на 1905 г., говорил о том, что «надо снова возродить» «общественные организации» «под флагом и на почве пособия и помощи жертвам войны».³¹⁹ Более того, с первых дней войны у Г.Е.Львова возникла мысль «о необходимости отстранения царя от престола».³²⁰

Вопрос о потенциальной политической опасности союзов поставил Н.А.Маклаков, который тем самым, несмотря на правизну своих воззрений, не собирался подвергать ограничению благотворительную деятель-

ность общественных организаций. «Со стороны МВД, — отмечал М.В.Челноков, — мы не встречали никакого сопротивления в деле расширения нашей деятельности на чисто военные нужды».³²¹

В записке Н.А.Маклакова от 18 ноября, обсуждавшейся Советом министров 25 ноября, указывалось на то, что союзы «определенно готовятся к той работе по переустройству общественной жизни, очередь которой должна наступить, по их мнению, после благополучного окончания войны». «За неизбежность уклонения в сторону политики, если не в настоящем, то в последующее и, несомненно, недалекое время, — подчеркивал Н.А.Маклаков, — говорит, между прочим, самый состав главных деятелей союзов, в большинстве принадлежащих к нашим оппозиционным партиям».³²² Согласно закону, градоначальники и губернаторы имели право утверждения в должности лиц, поступавших на службу в органы местного самоуправления. Поэтому Н.А.Маклаков, ради нейтрализации политической опасности общественных организаций, высказался за наделение представителей власти аналогичным правом и в отношении лиц, поступавших на службу в учреждения союзов.

Точка зрения Н.А.Маклакова была вполне правомерной. С этим соглашались даже руководители союзов. Если бы правительство, по словам М.В.Челнокова, предъявило ему требования, что «московские служащие должны представляться градоначальнику, а провинциальные губернатору», то «пришлось бы этому требованию подчиниться, по аналогии с Городовым положением».³²³ Однако министры, и прежде всего — парламентаристы, оказались либеральнее лидера оппозиции. Коллеги Н.А.Маклакова не поддержали его предложение.³²⁴ Потерпев неудачу в этом вопросе, он попытался противодействовать расширению компетенции союзов.

На заседании Совета министров 12 декабря стало известно, что покровительствовавший оппозиции верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич поручил председателю Думы М.В.Родзянко со «своими земствами» заняться заготовкой для армии сапог и подков. Для выполнения возложенного на него поручения М.В.Родзянко хотел собрать под своим председательством Городской и Земский съезды.³²⁵ К этой идее И.Л.Горемыкин и А.В.Кривошеин отнеслись «сочувственно». Они обещали М.В.Родзянко «поддержать» ее в Совете министров. Против созыва съездов выступил только Н.А.Маклаков. Он заявил М.В.Родзянко, что «под видом съезда для нужд армии будут обсуждать политическое положение в стране и требовать конституцию».³²⁶

На заседании кабинета 12 декабря по инициативе Н.А.Маклакова, к которому присоединились В.А.Сухомлинов и В.К.Саблер, предложение о созыве съездов было провалено.³²⁷ Поставку сапог министры поручили главному интенданту генералу Д.С.Шуваеву. Однако ему разрешили «входить в сношения с земствами и городами».³²⁸ Решение правительства создало предпосылки для сотрудничества правительства и оппозиции в области снабжения армии. На заседании кабинета 10 января 1915 г. министр торговли и промышленности С.И.Тимашев отметил, что Д.С.Шуваев «широко использовал общественный почин».³²⁹

Лидеры оппозиции и парламентаристы не оставили намерения добиться еще большего расширения компетенции союзов. Именно в конце 1914 г.

один из лидеров Городского союза Д.В.Сироткин выдвинул план, который подразумевал привлечение общественности не только к благотворительности, но и к снабжению армии. По мнению Д.В.Сироткина, для организации снабжения надлежало создать Центральный совет под председательством А.В.Кривошеина. В совет вошли бы такие деятели, как Г.А.Крестовников, Г.Е.Львов и П.П.Рябушинский. М.В.Челноков полагал, что правительство «никогда не согласится» на осуществление плана Д.В.Сироткина, так как Центральный совет «приобрел бы характер кабинета, составленного из общественных деятелей». Тем не менее, когда 26 декабря А.В.Кривошеин принял М.В.Челнокова и Д.В.Сироткина, то «нашел весьма желательным организацию дела снабжения армии сапогами через общественных деятелей». Фактический премьер посоветовал переговорить об этом с П.А.Харитоновым. У него руководители Городского союза встретили «довольно холодный, но, в общем, благосклонный прием». От П.А.Харитонova они поехали к В.А.Сухомлинову. Генерал объявил, что «ничего» без главного интенданта Д.С.Шуваева, своего «личного друга», «ни решать, ни делать не будет».³³⁰

Парламентаристы учли предложение Д.В.Сироткина (см. таблицу 2 приложения). Под влиянием его плана, в начале 1915 г. А.В.Кривошеин предусматривал создание комитетов военных заготовок, по продовольствию страны и армии и по снабжению топливом. Председателем первого комитета намечался князь В.М.Волконский либо А.В.Кривошеин. Запасным кандидатом на этот пост являлся Н.И.Гучков. Товарищем председателя первого комитета должен был стать преподаватель Николаевской инженерной академии генерал В.Л.Колонтай. В председатели второго комитета выдвигался Г.Е.Львов. В его товарищи прочились начальник переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия Г.В.Глинка, член совета главноуправляющего землеустройством и земледелием С.Н.Ленин и член совета министра внутренних дел Н.П.Муратов. Председателем третьего комитета намечался М.В.Челноков.

Председатели комитетов вошли бы в кабинет на правах министров без портфелей. Комитеты стали прототипами Особых совещаний по усилению снабжения действующей армии, продовольствию и топливу. Первое было создано в мае, а два других — возникли в августе 1915 г. Но уже в начале этого года правительство разрешило всероссийский съезд Городского союза. Не желая раздражать оппозицию, Совет министров устранился от контроля ее деятельности в области благотворительности. Когда на заседании кабинета 31 января 1915 г. Н.А.Маклаков сообщил, что на собирающийся 15 февраля в Москве съезд необходимо командировать особого представителя МВД, министры решили: «Не стоит на них обращать внимание. Пусть собираются и никого им не посылать».³³¹

Однако оппозиционные взгляды, разделявшиеся многими членами союзов, заставляли даже сановников, относившихся к ним положительно, беспокоиться относительно их потенциальной политической опасности. Характерна в этой связи точка зрения Н.И.Туган-Барановского.³³²

Во всем ее объеме проблема политической опасности союзов возникла перед министрами 27 февраля. Тогда на заседании правительства наказ-

ной атаман Войска Донского генерал В.И.Покотило сообщил о том, что в одном из донских лазаретов Земского союза его заведующий «ведет агитацию». Причиной такой ситуации генерал выставил политику союзного руководства: «Поговоришь со Львовым — такой хороший, что жаль с ним расстаться. Двудлиный фарисей. Каков поп — таков и приход. Одно сплошное фарисейство — весь этот союз». Выходом из положения В.И.Покотило считал наделение наказного атамана правом на то, чтобы все назначения в учреждения Земского союза происходили бы только с его согласия. Предложение генерала поддержали Н.А.Маклаков и, с оговорками, В.К.Саблер. Остальные дуалисты (И.Л.Горемыкин, С.В.Рухлов и И.Г.Щегловитов) и парламентаристы (П.Л.Барк, граф П.Н.Игнатъев, А.В.Кривошеин, С.Д.Сазонов, П.А.Харитонов и князь В.Н.Шаховской) выступили категорически против наделения атамана просимыми им полномочиями.³³³

Отказ министров от установления контроля над личным составом союзов объяснялся не только их нежеланием вызвать у общества раздражение, но и принципиальной позицией Николая. Он, как и в начале войны, продолжал демонстрировать по отношению к союзам явное расположение. Во время состоявшейся 26 марта встречи царя с Г.Е.Львовым Николай «горячо жал» ему руку, благодарил его и «совершенно обнадеживал».³³⁴

Даже накануне перехода общественных организаций в открытую оппозицию наблюдалось уклонение правительства от какого-либо вмешательства в их деятельность. На заседании кабинета 19 мая министр торговли и промышленности князь В.Н.Шаховской сообщил, что открывающийся 26 мая 9-й съезд представителей промышленности и торговли «собирается по действующему положению», а потому его программа не утверждается. Министры сообщение князя только приняли «к сведению». И.Л.Горемыкин же заметил: «Поболтают и разъедутся».³³⁵ Между тем участники съезда не только потребовали немедленного созыва Думы, но и говорили об образовании «ответственного министерства».³³⁶

Впервые за время войны вопрос о введении парламентаризма был поднят недвусмысленно и публично. Правительство, однако, реагировать на это не стало. Только В.Н.Шаховской по поручению И.Л.Горемыкина переговорил с председателем съезда Н.С.Авдаковым, заявив ему, что съезд уклонился «в политическую сторону». На это собеседник министра выразил «полное согласие».³³⁷

Переход в открытую оппозицию Земского и Городского союзов под лозунгом установления парламентаризма состоялся на их съездах, заседавших 5–6 июня в Москве. Политические силы, вызванные к жизни А.В.Кривошеиным и его единомышленниками, начинали выходить из-под контроля их создателей, что, в общем-то, неудивительно. Для некоторых лидеров союзов парламентаризм являлся лишь этапом на пути к свержению Николая. В июне на совещании у А.И.Коновалова мысль «о необходимости отстранения царя от престола» впервые была высказана М.М.Федоровым «более конкретно».³³⁸ Мысль эта встретила сочувствие.

В середине июня начальник дворцовой охраны генерал А.И.Спиридович получил из Москвы письма, в которых говорилось о том, что состоявшееся там совещание представителей земств и городов «вынесло

постановление добиваться устранения государя от вмешательства в дела войны и даже верховного управления, об учреждении диктатуры или регентства в лице великого князя Николая Николаевича».³³⁹ Резкую радикализацию своей позиции общественные деятели объясняли тем, что первым на нарушение «священного единения» пошло правительство. Но этому противоречит информация таблицы 3 приложения. Благодаря масштабному финансированию правительством Земского союза к 26 июня 1915 г. он получил от казны 72 241 050 рублей. Начиная с августа 1914 г. в среднем ему выделялось около 6 000 000 в месяц.³⁴⁰

Очевидно, что правительство было нацелено на самое тесное сотрудничество с общественностью в области благотворительности. Более того, согласившись на создание в июне Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) и системы его местных учреждений, правительство допустило широкое участие общественности и в области снабжения армии.³⁴¹ Эффект от этого не мог оказаться особенно большим. Почти вся крупная промышленность была уже мобилизована. По свидетельству независимого эксперта, «в крупном» комитеты «помочь не могли», ибо все крупные заводы «уже работали на оборону».³⁴²

Вместо мобилизации крупной промышленности, сотрудничавшей непосредственно с государством, ЦВПК объединил «среднюю и мелкую промышленность».³⁴³ Из-за маломощности предприятий, подведомственных ЦВПК, его деятельность имела второстепенное значение. Она «не касалась важнейших боевых средств обороны, сосредоточиваясь главным образом на обзоне и санитарном имуществе, седлах, подковах».³⁴⁴ Тем не менее правительство в политических целях поставило комитеты на первое место. Оно «искусственно» «поддерживало авторитет ЦВПК», который превратился «как бы во вспомогательный отдел Военного министерства».³⁴⁵ Покровительство правительства ЦВПК было вызвано тем, что 13 июня во главе Военного министерства вместо дуалиста В.А.Сухомлинова оказался парламентарист А.А.Поливанов. Новый член кабинета являлся давним другом одного из руководителей ЦВПК — А.И.Гучкова. Между ним и А.А.Поливановым возникло «самое тесное сотрудничество».³⁴⁶

Комитеты получили большие привилегии, в частности — права на отсрочки и реквизиции. Но самое главное — в их распоряжение потекли казенные суммы на субсидии и авансы. Так, уже в течение июня–июля ЦВПК и другим комитетам казна выделила 10 450 000 рублей.³⁴⁷ Несмотря на то, что комитеты с начала своей деятельности фактически были государственными организациями, они, как и союзы, стали оплотами оппозиции. Благодаря парламентаристам руководство комитетами перешло от представителей промышленности к политическим деятелям «резко противоправительственно-направления».³⁴⁸ А.И.Гучков имел заслуженную репутацию сторонника свержения Николая.³⁴⁹ Тем не менее А.А.Поливанов не препятствовал избранию в конце июля именно А.И.Гучкова председателем ЦВПК. Проведению этой кандидатуры способствовала не только поддержка парламентаристов, но и неоднозначная позиция Николая.

Хотя царь и подозревал А.И.Гучкова в подготовке переворота, но, выказывая благожелательное отношение к лидеру октябристов, наградил его

15 мая 1915 г., за труды по Красному Кресту, чином действительного статского советника.³⁵⁰ Доводы в пользу появления А.И.Гучкова во главе ЦВПК выдвинул обер-егермейстер И.П.Балашев. В письме Николаю от 23 июля, выступая за назначение А.И.Гучкова руководителем особого ведомства снабжения армии, И.П.Балашев советовал «устранять личные симпатии или антипатии».³⁵¹

Содействие царя и правительства созданию ЦВПК было вызвано не функциональной, а политической целесообразностью, поскольку дало продемонстрировать углубление «священного единения». Продемонстрировать это позволило и образование 10 июля Главного комитета Земского и Городского союзов по снабжению армии (Земгора).³⁵² Как и ЦВПК, Земгор уже в начале своего функционирования отличался неэффективностью. При распределении заказов союзы сотрудничали не с крупными заводами, производившими пушки и снаряды, а «преимущественно с предприятиями мелкой, часто кустарной, и средней промышленности».³⁵³ Поэтому еще до образования Земгора, по ходатайству Г.Е.Львова, Земскому союзу для постройки снарядного завода казной были отпущены 5 000 000 рублей.³⁵⁴

Соглашаясь на создание, в дополнение к союзам, ЦВПК и Земгора, парламентаристы тем самым имели целью расширение массовой базы своей политики. Цель эту преследовал и организованный 2 июля раут у нового руководителя МВД князя Н.Б.Щербатова. На рауте присутствовали все министры с И.Л.Горемыкиным во главе, председатели Думы и Государственного совета, а также чины МВД. Большинство приглашенных составляли председатели губернских земских управ, т.е. члены Земского союза. Во время этого мероприятия было заметно желание правительства «идти рука об руку с общественными элементами и некоторое заигрывание с ними».³⁵⁵ Благожелательные жесты власти не помогли сохранению контроля парламентаристов над оппозицией.

Созванный с разрешения правительства Союзом городов всероссийский съезд по вопросу о дороговизне и о снабжении армии, проходивший в Москве 11–13 июля, способствовал дальнейшей радикализации оппозиции. Накануне Н.Б.Щербатов попросил М.В.Челнокова не допускать к обсуждению на съезде «вопросов об изменении состава русского правительства».³⁵⁶ Но резолюция съезда требовала, чтобы «правительство состояло из лиц, пользующихся доверием страны».³⁵⁷

После начала 19 июля сессии Думы туда переместилась и главная арена борьбы оппозиции за введение парламентаризма. Несмотря на то, что общественные организации в этой борьбе стали опорой Думы, парламентаристы по-прежнему оказывали им активную поддержку, доказывая, что у оппозиционеров и парламентаристов одна и та же цель. Исключительно благодаря А.В.Кривошеину³⁵⁸ и А.А.Поливанову³⁵⁹ А.И.Гучков добился утверждения правительством «Положения о военно-промышленных комитетах». На заседании кабинета 4 августа, которое происходило в присутствии А.И.Гучкова, положение «возражений не встретило».³⁶⁰ Правительство одобрило его «для примирения с общественностью».³⁶¹ Николай согласился с министрами 27 августа.³⁶² В дополнение к этому ЦВПК и другие комитеты получили от казны 13 400 000 рублей.³⁶³

Политическую солидарность оппозиционеров и парламентаристов показала реакция последних на поддержку Прогрессивного блока органами самоуправления. Решение об организации этой поддержки было принято 16 августа в Москве участниками совещания у А.И.Коновалова. Они обсудили идею «создания повсеместной агитации в целях поддержки программы Прогрессивного блока».³⁶⁴ А.В.Кривошеин узнал о результатах совещания уже в день его проведения. В.В.Мусин-Пушкин сообщил фактическому премьеру 16 августа, со слов товарища председателя Государственной думы С.Т.Варун-Секрета, что в Москве «было постановлено в один день во всех городских думах поднять вопрос о смене правительства, за этим может пойти и улица и быть забастовка».³⁶⁵ Первой поручили выступить московской городской думе. Н.Б.Щербатов потребовал от администрации столицы не допускать постановки думой вопроса о «министерстве доверия». На заседании правительства 18 августа он заметил: «Боюсь, что сделают это самочинно. Как тогда реагировать?» Однако в итоге министры «никаких мер» не наметили.³⁶⁶ Тем временем, пока министры рассуждали, московская дума приняла 19 августа резолюцию о создании вместо кабинета И.Л.Горемыкина «правительства, сильного доверием общества» и возглавляемого лицом, которому «верит страна».³⁶⁷

Содержание резолюции М.В.Челноков сообщил императору по телеграфу. На заседании правительства 21 августа, выполняя волю Николая, министры обсуждали проект его ответной телеграммы. Почти все члены кабинета, кроме двух дуалистов (И.Л.Горемыкина и А.А.Хвостова), выступили за удовлетворение требований московской думы. Проект ответа министры поручили составить исправлявшему должность обер-прокурора Синода А.Д.Самарину. Самаринский проект, составленный в духе полной солидарности с оппозицией, был одобрен кабинетом, а затем утвержден императором.³⁶⁸

Отправка телеграммы свидетельствовала о том, что Николай, как и парламентаристы, стремился к соглашению с оппозицией, хотя, в отличие от них, условием такого соглашения считал не введение парламентаризма, а сохранение дуалистической системы. Впрочем, это не мешало парламентаристам оказывать активное содействие оппозиции, в частности — по вопросу об учреждении внутри ЦВПК и других комитетов рабочих групп, которые состояли бы из представителей пролетариата. С помощью групп руководители ЦВПК А.И.Коновалов и М.И.Терещенко хотели использовать рабочее движение для достижения целей оппозиции. Они «мечтали создать “пролетарскую армию” под своей командой, чтобы ее усилиями заставить правительство пойти на уступки Думе».³⁶⁹

Понимая, что создание групп усилит оппозицию, даже парламентаристы были не склонны соглашаться на это сразу. Сообщив кабинету 24 августа о решении ЦВПК организовать выборы в Рабочую группу, Н.Б.Щербатов заявил: «С формальной стороны это постановление основано на чрезмерно распространительном толковании Положения о Комитете». Сомнения Н.Б.Щербатова развеял А.А.Поливанов, который заметил: «Но нельзя же отрицать, что без содействия рабочих никакая мобилизация промышленности не осуществима».³⁷⁰ Следовательно, бла-

годаря поддержке парламентаристов замыслы оппозиционеров получили почти беспрепятственное воплощение.

4. «Пора действовать». Парламентаристы и Ставка Николая Николаевича (июль 1914 — август 1915 г.)

Влияние парламентаристов на внутривластную ситуацию многократно усиливалось тем, что их союзницей была Ставка верховного главнокомандующего, находившаяся в Барановичах.³⁷¹ За дальнейшую либерализацию правительственного курса верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич выступал не только потому, что видел в этом условие победы, но и в силу своих убеждений. Николай Николаевич, будучи вне всяких партий, в то же время сочувствовал не консервативным, а либеральным идеям. Именно поэтому великий князь ориентировался на Думу и оппозицию.³⁷²

Продумская ориентация Николая Николаевича усилилась еще более с началом войны.³⁷³ Великий князь поддержал ходатайство М.В.Родзянко о создании должности верховного начальника санитарной и эвакуационной части.³⁷⁴ Царь назначил на новую должность 3 сентября 1914 г. принца А.П.Ольденбургского. Благодаря продумской ориентации верховного он имел огромный авторитет у думцев и оппозиционеров.³⁷⁵

Ближайшие сотрудники Николая Николаевича принадлежали к числу его политических единомышленников. У начальника Штаба Ставки генерала Н.Н.Янушкевича расхождений с великим князем «не было никогда».³⁷⁶ Генерал-квартирмейстер Ю.Н.Данилов являлся убежденным парламентаристом.³⁷⁷ Посредничество между Ставкой и министрами-парламентаристами осуществлял начальник военно-походной канцелярии царя генерал князь В.Н.Орлов. Он был известен как личный друг великого князя и его «вдохновитель».³⁷⁸

Политические планы Николая Николаевича и В.Н.Орлова шли вплоть до парламентаризации верховного управления. Предпосылку этого они видели в удалении от императора Александры Федоровны и Г.Е.Распутина. Ту же точку зрения разделяли жена великого князя Анастасия Николаевна и ее сестра Милица Николаевна (жена его брата — Петра Николаевича).³⁷⁹

Популярности Николая Николаевича у оппозиции способствовало участие верховного в разрешении польского вопроса.³⁸⁰ Воззвание великого князя к полякам от 1 августа содержало обещание создать объединенную и автономную Польшу. К составлению воззвания Николай Николаевич никакого касательства не имел. Его написал находившийся в Петербурге посланник в Сербию князь Г.Н.Трубецкой и отредактировали А.В.Кривошеин и С.Д.Сазонов.³⁸¹

Планы парламентаристов относительно Польши поддерживал И.Л.Горемыкин.³⁸² Оппонентами парламентаристов были Н.А.Маклаков и И.Г.Щегловитов. Уже на заседании правительства 3 августа они заявили, что «слишком много обещано полякам в воззвании».³⁸³ Ставка встала на сторону парламентаристов. В конце августа через Н.Н.Янушкевича великий князь довел до сведения И.Л.Горемыкина, что «ныне наступило время дать полякам

некоторые положительные заверения относительно предположенных им уступок».³⁸⁴ Непримируемая позиция руководителя МВД по польскому вопросу подвигнула Николая Николаевича, А.В.Кривошеина и В.Н.Орлова принять более активное участие в интриге, нацеленной на замену Н.А.Маклакова кандидатом, который бы пользовался доверием оппозиции. В этом направлении Ставка и парламентаристы действовали, принимая во внимание не только собственные планы, но и пожелания Думы.³⁸⁵

Первоначально, еще с весны 1914 г., наиболее желательным кандидатом на пост министра внутренних дел В.Н.Орлову виделся князь В.М.Волконский.³⁸⁶ А.В.Кривошеин в руководители МВД прочил своего сотрудника — товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием графа П.Н.Игнатьева. После оккупации Россией Галиции А.В.Кривошеин решил, что промежуточным этапом на пути П.Н.Игнатьева к посту министра внутренних дел будет назначение графа начальником гражданского управления на захваченной территории.

В середине сентября у А.В.Кривошеина появился союзник в деле подготовки назначения П.Н.Игнатьева — Милица Николаевна. Будучи дочерью черноморского короля, она попросила А.В.Кривошеина поддержать ходатайство Черногории об оказании ей Россией военной помощи.³⁸⁷ А.В.Кривошеин обусловил поддержку просьбы Милицы поддержкой комбинации с П.Н.Игнатьевым. Великая княгиня составила для верховного специальную записку. В ней мотивировалась необходимость назначения П.Н.Игнатьева помощником по гражданской части генерал-губернатора Галиции графа Г.А.Бобринского.³⁸⁸

А.В.Кривошеин хотел большего — назначения П.Н.Игнатьева в помощь не Г.А.Бобринскому, а самому Николаю Николаевичу.³⁸⁹ Но великий князь был против любого ограничения сферы своей компетенции деятельностью высокопоставленных гражданских лиц.³⁹⁰ Одновременно верховный поддерживал интригу против Н.А.Маклакова. Осенью министр внутренних дел оппонировал парламентаристам не только по польскому вопросу, но и по другим острым вопросам. Поэтому его положение в кабинете стало чрезвычайно шатким.³⁹¹

На борьбу с Н.А.Маклаковым парламентаристов подталкивали лидеры оппозиции, в том числе член фракции октябристов А.И.Звегинцев.³⁹² В.Н.Орлов допускал возможность назначения руководителем МВД П.Н.Игнатьева. В преемники графу В.Н.Орлов рекомендовал А.В.Кривошеину главноуправляющего коннозаводством и выборного члена Государственного совета князя Н.Б.Щербатова.³⁹³ Впрочем, уже 29 октября вместо П.Н.Игнатьева В.Н.Орлов предложил А.Д.Самарина, московского губернского предводителя дворянства и назначенного члена верхней палаты.³⁹⁴

Между тем, выполняя просьбу Николая Николаевича, в конце октября — начале ноября Совет министров обсудил возможные способы осуществления воззвания великого князя к полякам. Правительство пришло к выводу, что в состав будущего «Польского края» должны войти губернии варшавского генерал-губернаторства и польские земли, принадлежавшие Австро-Венгрии и Германии. Границы возрожденной Польши предполагалось определять «этнографическим признаком». В благопри-

ятном для поляков смысле министры рассмотрели такие вопросы, как свобода вероисповедания в Польше, употребление в ней русского и польского языков и организация местного управления и самоуправления.³⁹⁵ При этом кабинет учитывал пожелания оппозиционеров.³⁹⁶

Самым активным противником немедленных уступок полякам являлся Н.А.Маклаков. На заседании правительства 15 ноября по поводу польского вопроса произошел «инцидент тяжелый» между ним и А.В.Кривошеиным.³⁹⁷ Н.А.Маклаков присоединился к дуалистам И.Г.Щегловитову и заместителю смертельно больного Л.А.Кассо, товарищу министра народного просвещения барону М.А.Таубе, которые заявили особое мнение. Дуалисты находили разрешение польского вопроса «преждевременным» и «подлежащим обсуждению лишь по окончании войны и по удовлетворении всех других, более важных задач». Такими задачами они считали: исправление русско-германской границы с присоединением к России Восточной Пруссии, присоединение к России земель Австро-Венгрии, населенных «русскою народностью», осуществление «исторических задач» России в Черном море и «действительное внутреннее ослабление Германии».³⁹⁸

Уступки, сделанные полякам, дуалисты находили слишком большими, а парламентаристы — явно недостаточными.³⁹⁹ Царь, будучи в Ставке 19 ноября,⁴⁰⁰ передал меморию Совета министров по польскому вопросу великому князю. Верховный поддержал парламентаристов. Он, сообщил 22 ноября Н.Н.Янушкевич И.Л.Горемыкину, разделил «высказанные Советом министров соображения».⁴⁰¹ На заседании кабинета 25 ноября была оглашена телеграмма Н.Н.Янушкевича о том, что дальнейшая разработка польского вопроса «будет иметь законодательный характер».⁴⁰²

Политическая солидарность парламентаристов и Ставки проявилась и по вопросу об увольнении тех представителей администрации варшавского генерал-губернаторства, которые не пользовались доверием польского общества. Благодаря усилиям А.В.Кривошеина и Н.Н.Янушкевича 2 декабря получили отставку помощники варшавского генерал-губернатора по гражданской части — А.О. фон Эссен, назначенный сенатором, и по полицейской части — генерал Л.К.Утгоф, замененный начальником Петроградского губернского жандармского управления генералом М.Я.Клыковым.⁴⁰³

Парламентаристы и Ставка действовали солидарно и при решении вопроса о порядке предания суду пяти большевиков, являвшихся членами социал-демократической фракции Думы. На заседаниях кабинета 7 и 14 ноября министры говорили об аресте пяти депутатов по обвинению в «ниспровержении существующего строя».⁴⁰⁴ И.Г.Щегловитов настаивал на осуждении депутатов по законам военного времени, т.е. на предании их военному суду. Это могло привести к суровому приговору, в том числе — смертной казни. А.В.Кривошеин и Н.Н.Янушкевич выступили против И.Г.Щегловитова.⁴⁰⁵ Парламентаристов поддержал товарищ министра внутренних дел генерал В.Ф.Джунковский.⁴⁰⁶ Верховный главнокомандующий согласился с мнением В.Ф.Джунковского и отказался от идеи военного суда. На заседании правительства 5 декабря И.Г.Щегловитов сообщил, что верховный приказал передать дело депутатов гражданскому суду. Несмотря на

это, министр юстиции оспорил решение Ставки. Другие министры решили «ждать ответа» Н.Н.Янушкевича.⁴⁰⁷ Начальник штаба присоединился к парламентаристам. Тем самым предание пяти депутатов военному суду было окончательно предотвращено. В то же время парламентаристы выступали против полного помилования большевиков.⁴⁰⁸ В феврале 1915 г. гражданский суд рассматривал дело депутатов как обычное политическое дело. Это предопределило сравнительно мягкое наказание. Депутатов осудили на поселение в Сибирь и лишение всех прав.

Политическую солидарность парламентаристов и Ставки закрепило декабрьское пребывание монарха в Барановичах. Официально его целью было решение вопроса о назначении варшавского генерал-губернатора. Данный вопрос рассматривался 14 декабря на совещании царя с И.Л.Горемыкиным, Николаем Николаевичем и Н.Н.Янушкевичем.⁴⁰⁹ Премьер выдвинул кандидатуру назначенного члена Государственного совета генерала А.А.Поливанова.⁴¹⁰ Великий князь поддержал кандидатуру начальника Николаевской академии Генерального штаба генерала князя П.Н.Енгальцева. Влияние верховного пересилило.⁴¹¹ Варшавским генерал-губернатором 23 декабря был назначен П.Н.Енгальцев. Его помощником по гражданской части 28 декабря стал товарищ главноуправляющего канцелярией по принятию прошений на высочайшее имя Д.Н.Любимов. По требованию Н.Н.Янушкевича Д.Н.Любимов получил уже 29 декабря звание сенатора, а 19 января 1915 г. варшавский губернатор барон С.Н.Корф был уволен в Сенат.⁴¹² Его преемником оказался костромской губернатор П.П.Стремоухов.

Во время декабрьского пребывания Николая в Барановичах верховный попытался нанести удар по Г.Е.Распутину. Он сообщил императору о «порочных наклонностях» старца и выступил за его «удаление из Петрограда».⁴¹³ Параллельно И.Л.Горемыкин, князь М.М.Андроников и В.Н.Орлов действовали против военного министра генерала В.А.Сухомлинова. Великий князь также являлся противником В.А.Сухомлинова.⁴¹⁴

Первоочередные планы парламентаристов и Ставки подразумевали замену Н.А.Маклакова А.Д.Самариным, назначение министром просвещения, за смертью Л.А.Кассо, П.Н.Игнатьева и товарищем главноуправляющего землеустройством, вместо графа, — Н.Б.Щербатова. Информирова премьеру 16 декабря о шагах, предпринятых им накануне, В.Н.Орлов писал, что «почву всю подготовил и про все комбинации подробно доложил его величеству».⁴¹⁵ Беседа В.Н.Орлова с императором о комбинациях состоялась 15 либо 16 декабря. Тогда Николай, судя по его дневнику, играл в кости. Постоянным партнером царя по этой игре бывал именно В.Н.Орлов.⁴¹⁶ Он информировал И.Л.Горемыкина 16 декабря, что «имя Самарина» принято монархом «еще более» «хорошо». Заканчивая свое письмо, князь отмечал: «Дело слишком серьезно, вопрос идет о спасении государя и России, и надо пока помолчать до Вашего доклада».⁴¹⁷

Беседа Николая с премьером по поводу нового министра внутренних дел, по-видимому, имела место 27 декабря.⁴¹⁸ Сразу после беседы, сообщил В.Н.Орлов Николаю Николаевичу 30 декабря, И.Л.Горемыкин извещал В.Н.Орлова, что «государь в этот раз был совершенно подготовлен к

его докладу мною и что вопрос об уходе Маклакова решен; государь почему-то сказал Иван Логгиновичу, что это можно будет сделать к 15-му января. Причину этого промедления ни я, ни он не понимаем, да оно и неважно — лишь бы это было бы сделано до созыва Думы». Очерчивая круг участников антимаклаковской интриги, В.Н.Орлов писал, что о ней «знают теперь только государь, Ваше высочество, Горемыкин, Кривошеин и я. И больше никто». ⁴¹⁹ Секрета соблюсти не удалось. ⁴²⁰ Утечка информации привела к тому, что усилия участников антимаклаковской интриги увенчались успехом наполовину.

В начале января 1915 г. П.Н.Игнатьев получил Министерство народного просвещения, Н.А.Маклаков же — остался на своем посту. Между тем именно в начале января вопрос о гражданском управлении завоеванными территориями как будто бы сдвинулся с мертвой точки. Более того, кандидатура П.Н.Игнатьева на пост заведующего гражданской частью котирировалась даже в мае. ⁴²¹ Но после проведения графа в министры А.В.Кривошеин уже не проявлял инициативы относительно назначения П.Н.Игнатьева в Галицию. Победе Н.А.Маклакова содействовал ... М.В.Родзянко. Во время встречи с императором, состоявшейся до январской сессии Думы, ее председатель обвинил министра внутренних дел в «неосновательных подозрениях против земств». ⁴²² Увольнение Н.А.Маклакова выглядело бы как результат влияния Думы на управление, т.е. как парламентарный прецедент. Николай сохранил МВД за Н.А.Маклаковым и назначил его 21 января присутствующим членом Государственного совета. Подобное совмещение постов допускалось по отношению к сановникам, пользовавшимся особой монаршей милостью. ⁴²³

Победа Н.А.Маклакова только раззадорила парламентаристов и Ставку. Перспективы его пребывания во главе МВД они расценивали весьма пессимистически. В письме Н.Н.Янушкевичу от 2 апреля В.Н.Орлов констатировал, что «мы идем быстрыми шагами к революции общей, грозной и более сильной, чем 1906 г.». ⁴²⁴ Предотвратить революцию парламентаристы и Ставка планировали путем не только кадровых перемен, но и радикальных реформ. Одна из них имела в виду льготное наделение, по окончании войны, награжденных и раненых солдат участками земли, отобранными у подданных Германии, Австро-Венгрии и Турции и немецких колонистов.

Инициатором земельной реформы был император. ⁴²⁵ На заседании Совета министров 3 марта вопрос о наделении солдат землей поднял А.В.Кривошеин. Его поддержали не только парламентаристы, но и дуалисты — обер-прокурор Синода В.К.Саблер ⁴²⁶ и В.А.Сухомлинов. ⁴²⁷ Начинание парламентаристов получило одобрение Ставки. ⁴²⁸ Именно в Барановичах император, А.В.Кривошеин, Николай Николаевич и Н.Н.Янушкевич обсудили 8 апреля принципы будущей земельной реформы. ⁴²⁹ На заседании правительства 17 апреля вопрос о наделении солдат землей рассматривался снова. Царская резолюция по этому поводу гласила: «Необходимое и благое дело. Вполне одобряю и дам свои указания. Вся суть вопроса в широкой скупке Крестьянским банком колонистских земель. Приступить к ней немедленно, а для пополнения образуемого запаса наладить теперь же подготовку зе-

мель казенных». ⁴³⁰ Тем самым фактически были созданы предпосылки для разрешения земельного вопроса на основе принудительного отчуждения частной собственности.

В ходе весеннего отступления русской армии получила дополнительный стимул борьба парламентаристов и Ставки за привлечение общественных сил к артиллерийскому снабжению армии. С 1 января 1915 г. артиллерийским снабжением ведала созданная по инициативе Николая Николаевича Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части. Ставка хотела видеть во главе комиссии коменданта кронштадтской крепости генерала А.А.Маниковского. Однако царь назначил ее председателем великого князя Сергея Михайловича, а А.А.Маниковского — его помощником. Комиссия работала автономно от Военного министерства. В.А.Сухомлинов намеревался взяться за артиллерийское снабжение сам и поручить организацию сотрудничества своего министерства и общественности на этом поприще управляющему отделом промышленности Министерства торговли и промышленности В.П.Литвинову-Фалинскому. ⁴³¹

Позиции В.П.Литвинова были сильны не только в столице, но и в Ставке. Ему «покровительствовал» В.Н.Орлов. ⁴³² Именно в Ставке возникла идея назначить В.П.Литвинова третьим товарищем министра торговли и промышленности, который имел бы широкие полномочия в области привлечения общественности к артиллерийскому снабжению. По представлению великого князя Николай согласился с этой идеей. ⁴³³ На заседании правительства 6 марта стало известно о рескрипте верховного премьера. В рескрипте говорилось о создании третьей должности товарища министра «для объединения торговли и промышленности и частных заводов в целях обороны». Он должен был получить право на участие в заседаниях кабинета. Министры решили запросить о целесообразности этого управляющего Министерством торговли и промышленности князя В.Н.Шаховского. ⁴³⁴ В том, что идея создания новой должности возникла помимо него, князь усмотрел покушение на свои права. Поэтому он выступил не только против этой идеи, но и за увольнение В.П.Литвинова. Демарш В.Н.Шаховского закончился успехом. ⁴³⁵ Тем не менее В.А.Сухомлинов не хотел отказываться от услуг В.П.Литвинова. ⁴³⁶

Военный министр высказался за образование при Военном министерстве Особого совещания по усилению снабжения действующей армии. Параллельно в пользу образования совещания действовал М.В.Родзянко. Во время встречи с царем, состоявшейся 12 мая в Ставке, ⁴³⁷ председатель Думы поддержал идею В.А.Сухомлинова. Фактически Особое совещание возникло благодаря именно военному министру. ⁴³⁸ Однако, видя в нем конкурента, М.В.Родзянко попросил Николая уволить не только Н.А.Маклакова и неугодных оппозиции дуалистов — И.Г.Щегловитова и В.К.Саблера, но и самого В.А.Сухомлинова. ⁴³⁹ Согласию Николая на образование Особого совещания способствовал верховный. ⁴⁴⁰

В июне Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части была ликвидирована, Сергей Михайлович уволен, а А.А.Маниковский — назначен начальником Главного артиллерийского управления Военного министерства. Впрочем, в июне внимание парламентаристов и Ставки

занимала не столько война, сколько внутренняя политика.⁴⁴¹ Указав на то, что «грозная туча революции надвигается быстрыми шагами», В.Н. Орлов писал Н.Н. Янушкевичу 2 июня, объясняя неизбежность уступок Думе: «Пора действовать — думские фракции понемногу съезжаются “in corpore” [вместе. — С. К.], и, может быть, не в далеком будущем они силою посадят Родзянко на председательское кресло... Тогда будет поздно уступать, тогда потребуют большего, и много большего. Разум говорит: сейчас надо бросить им кость, надо удалить хотя бы Маклакова и Щегловитова — и это одно даст успокоение; можно будет созвать Думу».⁴⁴²

Решающее значение для дальнейшей либерализации правительственного курса имела июньская поездка А.В. Кривошеина в Барановичи. Она была оформлена как чисто деловая, а не политическая акция.⁴⁴³ Пока готовилась поездка, произошла замена Н.А. Маклакова Н.Б. Щербатовым. В ходе июньских переговоров А.В. Кривошеина и Николая Николаевича они запланировали отставки В.А. Сухомлинова, В.К. Саблера и И.Г. Щегловитова⁴⁴⁴ и назначения вместо них генерала А.А. Поливанова, А.Д. Самарина и А.А. Хвостова.⁴⁴⁵

На заседании кабинета, состоявшемся 14 июня в Барановичах с участием Николая Николаевича и Н.Н. Янушкевича, министры попросили великого князя ознакомиться с проектом царского рескрипта о созыве Думы. Верховный внес в проект «несколько метких редакционных замечаний».⁴⁴⁶ Согласие царя с парламентаристами по вопросам об обновлении кабинета и созыве Думы предопределила поддержка, оказанная планам А.В. Кривошеина со стороны Ставки.

Для великого князя и В.Н. Орлова, как и для парламентаристов, июньские уступки оппозиции были шагами на пути к парламентаризации верховного управления. Беседуя с Николаем в июне, верховный просил его дать «ответственное министерство».⁴⁴⁷ Преградой этому Ставка считала Александру Федоровну и Г.Е. Распутина. Летом верховный и В.Н. Орлов неоднократно высказывались относительно того, что «императрица — виновница всех неурядиц и что единственное средство, чтобы избежать больших несчастий, — заточить ее в монастырь».⁴⁴⁸ Подобные взгляды разделяли и лидеры оппозиции. В.Н. Орлов поддерживал контакты с ними через И.П. Демидова, члена кадетской фракции Думы и уполномоченного Земского союза.⁴⁴⁹

В середине июня слухи «о заключении императрицы Александры Федоровны в монастырь», исполнение которых «связывалось» со Ставкой и В.Н. Орловым, дошли до Царского Села.⁴⁵⁰ Несмотря на слухи, во второй половине июня Николай действовал совместно с верховным. Это показало назначение А.Д. Самарина, вопреки мнению царицы и старца, обер-прокурором Синода.

Накануне назначения, 20 июня, в Ставке произошла встреча Николая с А.Д. Самариним. Перед нею В.Н. Орлов и флигель-адъютант граф Д.С. Шереметев упрасивали А.Д. Самарина не отказываться от назначения. Собеседники говорили ему о влиянии Г.Е. Распутина при дворе и о том, что есть признаки, будто царь «желает освободиться от этого влияния». «Необходимо, — полагали В.Н. Орлов и Д.С. Шереметев, — его под-

держать в этом». Беседуя с Николаем, принятие поста обер-прокурора А.Д. Самарин обусловил разрывом императора с Г.Е. Распутиным. «Послушайте, Самарин, — поинтересовался после его обличений Николай, — ведь вы признаете ее величество и меня людьми верующими?» А.Д. Самарин дал утвердительный ответ. «Как же мы, — спросил император, — могли бы допустить возле себя человека такого, каким Вы изобразили Распутина?»⁴⁵¹ Николай заявил А.Д. Самарину, что «роказни» о старце «придуманы врагами престола».⁴⁵² Видя, что А.Д. Самарина не переубедить, Николай разволновался. На глазах у него показались слезы. Тем не менее Николай согласился выслать Г.Е. Распутина из Петрограда.⁴⁵³

Вслед за А.Д. Самариним о Г.Е. Распутине «очень решительно» говорил императору министр двора граф В.Б. Фредерикс. После этого Николай «решил удалить Распутина от Двора».⁴⁵⁴ С 15 июня по 31 июля и с 5 августа по 28 сентября в Петрограде старец отсутствовал.⁴⁵⁵

Верховный был настроен более радикально. Он заявил Г.И. Шавельскому 20 июня, что «всему виной» царица. Поэтому «только один может быть выход: запрятать ее в монастырь, тогда все пойдет по-хорошему, и распутинщины не станет».⁴⁵⁶ Стремление Ставки к изолированию Николая от супруги и старца вызывалось, помимо прочего, циркулировавшими в обществе слухами о склонности царицы к сепаратному миру.⁴⁵⁷ Несмотря на ложность этих слухов, им верил даже А.В. Кривошеин. Он полагал, что между монархом и его женой по вопросу о продолжении войны возникли разногласия. «Ваше предположение о распре между супругами меня напугало, — писал А.В. Кривошеину В.В. Мусин-Пушкин. — Нет сомнения, что мир будет заключен скорый и победоносный со стороны жены; как бы контрибуция не отозвалась больно на нас всех!»⁴⁵⁸

Слухи об измене наверху должен был развеять отданный в годовщину начала войны, 19 июля, приказ Николая армии и флоту. Идея этого приказа принадлежала В.Н. Орлову. «Хорошо бы было, — писал князь Н.Н. Янушкевичу 2 июня, — какой-нибудь предлог найти, чтобы государь еще бы раз подтвердил каким-нибудь образом войскам, что мир он не заключит, пока враг не будет сломлен. До меня доходят слухи, что в армиях даже солдаты поговаривают с досадой: “Как бы немцы, окружающие царя, не заставили бы его подписать мир до разгрома врага”».⁴⁵⁹ Н.Н. Янушкевич поддержал идею В.Н. Орлова перед А.А. Поливановым. Приказ армии и флоту, составленный последним и правленный А.В. Кривошеиным, содержал не только заявление о полной победе над Германией, но и строки, благожелательные по отношению к оппозиции.⁴⁶⁰

Политическая солидарность парламентаристов и Ставки привела к ослаблению цензурного пресса. Во время встречи Н.Б. Щербатова с журналистами И.В. Гессеном и М.А. Сувориным они сообщили князю о злоупотреблениях военной цензуры. «Обещаю вам, — ответил Н.Б. Щербатов, — этим вопросом немедленно заняться».⁴⁶¹ Свое обещание князь полностью сдержал. Управляющий МВД попросил Н.Н. Янушкевича «указать военным цензорам о более распространительном понимании их задач».⁴⁶² Н.Б. Щербатова поддержал А.А. Поливанов. Он высказался «против обращения военной цензуры в политическую».⁴⁶³ Результатом совместной деятельности парла-

ментаристов и Ставки стала циркулярная телеграмма Н.Н.Янушкевича от 31 июля главнокомандующим Северо-Западного и Юго-Западного фронтов и 6-й армией, а также командующим 7-й и Кавказской армиями.⁴⁶⁴

Циркуляр Н.Н.Янушкевича стал одним из факторов обострения внутриполитической ситуации. Устранив цензурные плотины на пути потока оппозиционных публикаций (в том числе посвященных Г.Е.Распутину), циркуляр вызвал резкое повышение общественных настроений.⁴⁶⁵ За мерами, подобными циркуляру, стояло стремление парламентаристов и Ставки к изолированию Николая от Александры Федоровны и Г.Е.Распутина.

Союз парламентаристов и Ставки начал давать трещину в ходе дальнейших поражений русской армии. Они толкали Ставку на усиление вмешательства в гражданское управление, что не устраивало Совет министров и фактического премьера. В июне распоряжения в этой области Ю.Н.Данилова и Н.Н.Янушкевича спровоцировали А.В.Кривошеина на критику сотрудников Николая Николаевича перед императором.⁴⁶⁶

Особое недовольство правительства порождали жесткие меры Ставки по отношению к евреям, которые подозревались ею в измене. Полагая, что данные меры «совершенно нетерпимы», министр финансов П.Л.Барк по просьбе царя неоднократно говорил об этом и с Николаем Николаевичем, и с Н.Н.Янушкевичем, но без особого результата.⁴⁶⁷ В конце июля чаша терпения правительства переполнилась. Последней каплей было предпринятое с ведома великого князя обращение Н.Н.Янушкевича к А.В.Кривошеину с просьбой добиться немедленного издания «торжественного монаршего акта, возвещающего о наделении землею наиболее пострадавших и наиболее отличившихся воинов».⁴⁶⁸ Правительство под председательством императора 29 июля согласилось на «дальнейшее развитие» этого вопроса.⁴⁶⁹ Но немедленному изданию какого-либо монаршего акта министры категорически воспротивились.

Недовольство кабинета импровизациями генералов дошло до того, что, как сообщал великий князь Николаю 1 августа, Совет министров намеревался приехать к верховному и предъявить ему просьбу о замене Н.Н.Янушкевича и Ю.Н.Данилова «другими лицами».⁴⁷⁰ Критика министрами сотрудников Николая Николаевича рикошетом ударила по великому князю. Она стала одной из причин того, что Николай решился взять верховное главнокомандование в свои руки.⁴⁷¹

Другую причину, вызвавшую смещение великого князя, современники и исследователи трактовали слишком упрощенно, сводя ее к влиянию Г.Е.Распутина.⁴⁷² Так, его секретарь А.С.Симанович описал состоявшуюся в Петрограде встречу старца с «представителями еврейства». Во время нее Г.Е.Распутин пообещал, что «Николай Николаевич будет отстранен от должности вождя русской армии в течение десяти дней». «С удивлением мы следили, как Распутин сдержал свое обещание, — сообщал А.С.Симанович. — Еще до истечения десяти дней Николай Николаевич был смещен и назначен командующим Кавказской армией».⁴⁷³ Однако показания секретаря Г.Е.Распутина далеки от реальности. За десять дней до смещения великого князя, т.е. до 25 августа, когда об этом событии объявили официально, старец находился в Сибири (с 5 августа по 28 сентября).⁴⁷⁴

Таким образом, отсутствуя в Петрограде, на принятие Николаем решения о взятии верховного главнокомандования Г.Е.Распутин повлиять не мог. Не имела прямого отношения к царскому решению и Александра Федоровна. Ни в одном из ее писем супругу, которые предшествовали смещению великого князя, просьб об этом нет.⁴⁷⁵ Импульс, обусловивший взятие Николаем верховного главнокомандования, дал его мистицизм. Согласно собственному признанию царя, решение о смещении дяди он принял во время церковной службы, скорее всего — обедни.⁴⁷⁶ Следовательно, это решение стало мистическим актом. Его дату нетрудно установить довольно точно, если учесть, что он имел место во время обедни.

Приняв главнокомандование Николай решился «бесповоротно» после падения Варшавы,⁴⁷⁷ о чем узнал 23 июля.⁴⁷⁸ Ближайшие по времени обедни были 26 и 30 июля.⁴⁷⁹ Очевидно, что решение о смещении великого князя царь и принял в один из этих дней.

Со старцем Николай встретился только 31 июля, после двухмесячного перерыва. Но в собственные планы царь посвятил Г.Е.Распутина лишь вечером 4 августа, уже после того, как сообщил о нем А.А.Поливанову.⁴⁸⁰ Это видно из записи в царском дневнике: «Принял доклады Поливанова... Вечером приехал Григорий, побеседовал с нами и благословил меня иконой». Понятно, что такое важное для монарха ритуальное действие, как благословение иконой, Г.Е.Распутин совершил, когда узнал от Николая о его намерениях относительно верховного главнокомандования.⁴⁸¹

Роль последнего аргумента в пользу смещения великого князя сыграло не благословение старца, а послание Николая Николаевича от 1 августа. Оно было привезено А.В.Кривошеину адъютантом верховного, братом управляющего МВД полковником князем П.Б.Шербаковым. Из послания, в частности, явствовало: «Я всегда шел и буду идти навстречу всему, что России может дать наибольшую нравственную поддержку — в ее вере, что с помощью Божьей мы достигнем славного и победоносного конца... Обстоятельства могли бы сложиться иначе, а именно — залог успеха считали бы в удалении меня. В таком случае — я восторженно уступил бы свое место. Если бы было сочтено, что на меня следует надеть кандалы, сам бы помогал их на себя накладывать... Просил бы статс-секретаря Кривошеина дословно это передать государю императору».⁴⁸² Итак, великий князь недвусмысленно поднял вопрос о своей отставке. С содержанием этого патетического послания А.В.Кривошеин ознакомил монарха 3 августа, когда состоялся всеподданнейший доклад фактического премьера.⁴⁸³

Послание великого князя придало мистической уверенности Николаю рациональную опору. Последняя точка была поставлена. На следующий день А.А.Поливанов услышал от императора о его намерении взять верховное главнокомандование и назначить Николая Николаевича кавказским наместником. Тогда же Николай сообщил, что Н.Н.Янушкевича и В.Н.Орлова великий князь может взять с собой. Первоначально царь намеревался появиться в Могилеве, куда переехала Ставка, 14 августа.⁴⁸⁴

Парламентаристы попытались оттянуть наступление этого события, а по возможности — и предотвратить его вообще. Вмешательство Ставки в гражданское управление они расценивали критически.⁴⁸⁵ Однако удале-

ние великого князя, который пользовался доверием общества, вызвало бы недовольство оппозиции. Поэтому уже 4 августа А.А.Поливанов представил императору «ряд военных соображений», сводившихся к тому, что перемена верховного главнокомандования была бы «весьма опасна».⁴⁸⁶

В ходе заседания Совета министров 6 августа Н.Б.Щербатов заявил, что великий князь пользуется «благорасположением среди думцев». Министры, кроме И.Л.Горемыкина, сошлись на необходимости «во что бы то ни стало отговорить государя». Коллеги А.А.Поливанова уполномочили генерала доложить императору их точку зрения.⁴⁸⁷ Николай согласился с А.А.Поливановым относительно того, чтобы не торопиться с отставкой великого князя. В то же время царь поручил генералу отвезти в Могилев письмо, в котором извещал дядю о переводе его на Кавказ. Прочитав это письмо 9 августа, верховный присоединился к мнению А.А.Поливанова о том, что в данную минуту «перемена в командовании была бы неудобна».⁴⁸⁸

Встреча с А.А.Поливановым убедила великого князя, что он пользуется поддержкой кабинета. После встречи у Николая Николаевича «теплилась надежда»: решение о его смещении «еще не последнее решение государя».⁴⁸⁹

К мнению парламентаристов присоединился намеченный царем в начальники штаба Ставки главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал М.В.Алексеев. Беседуя 10 августа с А.А.Поливановым, доставившим ему известие о его новом назначении, М.В.Алексеев признал перемену верховного главнокомандования в данную минуту «безусловно вредной».⁴⁹⁰ С подачи А.А.Поливанова М.В.Алексеев подтолкнул Николая Николаевича к самозащите.⁴⁹¹

Кампания по оттяжке смещения великого князя закончилась успехом. Император согласился перенести срок осуществления своего решения с 14 августа на более позднее время.⁴⁹²

Во время наметившейся паузы Николай подвергся давлению со стороны лидеров оппозиции и парламентаристов, нацеленному на оставление великого князя в Могилеве. Впрочем, на заседании правительства 10 августа министры узнали о том, что у царя «возникла мысль пока оставаться в Петрограде, где и основать Ставку». Это вполне устраивало кабинет. А.В.Кривошеин, допуская возможность отставки великого князя, предложил сопроводить ее царским рескриптом. Он, по мнению И.Л.Горемыкина, смог бы «сгладить многие углы».⁴⁹³

На следующий день, 11 августа,⁴⁹⁴ С.Д.Сазонов сообщил об идее рескрипта императору, который ее одобрил. После министра иностранных дел Николая посетил М.В.Родзянко. Председатель Думы высказался против отставки великого князя. В ответ на предостережения М.В.Родзянко преисполненный мистическим настроением Николай заявил: «Я знаю, пусть я погибну, но спасу Россию». В тот же день М.В.Родзянко посетил А.В.Кривошеина, И.Л.Горемыкина и председателя Государственного совета А.Н.Куломзина. В содействии председателю Думы они отказали.⁴⁹⁵ Аргументы М.В.Родзянко несколько охладили решимость императора.

После посещения вечером 11 августа⁴⁹⁶ А.А.Поливановым резиденции Николая у генерала сложилось впечатление, что «там интерес к вопросу о личном предводительстве армией значительно ослабел».⁴⁹⁷

Парламентаристы, в отличие от М.В.Родзянко, решили действовать не напролом, а более осторожно. Понимая, что отговорить императора невозможно, они выдвинули мысль о сохранении великого князя в Ставке, но в качестве помощника монарха. Поддержку этого плана парламентаристы получили от Думы в лице октябриста Н.В.Савича. Он посоветовал Н.Б.Щербатову совместить пребывание царя во главе армии «с его ближайшим участием в координации действий тыла и фронта».⁴⁹⁸ Тем самым удалось бы отвлечь Николая от участия в верховном главнокомандовании, которое фактически оставалось бы за великим князем как помощником императора.

Рекомендацию Н.В.Савича А.А.Поливанов доложил коллегам 12 августа. Кабинет поручил военному министру сообщить Николаю свое ходатайство «о созыве в Ставке военного совета с участием великого князя и правительства».⁴⁹⁹ Между тем великий князь настаивал на немедленном приезде в Ставку М.В.Алексеева и царя. Доказательству необходимости этого верховный посвятил письма и телеграмму, адресованные Николаю и А.А.Поливанову. Первое предложение великого князя царь одобрил.⁵⁰⁰ Указы о назначении Н.Н.Янушкевича помощником кавказского наместника по военной части, а М.В.Алексеева — начальником штаба Ставки Николай подписал 18 августа. Эти назначения были встречены в Думе и обществе «с чувством большого удовлетворения».⁵⁰¹

Настаивая на приезде Николая, великий князь надеялся, что верховное главнокомандование монарха «будет только внешне и до известной степени фикцией» и что он останется при племяннике фактическим главнокомандующим. Телеграммы монарха «не опровергали этих предположений».⁵⁰² Надежды великого князя на сохранение своего поста имели и другие, не менее веские причины. Николай Николаевич и его сотрудники знали и о том, что решение царя хорошо известно столичному обществу, и о борьбе лидеров оппозиции и парламентаристов за отмену данного решения. Поэтому в Могилеве и полагали, что смещение великого князя не состоится.⁵⁰³

Оптимизм Ставки подпитывался тем, что в защиту Николая Николаевича выступили представители ближайшего царского окружения, в том числе — дворцовый комендант генерал В.Н.Воейков. Дворцовый комендант высказался перед императором против удаления великого князя 16 августа.⁵⁰⁴ В.Н.Воейков пошел на это с подачи Н.Б.Щербатова.⁵⁰⁵

К решительному натиску на Николая парламентаристов подвигнула резолюция Московской городской думы, принятая 19 августа. В ней говорилось, что Москва «неуклонно и твердо верит в русскую армию и ее вождя великого князя».⁵⁰⁶ На заседании правительства 19 августа А.В.Кривошеин дал окончательную формулировку настроению своих единомышленников: «царь принимает на себя верховное главнокомандование и назначает великого князя своим помощником».⁵⁰⁷ Воплотить намеченную комбинацию парламентаристы попытались 20 августа, когда в Царском Селе, под председательством Николая, прошло заседание правительства.

Описывая настроение царя перед заседанием, А.А.Вырубова вспоминала: «За обедом государь волновался, говоря, что какие бы доводы ему не представляли, он останется непреклонным. Уходя, он сказал нам: “Ну,

молитесь за меня!” Помню, я сняла образок и дала ему в руки». ⁵⁰⁸ Заседание, начавшееся в 21.00, проходило в присутствии всех министров, кроме находившегося на лечении министра путей сообщения С.В.Рухлова. ⁵⁰⁹ А.В.Кривошеин, выражая взгляды парламентаристов, высказался за то, чтобы Николай, беря бразды верховного главнокомандования, оставил бы Николая Николаевича при себе в качестве помощника. ⁵¹⁰ Несмотря на то, что против себя царь имел все правительство, за исключением И.Л.Горемыкина и А.А.Хвостова, заседание, затянувшееся до 23.40, ⁵¹¹ закончилось поражением парламентаристов.

«Уже подали чай, — вспоминала А.А.Вырубова, — когда вошел государь, веселый, кинулся в свое кресло и, протянув нам руки, сказал: “Я был непреклонен, посмотрите, как я вспотел!”» Передавая А.А.Вырубой образок и смеясь, Николай заметил: «Я все время сжимал его в левой руке. Выслушав все длинные, скучные речи министров, я сказал приблизительно так: “Господа! Моя воля непреклонна, я уезжаю в Ставку через два дня! Некоторые министры выглядели, как в воду опущенные!”» ⁵¹²

На следующий день, 21 августа, по инициативе морского министра адмирала И.К.Григоровича ⁵¹³ парламентаристы решились на беспрецедентный шаг — посылку Николаю письма. В нем они еще раз попытались уговорить его отказаться от удаления великого князя. Письмо написал А.Д.Самарин, ⁵¹⁴ отредактировали А.В.Кривошеин и П.А.Харитонов, ⁵¹⁵ переписал начисто П.Л.Барк, ⁵¹⁶ и подписали восемь министров. Подписи И.К.Григоровича и А.А.Поливанова отсутствовали только потому, что поддержку подобного демарша они расценивали как нарушение военной дисциплины. К парламентаристам присоединился министр двора граф В.Б.Фредерикс. Когда царь уже подъезжал к Могилеву, граф посоветовал императору оставить великого князя «при особе его величества». ⁵¹⁷ «Лавры, которых вы доискиваетесь, — заявил В.Б.Фредерикс, — обратятся вскоре в шипы». ⁵¹⁸

Царь полностью проигнорировал точку зрения графа, вдохновляемый ... лидерами оппозиции. Перед отъездом Николая в Ставку, при открытии им 22 августа работы Особого совещания по обороне, кадет А.И.Шингарев передал императору доклад военно-морской комиссии Думы. Датированный 20 августа, доклад содержал аргументацию в пользу объединения царем деятельности правительства и Ставки. Эта аргументация могла лишь утвердить Николая в необходимости смещения великого князя. ⁵¹⁹

В Могилеве сопротивление царскому решению грозило принять еще более серьезные формы. Среди сотрудников Николая Николаевича составил заговор. Его участники решили, что для «спасения страны» необходимо просить великого князя царской воле «не подчиняться», верховного главнокомандования «не сдавать», а царя, «если то будет нужно, по приезде в Могилев арестовать». ⁵²⁰ Заговорщики совещались на квартире могилевского губернатора А.И.Пильца. Он являлся либеральным администратором. ⁵²¹ Посредником между заговорщиками и Николаем Николаевичем выступил Г.И.Шавельский. Выслушав протопресвитера, великий князь не дал немедленного ответа. Лишь на следующий день он

повелел Г.И.Шавельскому передать посланным его лицам, что он, великий князь, «прежде всего верноподданный, а потому сделанное ему предложение отвергает». ⁵²²

Ответ Николая Николаевича не означал того, что он отказался от надежд на сохранение своего поста. ⁵²³ Надежды на это питали и его сотрудники, в том числе — новый начальник штаба М.В.Алексеев. ⁵²⁴ Однако попытки парламентаристов поколебать императора в его решении относительно верховного главнокомандования потерпели крах. Это решение имело под собой не только рациональную, но и не менее важную, с точки зрения Николая, мистическую подоплеку. Поведение же парламентаристов основывалось исключительно на рациональной мотивации. В силу мистицизма царя, доводы рассудка, взятые сами по себе, неизмеримо уступали, по мнению Николая, иррациональным аргументам. ⁵²⁵ Именно метафизическое разногласие по вопросу о смещении великого князя способствовало разрыву царя с парламентаристами.

5. «Сдвиг налево». Бюрократическая элита и образование Прогрессивного блока (август 1915 г.)

Ускорению процесса политической дифференциации бюрократической элиты способствовало образование при ее участии Прогрессивного блока. ⁵²⁶ Сообщая мотивацию, которая предопределяла поведение парламентаристов, сенатор Г.А.Евреин писал И.Л.Горемыкину в конце июля, что «правительству теперь необходимо податься влево, в сторону умеренного, но бесспорного народоуправства, и это не только потому, что такая политика полезна сама по себе, но это единственное средство предупредить революционный катаклизм». ⁵²⁷ Руководствуясь этими соображениями, А.В.Кривошеин решил на фактическое введение парламентаризма путем инициирования законодательного большинства, равнявшегося на кадетов. Оно и стало известно под названием Прогрессивного блока. Мысль об образовании блока «впервые возникла» именно у фактического премьера. ⁵²⁸

Представление о том, на какие фракции А.В.Кривошеин хотел опираться в первой половине 1915 г., можно получить из списка, написанного рукой графа В.В.Мусина-Пушкина (см. таблицу 2 приложения). Согласно списку, кандидатами второго эшелона на планировавшийся для прогрессиста Н.Н.Львова пост министра без портфеля, представляющего в кабине Думу, были лидеры фракций от правых до кадетов. Таким образом, первоначально, в течение февраля — июня 1915 г., из состава запланированного большинства А.В.Кривошеин не предполагал исключать правых.

На заседании Совета министров 26 июня фактический премьер, пытаясь показаться более консервативным, чем на самом деле, предлагал использовать идею правоокабристского большинства и «опереться на правые партии, кончая октябристами, как делал Петр Аркадьевич Столыпин». В ответ на реплику И.Л.Горемыкина: «Пока имеем дело с левыми» А.В.Кривошеин заявил: «Потому и надо правых привлечь». ⁵²⁹ Но перед очередной думской сессией, начавшейся 19 июля, фактический премьер окончательно поставил на кадетов.

Накануне, 18 июля, А.В.Кривошеин, по сообщению П.Н.Милюкова, имел частную беседу с «одним из членов Государственной думы». ⁵³⁰ Во время беседы фактический премьер говорил о программе реформ, на почве которой было бы возможно сотрудничество правительства и Думы. П.Н.Милюков озвучил эту программу на следующий день, выступая в Таврическом дворце. Кадетская программа, с одной стороны, перекликалась с программой реформ, выдвинутой в конце 1914 — начале 1915 г. Н.И.Туган-Барановским, а с другой — предвосхищала программу Прогрессивного блока. Очевидно, что кадетская программа испытала на себе влияние программы правительственного либерализма, как, впрочем, и наоборот.

Еще в середине июня 1915 г. один из негласных сотрудников дворцового коменданта генерала В.Н.Воейкова принес ему записку, написанную рукой А.А.Поливанова. Записка содержала 14 пунктов. Они «вполне совпадали с требованиями общественных кругов, составлявших оппозицию правительству». ⁵³¹ В самом начале июля П.Б.Струве послал А.В.Кривошеину, С.Д.Сазонову и князю В.Н.Шаховскому тезисы программы, на которой могли бы сойтись общество и власть. «Правительство, — подчеркивал, обосновывая тезисы, П.Б.Струве, — должно явиться в Государственную думу с ясным планом серьезных мероприятий, основанных на принципиальном признании общественности как союзника в общем государственном деле». План П.Б.Струве включал в себя девять пунктов, созвучных будущей программе Прогрессивного блока. ⁵³²

Самый главный пункт плана П.Б.Струве заключался в образовании законодательного большинства, за пределами которого остались бы как революционеры, так и реакционеры. Обоснованию этого пункта и было посвящено письмо П.Б.Струве А.В.Кривошеину, написанное в течение 9—10 августа. Суть письма П.Б.Струве содержали следующие строки: «Правительство, путем прямых переговоров с лидерами ответственных думских групп, должно условиться о программе действий и поведения и, таким образом, организовать думское большинство на основе лояльного компромисса». Обрисовывая желательные контуры законодательного большинства, П.Б.Струве предлагал отсечь от него трудовиков и правых. Идея дистанцирования бюрократической элиты от правых проводилась корреспондентом фактического премьера совершенно недвусмысленно. Доказывая необходимость этого, П.Б.Струве подчеркивал, что «сдвиг налево, — хотя термины "лево" и "право" грубы и не выражают сложности и своеобразия исторической задачи, — должен быть произведен правыми руками».

Нагнетая страсти, П.Б.Струве попытался подтолкнуть А.В.Кривошеина к более активной деятельности. «На будущей неделе, — писал П.Б.Струве, — может быть уже поздно для осуществления той задачи, о которой я говорю, в единственно разумных очертаниях ее выполнения, в условиях войны. Если Вы, как единственное лицо в бюрократическом мире, которое может взяться за эту задачу, от нее уклонитесь, то она перейдет в руки, которые с ней не могут справиться». ⁵³³

Письмо П.Б.Струве нашло живейший отклик со стороны А.В.Кривошеина, поскольку в августе 1915 г. они «чувствовали себя единомышленниками». ⁵³⁴ П.Б.Струве выражал не только свое личное мнение, но и, так

сказать, философию политического курса фактического премьера. Вот почему в сентябре 1915 г. кривошеинский советник был назначен на пост председателя вновь образованного комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля при Министерстве торговли и промышленности. ⁵³⁵

Внушения П.Б.Струве способствовали окончательному самоопределению А.В.Кривошеина в пользу того, чтобы содействовать образованию законодательного большинства, равнявшегося не на правую, а на кадетскую фракцию. Неосознанно варьируя свою, появившуюся в цитированном выше письме, фразу о том, что «сдвиг налево должен быть произведен правыми руками», П.Б.Струве подчеркивал уже после революции, что А.В.Кривошеин «напрягал все усилия к тому, чтобы этот спасительный сдвиг осуществился без всякого ущерба для государства». ⁵³⁶ В самом деле, тянувшийся с конца мая 1915 г. процесс консолидации думских фракций сразу после написания письма П.Б.Струве вступил-таки в свою завершающую фазу. Во время нее консультации между членами Думы и Государственного совета привели к образованию законодательного большинства с кадетами, но без правых. ⁵³⁷ Уже 16 августа законодатели выработали программу, «вполне приемлемую для всех и для правительства». ⁵³⁸

Формальное отцовство А.В.Кривошеина по отношению к Прогрессивному блоку признавал даже П.Н.Милюков, сам претендовавший на это. Он указывал, что «первая мысль» о блоке «исходила из министерских кругов». Попытку «первоначальных переговоров» по поводу его создания лидер кадетов объяснял тем, что А.В.Кривошеин «все время был начеку и думал, что все же настанет его время, когда он будет премьером, и считал необходимым опираться на большинство в палатах». ⁵³⁹

Рассуждая о причинах возникновения блока, член совета министра внутренних дел Н.П.Муратов писал, что «он родился не как Афродита из пены морской, а его кто-то организовывал, кто-то спаивал, кто-то говорил "прелестные слова", от которых даже у первых чинов Двора закружилась голова». «В числе шептунов, — отмечал Н.П.Муратов, — называют Волконского, а в последнее время — Кривошеина. Я не думаю, чтобы Кривошеин дал против себя в этом отношении какие-либо «уличающие обстоятельства»; но не сомневаюсь, что он, как бы это так выразиться, симпатично и благожелательно относился к Блоку, учитывая, что при окончательном выборе министров, главное — премьера, он забыт не будет». ⁵⁴⁰

Конечно, стремление к образованию законодательного большинства, равнявшегося на кадетов, существовало среди думцев независимо от А.В.Кривошеина. Однако, при наличии в IV Думе влиятельных проправительственных фракций (националистов, центра и земцев-октябристов), для воплощения этого стремления была необходима инициатива не только снизу, но и сверху, со стороны бюрократической элиты. До поры до времени правительство, пользуясь услугами упомянутых фракций, блокировало попытки создания прокадетски настроенного большинства. К июлю 1915 г. фактический премьер от этого отказался, и инициатива снизу получила поддержку в инициативе сверху.

Не случайно, что лозунг о «министерстве доверия», объединивший участников Прогрессивного блока, впервые выдвинул именно лидер нацио-

налистов граф В.А.Бобринский. На заседании Думы 19 июля граф от имени трех проправительственных фракций предложил формулу перехода к очередным делам. В ней говорилось, что «привести к скорой победе может лишь тесное единение со всей страной правительства, пользующегося полным ее доверием».⁵⁴¹

В дальнейшем А.В.Кривошеин находился «в постоянном контакте» с Думой.⁵⁴² Поэтому, чтобы инициировать Прогрессивный блок, ему не требовалось опускаться до черновой работы «честного маклера». В его распоряжении находился своего рода штат публичных маклеров, готовых осуществлять намерения фактического премьера в Думе. Одним из них являлся лидер фракции центра П.Н.Крупенский, неперенный посредник между правительством и нижней палатой.⁵⁴³ При инициировании блока фактический премьер опирался и на представителей других фракций, поскольку он поддерживал «близкие отношения с членами Думы разных партий».⁵⁴⁴ Имея в своем распоряжении деятелей, подобных В.А.Бобринскому и П.Н.Крупенскому, А.В.Кривошеину, склонявшемуся к закулисной режиссуре, не нужно было лично заниматься формированием думского большинства.

Более активного участия фактического премьера требовала подготовка создания приемлемого для этого большинства кабинета. А.В.Кривошеин надеялся, что «удастся, в конце концов, свалить министерство и сменить председателя Совета министров».⁵⁴⁵ Те же самые надежды разделял и В.В.Мусин-Пушкин. В письме А.В.Кривошеину от 9 августа, придя к выводу о «необходимости немедленной смены министерства Горемыкина», граф призывал «к составлению нового Правительства государственной обороны».⁵⁴⁶

Необходимость увольнения И.Л.Горемыкина, при сохранении дуалистической системы, понимал и царь. В августе Николай говорил императрице, что И.Л.Горемыкин «стар и не может применяться к новым требованиям».⁵⁴⁷ На второй неделе августа царь напрямую предложил пост председателя Совета министров А.В.Кривошеину. Свое согласие тот поставил в зависимость от выполнения двух условий. Первое из них — премьер «должен руководить всей политикой», а другие министры — «должны подчиниться ему», второе — «новый кабинет при своем представлении Думе потребует ее доверия».⁵⁴⁸ А.В.Кривошеин хотел, чтобы его правительство получило от нижней палаты вотум доверия. Между тем, как отмечал П.Б.Струве, «в странах парламентского режима главная форма политической ответственности — это зависимость пребывания министров у власти от вотума палат».⁵⁴⁹

Осуществление кривошеинской программы привело бы к отмене «самодержавного» и водворению «представительного режима»,⁵⁵⁰ т.е. к замене дуалистической системы парламентаризмом. В ответ на свои условия А.В.Кривошеин получил «принципиальное согласие» царя.⁵⁵¹ Николай не был против образования думского большинства. Он сопротивлялся лишь установлению зависимости кабинета от этого большинства. П.Н.Крупенский действовал с ведома не только А.В.Кривошеина, но и Николая.⁵⁵² Если, тем не менее, замена И.Л.Горемыкина А.В.Кривошеиным не состоялась, то исключительно по вине последнего. Объясняя, уже после

революции, почему он отказался от поста премьера, А.В.Кривошеин говорил, что ему «нужна была твердая поддержка государя», а на нее-то он «рассчитывать не мог».⁵⁵³ Это признание подтверждает лучше всего, что фактический премьер выступал именно за введение парламентаризма. Сознавая невозможность его введения при таком принципиальном дуализме, как Николай, А.В.Кривошеин предпочел по-прежнему находиться в тени. Николай же, вследствие несговорчивости лидера парламентаристов, остался с тем премьером, который у него уже имелся.

Впрочем, отказ фактического премьера объяснялся еще одной причиной, а именно — неприемлемостью для левой части формировавшегося Прогрессивного блока даже А.В.Кривошеина. Рассуждая о возможных кандидатах в председатели Совета министров и приводя по этому вопросу мнения думцев, В.В.Мусин-Пушкин отмечал: «Голоса разделяются, кем его озаглавить — Вами или Гучковым. Думаю, что Вы уже опоздали».⁵⁵⁴

Вскоре, а именно 13 августа, лидер парламентаристов мог убедиться воочию, что в своем пессимизме В.В.Мусин-Пушкин был прав. В этот день прогрессистская газета «Утро России» опубликовала список «кабинета обороны», составленный членами кадетской фракции. На следующий день та же газета опубликовала список кабинета, желательного для октябристской фракции. Очевидно, что к августу 1915 г. относятся и сохранившиеся в бумагах императора списки правительства, желательного для кадетов, октябристов и Государственного совета.⁵⁵⁵ Как видно из списков, большинство «кабинета обороны», согласно планам оппозиции, составили бы исключительно члены Государственной думы из кадетской, прогрессистской и октябристской фракций. Царские бюрократы, сочувствующие оппозиции, в августовских списках, в отличие от февральских «комбинаций» начала 1915 г. (см. таблицу 2), составляли, кроме списка Государственного совета, явное меньшинство. Ни один из них, за исключением князя Н.Б.Щербатова в случае со списком верхней палаты, на место премьера уже не намечался.

Не переоценивая свой авторитет у общества, А.В.Кривошеин думал, что председателем правительства должно быть «широко общественное лицо. Ходили слухи, — вспоминал граф П.Н.Игнатьев, — о Родзянке, о Г.Е.Львове, А.И.Гучкове, а в последний момент говорили о Поливанове».⁵⁵⁶ Действительно, в конечном итоге фактический премьер, ища премьера для «кабинета обороны», остановился на кандидатуре управляющего Военным министерством А.А.Поливанова.⁵⁵⁷ Выбор этот не был неожиданным. Наряду с А.В.Кривошеиным, чаще всех остальных представителей бюрократической элиты в августовских списках фигурировал А.А.Поливанов.

Во время состоявшейся 12 августа беседы с генералом А.В.Кривошеин говорил про «полную непригодность для данных обстоятельств» И.Л.Горемыкина. Фактический премьер заявил, что председателем Совета министров надо на время войны назначить его, А.А.Поливанова. Во-первых, Дума и общественные круги «относятся к нему с доверием», а во-вторых, «во время великой войны, когда вся страна должна быть тылом для армии, сосредоточение полной власти в руках военного министра вполне логично».⁵⁵⁸ В пользу

А.А.Поливанова А.В.Кривошеин действовал искренно. Соратник фактического премьера был убежден, что А.В.Кривошеин «сам лично стать во главе не хотел».⁵⁵⁹ Пока фактический премьер интриговал против премьера формального, он предпринял попытку договориться с Думой.

Вечером 15 августа И.Л.Горемыкин пригласил к себе представителей «центральных групп» законодательных учреждений и задал им вопрос «о возможности образования большинства для поддержки правительства». Думцы не видели смысла договариваться с И.Л.Горемыкиным, полагая, что его падение не за горами. Поэтому они заявили, что «взгляд Блока на состав обновленного кабинета исключает возможность соглашения с председателем Совета министров».⁵⁶⁰ Такой ответ оттолкнул от формировавшегося законодательного большинства И.Л.Горемыкина. Впрочем, полного разрыва между премьером и оппозиционерами не произошло. Председатель бюро Прогрессивного блока октябрист С.И.Шидловский сразу после встречи с И.Л.Горемыкиным сообщил коллегам: «У Горемыкина возник вопрос [о декларации блока. — С.К.], и я ответил, что по окончании разработки доставлю. Отклоняю от себя полномочие говорить с Горемыкиным (с кабинетом, весь Блок, быстрота)». На заседании бюро блока 22 августа С.И.Шидловский заявил: «У Горемыкина мы говорили, что программа — в работе. Я не возражал против осведомления его. Горемыкин спросил: желаете ли вы пленум Совета министров? Мы отвечали, что не с глаза на глаз... Мы от них очной ставки не требуем, потому что считаем неподходящими, но не отказываемся».⁵⁶¹

Примирительное отношение к думскому большинству было свойственно и для Николая. Существование у царя стремления к соглашению с оппозицией доказывало последовавшее 17 августа утверждение Николаем законопроекта о создании особых совещаний по обороне, перевозкам, продовольствию и топливу.⁵⁶² Солидное представительство в них получили лидеры оппозиции. Согласие царя на реформу, которая способствовала дальнейшей парламентаризации верховного управления, свидетельствовало о его намерении «управлять страной в соответствии с пожеланиями Думы».⁵⁶³ На заседании правительства 16 августа А.А.Поливанов сообщил о решении Николая присутствовать на открытии Особого совещания по обороне и приветствовать его специальной речью. Проект этой речи министры поручили составить А.В.Кривошеину.⁵⁶⁴ В составлении проекта участвовал А.А.Поливанов.⁵⁶⁵

Между тем, опасаясь, как бы непопулярность фактического премьера среди части депутатов не ослабила активности А.В.Кривошеина, В.В.Мусин-Пушкин попытался его обнадежить. Со слов В.А.Бобринского и октябриста С.Т.Варун-Секрета, граф передал А.В.Кривошеину 16 августа, что Дума «смеется над возможностью министерства Родзянки, не говоря уже о князе Львове, хотели одно время Гучкова, но теперь только и хотят и говорят о Вас». На посту премьера, подчеркивал В.В.Мусин-Пушкин, «никто не хочет» видеть и П.А.Харитонову.⁵⁶⁶ Но выбор фактического премьера в пользу А.А.Поливанова был окончательным. Во время доклада, состоявшегося 17 августа, А.В.Кривошеин говорил царю «о непригодности Горемыкина» и целесообразности назначения вместо него

А.А.Поливанова. Как показалось докладчику, «мысль о сосредоточении власти над страной, являющейся во время великой войны тылом для армии», в руках военного министра царю «понравилась». А.В.Кривошеин упомянул о необходимости ввести в кабинет лиц «из числа известных общественных деятелей» и назвал А.И.Гучкова.⁵⁶⁷

Выдвижение кандидатуры А.И.Гучкова снова доказывало, что в пользу парламентаризма А.В.Кривошеин действовал сознательно. В одном из позднейших бюрократических документов фамилию фактического премьера поместили в следующий контекст: «Гучков. Кривошеин. Законы 17 августа. Подготовка КОНСТИТУЦИИ».⁵⁶⁸ Кандидатура А.А.Поливанова была согласована не только с его другом А.И.Гучковым, но и с другими лидерами оппозиции. Не случайно, что 20 августа у А.А.Поливанова в Военном министерстве появился П.Н.Крупенский. После слов: «Есть соглашение, достигнуто» он вручил генералу листок, на котором была напечатана программа Прогрессивного блока. Тогда же П.Н.Крупенский заявил А.А.Поливанову, что «теперь все зависит от правительства или — как сегодня говорят в Думе — от вас».⁵⁶⁹ После возникновения блока парламентаристам оставалось добиться создания удобного ему кабинета.

Вопрос об обновлении Совета министров обсуждался вечером 20 августа на заседании правительства, проходившем в Царском Селе под председательством императора. Парламентаристы просили Николая не отстранять от верховного главнокомандования популярного в общественных кругах великого князя Николая Николаевича. Но эта тема была поводом для развертывания аргументации в пользу фактического демонтажа дуалистической системы. А.В.Кривошеин, формулируя коллективное мнение всех министров, за исключением И.Л.Горемыкина и А.А.Хвостова, поставил перед Николаем ультиматум, подобный тому, который поставил в октябре 1905 г. граф С.Ю.Витте: «Сложившиеся внутренние условия допускают лишь два решения. Или примириться с общественностью, или сильная военная диктатура».⁵⁷⁰ А.В.Кривошеин добавил, что «в военное время председателем должен быть военный министр».⁵⁷¹ Передавая ход своей мысли, лидер парламентаристов записал: «Надо быть или сильнее, или искуснее, а мы пассивны, жизнь идет мимо, поэтому опасно. Военный лагерь. Военный лагерь. Военный во главе».⁵⁷²

В трактовке А.В.Кривошеина диктатура подразумевала образование правительства во главе с А.А.Поливановым. Поскольку в нем участвовали бы такие общественные деятели, как А.И.Гучков, это правительство нельзя расценить иначе, как аналог «министерства общественного доверия», создание которого имела в виду первая составляющая кривошеинской дилеммы. Следовательно, это была лишь видимость дилеммы. Оба ее элемента ориентировались на одну цель — фактическое введение парламентаризма. Это представлялось очевидным не только для парламентаристов, но и для дуалистов. После заседания правительства И.Л.Горемыкин говорил начальнику канцелярии кабинета И.Н.Лодыженскому, что «в Совете министров происходит быстрый сдвиг влево, вниз по течению».⁵⁷³

На следующий день, 21 августа, во время своего всеподданнейшего доклада В.Н.Шаховской высказал императору «свое крайнее удивление» по

поводу предложения А.В.Кривошеина о назначении председателем Совета министров А.А.Поливанова. Военный министр, отметил В.Н.Шаховской, является «столь неверным человеком, что он уже никак не подходит к этой роли». Князь «не мог не указать на его дружбу с крайне опасным Гучковым». Выслушивая эти опасения, Николай «одобрительно кивал головой», а напоследок подтвердил, что «это невозможно и этого не будет».⁵⁷⁴ Однако позиция монарха была далека от однозначности и не исключала компромисса с нижней палатой в рамках дуалистической системы.

Сопrotивляясь немедленному установлению парламентаризма, Николай тем не менее не пошел на скорейший роспуск Думы, которая выступала за ликвидацию дуализма. После образования Прогрессивного блока, по мнению одного из его лидеров, «необходима была либо железная беспощадная диктатура, временное упреждение всяких общественных сборищ, в том числе и Государственной думы, или стовор с передовой общественностью».⁵⁷⁵ В августе царь отказался и от окончательного разрыва с оппозицией, и от полной капитуляции перед ней. Николай пошел по среднему пути, который пролегал между дуализмом и парламентаризмом. Это удостоверил А.В.Кривошеин, на заседаниях кабинета 19 и 24 августа назвавший позицию своего суверена «золотой серединкой».⁵⁷⁶ Вообще, в августе Николай находился на точке зрения «прогрессивного образа мысли» и не отказывался «от благосклонного отношения к общественности».⁵⁷⁷ Поэтому царь являлся сторонником рассмотрения министрами программы Прогрессивного блока.

На заседании кабинета 21 августа И.Л.Горемыкин сообщил, что «в ближайшие дни образующимся среди членов Государственного совета и Государственной думы Блоком будет сообщена Совету министров и, согласно высочайшему повелению, подлежит обсуждению программа этого объединения».⁵⁷⁸ Тем не менее в тот же день, 21 августа, парламентаристы обратились к императору с письмом. Указав на то, что на заседании 20 августа «воочию сказалось коренное разногласие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри России событий и в установлении образа действий правительства», парламентаристы заявляли Николаю, что они теряют «веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине».⁵⁷⁹ Таким образом, они, ориентируясь на оппозицию, подавали в коллективную отставку. Но Николай также ориентировался на Думу, хотя и не в такой степени, как парламентаристы.

Открывая 22 августа, перед своим отъездом в Ставку, работу Особого совещания, царь обусловил поддержание «священного единения» обоюдным отказом его участников от политической борьбы, намекнув на это следующим образом: «Оставим на время заботы о всем прочем, хотя бы важном государственном, но не насущном для настоящей минуты. Ничто не должно отвлекать мысли, воли и сил наших от единой теперь цели: изгнать врага из наших пределов».⁵⁸⁰ Царские слова свидетельствовали о готовности Николая к соглашению с оппозицией на условии сохранения дуалистической системы.

Точку зрения царя разделял И.Л.Горемыкин. Во исполнение царской воли И.Л.Горемыкин обратился к П.Н.Крупенскому, который говорил на заседании бюро блока 22 августа по поводу его декларации: «Мы можем и

изменить после беседы с объединенным правительством и тогда можно опубликовать от имени Блока. Имею полномочие от Горемыкина: просить от объединенного правительства, чтобы вошли в разговоры. Официально: кабинет делает предложение Блоку». Тогда же П.Н.Крупенский сообщил: «Горемыкин сказал мне сегодня, что соединенный кабинет желал бы говорить».⁵⁸¹ Хотя премьер и опасался, как бы «левые не взяли верх в Думе», он заявил императрице 23 августа, что нижнюю палату «нельзя распустить», пока «она не кончила своих работ». Николай согласился с этим. Он попросил супругу передать И.Л.Горемыкину, что «как только Государственный совет и Дума закончат свои работы, их надо прикрыть».⁵⁸²

Лидеры оппозиции проигнорировали отсутствие враждебности к Прогрессивному блоку со стороны Николая и И.Л.Горемыкина. Думцы не пошли на признание горемыкинского кабинета «министерством доверия», хотя он полностью контролировался союзниками оппозиции во главе с фактическим премьером. Символом отказа оппозиции от компромисса с уже существующим кабинетом оказалось опубликование 26 августа программы блока без ее предварительного согласования с правительством. Демарш оппозиции был явным нарушением Основных законов, которые не предусматривали влияния Думы на назначение министров, подразумевавшееся первым пунктом программы. Члены Блока признавали, что «вследствие преждевременного и неточного разглашения программы» «дальнейшее направление дела» о соглашении между законодательными палатами и «постановлении о сем соглашении в известность членов Совета министров пошло не по тому пути, который был намечен».⁵⁸³

Хотя с первых же дней своего существования Прогрессивный блок вышел из-под контроля инициировавшей его бюрократической группировки, стремление кабинета к соглашению с оппозицией несколько не ослабло. На заседании правительства 26 августа, в ходе обсуждения программы блока, все министры признали ее приемлемой. Даже И.Л.Горемыкин заявил, что «часть» этой программы «могла бы быть принята правительством в дальнейшей деятельности».⁵⁸⁴

Несмотря на опубликование программы, премьер согласился на переговоры с блоком. Они состоялись 27 августа на квартире государственного контролера П.А.Харитоновой. Помимо него, правительство на переговорах представляли А.А.Хвостов, В.Н.Шаховской и Н.Б.Щербатов, а оппозицию — И.И.Дмитрюков, И.Н.Ефремов, П.Н.Крупенский, В.Н.Львов, П.Н.Миллюков, С.И.Шидловский и В.В.Шульгин (от Думы) и Д.Д.Гримм и барон В.В.Меллер-Закомельский (от Государственного совета).⁵⁸⁵

Переговоры закончились бы полным успехом, если бы не участие в них П.Н.Миллюкова и лидера фракции прогрессистов И.Н.Ефремова. Они привнесли ноту непримиримости. В начале сентября 1915 г., после одного из собраний общественных деятелей, его участники пришли к выводу, что во время переговоров представителей Прогрессивного блока с правительством «со стороны Блока можно было бы пойти на большие уступки». Но этого блок не сделал, так как переговоры вели П.Н.Миллюков и И.Н.Ефремов. Как люди «определенных политических принципов», они не проявили «достаточной гибкости в таком дипломатическом деле».⁵⁸⁶

Позиция П.Н.Милокова и И.Н.Ефремова не ослабила усилий парламентаристов. На заседании правительства 28 августа П.А. Харитонов доложил о результатах переговоров и признал их в общем благоприятными. А.В.Кривошеин высказался за удовлетворение главного пункта программы блока, а именно — за «избрание государем императором лица и поручение ему составить кабинет, отвечающий чаяниям страны».⁵⁸⁷

По предложению фактического премьера министры признали, что программа «не встречает серьезных возражений». Но кабинет, «не будучи в своем нынешнем составе единодушным, не может брать на себя задачу ее осуществления».⁵⁸⁸ Парламентаристы пришли к выводу, что перерыв занятий Думы, «без одновременного ответа правительства на пожелания, заявленные образовавшимся в думской среде большинством, может вызвать различные осложнения». Поэтому парламентаристы считали необходимым «точно определить дальнейшее направление правительственной политики и призвать, сообразно с принятым по этому предмету решением, в состав правительства объединенных общностью взглядов на предстоящие задачи лиц».⁵⁸⁹

Таким образом, парламентаристы подавали в отставку снова, полагая, что перерыв занятий нижней палаты должен совпасть с образованием удобного ей кабинета и фактическим упразднением дуалистической системы. Однако и на этот раз победил И.Л.Горемыкин. Он сопротивлялся парламентаристам, исходя из чисто принципиальных соображений, а не из-за желания сохранить за собою власть. Намекая на оппозиционеров, И.Л.Горемыкин полагал, что «сейчас, — передавала мнение премьера царица, — его не следовало бы удалять, ибо это-то им и желательно, и если им сделать эту уступку, то они станут еще хуже». И.Л.Горемыкин рекомендовал Николаю уволить его «по собственному почину и притом несколько позже», поскольку император — «самодержец».⁵⁹⁰ Очевидно, премьер опасался, как бы его немедленная отставка не стала прецедентом, ведущим к установлению парламентаризма.

Сопротивляясь образованию «министерства доверия», И.Л.Горемыкин, далекий от какой бы то ни было реакционности, лишь отстаивал дуалистическую систему. В соответствии с ней участие народного представительства не только в законодательстве, но и в управлении, к чему стремилось думское большинство, выглядело столь же неприемлемо, как и полное устранение палат от участия в законодательстве. Дуалистический характер позиции И.Л.Горемыкина с очевидностью выявился во время диалога, состоявшегося 2 сентября между премьером и председателем Думы: «Вы, Михаил Владимирович, хотите управлять?» — «Да, понятно». — «Как понятно, управлять? Вы должны законодательствовать, а мы управлять».⁵⁹¹

Упорство И.Л.Горемыкина объяснялось не только принципиальными соображениями. В отличие от парламентаристов, премьер, подобно остальным дуалистам, расценивал замену своего кабинета «министерством доверия» как такую уступку Думе, которая не только не облегчит, но и существенно затруднит ведение войны. Подразумевая именно это, Н.И.Туган-Барановский в записке, посланной С.В.Рухлову в конце августа, подчеркивал, что

«величайшая опасность для государства заключается не в нашествии неприятеля — так как при длительной войне наша обеспеченность личным составом и сырьем всякого рода должна привести к победе, но в тех смутах внутри, которые уже подрывают и могут, при благоприятных для них условиях, широко и глубоко развиться».⁵⁹²

Несмотря на свои опасения, И.Л.Горемыкин попытался уйти. На встрече с императором, состоявшейся 30 августа в Ставке, премьер сообщил о разногласиях в Совете министров и подал в отставку. Но царь ее не принял. Николай повелел И.Л.Горемыкину прервать занятия Думы 3 сентября с тем, чтобы возобновить их «не позднее ноября 1915 г., в зависимости от чрезвычайных обстоятельств».⁵⁹³ Согласно Основным законам, император имел право на полный роспуск оппозиционной Думы. Но об этом он даже не задумывался. Примирительное отношение Николая к Думе противоречило канонам дуалистической системы. Ее идеолог подчеркивал, что «в странах, где, как у нас, парламентаризма нет, Дума, большинство которой заявило бы о своем принципиальном отказе работать с правительством, очевидно, существовать не может».⁵⁹⁴ Согласно ортодоксально-дуалистической точке зрения, за объявлением думским большинством вотума недоверия кабинету И.Л.Горемыкина должен был последовать полный роспуск IV Думы и объявление выборов в новую, V. Николай разделял более либеральную точку зрения. Тем самым он показывал, что допускает возможность уступок Думе если не сейчас, то в будущем.

В конечном итоге, вину за срыв наметившегося летом 1915 г. соглашения правительства с оппозицией возлагали на Прогрессивный блок не только отчаявшиеся парламентаристы, но и его члены. Во время состоявшейся 10 ноября беседы левого октябриста И.С.Клюжева с П.Л.Барком министр финансов не преминул заметить: «Правительство шло к вам навстречу; неприятные вам министры были удалены, и все делалось для сближения с вами, но вы не захотели такого сближения. В Думе начались несвоевременные выпады — потребовали даже ответственного министерства, и дело кончилось тем, чем и должно было кончиться при таких условиях — Дума была распущена. Поверьте, что это непростительная ошибка с вашей стороны». Полностью оспаривать упреки П.Л.Барка И.С.Клюжев не стал. «Да, отчасти вы правы, — заявил он, — но при создавшихся условиях трудно было удержать равновесие».⁵⁹⁵

Перерыв думских занятий, однако, не означал того, что борьба между дуалистами и парламентаристами прекратится. Обострению этой борьбы способствовали разделявшие их разногласия по вопросу о том, тождественно ли «министерство доверия» «ответственному министерству» или нет.

Дуалисты считали, что «министерство доверия» — то же самое, что и «ответственное министерство», т.е. министерство, ответственное не перед монархом, а перед законодательными палатами. С этой точки зрения дарование «министерства доверия» было равносильно фактическому введению парламентарной системы и, следовательно, ограничению царской власти теперь уже и в управлении. Согласившись на «министерство доверия», полагали дуалисты, Николай бы стал только царствовать, но не править.⁵⁹⁶

Парламентаристы, в свою очередь, настаивали на принципиальной разнице между «министерством доверия» и «ответственным министерством». Они утверждали, что дарование «министерства доверия» не означает введения парламентаризма.⁵⁹⁷

Ответ на вопрос о том, как же было на самом деле, дает обращение к программе Прогрессивного блока. Ее первый пункт предусматривал создание политически однородного кабинета («объединенного правительства») из деятелей, пользующихся поддержкой народного представительства, как основного выразителя воли страны («из лиц, пользующихся доверием страны»), и готовых идти на воплощение программы большинства членов законодательных палат, т.е. Прогрессивного блока («согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы»).⁵⁹⁸

Согласно спискам «министерства доверия», подавляющую часть его членов должны были составить исключительно члены блока, причем не только депутаты Думы, но и царские сановники, являвшиеся назначенными членами Государственного совета. Между тем именно при «парламентском правлении», писал Б.Н.Чичерин, «министерская власть, по назначению короля, постоянно передается в руки людей, располагающих большинством в представительных палатах».⁵⁹⁹ Следовательно, пункт о «министерстве доверия» вполне соответствовал канонам парламентаризма. Соответствовал им и тот способ осуществления этого пункта, который предлагали лидеры Прогрессивного блока.

Во время состоявшихся 27 августа переговоров между оппозиционерами и министрами на вопрос о том, каким путем может быть осуществлено «пожелание программы относительно правительства», думцы ответили, что «вопрос сводится к призыванию его императорским величеством пользующегося общественным доверием лица, которому должно быть поручено составление кабинета по своему усмотрению и установление определенных взаимоотношений с Государственной думой».⁶⁰⁰ Однако эта рекомендация лидеров блока полностью созвучна тому, что писал об особенностях формирования кабинета в парламентарных монархиях Б.Н.Чичерин: «Обыкновенно составление министерства поручается одному лицу, которое предлагает монарху список товарищей. Это то, что называется парламентским правлением».⁶⁰¹

Противники отождествления «министерства доверия» с «ответственным министерством» указывали на то, что первое, в отличие от второго, может состоять не только из народных представителей и общественных деятелей, но и из царских бюрократов. Однако И.Н.Ефремов, объясняя в Думе 9 февраля 1916 г. взгляды своей партии, открыто выступавшей, в отличие от кадетов, за введение «ответственного министерства», заявил, что оно «не должно непременно состояться из членов законодательных палат или даже исключительно из общественных деятелей; в его среде могут быть и опытные, талантливые чиновники».⁶⁰²

Практически все царские бюрократы, которых думцы хотели видеть министрами, входили в состав назначенной части верхней палаты — Государственного совета. Поэтому даже если бы правительство полностью

состояло из подобных бюрократов, политического контроля со стороны народного представительства оно бы не избежало.

Канонам парламентаризма не противоречил и термин «министерство доверия», хотя именно отсутствие тождества между ним и термином «ответственное министерство» лидеры Прогрессивного блока приводили в качестве доказательства того, что дарование «министерства доверия» не равнозначно введению парламентаризма. Однако кадетский правовед Н.И.Лазаревский характеризовал парламентаризм как «зависимость состава министерства от доверия, оказываемого ему народным представительством».⁶⁰³ То, что замена слова «ответственное» словом «доверия» — в конечном итоге всего лишь игра словами, признавал даже лидер кадетов П.Н.Милюков, самый стойкий противник отождествления упомянутых терминов.⁶⁰⁴

Доказывая отличие «министерства доверия» от «ответственного министерства», лидеры Прогрессивного блока подчеркивали, что в первом случае речь идет именно об «общественном доверии», т.е. доверии не только Думы, но и общества, представленного такими оппозиционными организациями, как Земский и Городской союзы, между тем как во втором случае подразумевается только доверие Думы. Но П.Н.Милюков указывал на то, что Прогрессивный блок «ближайшим образом был связан с Земским и Городским союзами».⁶⁰⁵ Общественные организации, будучи опорой Думы, сами опирались «на нее, как на настоящее народное представительство»,⁶⁰⁶ и, вспоминая соратник Г.Е.Львова, «крепко держались за Государственную думу».⁶⁰⁷ Поскольку общественные организации и народное представительство составляли как бы одно целое, доверие первых автоматически означало и доверие второй.

Защищавшееся сторонниками Прогрессивного блока мнение о том, что создание «министерства доверия» не равнозначно переходу к парламентаризму, было бы резонно, если бы его введение происходило только при инкорпорировании формулы об «ответственном министерстве» в писаную конституцию. Однако к началу XX в. парламентарная система вводилась не путем издания соответствующих законов, а через допущение в практику народного представительства соответствующих прецедентов.⁶⁰⁸ Лидеры Прогрессивного блока понимали, что парламентаризм устанавливается не законами, а прецедентами.⁶⁰⁹

Не юридический, а чисто фактический характер участие законодательных учреждений в образовании кабинета имело не только при введении парламентарной системы, но и в ходе ее дальнейшего функционирования.⁶¹⁰ Тем не менее на заседании конференции кадетской партии, состоявшемся 7 июня 1915 г., П.Н.Милюков отмечал, что, «говоря об “общественном доверии”, а не о доверии “большинства” Государственной думы», кадеты придают «понятию “ответственности” моральный характер, а не юридический».⁶¹¹ Похожей точки зрения держался В.И.Гурко.⁶¹² Но даже если бы кадеты, следуя рецепту П.Н.Милюкова, прямо говорили о доверии кабинету со стороны не страны, а большинства Думы, то и в этом случае понятие «ответственный» юридического характера не получило бы.

Воплощение лозунга о «министерстве доверия» было равносильно введению «ответственного министерства» именно потому, что давало

практике формирования кабинета направление, следование по которому означало фактическое установление парламентарной системы. В этом отдавали себе отчет сами члены Прогрессивного блока.⁶¹³ Тождество между «министерством доверия» и «ответственным министерством» не отрицал и П.Н.Милуков.⁶¹⁴

Соглашаясь на лозунг о «министерстве доверия», думцы считали, что об «ответственном министерстве» «должно быть сказано, но не в виде требования, а в смысле пожелания».⁶¹⁵ Вопрос об «ответственном министерстве» все фракции решили не поднимать «по тактическим соображениям», но «свои действия направить по этому руслу».⁶¹⁶ Следовательно, делавшиеся лидерами Прогрессивного блока и его сторонниками из числа бюрократов утверждения о принципиальной разнице между «министерством доверия» и «ответственным министерством» были весьма прозрачной тактической уловкой, нацеленной на то, чтобы сознательно затушевать истинную цель блока, которая состояла в ликвидации дуалистической системы.

В том, что лозунг о «министерстве доверия» не нейтрален, а ориентирован налево, в сторону парламентаризма, отдавали себе отчет и царские сановники. «Система, которая была принята в Германии, Австрии и в Соединенных Штатах, где глава государства свободен выбирать правительство, какое он считает нужным, без обязательства составлять кабинет из членов парламента, — писал П.Л.Барк по поводу первого пункта программы Прогрессивного блока, — такое положение вещей, очевидно, не удовлетворяло наших законодателей». Они, по свидетельству П.Л.Барка, хотели «англо-французской системы»,⁶¹⁷ т.е. именно парламентаризма.

Неверно утверждать, что между «министерством доверия» и «ответственным министерством» не существовало вообще никаких отличий. «Министерство доверия» означало введение парламентаризма де-факто, а «ответственное министерство» — не только де-факто, но и де-юре. Однако, поскольку достаточной предпосылкой парламентаризма было достижение соответствующего фактического состояния, принципиальной разницы между «министерством доверия» и «ответственным министерством» не имелось. Это понимали иностранцы, хорошо знакомые с политической практикой парламентарных государств.⁶¹⁸

Осуществление лозунга о «министерстве доверия», как и об «ответственном министерстве», означало упразднение Основных законов, т.е. государственный переворот. Антиконституционность этого лозунга признавали и члены Прогрессивного блока,⁶¹⁹ и царские сановники.⁶²⁰ В конкретном политическом контексте лета 1915 г. борьба за «министерство доверия» приобрела не только оппозиционный, но и революционный характер.

6. «Министерская чехарда».

И.Л.Горемыкин и А.Н.Хвостов (сентябрь 1915 — январь 1916 г.)

После состоявшегося 3 сентября 1915 г. перерыва сессии законодательных учреждений политическая борьба внутри Совета министров не только не прекратилась, но и заметно усилилась.⁶²¹ Это было вызвано су-

ществованием на уровне высшей исполнительной власти прогрессивной группы, в которую входили парламентаристы. В сентябре из 14 членов кабинета к составу прогрессивной группы принадлежали 11 человек — подавляющее большинство. Все эти министры, как парламентаристы, в той или иной степени идентифицировали себя с политическим курсом не премьера, а Прогрессивного блока. Оппонентами парламентаристов были только два дуалиста — глава кабинета И.Л.Горемыкин и министр юстиции А.А.Хвостов.⁶²²

Подавляющее численное превосходство парламентаристов толкало их на применение по отношению к своим оппонентам наступательной тактики. А.А.Поливанов, С.Д.Сазонов и князь Н.Б.Щербатов, будучи «резко настроены против Горемыкина», говорили членам Прогрессивного блока, что «они всеми силами будут содействовать удалению настоящего председателя Совета министров и проведению наиболее приемлемых пунктов программы Блока».⁶²³

Тактика парламентаристов совпадала с тактикой лидеров оппозиции. В сентябре М.В.Родзянко отправил всеподданнейший доклад, в котором доказывал, что «необходимо удалить Горемыкина и прислушаться к голосу страны».⁶²⁴

Принципиальная ориентация парламентаристов на оппозицию привела к перманентному конфликту между ними и Николаем. Требование Прогрессивного блока о скорейшем демонтаже дуалистической системы через немедленное дарование «министерства доверия» царь находил абсолютно неприемлемым. Сопротивляться введению парламентаризма Николая заставляло разделявшееся им воззрение о полной неподготовленности к этому народной массы.⁶²⁵ Допущению прямого влияния Думы на формирование кабинета монарх сопротивлялся также вследствие своего убеждения в некомпетентности лидеров оппозиции. Царь исходил из того, что пользовавшиеся его доверием деятели не сумеют, оказавшись у власти, справиться с положением лучше, нежели министры, пользовавшиеся монаршим доверием. Особый скепсис вызывали у Николая государственные потенции депутатов Думы.⁶²⁶ Неприятие царем лозунга о «министерстве доверия» объяснялось и тем, что депутаты, по его мнению, в силу своего социального статуса были далеки от народа. Поэтому, полагал император, они не являлись истинными выразителями народной воли.⁶²⁷

Николай был убежден в том, что оппозиционностью заражены только столицы, а вся остальная страна — на стороне монарха и его правительства. Во время всеподданнейшего доклада в Ставке, состоявшегося 10 сентября,⁶²⁸ главноуправляющий канцелярией по принятию прошений В.И.Мамантов попытался намекнуть императору на бытование антиправительственных настроений не только в столице, но и в провинции. Николай сначала слушал докладчика «с недоверчивою улыбкою и возмущением», а затем воскликнул: «Да вы с ума сошли, вам все это приснилось и приснилось когда же? Чуть не накануне нашей победы?! И чего вы боитесь? Сплетен гнилого Петербурга и крикунов в Думе, которым дорога не Россия, а их собственные интересы? Можете быть спокойны; если бы и могли произойти какие-нибудь неожиданности, то

соответственные меры против них приняты и повторяю вам, победа теперь уже не за горами».⁶²⁹

Николай воспринимал активность парламентаристов, ориентированных на оппозицию, с явным раздражением.⁶³⁰ Поведение членов прогрессивной группы выглядело в глазах императора как естественное следствие потери ими политической проницательности. Для возвращения ее растерявшимся министрам Николай вызвал весь кабинет к себе в Ставку. Однако парламентаристы, считая, что политической проницательности лишились не они, а монарх и И.Л.Горемыкин, отступать не собирались. Парламентаристы решили настаивать перед Николаем на приглашении в правительство двух-трех общественных деятелей в качестве министров без портфелей или товарищей министров, замене И.Л.Горемыкина А.В.Кривошеиным и безотлагательном созыве Государственной думы.⁶³¹

Когда министры приехали в Ставку, то там их никто не встретил. Из этого они сделали вывод, что прибытие кабинета протекает «под знаком неблаговоления».⁶³² В недовольстве Николая парламентаристами они убедились еще больше 16 сентября, на начавшемся в 17.30⁶³³ заседании правительства под председательством императора. Во время заседания Николай «сурово обошелся» с министрами, подписавшими письмо от 21 августа.⁶³⁴

Своим сотрудникам император заявил буквально следующее: «Высказываю неодобрение за письмо, удивившее и огорчившее меня. Не сбилось мнение, в нем выраженное, вся истинная Россия со мною, а что говорят в Петрограде и в Москве, мне все равно. Я имею полное доверие к председателю Совета министров и надеюсь, что он долго останется председателем, и что все будут следовать его руководству. Проведя здесь три недели, я отдохнул головой, душа успокоилась, мысли очистились. В столицах — чад. Все усилия правительства и всей страны должны быть сосредоточены на мысли о войне. Мы должны отдать все силы и разум войне. Мы должны всех подчинить, принудить к работе по снабжению армии и к достижению спокойствия в тылу. Надо добиться того настроения, которое было в первые девять месяцев войны».⁶³⁵

Заканчивая свое выступление, Николай заявил резким голосом: «Я не потерплю, чтобы мои министры вели себя, как забастовщики по отношению к моему председателю Совета. Я сумею внушить всем уважение к моей воле».⁶³⁶

Несмотря на отрицательное отношение Николая к деятельности парламентаристов, они предприняли попытку переубедить императора, выступив за принятие требований Прогрессивного блока. Наиболее активными сторонниками этого выказали себя А.В.Кривошеин, С.Д.Сазонов, А.Д.Самарин, П.А.Харитонов и Н.Б.Щербатов. А.В.Кривошеин говорил о том, что «между правительством, с одной стороны, и обществом и народом — с другой, должна быть связь». П.А.Харитонов признал положения блокистской программы «не противоречащими началам нашей государственности», подчеркнув особо, что в программе «вовсе не говорится» об «ответственном министерстве». И.Л.Горемыкин, однако, с доводами П.А.Харитонova не согласился.⁶³⁷

Премьер оспорил мнение парламентаристов о разрыве между властью и обществом. Он заявил: «Это не так, мы идем с Земским и Город-

ским союзами и даже с Думой». В заявлении И.Л.Горемыкина не было никакого лукавства — действительно, в его лице правительство шло вместе с обществом, но в рамках дуалистической системы, а не парламентаризма, к которому стремились оппозиция и солидарные с ней министры. Вот почему в ответ на слова премьера С.Д.Сазонов раздраженно заметил, что это «совсем не то».⁶³⁸

Предостережения парламентаристов относительно того, что «неудовольствие растет», Николай париловал указанием на пачки полученных им накануне верноподданных телеграмм. «Вы, — обратился царь к министрам, — слишком много в Петрограде сидите, вы совершенно прониклись петроградскими болотными язвами, а вот голос народа».⁶³⁹

В конце заседания Николай «глухим и недовольным» голосом сказал: «Я вас выслушал и, когда приеду в Царское Село, то там решу». Произнося эти слова, царь сделал «жест рукой, как бы разрубая что-то».⁶⁴⁰ Как и на заседании 20 августа, парламентаристы получили твердый отпор. Окончательно отвергнув их рекомендации, Николай надеялся, что дал «хороший урок» и министрам, и лидерам оппозиции. Во время войны, полагал император, «надлежит, прежде всего, озаботиться об армии, а не заниматься внутренними раздорами».⁶⁴¹ Парламентаристы предпочитали солидаризироваться не со своим председателем, а с Прогрессивным блоком. Это утвердило Николая во мнении о необходимости реорганизации кабинета.⁶⁴²

План императора, подразумевавший увольнение наиболее активных парламентаристов, поддержал И.Л.Горемыкин. Он еще до совещания в Ставке, в течение августа — сентября, просил Николая через императрицу отставить А.В.Кривошеина,⁶⁴³ А.Д.Самарина⁶⁴⁴ и Н.Б.Щербатова.⁶⁴⁵ Просьбы премьера поддержала, в свою очередь, Александра Федоровна.

Политические расхождения с императором и премьером заставили А.В.Кривошеина, А.Д.Самарина и Н.Б.Щербатова подать в отставку. Началась так называемая «министерская чехарда».⁶⁴⁶ Уже 25 сентября Николай писал главноуправляющему Собственной канцелярией А.С.Танееву: «Пришлите мне указы об увольнении: князя Щербатова от должности управляющего МВД и Самарина от должности исправляющего должность обер-прокурора Святейшего Синода».⁶⁴⁷ Уход А.В.Кривошеина, несмотря на грехи главноуправляющего, царь облек в максимально мягкие формы, дав отставнику рескрипт и наградив его орденом Александра Невского.⁶⁴⁸ Помимо Н.Б.Щербатова, А.Д.Самарина и А.В.Кривошеина, осенью 1915 г., по причине нездоровья, был уволен и С.В.Рухлов.

Согласно мнению современников и историков, «министерская чехарда» стала следствием увеличения политического веса «темных сил» и «безответственных влияний».⁶⁴⁹ Под ними подразумевали Александру Федоровну, Г.Е.Распутину и их окружение, т.е. камарилью. Существует и иная точка зрения.⁶⁵⁰ Однако до сих пор она более декларировалась, нежели аргументировалась.

Попыток царицы и старца влиять на назначения и увольнения министров отрицать не приходится. Но важно выяснить, насколько результативными были эти попытки. При их анализе бросается в глаза полное обуславливание мнений Александры Федоровны и Г.Е.Распутина мне-

нием Николая. Подобное обуславливание вытекало из их общей веры в абсолютную ценность царского волеизъявления, в то, что воля самодержца священна, поскольку «сердце царево в руке Божьей».

Более всего представление о монархе как орудии божьего промысла было свойственно самому Николаю.⁶⁵¹ Данное представление предопределяло крайне негативное отношение царя ко всем попыткам, направленным на подчинение его воли при решении политических вопросов, даже если эти попытки исходили от Александры Федоровны.⁶⁵² Для Г.Е.Распутина вход в святилище самодержавной власти Николай закрывал еще плотнее.⁶⁵³ Фанатическое отстаивание царем полноты самодержавия от покушений на нее со стороны не только оппозиции, но и камарильи делало невозможным активное участие в определении политического курса и формировании Совета министров какого-либо иного фактора, кроме монарха. Жене и «Другу» Николая оставалось только слепо преклоняться перед его волей. Тем более что она, будучи по видимости мягкой, на самом деле отличалась несомненной твердостью.⁶⁵⁴ Поэтому все политическое значение Г.Е.Распутина держалось на преклонении перед волей монарха.

Прочность положения старца объяснялась именно тем, что он не столько давал советы, сколько не противоречил Николаю. Г.Е.Распутин настаивал на том, чтобы «ты, — писала царица мужу, — выполнял свои планы, твоя первая мысль всегда бывает наиболее правильной».⁶⁵⁵ Иногда «первая мысль» Николая наталкивалась на сопротивление со стороны представителей бюрократической элиты. При разногласиях императора с его сотрудниками жена и «Друг» Николая аффективно поддерживали первоначальное мнение самодержца, даже если он склонялся к тому, чтобы отказаться от этого мнения.

Влияние старца на царя было сильным не в политической, а исключительно в духовной сфере. Николай верил в религиозность Г.Е.Распутина.⁶⁵⁶ В общении с ним император находил удовлетворение своих самых глубинных душевных запросов.⁶⁵⁷ Получая от Г.Е.Распутина именно то, что он хотел получить, Николай видел в этом доказательство неправоты тех, кто выступал с обвинениями старца в греховности. Николай и Александра Федоровна полагали, что старец «страдает за правду», как страдали святые, и что только зависть и злоба толкали людей на лжесвидетельство против него».⁶⁵⁸ Утверждению царской четы в этом воззрении содействовало то, что противники старца использовали для его дискредитации фальшивки.⁶⁵⁹ В данном случае неважно — был ли Г.Е.Распутин действительно святым или нет. Достаточно выяснить, имел ли Николай какие-либо основания лично сомневаться в истинности возводимых на старца обвинений. Многочисленные факты неоднократно давали царю основания для того, чтобы не верить обвинениям Г.Е.Распутина в том, что он хлыст⁶⁶⁰ и распутник.⁶⁶¹

Примитивное неправдоподобие мифа о Г.Е.Распутине казалось императору очевидным настолько, что для его разоблачения Николай не считал нужным употреблять какие-либо усилия. Царь находил это ниже своего достоинства.⁶⁶²

В муссировании оппозиционерами распутинского мифа Николай видел не только следствие добросовестного заблуждения, вызванного не-

осведомленностью, но и средство дискредитирования монарха и монархии.⁶⁶³ Обращение к распутинской теме было, в глазах императора, признаком недостаточной лояльности. Поэтому увольнение А.Д.Самарина, затронувшего пресловутую тему при сопротивлении попытке епископа Варнавы, друга Г.Е.Распутина, канонизировать Иоанна Тобольского,⁶⁶⁴ доказывало не всеилие «безответственных влияний», а его мифичность.⁶⁶⁵

Не менее важная причина увольнения разоблачителей Г.Е.Распутина состояла в том, что сановники, которые верили в миф о нем, оказывались политическими оппонентами царя. Ведь этот миф использовался в качестве главного аргумента в пользу необходимости замены дуалистической системы парламентаризмом.

Доказательством мифичности всеилия «безответственных влияний» стали назначения осени 1915 г. Одно из них было связано с появлением во главе МВД А.Н.Хвостова (племянника министра юстиции А.А.Хвостова). Он оказался первым за всю историю Думы депутатом, получившим должность министра. Разделявшаяся современниками и исследователями версия о причастности к выдвижению кандидатуры А.Н.Хвостова царицы, князя М.М.Андроникова и Г.Е.Распутина лишена оснований.⁶⁶⁶

На пост министра внутренних дел А.Н.Хвостов был рекомендован императору еще в 1911 г. не кем иным, как П.А.Столыпиным.⁶⁶⁷ Николай последовал совету премьера и в августе 1911 г. послал Г.Е.Распутина в Нижний Новгород, поручив ему «посмотреть на Хвостова».⁶⁶⁸ Губернатор не выказал гостю особого внимания, а потому старцу А.Н.Хвостов не понравился.⁶⁶⁹ Несмотря на это, после убийства П.А.Столыпина, министром внутренних дел Николай по-прежнему хотел назначить именно А.Н.Хвостова. От своего намерения царь отказался только по просьбе нового премьера В.Н.Коковцова.⁶⁷⁰

Назначение А.Н.Хвостова произошло через четыре года. В это время проявилось нежелание царя пойти на немедленное установление парламентаризма, к чему стремился Прогрессивный блок. Однако точка зрения Николая не означала полного отказа от компромисса с оппозицией. Наоборот, сотрудничество правительства и Думы, но лишь на базе Основных законов, осенью 1915 г., как и в начале войны, казалось императору необходимым. Точка зрения Николая была умеренно-дуалистической. Между тем именно в это время А.Н.Хвостов зарекомендовал себя как умеренный дуалист, хотя и числился в правой фракции.⁶⁷¹ Преемник парламентариста Н.Б.Щербатова вписывался в политику Николая по отношению к Думе.

Назначение думца было шагом навстречу оппозиции.⁶⁷² Но этот шаг не выводил течение политического процесса за рамки дуалистической системы. Выбрав А.Н.Хвостова, Николай хотел добиться также нейтрализации слухов о влиянии на него «германофильской партии». Поскольку А.Н.Хвостов имел репутацию ярого германофоба и являлся в этом смысле знаковой фигурой, его нахождение во главе МВД, по мысли царя, должно было доказать несостоятельность подозрений, захвативших массовое сознание. Назначая депутата, Николай заметил: «Уж его в шпионстве не заподозрят».⁶⁷³

Первый раз о своем намерении заменить управляющего МВД Н.Б.Щербатова А.Н.Хвостовым Николай заявил И.Л.Горемыкину 25 июля.⁶⁷⁴ Премьер, поддержанный А.А.Хвостовым-дядей, оспорил намерение царя.

К выдвижению кандидатуры А.Н.Хвостова Г.Е.Распутин никакого отношения не имел. С 15 июня по 31 июля он отсутствовал в Петрограде, будучи у себя на родине, в Сибири.⁶⁷⁵ Старец не имел никакого отношения и к сопровождавшей назначение А.Н.Хвостова замене товарища министра внутренних дел генерала В.Ф.Джунковского сенатором С.П.Белецким. О необходимости такой замены Николай заявил Н.Б.Щербатову 29 июля.⁶⁷⁶

При разногласии царя с премьером по поводу назначения А.Н.Хвостова царица заняла сторону мужа.⁶⁷⁷ Впрочем, не вполне. Во время состоявшейся 28 августа встречи с Александрой Федоровной И.Л.Горемыкин, в противовес А.Н.Хвостову, выдвинул члена Государственного совета по назначению А.Б.Нейдгарта. Царица эту кандидатуру поначалу поддержала.⁶⁷⁸ Одновременно Александра Федоровна попросила А.А.Вырубову встретиться с А.Н.Хвостовым и оценить его. Для организации встречи с депутатом А.А.Вырубовой обратилась к князю М.М.Андронику. Встреча произошла 29 августа в Царском Селе. А.А.Вырубовой А.Н.Хвостов понравился. После этого князь развернул письменную агитацию в пользу назначения думца. Письмо А.А.Вырубовой, посвященное этому, М.М.Андроников написал не ранее 2 сентября,⁶⁷⁹ а Николаю — еще позже.⁶⁸⁰ Князь вел абсолютно беспроектную игру. Ведь он узнал от А.А.Вырубовой, что А.Н.Хвостов «предназначен был уже государем».⁶⁸¹

Под влиянием А.А.Вырубовой и М.М.Андроникова царица 9 сентября окончательно приняла кандидатуру А.Н.Хвостова.⁶⁸² И.Л.Горемыкин, однако, не дремал. В дополнение к А.Б.Нейдарту в министры внутренних дел премьер выдвинул еще четырех сановников. Как сообщал М.М.Андроников А.А.Вырубовой не ранее 2 сентября, ими были: директор департамента общих дел МВД А.Н.Волжин, государственный секретарь С.Е.Крыжановский, помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части Д.Н.Любимов и варшавский губернатор П.П.Стремоухов.⁶⁸³ Наиболее желательным кандидатом И.Л.Горемыкин считал С.Е.Крыжановского. Именно на него премьер указал императору на встрече, состоявшейся 14 сентября в Ставке. Однако Николай по-прежнему настаивал на А.Н.Хвостове. Премьер проиграл. Из Могилева он приехал «с известием о назначении Хвостова».⁶⁸⁴

Между тем императрица решила лично встретиться с А.Н.Хвостовым, чтобы проверить положительные мнения о нем, высказанные М.М.Андрониковым и А.А.Вырубовой. В решении пойти на эту встречу Александру Федоровну утвердила телеграмма Г.Е.Распутина, все еще находившегося в Сибири. О близости назначения А.Н.Хвостова Г.Е.Распутин узнал из телеграммы А.А.Вырубовой только в середине сентября. Ответная телеграмма старца была получена ею 16 сентября.⁶⁸⁵ Г.Е.Распутин благословил выбор императора. Примечательно, что до того момента старец имел отрицательное мнение об А.Н.Хвостове. Однако Г.Е.Распутин немедленно переменял фронт, когда узнал о намерении Николая и одобрении этого намерения Александрой Федоровной.

Встреча царицы с А.Н.Хвостовым произошла 17 сентября. «Мой муж, — сказала ему Александра Федоровна, — не раз уже подумывал о назначении вашем на пост министра внутренних дел, и действительно — Щербатов совершенно не годится. Но, сознаюсь, что я этому препятствовала вследствие того, что вы так отрицательно относитесь к Григорию Ефимовичу». В конце встречи царица намекнула А.Н.Хвостову на желательность назначения С.П.Белецкого товарищем министра внутренних дел.⁶⁸⁶

Указы о назначении А.Н.Хвостова и С.П.Белецкого Николай подписал 26 и 28 сентября.⁶⁸⁷ Г.Е.Распутин же вернулся в Петроград лишь 28 сентября. Встреча Г.Е.Распутина с А.Н.Хвостовым и С.П.Белецким состоялась уже после их назначения, 29 сентября.⁶⁸⁸ «Меня злило, — подчеркивал по этому поводу М.М.Андроников, — когда Распутин говорил: “Я назначил Хвостова, я назначил Белецкого”... Это была неправда, потому что Хвостов был назначен 24–25 августа, а Распутин приехал в сентябре!»⁶⁸⁹ Таким образом, назначение А.Н.Хвостова предопределили не «темные силы», а чисто политические причины. Поэтому его появление во главе МВД не привело к повышению результативности вмешательства Г.Е.Распутина в кадровую политику.

По просьбе старца произошло лишь одно назначение, а именно — назначение 13 ноября тобольским губернатором, вместо переведенного в Самару А.А.Станкевича, управляющего пермской казенной палатой Н.А.Ордовского-Танаевского.⁶⁹⁰ В то же время, несмотря на желания Г.Е.Распутина и его окружения, А.Н.Хвостов не пошел на замену петроградского градоначальника князя А.Н.Оболенского начальником дворцовой охраны генералом А.И.Спиридовичем⁶⁹¹ и проведение в товарищи министра торговли и промышленности или члены совета этого министра друга старца Н.Н.Решетникова. Последний не получил также и чина действительного статского советника, которого он добивался.⁶⁹²

Никакого отношения «безответственные влияния» не имели и к назначению директора департамента общих дел МВД А.Н.Волжина исправляющим должность обер-прокурора Синода. Современники и исследователи приписывали это назначение А.Н.Хвостову, которого якобы поддержал Г.Е.Распутин.⁶⁹³ На самом деле А.Н.Волжин являлся личным кандидатом Николая.

С.П.Белецкий полагал, что А.Н.Хвостов «провел мысль о Волжине» «в одном из своих ближайших докладов».⁶⁹⁴ Но первый доклад А.Н.Хвостова у царя, согласно дневнику Николая, состоялся 20 октября. Между тем уже 30 сентября, согласно тому же дневнику, царь имел встречу с А.Н.Волжиным, во время которой и предложил ему пост обер-прокурора.⁶⁹⁵ Впрочем, представители «безответственных влияний» накануне отставки А.Д.Самарина попытались найти ему преемника.

В начале сентября М.М.Андроников совместно с петроградским митрополитом Владимиром составил список кандидатов на пост обер-прокурора. В списке, представленном императрице А.А.Вырубовой, фигурировали директор канцелярии Синода П.В.Гурьев, назначенный член правой группы Государственного совета А.А.Макаров и министр юстиции А.А.Хвостов.⁶⁹⁶ Кандидатами М.М.Андроникова на пост обер-прокурора

были также почетный опекун В.С.Арсеньев, камергер С.М.Прутченко, назначенный член правой группы А.П.Рогович и редактор «Правительственного вестника» князь С.П.Урусов.⁶⁹⁷ Особое предпочтение, с подачи А.Н.Хвостова, М.М.Андроников отдавал министру юстиции.⁶⁹⁸ Под влиянием князя Александра Федоровна остановилась на А.А.Хвостове.⁶⁹⁹

В преемники своего дяди А.Н.Хвостов предложил сенатора Н.С.Крашенинникова. Царица поддержала и эту кандидатуру.⁷⁰⁰ Г.Е.Распутин в преемники А.А.Хвостова выдвинул его предшественника — назначенного члена Государственного совета И.Г.Щегловитова.⁷⁰¹ Поиски царицей нового обер-прокурора закончились на председателе Общества востоковедения генерале Н.К.Шведове.⁷⁰² М.М.Андроников, однако, выступил против Н.К.Шведова. Вместо него князь предложил кандидатуры назначенных членов правой группы графа А.А.Бобринского и Н.А.Зверева.⁷⁰³ Но никто из этого сонма сановников преемником А.Д.Самарина не стал. В сентябре 1915 г. портфель обер-прокурора получил кандидат Николая. Тем не менее в сентябре 1915 г., вопреки фактам, парламентаристы считали, что М.М.Андроников вершит судьбу России.⁷⁰⁴

Поиски царицей нового товарища обер-прокурора были более результативными. Кандидатом Александры Федоровны оказался сверхштатный помощник статс-секретаря Государственного совета князь Н.Д.Жевахов.⁷⁰⁵ Однако получения своего поста Н.Д.Жевахов дождался только через год.

Появление во главе МПС назначенного члена правой группы верхней палаты А.Ф.Трепова произошло прямо вопреки пожеланиям императрицы и старца.⁷⁰⁶ Назначение А.Ф.Трепова не устраивало и А.Н.Хвостова. Министром путей сообщения он хотел видеть сенатора Д.Б.Нейдгарта.⁷⁰⁷ Но его кандидатура не прошла.

Назначение выборного члена Государственного совета А.Н.Наумова управляющим Министерством земледелия также произошло вне всякого влияния А.Н.Хвостова. Руководитель МВД полагал, что именно он во время встречи с императором, состоявшейся 27 октября, впервые подсказал собеседнику имя А.Н.Наумова.⁷⁰⁸ В действительности о своем желании назначить его министром земледелия Николай сообщил И.Л.Горемыкину днем раньше, 26 октября.⁷⁰⁹ В преемники А.В.Кривошеина премьер намечал начальника главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов С.С.Хрипунова.⁷¹⁰ Сам А.В.Кривошеин выдвинул кандидатуру товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием Г.В.Глинки,⁷¹¹ поначалу поддержанную М.М.Андрониковым.⁷¹² Однако управляющим Министерством земледелия снова стал кандидат Николая.

Главной причиной назначения А.Н.Наумова, входившего в группу центра Государственного совета,⁷¹³ присоединившуюся к Прогрессивному блоку, была принадлежность этого деятеля к оппозиции. Перед получением министерского портфеля А.Н.Наумов откровенно признался Николаю в своей оппозиционности. «Я, — сказал тогда А.Н.Наумов, — не могу быть более верноподданным, чем те министры, которые только что ушли; они мои искренние единомышленники — Самарин, князь Щербатов; более верноподданным, чем они были, я быть не могу. Я предупреждаю

даю вас, государь». Император на это ответил: «Я вас десять лет знаю, как губернского предводителя дворянства, я неоднократно выслушивал ваши советы, в частности, по поводу землеустройства и местных дел, вы — человек земли, вы — человек правды. Надеюсь, что ваш следующий доклад будет так же в понедельник, как было при Кривошеине».⁷¹⁴ Назначение А.Н.Наумова все-таки произошло. Оно являлось очевидным доказательством наличия у Николая стремления к соглашению с Прогрессивным блоком.

А.Н.Наумов пополнил состав прогрессивной группы. Таким образом, к январю 1916 г. в нее входили 8 человек, т.е. большинство министров.⁷¹⁵ Их оппоненты в количестве 5 человек (А.Н.Волжин, И.Л.Горемыкин, А.Ф.Трепов и А.А. и А.Н.Хвостовы) по-прежнему были в меньшинстве. Реорганизация кабинета не поколебала доминирования прогрессивной группы. Сознательное сохранение Николаем, при всех перипетиях «министерской чехарды», этой группы, члены которой ориентировались на оппозицию, также доказывало, что царь являлся сторонником компромисса с Прогрессивным блоком. Вообще, кадровыми переменами осени 1915 г., и прежде всего — назначениями А.Н.Хвостова и А.Н.Наумова, Николай хотел показать, что «ничего не имеет против привлечения в состав правительства членов законодательных палат».⁷¹⁶

В ходе состоявшейся 22 октября⁷¹⁷ встречи с императором английский посол Д.У.Бьюкенен, подразумевая «министерство доверия», выразил надежду увидеть в России «сильную правительственную власть». Николай выслушал посла «весьма внимательно» и в «сдержанных, но милостивых выражениях согласился с его доводами».⁷¹⁸ В намерении добиться соглашения с Думой Николая поддерживала супруга.⁷¹⁹

В то же время, осенними назначениями царь подчеркивал, что «сохраняет за собой полную свободу выбора своих сотрудников, которые продолжают нести ответственность непосредственно перед монархом, а не перед законодательными палатами».⁷²⁰ Иными словами, Николай по-прежнему полагал, что, вопреки парламентаристским претензиям Прогрессивного блока, компромисс между ним и правительством возможен только в рамках дуалистической системы.

Назначавшиеся в Совет министров дуалисты должны были соотноситься с наличием у царя стремления к соглашению с оппозицией. Это выявилось особенно четко в случае с А.Н.Хвостовым. Он являлся таким же противником премьера, как и Н.Б.Щербатов, полагая, что И.Л.Горемыкин «ведет прямо к концу, потому что его политика — пережиток старого».⁷²¹ Более того, первые шаги нового министра показали, что «якобы “правый” господин Хвостов гораздо дальше от консерватизма, чем якобы “левый” князь Щербатов». Выражая свое мнение по поводу назначения А.Н.Хвостова, П.Б.Струве писал: «Никакого сдвига направо не совершилось».⁷²²

Целью А.Н.Хвостова было не обуздание Прогрессивного блока, а заключение с ним соглашения. Он хотел «выдвинуться как человек, примиривший Думу с правительством».⁷²³ Сразу после получения министерского поста А.Н.Хвостов заявил журналистам: «Ничего предвзятого ни к

Блоку, ни к руководителям и создателям его у меня нет. В дальнейшей работе на правительственной скамье я не смогу опираться только на крайнее правое крыло Государственной думы, как нельзя опереться и на другое крайнее крыло. Работать нужно со всеми партиями Думы, и я убежден, что путем переговоров удастся достигнуть соглашения с Блоком. Я вообще убежден, что будут сделаны все попытки соглашения с Государственной думой».⁷²⁴ Прочитав интервью А.Н.Хвостова, член Прогрессивного блока отметил: «Судя по этой беседе, будущая деятельность нового министра обрисовывается в достаточно либеральном свете».⁷²⁵

Для подготовки компромисса правительства с оппозицией А.Н.Хвостов пошел на сближение с националистами, октябристами и лидером фракции центра П.Н.Крупенским.⁷²⁶ Контуры большинства, на которое собирался опираться А.Н.Хвостов, можно найти в «Записке о перспективах выборов в 5-ю Государственную думу», составленной в конце 1915 г. На вопрос о том, члены каких партий «могли бы быть желательны для правительства», ее авторами давался ответ, что «допустимы правые октябристы и желательны более консервативные группы».⁷²⁷ Следовательно, министр внутренних дел являлся прямым наследником П.А.Столыпина. Как и его предшественник, А.Н.Хвостов собирался найти опору прежде всего у право-октябристского большинства.

Готовя почву для компромисса с оппозицией, руководитель МВД попытался «парализовать» ортодоксально-дуалистическое влияние И.Л.Горемыкина.⁷²⁸ На заседаниях кабинета к его председателю А.Н.Хвостов «совершенно не примыкал»⁷²⁹ и держал «какую-то особую правую линию».⁷³⁰ Дистанцирование А.Н.Хвостова от И.Л.Горемыкина привело к тому, что деятельность нового министра получила высокую оценку со стороны парламентаристов. С.Д.Сазонов заявил своему сотруднику барону Б.Э.Нольде, что после назначения А.Н.Хвостова кабинет, «безнадежно завядший под мертвящим влиянием Горемыкина, вдруг ожил и потому можно ждать серьезного улучшения положения».⁷³¹

Хвостовская трактовка курса на «священное единение» подразумевала демонстрацию благожелательного отношения к Думе и ее председателю.⁷³² Но самое главное — министр внутренних дел начал координирование деятельности правительства с конкретными пунктами программы Прогрессивного блока. На заседании Совета министров 27 октября он выступил за проведение по статье 87 Основных законов предположения об улучшении обеспечения почтово-телеграфных служащих.⁷³³ Упомянутая статья давала кабинету право проводить указами временные законы при перерыве в деятельности Думы. А.Н.Хвостов также продолжил постепенное разрешение еврейского вопроса⁷³⁴ и проведение частичной политической амнистии.⁷³⁵ Помимо перечисленных мер, министр внутренних дел надеялся «провести целый ряд либеральных законов».⁷³⁶

Не принимая парламентаризма, А.Н.Хвостов попытался поставить известные пределы участию монарха в управлении, введя функциональные ограничения царской власти. В конкретной ситуации они могли оказаться и политическими. Поводом к этому А.Н.Хвостов избрал вопрос об уменьшении количества дел, поступавших на рассмотрение Николая. Уже

29 ноября А.Н.Хвостов направил И.Л.Горемыкину проект собственного доклада царю о предоставлении руководителю МВД права разрешать некоторые дела «именем его императорского величества без всеподданнейшего по каждому делу доклада или непосредственно властью министра внутренних дел».⁷³⁷ Государственный секретарь С.Е.Крыжановский поднял вопрос о необходимости расширения власти и других министров. На заседании 15 декабря правительство, признав соображения А.Н.Хвостова и С.Е.Крыжановского заслуживающими внимания, постановило создать под председательством государственного секретаря междудомственное совещание для выяснения тех дел, которые можно было бы предоставить разрешению кабинета или власти отдельных министров.⁷³⁸

Таким образом, своим прогнозом о том, что А.Н.Хвостов «будет ликвидировать старый порядок»,⁷³⁹ П.Б.Струве попал в самую точку. Если под «ликвидацией старого порядка» понимать осуществление мер по усилению значения Думы в его политической системе, то умеренный дуалист А.Н.Хвостов содействовал этому гораздо более эффективно, чем ортодоксальный парламентарист Н.Б.Щербатов. Неудивительно, что А.Н.Хвостов был ближе к прогрессивной группе, а не к премьеру.

И.Л.Горемыкин, отстаивая дуалистическую идею излишне прямолинейно, считал, что эта идея и достижение компромисса с Прогрессивным блоком исключают друг друга. А.Н.Хвостов, будучи умеренным дуалистом, находил возможным достижение такого компромисса именно в рамках дуалистической системы. Впрочем, не принимая программу Прогрессивного блока в целом, премьер учитывал ее отдельные пункты.⁷⁴⁰ Показательно благожелательное отношение И.Л.Горемыкина к выдвинутому Думой предложению о создании совещания из представителей законодательных палат и торгово-промышленного мира для выработки основных направлений экономической политики правительства. Это новое высшее учреждение стало бы еще одним шагом на пути к парламентаризации верховного управления.⁷⁴¹

Единственный союзник И.Л.Горемыкина, министр юстиции А.А.Хвостов, также уделял известное внимание выполнению программы Прогрессивного блока, в частности — относительно политической амнистии⁷⁴² и по еврейскому вопросу, фактически ликвидировав запрет на поступление евреев в адвокаты.⁷⁴³ Учитывать отдельные пункты программы блока И.Л.Горемыкина и А.А.Хвостова заставляла не только прагматическая оценка ситуации, но и принципиальная позиция Николая. Выдвижение Думой лозунга о замене дуалистической системы парламентаризмом не вызвало со стороны царя полного разочарования в возможности компромисса между его правительством и оппозицией на базе сохранения этой системы.⁷⁴⁴ Игнорируя требование Прогрессивного блока о немедленном установлении парламентаризма, Николай был готов пойти навстречу остальным пунктам его программы.

В намерении царя добиться соглашения с оппозицией Николая всячески поддерживали члены прогрессивной группы. При встрече с императором, состоявшейся 20 ноября,⁷⁴⁵ А.Н.Наумов «удалось внушить ему мысль о необходимости приближения к себе представителей оппозиции

с целью отнятия у нее всякого повода к неудовольствию». Николаю «эта мысль понравилась».⁷⁴⁶ В ответ на делавшиеся министром земледелия призывы к соглашению с оппозицией царь «неоднократно обещал», что «так, — вспоминал А.Н.Наумов, — как я докладывал, и будет».⁷⁴⁷

В отличие от парламентаристов И.Л.Горемыкин, ради нейтрализации оппозиционности Думы, хотел ограничить ее занятия заранее установленным коротким сроком и только рассмотрением бюджета. В октябре премьер запланировал созыв законодательных палат на 25 ноября «для рассмотрения государственной росписи доходов и расходов и относящихся к ней законодательных предположений» и «перерыв занятий оных 20 декабря 1915 г.».⁷⁴⁸ В середине ноября, под предлогом того, что Бюджетная комиссия Думы не закончила рассмотрения бюджета, И.Л.Горемыкин выступил за перенос начала занятий Думы с ноября на время окончания работы комиссии. Премьер посоветовал императору дать по этому поводу председателям Думы и Государственного совета особые рескрипты. Необходимость такого жесткого отношения к нижней палате И.Л.Горемыкин, как ортодоксальный дуалист, обосновал императрице тем, что иначе думцы «будут вмешиваться в правительственные дела, на что не имеют права».⁷⁴⁹

Политика премьера вызывала недовольство лидеров оппозиции. Во время состоявшейся 23 ноября⁷⁵⁰ встречи с Николаем М.В.Родзянко говорил императору, что И.Л.Горемыкин «мешает работать» и «тормозит деятельность тыла». Когда М.В.Родзянко попросил ускорить созыв Думы, царь ответил: «Да, хорошо, я поговорю об этом с Иваном Логгиновичем». По возвращении из Царского Села М.В.Родзянко получил тот самый рескрипт, на издании которого настаивал И.Л.Горемыкин.⁷⁵¹ Однако победа премьера была пирровой. В конце концов Николай пошел навстречу оппозиции. Он решил «отказаться от непримиримой политики Горемыкина и принять более мягкую политику по отношению к Думе».⁷⁵²

Несмотря на свое «полное доверие» к премьеру, царь убедился в необходимости выхода И.Л.Горемыкина в отставку «только потому, что его взгляды вызывали негодование в Думе».⁷⁵³ К мысли об увольнении И.Л.Горемыкина Николай начал определенно склоняться в конце октября.⁷⁵⁴

Во время встречи с Николаем, состоявшейся 9 декабря в Ставке,⁷⁵⁵ министр просвещения граф П.Н.Игнатьев говорил о необходимости замены И.Л.Горемыкина таким сановником, «который бы что-нибудь сделал для связи с законодательными палатами». Николай тут же ответил, что это «совершенно верно» и «такие задания даны». Обнадеживая П.Н.Игнатьева, царь ему сказал: «Вы скоро увидите».⁷⁵⁶ При решении судьбы И.Л.Горемыкина царь учел и адресованное премьеру письмо М.В.Родзянко. Копию письма, датированного 19 декабря и призывавшего И.Л.Горемыкина к отставке, председатель Думы 27 декабря отдал императору.⁷⁵⁷ Оно было написано под влиянием П.Н.Крупенского. Судя по всему, его вдохновлял А.Н.Хвостов, который действовал против премьера весьма активно. В декабре руководитель МВД «очень разошелся с Горемыкиным и почти настоял на его смене».⁷⁵⁸

А.Н.Хвостов сам метил в премьеры. Для получения премьерства он воспользовался обострением продовольственного вопроса в крупных го-

родах. А.Н.Хвостов посоветовал Николаю дать по этому поводу рескрипт И.Л.Горемыкину.⁷⁵⁹ Рескрипт, датированный 13 декабря и призванный продемонстрировать заботу царя о народных массах, предписывал изыскать «меры к планомерному снабжению нуждающихся местностей продовольствием и топливом». Во исполнение царского повеления 19 декабря правительство решило создать Совещание министров по обеспечению нуждающихся местностей империи продовольствием и топливом.⁷⁶⁰ Решение кабинета об этом император утвердил 6 января 1916 г.

Новая высшая коллегия, в просторечии называвшаяся Совещанием пяти, функционировала периодически и имела целью объединение деятельности министров, являвшихся председателями особых совещаний. Председателем этого кабинета в миниатюре царь, однако, сделал не А.Н.Хвостова, а министра путей сообщения А.Ф.Трепова.

Выбирая преемника И.Л.Горемыкину, Николай первоначально думал не столько о А.Н.Хвостове, сколько о его дяде, А.А.Хвостове.⁷⁶¹ Но в конце декабря царь остановился на назначенном члене правой группы Государственного совета Б.В.Штюрмере. Не подозревая о том, что тучи над его головой сгущаются, И.Л.Горемыкин по-прежнему отстаивал относительно нижней палаты ортодоксально-дуалистическую точку зрения. Созывать оппозиционную Думу на длительную сессию премьеру не хотелось. Только 16 января 1916 г. И.Л.Горемыкин вынес вопрос о созыве на рассмотрение кабинета. После «вялого обсуждения» премьер намеревался представить этот вопрос на усмотрение Николая в двух вариантах: «созыв в первых числах февраля исключительно для обсуждения бюджета в течение определенного числа дней или же созыв в тот же срок, но без этого ограничительного условия».⁷⁶² Тем самым И.Л.Горемыкин оказался в явном противоречии не только с оппозицией, но и с волей царя.

В январе 1916 г. Николай был готов пойти на длительную сессию Думы. В ходе нее, по мысли царя, правительство координировало бы свою политику с программой Прогрессивного блока, за исключением ее первого пункта, подразумевавшего фактическое введение парламентаризма путем образования «министерства доверия».

Сохранить дуалистическую систему Николай намеревался по крайней мере до конца войны. Во время состоявшейся 21 января⁷⁶³ встречи с императором Д.У.Быюкенен, намекая на желательность установления парламентаризма, призвал собеседника «вступить на более либеральный путь» и пойти «навстречу пожеланиям народа». Николай заметил, что «время для уступок еще не пришло». «Вы припомните, — сказал император послу, — что я в самом начале сказал народу, что он должен напрячь все свои силы для войны, и что вопросы о внутренних реформах должны быть отложены до заключения мира».⁷⁶⁴

Николай не отрицал неизбежности расширения прав Думы. Царь, однако, ставил его в зависимость от политического развития подавляющего большинства населения империи. Беседуя с английским представителем при Ставке генералом Д.Хэнбери-Вильямсом, Николай признал, что «известная децентрализация управления, конечно, необходима, но главная и решающая власть должна остаться за короной». Царь подчеркнул

особо, что власть Думы «должна прогрессировать потихоньку, ввиду трудности скорого развития воспитания широких масс его подданных». ⁷⁶⁵

Император сопротивлялся немедленному введению парламентаризма. Однако, соглашаясь накануне созыва Думы на замену неугодного ей И.Л.Горемыкина Б.В.Штюмером, Николай допускал элементы парламентаризма в политическую практику Российской империи. Оппозиционный журналист отмечал, что хотя «парламента у нас нет», но «отрицательные стороны парламентаризма имеются даже с излишеством, даже до степени “чехарды”». Перечисляя «некоторые черты парламентаризма», характеризовавшие формирование правительства в годы войны, он указывал на то, что министры, «неприемлемые для парламентского большинства, выходят в отставку до встречи с парламентом». ⁷⁶⁶

Не считая немедленного введения парламентаризма в полном объеме, во всем остальном Николай был готов удовлетворить оппозицию. Это показали события первой половины 1916 г.

7. «Самозванные уполномоченные». Парламентаристы, дуалисты и оппозиционные организации в сентябре 1915 — январе 1916 г.

Образование Прогрессивного блока привело к окончательному переходу в оппозицию Земского и Городского союзов. Это произошло во время союзных съездов, открывшихся 7 сентября 1915 г. в Москве. Разделяя взгляды их организаторов, А.В.Кривошеин и его единомышленники действовали в сотрудничестве с лидерами оппозиции, прежде всего — А.И.Гучковым. ⁷⁶⁷

Политическая солидарность парламентаристов и оппозиционеров была такова, что министры, сочувствовавшие союзам, отвели угрозу запрещения съездов, исходившую от И.Л.Горемыкина. Он заявил управляющему МВД князю Н.Б.Щербатову, что необходимо «присутствие в Москве человека, им назначенного, для участия на всех предстоящих съездах, чтобы запретить дебатировать вопросы, их не касающиеся». ⁷⁶⁸ Князь поначалу согласился на это. Н.Б.Щербатов пообещал И.Л.Горемыкину принять необходимые меры, чтобы предупредить вынесение съездами политических резолюций.

Успокоенный И.Л.Горемыкин телеграфировал министру двора графу В.Б.Фредериксу, что Н.Б.Щербатовым будут командированы «особые представители с поручением озаботиться недопущением на этих съездах прений и резолюций, выходящих за пределы непосредственных задач таких собраний». ⁷⁶⁹ Но, повидав «некоторых москвичей», т.е. лидеров оппозиции, Н.Б.Щербатов развернулся на 180 градусов и с рекомендацией И.Л.Горемыкина больше «не соглашался». ⁷⁷⁰

Полное расхождение премьера с парламентаристами по вопросу о съездах показало заседание правительства 2 сентября. На этом заседании А.В.Кривошеин невольно раскрыл основную цель той политики, которую на протяжении предшествующего года он осуществлял по отношению к союзам. «Вся его работа вне контроля, хотя ему сыплют сотни миллионов казенных денег, — подразумевая Г.Е.Львова, заявил фактический премьер, забыв о том, что эти миллионы стали выдавать по его инициа-

тиве. — Надо с этим или покончить, или отдать ему в руки всю власть». Намекая на желательный для парламентаристов исход, Н.Б.Щербатов заметил: «Закрыть эти учреждения в настоящее время невозможно, прежде всего, потому, что они работают на армию. Да и с политической точки зрения такая мера породила бы крупные осложнения». Следовательно, оставалось идти на выполнение другого элемента кривошеинской дилеммы — передачу власти оппозиции, мнение которой собирались выразить московские съезды. Признавая, что съезды сведутся «к политической демонстрации, а может быть и похуже», Н.Б.Щербатов тем не менее высказался против применения по отношению к ним каких-либо репрессий. Мнение И.Л.Горемыкина о том, что если съезды «начнут болтать лишнее, то можно их и закрыть», стало гласом вопиющего в пустыне. Подытоживая прения, А.В.Кривошеин заключил: «Все наши сегодняшние суждения с полной определенностью обнаруживают, что за последнее время между вами, Иван Логгинович, и большинством Совета министров разница в оценке положения и во взглядах на направление политики еще более углубилась». ⁷⁷¹

Вдохновленный поддержкой большинства кабинета, во время встречи с Николаем, состоявшейся 6 сентября в Ставке, ⁷⁷² Н.Б.Щербатов убедил императора в необходимости разрешения съездов, разыграв роль сильного человека. На Николая князь произвел «лучшее впечатление, чем в Царском», поскольку «робел гораздо меньше и рассуждал здраво». «Насчет Москвы» Н.Б.Щербатов заметил, что «нет оснований тревожиться съездом», ибо если оппозиционеры «вынесут глупые резолюции, то их не разрешат к напечатанию, и таким образом никакой беды не выйдет». ⁷⁷³ Когда Николай писал эти строки, московские съезды уже начинали свою работу. ⁷⁷⁴ Ее итогом оказались именно «глупые резолюции», принятые 9 сентября. Они требовали создания «министерства доверия» и немедленного возобновления занятий Думы.

Довести содержание резолюций до сведения царя участники съездов поручили депутации, в которую от общеземского съезда вошли П.В.Каменский, Г.Е.Львов и С.Н.Маслов, а от общегородского — Н.И.Астров, избранный вместо забаллотированного А.И.Гучкова, П.П.Рябушинский и М.В.Челноков. Таковы были официальные итоги съездов. Резолюции и идею депутации парламентаристы расценили неоднозначно. ⁷⁷⁵ Тем не менее в целом они, и прежде всего А.В.Кривошеин и Н.Б.Щербатов, приняли решения московских съездов как руководство к действию, поскольку были политическими единомышленниками союзных лидеров. На посту председателя Особого совещания по продовольствию фактический премьер оказывал им широкую поддержку. ⁷⁷⁶ В ноябре 1915 г. А.В.Кривошеин предложил кандидатуру С.Н.Маслова в члены Совета кавказского наместника. ⁷⁷⁷ В свою очередь, Н.Б.Щербатов «стоял за то, чтобы государь принял депутацию». ⁷⁷⁸

Результаты съездов, однако, не исчерпывались посылкой депутации. Одновременно со съездами некий тайный Комитет народного спасения, также заседавший в Москве, принял 8 сентября «диспозицию № 1». С.П.Мельгунов охарактеризовал ее как документ, имеющий отношение к деятельности русского политического масонства. ⁷⁷⁹

Диспозиция провозглашала начало войны против «упорного и искусного врага внутри», т.е. императора и его правительства, признавая, что «достигнуть полной победы над внешним врагом немыслимо без предварительной полной победы над врагом внутренним». «Полная победа внутри», по мнению авторов диспозиции, означала «преклонение всех без исключения лиц в Империи перед утверждением: “русский народ есть единственный державный хозяин Земли русской”». Речь, таким образом, шла об установлении взамен монархического принципа, воплощавшегося в Николае, называвшего себя «хозяином Земли русской», принципа народовластия, который, согласно государственноправовой традиции начала XX в., равным образом осуществляли парламентарная монархия, Учредительное собрание и республика. Отвергнув «идеи всяких блоков и объединений с элементами зыбкими и сомнительными», т.е. находящимися на стороне царской власти, диспозиция предоставляла «основной ячейке» в составе А.И.Гучкова, А.Ф.Керенского и Г.Е.Львова назначить «штаб верховного командования из десяти лиц». «Верховное командование, организованное народом в борьбе за свои права», диспозиция предписывала принять А.И.Гучкову, «как объединяющему в себе доверие армии и Москвы, отныне не только сердца, но и волевого центра России». Хотя в диспозиции шла речь о «мирной борьбе» против царского правительства, но в конце ее подчеркивалось, что «в зависимости от развития событий на внутреннем фронте диспозиция подлежит переменам и дополнениям, о которых будет сообщено».⁷⁸⁰

Фактически диспозиция № 1 подразумевала свержение Николая, что признан после того, как оно произошло, сам А.И.Гучков. Он и его единомышленники, вспоминая А.И.Гучкова, задолго до февраля 1917 г. пришли к выводу, что «при наличии современной власти победа для России невозможна», а потому приходится включить в «программу сотрудничества с властью и помощи войне необходимость свержения этой власти, ибо только при этом условии являлись шансы на победу».⁷⁸¹

Тайные планы некоторых лидеров оппозиции для царя и царицы тайной не были. Еще 3 сентября Александра Федоровна говорила министру просвещения графу П.Н.Игнатьеву, что А.И.Гучков «ненавидит государя, стремится устроить республику и стать ее президентом».⁷⁸²

Независимо от осведомленности Николая о планах А.И.Гучкова, зная с депутатской была обречена на неудачу и по другим причинам. Во-первых, принимать политические резолюции, а тем более обращаться с ними к царю земства и города не имели права по закону. Во-вторых, в отличие от парламентаристов, Николай полагал, что Прогрессивный блок и съезды выражают голос только их участников, а не народа. Его подавляющее большинство, с точки зрения царя, оппозиционными настроениями охвачено не было. «Здесь я, — писал он супруге из Ставки, — могу судить правильно об истинном настроении среди разных классов народа: все должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца, и никаких сомнений на этот счет не высказывается. Это мне официально говорили все депутатские, которые я принимал на днях, и так это повсюду в России. Единственное исключение составляют Петроград и Москва — две крошечные точки на карте нашего отечества!»⁷⁸³

Точку зрения царя разделяли и другие дуалисты, в частности — Н.И.Туган-Барановский, представивший в конце августа С.В. Рухлову записку об общественных настроениях. Н.И.Туган-Барановский не отрицал того, что в государстве имеются «беспокойные элементы, представляющие более или менее существенную ближайшую опасность». По его мнению, ими были рабочие, «разного рода низшие служащие» и представители свободных профессий, которые являются «главными заводителями смуты». К оппозиции, полагал Н.И.Туган-Барановский, примыкали также представители крупной промышленности и денежного капитала. Однако «этим элементам, самим по себе, казалось бы, — подчеркивал автор записки, — не следует придавать в данном случае чрезмерного значения». Представители свободных профессий, писал Н.И.Туган-Барановский, важны лишь постольку, поскольку «обладают влиянием на более многочисленные трудящиеся классы населения», промышленные же круги «не решаются на революционные действия, т.к. революция была бы, прежде всего, убыточной для них самих». Массовые выступления, считал Н.И.Туган-Барановский, «возможны только при слабости правительства». Средствами их предотвращения автор записки называл улучшение положения рабочих и воздействие на них «сильной власти». Но самую надежную гарантию невозможности революции он видел в том, что «главную массу населения Империи составляет крестьянство», чье настроение, «конечно, несколько повышено, в связи с войною», но «эта часть населения пока совершенно далека от возможности революционных выступлений».⁷⁸⁴

Разделяя подобные взгляды, Николай соответственно реагировал на съездские резолюции. Их содержание царь узнал из телеграммы Н.Б.Щербатова. «Постановления съездов, — заканчивал свою телеграмму князь, — к оглашению в печати недопущены».⁷⁸⁵ Одновременно с телеграммой Н.Б.Щербатова В.Б.Фредерикс, по телеграфной просьбе И.Л.Горемыкина, представил Николаю текст телеграммы, полученной премьером из Москвы от Главного совета «Отечественного патриотического союза». Эта политическая организация, возглавлявшаяся железнодорожным служащим В.Г.Орловым, находилась под покровительством дуалистов — С.В.Рухлова и Н.И.Туган-Барановского. Кроме того, особенностью союза было и то, что он являлся единственной националистической организацией, решительно отказавшейся, не без подачи ее сановных покровителей, от антисемитизма.⁷⁸⁶ Несомненно, что эти покровители, и прежде всего Н.И.Туган-Барановский, стояли и за посылкой телеграммы И.Л.Горемыкину.

Во всяком случае, в конце августа — начале сентября политические организации, патронировавшиеся Министерством путей сообщения, переживали своего рода всеобщую мобилизацию. Н.И.Туган-Барановский сообщал С.В.Рухлову, что «организации в Москве и Петрограде идут, по видимому, вполне успешно. Во всяком случае, в обоих городах уже обеспечено, в случае необходимости, их выступление, причем подготовительные распоряжения в Москве уже закончены».⁷⁸⁷ Результатом активности Н.И.Туган-Барановского и стала телеграмма В.Г.Орлова. Она отличалась определенностью и решительностью.

В телеграмме говорилось о недопустимости того, чтобы «люди, призванные только для работы на помощь правительству и доблестной ар-

мии, самозванно именуя себя народными избранниками, коим никто не давал права и полномочий вторгаться в прерогативы монарха», занимались «политикою». В полном соответствии с идеями Н.И. Туган-Барановского В.Г. Орлов полагал, что «громадное большинство населения неприкосновенно к пожеланиям, настойчиво выдвигаемым самозванными представителями якобы всего народа». Автор телеграммы выражал надежду на то, что «правительство, твердо стоя на страже законов, особенно Основных, примет решительные меры к тому, чтобы работа всего русского общества» направилась «в сторону борьбы с вторгшимся в пределы отечества врагом и чтобы, благодаря попустительству, не создалось в стране настроение, поведшее к событиям позорной памяти 1905 г., вследствие которого была проиграна дальневосточная война». Таким образом, В.Г. Орлов заявил себя решительным сторонником незыблемости дуалистической системы, а это не могло не встретить полного сочувствия со стороны не только премьера, но и царя.

Не могла не произвести впечатления на Николая и аналогия с революционными событиями 1905 г., благодаря которой В.Г. Орлов подводил к мысли о том, что слишком большие уступки оппозиции во время борьбы внешней, дестабилизируя внутривнутриполитическую ситуацию, работают лишь на военное поражение. Сделанная синим карандашом резолюция царя по поводу орловской телеграммы не оставляла никаких сомнений относительно симпатий Николая: «Вполне разделяю высказанные взгляды». Еще более определенной была царская резолюция, тогда же наложенная на телеграмму Н.Б. Щербатова и явно навеянная стилистикой предыдущей телеграммы: «Этих самозванных уполномоченных я, конечно, не приму, о чем известите Щербатова».⁷⁸⁸

Идея к разрыву с парламентаристами и оппозиционерами, император находилась в убеждении, что уж он-то лучше, чем кто бы то ни было, знает истинные интересы «своего народа». «Государь император, — писал в это самое время князь М.М. Андроников А.А. Вырубовой, выражая мысли самого Николая, — отлично знает и понимает нужды народа, он стоял близко к нему во время пребывания в Преображенском и Гусарском полках, он входил в близкое общение с ним в дни своих поездок по России, он стоит теперь лицом к лицу с народом, ведя его на защиту Родины. И кому же знать лучше желания нашей крестьянской Руси, как не царю-батюшке».⁷⁸⁹

О содержании царской резолюции В.Б. Фредерикс телеграфировал управляющему МВД и премьеру в ночь с 10 на 11 сентября. Граф попросил Н.Б. Щербатова информировать о том, намерены ли члены депутации ходатайствовать о приеме их императором. В.Б. Фредерикс высказался также за привлечение к обсуждению этого вопроса премьера. И.Л. Горемыкину граф указал на то, что при возбуждении членами депутации ходатайства о приеме было бы желательным иметь и его мнение. Выполняя волю Николая, премьер начал весьма активно действовать против приема депутации. В телеграмме В.Б. Фредериксу он, подчеркнув, что члены депутации предполагают ходатайствовать об их приеме, находил «наиболее удобным» ответить им через министра двора, что царь «не изволит признавать возможным их принять».⁷⁹⁰

Между тем 11 сентября Г.Е. Львов и М.В. Челноков послали в Ставку прошение о приеме депутации. В нем они доводили до сведения Николая постановления съездов о депутации и ее составе. «Всепоподданнейше докладывая о состоявшемся постановлении, — обращались к императору лидеры оппозиции, — приемлем смелость испрашивать, не благоугодно ли будет Вашему императорскому величеству о тревогах и чаяниях, волнующих страну, выслушать голос земской и городской России и повелеть явиться избранной депутации».⁷⁹¹

В это время Николай, выбирая между И.Л. Горемыкиным и парламентаристами, которые выступали за прием депутации, окончательно остановился на премьере. Посетовав на то, что в Царском Селе «столько дела — эти смены министров и укрепление позиции старика», царь писал супруге: «Я вызову его сюда, времени нельзя терять!»⁷⁹² Но парламентаристы все еще надеялись так или иначе склонить императора к приему депутации. Стремление парламентаристов обеспечить удовлетворение требований лидеров оппозиции показательно тем более, что власть имела способы заставить их вести себя лояльно. На заседании правительства 13 сентября А.В. Кривошеин сообщил, что П.П. Рябушинский, в качестве газетного магната, «зadolжал Государственному банку».⁷⁹³ Отказываясь от употребления давления по отношению к оппозиционерам, парламентаристы доказывали свое политическое единомыслие с ними. Оно заставляло министров пытаться склонить Николая на сторону оппозиции.

В телеграмме, отправленной 13 сентября В.Б. Фредериксу Н.Б. Щербатовым, он, ссылаясь на беседу с министром двора при последнем свидании, оповещал графа, что, ввиду «сложности переживаемого момента», с завтрашнего дня начнет «высылку сообщений относительно настроения умов» для доклада царю.⁷⁹⁴ Но Николаю были гораздо нужнее соображения о внутривнутриполитической ситуации не парламентариста Н.Б. Щербатова, а дуалиста И.Л. Горемыкина.

Встреча премьера с императором произошла 14 сентября.⁷⁹⁵ Во время нее царь передал собеседнику телеграммы, имевшие отношение к вопросу о депутации. Затем И.Л. Горемыкин представил Николаю составленный премьером от имени министра двора проект телеграммы Г.Е. Львову и М.В. Челнокову с отклонением их прошения.

Горемыкинский проект, отмеченный тонами непримиримости (см. таблицу 4 приложения), получил одобрение царя и был передан премьером В.Б. Фредериксу для сообщения Г.Е. Львову и М.В. Челнокову. Однако уже во время обеда, состоявшегося через два дня, 16 сентября, после заседания правительства, на котором парламентаристы предприняли попытку склонить на свою сторону Николая, царь, не желавший полного разрыва с оппозицией, заявил И.Л. Горемыкину о желательности включения в телеграмму «признания забот и заслуг Земского и Городского союзов по призрению раненых воинов». После учета царского пожелания проект приобрел более примирительный характер. От передачи даже смягченного отказа Николая министр двора предпочел уклониться. Переговорив с И.Л. Горемыкиным и Н.Б. Щербатовым, В.Б. Фредерикс испросил у царя разрешение поручить объявление царского ответа Н.Б. Щербатову. Редакцию своей

телеграммы князь обещал прислать графу «для сведения».⁷⁹⁶ Но премьеру выпускать решение этого вопроса из своих рук не хотелось.

Перед самым отъездом министров из Ставки И.Л.Горемыкин передал Н.Б.Щербатову новый проект телеграммы, сказав, что царь повелел отправить именно ее. Князю телеграмма показалась «грубой по форме и нелепой по содержанию». В ней, с одной стороны, царь отказывался принять оппозиционеров и находил их действия неправильными. С другой стороны, им «рекомендовалось заняться вопросом призрения раненых», и тем открывалась новая сфера для их деятельности. С возражениями Н.Б.Щербатова И.Л.Горемыкин согласился и поправил телеграмму, на что управляющий МВД заметил: «Раз вы поправляете, то это не есть высочайше одобренная редакция, а проект, а с проектом я лично не согласен, и не отправлю». И.Л.Горемыкин ретировался, сказав: «Как угодно». В это время князя вызвал В.Б.Фредерикс. Он заявил Н.Б.Щербатову: «Умоляю эту телеграмму нелепую не отправлять. Мне предлагали ее отправить, и я счел невозможным». Уже в вагоне управляющий МВД показал телеграмму своим коллегам. Они признали, что «такую телеграмму подать нельзя».⁷⁹⁷

В результате телеграмма подверглась очередной переделке. Новая редакция телеграммы была выработана князем совместно с А.В.Кривошеиным, А.Д.Самариным и А.А.Хвостовым, который перед И.Л.Горемыкиным от участия в этом откровенно отказывался.

Упрек союзам в том, что они осмеливаются говорить от имени «земской и городской России», министры опустили. Вообще, текст телеграммы получил еще более примирительный характер. Самое существенное изменение, говорившее не конкретно о призрении раненых, а вообще о «трудах», «проявленных в настоящую войну», одобряло всю деятельность союзов, в том числе и политическую, противником которой был не только И.Л.Горемыкин, но и Николай. Новая редакция в корне противоречила взгляду царя и премьера на данную проблему. Поэтому щербатовский проект получил отрицательную оценку И.Л.Горемыкина.

В особом всеподданнейшем докладе премьер указал на то, что упоминание о «земской и городской России», отвергнутое Н.Б.Щербатовым как выражение, «доселе официально неприменявшееся», соответствует «однородному выражению», употребленному Г.Е.Львовым и М.В.Челноковым в ходатайстве об аудиенции. Совершенно нежелательным И.Л.Горемыкин находил и допущенное Н.Б.Щербатовым отступление от указания, данного царем, заключающееся в замене слов «цена заботы и заслуги Земского и Городского союзов по призрению раненых воинов» выражением «цена труда и заслуги Земского и Городского союзов, проявленные ими в настоящую войну». «Подобная замена, — по мнению премьера, — явилась бы одобрением и подтверждением деятельности названных союзов, нередко направленной на вмешательство в такие области управления, которые им, по точному смыслу положения о них и по объему возложенной на них задачи, ограниченной призрением больных и раненых воинов, вовсе не были представлены».⁷⁹⁸

Всеподданнейший доклад И.Л.Горемыкина оказался не востребовавшимся. Если на состоявшемся 16 сентября в Ставке заседании правитель-

ства А.В.Кривошеин и его единомышленники по вопросу о введении парламентаризма потерпели фиаско, то на другом вопросе — о форме ответа Г.Е.Львову и М.В.Челнокову — парламентаристы все-таки отыгрались. Их несколько неожиданным союзником оказался министр двора.

Уже после отъезда кабинета из Ставки, 17 сентября, В.Б.Фредерикс, осведомленный о примирительной позиции царя, предпринял героическую, если учесть его 76-летний возраст, попытку максимально смягчить форму отрицательного ответа Николая лидерам оппозиции. Посылку телеграммы Г.Е.Львову и М.В.Челнокову В.Б.Фредерикс решил заменить личной встречей с ними Н.Б.Щербатова.

По поручению графа состоявший при нем чиновник барон Р.А.Штакельберг отправился в телеграфную контору Ставки, чтобы при помощи полковника М.М.Загю немедленно сообщить об идее В.Б.Фредерикса управляющему МВД. Во время происшедшего вечером 17 сентября разговора по прямому проводу с одним из чинов петроградской телеграфной конторы полковник потребовал позвонить на квартиру Н.Б.Щербатова. Из Петрограда ответили, что князь находится у «министра Кривошеина», и предложили связаться с ним. Согласившись с этим, полковник попросил осведомиться у Н.Б.Щербатова, послана ли телеграмма Г.Е.Львову и М.В.Челнокову, и потом принять телеграмму министра двора для сообщения ее по телефону Н.Б.Щербатову. Оказалось, что телеграмма оппозиционерам еще не послана и управляющий МВД отправит ее завтра на утверждение царя.

В телеграмме В.Б.Фредерикса Н.Б.Щербатову, посланной 17 сентября в 23 часа, министр двора сообщал: «В дополнение вчерашнего разговора, во избежание обострения вопроса, высказываюсь против посылки телеграммы Львову и Челнокову. Убедительно советую вызвать их в Петроград и лично Вам с ними переговорить: указать на несвоевременность возбуждения ходатайства о приеме и неправильный путь обращения, передать им в соответствующей форме указания Его величества и предложить им высказать Вам все, что имеют доложить Государю императору, сказав, что Вы доложите об этом Его величеству. О результате Ваших переговоров, в указанном мною смысле, Вы могли бы лично доложить Его величеству, если нужно — пользуйтесь моим посредством. Имею основание заявить, что предложенный мною порядок сообщения не вызовет неудовольствия Его величества. Нужно сделать все, чтобы не обострять вопроса, но, конечно, придерживаясь при переговорах принципиальных указаний Его величества, которые Вам известны». Ответная телеграмма Н.Б.Щербатова В.Б.Фредериксу была полна удовлетворения: «Приношу Вашему сиятельству глубокую благодарность за полученную телеграмму. Поступлю согласно Вашему совету».⁷⁹⁹

О тексте телеграммы, посланной накануне Н.Б.Щербатову, министр двора доложил императору только 18 сентября. Поставленный перед совершившимся фактом, Николай согласился, тем более что поступок министра соответствовал настроениям самого царя. В тот же день он повелел министру двора телеграфировать Н.Б.Щербатову, чтобы князем на словах было высказано все изложенное в первоначальном проекте телеграммы, а

именно, что император «предоставляет Земскому союзу и Союзу городов действовать в пределах их прямого назначения помощи раненым и для нужд войны, но не вторгаться в политику, обходя правительство». В заключение граф попросил князя принять все меры, чтобы настоящий вопрос не получил огласки в печати. В ответной телеграмме министру двора, отправленной 18 сентября, Н.Б.Щербатов уведомил, что, во исполнение царского повеления, вызовет Г.Е.Львова и М.В.Челнокова в Петроград и словесно объявит им царскую волю, «с приведением мотивов, изложенных в проекте телеграммы, составленной статс-секретарем Горемыкиным».⁸⁰⁰

В тот же день Г.Е.Львов и М.В.Челноков получили по телеграфу приглашение явиться к управляющему МВД. Между тем лидеры оппозиции, по крайней мере их наиболее влиятельная часть, в отличие от императора и министров, избегавших разрыва с обществом, не боялись идти к разрыву с властью.

«Диспозиция № 2», принятая 18 сентября в ответ на отказ императора, предписывала В.И.Гурко, А.И.Гучкову, А.Ф.Керенскому, Г.Е.Львову и П.П.Рябушинскому приступить к организации новых съездов Земского и Городского союзов, намеченных на 15 октября 1915 г. Диспозиция приказывала «означенным пяти лицам» «просить А.И.Гучкова принять на себя командование “Армией спасения России” против врагов внутренних». Штаб «верховного командования из десяти лиц» во главе с А.И.Гучковым должен был «немедленно, по своем сформировании, приступить к изучению реальной обстановки театра внутренней борьбы и, блокируясь налево, определить последовательность мер воздействия» на «врагов народа». Ими признавались не только дуалисты (И.Л.Горемыкин), но и парламентаристы (А.Д.Самарин и Н.Б.Щербатов).⁸⁰¹ Мысль о необходимости свержения Николая подразумевалась и здесь. Подтверждением этому является признание А.И.Гучкова, сделанное им итальянскому посланнику в Румынии барону Фашотти. При посещении Ясс, куда было эвакуировано правительство Румынии, А.И.Гучков, сообщал Фашотти в Рим 10 апреля 1917 г., заявил, что «совместно с четырьмя другими политическими деятелями он уже в течение полутора года старался добиться отречения царя в пользу царевича с регентством великого князя Михаила и парламентарным строем».⁸⁰² Если от марта 1917 г. отсчитать назад полтора года, то получится сентябрь 1915 г. — время появления диспозиций.

После отказа Николая принять депутацию идея «о необходимости отстранения царя от престола» появилась и у Г.Е.Львова.⁸⁰³ В то время как воззрения лидеров оппозиции достигали последней степени радикализации, правительство по-прежнему шло к ним навстречу. На своем заседании 18 сентября кабинет удовлетворил ходатайство А.И.Гучкова о разрешении рабочим экспедиции заготовления государственных бумаг избрать своих представителей в Рабочую группу ЦВПК.⁸⁰⁴

Наконец, 20 сентября в Петрограде произошла встреча Н.Б.Щербатова с Г.Е.Львовым и М.В.Челноковым. Князь уведомил оппозиционеров, что царь, «высоко ценя труды и заслуги союзов, проявленные ими в настоящую войну, не находит, однако, возможным принять депутацию съездов по вопросам, не входящим в прямые задачи Земского и Городского союзов».

Таким образом, вопреки царскому повелению, в качестве канвы своего обращения управляющий МВД использовал проект телеграммы, составленный им, а не И.Л.Горемыкиным. Далее Н.Б.Щербатов сообщил, что монарх «считает ненормальным вторжение в политику с обходом правительства», а потому, не принимая депутацию, приказал управляющему МВД встретиться с главноуполномоченными союзов, узнать пожелания съездов и доложить о них императору. Г.Е.Львов попросил зафиксировать этот ответ на бумаге. Однако Н.Б.Щербатов заметил, что ему повелено передать ответ на словах, а также поручено выслушать пожелания съездов. Г.Е.Львов заявил, что не решится сообщить представителям земств известие об отказе, и просил передать императору надежду на то, что он примет депутацию, так как отказ «глубоко опечалит страну». Собеседники пришли к соглашению, что Н.Б.Щербатов доложит императору ответ главноуполномоченных и сообщит им о его решении.⁸⁰⁵

Во время встречи с Николаем, состоявшейся 25 сентября в Ставке,⁸⁰⁶ Н.Б.Щербатов сообщил о надежде Г.Е.Львова на то, что монарх все-таки примет депутацию. Царь ответил, что «вопрос о депутации считается ликвидированным».⁸⁰⁷

Казалось бы, разрыв между властью и обществом был полным. Однако, как видно из таблицы 3, помещенной в приложении, в сентябре — октябре 1915 г., т.е. в момент этого разрыва, по решению правительства, утвержденному царем, союзы получили от государства почти 57 000 000 рублей, между тем как подчиненный правительству Красный Крест — 7 000 000, а черносотенное Курское земство — всего лишь 270 000 рублей. В течение первого года войны, к 26 июня 1915 г., Земский союз получил от казны 72 241 050 рублей, т.е. около 6 000 000 в месяц, а с 1 июля 1915 по 1 января 1916 г. — 115 266 194 рубля, т.е. 19 000 000 в месяц. За третье полугодие войны, когда, по мнению лидеров оппозиции, произошел разрыв между властью и обществом, ежемесячные субсидии Земскому союзу возросли в три раза.⁸⁰⁸ В это же время для снабжения армии Земгор получил 12 178 257 рублей.⁸⁰⁹

Беспристрастные цифры доказывают, что жалобы оппозиционеров на противодействие правительства деятельности общественных организаций были ничем иным, как беззастенчивым политиканством.

Отказ Николая от приема депутации означал, по крайней мере — с точки зрения самого монарха, не полный разрыв между ним и союзами, а попытку вернуть их в рамки закона, за которые они вышли, позволив себе заниматься не только благотворительной, но и политической деятельностью. Не случайно, что опубликованная 28 ноября резолюция царя на адресованном ему приветствии входившей в Городской союз Петроградской городской думы гласила: «Благодарю за верноподданнические чувства и выражаю уверенность, что Петроградское общественное управление, не отвлекаясь вопросами общегосударственной политики, приложит все силы к служению мне и Родине живой работой на пользу населения столицы в настоящее, тяжелое для нее время».⁸¹⁰

Царь являлся сторонником сохранения «священного единения», тесного сотрудничества правительства и союзов, но только в рамках Основ-

ных законов, которым явно противоречили резолюции сентябрьских съездов. Поскольку деятельность союзов не переходила из области благотворительности в политику, на что они не имели законного права, постольку Николай был готов оказывать общественным организациям самое широкое содействие. На той же точке зрения стояли и другие дуалисты. Программа преемника Н.Б.Щербатова, А.Н.Хвостова, в части, касавшейся союзов, состояла в том, чтобы «излишним стеснением свободы их деятельности не раздражать общественных кругов».⁸¹¹

На заседании правительства 13 октября А.Н.Хвостов, обрисовывая свое отношение к союзам, заявил: «Нежелательно обострение отношений с Земской и Городской организацией. Я вообще против их усиления — государственная опасность. Но их пустили к широкому участию и сейчас поздно их устранять. Поэтому надо пропустить к беженцам, передав им ведение и средства, а равно составление плана, но не союзам, а общественным учреждениям непосредственно. Оставить за губернаторами право контроля, хотя бы распоряжались объединяющие союзы, если города и земства передадут свои полномочия союзам». Таким образом, А.Н.Хвостов был за расширение компетенции общественных организаций, поддерживая идею о привлечении их к оказанию помощи не только больным и раненым воинам, но и беженцам. Об этом он объявил и Г.Е. Львову, беседуя с ним 16 октября.⁸¹²

Мнение о «государственной опасности» союзов заставляло А.Н.Хвостова устранять поводы для их политической деятельности. Съездов союзов, намеченных сначала на октябрь, а потом на декабрь, министр внутренних дел не допустил. В этом решении не содержалось ничего антиобщественного. В пользу него высказывались умеренные участники сентябрьских съездов.⁸¹³ Кроме того, А.Н.Хвостов заявил себя сторонником возвращения продовольственного дела из Министерства земледелия, сотрудничавшего с Земским союзом, в МВД. Необходимость этого он мотивировал тем, что «неорганизованная революция не опасна, а с организованной — невозможно будет бороться». Между тем участие земства в продовольственном деле «подготавливает такую организацию». Поэтому, полагал А.Н.Хвостов, «такой постановке должен быть положен конец и все дело передано губернаторам и правительственным учреждениям и агентам».⁸¹⁴ Замысел А.Н.Хвостова благодаря сопротивлению преемника А.В.Кривошеина, парламентариста А.Н.Наумова, воплощения не получил.

Постоянное покровительство парламентаристы оказывали и ЦВПК, что объяснялось их политической солидарностью с его председателем относительно необходимости демонтажа дуалистической системы. Особенно в этом смысле преуспел А.А.Поливанов.⁸¹⁵ Тесные связи генерала с А.И.Гучковым обусловили то, что в течение сентября — ноября Особое совещание по обороне, заседавшее под председательством военного министра, разрешило отпуск ЦВПК 46 000 000 рублей.⁸¹⁶ Одновременно А.А.Поливанов смотрел сквозь пальцы на то, что к работе в ЦВПК А.И.Гучков привлек левых деятелей.⁸¹⁷

Благоприятствованию военного министра ЦВПК способствовало примирительное отношение к его руководителю со стороны царя. Николай согласился 20 ноября на награждение А.И.Гучкова орденом св. Владими-

ра 3-й степени с мечами «за выдающиеся труды» по руководству учреждениями Красного Креста «под огнем неприятеля». Характерно, что двумя днями позже на докладе о награждении В.М.Пуришкевича мечами к уже имевшемуся у него ордену св. Владимира 3-й степени Николай начертал: «Нет».⁸¹⁸

Несмотря на примирительное отношение царя, непримиримость А.И.Гучкова по отношению к монархии росла. А.Ф.Керенский вспоминал, что А.И.Гучков «стал революционером» в октябре 1915 г., когда не только его «партийные друзья», но и «большинство кадетов и прогрессистов от одного слова революция приходили в священный ужас».⁸¹⁹ Поэтому А.И.Гучков особенно покровительствовал Рабочей группе ЦВПК. Ее руководитель К.А.Гвоздев полагал, что «царское правительство надо сбросить, так как с ним все равно победить нельзя».⁸²⁰

А.И.Гучков поддерживал К.А.Гвоздева, хотя хорошо знал о революционном характере взглядов, разделявшихся им и его соратниками. А.И.Гучкову, по его признанию, было известно, что К.А.Гвоздева и членов Рабочей группы «не столько интересовала работа на оборону вместе с нами, сколько единственная возможность организации для преследования своих интересов».⁸²¹ Показательно также, что в заседаниях Рабочей группы принимал участие А.Ф.Керенский, не являвшийся ни рабочим, ни членом ЦВПК. Между тем именно он был одним из организаторов революционного движения и сторонником воссоздания советов рабочих депутатов.⁸²²

Поскольку в деятельности Рабочей группы участвовали представители левых фракций Государственной думы и политических организаций пролетариата, товарищ министра внутренних дел С.П.Белецкий опасался, чтобы «эта ячейка не послужила в будущем ядром для образования Совета рабочих депутатов».⁸²³

Очевидно, что сближение таких разных политиков, как октябрист А.И.Гучков, меньшевик К.А.Гвоздев и трудовик А.Ф.Керенский, могло произойти только на почве признания ими необходимости, ради победы в войне, свержения Николая. Это сближение обратило на себя внимание правительства. В январе 1916 г. по инициативе А.Н.Хвостова и С.П.Белецкого, получившей одобрение И.Л.Горемыкина, под председательством министра юстиции А.А.Хвостова произошло совещание по вопросу о привлечении А.И.Гучкова и К.А.Гвоздева к уголовной ответственности. Особое внимание правительства именно к А.И.Гучкову объяснялось еще и тем, что копии диспозиций № 1 и 2 контрразведки, перехватившая их в ноябре, тогда же послала С.П.Белецкому, который доставил диспозиции А.Н.Хвостову, а тот — И.Л.Горемыкину.⁸²⁴ Участниками совещания были А.Н.Хвостов, С.П.Белецкий и высшие чины Министерства юстиции — товарищ министра А.Н.Веревкин, директора его 1 и 2-го департаментов С.Н.Трегубов и В.А.Балыц, вице-директор 1-го департамента А.В.Лядов и прокурор петроградской судебной палаты С.В.Завадский.

Перед участниками совещания выступил С.П.Белецкий. Он обвинил А.И.Гучкова и К.А.Гвоздева в «революционных действиях, граничащих по военному времени с государственной изменой». С.В.Завадский и В.А.Балыц возражали. Последний заявил, что «собранные улики недостаточны для

предварительного следствия или даже формального дознания». ⁸²⁵ Мнение В.А.Бальца предопределялось тем, что он являлся типичным либеральным чиновником судебного ведомства. ⁸²⁶ В конечном итоге это мнение восторжествовало. Результатом совещания стало также то, что МВД установило за А.И.Гучковым наблюдение, а его письма подвергло перлюстрации.

От немедленных репрессий по отношению к ЦВПК правительство отказалось. Однако ЦВПК от вмешательства в политику, на что он не имел права по закону, не отказался. Заместитель председателя ЦВПК А.И.Коновалов уведомил И.Л.Горемыкина 7 января 1916 г., что комитет на заседаниях 21 декабря 1915 и 4 января 1916 г. «пришел к единогласному заключению, что, в силу всей тяжести ответственности перед страной, настоятельно необходимы немедленный созыв законодательных учреждений и длительное их функционирование». ⁸²⁷ Как и ЦВПК, союзы поддержали требование Прогрессивного блока об отставке И.Л.Горемыкина, хотя именно он дал им, по сравнению с остальными благотворительными организациями, больше всего казенных субсидий.

За период с августа 1914 по январь 1916 г., когда И.Л.Горемыкин был уволен (согласно данным таблицы 3 приложения), от Совета министров получили 344 420 000 рублей (100 %) 22 организации, из них (в млн. руб.):

- 1) Всероссийский земский союз — 142,46 (41,4 %),
- 2) Всероссийский союз городов — 60,84 (17,7 %),
- 3) Российское общество Красного Креста — 56,07 (16,3 %),
- 4) Московское городское общественное управление — 43,3 (12,6 %),
- 5) Петроградское городское общественное управление — 26,65 (7,7 %),
- 6) Областной комитет земства Юго-Западного края — 9,01 (2,6 %),
- 7) Общедворянская организация — 1,65 (0,5 %),
- 8) Курское губернское земство — 1,27 (0,4 %),
- 9) Всероссийский национальный союз — 0,67 (0,2 %),
- 10) Подольское губернское земство — 0,84 (0,2 %),
- 11) Санитарные организации великой княгини Марии Павловны — 0,54 (0,2 %),
- 12) Полтавское губернское земство — 0,3 (0,09 %),
- 13) Киевское дворянство — 0,15 (0,04 %),
- 14) Комитет членов Государственной думы — 0,15 (0,04 %),
- 15) Великие княгини Анастасия и Милица Николаевны — 0,1 (0,03 %),
- 16) Российское пожарное общество — 0,12 (0,03 %),
- 17) Великая княгиня Виктория Федоровна — 0,1 (0,03 %),
- 18) В.М.Пуришкевич (уполномоченный Красного Креста) — 0,05 (0,02 %),
- 19) Санитарный отряд Сената и Министерства юстиции — 0,06 (0,02 %),
- 20) Смоленское дворянство — 0,07 (0,02 %),
- 21) Российское автомобильное общество — 0,03 (0,01 %),
- 22) Комитет поезда «Русский солдат» — 0,004 (0,001 %).

Итак, оппозиционные организации (Всероссийские земский союз и союз городов, Московское и Петроградское городские общественные управления и Комитет членов Государственной думы) получили от кабинета И.Л.Горемыкина 273 400 000 рублей (79,4 %). Кроме того, в последний день горемыкинского премьерства Земгору были авансированы 15 789 070 рублей 75 копеек. ⁸²⁸

В отличие от оппозиционных союзов, черносотенные благотворительные организации правительство И.Л.Горемыкина почти не финансировало. Организованный редакцией газеты «Земщина» солдатский лазарет получал только 3000 рублей в месяц. Они были частью субсидии, отпускавшейся газете по линии главного управления по делам печати МВД. Всего за 1915 г. по этой линии черносотенная пресса получила 281 594 рублей, или 26,3 % от общей суммы, потраченной на рептилии. ⁸²⁹

Мизерные субсидии МВД вызывали у черносотенцев недовольство. ⁸³⁰ Для его нейтрализации А.Н.Хвостов содействовал некоторому росту казенного финансирования благотворительных начинаний правых организаций. В конце 1915 г. министр внутренних дел оказал поддержку одному из лидеров «Союза русского народа» — назначенному члену Государственного совета А.А.Римскому-Корсакову. Он выдвинул идею создания Всероссийского общества попечения о беженцах православного вероисповедания. ⁸³¹ На свою организацию общество получило от Департамента полиции 1500 рублей.

При поддержке А.Н.Хвостова появилось и Общество для борьбы с дороговизной, занявшееся организацией сети хлебных лавок и пекарен. Руководитель общества Г.И.Кушнырь-Кушнарев являлся членом совета «Союза Михаила Архангела» и чиновником Департамента полиции. Г.И.Кушнырь получил от него ссуду в 150 000 рублей. Помимо этого, в октябре МВД выделило 25 000 рублей на проведение двух совещаний представителей правых партий. Совещания были разрешены еще Н.Б.Щербатовым одновременно с сентябрьскими съездами Земского и Городского союзов. Увеличение А.Н.Хвостовым казенного финансирования черносотенных организаций не означало его солидарности с ними. Увеличение это было крайне незначительно, особенно по сравнению с финансированием оппозиционных организаций. Поскольку А.Н.Хвостов не разделял пожеланий крайне правых относительно Прогрессивного блока и союзов, он и пошел на подкуп черносотенцев, дабы «приостановить, хотя бы временно, их выступления перед государем против Государственной думы». ⁸³²

Таким образом, финансирование А.Н.Хвостовым черносотенцев не противоречило курсу на «священное единение» власти с оппозицией.

8. «Разделить ответственность».

Назначенные члены Государственного совета и образование Прогрессивного блока (июль 1914 — январь 1916 г.)

Огромное политическое значение, принадлежавшее Прогрессивному блоку на протяжении всей его истории, объяснялось не только и даже не столько тем, что он объединил большинство депутатов Думы, сколько тем, что о своей солидарности с блоком заявило значительное число членов Государственного совета, назначенных туда по желанию царя. ⁸³³

Предпосылки для перехода на сторону оппозиции русских лордов существовали еще до мировой войны. К июлю 1914 г. назначенные члены, приверженные парламентаризму, были в составе двух политических

объединений верхней палаты — группы центра и кружка внепартийного объединения (КВО). Больше всего парламентаристов насчитывала группа центра. Она возникла еще в 1906 г. и занимала положение «между октябристами и кадетами». ⁸³⁴ Лидером этой группы был назначенный член А.С.Ермолов, убежденный либерал. ⁸³⁵

Более компактным размером отличался КВО, который образовался в 1910 г. Фракция эта, хотя и небольшая, бросала на весы голосований «не лишнее значения число голосов». ⁸³⁶ КВО состоял из бывших министров, находивших неудобным записываться в какую-либо группу. В общем, КВО сложился из лиц, настроенных «если не определенно прогрессивно, то, во всяком случае, либерально». ⁸³⁷ Более того, сановники, числившиеся в КВО, ориентировались на группу левых (или академическую), которая формально состояла только из выборных членов. ⁸³⁸ Председателем КВО был назначенный член князь Б.А.Васильчиков. Он разделял парламентаристские взгляды. ⁸³⁹

Другим оплотом сановной оппозиции, неофициальным, но, вероятно, более влиятельным, чем Государственный совет, являлся императорский Яхт-клуб. В Яхт-клубе концентрировался цвет столичного истеблишмента. Здание на Малой Морской посещали великие князья, придворные, дипломаты, высокопоставленные бюрократы и гвардейские офицеры. Яхт-клуб «играл большую роль в петербургском высшем свете — не только общественную, но и политическую». ⁸⁴⁰ В царствование Николая II там «открыто критиковались поступки и поведение молодой императрицы». ⁸⁴¹ Объясняя в декабре 1910 г. причины того, почему «общественное мнение опять поворачивает влево», тогдашний лидер правых в Думе граф А.А.Бобринский записал: «Это значит: Яхт-клуб». ⁸⁴² Среди членов клуба сторонники черносотенного движения отсутствовали, между тем как представители правительственного либерализма были в первых рядах. ⁸⁴³

Сановников, отстаивавших идеал конституционно-дуалистической монархии, включали в себя также две группы — правая и правого центра. Больше всего дуалистов насчитывала правая группа, которая возникла в 1906 г. Эта группа была весьма аморфной. Наряду с чистыми дуалистами, консервативными либералами или собственно правыми, она включала в себя и черносотенцев, консерваторов или крайне правых. ⁸⁴⁴ Впрочем, крайне правые составляли среди членов группы явное и маловлиятельное меньшинство. Лидеры группы «вовсе не следовали неприменимым лозунгам» черносотенцев, поскольку имели «свои воззрения на вопросы». ⁸⁴⁵ Влиянию черносотенцев не способствовало и то, что им не симпатизировал председатель Государственного совета М.Г.Акимов. Он являлся ортодоксальным дуалистом. ⁸⁴⁶

Типичные члены правой группы не принадлежали к тем крайне правым, которые «желали бы повернуть историю вспять и упразднить Думу». ⁸⁴⁷ Иными словами, в своем большинстве члены этой группы, дистанцируясь от черносотенцев, были ортодоксальными дуалистами, консервативными либералами. К их числу принадлежал и ее председатель П.Н.Дурново. ⁸⁴⁸ Выступая против компромисса с оппозицией, стремившейся к установлению парламентаризма, он полагал, что такой компро-

мисс ослабил бы правительство, поскольку «никакой реальной силы», по мнению П.Н.Дурново, оппозиция не представляла. Ведь она «сплошь интеллигентна и в этом ее слабость», поскольку между интеллигенцией и народом имеется «глубокая пропасть». ⁸⁴⁹

Более мягко дуалистическую позицию отстаивали члены группы правого центра, которая возникла в 1911 г. Ее бессменным лидером являлся шурин П.А.Столыпина А.Б.Нейдгарт, выборный член верхней палаты, человек «крупного масштаба». ⁸⁵⁰ По ходатайству Александры Федоровны 1 августа 1915 г., после того как А.Б.Нейдгарт выбыл из числа выборных членов, его сделали назначенным членом. ⁸⁵¹ Сравнительно с правой группой группа правого центра была меньшей по численности, но не по значению в законодательном процессе. Она давала перевес либо группе центра, либо правой группе.

За стенами Государственного совета дуалисты принимали участие в деятельности «Русского собрания», в котором «собирались “правые” разных направлений». ⁸⁵² Большое влияние дуалисты оказывали на Постоянный совет Объединенного дворянства. ⁸⁵³

Таков был расклад политических сил в Государственном совете, когда началась мировая война. Внешне и левые, и правые лорды встретили ее вполне единодушно. Все они 24 июля 1914 г. выступили за победу над Германией. В действительности реакция сановников на войну не была столь однозначной. Граф С.Ю.Витте, формально не входивший ни в одну из групп, открыто выступал себя германофилом и пацифистом. ⁸⁵⁴ Впоследствии С.Ю.Витте развернул кампанию за заключение мира с Германией, ⁸⁵⁵ которую в феврале 1915 г. прервала только его смерть. Поэтому все сторонники войны до победного конца, в том числе Николай ⁸⁵⁶ и французский посол Ж.М.Палеолог, ⁸⁵⁷ восприняли эту смерть с облегчением.

Разделяя германофильские и пацифистские настроения, граф отнюдь не составлял исключения. Подобные же настроения были характерны для парламентаристов, и прежде всего — давнего соратника С.Ю.Витте, князя Алексея Д.Оболенского, причастного к составлению манифеста 17 октября 1905 г. ⁸⁵⁸ Он являлся одним из лидеров группы центра. Пацифизм А.Д.Оболенского подпитывался неприязнью князя к славянофильству и панславизму. «Очень я боюсь для успеха нашего дела того славянофильства, — писал он А.В.Кривошеину, — которое начинает переходить в панславизм — пугало всей Европы, особенно Англии». «Я твердо уверен, — высказывал свое кредо А.Д.Оболенский, — что народ русский в своей толще не чувствует славянофильской идеи, чужд этой идеологии и его сердце не ответит насильственному и вооруженному объединению славянства». ⁸⁵⁹

В письме к жене брата А.Д.Оболенский был более откровенен, расценивая войну как «безумную катастрофу». Он выражал сожаление, что его сын может погибнуть ради того «милого европейского рая, который должен наступить после искалечения лучших молодых сил цивилизованного мира». «Когда началась война — об этой цели войны никто не думал, — выражал А.Д.Оболенский мысли не только свои, но и других парламентаристов. — Война сорвалась. Ее никто не хотел. Безумное дело должно же быть как-нибудь оправдано перед разумом. Вот и придумали». Подра-

зумеая причину войны, князь писал: «Идол национализма поставлен превыше Бога, а теперь остался один культ ненависти к немцам».⁸⁶⁰

Другой бывший министр кабинета С.Ю.Витте, выборный член группы центра В.И.Тимирязев, также во время войны подозревался в «германских симпатиях».⁸⁶¹

Пока парламентаристы превосходили друг друга в демонстрировании своего германофильства, произошли перемены в составе президиума Государственного совета. С августа 1914 г., в связи с болезнью и смертью М.Г.Акимова, обязанности председателя верхней палаты исполнял ее вице-председатель, более либеральный И.Я.Голубев. Утвердить его в должности председателя царь не решился, опасаясь его «конституционности». Поэтому к 1 января 1915 г. Николай выбрал другого кандидата на эту должность. Им оказался «несомненно правый и весьма приятный» А.Г.Булыгин.⁸⁶² Помимо членства в Государственном совете, он являлся главноуправляющим Собственной канцелярией по учреждениям императрицы Марии.

Коллективное выдвижение кандидатуры А.Г.Булыгина принадлежало участникам антимаклаковской интриги. Описывая реакцию Николая на предложение назначить этого сановника председателем верхней палаты, князь В.Н.Орлов информировал И.Л.Горемыкина 16 декабря 1914 г.: «Кандидатура Булыгина, по-видимому, очень нравится... но что как бы смущает — это разговор с императрицей Марией Федоровной; тут я пошел вперед и сказал, что Вы, если нужно, съездите сами к ее величеству и объясните ей всю необходимость этой жертвы».⁸⁶³ Указ о назначении А.Г.Булыгина председателем верхней палаты, сообщил 1 января 1915 г. государственный секретарь С.Е.Крыжановский товарищу министра народного просвещения барону М.А.Таубе, был уже подписан императором.⁸⁶⁴

Избегая председательства, А.Г.Булыгин «прикрылся желанием императрицы-матери и от угрожавшей ему новой хлопотливой обязанности успешно и благовидно отказался».⁸⁶⁵ Назначенный член правой группы граф А.А.Бобринский иронизировал по поводу того, что А.Г.Булыгин «уже с подписанным указом не попал к Акимову».⁸⁶⁶ Таким образом, во главе верхней палаты остался И.Я.Голубев. Он укрепил позиции парламентаристов, используя вопрос об определении личного состава назначенной части Государственного совета на 1915 г. На докладе И.Я.Голубева по этому поводу Николай написал: «Оставить тех же членов, кроме Шипова, и призвать к присутствованию в Государственный совет Покровского, Вебера, [Ф.Ф.]Трепова и Новицкого, а также сенатора Игнатьева». На докладе о составе 1-го департамента верхней палаты царь начертал: «Сохранить нынешний состав, кроме Манухина, и назначить в Департамент: Платонова, барона Поне и барона Дистерло». Резолюция Николая по поводу состава 2-го департамента гласила: «Сохранить нынешний состав, кроме Шипова, и назначить в Департамент: Вебера, Покровского и Поливанова». Наконец, относительно состава Особого присутствия по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ Николай написал: «Назначить председателем Шмемана, а членами: барона Иксуля, Зиновьева 3-го и Лыкошина».⁸⁶⁷ Из всех перечисленных сановников только двое, Р.А.Дистерло и А.И.Лыкошин, были дуалистами.

Проходившая 27–29 января 1915 г. сессия верхней палаты внешне не усилила политическую дифференциацию лордов. «Была у нас краткая сессия Государственного совета; теперь опять вся гражданская жизнь заглохла, — писал дочери А.А.Бобринский. — Даже ссоры министров притихли».⁸⁶⁸

Конфликт между парламентаристом И.Я.Голубевым и дуалистом И.Л.Горемыкиным разгорелся, когда Николай подтвердил право премьера на участие в решении вопроса о пополнении назначенной части верхней палаты. Еще в 1909 г. П.А.Столыпин получил от императора согласие с тем, чтобы накануне всеподданнейших докладов по поводу последующих назначений в Государственный совет его председатель обязательно сносился с главою правительства. В письме П.А.Столыпина М.Г.Акимову, оформившем новый порядок пополнения назначенной части, говорилось об участии премьера в решении вопросов, относящихся к определению состава присутствующих лордов и переводу их в разряд неприсутствующих.⁸⁶⁹

В результате установления нового порядка влияние на личный состав Государственного совета его председателя несомненно уменьшилось. Еще большее умаление этого влияния подразумевало письмо И.Л.Горемыкина И.Я.Голубеву от 1 февраля 1915 г. И.Л.Горемыкин просил, чтобы, «в согласность с установленным при статс-секретаре Столыпине порядком», при всеподданнейших докладах председателя верхней палаты по вопросам личного состава назначенной части на «благовоззрение» царя повергалось бы также и мнение премьера «по соответствующему предмету». Следовательно, праву премьера, распространявшемуся, по букве столыпинского письма, только на определение лордов к присутствованию, И.Л.Горемыкин попытался, в соответствии со сложившейся многолетней практикой, придать расширительное толкование. Горемыкинское письмо закрепляло за премьером более весомое полномочие на подбор новых кандидатов в назначенные члены. Это следовало и из просьбы И.Л.Горемыкина заранее ставить его в известность «о предполагаемых новых назначениях в члены Государственного совета и перемещениях в составе последнего», дабы он мог своевременно сообщать И.Я.Голубеву, для доклада царю, «свое по изъясненным предположениям заключение».

В пожеланиях И.Л.Горемыкина И.Я.Голубев усмотрел увеличение и без того значительных прав премьера. В самом деле, под «перемещениями в составе» Совета, контролировать которые покушался И.Л.Горемыкин, можно было понимать назначения не только в общее собрание верхней палаты, но и в ее департаменты и особые присутствия. Между тем определение личного состава этих подразделений председатели Государственного совета всегда считали своей неприкосновенной прерогативой.

Во время встречи И.Я.Голубева с И.Л.Горемыкиным, состоявшейся 5 февраля, произошло своего рода размежевание сфер влияния. И.Л.Горемыкин пояснил, что по содержанию подтвержденного высочайшего повеления 1909 г. председатель верхней палаты «долженствует всеподданнейше докладывать мнение председателя Совета министров относительно изменений в составе членов Государственного совета, призываемых по высочайшему назначению к присутствованию в Общем собрании Государственного совета, но не в отношении перемен в составе департаментов и особых присутствий Государственного совета».⁸⁷⁰

После отступления И.Л.Горемыкина влияние премьера распространилось исключительно на определение лордов к присутствованию. Впрочем, на практике и это влияние оказалось эфемерным. Хотя за второе полугодие 1914 — первое полугодие 1915 г. лордами стали 9 человек, только двоих из них определили к присутствованию, причем И.Л.Горемыкин тут был ни при чем.⁸⁷¹

Нарастание весной и летом 1915 г. внутривластного кризиса отразилось и на настроениях лордов. Одни из них поддерживали А.В.Кривошеина в осуществлении курса на парламентаризацию верховного управления путем обновления личного состава Совета министров.

А.Д.Оболенский в письме фактическому премьеру от 21 июня восклицал: «Сделали Вы новыми назначениями очень много и заслуга Ваша имеет историческое значение. Вам честь и слава!» Однако, полагал А.Д.Оболенский, подталкивая корреспондента к большей либерализации правительственного курса, «далеко еще не все сделано». Судя по царскому рескрипту И.Л.Горемыкину о предстоящем созыве Думы, «самый дух, царящий наверху, не есть дух спасительный». «Все производит впечатление не сознания правильности избранного пути, — объяснял А.Д.Оболенский причины своего недовольства, — а каких-то уступок кому-то». «Дело в том, что волна общественного подъема через полтора месяца может и упасть, — подводил А.Д.Оболенский к сути своего послания, фиксируя внимание фактического премьера на необходимости введения парламентаризма. — А главное — нет сознания необходимости разделить ответственность, возложить ее на всю Россию в лице законодательных учреждений. Здесь вопрос не в том, хотят этого или не хотят отдельные члены Думы или Государственного совета, а в том, что это единственный способ избежать величайших потрясений».

Выступая за созыв Думы не на краткую, а на длительную сессию, которая стала бы предпосылкой парламентаризации верховного управления, А.Д.Оболенский писал А.В.Кривошеину 22 июня, что его «смutilо заключение наших правых членов Государственного совета». Они полагали, что сессия Думы «должна быть очень краткой». «Это, — заключал А.Д.Оболенский, — была бы ошибка».⁸⁷²

Рассматривая нарастание внутренней нестабильности в качестве повода для введения парламентаризма, лорды типа А.Д.Оболенского видели в нем единственное средство преодоления возникшего кризиса. В письме брату, написанном уже после выхода в отставку четырех неугодных оппозиционных министров, и прежде всего Н.А.Маклакова, А.Д.Оболенский выразил удовлетворение, что «действительная опасность заставила, наконец, расстаться с шутами во внутреннем управлении и, повидимому, ремонт министерства в полном ходу». «После этого ремонта предполагается созвать Думу и нас для действительного “единения”, — писал А.Д.Оболенский далее, давая парламентаристскую трактовку курсу на «священное единение». — Словом, делается все то, что надо было делать 10 месяцев тому назад. К сожалению, все это делается далеко не в том темпе, как бы следовало».⁸⁷³

Если для парламентаристов политика правительства была слишком осторожной, то для консерваторов она выглядела крайне либеральной. В

письме И.Г.Щегловитову от 10 июля Н.А.Маклаков сетовал на то, что «сес-сия, сама по себе — безумие, предположена еще для успокоения страны “длительной”». «Увы! — сокрушался Н.А.Маклаков, испытывая после своей отставки горечь поражения. — Длительность безумия и позор растерянности, благодаря душевным свойствам руководящей теперь в Совете [министров] группы, стала сутью современной правящей России. Наше историческое солнце правды, наша краса и гордость русская — самодержавие — придавлено, обворовано проходимцами в роде жидовского кантониста Кривошеина и старого циника-плута в роде Грымзы [И.Л.Горемыкина. — С.К.]. Вместо самодержавия воцаряется — олигархия».⁸⁷⁴

Между тем, готовя предпосылки для создания в законодательных учреждениях леволиберального большинства, А.В.Кривошеин и его единомышленники приступили к решению вопроса о председателе Государственного совета. Кандидатура И.Л.Горемыкина быстро отпала.⁸⁷⁵

На место М.Г.Акимова парламентаристы запланировали провести более либерального сановника. Таковым они признали патриарха правительственного либерализма — назначенного члена группы правого центра А.Н.Куломзина.⁸⁷⁶ Степень его либеральности выявили рассуждения, высказанные им 14 января 1915 г., во время беседы с французским послом Ж.М. Палеологом. А.Н.Куломзин выступил тогда за реформы, внушаемые «двумя принципами, которые являются столпами нашего нынешнего режима и которые надо поддерживать во что бы то ни стало: это — самодержавие и православие».⁸⁷⁷ Однако в исповедовании монархического принципа А.Н.Куломзин выказывал «явную тенденцию к упорочию в стране конституционализма».⁸⁷⁸ Приверженность идеалам самодержавия и православия не сближала его с консерваторами. Самодержавие А.Н.Куломзин рассматривал как факт не юридического, а мистического свойства, полагая, что царизм и православие связаны друг с другом «узами божественного права». То, что ссылка на самодержавие имела для него только ритуальное значение, доказывала либеральная окраска практической части мировоззрения А.Н.Куломзина, центральным пунктом которого была крестьянская реформа в духе столыпинской.⁸⁷⁹

Кандидатуру А.Н.Куломзина государственный контролер П.А.Харитонов предложил на заседании Совета министров, состоявшемся 7 июля. Целесообразность именно этой кандидатуры П.А.Харитонов мотивировал тем, что А.Н.Куломзин «будет считаться с правительством», что «очень важно», ибо «до сих пор» члены Государственного совета «всегда — в оппозиции правительству». А.В.Кривошеин высказался за то, чтобы «установить на будущее время», что назначение членов верхней палаты должно происходить «не иначе, как через председателя Совета министров и Совет министров».⁸⁸⁰ Следовательно, право, ранее принадлежавшее премьеру, А.В.Кривошеин попытался возложить на правительство в целом.

Через неделю Николай послал главноуправляющему Собственной канцелярией А.С.Танееву следующую записку: «Пришлите указ о назначении статс-секретаря Куломзина председателем Государственного совета с оставлением председателем Романовского комитета».⁸⁸¹

Подписание царем указа о назначении А.Н.Куломзина председателем верхней палаты последовало 15 июля, а 19-го числа под его председатель-

ством открылась очередная сессия Государственного совета. Во время нее среди всех назначенных членов наблюдался чрезвычайный рост оппозиционности. Правая группа «стала редеть».⁸⁸² Параллельно внутри группы «чувствовался заметный разлад, побуждавший некоторых из ее членов думать об образовании новой самостоятельной консервативной группы».⁸⁸³ Более того, летом 1915 г. начали осложняться взаимоотношения не только между членами правой группы, но и между нею и ее единственным союзником — группой правого центра. Их разделила «заметная рознь».⁸⁸⁴

Показателем явного полевения лордов было то, что даже правая группа, сообщив на заседании правительства 24 июля А.В.Кривошеину, «признала допустимым сделать демонстрацию против Сухомлинова, отказавшись принять его в свои ряды».⁸⁸⁵

Характерное для лордов отрицательное отношение к В.А.Сухомлинову передает написанное 23 июля письмо царю обер-егермейстера И.П.Балашева, чей брат являлся назначенным членом группы центра. Выступив за «необходимость тщательного расследования обстоятельств, приведших нас к настоящему печальному положению, а также строгого взыскания с его виновников», И.П.Балашев расценил деятельность бывшего военного министра и его сотрудников как «явное предательство ими своего Отечества и своего государя». Обер-егермейстер советовал императору назначить «серьезную сенаторскую ревизию для раскрытия всех преступлений Военного ведомства и иных, если таковые окажутся», доведя «следствие и его результаты до конца».⁸⁸⁶

Принимая во внимание настроение лордов, на заседании правительства 24 июля И.Л.Горемыкин высказался за создание Верховной комиссии по расследованию деятельности В.А.Сухомлинова. А.В.Кривошеин рекомендовал поставить во главе нее назначенного члена КВО генерала Н.П.Петрова, а одним из членов комиссии сделать вице-председателя И.Я.Голубева.⁸⁸⁷ Свою деятельность Н.П.Петров начал с того, что обратился за советами к А.И.Гучкову.⁸⁸⁸

Создание Верховной комиссии было для А.В.Кривошеина шагом на пути к созданию леволиберального большинства как в нижней, так и в верхней палате. Необходимость этого представлялась очевидной не только для фактического премьера, но и для широкого круга парламентаристов. «Важнейшая задача нашей внутренней политики в настоящее время, — писал И.Л.Горемыкину сенатор Г.А.Евреин, сочувствовавший левым октябристам, — есть обуздание наших крайних правых, ретроградов, и, в соответствии с сим, личный состав назначенных к присутствованию членов Государственного совета должен, в партийном отношении, следовать политике большинства в Государственной думе. Это совершенно во власти министерства и предписывается ему отношением царя к Думе».⁸⁸⁹

А.В.Кривошеина к созданию в верхней палате леволиберального большинства, т.е. Прогрессивного блока, призывал П.Б.Струве. «Правительство, — писал он фактическому премьеру 9–10 августа, — должно, также, организовать большинство Государственного совета».⁸⁹⁰

Помимо деятельности А.В.Кривошеина, присоединению верхней палаты к Прогрессивному блоку способствовала деятельность А.Н.Куломзи-

на. После его назначения, констатировал председатель Совета министров Б.В.Штюрмер во всеподданнейшем докладе от 9 октября 1916 г., «внутренний строй Государственного совета преобразился. Первую роль в нем играет так называемый “Блок”».⁸⁹¹ Члены правой группы держали нового председателя верхней палаты под подозрением, «не будучи уверены в том, что Куломзин поддержит их интересы».⁸⁹²

Полевение Государственного совета было детерминировано и созданием 17 августа системы особых совещаний. В них, наряду с думцами и выборными членами верхней палаты, вошли и ее назначенные члены.⁸⁹³

Присоединению Государственного совета к оппозиции способствовало также принятие Николаем верховного главнокомандования. Оно вызвало у лордов отрицательную реакцию. По поводу удаления великого князя Николая Николаевича Б.А.Васильчиков и обер-егермейстер светлейший князь Д.Б.Голицын «долго и много говорили, изливая свою гражданскую скорбь».⁸⁹⁴

Однако сами по себе перечисленные факторы к полевению Государственного совета никогда бы не привели. Его присоединение к оппозиции предопределили парламентаристы, которые составляли весьма влиятельную прослойку и действовали в тесном контакте как друг с другом, так и с выборными членами.

Ключевая роль, сыгранная лордами при образовании Прогрессивного блока в верхней палате, хорошо видна на примере А.С.Ермолова и А.Д.Оболенского. Оба они были на первой встрече думцев и членов Государственного совета. Во время этой встречи А.С.Ермолов указал на то, что она «в высшей степени важна» и что «надо говорить о программе, а не о лице». А.Д.Оболенский участвовал во всех заседаниях комиссии, которая вырабатывала программу блока, и стал одним из ее авторов. На заседаниях 14 и 15 августа князь оказывал подчас решающее влияние на редакцию пунктов об амнистии и веротерпимости, по еврейскому, финляндскому, малороссийскому и польскому вопросам. Действуя в пользу соглашения оппозиции с кабинетом, находившимся под контролем А.В.Кривошеина, на заседании 22 августа А.Д.Оболенский охарактеризовал программу блока как «основание для соглашения с правительством, а не ультиматум».⁸⁹⁵

Активность А.Д.Оболенского была вознаграждена. Его выбрали в бюро блока от группы центра. Тогда же членом бюро от КВО стал другой парламентарист — А.Ф.Кони.⁸⁹⁶

Участие лордов в образовании блока обусловило его доминирование не только в нижней, но и в верхней палате. После беспрецедентного полевения, затронувшего личный состав Государственного совета, о присоединении к оппозиции заявили 24 августа три из пяти групп — левых, центра и КВО.⁸⁹⁷ Свидетельством активности лордов, направленной на образование блока, стала коротенькая записка. «Петр Александрович, — обращался в ней к назначенному члену КВО П.А.Сабурову назначенный член группы центра Н.С.Таганцев, подразумевая выборного члена этой группы, барона В.В.Меллер-Закомельского, — Меллер-Закомельский уже от имени нашей Группы заявил о присоединении».⁸⁹⁸

Самоидентификация с Прогрессивным блоком была характерна для 46 парламентаристов.⁸⁹⁹ Они составляли четверть всего личного состава

верхней палаты, почти половину лордов и более трети — от общего количества членов Государственного совета, числившихся в блоке. Переход в открытую оппозицию трону такого количества высокопоставленных лиц, вызвав широкий общественный резонанс, произвел едва ли не большее впечатление, чем само образование блока. В постановлении петроградского совещания монархистов, заседавшего в ноябре 1915 г., особое внимание власти обращалось на назначенных членов, которые «вступили в соглашение с Прогрессивным парламентским блоком, покусившимся для достижения своих политических домогательств преступно использовать тяжелые военные обстоятельства».⁹⁰⁰

По разделившимся ими взглядам назначенные члены Прогрессивного блока практически ничем не отличались от своих выборных единомышленников. Н.П.Балашев, А.Д.Зиновьев и П.М. фон Кауфман-Туркестанский выступили за достижение «планомерной, согласованной деятельности законодательных учреждений с сильным, авторитетным, опирающимся на общественное доверие и сочувствие правительством». Они полагали, что «такая деятельность» должна следовать программе Прогрессивного блока.⁹⁰¹

Конечно, факт того, что многие назначенные члены блока принадлежали к числу маститых сановников, окрашивал их оппозиционность в тона лояльности. Лишь немногие из парламентаристов, указывая Б.В.Штюмер, «формально внесли свои имена в список “Блока”».⁹⁰²

Вообще, по сравнению с их выборными коллегами, в своей оппозиционности назначенные члены были, пожалуй, наименее ортодоксальными. Некоторые из них поддержали Прогрессивный блок с оговорками. Н.П.Балашев, А.Д.Зиновьев и П.М. фон Кауфман-Туркестанский заявили, что не считают возможным «заранее предрешать поддержку всех положений» программы блока и оставляют за собой «свободу суждений».⁹⁰³

Характерно и поведение такого парламентариста, как А.Д.Оболенский. Принадлежность к Прогрессивному блоку не помешала ему публично заявить о существовании внутри блока серьезных противоречий и тем навлечь на себя газетную критику.⁹⁰⁴ В то же время парламентаристы, заседавшие в Государственном совете, образовывали сравнительно единомысленную массу. Этого нельзя утверждать относительно их оппонентов.

Идеологическая аморфность дуалистического крыла верхней палаты во второй половине 1915 — первой половине 1916 г. не осталась на прежнем уровне, но постепенно усилилась. Если при присоединении к Прогрессивному блоку большинства членов верхней палаты в ее назначенной части произошла поляризация, выявившая различия между парламентаристами и дуалистами, то в течение указанного периода стала намечаться поляризация теперь уже внутри дуалистов: одни из них утверждали себя в ортодоксальности, другие — начинали проникаться оппозиционностью.

Пример отстаивания идеала конституционно-дуалистической монархии дал А.П.Струков, одновременно являвшийся председателем Постоянного совета Объединенного дворянства. В момент образования Прогрессивного блока по поручению Постоянного совета он обратился к И.Л.Горемыкину с официальным письмом. А.П.Струков указал преме-

му на то, что «стремление некоторой части общества воспользоваться тяжелым временем войны для достижения излюбленных левыми течениями политических целей представляет собою явную опасность для спокойствия страны».⁹⁰⁵

Параллельно с утверждением одних назначенных членов правой группы в ортодоксальности, другие ее назначенные члены самоидентифицировали себя с оппозицией напрямую. Это прослеживается в случае с А.Д.Самариным. Расценивая свою отставку как следствие не политических причин, а только влияния «темных сил», и прежде всего Г.Е.Распутина, А.Д.Самарин переживал разочарование в прежних идеалах. «Скорблю, конечно, не о себе, — писал он жене Б.А.Васильчикову, — а о той грозной беде, которая надвигается на Святую Православную Церковь. Меня особенно тяготит вопрос о подрастающем поколении; воспитывать его без известных идейных основ нельзя, а как быть, когда эти идеалы колеблются!»⁹⁰⁶

Переход в оппозицию А.Д.Самарина колебал его идеалы более, чем что либо иное. По оценке полицейского аналитика, «даже самые неводержанные революционеры в своих прокламациях не причинили столько зла, не содействовали в такой ужасной степени падению престижа верховной власти, очернению особы монарха, как все то, что рассказывал чуть ли не на всех улицах и перекрестках о причинах своего ухода обер-прокурор Святейшего Синода Самарин». На рубеже 1915—1916 гг. в его окружении начинали склоняться к мысли о необходимости низложения царя и говорили «определенно о перевороте», «вроде тех, которые были при Екатерине, Павле».⁹⁰⁷

Усилению аморфности правой группы способствовало состоявшееся в середине августа 1915 г. избрание ее лидером, вместо ортодоксального дуалиста П.Н.Дурново, заболевшего и вскоре умершего, умеренного дуалиста графа А.А.Бобринского.⁹⁰⁸ С образованием Прогрессивного блока граф занял по отношению к нему примирительную позицию, не отвергая с порога даже его лозунг о «министерстве доверия». В качестве гласного петроградской городской думы, сообщал В.Н.Снежков князю Н.Н.Чолокаеву 16 ноября 1915 г., А.А.Бобринский предложил внести в текст обращения к императору пожелание, чтобы правительство состояло из лиц, «сильных доверием страны».⁹⁰⁹ Кроме того, А.А.Бобринский отказался подписаться под ортодоксально-дуалистическими постановлениями по вопросу о Прогрессивном блоке совещания монархистов, которое проходило 21—23 ноября 1915 г. в Петрограде.⁹¹⁰

В работе совещания приняли участие видные назначенные члены правой группы — дуалисты А.А.Макаров и И.Г.Щегловитов — и близкий к черносотенцам Н.А.Маклаков. Лозунг о создании «министерства общественного доверия» совещание квалифицировало как «требование, определенно нарушающее Основные законы Российского государства», поскольку оно «явно направлено к покушению на права верховной самодержавной власти». Исходя из идеи конституционно-дуалистической монархии, участники совещания призывали правительство принять «решительные и безотлагательные меры против подобных покушений на Основные законы государства».⁹¹¹

Такого рода обращения, равно как и фактическое возникновение, вместе с Прогрессивным блоком, однопалатной системы, противоречившей принципам Основных законов, поставило Николая и правительство перед вопросом о восстановлении нарушенного равновесия через изменение личного состава назначенной части верхней палаты в пользу дуалистов.

Необходимость усиления дуалистического крыла Государственного совета в связи с избранием туда от Москвы Г.Э.Вейнштейна, А.И.Гучкова и П.П.Рябушинского первым осознал, еще до своего назначения управляющим МВД, А.Н.Хвостов. Передавая его мнение А.А.Вырубовой, князь М.М.Андроников, расценив избрание указанных лиц как «явление весьма характерное, но вместе с тем и чрезвычайно опасное», призывал «принять самые серьезные меры к созданию в Государственном совете сильного противодействия, что могло бы осуществиться лишь назначением туда трех выдающихся оппонентов-ораторов, в роде Кривцова и Крашенинникова, выдающихся юристов и убежденных врагов московских аферистов». «Вообще, — подчеркивал М.М.Андроников, — влияние Гучкова и его компании необходимо всячески парализовать, так как иначе они превратят нашу высшую законодательную палату в арену своих вождельств». ⁹¹²

Получив министерский портфель, А.Н.Хвостов приступил к воплощению собственных планов. Уже в ноябре министр внутренних дел добился увеличения назначенной части правой группы. Список соответствующих кандидатов он составил на основании переговоров с некоторыми из ее членов. Пополнение группы А.Н.Хвостов осуществил помимо А.Н.Куломзина, И.Л.Горемыкина и Совета министров, путем особого доклада Николаю. В результате этого беспрецедентного демарша членами Государственного совета стали четыре дуалиста — сенаторы Н.П.Гарин, князь Н.Д.Голицын, Н.С.Крашенинников и член совета министра внутренних дел Н.П.Муратов и только один крайне правый — сенатор А.А.Римский-Корсаков.

Беспрецедентность демарша А.Н.Хвостова была не только в том, что он состоялся помимо председателя верхней палаты и премьера, но и в назначении Н.П.Муратова, чей должностной ценз отличался явной недостаточностью. Необходимость этого назначения А.Н.Хвостов мотивировал императору тем, что Н.П.Муратов «нужен для выступлений в Государственном совете как выдающийся партийный оратор». ⁹¹³ До того как попасть в Государственный совет, он, числясь по МВД, исполнял обязанности заведующего продовольственным делом в империи и фактически находился на положении товарища министра, «но официально я, — вспоминал Н.П.Муратов, — был только членом Совета министра внутренних дел, т.е. занимал место, с которого очень трудно было пройти и в Сенат». ⁹¹⁴

Ноябрьские назначения стали локальной акцией, не противоречившей курсу А.Н.Хвостова на достижение компромисса с Прогрессивным блоком. Наоборот, ее ценой министр внутренних дел покупал поддержку Правой группой тех мер, которые он планировал провести в русле данного курса. Действуя в контакте с дуалистами и крайне правыми, А.Н.Хвостов имел намерение «приостановить, хотя бы временно, их выступле-

ния перед государем против Государственной думы». ⁹¹⁵ Тем не менее парламентаристы расценивали А.Н.Хвостова отрицательно, преувеличивая значение его отношений с представителями «безответственных влияний».

В конце 1915 г. Б.А.Васильчиков послал А.Н.Хвостову письмо с обвинениями в покровительстве М.М.Андроникову. Серьезность этой ситуации состояла в том, что Б.А.Васильчиков имел придворный чин шталмейстера. Его выступление было проявлением не только бюрократической, но и придворной оппозиционности. ⁹¹⁶ Содержание своего письма Б.А.Васильчиков сообщил членам Думы и Государственного совета. А.Н.Хвостов заявил А.А.Вырубовой, что Б.А.Васильчиков «поднял шум», дабы «приподнять завесу» над влияниями М.М.Андроникова «на более высокие сферы». А.Н.Хвостов охарактеризовал Б.А.Васильчикова как человека, который, «занимая высокое служебное и придворное положение, подобного рода выступлениями только сгущает неблагоприятную для высоких сфер атмосферу». ⁹¹⁷

Князь являлся членом Яхт-клуба. Поэтому А.Н.Хвостов обратился к министру двора графу В.Б.Фредериксу, который был командором клуба. А.Н.Хвостов попросил графа указать его членам из числа парламентаристов на несоответствие носимых ими придворных мундиров оппозиционным разговорам. В.Б.Фредерикс торопиться не стал. Тогда через императрицу А.Н.Хвостов указал императору, что «с некоторых господ, которые позволяют себе говорить такие вещи, теперь отлично можно будет снять их золоченые мундиры и аксельбанты». А.Н.Хвостов советовал Николаю приказать помощнику В.Б.Фредерикса по должности командующего императорской главной квартирой генералу К.К.Максимовичу «преследить за Клубом». «Хвостов, — писала по этому поводу Александра Федоровна мужу 3 января 1916 г., — просил Фредерикса помочь ему, но тот не мог или не понял, что это нужно. Увы, Борис Васильчиков сильно изменился к худшему, как и многие другие. О, им необходимо почувствовать твою мощь, теперь нужно быть строгим!» ⁹¹⁸

Доводы А.Н.Хвостова Николай признал резонными. Во время состоявшейся 7 января в Ставке встречи царя с В.Б.Фредериксом Николай повелел ему написать К.К.Максимовичу, что «его величество крайне недоволен разными разговорами в Яхт-клубе, даже носящих аксельбанты его величества». ⁹¹⁹ В передаче самого Николая, он попросил В.Б.Фредерикса «очень строго» написать К.К.Максимовичу «о клубах» и «следить за всем, что там происходит». «Всякую болтовню и критику, которую он лично услышит, — передавал содержание письма К.К.Максимовичу царь, — он должен пресекать и предупредить тех, кто носит золотой мундир или аксельбанты, что они лишатся таковых, если будут продолжать вести себя в том же духе». ⁹²⁰ Было бы неверно преувеличивать репрессивный характер этой меры. Она имела отношение не к реальной политике, а к соблюдению придворного ритуала. Б.А.Васильчиков и другие парламентаристы вплоть до Февральской революции по-прежнему носили придворные чины и звания.

В конце же 1915 г., при определении Николаем на 1916 г. состава назначенной части Государственного совета, парламентаристы-придворные не были исключены из числа его присутствующих членов. «Вопреки рас-

пространявшимся в печати сведениям, — отмечал А.А.Поливанов, — о вероятном устранении от присутствия в Государственном совете некоторых членов его по назначению, заподозренных в принадлежности к Прогрессивному блоку, такового устранения не последовало».⁹²¹

Несмотря на ключевую роль назначенных членов, сыгранную ими при присоединении Государственного совета к оппозиции, Николай вывел из числа присутствующих только двух парламентаристов. Ими были адмирал Н.М.Чихачев и М.Н.Галкин-Врасский, которые, вследствие дряхлости, не посещали верхней палаты, а потому сами ходатайствовали о своем удалении.⁹²²

В угоду Прогрессивному блоку Николай вычеркнул из списка присутствующих ненавистного оппозиции генерала В.А.Сухомлинова. Первоначально делать это царь не собирался.⁹²³

Пока оппозиционность Прогрессивного блока не достигала высокого накала и, следовательно, сохранялась надежда на соглашение правительства с оппозицией, вопрос об изменении в пользу дуалистов состава назначенной части к разряду актуальных не принадлежал. Именно поэтому царь оставил во главе верхней палаты А.Н.Куломзина, хотя за его увольнение выступили и И.Л.Горемыкин, и царица.⁹²⁴ Более того, 29 декабря Николай назначил членом Государственного совета парламентариста П.Л.Барка. Кандидатура сенатора и бывшего помощника кавказского наместника по гражданской части Н.Л.Петерсона не прошла.⁹²⁵

Взамен удаленных сановников к присутствованию были определены два парламентариста и дуалист. На всеподданнейший доклад А.Н.Куломзина о пополнении назначенной части Николай наложил 29 декабря следующую резолюцию: «Барк, Шипов, князь Голицын». Благоприятными для парламентаристов были и другие царские резолюции. На докладе о назначении вице-председателя Государственного совета царь написал: «Статс-секретарь Голубев». Председателя 1-го департамента А.А.Сабурова Николай заменил А.Н.Щербачевым, а его членом сделал П.А.Игнатьева. Заменяя председателя 2-го департамента генерала Н.П.Петрова, 28 декабря царь начертал: «Председателем статс-секретаря Коковцова. Прибавить членом Тимашева».⁹²⁶ Все эти сановники были членами Прогрессивного блока.

Знаковым являлось назначение В.Н.Коковцова, которое произошло по предложению А.Н.Куломзина.⁹²⁷ Состоявшийся 19 января 1916 г.⁹²⁸ прием императором В.Н.Коковцова по поводу его назначения был «обычно ласковый». Николай выказал одному из лидеров оппозиции в Государственном совете несомненное благоволение. Монарх сообщил собеседнику, что «рад оказать» ему «хотя бы небольшое внимание». «Я, — заявил император, — вас совсем не вижу, но часто вспоминаю вас и уверен в том, что мне скоро придется обратиться к вам, когда настанет пора подводить итоги войны и думать о справедливом вознаграждении России за все понесенные ею жертвы».⁹²⁹

Отказавшись от наступления на оппозицию, Николай продемонстрировал еще раз, что достижение компромисса с ней, на условии сохранения дуалистической системы, по-прежнему остается главной целью его внутренней политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1994. С.58.

² А.К.Бенкендорф — П.К.Бенкендорфу. 16 января 1915 г. // ОР РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.130. Л.73.

³ О Николае II см.: Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984; *Ирошников М.П., Процай Л.А., Шелаев Ю.Б.* Николай II. Последний российский император. СПб., 1992; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Николай II // ВИ. 1993. № 2; *они же.* От составителей // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994; *Боханов А.Н.* Николай II // Российские самодержцы. 1801—1917. М., 1993; *он же.* Император Николай II. М., 1998; *Радзинский Э.С.* «Господи... Спаси и умири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993; *Куликов С.В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная. 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. Из работ о Николае II, написанных иностранными исследователями, необходимо упомянуть нижеследующие: *Frankland N.* Imperial Tragedy. Nicholas II, Last of the Tsars. N. Y., 1961; *Ферро М.* Николай II. М., 1991; *Lieven D.* Nicholas II. Emperor of all Russians. Lnd., 1993; *Леве Х.Д.* Николай II // Русские цари. 1547—1917. Ростов-на-Дону — М., 1997; *Хереш Э.* Николай II. Ростов-на-Дону, 1998.

⁴ См. об этом: *Уортмен Р.* Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция? Россия 1861—1917. Материалы международного colloquium историков. СПб., 1992; *он же.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton — N. Y., 1999. Vol.2.

⁵ *Александр Михайлович.* Книга воспоминаний. М., 1991. С.146. Об Александре III см.: *Чернуха В.Г.* Александр III // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.

⁶ *Буксгевден С.К.* Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение (Париж). 1957. Тетр.67. С.35. Об Александре II см.: *Чернуха В.Г.* Великий реформатор и великомученик // Александр II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.

⁷ *Тихомиров Л.А.* Дневник // КА. 1936. Т.74. С.175. Ср.: *Суворин А.С.* Дневник. М., 2000. С.385.

⁸ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С.36; *Шереметев С.Д.* Отрывки из «Дневников» // Шереметевы в судьбе России. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 2001. С.216. Ср.: *Николай II.* Полное собрание речей императора Николая II. 1894—1906. СПб., 1906. С.20; *Савельев А.А.* Два восшествия на престол русских царей (Из воспоминаний земского деятеля) // Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917. С.100; *Соловьев Ю.Б.* Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // АЕ за 1972 г. М., 1974. С.312.

⁹ *Обнинский В.П.* Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. С.12-13; *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II: Воспоминания. Дневники. С.420; *Шереметев С.Д.* Мемуары. М., 2001. С.607,608.

¹⁰ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С.512.

¹¹ Великий магистр ложи «Мезори» — Николаю II. Б. д. // РГИА. Ф.1093. Оп.1. Д.390. Л.40.

¹² *Бурыйкин П.А.* Филипп — предшественник Распутина // НЖ. 1955. Кн.40; *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. «Дневник» и воспоминания. М., 1990. С.181; *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1996. С.142.

¹³ *Вырубова А.А.* Указ. соч. С.181. Ср.: Великий магистр ложи «Мезори» — Николаю II. Б. д. // РГИА. Ф.1093. Оп.1. Д.390. Л.40; *Вонярянский В.М.* Мои воспоминания. 1852—1939. Берлин, б.г. С.197; *Илиодор (Труфанов С.И.).* Святой черт (Записки о Распутине). М., 1917. С.57. О Г.Е.Распутине см.: *Амальрик А.* Распутин. М., 1992; *Платонов О.А.* Жизнь за царя. Правда о Григории Распутине. СПб., 1996; *Бэс Р.* Пшеница и плевелы. Беспристрастно о Г.Е.Распутине. М., 1997; *Труай А.* Распутин. М., 1997; *Июффе Г.З.* «Распутиниада»: большая политическая игра // ОИ. 1998. № 3; *Боханов А.Н.* Распутин. Анатомия мифа. М., 2000; *Радзинский Э.С.* Распутин: жизнь и смерть. М., 2000; *Шипкин О.А.* Убить Распутина. М., 2000. См. также: *Essaulov A., Malone G.* Rasputin: A Vindication // Contemporary Review. 1967. Vol.211, № 191.

¹⁴ «Дражайшая бабушка...» Письма Николая II королеве Виктории. 1894—1900 гг. // ИА. 1995. № 1. С.198. Ср.: *Барк П.Л.* Глава из воспоминаний [О Николае II] // Возрождение. 1955. Тетр.43. С.23.

¹⁵ *Куломзин А.Н.* Пережитое // РГИА. Ф.1642. Оп.1. Д.199. Л.51; *Покровский Н.Н.* Комитет министров и его Канцелярия в 1890-х гг. // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.38. Л.5; *Витте С.Ю.* Воспоминания. В 3-х т. М., 1960. Т.1. С.442; *Николай II.* Дневники императора Николая II. М., 1991. С.83. О Н.Х.Бунге см.: *Ананьич Б.В.* Торжество нового курса. К.П.Победоносцев и М.Н.Катков. Реформы Н.Х.Бунге // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С.380-398; *Степанов В.Л.* Н.Х.Бунге. Судьба реформатора. М., 1998.

¹⁶ *Кривенко В.С.* В Министерстве Двора // ОР РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.672. Л.181; *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С.263; *Мосолов А.А.* При Дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии министра Двора. СПб., 1992. С.134; *Васильчикова Л.Л.* Исчезнувшая Россия. Воспоминания. 1886—1919. СПб., 1995. С.191.

¹⁷ Вильгельм II — Николаю II. 2 января 1896 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II.

1894–1914 гг. М.—Пг., 1923. С.16; *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С.437; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.637.

¹⁸ Документы и материалы Совещания (конференции) Союза 17 октября. Петербург, 7–10 ноября 1913 г. // *Партия «Союз 17 октября»*. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. М., 2000. Т.2. 1907–1915 гг. С.427. Об указе 12 декабря 1904 г. и провозглашенных им реформах см.: *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991. С.5–59.

¹⁹ *Куломзин А.Н.* Пережитое // РГИА. Ф.1642. Оп.1. Д.195. Л.83. Текст завешания см.: 1890–1894 гг. — «Загробные заметки» Н.Х.Бунге // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999.

²⁰ *Орлов В.Н.* Из дневника // Былое. 1919. № 14. С.57; Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П.Д.Святополк-Мирского 24 ноября 1904 г. // Река времен. М., 1996. Кн.5; *Зеньковский А.В.* Правда о Столыпине. М., 2002.

²¹ Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // *Савич Г.Г.* Новый государственный строй России. Справочная книга. СПб., 1907. С.6–7. Ср.: *Стремоухов П.П.* Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев // РЛ. 1925. Кн.7. С.103; *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопрезвитера русской армии и флота. В 2-х т. М., 1996. Т.1. С.42.

²² *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.81.

²³ Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя бывшего министра внутренних дел А.Г.Булыгина // *Савич Г.Г.* Указ. соч. С.13.

²⁴ *Трубецкая О.Н.* Из пережитого // СЗ. 1937. Т.64. С.293.

²⁵ Вплоть до 1906 г. Александра Федоровна имела либеральные взгляды и была сторонницей конституции (Допрос князя М.М.Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7-ми т. Л., 1925. Т.1. С.396; Показания С.П.Белецкого // Там же. Л., 1925. Т.4. С.273; *Бобринский А.А.* Дневник // КА. 1928. Т.26. С.129; *Ламздорф В.Н.* Дневник 1894–1896. М., 1991. С.97; *Константин Константинович.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С.284). О личности Александры Федоровны см.: *Нектария (Мак-Лиз Н.)*. Свет невечерний. Жизнь Александры Федоровны Романовой, последней всероссийской императрицы. М., 1996; *Херш Э.* Александра. Трагедия жизни и смерти последней русской царицы. Ростов-на-Дону, 1998; *Кинг Г.* Императрица Александра Федоровна. Биография. М., 2000.

²⁶ Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пг., 1917. С.116. Царский рескрипт 18 февраля 1905 г., данный министру внутренних дел А.Г.Булыгину, возвестил о намерении Николая создать народное представительство.

²⁷ 1890–1894 гг. — «Загробные заметки» Н.Х.Бунге. С.235.

²⁸ *Николай II.* Полное собрание речей... С.7; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.291.

²⁹ *Кони А.Ф.* Николай II // *Кони А.Ф.* Избранное. М., 1989. С.107.

³⁰ *Богданович А.В.* Указ. соч. С.203–204.

³¹ *Бюлов Б., фон.* Воспоминания. М.—Л., 1935. С.74,79.

³² *Головин Ф.А.* Николай II // Николай II: Воспоминания. Дневники. С.95. Ср.: Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. № 4 (26). С.205).

³³ *Клячко (Львов) Л.М.* Звездная палата // МД. 1928. № 3. С.14; *Святополк-Мирская Е.А.* Дневник княгини Е.А.Святополк-Мирской // ИЗ. 1966. Т.77. С.252. См. также: *Ремнев А.В.* Проблема объединенного правительства накануне Первой российской революции // Новое о революции 1905–1907 гг. в России. Л., 1989. С.92.

³⁴ А.А.Клопов — Николаю II. 30 июля 1899 г. // Тайный советник императора. СПб., 2002. С.42.

³⁵ *Ковалевский В.И.* Воспоминания // РП. 1991. Вып.2. С.92.

³⁶ *Половцов А.А.* Дневник // КА. 1923. Т.3. С.81.

³⁷ Подробнее о проекте см.: *Ремнев А.В.* Указ. соч. С.94–95.

³⁸ *Орлов В.Н.* Из дневника. С.57; Русско-японская война. Из дневников А.Н.Курапаткина и Н.П.Линевича. Л., 1925. С.112; Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима... М.—Л., 1926. Т.5. С.387; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.148. Ср.: Письмо В.К.Плеве к А.А.Кирееву // КА. 1926. Т.5. С.202. О внутренней политике В.К.Плеве см.: *Ананьич Б.В.* Российское самодержавие накануне революции. Внутриполитический курс В.К.Плеве // Власть и реформы. С. 438–454; *Judg E.H.* Plehve. Syracuse, 1983.

³⁹ Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былое. 1918. № 2. С.214.

⁴⁰ Манифест 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // *Савич Г.Г.* Указ. соч. С.3–4. Подробнее об истории появления этого манифеста см.: *Соловьев Ю.Б.* К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. // ВИД. 1979. Т.11; *Ананьич Б.В.* О тексте манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В.П.Мещерского) // Там же. 1983. Т.15.

⁴¹ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.360.

⁴² Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя бывшего министра внутренних дел А.Г.Бу-

лыгина // *Савич Г.Г.* Указ. соч. С.13; *Святополк-Мирская Е.А.* Указ. соч. С.254; *Богданович А.В.* Указ. соч. С.316; *Обнинский В.П.* Указ. соч. С.99.

⁴³ *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т.2. С.335. Ср.: Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г. // КА. 1925. Т.9. С.65.

⁴⁴ *Богданович А.В.* Указ. соч. С.297.

⁴⁵ *Тессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет // АРР. 1937. Т.22. С.178.

⁴⁶ *Бобринский А.А.* Указ. соч. С.129.

⁴⁷ Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя бывшего министра внутренних дел А.Г.Булыгина // *Савич Г.Г.* Указ. соч. С.13. Подробнее об истории рескрипта и сопутствовавших ему актов см.: *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. С.85–121. См. также: *Ascher A.* The Revolution of 1905. Stanford, 1988–1992. Vol.1–2.; *Verner A.M.* The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990.

⁴⁸ *Ганелин Р.Ш.* Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю.Нольде // АЕ за 1989 г. М., 1990. С.297.

⁴⁹ Вильгельм II — Николаю II. 6 февраля 1905 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С.91.

⁵⁰ Письма императора Николая II министру внутренних дел А.Г.Булыгину. 1905 г. // РА. М., 1991. Т.1. С.188.

⁵¹ *Николай II.* Полное собрание речей... С.57–58.

⁵² Особый журнал Совета министров 4 августа 1906 г. «Об ограничении должностных лиц и служащих в государственных учреждениях по вольному найму в праве участвовать в политических партиях и союзах и о преграждении таковым лицам противоправительственной агитации» // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. М., 1982. С.146,147.

⁵³ Манифест 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной думы» // *Савич Г.Г.* Указ. соч. С.21–22; Петергофские совещания о проекте Государственной думы // Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. С.166; Вильгельм II — Николаю II. 7 августа 1905 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С.110; *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т.2. С.488. О создании законосовещательной Думы см.: *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. С.122–191.

⁵⁴ К истории манифеста 6 августа 1905 г. // КА. 1926. Т.14. С.268.

⁵⁵ Николай II — Вильгельму II // Переписка Вильгельма II с Николаем II. С.111.

⁵⁶ 25 лет назад (Из дневников Л.Тихомирова) // КА. 1930. Т.39. С.73.

⁵⁷ *Половцов А.А.* Дневник // КА. 1923. Т.4. С.76; *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т.3. С.12; Николай II — Марии Федоровне. 19 октября 1905 г. // Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С.74–75; *Островский А.В., Сафонов М.М.* 15–17 октября 1905 г. в царской резиденции (из записок А.А.Будберга) // Английская набережная. 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 1997. С.406. О подготовке манифеста 17 октября 1905 г. см.: *Островский А.В., Сафонов М.М.* Манифест 17 октября 1905 г. // ВИД. 1981. Т.12; *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. С.192–222.

⁵⁸ *Николай II.* Полное собрание речей... С.64.

⁵⁹ *Кокцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2-х т. М., 1992. Т.2. С.291.

⁶⁰ *Николай II.* Полное собрание речей... С.73.

⁶¹ *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С.332. Ср.: *Лыщинский Л.В.* О значении слова самодержавие (Историческая справка). СПб., 1906. С.3.

⁶² Царскосельские совещания. Протоколы Секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. № 4 (26). С.245; *Кокцов В.Н.* Указ. соч. Т.1. С.123; 1906 г., апреля 23 высочайше утвержденные Основные государственные законы // Российское законодательство X–XX вв. В 9-ти т. М., 1994. Т.9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. С.44. См. также: *Николай II.* Полное собрание речей... С.74–75. Ср.: *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1899. С.126.

⁶³ Особый журнал Совета министров 3 и 17 февраля 1907 г. «По законопроектам, касающимся осуществления свободы совести» // Особые журналы Совета министров царской России. 1907 г. М., 1984. Ч.1. С.457.

⁶⁴ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Из бумаг С.Е.Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б.г. С.66.

⁶⁵ Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания под председательством бывшего императора по вопросу о расширении избирательного права // Былое. 1917. № 3 (25). С.258–259; Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // РП. 1998. Кн.8. С.114.

⁶⁶ *Чичерин Б.Н.* Россия накануне двадцатого столетия // *Чичерин Б.Н.* Философия права. СПб., 1998. С.611.

⁶⁷ Журнал соединенного совещания С.-Петербургского и Московского отделений ЦК «Союза 17 октября», происходившего в Москве 8 и 9 января 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. В 2-х т. М., 1996. Т.1. 1905–1907 гг. С.46.

⁶⁸ *Николай II.* Полное собрание речей... С.73.

- ⁶⁹ Витте С.Ю. Указ. соч. Т.3. С.333.
- ⁷⁰ Ср.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. В 3-х ч. М., 1898. Ч.3. Политика. С.519.
- ⁷¹ Записка Швансбаха. Июнь 1906 г. // ГМ. 1923. № 2. С.41,42.
- ⁷² Переписка Н.А.Романова и П.А.Столыпина // КА. 1924. Т.5. С.103. Об июльском кризисе 1906 г. см.: Тютюкин С.В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991. Подробнее о П.А.Столыпине см.: Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992; Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П.А.Столыпина. В 2-х т. СПб., 2002; Conroy M.S. Peter Arkad'evich Stolypin: Practical Politic in Late Tsarist Russia. Boulder, 1976; Ascher A. P.A.Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, 2001. См. также: Куликов С.В. Государственная дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1906–1907) // Ораторы России в Государственной думе. В 2-х т. СПб., 2004. Т.1.
- ⁷³ Витте С.Ю. Указ. соч. Т.2. С.353.
- ⁷⁴ Ср.: Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С.711; Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С.334.
- ⁷⁵ Швансбах П.Х. Записки сановника. Политика П.А.Столыпина и Вторая Государственная дума // ГМ. 1918. № 1–3. С.120–121.
- ⁷⁶ Головин Ф.А. Указ. соч. С.86.
- ⁷⁷ Тихомиров Л.А. Из дневника. 1907 г. // КА. 1933. Т.61. С.110.
- ⁷⁸ Головин Ф.А. Указ. соч. С.92–93.
- ⁷⁹ Суворин А.С. Указ. соч. С.491.
- ⁸⁰ Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.418; Интересная находка // ВИ. 1964. № 4. С.97.
- ⁸¹ Особый журнал Совета министров 23 ноября 1907 г. «О положении Ведомства учреждений императрицы Марии при действии новых Основных государственных законов» // Особые журналы Совета министров царской России. 1907 г. М., 1984. Ч.2. С.768–769. Ср.: Тихомиров Л.А. Из дневника (Период столыпинщины) // КА. 1935. Т.73. С.173.
- ⁸² Балашев И.П. Берегите Думу. Пг., 1915. С.22; Савич Н.В. Воспоминания. СПб.—Дюссельдорф, 1993. С.27. Ср.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч.3. Политика. С.370.
- ⁸³ Ольденбург С.С. Указ. соч. С.400.
- ⁸⁴ Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С.173–174; Коковцов В.Н. Указ. соч. Т.1. С.272; Газетное сообщение о расширенном заседании ЦК 5 сентября 1911 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. Т.2. 1907–1915 гг. С.407. О взаимоотношениях П.А.Столыпина с 3-й Думой см.: Аврех А.Я. Столыпин и Третья дума. М., 1968; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; Куликов С.В. Государственная дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1907–1917) // Ораторы России в Государственной думе. 2004. Т.2. См. также: Hosking G. The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914. Cambridge, 1973.
- ⁸⁵ Воррес Й. Последняя великая княгиня // Ден Л. Подлинная царица; Воррес Й. Последняя великая княгиня. М., 1998. С.280.
- ⁸⁶ Савич Н.В. Указ. соч. С.67.
- ⁸⁷ Бобринский А.А. Указ. соч. С.144.
- ⁸⁸ Ковалевский М.М. Воспоминания // ИСССР. 1969. № 5. С.86.
- ⁸⁹ Столыпин П.А. Указ. соч. С.347.
- ⁹⁰ Савич Н.В. Указ. соч. С.68.
- ⁹¹ Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // ИГВ. 1999. Вып.11. С.32; Зеньковский А.В. Указ. соч. С.149. Ср.: Допрос генерала В.Н.Воейкова. 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима... М.—Л., 1925. Т.3. С.80.
- ⁹² Интересная находка. С.108. О премьерстве В.Н.Коковцова см.: Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. М., 1981; Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьестепенной системы. Л., 1988.
- ⁹³ Родзянко М.В. Крушение Империи // АРР. 1926. Т.17. С.57–58.
- ⁹⁴ Джуковский В.Ф. Воспоминания. В 2-х т. М., 1997. Т.2. С.155.
- ⁹⁵ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.59,62.
- ⁹⁶ Марков Н.Е. Войны темных сил. М., 1993. С.117. См. также: Куликов С.В. Правительственный либерализм начала XX в. как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы: Материалы международной конф. СПб., 2001. С.85–86.
- ⁹⁷ Джуковский В.Ф. Указ. соч. Т.2. С.256–257.
- ⁹⁸ О «новом курсе» см.: Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. С.178–219; Вишневский Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994.
- ⁹⁹ Текст рескрипта см.: Белецкий С.П. Иван Логиневич Горемыкин. 27 октября 1839 — 27 октября 1914 г. Пг., 1914. С.44–45.
- ¹⁰⁰ Донесения Л.К.Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. // ВИ. 2000. № 2. С.31.
- ¹⁰¹ Ковалевский М.М. Указ. соч. С.87.

- ¹⁰² Николай II. Дневники императора Николая II. С.457.
- ¹⁰³ А.А.Клопов — Николаю II. 10 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.13. Л.10 об.
- ¹⁰⁴ Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 2. С.22.
- ¹⁰⁵ Мосолов А.А. Указ. соч. С.83–84.
- ¹⁰⁶ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.172. С.99.
- ¹⁰⁷ Симанович А.С. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 1991. С.46.
- ¹⁰⁸ Ольденбург С.С. Указ. соч. С.54.
- ¹⁰⁹ 1890—1894 гг. — «Зарбные заметки» Н.Х.Бунге. С.212,214.
- ¹¹⁰ Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. М., 1997. С.27.
- ¹¹¹ Рейн Г.Е. Из пережитого. 1907–1918. В 2-х т. Берлин, б.г. Т.2. С.161.
- ¹¹² Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991. С.112.
- ¹¹³ Витте С.Ю. Указ. соч. Т.3. С.494. Ср.: Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник секретаря С.Ю.Витте // Былое. 1918. № 2. С.137. См. также: Особый журнал Совета министров 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев» // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. С.752–753,763; Lowe H.-D. The Tsar and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917. N. Y., 1992.
- ¹¹⁴ Суворин А.С. Указ. соч. С.310.
- ¹¹⁵ Манифест 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственно-го порядка» // Савич Г.Г. Указ. соч. С.3–4.
- ¹¹⁶ Обинский В.П. Указ. соч. С.77. См. также: Рахманова Н. Еврейский вопрос в политике В.К.Плева // ВЕУ. 1995. № 1 (8).
- ¹¹⁷ Особый журнал Совета министров 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев». С.752–753,754–755,763,777.
- ¹¹⁸ Куропаткин А.Н. Дневник // КА. 1922. Т.2. С.82.
- ¹¹⁹ Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»; Журнал Комитета министров 5 мая 1905 г. // Савич Г.Г. Указ. соч. С.6–7,425,426; Петергофские совещания о проекте Государственной думы // Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. С.218,219; Особый журнал Совета министров 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев». С.754–755,763,777.
- ¹²⁰ Особый журнал Совета министров 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев». С.754–755,763,777; Мемория о мерах по предупреждению еврейских погромов. 24 февраля 1906 г.; Мемория о разрешении евреям посещать Славянские минеральные воды в летний сезон 1906 г. Не позднее 21 апреля 1906 г. // Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С.280,431.
- ¹²¹ Николай II. Полное собрание речей... С.64,73–74. Ср.: Николай II — А.И.Дубровину. 4 июня 1907 г. // Правые партии. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1998. Т.1. С.341.
- ¹²² Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С.129; Мемория о мерах по предупреждению еврейских погромов. 24 февраля 1906 г. // Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. С.280; Коковцов В.Н. Указ. соч. Т.1. С.411; Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С.54. Ср.: Кон Н. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М., 1990. С.82; Кирьянов Ю.И. Предисловие // Правые партии. Т.1. С.52.
- ¹²³ Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. С.139–140.
- ¹²⁴ Мемория Совета министров 20 января 1906 г. «По вопросу о приеме евреев в высшие учебные заведения» // Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. С.196. Ср.: Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по повелу «Воспоминаний» графа С.Ю.Витте). М.—Л., 1923. С.84.
- ¹²⁵ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 9–10. С.193; Николай II — Константину Константиновичу. 14 сентября 1912 г. // Российский императорский дом. С.86. Ср.: Ковалевский М.М. Указ. соч. С.94.
- ¹²⁶ Переписка Н.А.Романова и П.А.Столыпина. С.105–107; Особый журнал 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г. «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев». С.741. Ср.: Толстой И.И. Дневник. 1906—1916. СПб., 1997. С.80.
- ¹²⁷ Переписка Н.А.Романова и П.А.Столыпина. С.107.
- ¹²⁸ Толстой И.И. Дневник. С.110. См. также опубликованные Особые журналы Совета министров за 1906—1910 гг. Ср.: Протокол допроса И.Г.Щегловитова // Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб., 1999. С.334.
- ¹²⁹ Богданович А.В. Указ. соч. С.459.
- ¹³⁰ Святополк-Мирская Е.А. Указ. соч. С.259.
- ¹³¹ Винберг Ф.В. Крестный путь. Мюнхен, 1922. Ч.1. Корни зла. С.198; Теляковский В.А. Воспоминания. 1898—1917. [СПб.], 1924. С.301; Мосолов А.А. Указ. соч. С.173. Ср.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч.3. Политика. С.246.
- ¹³² Суворин А.С. Указ. соч. С.417.

¹³³ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.58. См. также: Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.260.

¹³⁴ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С.159; Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. Т.1. С.70.

¹³⁵ Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.75.

¹³⁶ 4 человека (Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991. С.226–231; Общий список членов Государственной думы I, II, III и IV созывов. 1906–1913. СПб., 1993; Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в. Энциклопедия. М., 1996. С.756–758).

¹³⁷ 72 человека (Шелохаев В.В. Указ. соч. С.212–226; Политические партии России. С.747–755; Общий список членов Государственной думы...; Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917) // ИГВ. 1997. Вып.9. С.19–22; Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С.250–308).

¹³⁸ 26 человек (Общий список членов Государственной думы...; Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917). С.19–22; Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). С.250–308).

¹³⁹ 4 человека (Общий список членов Государственной думы...).

¹⁴⁰ Мосолов А.А. Указ. соч. С.50–51.

¹⁴¹ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 9–10. С.194; Журнал Совещания с.-петербургских членов ЦК Союза 17 октября. 19 мая 1907 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т.1. 1905–1907 гг. С.353.

¹⁴² Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.61; Богданович А.В. Указ. соч. С.480–481.

¹⁴³ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 9–10. С.194. См. также: Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С.21.

¹⁴⁴ Бобринский А.А. Указ. соч. С.149.

¹⁴⁵ Ольденбург С.С. Указ. соч. С.512.

¹⁴⁶ Толстой И.И. Дневник. С.54.

¹⁴⁷ О внутренней политике царского правительства во второй половине 1914 — первой половине 1915 г. см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С.45–71; он же. Царизм и Первая мировая война // Кризис самодержавия в России. С.543–550; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С.68–79; Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С.11–34. В этих работах рассматривается не столько внутренняя политика правительства, сколько отношение к ней со стороны оппозиции. См. также: Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917) // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998.

¹⁴⁸ Ф.Ф.Трепов — И.Л.Горемыкину. 14 июля 1914 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.1.

¹⁴⁹ Именной высочайший указ Правительствующему сенату 20 июля 1914 г. «О созыве Государственного совета и Государственной думы» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. В 2-х т. Пг., 1915. Т.1. С.8.

¹⁵⁰ Милоков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.2. С.164.

¹⁵¹ Копия вespодданнейшего доклада И.Л.Горемыкина от 25 июля 1914 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.4.

¹⁵² Родзянко М.В. Крушение Империи. С.80–81.

¹⁵³ Речь Николая II, произнесенная «при высочайшем выходе, состоявшемся по случаю войны на западной границе» // РГИА. Ф.472. Оп.66. Д.517. Л.1–4 об.; Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 г.). По личным воспоминаниям П.Жильяра, бывшего наставника наследника цесаревича Алексея Николаевича. Вена, 1921. С.77.

¹⁵⁴ Барк П.Л. Глава из воспоминаний [О Николае II]. С.21.

¹⁵⁵ Керенский А.Ф. Указ. соч. С.119.

¹⁵⁶ Высочайшее повеление 22 августа 1914 г. «О продлении воспреещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени»; Высочайше утвержденное 27 сентября 1914 г. Положение Совета министров «О сроках прекращения торговли крепкими напитками по ходатайствам о том сельских и городских общественных управлений» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.1. С.170–171, 238–239. См. также: Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. colloquium. СПб., 1999.

¹⁵⁷ Именной высочайший указ 13 сентября 1914 г. «О некоторых по гражданским и уголовным делам льготах чинам действующих армии и флота» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.1. С.207–210.

¹⁵⁸ Высочайше утвержденное 17 марта 1915 г. Положение Совета министров «О распространении действия Городового положения 11 июня 1892 г. на города губерний Царства Польского» //

Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.1. С.554–585; Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С.77,80; Записка А.Н.Яхонтова // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н.Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С.25. Ср.: А.В.Кривошеин — Николаю II. 18 марта 1915 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1270. Л.5. О значении польского вопроса в годы Первой мировой войны см.: Дьяков В.И. Славянский вопрос в русской общественной мысли 1914–1918 гг. // ВИ. 1991. № 4–5.

¹⁵⁹ Особый журнал Совета министров 23 января 1915 г. «О некоторых мерах к усилению врачебного персонала в Империи» // НСБ РГИА. Коллекция печатных копий Особых журналов Совета министров; Записи заседаний Совета министров 19 и 30 июля, 14 августа и 11 ноября 1914 г. и 20 февраля, 29 мая и 10 июля 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.18,27,48,96,137,173,201.

¹⁶⁰ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.88.

¹⁶¹ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории русского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2-х кн. М., 1993. Кн.1. С.82.

¹⁶² Клячко (Львов) Л.М. Повести прошлого. Л., 1929. С.21–22; Витте С.Ю. Указ. соч. Т.2. С.39; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.76. Ср.: Ананьич Б.В. Самодержавие и земство. Земская реформа 1898–1903 гг. // Кризис самодержавия в России. С.95–110. См. также: Царскоесельские сошествия. Протоколы Секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. № 4 (26). С.205; Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.169. С.71; Особый журнал Совета министров 7 и 8 июня 1906 г. // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. С.39. Служебный формуляр И.Л.Горемыкина см.: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2001. С.180–183.

¹⁶³ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.87.

¹⁶⁴ Подробнее о Н.И.Туган-Барановском см.: Куликов С.В. Записки Н.И.Туган-Барановского А.В.Кривошеину и С.В.Рухлову (1914–1915 гг.) // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001.

¹⁶⁵ Записка Н.И.Туган-Барановского. 30 октября 1914 г. // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29633. Л.93–98. Ср.: Высочайше утвержденное 2 февраля 1915 г. Положение Совета министров «О землевладении и о землепользовании в Государстве Российском австрийских, венгерских, германских или турецких подданных»; Высочайше утвержденное 2 февраля 1915 г. Положение Совета министров «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев»; Высочайше утвержденное 2 февраля 1915 г. Положение Совета министров «О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.1. С.429–447. См. также: Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. М., 1968.

¹⁶⁶ Струве П.Б. А.В.Кривошеин (некролог) // Руль (Берлин). 1921. 2 ноября; Кривошеин К.А. А.В.Кривошеин (1857–1921 гг.). Его значение в истории России начала XX в. // Судьба века. Кривошеину. СПб., 2002. С.148,268. Ср.: Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима... М.—Л., 1927. Т.7. С.121; Веховский А.И. Мемуары дипломата. М., 1991. С.162; Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.156,224; Шаховской В.Н. Sic transit gloria mundi // РВ. 1995. Кн.62. С.128; Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С.85.

¹⁶⁷ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.665.

¹⁶⁸ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.122; А.В.Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А.И.Гучкова, А.Д.Протопопова, П.Б.Струве // РП. 1994. Кн.5. С.44.

¹⁶⁹ Савич Н.В. Указ. соч. С.91. Ср.: Показания А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима... М.—Л., 1926. Т.6. С.253; Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927. С.55; Веховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С.59. Об А.И.Гучкове см.: Сенин А.С. А.И.Гучков. М., 1996; Menashe L. Alexander Guchkov and the Origins of the Octobrist Party: The Russian Bourgeoisie in Politics. N. Y., 1966; Gleason W. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire. Philadelphia, 1983.

¹⁷⁰ Тхоржевский И.И. Указ. соч. С.136; А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.43; Кривошеин К.А. Указ. соч. С.254.

¹⁷¹ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 11. С.179; Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С.28.

¹⁷² Лукомский А.С. Воспоминания. В 2-х т. Берлин, 1922. Т.1. С.65; А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.46–47.

¹⁷³ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С.354–355.

¹⁷⁴ Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.139.

¹⁷⁵ Из переписки царских сановников накануне войны и революции // КА. 1933. Т.61. С.135.

¹⁷⁶ В.В.Мусин-Пушкин — И.И.Воронцову-Дашкову. 18 января 1915 г. // РГИА. Ф.919. Оп.2. Д.2180. Л.24 об.

¹⁷⁷ Запись заседания Совета министров 23 января 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.119; *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917) // ИГВ. 1994. Вып.3. С.47.

¹⁷⁸ *Куликов С.В.* Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX в. Кишинев—СПб., 2000. С.264–268.

¹⁷⁹ *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // РП. 1996. Кн.7. С.330; П.Л.Барк — А.А.Риттиху. 9 сентября 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.439; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.117. Ср.: *Тимашев С.И.* Кабинет Столыпина. Из «Записок» министра торговли и промышленности // РП. 1996. Кн.6. С.111; Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. С.98–101. См. также: *Глинский Б.Б.* К вопросу о титуле «самодержец» (Из истории кодификации Основных законов в 1906 г.) // ИВ. 1913. № 2. С.577; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Сергей Юльевич Витте и его время.* СПб., 1999. С.300–311; *Куликов С.В.* Граф С.Ю.Витте и П.А.Харитонов: эпизод из истории создания Основных государственных законов 1906 г. // С.Ю.Витте — выдающийся государственный деятель России. СПб., 1999.

¹⁸⁰ Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы // РП. 1996. Кн.6. С.160.

¹⁸¹ *Карпович М.М.* Памяти графа П.Н.Игнатъева // НЖ. 1945. Кн.11. С.346; *Игнатъев М.* Русский альбом. Семейная хроника. СПб., 1996. С.93.

¹⁸² *Игнатъев П.Н.* Совет министров в 1915—1916 гг. (Из воспоминаний) // НЖ. 1944. Кн.8. С.303.

¹⁸³ *Верховский А.И.* Указ. соч. С.59.

¹⁸⁴ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.157–158; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.509.

¹⁸⁵ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.157–158.

¹⁸⁶ Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1922. Т.2. С.166,170.

¹⁸⁷ *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.2. С.167.

¹⁸⁸ Выступление И.Л.Горемыкина. 27 января 1915 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 3. Пг., 1915. С.11–12.

¹⁸⁹ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.656.

¹⁹⁰ *Туган-Барановский Н.И.* Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 31 января 1915 г. // РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1223. Л.1–12.

¹⁹¹ *Ключев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.15. Л.115. Ср.: *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.131–132.

¹⁹² *Гурко В.И.* Царь и царица. Киров, 1991. С.59; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.211.

¹⁹³ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным за время с 1-го января 1915 г. по 8-е февраля 1916 г. // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии. М., 1990. С.266.

¹⁹⁴ Запись заседания Совета министров 13 марта 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.150–151; *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С.48.

¹⁹⁵ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1965. Кн.167. С.83; *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62–63. С.157.

¹⁹⁶ М.М.Андроников — А.А.Вырубовой. 25 апреля 1915 г. // РГИА. Ф.1617. Оп.1. Д.64. Л.6; *Сухомлинов В.А.* Дневник генерала Сухомлинова // ДД. 1920. Кн.1. С.229; Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.46. Подробнее о деле С.Н.Мясоедова см.: *Шаццло К.Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // ВИ. 1967. № 4.

¹⁹⁷ *Верховский А.И.* Указ. соч. С.59.

¹⁹⁸ В.В.Мусин-Пушкин — А.В.Кривошеину. 1 марта 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.41–42 об.

¹⁹⁹ П.Л.Барк — А.А.Риттиху. 9 сентября 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.435.

²⁰⁰ *Дякин В.С.* Царизм и Первая мировая война. С.552.

²⁰¹ Запись заседания Совета министров 29 мая 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.170,171,172; Записка И.Н.Лодыженского о заседании Совета министров 29 мая 1915 г. // Там же. С.397. О создании Особого совещания и последующем изменении его статуса см.: *Тарновский К.Н.* Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны. М., 1958. С.42–46; *Кручина Т.Д.* Политический кризис лета 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // ИЗ. 1969. Т.83. С.64–70; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С.55–73; *Сомов С.А.* О «майском» Особом совещании // ИСССР. 1973. № 3. С.112–123; *Дякин В.С.* Царизм и Первая мировая война. С.551–552,555–558; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* На пути к летнему

политическому кризису 1915 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999. С.485–486. См. также: *Воронкова С.В.* Материалы Особого совещания по обороне государства. Источниковедческое исследование. М., 1975.

²⁰² Высочайше утвержденное 7 июня 1915 г. Положение Совета министров «Об утверждении Положения об Особом совещании для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Пг., 1916. Т.2. С.130–136.

²⁰³ *Ключев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.14. Л.167; *Андрей Владимирович.* Дневник [бывшего] великого князя Андрея Владимировича. 1915 г. Л., 1925. С.45.

²⁰⁴ Именные высочайшие указы 11 января 1915 г. «О перерыве и сроке возобновления занятий Государственного совета» и «О перерыве и сроке возобновления занятий Государственной думы» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.1. С.429.

²⁰⁵ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С.350. Об относящейся к маю–июлю 1915 г. борьбе А.В.Кривошеина и его единомышленников за дальнейшую либерализацию правительственного курса и отношении к этому Думы см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.77–81; *он же.* Царизм и Первая мировая война. С.553–555; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.86–89; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С.135–142; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. С.34–37; *он же.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С.78–86; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* На пути к летнему политическому кризису 1915 г. С.482–484,487–490.

²⁰⁶ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.574.

²⁰⁷ В.В.Мусин-Пушкин — А.В.Кривошеину. 28 мая 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.31–34 об.

²⁰⁸ М.М.Андроников — В.М.Андроникову. 15 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1617. Оп.1. Д.61. Л.3 об.

²⁰⁹ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.169. С.78–79.

²¹⁰ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.531.

²¹¹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.180.

²¹² *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.531.

²¹³ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.97–99. См. также: *Сухомлинов В.А.* Дневник генерала Сухомлинова. С.234; Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.72; *Войков В.Н.* Указ. соч. С.87.

²¹⁴ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.569.

²¹⁵ Распутин в Москве в 1915 г. (Из дел московской «охранки») // Утро России. 1917. 9 марта; *Джанумова Е.Ф.* Мои встречи с Распутиным. Пг.—М., 1923. С.11–12; Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.151; Допрос генерала В.Ф.Джунковского // Там же. Т.5. С.105,109.

²¹⁶ Допрос генерала В.Ф.Джунковского // Там же. С.104.

²¹⁷ Александра Федоровна — Николаю II. 22 июня 1915 г. // Николай II в секретной переписке. М., 1996. С.165.

²¹⁸ *Ключев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.14. Л.168.

²¹⁹ Николай II — А.С.Танееву. 4 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.16. Д.37. Л.93.

²²⁰ *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С.48–49.

²²¹ Александра Федоровна — Николаю II. 12, 15, 16, 20 и 22 июня 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.150,154–157,164,167,171.

²²² *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.125.

²²³ *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). С.317.

²²⁴ Показания князя В.М.Волконского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.134–135.

²²⁵ Николай II — Александре Федоровне. 15 июня 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.154.

²²⁶ *Туган-Барановский Н.И.* Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 1 июня 1915 г. // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29633. Л.99–102.

²²⁷ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.533; *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.160.

²²⁸ Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. // КА. 1933. Т.59. С.119. О кадетях периода войны см.: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. О П.Н.Милокове см.: *Вандалковская М.Г.* П.Н.Милоков, А.А.Кизеветтер: история и политика. М., 1992; *Думова Н.Г.* Либерал в России. Трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н.Милокова. М., 1993; *Макушин А.В., Трибунский П.А.* Павел Николаевич Милоков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001; *Riha T.* A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. Notre Dame—Lnd., 1969; *Stockdale M.K.* Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918. Ithaca—Lnd., 1996; *Bohn T.M.* Russische Geschichtswissenschaft von 1880 bis 1905. Pavel N. Miljukov und die Moskauer Schule. Köln—Weimar—Wien, 1998.

²²⁹ *Струве П.Б.* Россия страшно выросла // Биржевые ведомости. 1915. 20 октября; А.Н.Яхонтов — В.И.Гурко. 19 декабря 1925 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.487.

²³⁰ *Оболенский В.А.* Указ. соч. С.349.

²³¹ *Тыркова А.В.* То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998. С.508.

- ²³² А.А.Стахович — А.В.Кривошеину. 6 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.320. Л.1-2.
- ²³³ А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.50-51. О позиции П.Б.Струве во время войн см.: *Pipes R. Struve: Liberal on the Right, 1905-1944. Cambridge-Lnd., 1980.*
- ²³⁴ В.В.Мусин-Пушкин — А.В.Кривошеину. Не ранее 11 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.23-26 об.
- ²³⁵ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.135.
- ²³⁶ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.582.
- ²³⁷ А.В.Герасимов — А.В.Кривошеину. 16 июля 1915 г. // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29633. Л.24-25 об.
- ²³⁸ *Туган-Барановский Н.И.* Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 1 июня 1915 г. // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29633. Л.99-102.
- ²³⁹ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.157.
- ²⁴⁰ Запись заседания Совета министров 26 июня 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.191.
- ²⁴¹ *Игнатьев П.Н.* Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.8. С.308-309.
- ²⁴² Запись заседания Совета министров 7 июля 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.197.
- ²⁴³ Именной высочайший указ 8 июля 1915 г. «О возобновлении занятий Государственного совета и Государственной думы» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.2. С.172.
- ²⁴⁴ М.М.Андроников — В.М.Андроникову. 10 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1617. Оп.1. Д.61. Л.2 об.
- ²⁴⁵ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.182.
- ²⁴⁶ Комитет обороны // Русские ведомости. 1915. 12 июня; Информация Департамента полиции о разработке прогрессистами проекта Положения о Комитете национальной обороны. 11 июня 1915 г.; Доклад Фракции прогрессистов «О тактике Фракции прогрессистов в IV Государственной думе по вопросам ответственного министерства, вхождения в особые совещания при министрах, о подоходном налоге; образование Прогрессивного блока». Сентябрь 1915 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906—1916 гг. М., 2002. С.334,349-350.
- ²⁴⁷ Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.). Составлено А.Н.Яхонтовым, [бывшим] помощником управляющего делами Совета министров, на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам // АРР. 1926. Т.18. С.22.
- ²⁴⁸ Текст декларации см.: Ораторы России в Государственной думе (1906—1917). Т.2. С.85-89.
- ²⁴⁹ Тяжелые дни. С.23,27.
- ²⁵⁰ П.Н.Игнатьев — С.Н.Васильчиковой. 30 июля 1915 г. // РГИА. Ф.651. Оп.1. Д.1074. Л.1.
- ²⁵¹ *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С.49.
- ²⁵² *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.170. С.96—97. См. также: Показания С.П.Белешко // Падение царского режима. Т.4. С.470; *Волконский С.М.* Мои воспоминания. В 2-х т. М., 1992. Т.2. С.82,151.
- ²⁵³ *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С.139-140.
- ²⁵⁴ *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. Кн.1. С.137,139-140.
- ²⁵⁵ *Сидоров А.А.* Из записок московского цензора // ГМ. 1918. № 1-3. С.106.
- ²⁵⁶ Г.А.Евреинов — И.Л.Горемыкину. 31 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.745. Л.49; *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868—1917. В 2-х т. Нью-Йорк, 1955. Т.2. С.300.
- ²⁵⁷ Тяжелые дни. С.37-38.
- ²⁵⁸ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.173. С.109.
- ²⁵⁹ Тяжелые дни. С.39.
- ²⁶⁰ Распоряжение, объявленное Правительствующему сенату министром внутренних дел, «О разрешении евреям жительства в городских поселениях вне черты общей их оседлости, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министров Императорского двора и военного» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.2. С.297.
- ²⁶¹ А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.51-52. Подробнее о политике кабинета И.Л.Горемыкина в еврейском вопросе см.: *Ганелин Р.Ш.* Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915—1916 гг. // ВЕУ. 1995. № 3 (10); *он же.* Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. // Там же. 1997. № 1 (14).
- ²⁶² Допрос князя Н.Б.Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.229.
- ²⁶³ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.208-209.
- ²⁶⁴ *Симанович А.С.* Указ. соч. С.31.
- ²⁶⁵ Об их образовании и деятельности см.: *Погребинский А.П.* К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны // ИЗ. 1941. Т.12; *Юрий М.Ф.* Буржуазные военно-общественные организации в Первую мировую войну. М., 1990; *Астаиов А.Б.* Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // ОИ. 1992. № 6; *Шевырин В.М.* Земский и Городской союзы. 1914—1917. М., 2000; *он же.* Власть и общественные организации в России (1914—1917). Аналитический обзор. М., 2003; *Судацев Н.Д.* Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.—Ставрополь, 2001; *Gleason W.* The All-Russian

- Union of Towns and the Politics of Urban Reform in Tsarist Russia // Russian Review. 1976. Vol.35, № 3; *он же.* The All-Russian Union of Zemstvos and World War I // The Zemstvo in Russia. Cambridge, 1982; *Fallows T.* Politics and the War Effort in Russia: The Union of Zemstvos and the Organization of the Food Supply. 1914—1916 // Slavic Review. 1978. Vol.37, № 1. См. также: *Маузоуто К.* Земство во время Первой мировой войны. Межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен. Политологический подход. Саппоро, 2001.
- ²⁶⁶ Запись заседания Совета министров 28 июля 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.22,363. Подробнее об этом см.: *Булгакова Л.А.* Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям.
- ²⁶⁷ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.306.
- ²⁶⁸ Тяжелые дни. С.134; Запись заседания Совета министров 19 августа 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.51-52.
- ²⁶⁹ Особый журнал Совета министров 30 июля 1914 г. (по журналу дел, решаемых его собственной властью) «О разрешении съезда в Москве городских голов Европейской России для обсуждения некоторых вопросов, связанных с войною» // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.72. Л.133.
- ²⁷⁰ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т.2. С.173; *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С.299. См. также: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С.29-51.
- ²⁷¹ *Курлов П.Г.* Указ. соч. С.183-184.
- ²⁷² *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., 1991. С.130.
- ²⁷³ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т.2. С.171.
- ²⁷⁴ *Трубецкой С.Е.* Указ. соч. С.119.
- ²⁷⁵ *Друцкий-Соколинский В.А.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914—1918 гг.). Орел, 1994. С.146; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.651.
- ²⁷⁶ Показания А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.259; Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.306-307.
- ²⁷⁷ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.128.
- ²⁷⁸ Александра Федоровна — Николаю II. 18 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.246.
- ²⁷⁹ Особый журнал Совета министров 1 августа 1914 г. (по журналу дел, решаемых его собственной властью) «О порядке закупки и заготовки, по требованиям Военного ведомства, необходимых для нужд армии произведений сельского хозяйства и связанных с ним подсобных промыслов» // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.73. Л.9-11.
- ²⁸⁰ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.480.
- ²⁸¹ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.391-392.
- ²⁸² *Толстой И.И.* Дневник. С.536.
- ²⁸³ Запись заседания Совета министров 3 августа 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.33-34.
- ²⁸⁴ Особый журнал Совета министров 9 августа 1914 г. (по журналу дел, решаемых его собственной властью) «Об отпуске из средств Государственного казначейства пособия Всероссийскому земскому союзу помощи больным и раненым воинам» // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.73. Л.60-61 об.
- ²⁸⁵ Запись заседания Совета министров 9 августа 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.40-41.
- ²⁸⁶ *Александр Михайлович.* Указ. соч. С.136.
- ²⁸⁷ *Толстой И.И.* Дневник. С.538.
- ²⁸⁸ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.647-648.
- ²⁸⁹ Запись заседания Совета министров 9 августа 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.40-41.
- ²⁹⁰ П.Л.Барк — А.Н.Яхонтову. 11 декабря 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.453.
- ²⁹¹ *Оболенский В.А.* Указ. соч. С.261.
- ²⁹² *Туган-Барановский Н.И.* Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 31 января 1915 г. // РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1223. Л.1-12; Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.114.
- ²⁹³ Записи заседаний Совета министров 9 и 14 августа 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.40-41,47.
- ²⁹⁴ Особый журнал Совета министров 14 августа 1914 г. (по журналу дел, решаемых его собственной властью) «Об учреждении Особого совещания по рассмотрению ходатайств о пособиях на организацию помощи больным и раненым воинам» // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.73. Л.106-107.
- ²⁹⁵ П.Л.Барк — А.Н.Яхонтову. 11 декабря 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.453.
- ²⁹⁶ *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). С.298.
- ²⁹⁷ А.И.Маликов — И.Н.Лодыженскому. 3 июня 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1268. Л.2.
- ²⁹⁸ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.647-648.

²⁹⁹ Запись заседания Совета министров 19 августа 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.51–52.

³⁰⁰ Полнер Т.И. Жизненный путь князя Г.Е.Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001. С.255.

³⁰¹ Записи заседаний Совета министров 16, 25 и 29 августа 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.49,54,58.

³⁰² Толстой И.И. Дневник. С.546.

³⁰³ Запись заседания Совета министров 16 сентября 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.69.

³⁰⁴ Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). С.298–299; Туган-Барановский Н.И. Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 31 января 1915 г. // РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1223. Л.1–12.

³⁰⁵ Яхонтов А.Н. Записи о секретных заседаниях Совета министров // НЖ. 2000. Кн.221. С.91.

³⁰⁶ Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т.2. С.474.

³⁰⁷ Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919–1922 гг. // РА. 1998. Т.8. С.215.

³⁰⁸ Полнер Т.И. Указ. соч. С.281.

³⁰⁹ «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К.Н.Пасхалова 1914–1917 гг. // Источник. 1995. № 6. С.6.

³¹⁰ Обращение Главного совета СРН с призывом к пожертвованиям на лазарет для раненых воинов. Сентябрь 1914 г. // Правые партии. Т.2. С.435.

³¹¹ Рептильный фонд 1914–1916 гг. // КА. 1925. Т.10. С.333–338.

³¹² Запись заседания Совета министров 21 августа 1914 г. // Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. С.53.

³¹³ Особый журнал Совета министров 10 февраля 1915 г. «Об отпуске Юго-Западному областному комитету по оказанию помощи раненым 1 000 000 рублей для удовлетворения продовольственной нужды населения Восточной Галиции» // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.83. Л.52–53.

³¹⁴ Запись заседания Совета министров 17 февраля 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.133,389.

³¹⁵ Особый журнал Совета министров 17 февраля 1915 г. «Об отпуске 10 000 000 рублей Юго-Западному областному комитету для оказания населению Восточной Галиции семенной помощи, а также для снабжения его лошадьми» // НСБ РГИА. Коллекция печатных копий Особых журналов Совета министров.

³¹⁶ Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). С.299–300.

³¹⁷ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.306.

³¹⁸ Запись заседания Совета министров 25 ноября 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.105.

³¹⁹ Записка Московского охранного отделения по общественному движению. 22 сентября 1914 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. М.—Л., 1927. С.2.

³²⁰ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931. С.91.

³²¹ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.306–307.

³²² Особый журнал Совета министров от 25 ноября 1914 г. (по журналу дел, решаемых его собственной властью) «По записке министра внутренних дел от 18 ноября 1914 г., за № 11958, о Земском и Городском союзах помощи больным и раненым воинам» // НСБ РГИА. Коллекция печатных копий Особых журналов Совета министров.

³²³ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.306.

³²⁴ Ср.: Черменский Е.Д. Указ. соч. С.71.

³²⁵ Запись заседания Совета министров 12 декабря 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.108.

³²⁶ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.86–87.

³²⁷ Запись заседания Совета министров 12 декабря 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.108–109.

³²⁸ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.87.

³²⁹ Запись заседания Совета министров 10 января 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.115.

³³⁰ Толстой И.И. Дневник. С.580,582.

³³¹ Запись заседания Совета министров 31 января 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.121.

³³² Туган-Барановский Н.И. Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 31 января 1915 г. // РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1223. Л.1–12.

³³³ Запись заседания Совета министров 27 февраля 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.139–142.

³³⁴ Николай II. Дневники императора Николая II. С.520; Соколов Н.А. Указ. соч. С.215.

³³⁵ Запись заседания Совета министров 19 мая 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.166.

³³⁶ Туган-Барановский Н.И. Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 1 июня 1915 г. // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29633. Л.99 об. Ср.: Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.177.

³³⁷ Запись заседания Совета министров 29 мая 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.169.

³³⁸ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С.91.

³³⁹ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. В 3-х т. Нью-Йорк, 1960. Т.1. С.160. Ср.: Воейков В.Н. Указ. соч. С.87–88. Летом 1915 г. некоторые оппозиционеры стали сторонниками не просто переворота, а революции. Член ЦК Партии прогрессистов А.Н.Брянчанинов после беседы с А.И.Гучковым заявил французскому послу 31 июля 1915 г., что Россию можно спасти «только посредством национальной революции» (Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.195–197; Партаненко Т.В. Мемуары Мориса Палеолога о России. Опыт неудачного издания // ИГВ. 1996. Вып.6. С.157).

³⁴⁰ Полнер Т.И. Указ. соч. С.267.

³⁴¹ Об их образовании и деятельности см.: Погребинский А.П. Военно-промышленные комитеты // ИЗ. 1941. Т.11; Сидоров А.Л. Указ. соч. С.191–212; Юрий М.Ф. Центральный военно-промышленный комитет. 1915–1917 гг. Организационное устройство и деятельность. Черновцы, 1986; он же. IX съезд представителей промышленности и торговли и образование Центрального военно-промышленного комитета // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы и факты. М., 1989; он же. Буржуазные военно-общественные организации в Первую мировую войну; Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996; Siegelbaum L. The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917: A Study of the War-Industries Committees. N. Y., 1983.

³⁴² Бартев А.Н. На фронте артиллерийского снабжения // Былое. 1925. № 34. С.164.

³⁴³ Журнал № 43 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 27 января 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. М., 1977. С.59.

³⁴⁴ Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 15 марта 1916 г.) // ВИ. 1994. № 11. С.138–139.

³⁴⁵ Протопопов А.Д. Предсмертная записка // ГМЧС. 1926. № 2. С.182.

³⁴⁶ Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.63. С.173.

³⁴⁷ Журналы № 9, 12, 17 и 19 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседания 24 июня, 4, 22 и 31 июля 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. М., 1975. С.80,107,150,168.

³⁴⁸ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.182.

³⁴⁹ Сухомлинов В.А. Дневник генерала Сухомлинова. С.235; Глинка Я.В. Указ. соч. С.139.

³⁵⁰ Всеподанный доклад А.С.Танеева. 20 ноября 1915 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.16. Д.37. Л.103.

³⁵¹ Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.77.

³⁵² См. о нем: Акимов Г.С. Российская буржуазия в годы первой мировой войны (Деятельность Земгора) // ВИ. 1974. № 10; Шубин Н.А. Общественные организации и государственные структуры в Первую мировую войну. Опыт сотрудничества в снабжении фронта // Армагеддон. Актуальные вопросы истории, философии, культурологии. М., 1999. Кн.3.

³⁵³ Журнал № 93 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 3 августа 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. М., 1977. С.442.

³⁵⁴ Журнал № 11 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседание 1 июля 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. М., 1975. С.97.

³⁵⁵ Толстой И.И. Дневник. С.650–651.

³⁵⁶ Из письма директора Департамента полиции московскому градоначальнику В.Н.Шебеко. 14 июня 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.108.

³⁵⁷ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С.594,606.

³⁵⁸ Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.63. С.172.

³⁵⁹ Тяжелые дни. С.36.

³⁶⁰ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.204,206.

³⁶¹ Игнатьев П.Н. Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.8. С.307.

³⁶² Высочайше утвержденное 27 августа 1915 г. Положение Совета министров «Об утверждении Положения о военно-промышленных комитетах» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.2. С.316–318.

³⁶³ Журналы № 21, 23 и 24 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседания 8, 15 и 19 августа 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. С.182,199,206.

³⁶⁴ Из письма директора Департамента полиции московскому градоначальнику В.Н.Шебеко. 14 июня 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.108.

- ³⁶⁵ В.В.Мусин-Пушкин — А.В.Кривошеину. 16 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.14 об.
- ³⁶⁶ Тяжелые дни. С.77.
- ³⁶⁷ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.221-222.
- ³⁶⁸ Тяжелые дни. С.89-90,98.
- ³⁶⁹ *Верховский А.И.* Указ. соч. С.155. Об отношении к рабочим группам лидеров социал-демократии см.: *Юрий М.Ф.* Меншевики и «рабочие группы» в военно-промышленных комитетах // *Непролетарские партии России в трех революциях*: Сб. ст. М., 1989.
- ³⁷⁰ Тяжелые дни. С.101-102.
- ³⁷¹ О политической роли Ставки и ее отношениях с правительством в первый год войны см.: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.184-190; *Флоринский М.Ф.* Ставка верховного главнокомандующего и правительство России в начальный период Первой мировой войны (июль 1914 — апрель 1915) // ВСПУ. Сер. «История». 1994. № 1; Из истории борьбы в верхах... С.148-180; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.11-23; *они же.* На пути к летнему политическому кризису 1915 г. С.474-483; *Айрапетов О.Р.* Поездка Николая II в Галицию весной 1915 г. и политическая борьба в русских военных кругах // ВМУ. Сер.8. История. 2000. № 1.
- ³⁷² В.Н.Орлов — А.В.Кривошеину. 1 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.295. Л.18-19; *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.83; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.280; *Родигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999. Т.2. С.55.
- ³⁷³ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.7; *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.81,85; *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.124.
- ³⁷⁴ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.83.
- ³⁷⁵ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.204; *Друцкой-Соколинский В.А.* Указ. соч. С.34.
- ³⁷⁶ Показания бывшего начальника Штаба верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Янушкевича, данные Чрезвычайной следственной комиссии // Русско-польские отношения в период Мировой войны. М.—Л., 1926. С.137.
- ³⁷⁷ *Данилов Ю.Н.* На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской монархии. М., 2000. С.126.
- ³⁷⁸ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.143.
- ³⁷⁹ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.85; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.299,318.
- ³⁸⁰ Показания бывшего начальника Штаба верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Янушкевича... С.138. О политике Ставки и правительства в польском вопросе во второй половине 1914 г. см.: *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С.57-69.
- ³⁸¹ Н.Н.Янушкевич — А.В.Кривошеину. Не позднее 21 сентября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.7; Показания бывшего начальника Штаба верховного главнокомандующего генерала от инфантерии Янушкевича... С.140; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. С.80.
- ³⁸² Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.121.
- ³⁸³ *Сухомлинов В.А.* Дневник генерала Сухомлинова. С.222.
- ³⁸⁴ Мемория Совета министров 20 и 30 октября и 5, 12 и 15 ноября 1914 г. // Русско-польские отношения... С.16.
- ³⁸⁵ *Тыркова А.В.* Дневник // ГАРФ. Ф.629. Оп.1. Д.18. Л.9-10.
- ³⁸⁶ Ср.: *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.64-65.
- ³⁸⁷ Милица Николаевна — А.В.Кривошеину. 14 сентября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.289. Л.1-4 об.
- ³⁸⁸ Копия записки великой княгини Милицы Николаевны. Не позднее середины сентября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.245. Л.80-80 об.; Милица Николаевна — А.В.Кривошеину. Не позднее середины сентября 1914 г. // Там же. Д.289. Л.9.
- ³⁸⁹ А.В.Кривошеин — Милице Николаевне. 19 сентября 1914 г. Черновик // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.245. Л.93-94.
- ³⁹⁰ Н.Н.Янушкевич — А.В.Кривошеину. Не позднее 21 сентября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.10 об. О координации деятельности военной и гражданской власти при управлении оккупированными территориями см.: *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914—1917 гг.). Л., 1988. С.154-192; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война. С.11-17,18-20.
- ³⁹¹ *Толстой И.И.* Дневник. С.561.
- ³⁹² А.И.Звегинцев — В.Н.Орлову. 25 октября 1914 г. Копия // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.295. Л.12-13; Из истории борьбы в верхах... С.156.
- ³⁹³ Там же. С.155-157.
- ³⁹⁴ Там же. С.156.
- ³⁹⁵ Мемория Совета министров 20 и 30 октября и 5, 12 и 15 ноября 1914 г. // Русско-польские отношения... С.17.

- ³⁹⁶ А.И.Звегинцев — В.Н.Орлову. 25 октября 1914 г. Копия // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.295. Л.12-13.
- ³⁹⁷ *Сухомлинов В.А.* Дневник генерала Сухомлинова. С.226.
- ³⁹⁸ Мемория Совета министров 20 и 30 октября и 5,12 и 15 ноября 1914 г. // Русско-польские отношения... С.19.
- ³⁹⁹ А.В.Кривошеин — Н.Н.Янушкевичу. Не позднее 15 ноября 1914 г. Черновик // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.245. Л.90-90 об.
- ⁴⁰⁰ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.498.
- ⁴⁰¹ Заключение главнокомандующего от 22 ноября 1914 г. // Русско-польские отношения... С.24.
- ⁴⁰² Запись заседания Совета министров 25 ноября 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.105.
- ⁴⁰³ Н.Н.Янушкевич — А.В.Кривошеину. 11 и 20 ноября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.3-4,15-18 об.; Заключение главнокомандующего от 22 ноября 1914 г. // Русско-польские отношения... С.24; Н.Н.Янушкевич — И.Л.Горемыкину. 3 декабря 1914 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.80. Л.4-4 об.
- ⁴⁰⁴ Записи заседаний Совета министров 7 и 14 ноября 1914 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.95,97-98. См. также: Арест думской «пятерки» в 1914 г. // КА. 1934. Т.64. С.31-51.
- ⁴⁰⁵ Н.Н.Янушкевич — А.В.Кривошеину. 11 ноября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.15-18 об.; А.В.Кривошеин — Н.Н.Янушкевичу. Не ранее 11 ноября 1914 г. Черновик // Там же. Д.245. Л.91-91 об.
- ⁴⁰⁶ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.580.
- ⁴⁰⁷ Записи заседаний Совета министров 5 декабря 1914 г. и 16 января 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.108,116.
- ⁴⁰⁸ Из истории борьбы в верхах... С.159.
- ⁴⁰⁹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.504.
- ⁴¹⁰ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.134.
- ⁴¹¹ Н.Н.Янушкевич — И.Л.Горемыкину. 15 декабря 1914 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.80. Л.16; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.215-216.
- ⁴¹² Н.Н.Янушкевич — И.Л.Горемыкину. 25 декабря 1914 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.80. Л.4.
- ⁴¹³ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.150.
- ⁴¹⁴ М.М.Андроников — А.А.Вырубовой 24 ноября 1914 г. // РГИА. Ф.1617. Оп.1. Д.64. Л.1-1 об.; М.М.Андроников — Николаю Николаевичу. 12 декабря 1914 г. // Там же. Д.73. Л.2; Допрос И.Л.Горемыкина. 15 мая 1917 г. // Падение царского режима. Т.3. С.319; *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.86; Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.123; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.185.
- ⁴¹⁵ Из истории борьбы в верхах... С.157.
- ⁴¹⁶ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.504.
- ⁴¹⁷ Из истории борьбы в верхах... С.157-158.
- ⁴¹⁸ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.505.
- ⁴¹⁹ Из истории борьбы в верхах... С.158.
- ⁴²⁰ А.А.Бобринский — Д.А.Шереметевой. 3 января 1915 г. // РГИА. Ф.899. Оп.1. Д.150. Л.8; Н.Б.Шербаков — А.В.Кривошеину. 12 января 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.213. Л.3-6 об.; Из переписки царских сановников накануне войны и революции // КА. 1933. Т.61. С.135.
- ⁴²¹ Николай Николаевич — А.В.Кривошеину. 6 января 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.310. Л.3; Всеподданнейший доклад А.В.Кривошеина. 7 января 1915 г. // Там же. Д.324. Л.26; *Лемке М.К.* 250 дней в Царской Ставке. [С]Пб., 1921. С.204.
- ⁴²² *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.88.
- ⁴²³ *Куликов С.В.* Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906—1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 2000. Вып.2. С.97. Ср.: Из переписки Николая II с министрами // Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.—Л., 1927. С.92.
- ⁴²⁴ В.Н.Орлов — Н.Н.Янушкевичу. 2 апреля 1915 г. // РГВИА. Ф.276. Оп.1. Д.25. Л.55-54 об.
- ⁴²⁵ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.129.
- ⁴²⁶ В.К.Саблер — И.Л.Горемыкину. 12 марта 1915 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.1442. Л.140-143 об.
- ⁴²⁷ В.А.Сухомлинов — И.Л.Горемыкину. 5 и 7 апреля 1915 г. Копии // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29633. Л.51-52,53 об.
- ⁴²⁸ Н.Н.Янушкевич — А.В.Кривошеину. Не позднее 22 марта 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.1-2 об.
- ⁴²⁹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.522.
- ⁴³⁰ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.199. См. также: Высочайшее повеление 1 мая 1915 г. «О предоставлении Крестьянскому поземельному банку покупать за свой счет земли подданных и выходцев враждебных держав» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.2. С.89.

- ⁴³¹ Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.34.
⁴³² Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62–63. С.140.
⁴³³ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.92. Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.40–41.
⁴³⁴ Запись заседания 6 марта 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.144–145.
⁴³⁵ Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62–63. С.142–143. Ср.: Родзянко М.В. Крушение Империи. С.92.
⁴³⁶ Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.58.
⁴³⁷ Николай II. Дневники императора Николая II. С.528.
⁴³⁸ Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.61.
⁴³⁹ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.93–94.
⁴⁴⁰ Примечания // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. С.537–538. Ср.: Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1923. Т.3. С.58.
⁴⁴¹ В.Н.Орлов — Н.Н.Янушкевичу. 23 мая 1915 г. // РГВИА. Ф.276. Оп.1. Д.25. Л.63 об.
⁴⁴² Из истории борьбы в верхах... С.162–163.
⁴⁴³ Николай Николаевич — А.В.Кривошеину. 6 июня 1915 г.; Всеподданнейший доклад А.В.Кривошеина. 8 июня 1915 г. // РГИА. Ф.381. Оп.46. Д.203. Л.33,34.
⁴⁴⁴ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.279; Воейков В.Н. Указ. соч. С.79.
⁴⁴⁵ М.М.Андроников — В.М.Андроникову. 10 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1617. Оп.1. Д.61. Л.1; Встреча в Ставке. Николай II и А.Д.Самарин. Июнь 1915 г. // ИА. 1996. № 2. С.184; Николай II — Александре Федоровне. 12 июня 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.148; Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.288. О назначении А.Д.Самарина перед верховным ходатайствовал В.Н.Орлов, который рассматривал это назначение как залог освобождения церкви от влияния Г.Е.Распутина (В.Н.Орлов — А.Ф.Гейдену. 27 июля 1915 г. // РГВИА. Ф.276. Оп.1. Д.27. Л.78).
⁴⁴⁶ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.137.
⁴⁴⁷ Андрей Владимирович. Из дневника великого князя Андрея Владимировича Романова за 1916–1917 гг. // КА. 1928. Т.26. С.197.
⁴⁴⁸ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.317.
⁴⁴⁹ В.Н.Орлов — А.А.Поливанову. 17 июня 1915 г.; В.Н.Орлов — Н.Н.Янушкевичу. 16 июля 1915 г. // РГВИА. Ф.276. Оп.1. Д.25. Л.76,78.
⁴⁵⁰ Спиридович А.И. Указ. соч. Т.1. С.160.
⁴⁵¹ Встреча в Ставке. С.179,182.
⁴⁵² Тяжелые дни. С.70.
⁴⁵³ Встреча в Ставке. С.182.
⁴⁵⁴ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.292.
⁴⁵⁵ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С.269–274.
⁴⁵⁶ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.294.
⁴⁵⁷ Воейков В.Н. Указ. соч. С.87.
⁴⁵⁸ В.В.Мусин-Пушкин — А.В.Кривошеину. Не ранее 11 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.26 об.
⁴⁵⁹ Из истории борьбы в верхах... С.163.
⁴⁶⁰ Воейков В.Н. Указ. соч. С.81.
⁴⁶¹ Гессен И.В. Указ. соч. С.336.
⁴⁶² Тяжелые дни. С.118.
⁴⁶³ Сидоров А.А. Указ. соч. С.106.
⁴⁶⁴ Текст телеграммы Н.Н.Янушкевича см.: Лемке М.К. Указ. соч. С.406–407.
⁴⁶⁵ Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). С.309–310.
⁴⁶⁶ Тяжелые дни. С.18; Вырубова А.А. Указ. соч. С.156–157; Николай II — Александре Федоровне. 16 июня 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.159; Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.269. Ср.: Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.196.
⁴⁶⁷ П.Л.Барк — А.А.Риттиху. 9 сентября 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.440. Антисемитизм Н.Н.Янушкевича, противоречивший его либеральным взглядам, подпитывали галицийские и польские общественные деятели, в частности — председатель Русского народного совета Прикарпатской Руси В.Ф.Дудыкевич (Н.Н.Янушкевич — А.В.Кривошеину. Не позднее 21 сентября 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.7).
⁴⁶⁸ Н.Н.Янушкевич — А.В.Кривошеину. 22 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.344. Л.5–6; Тяжелые дни. С.23.
⁴⁶⁹ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.196.
⁴⁷⁰ Из истории борьбы в верхах... С.164.
⁴⁷¹ О противоречиях между Ставкой и правительством как одной из основных причин принятия царем верховного главнокомандования см.: Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и Первая мировая война. С.15–20; они же. На пути к летнему политическому кризису 1915 г. С.490–491. См. также: Jones D.R. Nicholas II and the Supreme Command. An Investigation of Motives // Sbornik. Study Group on the Russian Revolution. 1985. № 2.

- ⁴⁷² Аврех А.А. Царизм накануне свержения. С.34–36.
⁴⁷³ Симанович А.С. Указ. соч. С.61,62.
⁴⁷⁴ Тяжелые дни. С.70; Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С.271,274.
⁴⁷⁵ Ср.: Аврех А.А. Царизм накануне свержения. С.34,35,51.
⁴⁷⁶ Николай II — Александре Федоровне. 8 августа 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.525. См. также: Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.207; Толстой И.И. Дневник. С.668.
⁴⁷⁷ Вырубова А.А. Указ. соч. С.156.
⁴⁷⁸ Тяжелые дни. С.26,54; Николай II. Дневники императора Николая II. С.540.
⁴⁷⁹ Камер-фурьерский журнал за июль 1915 г. // РГИА. Ф.516. Оп.219/2728. Д.41. Л.47,55 об.
⁴⁸⁰ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.203.
⁴⁸¹ Николай II. Дневники императора Николая II. С.531,541–542.
⁴⁸² Из истории борьбы в верхах... С.164–165. Ср.: Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. На пути к летнему политическому кризису 1915 г. С.496.
⁴⁸³ Камер-фурьерский журнал за август 1915 г. // РГИА. Ф.516. Оп.219/2728. Д.41. Л.81.
⁴⁸⁴ Николай Николаевич — М.В.Алексееву. 9 августа 1915 г. // РГВИА. Ф.55. Оп.4. Д.1. Л.1.
⁴⁸⁵ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.5а об.
⁴⁸⁶ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.204.
⁴⁸⁷ Тяжелые дни. С.55,56.
⁴⁸⁸ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.210.
⁴⁸⁹ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.306.
⁴⁹⁰ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.211.
⁴⁹¹ Из истории борьбы в верхах... С.166,178.
⁴⁹² Николай Николаевич — М.В.Алексееву. 14 августа 1915 г. // РГВИА. Ф.55. Оп.4. Д.1. Л.2; Андрей Владимирович. Дневник [бывшего] великого князя Андрея Владимировича... С.69.
⁴⁹³ Тяжелые дни. С.59,60.
⁴⁹⁴ Николай II. Дневники императора Николая II. С.542.
⁴⁹⁵ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.103,104.
⁴⁹⁶ Николай II. Дневники императора Николая II. С.542.
⁴⁹⁷ Тяжелые дни. С.67.
⁴⁹⁸ Савич Н.В. Указ. соч. С.158.
⁴⁹⁹ Тяжелые дни. С.67,69.
⁵⁰⁰ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.215–218.
⁵⁰¹ Там же. С.218.
⁵⁰² Лемке М.К. Указ. соч. С.151.
⁵⁰³ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.215; Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.308–309.
⁵⁰⁴ Воейков В.Н. Указ. соч. С.83–84.
⁵⁰⁵ Тяжелые дни. С.56.
⁵⁰⁶ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.221.
⁵⁰⁷ Тяжелые дни. С.67.
⁵⁰⁸ Вырубова А.А. Указ. соч. С.157.
⁵⁰⁹ Камер-фурьерский журнал за август 1915 г. // РГИА. Ф.516. Оп.219/2728. Д.41. Л.103 об.
⁵¹⁰ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.173. С.101.
⁵¹¹ Камер-фурьерский журнал за август 1915 г. // РГИА. Ф.516. Оп.219/2728. Д.41. Л.103 об.
⁵¹² Вырубова А.А. Указ. соч. С.157.
⁵¹³ Тяжелые дни. С.91.
⁵¹⁴ Сазонов С.Д. Указ. соч. С.364.
⁵¹⁵ Игнатиев П.Н. Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.8. С.311.
⁵¹⁶ Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1997. Кн.66. С.168.
⁵¹⁷ Сухомлинов В.А. Воспоминания. М.—Л., 1926. С.243.
⁵¹⁸ Клейнмихель М.Э. Из потонувшего мира. Пг., 1923. С.83.
⁵¹⁹ Государственная дума и военные поражения 1915 г. // Монархия перед крушением. С.270–275.
⁵²⁰ Друцкой-Соколинский В.А. Указ. соч. С.38–39. Ср.: Бубнов А.Д. В Царской ставке. СПб., 1995. С.71.
⁵²¹ Проект выборов в V Государственную думу // Монархия перед крушением. С.231; Друцкой-Соколинский В.А. Указ. соч. С.69.
⁵²² Там же. С.38–39.
⁵²³ Ставка и Министерство иностранных дел // КА. 1928. Т.27. С.53; Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.1. С.311.
⁵²⁴ Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В.Алексеев. СПб., 2000. С.404.
⁵²⁵ Мосолов А.А. Указ. соч. С.76.
⁵²⁶ Образованию и деятельности Прогрессивного блока посвящена обширная литература. См. в частности: Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.—Л., 1926; Грунт А.А. Прогрессивный блок // ВИ. 1945. № 3–4; он же. Прогрессивный блок //

Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т.4; *Климов И.М.* К вопросу об отношении казанской буржуазии к Прогрессивному блоку // Уч. зап. Казанского гос. ун-та. Казань, 1952. Т.112, кн.5.; *Черменский Е.Д.* Указ. соч.; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917); *Лавричев В.Я.* По ту сторону баррикад: Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967; *Слонимский А.Г.* Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 г. Душанбе, 1975; *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг.; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы; *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции; *Шелохаев В.В.* Российские либералы в годы Первой мировой войны // ВИ. 1993. № 8; *Демин В.А.* Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996; *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998. С.500; *Рыбка О.Ю.* Государственная дума в системе власти в начале XX ст. М., 2000; *Rosenberg W.G.* Kadets and the Politics of Ambivalence, 1905–1917 // Essays on Russian Liberalism /Ed. by C.E. Timberlake. Columbia, 1972; *он же.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974; *Hamm M.F.* Liberal Politics in Wartime Russia: An Analysis of Progressive Bloc // Slavic Review. 1974. Vol.33, № 3; *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917. Lnd., 1977; *Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle–Lnd., 1981; *Painc P.* Русская революция. В 2-х ч. М., 1994. Ч.1; *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997. С.154. О роли высшей бюрократии в образовании Блока см.: *Куликов С.В.* Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока.

⁵²⁷ Г.А.Евреинев – И.Л.Горемыкину. 31 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.745. Л.50 об.
⁵²⁸ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.684.
⁵²⁹ Запись заседания Совета министров 26 июня 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.190–191.

⁵³⁰ Выступление П.Н.Милокова. 19 июля 1915 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Пг., 1915. Стб.97.

⁵³¹ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.97.
⁵³² Письма П.Б.Струве С.Д.Сазонову в 1915 г. // КА. 1933. Т.59. С.148.
⁵³³ А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.53–56.
⁵³⁴ *Струве П.Б.* А.В.Кривошеин (некролог) // Руль. 1921. 2 ноября.

⁵³⁵ См. об этом: *Витенберг Б.М.* П.Б.Струве и Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля (1915–1917 гг.) // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 1997. С.217–228; *Pipes R.* Op. cit. P.219–231.

⁵³⁶ *Струве П.Б.* А.В.Кривошеин (некролог) // Руль. 1921. 2 ноября.

⁵³⁷ Об отношении представителей бюрократической элиты к образованию Прогрессивного блока см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.96–102; *он же.* Царизм и Первая мировая война. С. 561–563; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.94–112; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С.142–153; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. С.55–66; *Куликов С.В.* Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока. С.269–298.

⁵³⁸ В.В.Мусин-Пушкин – А.В.Кривошеину. 16 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.13.
⁵³⁹ Показания П.Н.Милокова. 4 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.316.

⁵⁴⁰ Н.П.Муратов – А.Н.Нарышкиной. 7 ноября 1915 г. // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.60. Л.53–54 об.
⁵⁴¹ Речь В.А.Бобринского см.: Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. С.44–52.

⁵⁴² В.В.Мусин-Пушкин – А.В.Кривошеину. 16 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.13; *Кривошеин К.А.* Указ. соч. С.238.

⁵⁴³ Показания П.Н.Милокова. 4 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.316; *Бобринский А.А.* Указ. соч. С. 135; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С.656; Доклад Фракции прогрессистов «О тактике Фракции прогрессистов в IV Государственной думе по вопросам ответственного министерства, вхождения в особые совещания при министрах, о подоходном налоге; образование Прогрессивного блока». Сентябрь 1915 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. С.355.

⁵⁴⁴ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.173. С.97–98.
⁵⁴⁵ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.10.
⁵⁴⁶ В.В.Мусин-Пушкин – А.В.Кривошеину. 9 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.30.
⁵⁴⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.243.

⁵⁴⁸ *Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания за девять лет. В 2-х кн. М., 1936. Кн.2. С.44.
⁵⁴⁹ Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, разработанный группой членов «Союза освобождения». Paris, 1905. С.60.

⁵⁵⁰ *Пуанкаре Р.* Указ. соч. С.44.
⁵⁵¹ В.И.Гурко – А.Н.Яхонтову. 1 декабря 1925 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.484.

⁵⁵² Александра Федоровна – Николаю II. 23 августа 1915 г.; Николай II – Александре Федоровне. 25 августа 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.181,187.

⁵⁵³ *Васильчикова Л.Л.* Указ. соч. С.324.

⁵⁵⁴ В.В.Мусин-Пушкин – А.В.Кривошеину. 9 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.30.
⁵⁵⁵ ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.2097. Л.1; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.98.

⁵⁵⁶ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.10.
⁵⁵⁷ *Кривошеин К.А.* Указ. соч. С.556.

⁵⁵⁸ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.223.

⁵⁵⁹ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.10.
⁵⁶⁰ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.224.

⁵⁶¹ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.50–51. С.137,142.

⁵⁶² Одобренный Государственным советом и Государственной думой и высочайше утвержденный 17 августа 1915 г. закон «Об учреждении особых совещаний для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны, по продовольственному делу и по перевозке топлива и продовольственных и военных грузов» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.2. С.266–297.

⁵⁶³ *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.128.

⁵⁶⁴ Тяжелые дни. С.72.

⁵⁶⁵ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.237.

⁵⁶⁶ В.В.Мусин-Пушкин – А.В.Кривошеину. 16 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.13,14 об.

⁵⁶⁷ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.225.

⁵⁶⁸ Всеподданнейший доклад Б.В.Штурмера. Не ранее 1 ноября 1916 г. Черновик // РГИА. Ф.1276. Оп.8. Д.12. Л.84. Имеются в виду законы 17 августа 1915 г. об особых совещаниях (по обороне государства, продовольствию, перевозкам и топливу).

⁵⁶⁹ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.232.

⁵⁷⁰ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.173. С.101.

⁵⁷¹ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1997. Кн.66. С.164.

⁵⁷² Конспект выступления А.В.Кривошеина на заседании Совета министров 20 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.245. Л.60.

⁵⁷³ Тяжелые дни. С.89.

⁵⁷⁴ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1997. Кн.66. С.166–167.

⁵⁷⁵ В.И.Гурко – А.Н.Яхонтову. 1 декабря 1925 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.485.

⁵⁷⁶ Тяжелые дни. С.84,86,104.

⁵⁷⁷ Допрос генерала А.А.Поливанова. 25 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.200.

⁵⁷⁸ Тяжелые дни. С.99.

⁵⁷⁹ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С.364–365.

⁵⁸⁰ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.84–85.

⁵⁸¹ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.50–51. С.138,142.

⁵⁸² Александра Федоровна – Николаю II. 23 августа 1915 г.; Николай II – Александре Федоровне. 25 августа 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.181, 187.

⁵⁸³ Проект заявления членов Группы центра Государственного совета Н.П.Балашева, А.Д.Зиновьева и П.М. фон Кауфмана-Туркестанского ее председателю. 31 августа 1915 г. // РГИА. Ф.954. Оп.1. Д.306. Л.1.

⁵⁸⁴ Тяжелые дни. С.107,116.

⁵⁸⁵ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.50–51. С.145.

⁵⁸⁶ Донесение московского градоначальника управляющему МВД о собраниях общественных групп и организаций 5 сентября 1915 г. 6 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.43; Доклад Фракции прогрессистов «О тактике Фракции прогрессистов в IV Государственной думе по вопросам ответственного министерства, вхождения в особые совещания при министрах, о подоходном налоге; образование Прогрессивного блока». Сентябрь 1915 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. С.358.

⁵⁸⁷ Тяжелые дни. С.123.

⁵⁸⁸ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 2. С.129.

⁵⁸⁹ Мемория Совета министров 28 августа 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.407.

⁵⁹⁰ Александра Федоровна – Николаю II. 28 августа 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.193.

⁵⁹¹ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.154. Ср.: *Балашев И.П.* Указ. соч. С.20.

⁵⁹² Записка Н.И.Туган-Барановского. 30 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1576. Оп.1. Д.235. Л.1–3 об.

⁵⁹³ Тяжелые дни. С.132–133. Именные высочайшие указы 30 августа 1915 г. «О перерыве и сроке возобновления занятий Государственного совета» и «О перерыве и сроке возобновления занятий Государственной думы» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т.2. С.314–315.

- ⁵⁹⁴ Васильев Н.П. (Гурлянд И.Я.) «Оппозиция». СПб., 1910. С.109–110.
- ⁵⁹⁵ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.29.
- ⁵⁹⁶ Балашев И.П. Указ. соч. С.5.
- ⁵⁹⁷ Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 2. С.129.
- ⁵⁹⁸ Программа «Прогрессивного блока» // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С.76.
- ⁵⁹⁹ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. С.249. См. также: Куликов С.В. Правительственный либерализм нач. XX в. как фактор реформаторского процесса. С.95–97.
- ⁶⁰⁰ Тяжелые дни. С.119.
- ⁶⁰¹ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч.3. Политика. С.237; Основной государственный закон Российской империи... С.22.
- ⁶⁰² Выступление И.Н.Ефремова. 9 февраля 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Пг., 1916. Стб.1334–1335.
- ⁶⁰³ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т.1. Конституционное право. С.474–475. См. также: Доклад Фракции прогрессистов «О тактике Фракции прогрессистов в IV Государственной думе по вопросам ответственного министерства, вхождения в особые совещания при министрах, о подоходном налоге; образование Прогрессивного блока». Сентябрь 1915 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. С.351–352.
- ⁶⁰⁴ Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. С.120; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.2. С.233–234.
- ⁶⁰⁵ Показания П.Н.Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.337.
- ⁶⁰⁶ Милоков П.Н. Воспоминания. Т.2. С.180,183.
- ⁶⁰⁷ Полнер Т.И. Указ. соч. С.283.
- ⁶⁰⁸ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч.3. Политика. С.241; Основной государственный закон Российской империи... С.22,58.
- ⁶⁰⁹ Выступление И.Н.Ефремова. 9 февраля 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.1334–1335; Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.50–51. С.152; 1933. Т. 56. С.101–102.
- ⁶¹⁰ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч.3. Политика. С.241; Основной государственный закон Российской империи... С.22,58; Жилин А.А. Учебник государственного права (пособие к лекциям). Пг., 1916. Т.1. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. С.360; Документы и материалы Второго всероссийского съезда Союза 17 октября и примыкающих к нему партий // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т.1. 1905–1907 гг. С.340.
- ⁶¹¹ Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. С.120.
- ⁶¹² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.685.
- ⁶¹³ Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.50–51. С.144,152; Доклад Фракции прогрессистов «О тактике Фракции прогрессистов в IV Государственной думе по вопросам ответственного министерства, вхождения в особые совещания при министрах, о подоходном налоге; образование Прогрессивного блока». Сентябрь 1915 г. // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. С.357.
- ⁶¹⁴ Показания П.Н.Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.360; Донесение начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции о банкете участников Общеземского и Общегородского съездов. 16 марта 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.94; Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. С.141; Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1933. Т.56. С.83; Шульгин В.В. Дни // Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С.115; Милоков П.Н. История второй русской революции // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С.5.
- ⁶¹⁵ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.101.
- ⁶¹⁶ Глинка Я.В. Указ. соч. С.139.
- ⁶¹⁷ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.172. С.86.
- ⁶¹⁸ Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.206.
- ⁶¹⁹ Доклад Петроградского охранного отделения министру внутренних дел об отношении общественных организаций к аресту рабочей группы. 31 января 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.182.
- ⁶²⁰ Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). С.303.
- ⁶²¹ О политической борьбе в кабинете осенью 1915 г. см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.109–114; он же. Царизм и Первая мировая война. С.567–570; Черменский Е.Д. Указ. соч. С.113–120; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С.158–163,167–168,172–175; Аврех А.А. Царизм накануне свержения. С.87–109; Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917); Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. От И.Л.Горемыкина к Б.В.Штюрмеру: верховная власть и Совет министров (сентябрь 1915 – январь 1916) // Россия и Первая мировая война. С.34–39.
- ⁶²² Игнатьев П.Н. Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.8. С.319.

- ⁶²³ Донесение московского градоначальника управляющему МВД о собраниях общественных групп и организаций. 5 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.43.
- ⁶²⁴ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.107.
- ⁶²⁵ Ср.: «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М.М.Андроникова Николаю II, Александру Федоровне, А.А.Вырубовой и В.Н.Воейкову. // Источник. 1999. № 1. С.28.
- ⁶²⁶ Барк П.Л. Глава из воспоминаний [О Николае II]. С.21; он же. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.173. С.109.
- ⁶²⁷ Мордвинов А.А. Отрывки из воспоминаний // РЛ. 1923. Кн.5. С.76.
- ⁶²⁸ Николай II. Дневники императора Николая II. С.547.
- ⁶²⁹ Мамантов В.И. На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С.236–237.
- ⁶³⁰ Николай II – Александру Федоровне. 9 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.222–223.
- ⁶³¹ Донесение московского градоначальника управляющему МВД о собраниях общественных групп и организаций 5 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.44–45.
- ⁶³² Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 3. С.157.
- ⁶³³ Николай II. Дневники императора Николая II. С.548.
- ⁶³⁴ Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.219. См. также: Тяжелые дни. С.136.
- ⁶³⁵ Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 3. С.158.
- ⁶³⁶ Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.219.
- ⁶³⁷ Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 3. С.158,159.
- ⁶³⁸ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.13.
- ⁶³⁹ Допрос князя Н.Б.Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.221–222.
- ⁶⁴⁰ Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 3. С.159.
- ⁶⁴¹ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.175. С.71.
- ⁶⁴² Николай II – Александру Федоровне. 17 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.244.
- ⁶⁴³ Александра Федоровна – Николаю II. 7 сентября 1915 г. // Там же. С.214.
- ⁶⁴⁴ Александра Федоровна – Николаю II. 8, 9, 10 и 11 сентября 1915 г. // Там же. С.217,220, 223,225.
- ⁶⁴⁵ Александра Федоровна – Николаю II. 23 и 28 августа и 7 сентября 1915 г. // Там же. С.181,193,213.
- ⁶⁴⁶ См. о ней: Куликов С.В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны; он же. Николай II и его министры в годы Первой мировой войны: механизмы назначения и увольнения // Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: Материалы науч. конф. СПб., 1997.
- ⁶⁴⁷ Николай II – А.С.Танееву. 25 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.9. Д.321. Л.7.
- ⁶⁴⁸ Николай II – А.С.Танееву. 22 и 24 октября 1915 г. // Там же. Оп.16. Д.37. Л.126–128.
- ⁶⁴⁹ Аврех А.А. Царизм накануне свержения. С.29,31,37,38,40.
- ⁶⁵⁰ Кривошеин К.А. Указ. соч. С.275,277.
- ⁶⁵¹ Переписка Н.А.Романова и П.А.Столыпина... С.105–107.
- ⁶⁵² Мордвинов А.А. Указ. соч. С.157; Барк П.Л. Глава из воспоминаний [О Николае II]. С.15; Воррес И. Указ. соч. С.299.
- ⁶⁵³ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима... М.–Л., 1925. Т.2. С.54; Симанович А.С. Указ. соч. С.101; Жуковская В.А. Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине 1914–1916 гг. // РА. М., 1992. Т.2–3. С.291,312. Ср.: Руднев В.М. Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. С.285.
- ⁶⁵⁴ Барк П.Л. Глава из воспоминаний [О Николае II]. С.9–10. Если П.Л.Барка можно обвинить в пристрастности, то осведомленных иностранцев, а именно – Э.Лубэ (Ольденбург С.С. Указ. соч. С.437–438) и К.Паоли (Стремоухов П.П. Указ. соч. С.50–51), в этом заподозрить нельзя. Ср.: Половцов А.А. Из дневника (1895–1900) // КА. 1931. Т.46. С.131; Курлов П.Г. Указ. соч. С.25; Волконский С.М. Указ. соч. Т.2. С.170. См. также: Соколов Н.А. Указ. соч. С.116; Ден Л. Подлинная царица // Ден Л. Подлинная царица; Воррес И. Последняя великая княгиня. С.54.
- ⁶⁵⁵ Александра Федоровна – Николаю II. 28 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.579.
- ⁶⁵⁶ Мордвинов А.А. Указ. соч. С.171; Родзянко М.В. Крушение Империи. С.26; Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // ВИ. 1964. № 10. С.132; Богданович А.В. Указ. соч. С.493.
- ⁶⁵⁷ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.26; Николай II. Дневники императора Николая II. С.492; Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.223; Распутин М.Г. Распутин. Почему? Воспоминания дочери. М., 2000. С.234.
- ⁶⁵⁸ Вырубова А.А. Указ. соч. С.215.
- ⁶⁵⁹ Романов А.Ф. Император Николай II и его правительство (По данным Чрезвычайной следственной комиссии) // РЛ. 1922. Кн.2. С.19.
- ⁶⁶⁰ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.505; Показания А.Д.Протопопова // Там же. С.9; Руднев В.М. Указ. соч. С.284; Воейков В.Н. Указ. соч. С.109; Г.Е.Распутин глазами официальных властей // РП. 1996. Кн.6. С.137–138.

- ⁶⁶¹ Воррес Й. Указ. соч. С.295. См. также: *Пайнс Р.* Указ. соч. Ч.1. С.292.
- ⁶⁶² Воейков В.Н. Указ. соч. С.213; *Вырубова А.А.* Указ. соч. С.211,225.
- ⁶⁶³ Ср.: «Успокоения нечего ожидать». С.27.
- ⁶⁶⁴ Подробнее об этом см.: *Фриз Г.* Церковь, религия и политическая культура на закате старорежима // Реформы или революция? С.40-43; *Фирсов С.Л.* Православная церковь и государство в последние десятилетия существования самодержавия в России. СПб., 1996. С.234-238.
- ⁶⁶⁵ Ср.: «Успокоения нечего ожидать». С.28.
- ⁶⁶⁶ *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. С.115-118.
- ⁶⁶⁷ Допрос генерала В.Н.Воейкова. 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.3. С.80. Ср.: П.А.Столыпин — В.Б.Фредериксу. 31 октября 1907 г. // РГИА. Ф.472. Оп. 45. Д.10а. Л.132.
- ⁶⁶⁸ Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.162.
- ⁶⁶⁹ Последний временщик последнего царя... // ВИ. 1965. № 1. С.101. См. также: Протокол допроса Г.П.Сазонова // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.57 об.; *Хвостов А.Н.* Воспоминания // ГМ. 1923. № 2. С.161; *Вутте С.Ю.* Указ. соч. Т.3. С.567.
- ⁶⁷⁰ *Кокоев В.Н.* Указ. соч. Т.1. С.417.
- ⁶⁷¹ *Султанов С. А.* Н.Хвостов (Письмо из Москвы) // Биржевые ведомости. 1915. 7 октября; *Алмазов Б.И.* Распутин и Россия (Историческая справка). Прага, 1922. С.69; Донесения Л.К.Кунина... // ВИ. 2000. № 2. С.18. См. также таблицу 2 приложения.
- ⁶⁷² Показания князя В.М.Волконского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.137; *Лопухин В.Б.* Люди и политика (конец XIX — начало XX в.) // ВИ. 1966. № 10. С.115; *Соколов Н.А.* Указ. соч. С.215. Ср.: А.А.Клопов — Николаю II. 13 сентября 1915 г. // РГИА. Ф. 1099. Оп.1. Д.13. Л.32 об. Ср.: А.Н.Хвостов о Прогрессивном блоке. А.Н.Хвостов о кабинете общественных деятелей. Мнения членов Государственной думы и Совета // Утро России. 1915. 28 сентября; *Андрей Владимирович.* Дневник [бывшего] великого князя Андрея Владимировича... С.97.
- ⁶⁷³ *Вырубова А.А.* Страницы из моей жизни // Страна гибнет сегодня. С.221. См. также: Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. С.330-343.
- ⁶⁷⁴ Допрос А.Н.Хвостова. 12 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.469; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.540,541.
- ⁶⁷⁵ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С.269-271.
- ⁶⁷⁶ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.199. За отставку В.Ф.Джунковского выступали также И.Л.Горемыкин, В.М.Волконский, Н.Б.Шербаков и княгиня З.Н.Юсупова (И.А.Куракин — М.А.Шаховской. 23 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1542. Оп.1. Д.131. Л.164; *Андрей Владимирович.* Дневник [бывшего] великого князя Андрея Владимировича... С.98; Допрос князя Н.Б.Шербакова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.225; *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.615-616).
- ⁶⁷⁷ Александра Федоровна — Николаю II. 22 августа 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.178. Ср.: Александра Федоровна — Николаю II. 22 августа 1915 г. // Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Берлин, 1922. Т.1. С.159.
- ⁶⁷⁸ Александра Федоровна — Николаю II. 28 и 29 августа 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.193-196.
- ⁶⁷⁹ «Успокоения нечего ожидать». С.25.
- ⁶⁸⁰ Там же. С.28-29.
- ⁶⁸¹ Допрос князя М.М.Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.388.
- ⁶⁸² Александра Федоровна — Николаю II. 9 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.223.
- ⁶⁸³ «Успокоения нечего ожидать». С.25.
- ⁶⁸⁴ *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. С.159.
- ⁶⁸⁵ Александра Федоровна — Николаю II. 16 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.239.
- ⁶⁸⁶ *Хвостов А.Н.* Указ. соч. С.163-164; Допрос А.Н.Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.8.
- ⁶⁸⁷ *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С.50.
- ⁶⁸⁸ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С.274; Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.161.
- ⁶⁸⁹ Допрос князя М.М.Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.379.
- ⁶⁹⁰ Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.176,181. Ср.: *Гурко В.И.* Царь и царица. С.57.
- ⁶⁹¹ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.298-299,301-303; Александра Федоровна — Николаю II. 28 ноября 1915 г.; Николай II — Александре Федоровне. 30 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.304-305,308.
- ⁶⁹² Всеподанный доклад А.С.Танеева. 9 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.16. Д.37. Л.143; Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.249.
- ⁶⁹³ *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. С.122,154,155.
- ⁶⁹⁴ Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.168.
- ⁶⁹⁵ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.553.
- ⁶⁹⁶ Александра Федоровна — Николаю II. 7 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.215.

- ⁶⁹⁷ Александра Федоровна — Николаю II. 9, 11 и 12 сентября 1915 г. // Там же. С.223,225,229.
- ⁶⁹⁸ «Успокоения нечего ожидать». С.25.
- ⁶⁹⁹ Александра Федоровна — И.Л.Горемыкину. 8 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.1900. Л.3-4 об.
- ⁷⁰⁰ Александра Федоровна — Николаю II. 17 и 18 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.241,246.
- ⁷⁰¹ Допрос И.Г.Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.431; Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.379-380.
- ⁷⁰² Александра Федоровна — Николаю II. 18 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.246.
- ⁷⁰³ «Успокоения нечего ожидать». С.27.
- ⁷⁰⁴ Запись заседания 25 сентября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.282. См. также: *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. С.114.
- ⁷⁰⁵ Александра Федоровна — Николаю II. 9 сентября и 9 и 10 октября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.221,265,268.
- ⁷⁰⁶ Александра Федоровна — Николаю II. 1 ноября 1915 г. // Там же. С.275.
- ⁷⁰⁷ Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.91.
- ⁷⁰⁸ Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Там же. С.86; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.554.
- ⁷⁰⁹ А.Н.Наумов — И.Л.Горемыкину. 28 октября 1915 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.1459. Л.441; *Наумов А.Н.* Письмо в редакцию // АРР. 1924. Т.13. С.313; Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.330; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.554.
- ⁷¹⁰ Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.85.
- ⁷¹¹ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.201.
- ⁷¹² «Успокоения нечего ожидать». С.31.
- ⁷¹³ *Ключев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.9.
- ⁷¹⁴ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.331.
- ⁷¹⁵ «Успокоения нечего ожидать». С.31.
- ⁷¹⁶ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.175. С.70.
- ⁷¹⁷ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.553.
- ⁷¹⁸ Дневник Министерства иностранных дел за 1915—1916 гг. // КА. 1928. Т.31. С.32.
- ⁷¹⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 17 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.243. Ср.: «Успокоения нечего ожидать». С.29.
- ⁷²⁰ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.175. С.70.
- ⁷²¹ Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.75. Об А.Н.Хвостове и его деятельности см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). С.128-139; *он же.* Царизм и Первая мировая война. С.576-581; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.132-134; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* От И.Л.Горемыкина к Б.В.Штюрмеру. С.39-41.
- ⁷²² *Струве П.Б.* Неотвратимое совершается // Биржевые ведомости. 1915. 11 октября.
- ⁷²³ Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.87.
- ⁷²⁴ Беседа А.Н.Хвостова с представителями печати // Утро России. 1915. 30 сентября.
- ⁷²⁵ *Ключев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.13.
- ⁷²⁶ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.279.
- ⁷²⁷ Проект выборов в Государственную думу // Монархия перед крушением. С.228.
- ⁷²⁸ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.276.
- ⁷²⁹ Допрос генерала А.А.Поливанова. 25 августа 1917 г. // Там же. Т.7. С.79.
- ⁷³⁰ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 7. С.140.
- ⁷³¹ *Гессен И.В.* Указ. соч. С.338.
- ⁷³² Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.279; Александра Федоровна — Николаю II. 3 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.280.
- ⁷³³ Запись заседания Совета министров 27 октября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.294,412.
- ⁷³⁴ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.216; Правые в 1915 — феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам // Минувшее. М.—СПб., 1993. Вып.14. С.190; *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.139. Ср.: *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 172. С.99.
- ⁷³⁵ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.138-139.
- ⁷³⁶ *Хвостов А.Н.* Указ. соч. С.164-165.
- ⁷³⁷ В прилагавшемся к проекту перечне дел, которые А.Н.Хвостов предлагал решать от имени царя властью министра внутренних дел, наряду с «маловажными делами» содержались и некоторые отнюдь не второстепенные вопросы, в частности — о назначении лиц, не имеющих соответствующих чинов, и предоставление прав на временное исправление должностей 4 класса, т.е. губернатора и директора департамента.
- ⁷³⁸ А.Н.Хвостов — И.Л.Горемыкину. 29 ноября 1915 г.; С.Е.Крыжановский — И.Л.Горемыкину. 14 декабря 1915 г.; Особый журнал Совета министров 15 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.11.

Д.91. Л.1-1 об., 2-2 об., 3, 6, 13, 15. О попытках решения этого вопроса см. также: *Флоринский М.Ф.* К истории Совета министров России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории России XIX — начала XX в. Л., 1983. С.147-152.

⁷³⁹ *Струве П.Б.* Неотвратимое совершается // Биржевые ведомости. 1915. 11 октября.

⁷⁴⁰ Запись заседания Совета министров 8 сентября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.265, 408.

⁷⁴¹ Протоколы заседаний Совета министров 26 и 28 декабря 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны... С.415, 416.

⁷⁴² Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1932. Т.50—51. С.147.

⁷⁴³ *Хвостов А.Н.* Указ. соч. С.164. Об А.А.Хвостове см.: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* «Для себя ничего не искал». Генерал-прокурор А.А.Хвостов // *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906—1917. М., 1996.

⁷⁴⁴ *Жевахов Н.Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора св. Синода. В 2-х т. М., 1993. Т.1. С.177.

⁷⁴⁵ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.559.

⁷⁴⁶ *Клюжев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.37.

⁷⁴⁷ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.332.

⁷⁴⁸ Проект высочайшего указа Сенату. 19 октября 1915 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.103, 105.

⁷⁴⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 15 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.298.

⁷⁵⁰ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.559.

⁷⁵¹ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.111. Ср.: Александра Федоровна — Николаю II. 6, 10, 13, 15 и 16 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.284, 288, 294, 299-300.

⁷⁵² П.Л.Барк — А.А.Риттиху. 9 сентября 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.438. Ср.: *Александр-Невская* лавра накануне свержения самодержавия // КА. 1936. Т.77. С.207.

⁷⁵³ *Барк П.Л.* Глава из воспоминаний [О Николае II]. С.21.

⁷⁵⁴ Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.78; Александра Федоровна — Николаю II. 6 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.284.

⁷⁵⁵ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.562.

⁷⁵⁶ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.15.

⁷⁵⁷ Допрос М.В.Родзянко // Там же. Т.7. С.132; *Родзянко М.В.* Государственная дума и Февральская 1917 г. революция // АРР. 1922. Т.6. С.36.

⁷⁵⁸ П.Н.Апраксин — А.В.Кривошеину. 25 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.249. Л.3.

⁷⁵⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 19 декабря 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.320.

⁷⁶⁰ Подробнее о создании и деятельности совещания см.: *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. С.114-127.

⁷⁶¹ Александра Федоровна — Николаю II. 10 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.288.

⁷⁶² *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.128.

⁷⁶³ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.21.

⁷⁶⁴ *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.166-167.

⁷⁶⁵ *Hanbury-Williams J.* The Emperor Nicholas II. As I Knew Him. Lnd., 1922. P.76.

⁷⁶⁶ *Лукиан.* Ведомство народного представительства // Биржевые ведомости. 1916. 4 марта.

⁷⁶⁷ «Успокоения нечего ожидать». С.28, 31.

⁷⁶⁸ Александра Федоровна — Николаю II. 6 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.213.

⁷⁶⁹ И.Л.Горемыкин — В.Б.Фредериксу. 1 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.1454. Л.1 об.

⁷⁷⁰ Александра Федоровна — Николаю II. 6 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.213.

⁷⁷¹ Тяжелые дни. С.129, 133, 135.

⁷⁷² *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.546.

⁷⁷³ Николай II — Александре Федоровне. 7 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.216.

⁷⁷⁴ Об этих съездах см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). С.121-122; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.126-129; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. С.177-179.

⁷⁷⁵ *Клюжев И.С.* Дневник // РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.5а, 6 об.

⁷⁷⁶ Николай Николаевич — А.В.Кривошеину. 20 ноября 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.310. Л.14 об.; «Успокоения нечего ожидать». С.29-30.

⁷⁷⁷ В.Н.Орлов — А.В.Кривошеину. 1 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.295. Л.18-19.

⁷⁷⁸ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.351.

⁷⁷⁹ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.191; *Аврех А.Я.* Масоны и революция. М., 1990. С.101. Ср.: *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.112. О русском политическом масон-

стве см. также: *Берберова Н.Н.* Люди и ложь. Русские масоны XX столетия. Н. У., 1986; *Старцев В.И.* Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996.

⁷⁸⁰ *Аврех А.Я.* Масоны и революция. С.82-85.

⁷⁸¹ Речь военного и морского министра, председателя Центрального военно-промышленного комитета А.И.Гучкова // Отчет о торжественном заседании Центрального Военно-промышленного комитета 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг., 1917. С.17-18.

⁷⁸² *Игнатъев П.Н.* Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.8. С.315.

⁷⁸³ Николай II — Александре Федоровне. 9 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.222-223.

⁷⁸⁴ Записка Н.И.Туган-Барановского. 30 августа 1915 г. // РГИА. Ф.1576. Оп.1. Д.235. Л.1-3 об.

⁷⁸⁵ Н.Б.Щербатов — Николаю II. 10 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.194/2682, 1915. Д.47. Л.26-27 об.

⁷⁸⁶ Об Отчественном патриотическом союзе см.: *Кирьянов Ю.И.* Образование и деятельность Отчественного патриотического союза (1915—1917 гг.) // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж, 2001. Вып.1.

⁷⁸⁷ *Куликов С.В.* Записки Н.И.Туган-Барановского А.В.Кривошеину и С.В.Рухлову (1914—1915 гг.) // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001. С.337.

⁷⁸⁸ Всеподданнейший доклад В.Б.Фредерикса. 10 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.194/2682. 1915 г. Д.47. Л.26, 28, 32-34. См. также: *Куликов С.В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны. С.296-298.

⁷⁸⁹ «Успокоения нечего ожидать». С.25.

⁷⁹⁰ В.Б.Фредерикс — Н.Б.Щербатову. 10/11 сентября 1915 г.; В.Б.Фредерикс — И.Л.Горемыкину. 10/11 сентября 1915 г.; И.Л.Горемыкин — В.Б. Фредериксу. 11 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.24, 25, 29.

⁷⁹¹ Всеподданнейший доклад Г.Е.Львова и М.В.Челнокова. 11 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.23-23 об.

⁷⁹² Николай II — Александре Федоровне. 11 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.228.

⁷⁹³ Запись заседания 13 сентября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.273.

⁷⁹⁴ Н.Б.Щербатов — В.Б.Фредериксу. 13 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.10.

⁷⁹⁵ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.548.

⁷⁹⁶ Памятная записка барона Р.А.Штакельберга // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.22.

⁷⁹⁷ Допрос князя Н.Б.Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.212-213.

⁷⁹⁸ Проект всеподданнейшего доклада И.Л.Горемыкина // РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.1454. Л.19-22.

⁷⁹⁹ Разговор по прямому поводу полковника М.М.Заго со штабс-капитаном Н.А.Покидовым. 17 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.11-11 об., 12, 17-19.

⁸⁰⁰ В.Б.Фредерикс — Н.Б.Щербатову. 18 сентября 1915 г.; Н.Б.Щербатов — В.Б.Фредериксу. 18 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.17-19.

⁸⁰¹ *Аврех А.Я.* Масоны и революция. С.94-96.

⁸⁰² Иностранные дипломаты о революции 1917 г. // КА. 1927. Т.24. С.133.

⁸⁰³ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.91.

⁸⁰⁴ Запись заседания Совета министров 18 сентября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.274.

⁸⁰⁵ Из доклада членов депутации, избранной собранием уполномоченных губернских земств 9 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.58-59.

⁸⁰⁶ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.549

⁸⁰⁷ Из доклада членов депутации, избранной собранием уполномоченных губернских земств 9 сентября 1915 г. С.59.

⁸⁰⁸ *Полнер Т.И.* Указ. соч. С.267.

⁸⁰⁹ Журналы № 6, 7, 8 и 18 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 12, 16 и 19 сентября и 24 октября 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. С.265, 267, 278, 372.

⁸¹⁰ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.94.

⁸¹¹ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.121.

⁸¹² Запись заседания Совета министров 13 октября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.290; *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М., 2003. С.264.

⁸¹³ Донесение начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции о Городском съезде. 8 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.56.

⁸¹⁴ П.П.Зубовский — А.В.Кривошеину. 26 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.272. Л.1-2 об.

⁸¹⁵ *Сухомлинов В.А.* Дневник генерала Сухомлинова // ДД. 1922. Кн.3. С.134; «Успокоения нечего ожидать». С.31.

- ⁸¹⁶ Журналы № 10, 14, 15, 16, 17 и 26 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 26 сентября, 10, 14, 17 и 21 октября и 21 ноября 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. С.301,335,343,351,365,448.
- ⁸¹⁷ «Успокоения нечего ожидать». С.31.
- ⁸¹⁸ Всеподданнейшие доклады А.С.Танеева. 16 июля, 20 и 22 ноября 1915 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.16. Д.37. Л.68 об.,103,134.
- ⁸¹⁹ Керенский А.Ф. А.И.Гучков. Из воспоминаний // СЗ. 1936. Т.60. С.460–461.
- ⁸²⁰ Верховский А.И. Указ. соч. С.55.
- ⁸²¹ Показания А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.283.
- ⁸²² Курлов П.Г. Указ. соч. С.190. Ср.: Доклад директора Департамента полиции от 18 августа 1915 г. // ГМ. 1918. № 10–12. С.236; Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.200. См. также: Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С.6–7.
- ⁸²³ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.141.
- ⁸²⁴ Аврех А.Я. Масоны и революция. С.99–101.
- ⁸²⁵ Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.) // АРР. 1923. Т.8. С.24–25.
- ⁸²⁶ Балыц В.А. Суд над первым Советом рабочих депутатов (Воспоминания прокурора) // «Былое»: неизданные номера журнала. В 2-х кн. Л., 1991. Кн.1. С.66,144.
- ⁸²⁷ А.И.Коновалов – И.Л.Горемыкину. 7 января 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.154.
- ⁸²⁸ Журнал № 41 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 20 января 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. С.49–50.
- ⁸²⁹ Рептильный фонд 1914–1916 гг. С.338–340.
- ⁸³⁰ Правые в 1915 – феврале 1917. С.170; «Борьба наша проиграна». Документы правых. 1914 – февраль 1917 г. // ИА. 1994. № 5. С.43.
- ⁸³¹ Председателем Совета этого общества и его товарищем стали А.А.Римский-Корсаков и сенатор генерал М.М.Бороздин, а членами Совета – С.П.Белецкий, сенатор Н.К.Кульчицкий, назначенный член верхней палаты А.И.Лыкошин, начальник главного управления по делам печати МВД В.Т.Судейкин и черносотенные лидеры – депутаты Думы Г.Г.Замысловский и Н.Е.Марков 2-й, а также В.П.Соколов.
- ⁸³² Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.122–124,128,276.
- ⁸³³ О Государственном совете в июле 1914 – январе 1916 г. см.: Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917); он же. Практика пополнения назначенной части Государственного совета (1906–1917) // 1917 г. и российский парламентаризм: Сб. материалов науч. конф. СПб., 1998; он же. Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906–1917 гг.; Бородин А.П. Правая группа Государственного совета в 1906–1917 гг. // ОИ. 1998. № 4; он же. Государственный совет России (1906–1917). С.136–153. См. также: Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven–Lnd., 1989; Korros A.S. Activist Politics in a Conservative Institution: The Formation of Fractions in the Russian Imperial State Council, 1906–1917 // Russian Review. 1993. Vol.52, № 1.
- ⁸³⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.228.
- ⁸³⁵ Клячко (Львов) Л.М. Звездная палата. С.14; Витте С.Ю. Указ. соч. Т.3. С.207; Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.379; Протокол заседания Организационной комиссии Петербургского ЦК. 14 июля 1906 г.; Заседание Петербургского ЦК «Союза 17 октября». 6 ноября 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т.1. 1905–1907 гг. С.209,258. См. также: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. С.68–84.
- ⁸³⁶ Кони А.Ф. Сергей Юльевич Витте // Кони А.Ф. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1968. Т.5. С.259.
- ⁸³⁷ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.688.
- ⁸³⁸ Кони А.Ф. Сергей Юльевич Витте. С.259; Ковалевский М.М. Указ. соч. С.85.
- ⁸³⁹ Шванебах П.Х. Указ. соч. С.125–126; Витте С.Ю. Указ. соч. Т.3. С.366; Святополк-Мирская Е.А. Указ. соч. С.256; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.589; Центральный комитет. 6 января 1906 г.; Соединенное заседание Центрального и участковых комитетов. 22 января 1906 г.; Протокол заседания ЦК. 15 февраля 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. Т.1. 1905–1907 гг. С.42,44,67,165.
- ⁸⁴⁰ Теляковский В.А. Указ. соч. С.138–139.
- ⁸⁴¹ Романов Н.М. Записки // КА. 1931. Т.49. С.106–107.
- ⁸⁴² Бобринский А.А. Указ. соч. С.140.
- ⁸⁴³ Алфавитный список почетных, непреходящих, действительных и недействительных членов, постоянных посетителей и временных членов имп. Санкт-Петербургского Яхт-клуба по 1 мая 1912 г. СПб., 1912.
- ⁸⁴⁴ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т.2. С.284.
- ⁸⁴⁵ Допрос И.Г.Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.353.
- ⁸⁴⁶ Там же. С.436; Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Т.2. С.216.
- ⁸⁴⁷ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т.2. С.284.

- ⁸⁴⁸ Клячко (Львов) Л.М. Повести прошлого. С.26; Витте С.Ю. Указ. соч. Т.3. С.75; Ковалевский М.М. Указ. соч. С.92; Толстой И.И. Дневник. С.178; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.224,537. Ср.: Тихомиров Л.А. Из дневника (Период столыпинщины) // КА. 1936. Т.74. С.191. О П.Н.Дурново см. также: Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. P.207–230.
- ⁸⁴⁹ Тарле Е.В. Германская ориентация и П.Н.Дурново в 1914 г. // Былое. 1922. № 19. С.173.
- ⁸⁵⁰ Полянский Н.П. Нижегородские воспоминания банкира. Нижний Новгород 1909–1918. СПб., 1998. С.37.
- ⁸⁵¹ Куликов С.В. Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906–1917 гг. С.100.
- ⁸⁵² Евлогий (Георгиевский В.С.). Путь моей жизни. М., 1994. С.202. См. также: Список членов Русского собрания. СПб., 1913.
- ⁸⁵³ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3-х т. М., 2001. Т.1. 1906–1908 гг.; 2001. Т.2. 1909–1912 гг.; 2003. Т.3. 1913–1916 гг.
- ⁸⁵⁴ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.1. С.43.
- ⁸⁵⁵ См. об этом: Афанасьев Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. С.385–389.
- ⁸⁵⁶ Николай II – Александре Федоровне. 28 февраля 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.99.
- ⁸⁵⁷ Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.170.
- ⁸⁵⁸ О роли А.Д.Оболенского в создании манифеста 17 октября 1905 г. см.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. С.209–211. О нем и его брате см. также: Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. P.256–276.
- ⁸⁵⁹ А.Д.Оболенский – А.В.Кривошеину. 2 августа 1914 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.294. Л.1–5.
- ⁸⁶⁰ А.Д.Оболенский – А.А.Оболенской. Не позднее 12 сентября 1914 г. // РГИА. Ф.1650. Оп.1. Д.249. Л.11–14 об. Ср.: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.255.
- ⁸⁶¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С.477.
- ⁸⁶² Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.168.
- ⁸⁶³ Из истории борьбы в верхах... С.157–158.
- ⁸⁶⁴ Таубе М.А. Дневник // РГИА. Ф.1062. Оп.1. Д.5. Л.32.
- ⁸⁶⁵ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.168.
- ⁸⁶⁶ А.А.Бобринский – Д.А.Шереметевой. 3 января 1915 г. // РГИА. Ф.899. Оп.1. Д.150. Л.8.
- ⁸⁶⁷ Всеподданнейшие доклады И.Я.Голубева. 30 декабря 1914 г. // РГИА. Ф.1162. Оп.2 (Доп. к т. 16). Д.23. Л.2,7,9,11.
- ⁸⁶⁸ А.А.Бобринский – Д.А.Шереметевой. 8 февраля 1915 г. // РГИА. Ф.899. Оп.1. Д.150. Л.9 об.
- ⁸⁶⁹ П.А.Столыпин – М.Г.Акимову. 28 апреля 1909 г. // РГИА. Ф.1148. Оп.10. Д.3. Л.1.
- ⁸⁷⁰ Памятная записка И.Я.Голубева. 5 февраля 1915 г. // РГИА. Ф.1148. Оп.10. Д.3. Л.2.
- ⁸⁷¹ Присутствующими стали П.А.Игнатьев и Н.А.Махлаков.
- ⁸⁷² Куликов С.В. Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока. С.271–272.
- ⁸⁷³ Алексей Д.Оболенский – Александру Д.Оболенскому. 12 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1650. Оп.1. Д.95. Л.31а–31а об.
- ⁸⁷⁴ Из архива Щегловитова // КА. 1926. Т.15. С.112–114.
- ⁸⁷⁵ М.М.Андроников – В.М.Андроникову. 15 июня 1915 г. // РГИА. Ф.1617. Оп.1. Д.61. Л.3 об.
- ⁸⁷⁶ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний... С.168–169; Богданович А.В. Указ. соч. С.385–386; Тхоржевский И.И. Указ. соч. С.26. Об А.Н.Куломзине см.: Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. P.231–255.
- ⁸⁷⁷ Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.152–153.
- ⁸⁷⁸ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Т.2. С.298.
- ⁸⁷⁹ Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. С.152–153.
- ⁸⁸⁰ Запись заседания Совета министров 7 июля 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.197.
- ⁸⁸¹ Николай II – А.С.Танею. 14 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.16. Д.37. Л.101.
- ⁸⁸² Кони А.Ф. Из недавнего прошлого (И.Я.Голубев) // ПИН. 1924. Вып. 1. С.6.
- ⁸⁸³ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Т.2. С.299. Ср.: Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). С.147.
- ⁸⁸⁴ Кони А.Ф. Из недавнего прошлого (И.Я.Голубев). С.6.
- ⁸⁸⁵ Тяжелые дни. С.27.
- ⁸⁸⁶ И.П.Балашев – Николаю II. 23 июля 1915 г. // РГИА. Ф.892. Оп.3. Д.160. Л.1–4. См. также: Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.76–78.
- ⁸⁸⁷ Тяжелые дни. С.27–28.
- ⁸⁸⁸ А.И.Гучков – М.В.Алексееву. 7 августа 1915 г. // РГВИА. Ф.55. Оп.3. Д.5. Л.68–69 об.
- ⁸⁸⁹ Г.А.Евреинов – И.Л.Горемыкину. 31 июля 1915 г. // РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.745. Л.49–50 об.
- ⁸⁹⁰ А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.54.
- ⁸⁹¹ Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.124.
- ⁸⁹² Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.321.
- ⁸⁹³ Всего их насчитывалось 12 человек.

- ⁸⁹⁴ Б.А.Васильчиков — С.Н.Васильчиковой. 28 августа 1915 г. // РГИА. Ф.651. Оп.1. Д.990. Л. 11.
- ⁸⁹⁵ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1932. Т.50—51. С.122,124,127,129-132,141.
- ⁸⁹⁶ Донесение начальника Петроградского охранного отделения в Департамент полиции об образовании «Прогрессивного блока» // Буржуазия накануне Февральской революции. С.28.
- ⁸⁹⁷ Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917). С.20-22.
- ⁸⁹⁸ Н.С.Таганцев — П.А.Сабурову // РГИА. Ф.1044. Оп.1. Д.446. Л.3.
- ⁸⁹⁹ Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917). С.20-22.
- ⁹⁰⁰ Постановления Совещания монархистов 21—23 ноября 1915 г. // Правые партии. Т.2. С.488.
- ⁹⁰¹ Проект заявления членов Группы центра Государственного совета Н.П.Балашева, А.Д.Зиновьева и П.М. фон Кауфмана-Туркестанского ее председателю. 31 августа 1915 г. // РГИА. Ф.954. Оп.1. Д.306. Л.1.
- ⁹⁰² Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.123-124.
- ⁹⁰³ Проект заявления членов Группы центра Государственного совета Н.П.Балашева, А.Д.Зиновьева и П.М. фон Кауфмана-Туркестанского ее председателю. 31 августа 1915 г. // РГИА. Ф.954. Оп.1. Д.306. Л.1.
- ⁹⁰⁴ А.Д.Оболенский — А.А.Оболенской. 24 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1650. Оп.1. Д.249. Л.31 об.-32.
- ⁹⁰⁵ А.П.Струков — И.Л.Горемыкину. 23 августа 1915 г. // ГАРФ. Ф.431. Оп.1. Д.34. Л.240. Об истории струковского демарша см.: Бибин М.А. Совет Объединенного дворянства и Прогрессивный блок в 1915—1916 гг. // ВМУ. 1980. Сер.8. История. № 1. См. также: Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С.198-206.
- ⁹⁰⁶ А.Д.Самарин — С.Н.Васильчиковой. 30 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.651. Оп.1. Д.1087. Л.1-1 об.
- ⁹⁰⁷ Сводка Московского охранного отделения о «настроении общества» на 29 февраля 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.77; Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. С. 270.
- ⁹⁰⁸ Куликов С.В. Правительственный либерализм нач. XX в. как фактор реформаторского процесса. С.100. Ср.: Конституционные проекты начала 80-х гг. XIX в. // КА. 1928. Т.31. С.142-143; Бобринский А.А. Указ. соч. С.129.
- ⁹⁰⁹ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 гг. // ВИ. 1996. № 2. С.143.
- ⁹¹⁰ А.А.Бобринский — И.Г.Щегловитову. 22 ноября 1915 г. // Правые партии. Т.2. С.494.
- ⁹¹¹ Постановления Совещания монархистов 21 — 23 ноября 1915 г. // Там же. С.488.
- ⁹¹² «Успокоения нечего ожидать». С.25-26.
- ⁹¹³ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.321.
- ⁹¹⁴ Муратов Н.П. Воспоминания // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.42. Л.589.
- ⁹¹⁵ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.276,321.
- ⁹¹⁶ Подробнее о ней см.: Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.69-94.
- ⁹¹⁷ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.236-237.
- ⁹¹⁸ Александра Федоровна — Николаю II. 3 января 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.332.
- ⁹¹⁹ Фредерикс В.Б. Дневник // ГАРФ. Ф.1463. Оп.3. Д.425а. Л.7. Благодаря П.А.Трибунского, предоставившего свои выписки из дневника В.Б.Фредерикса.
- ⁹²⁰ Николай II — Александре Федоровне. 7 января 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.343.
- ⁹²¹ Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.123-124.
- ⁹²² Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917). С.18.
- ⁹²³ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.418-419.
- ⁹²⁴ Александра Федоровна — Николаю II. 15 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.299.
- ⁹²⁵ И.Л.Горемыкин — А.Н.Куломзину. 13 декабря 1915 г. // РГИА. Ф.1148. Оп.10. Д.3. Л.10 об.-11.
- ⁹²⁶ Всеподданнейшие доклады А.Н.Куломзина // РГИА. Ф.1162. Оп.2. Д.24. Л.4,9,11,16,42.
- ⁹²⁷ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т.2. С.332.
- ⁹²⁸ Николай II. Дневники императора Николая II. С.568.
- ⁹²⁹ Коковцов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С.332,333.

ГЛАВА II

«СПОКОЙНАЯ БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ» ПРЕМЬЕРСТВО Б.В.ШТЮРМЕРА

Sine ira et studio — без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик — как вождь, так и его свита, — *бороться*.

Макс Вебер. «Политика как призвание и профессия»

1. «Ловкий дипломат». Б.В.Штюрмер на пути к премьерству (1892–1916 гг.)

Ключевым политическим событием начала 1916 г. стало последовавшее 20 января назначение председателем Совета министров Б.В.Штюрмера.¹ Причины этого события кроются столько же в ситуации периода мировой войны, сколько и в начале 90-х гг. XIX в., когда начала формироваться репутация Б.В.Штюрмера как мастера политического компромисса.

В то время службу на посту начальника экспедиции церемониальных дел Министерства императорского двора он успешно сочетал с общественной деятельностью, участвуя, в качестве землевладельца, в работе тверского земства, где в полную силу выказался либеральный характер его политических воззрений. Это земство, по сравнению с остальными, всегда было наиболее радикальным, имея в своих рядах поклонников парламентаризма. Но даже среди тверских радикалов Б.В.Штюрмер «слыл либералом».²

Насколько либеральность Б.В.Штюрмера как общественного деятеля была не наносной, а глубокой, видно из того, что в 1891 г., после неутверждения правительством Ф.И.Родичева, гласные выбрали в председатели земской управы именно Б.В.Штюрмера. Однако от занятия этого поста он отказался, сославшись на то, что занимает пост, который «не может покинуть».³ Неподдельность его либеральности выявилась еще более в следую-

шем году. Тогда снова последовало неутверждение в должности председателя управы слишком левого кандидата, и правительство назначило на нее Б.В.Штюмера. Несмотря на то, что его появление в новой роли было следствием борьбы власти с радикальной общественностью, в ее цитадели Б.В.Штюмер уже «в две недели сумел стать общим любимцем».⁴

Чрезвычайную популярность у земцев назначенного председателя обусловили, прежде всего, его неординарные личные качества. Для достижения подобного успеха «нужен был недюжинный ум и выдающаяся работоспособность».⁵

Более важной причиной популярности Б.В.Штюмера стало то, что председатель управы проявил себя как мастер политического компромисса. В своем деликатном положении он «маневрировал довольно удачно».⁶ Не порывая полностью с правыми гласными, составлявшими меньшинство, Б.В.Штюмер одновременно опирался на левое крыло земства. Более того, фактически он явился проводником пожеланий лидеров оппозиции, которым он «беспрекословно подчинился»,⁷ заключив соглашение с ними. Соглашение это состояло в том, что Б.В.Штюмер «будет продолжать вести дело в духе отставленной управы и вообще по указке упомянутых лидеров», а они, «в свою очередь, обеспечат его от усиленной травли на земских собраниях».⁸

Соглашение с оппозиционерами Б.В.Штюмер полностью выполнил. Будучи председателем управы, он «избегал каких бы то ни было крупных ломов и вел земскую работу в том же направлении, как и его предшественники»,⁹ т.е. те самые оппозиционные деятели, нежелательные последствия левизны которых Б.В.Штюмеру, по мысли правительства, как раз и надлежало ликвидировать.

Потрафляя левым не на словах, а на деле, председатель управы «из кожи лез, чтобы освободиться от назойливых требований» консервативного губернатора П.Д.Ахлестышева. Поэтому отношения между ними даже «испортились».¹⁰ Отношения Б.В.Штюмера с левыми земцами, а значит и его деятельность на посту председателя управы, от этого только выиграли.

В итоге, по общим отзывам современников, со стоявшей перед ним «трудной и крайне щекотливой задачей» Б.В.Штюмер «справился превосходно».¹¹ С этого времени за ним закрепилась, несомненно — заслуженная, слава политического миротворца, специалиста по достижению компромисса между правительством и обществом. Сохраняя на посту председателя управы «облик исполнительного агента правительственной власти», он, вместе с тем, приобрел «репутацию ловкого дипломата, умеющего осуществлять виды правительства без излишнего раздражения общественности».¹² Благодаря этому Б.В.Штюмер был известен высшим сферам и лично Николаю II в качестве сановника, «доказавшего в Твери способность ладить с либеральной оппозицией, не уступая ей».¹³

Более чем успешная деятельность Б.В.Штюмера на посту председателя управы выдвинула его в ряды кандидатов на получение самых высоких должностей. Поэтому уже в 1894 г. он был назначен новгородским, а в 1896 г. — ярославским губернатором. И в том, и в другом случае Б.В.Штюмер

заявил о себе как о бесспорно талантливом администраторе. Даже скупой на похвалу министр внутренних дел В.К.Плеве характеризовал Б.В.Штюмера как «лицо, приобретшее обширную административную опытность в должностях новгородского и ярославского губернаторов».¹⁴

Особенно заметным оказалось пребывание Б.В.Штюмера в Ярославле, где он, «свежий и энергичный человек, крепко державший губернию в руках»,¹⁵ «оставил по себе большую память и, во всяком случае, как о незаурядном губернаторе».¹⁶ Штюмеровское управление Ярославской губернией современники считали «образцовым, так как никто не сомневался, что в лице Б.В.Штюмера был хозяин губернии, каким рисует губернатора наш закон».¹⁷ Доказательством общественного признания его деятельности в Ярославле стало то, что при оставлении им поста губернатора местное дворянское собрание, склонное к либерализму, приобрело на имя Б.В.Штюмера земельный ценз. Он давал право на причисление к ярославскому дворянству. После этого собрание само, без ходатайства о том Б.В.Штюмера, приняло его в свои ряды.¹⁸ Новый успех Б.В.Штюмера объяснялся не только его административными способностями.

В Ярославле, как и на посту председателя управы, Б.В.Штюмер не отказался от своей либеральности. В роли губернатора он производил «приятное впечатление», поскольку хотел показать себя «культурным человеком» и «мягко либеральничал». Но именно тогда у Б.В.Штюмера проявилось «подчеркнутое тяготение к церквям, священникам, вообще к “православию”».¹⁹ Более того, после получения губернаторского поста Б.В.Штюмер «объявил себя консерваторм уже не за страх, а за совесть».²⁰ Однако консервативность Б.В.Штюмера-губернатора являлась более нарочито демонстративной, нежели действительно глубокой.

Заложник своей немецкой фамилии, Б.В.Штюмер пытался казаться другим консервативнее, чем он был на самом деле, поскольку консерватизм ассоциировался с русскостью. Из-за этого Б.В.Штюмер производил впечатление человека, который «хочет доказать, что он русский, и старательно это доказывает».²¹ На самом деле консервативность Б.В.Штюмера была только некоей служебной функцией, но никак не органическим элементом его личных воззрений.

В Новгороде и Ярославле, будучи консерваторм на словах, на практике, как и ранее в роли председателя управы, он поддерживал тесное сотрудничество с общественностью. «Надо отдать ему справедливость», — писал В.И.Гурко по поводу губернаторствования Б.В.Штюмера в Новгородской и Ярославской губерниях, — что в обеих этих губерниях он сумел наладить отношения с местным земством. Держа перед правительством определенно правое знамя, он одновременно избегал всякого столкновения с земскими деятелями».²² Хотя на посту губернатора Б.В.Штюмер и поправел, превратившись в консервативного либерала, он еще более закрепил за собой славу политического миротворца.

Исповедание консервативно-либерального символа веры сблизило Б.В.Штюмера с И.Я.Гурляндом, приват-доцентом находившегося в Ярославле Демидовского юридического лица. Деловое общение с этим

человеком способствовало успешной службе Б.В.Штюмеру. И.Я.Гурлянд составлял ему всеподданнейшие отчеты и памятные записки. Они создали у царя представление о Б.В.Штюмере «как о выдающемся администраторе, умеющем сочетать в себе силу воли и твердости с проявлением интереса к вопросам государственной важности». ²³ Все это вело к дальнейшему упрочению положения Б.В.Штюмера при дворе. Когда в качестве губернатора он представлялся Николаю, то царь говорил с ним «не как с человеком, которого знают недавно, а как с человеком, которого помнят». Из-за этого у Б.В.Штюмера «укрепилось сознание», что царь обратил на него внимание «лично» именно тогда, когда он губернаторствовал в Ярославле. ²⁴

Действительно, деятельность Б.В.Штюмера на посту ярославского губернатора глубоко запала в душу Николая. Уже в 1916 г. он заявил протопресвитеру Г.И.Шавельскому: «Я давно знаю Штюмера, знал его, когда он еще был ярославским губернатором». ²⁵

Более того, Николай считал Б.В.Штюмера самым лучшим губернатором Российской империи. На отчете министра внутренних дел Д.С.Сипягина о посещении им в 1901 г. Ярославской губернии в том месте, где он свидетельствовал «об административном опыте и энергичной деятельности» Б.В.Штюмера, создавших ему «положение действительного хозяина губернии», Николай подчеркнул последние слова и сделал на полях совершенно беспрецедентную отметку: «Желал бы, чтобы все вообще губернаторы так сознательно и правильно смотрели на себя и на вверенное им мною дело». ²⁶ Благодаря столь высокой оценке деятельности Б.В.Штюмера он выдвинулся в кандидаты на должности в центральном аппарате МВД.

В 1902 г., по инициативе В.К.Плеве, Б.В.Штюмер назначается директором департамента общих дел МВД. В.К.Плеве, который стремился к сотрудничеству между МВД и земством, учел упрочившуюся за Б.В.Штюмером репутацию мастера политического компромисса. Министра прельстило «проявленное Штюмером в Твери и Ярославле умение будто бы твердо проводить правительственную политику, не только не раздражая при этом общественности, но даже привлекая к себе ее симпатии». ²⁷

В МВД способность Б.В.Штюмера к маневрированию проявила себя в полной мере. На должности директора он зарекомендовал себя как «человек, ловкий в общении с людьми, знавший, где и кого следовало поприжать, где и кого приласкать», и как «мастер инсценировать парадные встречи и проводы». ²⁸ Среди высших чинов МВД Б.В.Штюмер был «заметным деятелем». Он «действительно руководил губернаторами, так как все указания его носили практический характер и невольно импонировали его подчиненным». ²⁹

Либеральные взгляды Б.В.Штюмера не мешали их обладателю посещать консервативный салон генерала Е.В.Богдановича. Дело в том, что посетители генеральского салона принадлежали «к разным течениям общественно-политической мысли». ³⁰

Серьезный удар по блестящей репутации Б.В.Штюмера нанесла проводившаяся под его руководством осенью 1903 г. ревизия тверского земства, лидеры которого по-прежнему не устраивали правительство своим

радикализмом. В.К.Плеве предложил императору возложить ревизию именно на Б.В.Штюмера как на человека, «близко знакомого с условиями деятельности земства Тверской губернии по прежней службе в должности председателя Тверской губернской земской управы». ³¹

Производя ревизию земства, Б.В.Штюмер высказывал его гласным «самые либеральные мнения о деятельности земства вообще». ³² Тем самым он подчеркивал, что порученная ему миссия ни в коей мере не имеет карательного характера. Примечательно, что и отчет о ревизии Б.В.Штюмер выдержал в относительно беспристрастном духе. Безусловно, окончательный вывод ревизора был далек от полной реабилитации оппозиционеров. Однако, отметив, что деятельность «этих лиц всегда как бы на границе дозволенного и потому почти никогда не выливается в такие формы, которые могли бы служить достаточным основанием для привлечения к ответственности», он подчеркивал далее, что общественность «в их деятельности предполагается более глубокое содержание, чем оно в действительности». ³³ Следовательно, в интерпретации Б.В.Штюмера, действительная оппозиционность тверских радикалов была намного меньше оппозиционности, закрепленной за ними молвой.

После ревизии, в самом начале 1904 г., последовал роспуск тверского губернского и новоторжского уездного земств, запрет их наиболее активным членам заниматься общественной деятельностью и высылка самых оппозиционных земцев. Авторство репрессивных мер общественность, естественно, приписала Б.В.Штюмеру. Именно с этого времени он имел репутацию «крайнего реакционера». Данная репутация была заслужена им явно по недоразумению. ³⁴ Тем не менее престиж у общественности Б.В.Штюмер потерял. Но это ни в коей мере не поколебало его престижа у Николая. За ревизию тверского земства он «изъявил» Б.В.Штюмеру «высочайшую благодарность». ³⁵

Авторитет Б.В.Штюмера в глазах Николая был столь значителен, что летом 1904 г., сразу после убийства В.К.Плеве, Б.В.Штюмер казался императору самым естественным кандидатом на пост министра внутренних дел. ³⁶ Николай даже подписал соответствующий указ. Практически состоявшееся назначение Б.В.Штюмера преемником В.К.Плеве предотвратила вдовствующая императрица Мария Федоровна. ³⁷ Министерский портфель из рук Б.В.Штюмера ускользнул. Однако царь не забыл его.

После появления в роли министра внутренних дел князя П.Д.Святополк-Мирского Николай назначил Б.В.Штюмера членом Государственного совета, хотя у него не имелось необходимого для такого высокого назначения формального служебного ценза — пребывания на посту министра или звания сенатора. Такое назначение составляло «совершенно исключительный пример в истории русской бюрократии». ³⁸ Новый член Государственного совета вошел в департамент законов. Одновременно, во второй половине 1904 г., Б.В.Штюмер посвящал свои досуги салону Е.В.Богдановича. Там он рассыпался в инвективах по адресу конкурентов — П.Д.Святополк-Мирского и С.Ю.Витте. ³⁹

В январе 1905 г., когда уход в отставку П.Д.Святополк-Мирского стал вопросом времени, Николай снова вспомнил о Б.В.Штюмере. Он «был

вызван в Царское Село и вернулся министром». После этого оппозиционный журналист Л.М.Клячко беседовал с Б.В.Штюмером как с министром внутренних дел, причем он «высказывал либеральные по тому времени мысли». ⁴⁰ Однако, в конце концов, министром внутренних дел был назначен А.Г.Булыгин. Несмотря на неудачу, постигшую его на пути к получению министерского портфеля, Б.В.Штюмер сумел доказать, что среди представителей тогдашней бюрократической элиты он играет одну из главных ролей.

Именно Б.В.Штюмер дал первый толчок политическому самоопределению представителей консервативно-либерального крыла столичной бюрократии. Сразу после царского рескрипта, данного 18 февраля 1905 г. А.Г.Булыгину и извещавшего о намерении Николая создать народное представительство, Б.В.Штюмер стал приглашать к себе на совместное обсуждение политических вопросов некоторых из своих коллег по Государственному совету, сенаторов и чиновников, находившихся на службе преимущественно в МВД. ⁴¹ Основанные Б.В.Штюмером собрания переместились, из-за тесноты его квартиры, сначала к графу С.А.Толю, а затем — к графу А.А.Бобринскому. Собрания эти стали предтечей «Отечественного союза», элитарной политической организации, действовавшей в 1905—1906 гг. Впоследствии, в 1906 г., на основе «Отечественного союза» возникли правая группа реформированного Государственного совета и Постоянный совет Объединенного дворянства.

Председателем президиума «Отечественного союза» являлся граф А.А.Бобринский. Он был «на ты» с Б.В.Штюмером ⁴² и одним из его «близких друзей». ⁴³ Заместителями А.А.Бобринского члены «Отечественного союза» выбрали А.П.Струкова, родственника жены Б.В.Штюмера, и А.А.Нарышкина.

Программа союза выражала идеологию «старого», «дворянского», консервативного либерализма. Члены союза выступали против установления «такого парламентского строя, при котором (в противоположность режиму, существующему, например, в Германской империи и Соединенных Штатах) министры обязательно назначаются из среды большинства палаты и ответственны не пред главою государства, а пред палатою». Следовательно, консервативно-либеральные сановники, будучи противниками парламентаризма, заявляли себя сторонниками конституционно-дуалистической системы. Члены «Отечественного союза» отмежевывались не только от либеральной оппозиции, но и от нарождавшегося черносотенного движения. Они полагали, что «народная расправа» со «смутой», революция справа, так же как и революция слева, «угрожала бы государству неисчислимыми бедствиями, обагрила бы кровью всю Россию и ввергла бы страну во все ужасы анархии». ⁴⁴

По своему духу программа «Отечественного союза» была близка к программе партии октябристов настолько, что, как сообщил 11 декабря 1905 г. на заседании ЦК «Союза 17 октября» барон П.Л.Корф, А.А.Бобринский передал ему о желании «Отечественного союза» присоединиться к октябристам. ⁴⁵ Неудивительно поэтому, что Б.В.Штюмера и сановников его круга ортодоксальные консерваторы не считали своими единомышленни-

ками. В салоне Е.В.Богдановича Н.А.Павлов, сначала посещавший штюмеровский салон, а затем его покинувший, уже 19 апреля 1905 г. «говорил насчет Штюмера, что он и весь его кружок — либералы». ⁴⁶

Несомненно, что в конкретном контексте политического спектра начала XX в. Б.В.Штюмер являлся правым. Однако не крайне правым, не черносотенцем, т.е. сторонником свертывания политических реформ 1905—1906 г., а правым либералом (сторонником консервативно-либерального режима конституционно-дуалистической монархии, водворившегося в результате этих реформ). Новый режим соединил конституцию и самодержавие через его ограничение только в области законодательства, а не управления. Но Б.В.Штюмер как раз и мечтал о «самодержавии, находящемся в комбинации с конституционным режимом». ⁴⁷ Таким образом, он был не реакционером, каковым оказался бы в случае отстаивания абсолютистского идеала неограниченного самодержавия, а консервативным либералом, дуалистом, т.е. представителем правого крыла правительственного либерализма.

В ходе окончательного конституирования думской монархии грань, разделяющая крайне правых от дуалиста Б.В.Штюмера, стала очевидной, прежде всего для него самого. Уже 16 февраля 1906 г. он говорил А.В.Богданович, что «теперь только жалко и смешно слышать все эти разговоры Грингмута, Никольского (Бориса) и других, с пафосом ратующих за самодержавие, все это — “рыцари печального образа”, Дон-Кихоты». ⁴⁸ Очевидно, что Б.В.Штюмер принадлежал к тем представителям бюрократической элиты, которые предпочитали дистанцироваться от крайне правых.

Подобно Б.В.Штюмеру, дистанцировались от черносотенцев и сановники из правой группы Государственного совета, членом которой он стал после превращения совета в верхнюю палату. Идеология членов группы, вытекавшая из программы «Отечественного союза», базировалась на признании незыблемости Основных законов 1906 г., проникнутых идеей дуалистической системы. Именно поэтому правые сановники дистанцировались одновременно и от леволиберальных деятелей, выступавших за введение парламентаризма, т.е. за ограничение царской власти, путем расширительного толкования конституции, в области не только законодательства, но и управления. ⁴⁹

Как и его единомышленники по правой группе, Б.В.Штюмер являлся сторонником сохранения дуалистической системы. «Вообще моя теория, — подчеркивал Б.В.Штюмер, имея в виду думскую монархию, — была поддержание той системы и того государственного строя, которые были». ⁵⁰

В то же время дуализм отстаивался Б.В.Штюмером не слишком прямолинейно. Поэтому он, как мастер политического компромисса, вел по поручению Правой группы переговоры с лидерами других групп «во время сложных советских голосований». ⁵¹ Факты поручения подобного рода переговоров именно Б.В.Штюмеру свидетельствуют еще и о том, что он пользовался огромным авторитетом не только у правых, но и у левых коллег по верхней палате. Когда возник вопрос об уходе Б.В.Штюмера от активной деятельности в Государственном совете, его председатель М.Г.Аки-

мов отметил, что «правое крыло Совета лишается большой силы».⁵² Столь же огромным авторитетом Б.В.Штюрмер пользовался и у Николая. Как вспоминал сам Б.В.Штюрмер, в бытность его членом верхней палаты ему приходилось «докладывать государю очень часто, при чем государь спрашивал меня о делах Государственного совета».⁵³

Еще более ярким подтверждением того, что Б.В.Штюрмер пользовался огромным авторитетом не только у представителей бюрократической элиты, но и у царя, является обстоятельство, связанное с тем, что на протяжении всего периода думской монархии он постоянно фигурировал в качестве неперемного кандидата на самые высокие посты. Так, уже 21 апреля 1906 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием А.П.Никольский сообщил А.В.Богданович, что кандидатом в министры внутренних дел «одни называют Столыпина, а другие — Штюрмера».⁵⁴

В очередной раз кандидатура Б.В.Штюрмера в руководители МВД всплыла менее чем через два года. Л.А.Тихомиров записал в своем дневнике 25 февраля 1908 г., что в преемники П.А.Столыпина «прочат Штюрмера».⁵⁵ Хотя он оказался в коллизии с П.А.Столыпиным, разногласия между ними не носили принципиального характера — оба были дуалистами, сторонниками конституционно-дуалистической монархии, но первый — более, а второй — менее ортодоксальным. Оспаривая тактические союзы П.А.Столыпина с парламентаристами, Б.В.Штюрмер не ставил под сомнение столыпинские реформы.

Более того, в разработке и проведении некоторых из них он участвовал непосредственно. В начале 1907 г. как «особо приглашенное» лицо Б.В.Штюрмер выступил на заседании правительства, посвященном обсуждению реформы губернских учреждений.⁵⁶ В Государственном совете он оказывал поддержку П.А.Столыпину и его ближайшему сотруднику по аграрной реформе, главноуправляющему землеустройством и земледелием А.В.Кривошеину «в их начинаниях в области устройства крестьян».⁵⁷ Тем не менее в 1909 г. кандидатура Б.В.Штюрмера стала котироваться во время кризиса, разразившегося по поводу штатов морского генерального штаба, когда дуалисты из Государственного совета предъявили кабинету П.А.Столыпина обвинение в потворстве парламентаристам.

После заседания правительства, состоявшегося 7 апреля 1909 г., министры говорили о том, что члены правой группы «наметили Штюрмера в председатели Совета министров и будто Штюрмер объявил, что оставит всех министров и объявит либеральную программу — свободу печати и отмену исключительного положения».⁵⁸ Надежды правых сановников на политическое возвышение Б.В.Штюрмера были не случайными. Николай действительно вспомнил о нем и в самый разгар министерского кризиса вызвал его в Царское Село. По возвращении в столицу Б.В.Штюрмер обратился к корреспонденту кадетской «Речи» Л.М.Клячко и предложил ему напечатать под видом анонимной «беседы» свою политическую программу. Б.В.Штюрмер надеялся на то, что одновременно с «беседой» будет напечатан и указ о его назначении премьером.⁵⁹

Уникальность этой «беседы» объясняется не только обстоятельствами, сопровождавшими ее появление, но и тем, что в ней содержался сим-

вол веры тех правых сановников, которые, будучи дуалистами подобно Б.В.Штюрмеру, противостояли, с одной стороны, черносотенцам, выступавшим за неограниченное самодержавие, а с другой — кадетам и левым октябристам, исповедовавшим идею парламентаризма.⁶⁰ С точки зрения Б.В.Штюрмера, правые сановники, т.е. те, кого по недоразумению считали реакционерами, на самом деле, в отличие от псевдолибералов, были представителями истинного либерализма.

Единственное отличие настоящих либералов от псевдолибералов состояло, по мнению Б.В.Штюрмера, в том, что первые — либеральны ровно настолько, насколько либеральным являлся монарх, между тем как вторые единоличной монополии на инициативу проведения реформ, которая принадлежала царю как главе государства, не признавали. Иными словами, правые сановники выступали не против реформ вообще, а против того, чтобы они выходили за рамки легитимности, в чем действительно нельзя не усмотреть известного соответствия канонам либерализма. В подтверждение своего парадоксального вывода о большей либеральности правых Б.В.Штюрмер предлагал посмотреть на итоги деятельности псевдолиберального, с его точки зрения, кабинета П.А.Столыпина: «Оцените спокойно. Около 2 лет функционирует Дума, с которою правительство может работать. Что же за это время получило население? Отменены исключительные положения? Осуществлена свобода печати, совести и прочего? Осуществлена неприкосновенность личности? А между тем, если бы так называемым правым было поручено развивать манифест 17 октября, то я вполне уверен, что именно с этого они бы и начали. Ибо, повторяю, раз вопрос о незыблемости манифеста 17 октября решен верховной властью, раз начала этого манифеста предначертаны, то они высочайшую волю выполнили бы с точностью, которая всегда им присуща в таких случаях».⁶¹

Воплощения политической программы Б.В.Штюрмера в 1909 г. так и не произошло — П.А.Столыпин остался. Когда, как в 1904 и 1905 гг., Б.В.Штюрмер был уже на волосок от власти, чаша ее снова не коснулась его уст. Однако кризис, развернувшийся в начале 1911 г. по поводу введения земства в Юго-Западном крае, в очередной раз выдвинул Б.В.Штюрмера. «О министре внутренних дел, — отметил Л.А.Тихомиров 7 марта 1911 г., — слухи разные: говорят о Штюрмере, о Курлове».⁶² Граф И.И.Толстой записал 8 марта, что заместителями П.А.Столыпина «названы Штюрмер или Макаров».⁶³ Но уже в тот же день А.А.Бобринский категорически заключил: «Не Штюрмер и не Кривошеин, а Коковцов».⁶⁴

Кроме того, в 1911 г. Б.В.Штюрмер едва не попал в обер-прокуроры Синода. Его кандидатуру на этот пост поддерживали князь В.П.Мещерский⁶⁵ и Г.Е.Распутин.⁶⁶ Позднее степень близости своих отношений с Б.В.Штюрмером старец явно преувеличивал. Согласно официальной справке об окружении Г.Е.Распутина, составленной после 1913 г. и обобщившей данные за предыдущее время, среди его близких знакомых Б.В.Штюрмер не значился.⁶⁷

Постоянные неудачи, которые постигали Б.В.Штюрмера в связи с его попытками добиться власти, не означали того, что царь о нем забыл. На-

оборот, Николай по-прежнему оказывал Б.В.Штюмеру особое благоволение. В 1913 г., во время празднования трехсотлетия дома Романовых, он сопровождал императора и его семью при посещении ими Твери, подновив давнюю симпатию Николая. Впоследствии он ценил Б.В.Штюмера как человека, «много потрудившегося» в это время.⁶⁸

Осенью 1913 г., в связи с неутверждением левых кандидатов на должность городского головы Москвы, возникла ситуация, похожая на ту, которая была в 1892 г., после неутверждения выбранного председателя Тверской управы. Николай решил воспользоваться опытом Б.В.Штюмера по разрешению конфликтов между властью и обществом и предложить ему место московского городского головы по назначению. Министр внутренних дел Н.А.Маклаков получил относительно этого «прямые указания от государя». ⁶⁹ В пользу назначения Б.В.Штюмера говорила не только его репутация мастера политического компромисса, но и то, что, будучи членом дворянского общества Москвы, он пользовался в ней бесспорным авторитетом. Показательно, что в феврале 1912 г., во время чрезвычайного московского губернского дворянского собрания, оно выбрало именно Б.В.Штюмера для передачи губернатору приглашения прибыть на дворянское собрание.⁷⁰ Считая свое назначение в Москву предрешенным, Б.В.Штюмер пригласил к себе для беседы Л.М.Клячко. Но на этот раз дорогу Б.В.Штюмеру перебежал председатель Совета министров В.Н.Кокцов. Он лично уговорил Николая отказаться от замещения должности городского головы не избранным, а назначенным лицом.

Вынужденно пребывая вне власти, Б.В.Штюмер находил отдушину своей активности в общественной деятельности. Как когда-то в 1905 г., в 1914–1915 гг. он содержал политический салон, опять подтверждая, что является одним из лидеров консервативно-либерального крыла бюрократической элиты. Штюмеровский салон был заметным центром общественной жизни Петрограда. Он приобрел «значительное влияние и к его голосу стали прислушиваться». ⁷¹ Постановления салона доводились до сведения И.Л.Горемыкина и правых министров и, через самого Б.В.Штюмера, до министра двора графа В.Б.Фредерикса.

В отношении ориентации посетителей салона его состав был достаточно широк — от центра до крайне правых.⁷² Однако контакта с черносотенными организациями салон демонстративно не поддерживал. В этом проявилось отмеченное выше отличие правых бюрократов, являвшихся консервативными либералами, от крайне правых, чуждых какому бы то ни было либеральному флеру. Посетители салона хотели выработать «оборонительную позицию в интересах отстаивания территориальной и политической целостности России, установленного образа правления и сложившегося правопорядка управления». Таким образом, они выступали за сохранение конституционно-дуалистической системы, замену которой парламентаризмом отстаивали лидеры Прогрессивного блока.⁷³ Очевидно, что злободневные вопросы посетители салона рассматривали с точки зрения консервативного либерализма. Эту точку зрения они проводили без излишней прямолинейности, чему способствовали индивидуальные особенности хозяина салона.

«Осторожность в словах, — писал о Б.В.Штюмере Л.М.Клячко, — создавала среди лиц, приходивших с ним в соприкосновение, впечатление умеренности, которое находило подкрепление в том, что о наиболее острых вопросах он говорил без особой раздражительности». ⁷⁴ Пребывание Б.В.Штюмера во главе влиятельного консервативно-либерального салона опять обратило на него внимание царя. «Значение политического салона Б.В.Штюмера, — подчеркивал один из его участников, — не могло, конечно, не выдвинуть его имя, как политического деятеля, стоявшего на страже монархических устоев, и его деятельность не могла не вызывать внимания к нему со стороны высоких сфер». ⁷⁵ Обращение царского внимания на Б.В.Штюмера было вызвано возникновением Прогрессивного блока, выступившего за введение парламентаризма.

Николай, разделявший умеренно-дуалистические взгляды, хотел добиться компромисса с оппозицией на условии сохранения дуалистической системы при допущении в нее элементов парламентаризма. И.Л.Горемыкин, державшийся ортодоксально-дуалистической позиции, для этого не подходил. Между тем составной частью представления Николая о Б.В.Штюмере было мнение об умеренности и надпартийности его воззрений. В 1913 г. Николай характеризовал Б.В.Штюмера как «осторожного и деликатного человека», находящегося «вне всяких партий». ⁷⁶ Но самое главное — он имел у царя репутацию мастера политического компромисса — «человека, особенно пригодного для умиротворения разыгравшихся страстей». ⁷⁷ Б.В.Штюмер казался Николаю «лицом, удовлетворяющим требованиям сожительства с общественностью». ⁷⁸ Именно для примирения с оппозицией царь и решился на замену И.Л.Горемыкина Б.В.Штюмером.

Когда же именно Николай мог вспомнить о кандидатуре Б.В.Штюмера? Во время состоявшейся 10 декабря 1915 г. ⁷⁹ встречи царя с главным управляющим канцелярией по принятию прошений В.И.Мамантовым он доложил о просьбе Б.В.Штюмера поменять свою фамилию на фамилию его матери, урожденной Паниной. На справке о родословной рода Паниных, представленной Николаю, В.И.Мамантов отметил: «Высочайше повелено объявить гофмейстеру Штюмеру, что удовлетворение его ходатайства возможно лишь при согласии представительницы рода Паниных — графини Паниной». ⁸⁰ Напомнив императору о существовании Б.В.Штюмера, В.И.Мамантов невольно подтолкнул Николая, размышлявшего в это время о выборе нового премьера, к тому, чтобы задуматься о замене И.Л.Горемыкина сановником с немецкой фамилией.

Не исключено, что в выдвижении кандидатуры Б.В.Штюмера более сознательное участие приняли главным управляющий Собственной канцелярией царя А.С.Танеев и начальник царскосельского дворцового управления генерал князь М.С.Путятин. ⁸¹

Более широкое распространение среди современников и исследователей получила версия о выдвижении кандидатуры Б.В.Штюмера царшей, Г.Е.Распутиным и их окружением. ⁸² Несостоятельность этой версии видна, прежде всего, из того, что на протяжении января 1915 — января 1916 г., вплоть до 20 января, т.е. до назначения Б.В.Штюмера, Г.Е.Рас-

путин никогда с ним не встречался, а следовательно, не мог и организовать его назначение. Встреча старца с новым премьером состоялась 21 января.⁸³

В конце 1915 г. Г.Е.Распутин выступал не только против увольнения И.Л.Горемыкина, но и за усиление его политической роли. В октябре старец поддержал идею об отставке министра иностранных дел С.Д.Сазонова, соединении этого поста с постом премьера и назначении И.Л.Горемыкина канцлером Российской империи.⁸⁴ Со старцем солидаризировался князь М.М.Андроников.⁸⁵ Рекомендации представителей «безответственных влияний» царь во внимание не принял. Когда 20 октября⁸⁶ С.Д.Сазонов осведомился у Николая, насколько достоверен слух о назначении премьера канцлером, император его «решительным образом опроверг».⁸⁷ Николай вознамерился уволить И.Л.Горемыкина. Поэтому в начале ноября Г.Е.Распутин и Александра Федоровна также выступали за увольнение И.Л.Горемыкина и допускали возможность назначения его преемником одного из кандидатов императора — министра юстиции А.А.Хвостова. Однако 12 ноября Г.Е.Распутин, а вслед за ним 13 ноября и царица выступили категорически против замены И.Л.Горемыкина А.А.Хвостовым.⁸⁸

В течение второй половины ноября — декабря Александра Федоровна писала мужу в Ставку каждый день, за исключением перерывов с 17 по 24 ноября, с 4 по 11 и с 23 по 29 декабря, когда Николай находился в Царском Селе.⁸⁹ Ни в одном из писем указанного периода она ни разу не упомянула о необходимости замены И.Л.Горемыкина Б.В.Штюмером. Между тем, если бы в конце 1915 г. у Александры Федоровны или Г.Е.Распутина действительно появилась мысль о подобной замене, то эту мысль императрица непременно зафиксировала бы на бумаге.

Именно так Александра Федоровна поступила относительно предположения о замене министра финансов П.Л.Барка председателем правления Соединенного банка графом В.С.Татишевым.⁹⁰ Кандидатура графа была выдвинута его свойственником, министром внутренних дел А.Н.Хвостовым, и поддержана (без всяких последствий) Г.Е.Распутиным, Александрой Федоровной и М.М.Андрониковым.

Раз о замене И.Л.Горемыкина Б.В.Штюмером императрица ничего не написала, то, следовательно, в конце 1915 г., когда Николай задумал эту замену, Александра Федоровна и Г.Е.Распутин по-прежнему полагали, что увольнять И.Л.Горемыкина не стоит. Но это и означает, что кандидатуру Б.В.Штюмера Николай выбрал независимо от супруги и старца.

В свои намерения Николай посвятил их только после 23 декабря, по возвращении из Могилева. Во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 30 декабря в поезде, снова увозившем императора в Ставку, А.Н.Хвостов подверг сомнению монарший выбор, ибо сам претендовал на премьерство. Царица, узнав от мужа о его разногласии с министром внутренних дел, немедленно приняла точку зрения царя. «Я полагаю, — писала Александра Федоровна Николаю 4 января 1916 г., — что стоит рискнуть немецкой фамилией, так как известно, какой он верный человек, и он хорошо будет работать с новыми энергичными министрами». После встречи А.А.Вырубовой с Г.Е.Распутиным царица, передавая Николаю мнение старца, сооб-

щала 9 января, что «наш Друг сказал про Штюмера: не менять его фамилии и взять его хоть на время, так как он, несомненно, очень верный человек и будет держать в руках остальных».⁹¹ Показательно, что мнение Г.Е.Распутина дословно совпадало с мнением Александры Федоровны.

В ходе подготовки назначения Б.В.Штюмера не Г.Е.Распутин, узнавший мнение императрицы от А.А.Вырубовой, повлиял на Александру Федоровну, а она на него, точно так же как не царица повлияла на царя, а Николай на супругу. В первой половине января 1916 г., когда назначение Б.В.Штюмера было Николаем уже предreshено, в пользу этого назначения, подыгрывая царскому выбору, стали агитировать петроградский митрополит Питирим и журналист И.Ф.Манасевич-Мануйлов.

О близости замены И.Л.Горемыкина Б.В.Штюмером Питирим узнал от своего секретаря И.З.Осипенко, общавшегося с Г.Е.Распутиным,⁹² а И.Ф.Манасевич — от Питирима.⁹³ Хотя оба они, подобно царице и Г.Е.Распутину, не имели никакого отношения к выбору царем кандидатуры Б.В.Штюмера, современники считали, что в данном случае Питирим и И.Ф.Манасевич сыграли решающую роль. Однако до самого назначения Б.В.Штюмера Питирим этого сановника «не знал совершенно» и «никогда не видал».⁹⁴ Очевидно, что выдвигать кандидатуру незнакомого ему деятеля Питирим не имел никакого резона. Что касается И.Ф.Манасевича, то он с января 1915 до 20 января 1916 г., когда последовало назначение Б.В.Штюмера, с Г.Е.Распутиным не общался,⁹⁵ а следовательно — и не мог ему рекомендовать кого-либо.

При подготовке назначения Б.В.Штюмера камертон давал Николай. По возвращении из Могилева он послал Б.В.Штюмеру записку с вызовом его в Царское Село,⁹⁶ а 18 января записал в своем дневнике: «В 2 с половиной часа принял Штюмера, которому предложил место председателя Совета министров. Переговорил с ним о всех наиболее важных вопросах».⁹⁷

Разговор императора с Б.В.Штюмером, осветивший «основные вопросы государственной жизни России»,⁹⁸ «был очень длинен».⁹⁹ Разговор начался с того, что Николай, не сообщив собеседнику о цели его вызова, спросил, когда он занимал место председателя тверской земской управы. Следовательно, слава политического миротворца, снисканная Б.В.Штюмером еще в 1892–1894 гг., царю была известна. Затем разговор перешел «на земство вообще». На вопрос Николая о том, находит ли он необходимой мелкую земскую единицу, т.е. волостное земство, Б.В.Штюмер ответил, что «без нее обойтись нельзя». Когда царь осведомился у Б.В.Штюмера о его мнении относительно мировых судей, то Б.В.Штюмер заявил, что он, как почетный мировой судья, понимает, «насколько важное значение имеют мировые судьи». Рассмотрев «вопросы о местной жизни», собеседники затронули «вопрос о подоходном налоге».

Поскольку вопросы, затронутые Николаем и его собеседником, были важнейшими пунктами программы Прогрессивного блока, внимание, оказанное царем этим вопросам, как и мнение Б.В.Штюмера о необходимости их учета, свидетельствовали о наличии у них обоих очевидного стремления к установлению компромисса с оппозицией. Данное стремление выявилось еще более, когда собеседники коснулись «вопроса о Государственной думе».¹⁰⁰

Конкретно речь шла о взгляде на созыв Думы И.Л.Горемыкина, полагавшего, что ее занятия должны быть ограничены сроком в две-три недели и только рассмотрением бюджета. Специально отметив, что «таково мнение Горемыкина», а не его, царь напрямую спросил собеседника, как он к этому относится. Б.В.Штюрмер ответил, что относится «к этой постановке вопроса отрицательно», поскольку для недоверия к нижней палате «не видит причин».¹⁰¹ Б.В.Штюрмер полагал, что «нельзя заранее показывать недоверие» Думе.¹⁰² В очередной раз он выступил в амплу политического миротворца. Николай выразил сочувствие этому взгляду, заявив, что «считает возможным Государственной думе работать», находя «нежелательным сокращение ее деятельности и «высказывание недоверия».¹⁰³

В конце беседы царь подчеркнул, что разделяет мнения Б.В.Штюрмера по всем затронутым вопросам, и предложил ему премьерство.¹⁰⁴ При этом Николай повелел новому премьеру «принять все меры» к тому, чтобы «правительство избегало всяких конфликтов с Государственной думой», и дал «определенные инструкции» «улучшить отношения между правительством и палатами».¹⁰⁵

Расставшись со своим собеседником, император послал главноуправляющему Собственной канцелярией А.С.Танееву следующую записку: «Пришлите мне указ о назначении члена Государственного совета гофмейстера Штюрмера председателем Совета министров. Николай. 18 января 1916 г. Царское Село».¹⁰⁶

Избрание царем консервативно-либерального сановника, имевшего репутацию мастера политического компромисса, говорило само за себя. Миссия, которую возложил на преемника И.Л.Горемыкина Николай, состояла, по его собственному признанию, в том, чтобы «установить соглашение между Думой и правительством» и «сгладить отношения с обществом».¹⁰⁷ «На Штюрмера, — телеграфировал английский посол, — возлагались большие надежды, что он положит начало более либеральной и примирительной политике».¹⁰⁸

Вместе с тем замена И.Л.Горемыкина Б.В.Штюрмером мыслилась императору как акция, не выходящая за границы дуалистической системы, при которой законодательные палаты лишены влияния на формирование кабинета.¹⁰⁹ Таким образом, его появление в роли премьера было обусловлено не влиянием «темных сил», а желанием императора добиться компромисса с Прогрессивным блоком путем замены неуступчивого И.Л.Горемыкина более либеральным сановником. Если учесть к тому же, что в течение предыдущих 12 лет Б.В.Штюрмер уже шесть раз (в 1904, 1905, 1906, 1909, 1911 и 1913 гг.) оказывался на волосок от получения власти, странным должно показаться не то, что в январе 1916 г. назначили премьером именно его, а то, что его не назначали премьером так долго.

2. «Без столкновений, без ссор».

Б.В.Штюрмер и Прогрессивный блок (январь — май 1916 г.)

Назначение 20 января 1916 г. председателем Совета министров Б.В.Штюрмера оказало решающее влияние на последующее развитие политического процесса.¹¹⁰

Учитывая, что И.Л.Горемыкин по вопросу об отношении к Думе придерживался более правых взглядов, чем его преемник, назначение Б.В.Штюрмера надо признать осторожным, но бесспорным сдвигом влево. В отличие от И.Л.Горемыкина, ради соглашения с оппозицией новый премьер был готов на допущение в политическую практику элементов парламентаризма. Сразу после назначения Б.В.Штюрмер заявил министру народного просвещения графу П.Н.Игнатьеву, что «приложит все силы, чтобы войти в контакт и сговориться с общественностью».¹¹¹

В роли идеолога примирительной политики Б.В.Штюрмера подвизался И.Я.Гурлянд, теперь уже — член совета министра внутренних дел. Будучи политическим советником премьера, «в его сношениях с Думой» И.Я.Гурлянд «играл такую же роль», как и при П.А.Столыпине, «имел хорошее влияние на Штюрмера» и между ним и Думой «устанавливал политику примирительную».¹¹² Б.В.Штюрмер отлично знал, что И.Я.Гурлянд, заявил премьер императору в августе 1916 г., «был ближайшим сотрудником» П.А.Столыпина.¹¹³ Возвышение И.Я.Гурлянда свидетельствовало о преемственности между политикой П.А.Столыпина и Б.В.Штюрмера. Именно поэтому он являлся сторонником соглашения правительства с Прогрессивным блоком на условии сохранения дуалистической системы.

Б.В.Штюрмер осознавал, что уступки могут быть использованы оппозицией против правительства. Но премьер надеялся, что сумеет контролировать политический процесс и «при либеральном отношении своей политики сжимать в нужных случаях в бархатных перчатках не отвечающие его задачам те или иные порывы общественности».¹¹⁴ Впрочем, пока Прогрессивный блок не занял по отношению к премьеру четкой позиции, во время беседы с журналистами, появившейся в печати 20 января, Б.В.Штюрмер тешил себя иллюзиями относительно возможности соглашения между правительством и оппозицией.¹¹⁵ В тот же день он посетил М.В.Родзянко, перед которым «держался заискивающе».¹¹⁶ Осведомившись у него, «чего он и Дума желает», Б.В.Штюрмер заверил собеседника, что «всячески будет стремиться работать вместе и идти навстречу ее желаниям».¹¹⁷

В качестве шага к соглашению с оппозицией премьер запланировал раут для представителей законодательных учреждений. Б.В.Штюрмер надеялся «в беседах с лидерами разных групп сблизиться с ними и вместе с тем выказать им особое внимание».¹¹⁸ Лидеры были не склонны к общению с премьером. Это стало ясно 21 января, когда по инициативе Б.В.Штюрмера у товарища председателя Думы С.Т.Варун-Секрета прошли переговоры министра внутренних дел А.Н.Хвостова и его товарища князя В.М.Волконского с П.Н.Милюковым. Идею раута лидер кадетов категорически отверг. Уговаривая П.Н.Милюкова, В.М.Волконский заметил, что «теперь такой случай, какой никогда еще не представлялся для того, чтобы наладить правильные отношения с правительством».¹¹⁹ Но П.Н.Милюков заявил, что «никакие визиты и никакие рауты невозможны», потому что «Штюрмер не то лицо, которому мы доверяем».¹²⁰ Между тем повода для недоверия едва назначенному премьеру не суще-

ствовало. Несмотря на непримиримость П.Н.Милокова, срок созыва Думы был определен «по уговору» В.М.Волконского именно с лидером кадетов.¹²¹ Б.В.Штюмер же от организации раутов, нацеленных на сближение с оппозицией, так и не отказался.¹²²

Хотя уже в самом начале премьерства Б.В.Штюмера стало намечаться прохладное отношение к нему со стороны Думы, он по-прежнему питал надежду на то, что достижение компромисса между правительством и Прогрессивным блоком на условии сохранения дуалистической системы вполне возможно. Готовность премьера к этому компромиссу проявилась 22 января, на первом заседании кабинета с участием Б.В.Штюмера. В ходе обсуждения «вопроса о созыве Думы» и «длительности и объеме» ее занятий премьер заявил: «Мое сомнение: статья 31 Положения о Государственном совете и Думе — 7 пунктов ведения, но нет указаний о возможности организовать занятия одним пунктом».¹²³ Глава правительства напомнил о точном смысле статьи 31 Учреждения Думы. Тем самым он подверг сомнению взгляды своего предшественника, который хотел ограничить деятельность нижней палаты лишь «одним пунктом», т.е. рассмотрением бюджета. Выказываясь о проекте И.Л.Горемыкина, Б.В.Штюмер выразил убеждение, что «правительство, следуя предложенному образу действия, подорвет свою власть, и направил прения по этому пути».¹²⁴

Премьера поддержали два дуалиста (министр внутренних дел А.Н.Хвостов и обер-прокурор Синода А.Н.Волжин) и шесть членов прогрессивной группы (министры морской — адмирал И.К.Григорович, народного просвещения — П.Н.Игнатьев, земледелия — А.Н.Наумов, военный — генерал А.А.Поливанов и иностранных дел — С.Д.Сазонов, а также государственный контролер П.А.Харитонов). Б.В.Штюмер и присоединившиеся к нему министры «полагали предпочтительным издать немедленно указ о возобновлении занятий законодательных учреждений» и «вступить в переговоры с представителями этих учреждений об установлении общих взглядов с правительством на задачи предстоящей сессии».¹²⁵

От позиции, занятой премьером, члены прогрессивной группы были в восторге. А.А.Поливанов даже воскликнул: «Теперь у нас покончено с разногласиями».¹²⁶

На заседании 22 января выявился тот сегмент политического спектра, который занимал правительственный либерализм, как целое, в это время. А.Ф.Трепов мотивировал невозможность назначения М.А.Искрицкого на пост попечителя петроградского учебного округа тем, что его «убеждения не вполне совпадают с правительственными», поскольку он — «левый октябрист».¹²⁷ Таким образом, в 1916 г., как и при П.А.Столыпине, правительство соотносило себя, прежде всего, с правыми октябристами. Они составляли в IV Думе костяк фракции центра.

Центральное место правительственного либерализма в политическом спектре предопределило благожелательное отношение Б.В.Штюмера к Думе, проявлявшееся даже в мелочах. По наследству от И.Л.Горемыкина Б.В.Штюмеру перешел бланковый указ о роспуске Думы. Собираясь ехать к императору со своим первым докладом, премьер не повез этого указа. На вопрос начальника канцелярии Совета министров И.Н.Лоды-

женского о причине его поступка Б.В.Штюмер ответил: «Это я просто из суеверия делаю, чтобы не начинать доклада с такого указа».¹²⁸ Б.В.Штюмер не лукавил. Согласно его всеподданнейшей записке от 23 января, в этот день он представил Николаю проекты только двух указов — о возобновлении занятий Думы и Государственного совета.¹²⁹

Готовность Б.В.Штюмера к соглашению с оппозицией засвидетельствовала и первая крупная кадровая перемена, произошедшая в его премьерство. На докладе царю 22 января государственный контролер П.А.Харитонов подал в отставку. Вместо себя он предложил кандидатуру назначенного члена Государственного совета Н.Н.Покровского.¹³⁰ Как член КВО, он являлся парламентаристом и одним из лидеров Прогрессивного блока в верхней палате. Поэтому Н.Н.Покровский пользовался «доверием общественных кругов».¹³¹ Другим кандидатом в государственные контролеры был товарищ министра внутренних дел С.П.Белецкий.¹³² Подразумевая Н.Н.Покровского, Николай писал Б.В.Штюмеру 22 января: «Мне он кажется человеком подходящим, но сперва я желал бы знать Ваше мнение».¹³³ Б.В.Штюмер поддержал императора. Назначение Н.Н.Покровского последовало 25 января.¹³⁴ Он вошел в прогрессивную группу кабинета.

Умеренно-дуалистическая позиция Б.В.Штюмера способствовала не только сохранению доминирования прогрессивной группы, но и усилению ее влияния на течение правительственной политики. Весьма рельефно это сказывалось тогда, когда возникал вопрос о применении статьи 87 Основных законов, дававшей кабинету право издавать меры законодательного характера помимо Думы. Данная статья пользовалась неприязнью Прогрессивного блока и парламентаристов.¹³⁵ Позиция Б.В.Штюмера по вопросу о применении 87-й статьи не отличалась от позиции прогрессивной группы. Для него факты пользования этой статьей «были, как по больному месту ногтем скоблить».¹³⁶ Уже на заседании Совета министров 26 января премьер заявил о необходимости составления списка «дел по Государственной думе, движение коих для министров желательно возможно скорее», и предложил «дела по 87 статье не брать во внимание».¹³⁷

На заседании 26 января возросшее влияние прогрессивной группы сказалось и при рассмотрении дела о 5 000 000 рублей. С подачи А.Н.Хвостова они были предназначены для подкупа прессы в связи с подготовкой выборов в новую, V Думу. В постановке подобного вопроса за полтора года до истечения полномочий IV Думы не было ничего антидумского. Подготовку выборов в эту Думу правительство начало приблизительно за год до завершения работы предыдущей. Оформляя решение кабинета об отпуске указанной суммы, Б.В.Штюмер, по просьбе А.Н.Хвостова, не сообщил министрам о цели секретного кредита. Члены прогрессивной группы А.Н.Наумов и Н.Н.Покровский указали премьеру «на неприемлемость постановления в такой форме».¹³⁸

Отговаривая Николая после заседания правительства от осуществления замысла А.Н.Хвостова, граф П.Н.Игнатьев заявил: «Слава Богу, на этот путь Россия еще не становилась. Может быть, за границей уже призывали, но у нас до сих пор не слышно было об этом, да мы и не сумеем сделать, мы оскандалимся».¹³⁹

Парламентаристы усмотрели в подкупе прессы, мере вполне традиционной для политической практики тогдашних западных стран, нечто из ряда вон выходящее и, во всяком случае, достойное немедленного разоблачения. После заседания 26 января, беседуя с одним из лидеров Прогрессивного блока в Государственном совете, его назначенным членом князем Б.А.Васильчиковым, А.Н.Наумов пошел на нарушение служебной тайны и «сказал все откровенно». Благодаря откровенности теперь уже князя новость о подготовке правительства к подкупу печати дошла до Думы, предъявившей скандальный запрос, чему А.Н.Наумов «был рад». «По этому поводу, — вспоминал он не без тщеславия, — в Совете министров было заявлено о том, что как это странно, некоторые вопросы, которые носят чисто конфиденциальный характер, делаются достоянием широких масс».¹⁴⁰

В результате обструкции, устроенной А.Н.Хвостову членами прогрессивной группы и поддержанной Б.В.Штюрмером, выделение денег на подкуп печати было благополучно провалено. На заседании Совета министров 29 января правительство, в полном соответствии с пожеланиями прогрессивной группы, приняло решение о расходовании 5 000 000 рублей «по соглашению председателя Совета министров и государственного контролера».¹⁴¹ Это заставило министра внутренних дел отказаться от своей затеи. Будучи заподозрен оппозиционной печатью в подготовке роспуска IV Думы, А.Н.Хвостов поспешил публично реабилитироваться, передав редакторам газет составленное И.Я.Гурляндом заявление. В нем, «как член Государственной думы», министр уверял, что является «сторонником поддержания, а не умаления ее достоинства и значения».¹⁴²

Благожелательность по отношению к оппозиции демонстрировал и глава правительства. В конце января — начале февраля он, посещая некоторые министерства, произнес речи, ставшие новыми шагами навстречу Прогрессивному блоку. При посещении 4 февраля Министерства торговли и промышленности премьер заявил, что «в трудные минуты правительство сохраняет спокойную благожелательность».¹⁴³ Эти слова можно назвать девизом политики Б.В.Штюрмера по отношению к оппозиции на протяжении всего его премьерства.

Доказательства наличия у него «спокойной благожелательности» Б.В.Штюрмер явил накануне открытия думской сессии, согласившись на создание финансово-экономической комиссии.¹⁴⁴ Комиссия, возглавлявшаяся Н.Н.Покровским и состоявшая не только из бюрократов, но и представителей законодательных палат, содействовала парламентаризации верховного управления. Накануне начала думских занятий правительство учло мнение оппозиции и по рабочему вопросу.¹⁴⁵

Самым веским доказательством существования у премьера стремления к достижению компромисса с оппозицией на базе сохранения дуалистической системы стала правительственная декларация. Подготавливая ее, Б.В.Штюрмер был готов на авансы Думе, даже не будучи твердо уверен в том, что она их оценит.¹⁴⁶ В составлении проекта декларации, помимо Б.В.Штюрмера, участвовали И.Я.Гурлянд и И.Н.Лодыженский.¹⁴⁷ Проект понравился премьеру «своим либеральным тоном».¹⁴⁸

Конечно, стремление Б.В.Штюрмера к компромиссу с оппозицией не было беспредельным. Он хотел не капитуляции правительства, а именно компромисса, предпосылка которого — обоюдное самоограничение сторон. Накануне открытия Думы премьер заявил М.В.Родзянко, что «правительство готово пойти на уступку Блоку, при условии, что Блок сам готов также пойти на компромиссы».¹⁴⁹

Либеральная декларация выражала взгляды не только Б.В.Штюрмера, но и царя. Подобного рода программные документы представлялись на его утверждение.¹⁵⁰ Одобрение Николаем декларации свидетельствовало о его стремлении к соглашению с Прогрессивным блоком. О том же говорило и посещение царем Думы, состоявшееся 9 февраля, в день открытия думской сессии.

А.Н.Хвостов полагал, что появление Николая в Таврическом дворце было вызвано влиянием Г.Е.Распутина. Действительно, о желательности такого шага старец говорил своему охраннику в декабре 1915 г.¹⁵¹ Однако Г.Е.Распутин только вторил собственному мнению царя. Николай решил посетить Думу в первой половине ноября 1915 г. Именно тогда царица напомнила мужу, что он «полагал» «совершенно неожиданно появиться в Думе и сказать несколько слов».¹⁵² Реализации намерения Николая способствовал А.А.Клопов, доводивший до трона настроения оппозиции. По просьбе М.В.Родзянко А.А.Клопов написал императору письмо, изложив «доводы касательно посещения Думы».¹⁵³ А.А.Клопов предложил и «схему краткой речи», с которой Николай мог бы обратиться к депутатам.¹⁵⁴ А.А.Клопов высказывал только собственные мысли царя. Поэтому Николай не заставил себя долго ждать. Окончательное решение о посещении законодательных палат император принял 4 февраля.¹⁵⁵ А.А.Клопов получил короткий ответ: «Господи благослови. Николай».¹⁵⁶

Выступление самодержца перед думцами было легкой переработкой клоповского проекта. Царь указал на то, что «счастлив находиться» среди депутатов и своего «верного народа», представителями которого они являются. Николай тем самым делал доброжелательный жест по отношению к оппозиции, поскольку признал ее деятелей такими же верными подданными, как и их оппонентов. Император выразил пожелание, чтобы в основу своей работы, «ответственной перед Родиной» и монархом, депутаты положили «весь свой опыт, все свое знание местных условий и всю свою горячую любовь к нашему Отечеству».¹⁵⁷ Ответственности правительства перед Думой Николай противопоставил ответственность депутатов перед ним.

На предложение М.В.Родзянко даровать «ответственное министерство» царь ответил: «Ну, об этом я еще подумаю».¹⁵⁸ Посещением Думы Николай остался доволен.¹⁵⁹ В восторге от этого события были и парламентаристы. Реагируя на него, С.Д.Сазонов воскликнул: «Вот здравая политика. Вот настоящий либерализм».¹⁶⁰ Посещение царем Думы усилило значение парламентаристов, ориентировавшихся на оппозицию. А.Н.Хвостов отмечал, что «после знаменательного посещения Его императорским величеством Государственной думы» отрицательное отношение к ней министров «являлось бы противоречащим высочайшим предуказаниям, которые в отношении Государственной думы отныне для всех ясны и очевидны».¹⁶¹

У черносотенцев демонстрация царем расположения к оппозиционной Думе вызвала панические настроения.¹⁶² То же самое вызвала у крайне правых и декларация Б.В.Штюрмера, которую премьер зачитал после отъезда царя.

Б.В.Штюрмер согласился с тем, что война не дает оснований для торможения реформаторского процесса. Она, подчеркнул премьер, «не останавливает ни запросов времени, ни настояний политического мышления, тем более, может быть, требовательных, чем сложнее делается положение». Характеризуя природу изменений, затронувших Россию в это время, Б.В.Штюрмер отметил: «Исторические устои, на которых росло и развивалось Государство Российское, незыблемы. Но связи, основанные на обычаях, вообще на том, что входит в представление о русских народных нравах, определенно заменяются связями, вытекающими, главным образом, из интересов экономических».¹⁶³

Упоминание Б.В.Штюрмером об «исторических устоях» оппозиция поставила ему в упрек. «В ней, — подразумевая декларацию, указывал П.Н.Милоков, — было категорическое заявление о незыблемости исторических устоев, на которых росло и укреплялось Русское государство, и этого было достаточно. Перед нами был новый вариант Горемыкина».¹⁶⁴ Однако из контекста декларации видно, что П.Н.Милоков передергивал факты. Пресловутая фраза, не неся существенной смысловой нагрузки, имела чисто ритуальное значение.¹⁶⁵

Более того, ключевой пункт декларации появился по инициативе П.Н.Милокова. Беседуя 21 января с А.Н.Хвостовым, лидер Прогрессивного блока советовал упомянуть о праве Думы на законодательную инициативу в будущей правительственной декларации.¹⁶⁶ Предложение П.Н.Милокова Б.В.Штюрмер учел почти дословно. «Я, — заявил он, — возлагаю определенную надежду и на принадлежащее законодательным учреждениям право законодательной инициативы. В виду сказанного, правительство возложило на министра внутренних дел поручение принять к разработке три законопроекта, внесенных по инициативе Государственной думы: о волостном земстве, об общей реформе Городового положения, о введении земских учреждений в некоторых местностях Сибири».¹⁶⁷ Декларация, мотивируя сотрудничество правительства и оппозиции в рамках Основных законов, заключала в себе наиболее значимые пункты программы Прогрессивного блока, кроме лозунга о «министерстве доверия».

Примечательно также, что в декларации были те самые пункты программы блока (мелкая земская единица, реформа городского положения и дальнейшее распространение земства), о которых Николай беседовал с Б.В.Штюрмером накануне его назначения. Следовательно, либеральный характер декларации предопределялся либеральными взглядами не только премьера, но и царя.

Несмотря на примирительные настроения Николая и Б.В.Штюрмера, Прогрессивный блок объявил кабинету вотум недоверия. Выражая мнение лидеров оппозиции, А.А.Клопов советовал царю уже через десять дней после декларации «заменить Штюрмера более подходящим и более популярным лицом».¹⁶⁸ Узнав о вотуме недоверия, Николай воскликнул: «Что ни делается, Государственная дума остается всегда враждебной!»¹⁶⁹

Масла в огонь оппозиционности Думы подлила преувеличенная реакция думцев на дело Б.М.Ржевского. Расследование этого дела дало безосновательные поводы подозревать А.Н.Хвостова в подготовке покушения на старца.¹⁷⁰ Почувствовав, что почва под его ногами колеблется, А.Н.Хвостов решил пойти ва-банк. В обвинениях по своему адресу он увидел интригу своего заместителя С.П.Белецкого и группировавшихся вокруг Г.Е.Распутина германофилов. Поэтому во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 10 февраля,¹⁷¹ министр сообщил императору данные о том, что старец якобы «принадлежит к международной организации шпионажа» — ведь его «окружают лица, которые состоят у нас на учете». К ним А.Н.Хвостов относил банкиров Д.Л.Рубинштейна и И.П.Мануса и журналиста И.Ф.Манасевича, находившегося в распоряжении Б.В.Штюрмера. А.Н.Хвостов попросил императора уволить С.П.Белецкого и удалить Г.Е.Распутина из Петрограда.¹⁷²

Николай воспринял информацию министра с недоверием. На это царь имел веские причины. Читая подготовленную по приказу А.Н.Хвостова сводку фактов о разгульной жизни старца на стороне, Николай заметил, что «в день и час, в который произошел один из указанных в расследовании фактов, Распутин как раз находился в Царском Селе».¹⁷³ Судьбу А.Н.Хвостова решила не только сводка, но и его слепая вера в зависимость императора от «безответственных влияний». Поскольку ничего подобного не было, отставка А.Н.Хвостова стала неизбежной.¹⁷⁴ Если бы она произошла под влиянием императрицы, которая выступила за лишение А.Н.Хвостова звания камергера, то Николай, конечно же, принял бы во внимание желание жены. Но этого не случилось.¹⁷⁵

Еще менее результативно было в феврале влияние старца. Именно тогда Г.Е.Распутин послал дворцовому коменданту генералу В.Н.Воейкову записку с просьбой устроить инженера Н.К.Кульжинского «на место уходящего инженера Борисова», начальника управления железных дорог МПС.¹⁷⁶ Но вместо И.Н.Борисова, уволенного 15 февраля, 18 апреля был назначен Н.П.Осипов.¹⁷⁷ Тем не менее свою опалу А.Н.Хвостов расценил как победу «безответственных влияний» и прежде всего — Г.Е.Распутина. Об этом он говорил депутатам Думы,¹⁷⁸ в том числе В.А.Маклакову,¹⁷⁹ лидеру Прогрессивного блока в Государственном совете М.А.Стаховичу,¹⁸⁰ а 26 февраля — журналистам И.В.Гессену и М.А.Суворину.¹⁸¹

Будучи под впечатлением от дела Б.М.Ржевского, М.В.Родзянко во время встречи с Николаем, состоявшейся 24 февраля, критиковал министров и Г.Е.Распутина. Но царь «как всегда был любезен и приветлив».¹⁸²

Таким образом, в феврале 1916 г. повторяется ситуация лета 1915 г. Уступка Николая Думе, сделанная в рамках дуалистической системы, смягчив оппозиционность нижней палаты на некоторое время, не привела к полному оздоровлению внутривластной атмосферы. Прогрессивный блок по-прежнему ждал от верховной власти замены этой системы парламентаризмом. Более того, некоторые лидеры оппозиции в феврале 1916 г. расценивали дарование «министерства доверия» в качестве средства для достижения другой цели — свержения Николая с престола. Вскоре после состоявшегося 18 февраля выступления в Думе А.Н.Наумова «несколько

человек», являвшихся «заправилами Прогрессивного блока» (в том числе В.Н.Львов), которые «ранее принадлежали к лагерю стойких и убежденных монархистов», предложили А.Н.Наумову «вступить в Прогрессивный блок». Министр земледелия «поставил вопрос ребром» и спросил, намеревается ли блок «учинить государственный переворот». Думцы ответили, что они «действительно задались целью свергнуть с престола “совершенно неспособного” для управления страной Николая II» и «отстранить вместе с ним “Александру Федоровну со всем ее распутинским окружением”». Свергнув монарха, заговорщики планировали сохранить монархию. Однако они считали, что выбор кандидата на престол — «вопрос будущего». Полную эрозию лояльности парламентаристов показывало то, что А.Н.Наумов возражал заговорщикам, исходя не из принципиальных, а чисто прагматических соображений. Министр земледелия полагал, что они не должны «посягать на целость и неприкосновенность лица», занимающего престол, пока «не подысканы и определенно не намечены» его преемники.¹⁸³

Хотя оппозиционность некоторых лидеров Прогрессивного блока начинала окрашиваться в тона революционности, вопрос о роспуске открывшейся Думы или перерыве ее занятий Б.В.Штюмер не поставил. Тем самым он оказывался в противоречии с черносотенцами, которые были противниками сохранения оппозиционной Думы.¹⁸⁴

Вопреки крайне правым, несмотря на левение нижней палаты, Б.В.Штюмер начал выполнение программы Прогрессивного блока. С одобрения премьера в феврале — начале марта правительство инициировало законопроекты о кооперативах,¹⁸⁵ волостном земстве,¹⁸⁶ реформе земского¹⁸⁷ и городского положений¹⁸⁸ и введении земства в неземских губерниях.¹⁸⁹

Основной предпосылкой координирования деятельности правительства с оппозицией было примирительное отношение к ней со стороны Николая. Это выявила состоявшаяся 3 марта замена А.Н.Хвостова Б.В.Штюмером.¹⁹⁰ На аудиенции, данной премьеру 29 февраля,¹⁹¹ Николай высказал ему «неудовольствие» А.Н.Хвостовым. Император сообщил, что «просмотрел» списки чинов первых четырех классов и «спросил, — показывал Б.В.Штюмер, — кого я укажу». Премьер указал на своего близкого друга — председателя группы правых Государственного совета графа А.А.Бобринского.¹⁹² В докладе, составленном 1 марта, Б.В.Штюмер, помимо кандидатуры графа, в преемники А.Н.Хвостова прочил еще одного назначенного члена верхней палаты группы правых — князя Н.Д.Голицына, а также варшавского губернатора П.П.Стремоухова.¹⁹³ Вопрос о преемнике А.Н.Хвостова Николай решил 2 марта. Он заявил тогда Б.В.Штюмеру, что «считает более правильным, как было при Столыпине». Николай подразумевал совмещение премьерства с должностью министра внутренних дел. Напутствуя Б.В.Штюмера, царь высказался за то, чтобы МВД «не возбуждало с Думою никаких столкновений и ссор», т.е. за примирительное отношение к Прогрессивному блоку. Николай поручил Б.В.Штюмеру заняться, в качестве министра внутренних дел, выполнением тех пунктов программы блока, которые подразумевали создание волостного земства, реформу Городового положения и

распространение земства на неземские губернии. «Мне, — вспоминал Б.В.Штюмер, имея в виду эти преобразования, — было поручено ими заняться и поставить их во главу угла».¹⁹⁴ Решив назначить премьера руководителем МВД, на обороте его доклада от 1 марта Николай написал: «Танееву — о назначении Б.В.Штюмера и министром внутренних дел».¹⁹⁵ К этому решению царица была абсолютно непричастна.

В день отъезда царя в Ставку, 2 марта, с мужем Александра Федоровна почти не общалась.¹⁹⁶ О назначении Б.В.Штюмера министром внутренних дел императрица узнала только 3 марта от А.А.Вырубовой, которой премьер сообщил, что «все теперь в его руках».¹⁹⁷ Тогда же о новой кадровой перемене узнал от нее и Г.Е.Распутин. Выдавая себя за автора назначения Б.В.Штюмера, старец попытался разыграть перед И.Ф.Манасевичем-Мануйловым роль вершителя судеб России.¹⁹⁸ Делать это Г.Е.Распутину было тем легче, что замена А.Н.Хвостова Б.В.Штюмером состоялась помимо старца. Царь уведомил Александру Федоровну о назначении премьера лишь 5 марта.¹⁹⁹ Причиной появления Б.В.Штюмера во главе МВД было не влияние «темных сил», а стремление Николая к соглашению с оппозицией в рамках дуалистической системы. То же самое стремление отличало и премьера. Подтверждением этому стало видение им в товарищи министра внутренних дел А.А.Бобринского.

Оттенив всю важность назначения графа, состоявшегося 25 марта, на заседании Совета министров Б.В.Штюмер заявил: «Надо его благодарить за готовность отдать себя трудному служению. Хотя жалко лишаться его в качестве лидера правых, но сейчас важно упрочить положение товарища министра».²⁰⁰ Это были не просто красивые слова. Впоследствии из всех товарищей министра внутренних дел Б.В.Штюмер «чаще всего виделся и советовался с графом Бобринским».²⁰¹ Назначение графа, придерживавшегося, как и Б.В.Штюмер, умеренно-дуалистических воззрений, не было неким вызовом оппозиции. Это признавали, прежде всего, ее лидеры.²⁰²

Помимо «безответственных влияний» произошло не только обновление руководства МВД, но и состоявшаяся 15 марта замена военного министра А.А.Поливанова главным полевым интендантом генералом Д.С.Шуваевым.

Заявившее о себе уже в начале думской сессии неприятие Б.В.Штюмера Прогрессивным блоком самым непосредственным образом отразилось на отношении к премьеру членов прогрессивной группы. Парламентаристы идентифицировали себя не с кабинетом, а с оппозицией. После выражения блоком восторга недоверия Б.В.Штюмеру он лишился авторитета и у парламентаристов. Особой остротой отличались отношения премьера с одним из наиболее активных членов прогрессивной группы — А.А.Поливановым. Политические расхождения генерала с Б.В.Штюмером отставку А.А.Поливанова сделали вопросом времени.²⁰³

П.Л.Барк и И.Л.Горемыкин еще в октябре 1915 г. в преемники А.А.Поливанова выдвинули через Александру Федоровну помощника военного министра генерала М.А.Беляева.²⁰⁴ Его кандидатуру поддержали М.М.Андроников²⁰⁵ и Г.Е.Распутин.²⁰⁶ Николай намеревался назначить военным министром главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Н.И.Иванова. Царица

встала на точку зрения мужа, хотя ранее выступала за назначение М.А.Беляева. «Не сомневаюсь, — писала Александра Федоровна Николаю, подразумевая Н.И.Иванова, — что сердце всей Думы устремилось бы к “Дедушке”». ²⁰⁷ Мнение Александры Федоровны о Н.И.Иванове Г.Е.Распутин воспроизвел почти дословно, полагая, что «его присутствие в Думе могло бы быть очень полезно». ²⁰⁸ Но с назначением Н.И.Иванова Николай не торопился. Тогда царица снова вспомнила о М.А.Беляеве. ²⁰⁹ Тем не менее преемником А.А.Поливанова оказался личный кандидат императора — Д.С.Шуваев. Его назначение произошло вопреки мнению Александры Федоровны и Г.Е.Распутина. ²¹⁰

Д.С.Шуваев опирался на «благоволение к нему Государственной думы». ²¹¹ Поэтому он пополнил прогрессивную группу кабинета. После январско—мартовских кадровых перемен группа состояла из 8 человек, оппоненты же их, в количестве 4 человек (Б.В.Штюрмер, А.Ф.Трепов, А.Н.Волжин и А.А.Хвостов), были в меньшинстве. ²¹² Доминирование прогрессивной группы Николай сохранял сознательно. Когда после назначения Б.В.Штюрмера премьером А.Н.Наумов подал в отставку, царь ему заявил: «Раз вы в окопах, из окопов во время войны не уходят». П.Н.Игнатьеву, также просившемуся в отставку, самодержец говорил то же самое. ²¹³ Кадровые перемены первой половины 1916 г. сигнализировали, что в русле курса на «священное единение» Николай согласен со всеми пожеланиями Прогрессивного блока, лишь бы они не колебали дуалистической системы слишком явно.

Несмотря на рост оппозиционности думцев, император демонстрировал по отношению к ним несомненное расположение. В середине апреля Николай «приказал Штюрмеру избегать столкновений с Думой». ²¹⁴ Принимая во внимание точку зрения царя, премьер по-прежнему содействовал выполнению программы Прогрессивного блока. В марте—июне правительство Б.В.Штюрмера поддержало законопроекты о ревизии, ²¹⁵ отмене административной гарантии, ²¹⁶ распространении земства в неземских губерниях, ²¹⁷ крестьянском равноправии, ²¹⁸ реформе средней школы, новом университетском уставе, введении всеобщего и обязательного обучения. ²¹⁹ Как министр внутренних дел, Б.В.Штюрмер учитывал и другие пункты программы блока, в частности — об отказе от административной высылки ²²⁰ и уничтожении черты еврейской оседлости. ²²¹

Реальное согласование деятельности правительства с блокистской программой, не нарушающее Основных законов, было краеугольным камнем политики Б.В.Штюрмера. ²²² Стремлению премьера добиться компромисса с блоком отдавали должное и парламентаристы, ²²³ и его лидеры, ²²⁴ которые публично всячески критиковали правительство.

Непримиримость оппозиции, естественно, отражалась на отношении к ней кабинета, но только в области ритуала. Фиксируя суждения, прозвучавшие на заседании Совета министров 26 апреля, А.Н.Яхонтов записал: «Десятилетие Думы — 27 апреля. Вопрос о приветствии. Игнорировать. Это не юбилей». ²²⁵

В области практики готовность Б.В.Штюрмера идти навстречу Думе, не нанося ущерба дуалистической системе, была бесспорной. Готовность эта имела тем большее значение, что в корне противоречила рекоменда-

циям черносотенцев. Они продолжали настаивать на немедленном роспуске IV Думы и отсрочке выборов в новую Думу до конца войны. ²²⁶ Со стороны Б.В.Штюрмера рекомендации крайне правых по-прежнему никакого отклика не находили. Принципиальное неприятие премьера встречали и планы черносотенцев, нацеленные на лишение Думы ее законодательных полномочий. ²²⁷

Если крайне правые на политику Б.В.Штюрмера никакого влияния не оказывали, то влияние на нее Прогрессивного блока было стабильным. Солидаризирование премьера с оппозицией детерминировало отказ Б.В.Штюрмера от мер, необходимость которых ему представлялась очевидной. Характерно отрицательное отношение премьера к вопросу о милитаризации заводов. Б.В.Штюрмер находил, что «на время войны фабрики должны быть милитаризованы». Но он полагал, что «пока заседает Дума, это невозможно». ²²⁸ Когда 25 апреля социалист А.Тома посоветовал Б.В.Штюрмеру «милитаризовать рабочих», премьер воскликнул: «Милитаризовать наших рабочих! Да в таком случае вся Дума поднялась бы против нас». ²²⁹

Ориентируясь на оппозицию, Б.В.Штюрмер отказывался и от мер, которые были вполне целесообразными даже с точки зрения европейских демократий, но могли вызвать недовольство Думы. Это предопределило отрицательное отношение премьера к вопросу об ужесточении цензуры. Огромная роль оппозиционной печати в усилении антиправительственных настроений не вызвала у него сомнений. ²³⁰ Средством нейтрализации оппозиционной печати могло бы стать введение предварительной цензуры. Во всеподданнейшем докладе, относящемся к июню, Б.В.Штюрмер указывал, что «на Западе, например, во Франции, ни правительство, ни сами органы печати не остановились перед этой мерой». Но царский премьер, в отличие от западноевропейских лидеров, был противником предварительной цензуры, поскольку ее введение «едва ли не вызвало бы недовольства в обществе». Б.В.Штюрмер выступил за то, чтобы отношение власти к печати покоилось «на твердой почве» «законных полномочий». ²³¹

Ориентация мягкого дуалиста Б.В.Штюрмера на оппозицию привела к тому, что вмешательство Думы в не подлежащую ее компетенции сферу верховного управления, по сравнению с эпохой жесткого дуалиста И.Л.Горемыкина, неизмеримо возросло. Тенденцию, связанную с увеличением удельного веса Думы в политической системе старого порядка, выявила ликвидация Совещания пяти министров, которое занималось координацией снабжения армии и тыла.

Работавшие в составе Особого совещания по обороне члены Прогрессивного блока в начале мая поручили М.В.Родзянко передать Б.В.Штюрмеру, что «если Совещание пяти не будет упразднено», то все они «подадут мотивированную отставку». Выдвигая подобный ультиматум, законодатели превышали свои полномочия. Тем не менее Б.В.Штюрмер поспешил заявить М.В.Родзянко, что «тоже находит существование Совещания пяти незаконным и доложит об этом государю». ²³²

Примирительная реакция Б.В.Штюрмера объяснялась тем, что в мае, как и в начале своего премьерства, он пытался добиться компромисса с оппозицией через неформальное общение правительства с лидерами

Прогрессивного блока. С этой целью премьер организовал обед для министров и членов законодательных учреждений. Данное мероприятие М.В.Родзянко трактовал как «попытку Штюмера соединить общественные круги с правительством». Чтобы пригласить председателя Думы, премьер явился к нему самолично. «Пожалуйста, приезжайте, — сказал Б.В.Штюмер М.В.Родзянко, — будут некоторые ваши товарищи по Думе, постараемся соединиться, так как дело из рук вон плохо. Пожалуйста, запросто, на Фонтанку». Обед состоялся 12 мая в резиденции Б.В.Штюмера по должности министра внутренних дел. М.В.Родзянко использовал обед не для сближения оппозиции с правительством, а для их дальнейшего разъединения. Председатель Думы говорил по адресу кабинета «много неприятных вещей». Несмотря на непримиримое отношение М.В.Родзянко к правительству, после обеда Б.В.Штюмер показал ему «все документы»,²³³ т.е. все секретные бумаги, оформившие создание Совещания пяти.

Во время встречи премьера с императором, состоявшейся 21 мая в Ставке, Николай, по представлению Б.В.Штюмера, упразднил Совещание, возложив его функции на кабинет в полном составе. Необходимость этого премьер мотивировал, однако, не ходатайством М.В.Родзянко, а, так сказать, соображениями высшего порядка. На докладе премьера царь наложил резолюцию: «Нахожу это настоятельно необходимым».²³⁴

В ходе заседания правительства 24 мая неожиданная ликвидация Совещания пяти была одобрена. За нее высказался даже председатель Совещания А.Ф.Трепов. Делая хорошую мину при плохой игре, он заметил: «Правильно, ибо совещание не имело реальной власти».²³⁵ Позиция министра путей сообщения показательна тем более, что подготовка ликвидации Совещания произошла в полной тайне от его председателя. Даже после того, как Николай наложил соответствующую резолюцию, А.Ф.Трепов об этом ничего знал. Еще 23 мая он официально уведомлял Б.В.Штюмера, что очередное заседание уже не существовавшего Совещания переносится с 25 на 30 мая.²³⁶ Не слишком церемонное отношение премьера к А.Ф.Трепову сделало его врагом Б.В.Штюмера. Но это выявилось несколько позже. Пока же дела, входившие в компетенцию упраздненной коллегии, правительство, в полном соответствии с пожеланиями оппозиционеров, решило рассматривать в особых совещаниях.²³⁷

Примирительное отношение премьера к Прогрессивному блоку проявилось и при решении вопроса о перерыве занятий нижней палаты. В начале мая опасность, исходившая от оппозиционной Думы, была для премьера слишком очевидной, заставляя его беспокоиться о закрытии законодательных учреждений на летние вакации через месяц.²³⁸

Во всеподданнейшем докладе от 7 июня Б.В.Штюмер обвинил оппозицию в желании внушить обществу, что Дума «исполнена лучших намерений, но что она не в состоянии ничего практически осуществить, ибо правительство, опасаясь вообще всяких преобразований, ведет постоянную борьбу с прогрессивными течениями общественной мысли».²³⁹ По мнению Б.В.Штюмера и императора, утвердившего всеподданнейший доклад, все обстояло как раз наоборот. Правительство совсем не опа-

салось «всяких преобразований» и не вело «постоянную борьбу с прогрессивными течениями», будучи за преобразования и соглашение с прогрессивными течениями. Важность этого признания обуславливается тем, что оно было сделано не для публики, а в документе, не предназначенном к печати.

Если Б.В.Штюмер и вел борьбу с чем-либо, то только с попытками членов Прогрессивного блока слишком явно выйти за рамки дуалистической системы, размывая границы между законодательством и управлением.²⁴⁰ Отличие габитуса таких умеренных дуалистов, как Б.В.Штюмер, от габитуса парламентаристов и лидеров оппозиции заключалось не в том, что премьер являлся противником участия законодателей в качестве членов особых совещаний в управлении, а в том, что законы, которые регулировали это участие, понимались им не расширительно, а буквально, в полном соответствии с консервативно-либеральным дискурсом.

Во всеподданнейшем докладе от 7 июня Б.В.Штюмер писал, что «общее течение дел в законодательных учреждениях представляется сложным и требующим особого к себе внимания и неослабного наблюдения». Для разрешения обострившейся ситуации премьер, однако, прибег не к репрессиям, а к переговорам с М.В.Родзянко. Б.В.Штюмер указал председателю Думы, «в какой мере необходимо теперь же принять меры к тому, чтобы обращающие на себя внимание нежелательные проявления думской деятельности были приостановлены в самом начале, пока они не успели разрастись». М.В.Родзянко согласился с доводами премьера. Поэтому, несмотря на признанную им опасность от заседаний оппозиционной Думы, Б.В.Штюмер пришел к выводу, что роспуск законодательных учреждений на каникулы «может состояться в двадцатых числах июня и притом без необходимости прибегать к каким-либо чрезвычайным мерам». Николай согласился с премьером, написав на его докладе 10 июня: «Роспуск законодательных учреждений может состояться 20—22-го июня, но не позже». После выяснения с М.В.Родзянко «тех законопроектов, проведение которых в текущую сессию представляется необходимым, оказалось, — докладывал Б.В.Штюмер императору 12 июня, — что проекты эти могут быть закончены рассмотрением в течение одной недели».²⁴¹

В результате, по согласованию с М.В.Родзянко, срок перерыва работы Думы Б.В.Штюмер отодвинул далее срока, запланированного им ранее (начало июня). В результате прекращения думских занятий последовало тремя неделями позже — 20 июня, с тем чтобы их возобновление произошло 1 ноября 1916 г. Готовность М.В.Родзянко даже к маленькому компромиссу ввергла премьера в состояние эйфории. По окончании сессии нижней палаты, 21 июня, Б.В.Штюмер заявил А.Н.Наумову: «Вы видите, какие с Государственной думой хорошие отношения налаживаются, я иначе не могу назвать эти отношения с Государственной думой, как симфонией».²⁴²

Таким образом, умеренные дуалисты при проведении политики «священного единения» фактически выходили за границы дуалистической системы, внедряя в политическую практику старого порядка элементы

парламентаризма. Предпосылкой левения дуалистов была, с одной стороны, примирительная позиция Николая, чей политический курс, подразумевавший достижение компромисса с Думой на его условиях, т.е. на почве конституции 1906 г., пролегал между дуалистической и парламентарной системами. С другой стороны, левение дуалистов обусловила прогрессивная группа, члены которой, парламентаристы, идентифицируя себя не с правительством, а с оппозицией, также выступали за соглашение с ней, но уже на ее условиях.

3. «Пышные речи». Назначенные члены Государственного совета и Прогрессивный блок в первой половине 1916 г.

После присоединения к Прогрессивному блоку Государственного совета царь не только не разочаровался в лордах, но и по-прежнему стремился к соглашению с оппозиционной частью верхней палаты на базе Основных законов.²⁴³ Доказательством этого стали взаимоотношения Николая с одним из лидеров группы центра П.М. фон Кауфманом-Туркестанским. Парламентаристские симпатии П.М. фон Кауфмана были достаточно давними.²⁴⁴ Тем не менее именно его 10 декабря 1915 г. царь назначил на пост главноуполномоченного Российского общества Красного Креста при Ставке. Пробытие П.М. фон Кауфмана в Могилев состоялось 15 января 1916 г.²⁴⁵

Леволлиберальные взгляды П.М. фон Кауфмана не помешали его сближению с Николаем. Он относился к этому сановнику «сердечно и с уважением», поскольку «любил и уважал» его.²⁴⁶ К началу 1916 г. авторитет П.М. фон Кауфмана в глазах императора стоял настолько высоко, что именно ему Николай поручил составление проекта речи, с которой намеревался выступить перед депутатами Думы.

Проект П.М. фон Кауфмана сопровождала его приписка: «Вот что, примерно, можно бы сказать Его величеству при личном открытии Государственной думы». Несомненная либеральность отличала содержавшийся в проекте призыв императора к думцам «не медля, в дружном сотрудничестве с Государственным советом и Императорским правительством», представлять на утверждение монарха законы, которые «необходимы для доведения войны до победного конца и для удовлетворения явно назревших неотложных потребностей народной жизни». Приведенные слова должны были свидетельствовать о солидарности Николая с Прогрессивным блоком и его программой реформ. Речь императора, произнесенная им на самом деле, оказалась более компактной. Это не ускользнуло от внимания самого П.М. фон Кауфмана, отметившего на полях проекта: «Государь сказал при открытии Думы 9 февраля 1916 г. короче».²⁴⁷

К числу тех, кто поддержал Николая в его намерении посетить нижнюю палату, принадлежал не только лидер оппозиции, но и председатель правой группы граф А.А.Бобринский.²⁴⁸

Помимо Думы, 9 февраля Николай посетил и верхнюю палату.²⁴⁹ Посещение царем законодательных учреждений получило положительную оценку со стороны как парламентаристов, так и дуалистов. Они, подобно

Николаю, были сторонниками компромисса с Прогрессивным блоком на условии сохранения дуалистической системы. Назначенный член правой группы адмирал Е.И.Алексеев, отметив 10 февраля, что посещение царем Думы и Государственного совета «является добрым предзнаменованием», записал: «Можно надеяться, что правительство пойдет навстречу Думе и Совету».²⁵⁰

Шагом навстречу оппозиции стала декларация Б.В.Штюрмера, зачитанная им в обеих законодательных палатах. Понижению оппозиционности лордов она не способствовала. Помощник по гражданской части варшавского генерал-губернатора Д.Н.Любимов, посетивший 9 февраля обе палаты, сообщил А.В.Кривошеину, что «насколько был удачен приезд государя и в Думу и в Государственный совет, настолько бледно и неудачно было выступление министерства». «Незначительная и при чтении, имеющая вид отписки, — писал Д.Н.Любимов, — декларация была прочитана Б.В.Штюрмером для себя. С места, где я находился, буквально ни одного слова не было слышно. Чтение его, да и сообщения военного министра и министра иностранных дел, сильно напоминало чтение “часов” пред обеднею. Особенно это имело вид в Государственном совете; входили, выходили, разговаривали, точно ждали, когда кончатся “часы” и начнется обедня. Но чувства раздражения я не заметил, скорее апатия и злорадство».²⁵¹

Столь же плохим оратором, как Б.В.Штюрмер, являлся и А.В.Кривошеин.²⁵² Однако то, что радикально-либеральная оппозиция прощала своему стороннику, она не простила консервативному либералу. Лидеры группы центра и левых барон В.В.Меллер-Закомельский и Д.Д.Гримм выразили премьеру вотум недоверия. Лидер КВО граф В.Н.Коковцов солидаризировался с оппозицией.²⁵³

Б.В.Штюрмер не был бы консервативным либералом, если бы его политика встретила критику только слева. Члены Прогрессивного блока упрекали премьера в недостаточной либеральности, черносотенцы же вменяли ему в вину недостаточную консервативность. Упреки в этом адресовал Б.В.Штюрмеру, в связи с речью Д.Д.Гримма, председатель Астраханской народной монархической партии Н.Н.Тиханович-Савицкий.²⁵⁴

Б.В.Штюрмера поддержали только группы правого центра и правых. Ортодоксальные дуалисты перспективы блока расценивали скептически. «Государственная дума, — писал назначенный член правой группы барон Р.А.Дистерло А.В.Кривошеину, — тешится бесконечными речами против правительства и видит в Прогрессивном блоке спасение России. Удивляюсь таким тонким и умным людям, как Шульгин, что он может защищать этот Блок».²⁵⁵ Пессимизм дуалистов объяснялся тем, что с февраля 1916 г., по причине доминирования Прогрессивного блока не только в Думе, но и в Государственном совете, народное представительство функционировало в режиме однопалатной системы, что противоречило провозглашенному в Основных законах принципу двухпалатности.

Ключевая роль, сыгранная назначенными членами в установлении однопалатной системы, видна на примере такого парламентариста, как В.Н.Коковцов. Когда в начале 1916 г. он оказался, вместо князя Б.А.Васильчикова, председателем КВО, то эта группа «фактически стала близ-

кой к Левой группе»,²⁵⁶ которая ориентировалась на кадетов — наиболее принципиальных адептов парламентаризма. В качестве председателя КВО граф приобрел репутацию лидера Прогрессивного блока в масштабе всей верхней палаты. Главой блока в Государственном совете, подчеркивал Б.В.Штюрмер во всеподданнейшем докладе от 7 июня 1916 г., «должно признать графа Коковцова, официально числящегося в Группе беспартийных, но, по личным своим теперешним настроениям, всеми суждениями и действиями примыкающего к числу особенно непримиримых сторонников Прогрессивного блока».²⁵⁷

Превращение графа в лидера оппозиции детерминировалось его предшествовавшей карьерой.²⁵⁸ В эмиграции В.Н.Коковцов от какой-либо причастности к Прогрессивному блоку усиленно открешивался. По его признанию, в годы войны он «старался быть совершенно в стороне от всякого оппозиционного движения», «никогда и ни в чем» не проявляя своего «опозиционного настроения», которого в нем «и вовсе не было».²⁵⁹ Но граф явно, и довольно неловко, грешил против истины. Уклониться от участия в оппозиции В.Н.Коковцов не мог именно как председатель КВО.

Возглавляя группу Государственного совета, входившую в состав Прогрессивного блока, граф развил бурную оппозиционную деятельность. Ее засвидетельствовали не только такие оппоненты блока, как, вероятно — не вполне беспристрастный, Б.В.Штюрмер, но и парламентаристы. Подразумевая В.Н.Коковцова, министр народного просвещения граф П.Н.Игнатьев сообщал А.В.Кривошеину 17 февраля: «Он теперь председатель Группы беспартийных, вместо Васильчикова. И блаженствует! Повидимому, он хочет в Совете играть роль. Свою группу (счетом около 20 человек, а собирается около десятка) он совершенно замучил, постоянно собирая на вечерние заседания и заставляя выслушивать свои доклады на разные темы! Думается мне, что кое-кого из Центра ему удастся к себе переманить (из числа назначенных членов). Если это совершится, его роль в Совете будет значительная, так как и от Нейдгарта кое-кто отколет, и тогда между двумя флангами он станет действительным Центром (роль октябристов)».²⁶⁰

Мировоззрение В.Н.Коковцова и других оппозиционно настроенных лордов раскрыли рассуждения близкого к КВО министра иностранных дел С.Д.Сазонова, высказанные им 5 февраля 1916 г. во время беседы с французским послом Ж.М.Палеологом. На его вопрос о том, «как же может император согласовать свое самодержавие с принципами конституционной монархии, сторонником которой вы являетесь», С.Д.Сазонов стал «с жаром» объяснять: «Но сам же император установил пределы своего самодержавия и ограничил его, издав в 1906 г. Основные законы». Предлагая разобраться в сущности царского титула, С.Д.Сазонов напомнил: Иван III «принял титул царя-самодержца для того, чтобы показать, что Великое княжество Московское отныне стало суверенным и независимым, свободным от платежа дани татарскому хану». «Впоследствии, — полагал С.Д.Сазонов, — титул самодержавного царя включил в себя идею абсолютного неограниченного полновластия, полного и бесконтрольного деспотизма». Точка зрения министра иностранных дел полностью со-

впадала с воззрениями лидеров оппозиции. Воззрениям этим соответствовали и взгляды С.Д.Сазонова на природу царской власти. Основные законы 1906 г., по его мнению, ограничили самодержавие указанием на то, что «император осуществляет законодательную власть в согласии с Государственным советом и с Государственной думой». В результате этого «русский народ сам стал одним из органов, управляющих государством, а царский режим, оставаясь при божественном своем происхождении, приблизился к правовому строю современных государств». Итак, С.Д.Сазонов и его единомышленники, рассматривая Основные законы в качестве предпосылки народовластия и парламентаризма, считали, что ими самодержавие ограничено не только в законодательстве, но и в управлении. На вопрос Ж.М.Палеолога, сохранили ли Основные законы титул «самодержец» «лишь для того, чтобы соблюсти престиж верховной власти», С.Д.Сазонов ответил: «Да, приблизительно так».²⁶¹

Понимание самодержавия как титула предопределило не только поддержку парламентаристами Прогрессивного блока, но и их содействие фактическому введению однопалатной системы. Существование этой системы доказало прохождение через Государственный совет законопроекта о подоходном налоге.²⁶² Имея «небольшое финансовое значение», данный законопроект во время войны приобрел исключительно «политическое значение».²⁶³ Введение подоходного налога, подразумевавшееся программой Прогрессивного блока, продемонстрировало бы, по мысли царя, его полную готовность идти навстречу оппозиции во всем, что не касалось установления парламентаризма. Николай выразил Б.В.Штюрмеру желание, чтобы вопрос о подоходном налоге «был рассмотрен без замедления».²⁶⁴

Давая понять оппозиции о своем согласии с необходимостью принятия законопроекта о подоходном налоге, при посещении 2 февраля Министерства финансов Б.В.Штюрмер заявил: «Война с ее огромными расходами требует огромного напряжения народных сил и средств, что возлагает на Министерство финансов обязанность направить это напряжение в русло, наиболее выгодное для общего хода хозяйства народного и хозяйства государственного».²⁶⁵

Вместе с умеренными дуалистами участие в судьбе законопроекта о подоходном налоге приняли парламентаристы. Когда законопроект поступил из Думы в верхнюю палату, государственный контролер Н.Н.Покровский, ранее являвшийся членом КВО, попросил у В.Н.Коковцова содействия для проведения законопроекта в думской редакции, т.е. в редакции Прогрессивного блока. О том же попросил В.Н.Коковцова и покровительствовавший блоку А.Н.Куломзин.²⁶⁶ Обращение за содействием к лидеру оппозиции в верхней палате было крайне необходимо. Группа правых вела кампанию за провал думской редакции законопроекта. В.Н.Коковцов не замедлил откликнуться на обращенные к нему просьбы. «В Государственном совете идет подоходный налог, — сообщал П.Н.Игнатьев А.В.Кривошеину. — Можно не соглашаться с ним, но прекрасную речь сказал Коко... Если теперь проползет через Совет подоходный налог, то только благодаря его группе, которая решила поддерживать закон.

За ними потянутся и кое-кто из Правой группы (больше военных). Завтра — будет решаться».²⁶⁷ Кроме графа, в пользу немедленного принятия законопроекта высказались еще два назначенных члена КВО — С.И.Тимашев и А.Ф.Кони.

Решающее сражение между дуалистами и парламентаристами состоялось 18 февраля, когда ожидалось голосование по вопросу о том, переходить ли к постатейному обсуждению законопроекта, или же, как настаивала правая группа, передать его в комиссию для нового рассмотрения. «Пишу тебе, — обращался в этот день к А.В.Кривошеину Р.А.Дистерло, — в заседании Государственного совета, в котором уже третий день идут общие прения по подоходному налогу. Сегодня, вероятно, будет голосование нашего предложения о передаче проекта в комиссию и мы, вероятно, провалимся... Жаль, что тебя нет в этих заседаниях. Были пышные речи Кони и Кокцовца и бесконечное, с ненужными мелочами, выступление Щегловитова... В речах много язвительности и личных нападок».²⁶⁸

Для того чтобы хоть как-то оттянуть утверждение законопроекта, правая группа предложила передать его в комиссию с указанием если не бессрочного, то, по крайней мере, 30-дневного периода ее работы. С целью нейтрализовать уловку правых назначенный член группы центра Н.С.Таганцев выдвинул идею поименного голосования, и его предложение было принято. За передачу законопроекта в комиссию высказалось 53 голоса, а против — 90 голосов.²⁶⁹ Это и предрешило одобрение думской редакции законопроекта верхней палатой в целом.

Деятельность таких парламентаристов, как В.Н.Кокцов, А.Ф.Кони, Н.С.Таганцев и С.И.Тимашев (все они, кроме Н.С.Таганцева, принадлежали к КВО), впервые со времени создания Думы привела к тому, что Государственный совет перестал выступать в качестве тормоза законодательного процесса. КВО перехватил у группы правого центра роль регулятора законодательного процесса, что свидетельствовало о дальнейшем полевении верхней палаты.

Принятию законопроекта о подоходном налоге, помимо назначенных членов Прогрессивного блока, содействовал и Б.В.Штюрмер. Тем самым премьер явил доказательство того, что к компромиссу с оппозицией он стремится не только на словах. По инициативе Б.В.Штюрмера входившие в состав Государственного совета министры проголосовали вместе с оппозиционерами против передачи законопроекта в комиссию. «Штюрмер, — сокрушался Р.А.Дистерло, — так недавно еще бывший сторонником переработки проекта, теперь мобилизовал весь кабинет для голосования против комиссии».²⁷⁰ За принятие думской редакции законопроекта, вопреки мнению правой группы, голосовали и другие ее члены, в частности — генерал А.Ф.Редигер.²⁷¹ Очевидно, что осуществление одной из наиболее демократических реформ, каковой было введение подоходного налога, предрешили не только парламентаристы, но и умеренные дуалисты с Б.В.Штюрмером во главе.

Факт того, что премьер пошел навстречу Прогрессивному блоку, привел к разочарованию в нем ортодоксальных дуалистов. «Правительство — никогда еще [его] лицо не было более тускло и неопределенно, — писал

Р.А.Дистерло А.В.Кривошеину. — Штюрмер преследует одну, к сожалению, недостижимую цель — всем нравиться. Это удастся иногда ловким кокеткам. Для правительства же прием опасный. Долго это продолжаться не может и вскоре оно будет оставлено всеми. И кто теперь более представляет правительство — А.Н.Хвостов или Н.Н.Покровский?»²⁷²

Уже через месяц после назначения Б.В.Штюрмера на совещании членов правой группы Государственного совета и правой фракции Думы было признано, что «нынешнее правительство не отвечает запросам, предъявляемым правыми к государственной власти». Вследствие такого заключения участниками совещаний было «решено выставить и проводить кандидатуру на пост председателя Совета министров — Танеева и на пост министра внутренних дел — Муратова».²⁷³ Недовольство Б.В.Штюрмером ортодоксальных дуалистов, не говоря уже о черносотенцах, лишний раз доказывало, что политика, подразумевавшая не строгое соблюдение дуалистической системы, а привнесение в нее ради компромисса с оппозицией элементов парламентаризма, проводилась им на деле.

Нейтрализации критики Б.В.Штюрмера членами правой группы способствовало пребывание во главе нее друга премьера, графа А.А.Бобринского. Впрочем, уже 25 марта последовало назначение его товарищем министра внутренних дел.

Преемником А.А.Бобринского на посту председателя группы правых стал И.Г.Щегловитов, признанный лидер консервативно-либерального крыла бюрократической элиты. Будучи министром юстиции, среди дуалистов он занял положение «настоящего вождя, которому подчинялись его единомышленники как в Совете министров, так и в высшей палате».²⁷⁴

Консервативно-либеральный характер щегловитовского габитуса выявился в ходе его беседы с Ж.М.Палеологом, состоявшейся 6 января 1915 г. Раз император, полагал И.Г.Щегловитов, «олицетворяет не только верховную власть, но еще религию и родину», то «вне царизма нет спасения, потому что нет России». Мысль И.Г.Щегловитова циркулировала в рамках уваровской триады. Но это не означало признания юридической неограниченности царя, который трактовался И.Г.Щегловитовым как самый главный элемент исключительно мистического ритуала. «Царь, — утверждал И.Г.Щегловитов, — есть помазанник Божий, посланный Богом для того, чтобы быть верховным покровителем церкви и всемогущим главой Империи». Выступая с позиций мистически окрашенного национал-либерализма, И.Г.Щегловитов отвергал идеи народовластия и парламентаризма. «Конституционный либерализм, — говорил И.Г.Щегловитов, подразумевая радикальный либерализм, — есть скорее религиозная ересь, чем химера или глупость. Национальная жизнь существует только в рамке из самодержавия и православия». Признавая, что «политические реформы необходимы», И.Г.Щегловитов исходил из того, что они «могут совершиться только в духе самодержавия и православия».²⁷⁵

Ортодоксальный характер консервативно-либеральных воззрений И.Г.Щегловитова предопределил неприятие им излишне мягкого отношения к радикально-либеральной оппозиции.²⁷⁶ В то же время консервативно-либеральные воззрения И.Г.Щегловитова заставляли его дистан-

цироваться как от левых, так и от черносотенцев. Их интересы он учитывал «постольку, поскольку это отвечало его желаниям»,²⁷⁷ а потому — чаще всего не учитывал вообще. Показательна реакция И.Г.Щегловитова на письмо к нему Н.Н.Тихановича-Савицкого. Помимо И.Г.Щегловитова, оно было послано П.Ф.Булацелю, Н.А.Маклакову, К.Н.Пасхалову, А.И.Соболевскому и Л.А.Тихомирову. В письме содержался призыв исправить Основные законы и положения о Думе и Государственном совете, преследуя цель «отделения законодательства и управления, проводимых в порядке верховного управления (где власть государя действует непосредственно), от таковых же, проводимых в обычном порядке». Иными словами, Н.Н.Тиханович выступал за низведение Думы до законосовещательного органа. «Если Щегловитов и др., — писал Н.Н.Тиханович Н.Н.Родзевичу, — ничего не сделают, в чем я почему-то уверен, то мы обойдемся своими силами».²⁷⁸ Предчувствия не обманули Н.Н.Тихановича — от какого-либо участия в его затее И.Г.Щегловитов отказался. Неудивительно, что отношение к нему крайне правых было полно скептицизма. «Щегловитов, — сообщал К.Н. Пасхалов Н.Н.Родзевичу 22 апреля, — выдохся, не зарядившись».²⁷⁹

По причине своего прагматизма, доходившего порой до беспринципности, И.Г.Щегловитов не пользовался и симпатиями ортодоксальных дуалистов. По поводу его превращения в самого влиятельного лидера правой группы Р.А.Дистерло писал А.В.Кривошеину, что И.Г.Щегловитов «действительно, не к моей, впрочем, радости, приобретает преобладающее влияние в нашей группе».²⁸⁰ Если по вопросам внутренней политики между назначенными членами правой группы существовали разногласия, то по вопросам внешней политики всех их, даже бывших германофилов, объединяло стремление к максимальному использованию победы России над Германией и ее союзниками.

Внешнеполитическую программу консервативно-либерального крыла петроградского истеблишмента в апреле 1916 г. выразил обер-егермейстер И.П.Балашев. По его мнению, «положение России на всей ее западной границе и на южной станет неуязвимым», если «ныне же, — т.е. пока еще теперешние наши союзники в нас нуждаются и не успели сговориться с нашими врагами, — заключить с Англией и Францией крепкий письменный договор». Он, полагал И.П.Балашев, должен был обязать Англию и Францию согласиться на присоединение к Российской империи европейских земель Турции (в том числе Константинополя и проливов, полосы по азиатскому побережью от Черного до Эгейского моря вместе с островами против Дарданелл), западного побережья Черного моря (в том числе полосы земли, соединяющей Бессарабию с приобретениями России в Болгарии), а также Галичины, Буковины и Угорской Руси. Согласно планам И.П.Балашева, северная и восточная часть Турции подлежала протекторату России (с подчинением ей военных сил султана, как российского вассала), Персия — разделу между Англией и Россией, концессии Германии и Австро-Венгрии в Турции — распределению между Россией, Англией и Францией. Самый сокрушительный удар, по мысли И.П.Балашева, победа Антанты должна была нанести Германской импе-

рии. Она, наряду с Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, подверглась бы расчленению на составные части, с образованием нескольких самостоятельных государств — Ганновера, Касселя, Нассау, вольных городов и т.д. Восточная Пруссия по Вислу и все крепости от Данцига и Торна до Кракова вошли бы в состав России.²⁸¹ Война заставила тех дуалистов и черносотенцев, которые до нее разделяли германофильские взгляды, забыть их раз и навсегда.

Наоборот, и в 1916 г. парламентаристы по-прежнему были не чужды как германофильства, так и пацифизма. Характерна в этой связи фигура барона Р.Р.Розена, назначенного члена группы центра. Еще в 1912 г. он подготовил записку, мотивировавшую необходимость переориентации внешней политики России с Англии на Германию. Предпосылку переориентации Р.Р.Розен видел в отказе бюрократической элиты от славянофильства и панславизма. «Россия не нуждается в славянстве» и «славянство не нуждается в России», полагал барон, а потому «не может быть и речи о единении славянства под главенством России». Призывая «отречься от поклонения фетишу великой славянской идеи» и рассматривать отношения России с Австрией «под совершенно иным углом зрения», Р.Р.Розен приходил к выводу, что «вся цель нашей политики может заключаться только в том, чтобы поддерживать и укреплять возможно более дружественные с ней отношения, не менее важные, чем такие же отношения с Германиею». Барон полагал необходимым отречься не только от славянофильства и панславизма, но и от мысли, согласно которой Константинополь и проливы являются «ключом от нашего дома».

Признавая существенный интерес России в том, чтобы «проливы всегда, и в мирное и в военное время, оставались свободными для торгового мореплавания», Р.Р.Розен, однако, считал, что достигнуть этого можно не присоединением Босфора и Дарданелл к России, а «лишь путем нейтрализации их, наподобие нейтрализации Суэцкого канала, под гарантией всех великих держав». С учетом изложенной точки зрения, подчеркивал барон, участие России в Антанте не соответствовало «истинным интересам России». Кроме того, «равновесие сил, создавшееся вследствие заключения франко-русского союза, является действительной угрозой миру, а отнюдь не предохранением от опасности его нарушения». Антигерманская политика, считал Р.Р.Розен, абсолютно неприемлема еще и потому, что столкновение с Германией в случае победоносного исхода «не может дать России ничего, в случае же поражения грозит ей потерю ее западных окраин, иначе сказать, расчленением Империи».

Партнерство России и Германии «обеспечивало бы за ними сообща «гегемонию» на обоих материках и должно бы было, казалось, быть одинаково желательным и для России». Вообще, писал Р.Р.Розен, «интересам всех континентальных держав, и в том числе Франции не менее, чем Германии, скорее соответствовало бы соединенными силами составить противовес английскому господству над морями». Поскольку избегать войны России и Германии «требуют самые существенные интересы наши», ее, по мысли Р.Р.Розена, могли желать «одни лишь внутренние враги России, в надежде на погром нашего военного могущества, мечта-

ющие о низвержении существующего строя и расчленении Империи».²⁸²

С началом войны Р.Р.Розен, отложив свою внешнеполитическую программу в сторону, обратился к внутренней политике, выступая за радикальную либерализацию правительственного курса. В начале войны, записал П.Н.Милюков 17 апреля 1916 г., «идея Р.Р.Розена» состояла в том, что царь должен был «дать: 1) признание конституции, 2) автономии Польши, 3) автономии Финляндии и 4) равноправие евреев».²⁸³

После приобретения войной затяжного характера Р.Р.Розен опять обратился к своей внешнеполитической программе, которую, естественно, он не мог объявить в полном объеме. Тем не менее на заседании Государственного совета 22 августа 1915 г. с откровенностью, максимально возможной для человека его положения, барон заявил: «Для всякого желающего и способного трезво смотреть на вещи — не только у нас, но и в лагере наших противников — не может не быть ясным, что в этой мировой борьбе народов ни одной из борющихся сторон не удастся сокрушить другую».²⁸⁴

В марте 1916 г. Р.Р.Розен предпринял практические шаги, направленные на переориентацию внешней политики России если не на Германию, то на приемлемый для нее всеобщий мир. Именно это подразумевала записка барона, адресованная министру двора графу В.Б.Фредериксу для передачи царю. В ней Р.Р.Розен предлагал послать его частным образом в США «для пропагандирования вопроса о воздействии» Штатов «на капитуляцию Германии».²⁸⁵ По сути дела, Р.Р.Розен, записал П.Н.Милюков 17 апреля 1916 г., мечтал «о лиге нейтральных для посредничества („капитуляция” Германии)».²⁸⁶ Характерно, что слово «капитуляция» П.Н.Милюков закавычил. Очевидно, план барона если и подразумевал капитуляцию Германии, то не безусловную, а почетную, тем более что одиннадцать лет назад именно благодаря посредничеству США и при участии Р.Р.Розена русско-японская война закончилась подписанием Портсмутского договора, почетного не только для победительницы, но и для побежденной. К записке прилагалось интервью Р.Р.Розена американским корреспондентам и письмо к нему президента Т.Рузвельта, по инициативе которого была созвана Портсмутская конференция.

В.Б.Фредерикс передал записку Николаю 2 марта. Прочитав ее, царь, информировал Р.Р.Розена министр двора, «изволил отнестись сочувственно к высказанным Вами предположениям, предварительно же окончательного решения этого вопроса желал бы выслушать доклад по сему министра иностранных дел». Ответ императора фактически был отказом, поскольку С.Д.Сазонов являлся заведомым противником мира, что и показала состоявшаяся 7 марта встреча барона с министром. С.Д.Сазонов заявил, что «не одобряет» предположений Р.Р.Розена. Поэтому они «должны быть оставлены». Барон, однако, надеялся, что в ходе всеподданнейшего доклада С.Д.Сазонова Николай не придаст аргументам докладчика решающего значения. «Конечно, — писал Р.Р.Розен С.Д.Сазонову, — я с Вами согласен в том, что моя идея должна быть оставлена потому, что Вы, как ответственный министр иностранных дел, этой идеи не одобряете. Но я просил бы Вас при докладе об этом оттенить, что я вовсе от своей идеи не отказыва-

юсь, ибо она явилась у меня плодом не минутного увлечения, а долгого размышления».²⁸⁷ В конечном итоге взгляды царя на предложение Р.Р.Розена совпали со взглядами на это дело С.Д.Сазонова.

Впоследствии воплощение своего плана Р.Р.Розен связывал не столько с императором, сколько с Думой. Барон послал ее председателю соответствующее письмо. Позднее, 17 апреля 1916 г., Р.Р.Розен, будучи коллегой П.Н.Милюкова по делегации законодательных учреждений, посещавшей союзные и нейтральные страны в течение апреля — июня 1916 г., читал ему ответ М.В.Родзянко. Судя по всему, этот ответ оказался отрицательным.²⁸⁸ Однако Р.Р.Розен открыто заявлял о своих пацифистских воззрениях и в дальнейшем. Так, на пути в Англию барон заметил Б.А.Энгельгардту, что П.Н.Милюков напрасно «много говорит о желании русского народа вести войну до победного конца», поскольку «русский народ не о конечной победе думает, а о скорейшем окончании войны». Члены делегации расценили слова Р.Р.Розена как несомненное проявление германофильства и не пожелали «иметь с ним ничего общего». Когда посол России во Франции А.П.Извольский сообщил об отказе французского правительства принять «заведомого германофила Розена», барон оказался вынужденным вернуться в Россию непосредственно из Лондона.²⁸⁹

Если по вопросу об отношении к войне Николай расходился с парламентаристами, то по вопросу о проведении либеральных реформ, не выходящих за пределы Основных законов, у царя и лордов было много точек соприкосновения. Поэтому доминирование в Государственном совете Прогрессивного блока, проявившееся в беспрепятственном прохождении через верхнюю палату законопроекта о подоходном налоге, не вызвало у Николая никакого беспокойства. Стремление царя к соглашению с оппозицией не только в нижней, но и верхней палате привело к тому, что законопроект о подоходном налоге был утвержден императором 6 апреля.²⁹⁰ Не менее рельефно стремление царя к соглашению с лордами выявилося и в его отношении к делу бывшего военного министра генерала В.А.Сухомлинова.

В конце февраля Верховная комиссия, руководимая назначенным членом группы центра генералом Н.П.Петровым, признала необходимым дать расследованию дела В.А.Сухомлинова дальнейший ход, направив его в 1-й департамент верхней палаты. Его председателем являлся назначенный член КВО А.Н.Щербачев. Николай согласился с Верховной комиссией, несмотря на то, что считал В.А.Сухомлинова невиновным. Убеждение царя в этом было таково, что поначалу Николай собирался помиловать генерала особым рескриптом.²⁹¹ Давая 1 марта согласие на направление дела В.А.Сухомлинова в 1-й департамент, Николай заметил: «Приходится принести эту жертву».²⁹² Первый департамент постановил привлечь бывшего министра к предварительному следствию. Решение департамента император утвердил 12 марта, возложив производство следствия на сенатора И.А.Кузмина. Николай пошел на уступку Прогрессивному блоку, хотя «продолжал верить в невиновность Сухомлинова и не изменял своих чувств к нему». Монарх согласился на привлечение генерала к предварительному следствию, «не желая пользоваться своим положением».²⁹³

Исключительно ради компромисса с оппозицией, вопреки своей воле, Николай согласился и на содержание В.А.Сухомлинова под стражей и заключение его в Петропавловскую крепость. Эти меры были предприняты по инициативе министра юстиции А.А.Хвостова. За неделю до принятия соответствующего решения А.А.Хвостов доказывал императору неотложность и необходимость употребления по отношению к В.А.Сухомлинову строгостей. Николай ничего против этого не сказал. Он только заметил: «Да, да, я понимаю, что вы не испрашиваете указаний, я сам и не дал указаний».²⁹⁴ В действительности царь являлся противником заключения бывшего министра.²⁹⁵ Впоследствии на докладах А.А.Хвостова Николай «всякий раз возбуждал вопрос, нужно ли такое отношение к Сухомлинову», «на том основании, что он старик и никуда не убежит». Б.В.Штюрмер солидаризировался с императором. Но внешне, вспоминал А.А.Хвостов, отношение премьера к делу В.А.Сухомлинова было «согласное с моим».²⁹⁶

Узнав о разногласии мужа с министром юстиции, Александра Федоровна, ранее относившаяся к В.А.Сухомлинову отрицательно, также поддержала Николая.²⁹⁷ Несмотря на разногласия царя с оппозицией по делу В.А.Сухомлинова, прагматическое стремление к соглашению с ней перевесило в Николае его личные чувства. Показательна царская резолюция, наложенная 19 мая на всеподданнейшем докладе А.Н.Куломзина по поводу десятой годовщины реформы верхней палаты: «Искренно благодарю Государственный совет».²⁹⁸

Примирительные настроения царя не означали, что вопрос о политическом облике лордов потерял обретенную им с августа 1915 г. особую остроту. Злободневность этого вопроса нашла свое выражение в прекращении пополнения назначенной части тех групп, которые вошли в Прогрессивный блок. Последнее назначение в КВО (П.А.Игнатьева) произошло в январе 1915 г., а в группу центра (С.Ф.Вебера) — в феврале 1914 г.²⁹⁹ В 1916 г. членами Государственного совета Николай назначил 14 человек. Только пять из них были определены к присутствованию, причем трое вошли в группу правых и лишь один — в группу правого центра.³⁰⁰

Даже пополнение группы правого центра вызывало у наиболее непримиримых оппонентов оппозиции самое серьезное беспокойство. «Нельзя ли быть более осторожным при назначении членов Государственного совета? — писала царица супругу, передавая впечатления Н.А.Маклакова по поводу появления в верхней палате товарища министра путей сообщения П.Н.Думитрашко, вошедшего в группу правого центра. — Маклаков говорит, что многие преданные люди огорчены, что правительство сажает туда тех, кого не одобряет, как, например — Думитрашко, которого Трепов, желая от него избавиться, просит назначить в Государственный совет... Государственный совет должен быть лояльно правым».³⁰¹ Опасения Н.А.Маклакова имели основания. В первой половине 1916 г. назначенные члены верхней палаты являлись весьма активными сторонниками Прогрессивного блока.

Парламентаристы действовали в тесном контакте с лидерами оппозиции. Характерно в этом смысле поведение А.А.Поливанова, в середине

марта замененного Д.С.Шуваевым и вернувшегося в КВО. «На этих днях, — подразумевая А.А.Поливанова, сообщал М.М.Андроников дворцовому коменданту генералу В.Н.Воейкову 28 марта 1916 г., — этот кадетствующий хулиган уезжает в Крым к своему другу — наместнику сатаны Гучкову, где обе эти нечистые силы будут обсуждать, как бы побольше наделать гадостей Д.С.Шуваеву и поскорее спихнуть его с места».³⁰² Оппозиционную деятельность лордов подпитывала их вера во всемогущество «безответственных влияний».³⁰³

Параллельно поляризации, разделившей парламентаристов и дуалистов, продолжалась и поляризация внутри дуалистов. Ее итогом было левение сановников, чей консервативный либерализм всегда отличался безусловной ортодоксальностью. Такой столп группы правых, как А.С.Стишинский, к маю «сделался карбонарием и стал говорить по адресу правительства невероятные вещи».³⁰⁴

Показателем роста оппозиционности не только парламентаристов, но и дуалистов было датированное 2 июня заявление 31 члена Государственного совета. Они обвиняли правительство в проведении «мер, теперь уже подходящих к разрушению самих основ хозяйства, и притом мер, проводимых нередко одновременно несколькими несогласованными органами власти». «Все вышеизложенные обстоятельства и другие тягостные условия» внушали авторам заявления «опасения о сокращении в ближайшем будущем производства продуктов сельского хозяйства, а это в свою очередь угрожает и существенным интересам государства». Сановники обращались к министрам путей сообщения А.Ф.Трепову, торговли и промышленности князю В.Н.Шаховскому и земледелия А.Н.Наумову «за разъяснениями: какие меры министры предполагают предпринять в возможно скором времени для устранения исключительно тяжких условий, в которые ставится сельскохозяйственная промышленность России». Заявление подписали 18 выборных и 13 назначенных членов. Если все выборные члены были причастны к Прогрессивному блоку, то из числа назначенных членов блокстами являлись только 2 человека.³⁰⁵ Следовательно, лорды-дуалисты переставали быть опорой правительства.

Рост оппозиционности назначенной части верхней палаты вызвал у премьера беспокойство. Во всеподданнейшем докладе от 7 июня Б.В.Штюрмер отмечал, что «положение дел в законодательных учреждениях все же не возбуждало бы опасений, если бы можно было с уверенностью полагать, что Государственный совет, в его теперешнем составе, является безусловно цельной государственной единицей, вполне обеспечивающей государственные интересы». «Но этого, к сожалению, — делался неутешительный вывод, — сказать нельзя, так как стремления и задания так называемого “Прогрессивного блока” Государственной думы нашли себе весьма ощутительную поддержку среди многих достаточно влиятельных членов Государственного совета, в том числе и среди членов Совета по назначению». В верхней палате, констатировал Б.В.Штюрмер, «имеется немалочисленная группа лиц из состава членов по назначению, которая общим направлением своей деятельности, и особенно голосованием в делах политической важности, решительно примыкает к Прогрес-

сивному блоку. Эта группа не только готова своими голосами содействовать прохождению думских законопроектов в духе Блока, но и усиленно побуждает к тому же всех сомневающихся и колеблющихся». ³⁰⁶ Отдавая отчет в опасности роста оппозиционности назначенной части, Б.В.Штюрмер тем не менее надеялся нейтрализовать его не репрессиями, а благожелательными жестами.

Именно в июне премьер предложил В.Н.Коковцову возглавить делегацию России на Парижской конференции, проходившей в начале июля. ³⁰⁷ Вместо него в Париж поехал другой парламентарист — Н.Н.Покровский.

Б.В.Штюрмер явил благожелательство и по вопросу о роспуске Государственного совета на летние каникулы. Первоначально роспуск намечено было осуществить одновременно с роспуском Думы, 20 июня. Однако А.Н.Куломзин сообщил Б.В.Штюрмеру, докладывая он императору 16 июня, что после ознакомления «с перечнем дел, имеющих быть рассмотренными в Государственной думе» и «в виду заявлений отдельных министерств о крайней необходимости проведения некоторых законопроектов через Государственный совет в текущую его сессию, он признавал бы желательным продление сессии Государственного совета на несколько дней после закрытия Государственной думы». Премьер находил «существенно важным», чтобы «некоторые из внесенных в законодательные учреждения министерских проектов были по возможности скорее облечены в форму законов». Памятуя, что Николай повелел прервать занятия палат «20—22-го июня, но не позже», Б.В.Штюрмер ходатайствовал о разрешении прервать занятия верхней палаты 22 июня, на что 18 июня последовало согласие царя. ³⁰⁸ Примирительное отношение Б.В.Штюрмера к Государственному совету предопределялось не только его взглядами, но и позицией монарха.

Хотя заявление 31 члена верхней палаты было выпадом против его правительства, Николай полагал необходимым дать на него ответ. Во время состоявшейся 15 июня в Могилеве встречи с А.Н.Наумовым император согласился с доводами министра о том, что ему надо немедленно поехать в Петроград и ответить на заявление, ибо «только при самом близком соприкосновении к палатам можно найти *modus vivendi* [способ мирного сосуществования. — С.К.]». «Я согласен, — заявил император, — и чем скорее, тем лучше, в этом деле промедление — смерти подобно». ³⁰⁹

Проблема ответа на заявление обсуждалась на заседании кабинета 17 июня. «В Государственном совете, — записал тогда А.Н.Яхонтов, — вопрос о сельском хозяйстве. Кому выступать?» ³¹⁰ Если А.Н.Наумов ради соглашения с оппозицией намеревался выступить перед верхней палатой, то Б.В.Штюрмер и другие дуалисты, руководствуясь той же самой целью, этого не хотели. Они опасались, что выступления министров могут еще более обострить отношения правительства с палатами.

На совещании 21 июня в составе Б.В.Штюрмера, А.Н.Наумова, А.Ф.Трепова, А.А.Хвостова и В.Н.Шаховского премьер объявил министру земледелия: «Другие министры считают, что теперь неуместным является какое бы то ни было выступление, потому что так налаживаются отношения законодательных палат с правительством, что хотелось бы их не портить». А.Ф.Трепов

посоветовал выступить либо Б.В.Штюрмеру, либо А.Н.Наумову. Тогда Б.В.Штюрмер обратился к министру земледелия: «Но уверены ли вы, что, выступив сегодня в Государственном совете, вы заручитесь симпатиями большинства?» А.Н.Наумов уверенности в этом не высказал. «Вот видите, — заявил премьер, — если же у вас нет такой уверенности, что все будет благополучно, следовательно, раз законодательные палаты прекратят работу, у нас останется осадок между правительством и законодательными палатами».

А.Н.Наумов от выступления отказался, но одновременно подал в отставку. Б.В.Штюрмер попросил вице-председателя Государственного совета И.Я.Голубева снять вопрос о выступлении А.Н.Наумова с повестки дня. Однако вместо умиротворения верхней палаты произошло нечто совершенно противоположное. Решение, инициированное Б.В.Штюрмером, вызвало в Государственном совете «страшные трения», из-за чего «страсти разгорелись». Сановники, подписавшие заявление, пошли на частное совещание и заставили А.Н.Куломзина снова поставить вопрос о выступлении А.Н.Наумова на повестку дня. «Общее сочувствие» лордов оказалось на стороне министра земледелия, а не премьера. ³¹¹

Вся роковая двусмысленность подобной ситуации должна была проявиться с переходом Прогрессивного блока в ноябре 1916 г. к «штурму власти».

4. «Какая-то конспирация». Ставка и оппозиция при М.В.Алексееве (август 1915 — июнь 1916 г.)*

Перемена верховного главнокомандования не вывела Ставку, находившуюся в Могилеве, из числа союзников парламентаристов. Наоборот, она стала содействовать им еще более последовательно. Связано это было с появлением в роли начальника штаба верховного главнокомандующего генерала М.В.Алексеева. ³¹²

К политике И.Л.Горемыкина генерал относился критически. М.В.Алексеев, констатировал состоявший при Ставке левый журналист М.К.Лемке в октябре 1915 г., «не разделяет курс современной реакционной политики». ³¹³ Критическое отношение генерала к правительству объяснялось тем, что он являлся представителем левого крыла правительственного либерализма, т.е. парламентаристом. Отношение М.В.Алексеева к черносотенцам было не просто отрицательным, но и презрительным. ³¹⁴

Еще до войны М.В.Алексеев пользовался известностью как деятель, «ярко-иронически относившийся к царю». ³¹⁵ Оппозиционность М.В.Алексеева вдохновлялась его верой во влияние на Николая «темных сил». Если генерал и был предан императору, то «недостаточно крепко, хотя бы до забвения сплетен». ³¹⁶ В начале сентября 1915 г. Николай сообщил М.В.Алексееву о желании Г.Е.Распутина приехать в Могилев. Император, по совету начальника штаба, решил не пускать сюда старца «ни в каком случае». ³¹⁷

* И известные на сегодняшний день источники, освещающие сюжет о заговорах (и особенно о степени вовлеченности в один из них М.В.Алексеева), и уровень их осмысления С.В.Куликовым представляют редакцию серии НРИИД явно недостаточными для тех выводов, к которым приходит автор данной монографии. Тем не менее, руководствуясь соображениями сохранения целостности исследования и общей концепции С.В.Куликова, редакция решила не править автора и оставить этот и другие связанные с ним сюжеты (например, параграф 4 главы 3) в том виде, в каком они представлены автором монографии (*Прим. редакции*).

В соответствии с габитусом М.В.Алексеева его отношение к оппозиционным организациям отличалось исключительной благожелательностью.³¹⁸ Назначая своим ближайшим сотрудником либерального генерала, царь учел общественное мнение. М.В.Родзянко заявил Николаю 11 августа 1915 г. «о желании всех видеть на месте Янушкевича генерала Алексеева».³¹⁹ Назначение М.В.Алексеева начальником штаба объяснялось также тем, что царь питал к М.В.Алексееву личную симпатию. Она базировалась на сходстве их индивидуальностей.³²⁰

Симпатия Николая к М.В.Алексееву облегчала сотрудничество верховного главнокомандующего и начальника его штаба в чисто военной сфере. «Не могу тебе передать, — сообщал император супруге уже вскоре после приезда в Могилев, — до чего я доволен генералом Алексеевым. Какой он добросовестный, умный и скромный человек, и какой работник!»³²¹ Деловое общение Николая и М.В.Алексеева облегчалось и тем, что при планировании фронтовых операций и руководстве ими монарх давал полную свободу своему начальнику Штаба, который временами, особенно в отсутствие Николая, делался фактическим верховным главнокомандующим.

Ежедневно в 11 часов царь отправлялся в штаб. Там он выслушивал доклад М.В.Алексеева, который продолжался до завтрака, т.е. до 12.30. «Собственно говоря, — вспоминал протопресвитер Г.И.Шавельский, — этим часовым докладом и ограничивалась работа государя, как верховного главнокомандующего. Об участии его в черновой работе, конечно, не могло быть и речи. Она исполнялась начальником Штаба с участием или без участия его помощников, а государю подносились готовые выводы и решения, которые он волен был принять или отвергнуть».³²² Это не значит, однако, что царь являлся верховным главнокомандующим только номинально. При принятии крупных решений роль Николая была велика.

Помощник М.В.Алексеева генерал В.Н.Клембовский вспоминал после революции, что царь «относился к боевым операциям не только сознательно, но он ими руководил и давал определенные указания Михаилу Васильевичу».³²³ При этом воля Николая иногда пересиливала волю М.В.Алексеева, что проявилось уже в начале сентября 1915 г. Тогда по причине германского наступления возник вопрос о переносе Ставки из Могилева в другой город. Инициатором переноса выступил начальник штаба. Царь являлся противником этого.³²⁴ Даже царица не отрицала резонности доводов М.В.Алексеева.³²⁵ Для изучения вопроса о переносе начальник штаба поручил коменданту Ставки генералу С.П.Саханскому образовать особую комиссию. Посетив Вязьму, Калугу, Ржев и Тверь, комиссия пришла к выводу, что самым лучшим местом явилась бы Калуга.³²⁶

Вопрос о переносе Ставки казался окончательно решенным. Император информировал супругу 14 сентября, что переезд в Калугу «отнимет пять или шесть дней».³²⁷ На телеграмме дворцового коменданта генерала В.Н.Воейкова управляющему МВД князю Н.Б.Щербатову о переносе Ставки в Калугу М.В.Алексеев наложил резолюцию: «Возражений и дополнений не имею». Но уже через три дня, 17 сентября, М.В.Алексеев изменил свое решение.³²⁸ Вызвано это было улучшением ситуации на фронте. Оно, в свою очередь, явилось итогом решения, принятого по инициативе Николая. Во

время состоявшегося 3 сентября доклада М.В.Алексеева начальник штаба получил от императора «определенные указания». Николай, сообщил тогда же М.В.Алексеев придворному историографу генералу Д.Н.Дубенскому, «повелел дать телеграмму по всему фронту, что теперь ни шагу далее. Надо задержаться и укрепиться».³²⁹

Положение на фронте стабилизировалось, и Ставка осталась в Могилеве. В.Н.Воейков телеграфировал 21 сентября калужскому губернатору Н.С.Челыкаеву: «Перенесение Ставки в Калугу временно откладывается, потому выселение беженцев возможно приостановить».³³⁰ По вопросу о переносе Ставки точка зрения Николая возобладала над точкой зрения М.В.Алексеева. Но это ни в коей мере не поколебало полновластия генерала в военной сфере.

Не только исключительное положение начальника штаба, занимавшееся им в армейской иерархии, но и леволиберальные убеждения М.В.Алексеева толкали его на то, чтобы, содействуя оппозиции, стремившейся к введению парламентаризма, вмешиваться в политику. Впрочем, это затруднялось уклонением императора от обсуждения политических вопросов с теми, кто, как начальник штаба, прямого отношения к ним не имел.³³¹ Несмотря на особенности поведения монарха, в Ставке «велась скрытая упорная работа», имевшая целью побудить Николая «изменить направление его внутренней политики». Выразителем этой работы перед императором являлся М.В.Алексеев.³³²

Несмотря на сверхосторожность начальника штаба, его стремление играть политическую роль не скрылось от осведомленного наблюдателя. Комментируя сказанные ему 8 ноября 1915 г. слова генерал-квартирмейстера Ставки М.С.Пустовойтенко о том, что, «в конце концов, Алексеев будет просто диктатором», М.К.Лемке записал: «Не думаю, чтобы это было обронено так себе. Очевидно, что-то зреет, что-то дает основание предполагать такой исход... Не даром есть такие приезжающие, о цели появления которых ничего не удастся узнать, а часто даже и фамилии их не установишь... Да, около Алексеева есть несколько человек, которые исполнят каждое его приказание, включительно до ареста в могилевском дворце».³³³

Претензии начальника штаба играть политическую роль поддерживали парламентаристы, в частности военный министр генерал А.А.Поливанов, и лидеры оппозиции, прежде всего А.И.Гучков.³³⁴ Он посылал М.В.Алексееву письма, содержавшие преувеличенно пессимистические оценки. «Переменился глава, а весь механизм остался прежний, — имея в виду замену В.А.Сухомлинова А.А.Поливановым, жаловался А.И.Гучков 7 августа 1915 г. в письме, переданном М.В.Алексееву через журналиста А.И.Ксюнина. — А с коренным ремонтом этого механизма медлят. При таких условиях многого от нас не ждите».³³⁵ Отношения М.В.Алексеева и А.И.Гучкова были лишены всякой формальности. Когда в начале 1916 г. А.И.Гучков заболел, М.В.Алексеев послал ему телеграмму.³³⁶

Поскольку А.И.Гучков пользовался репутацией заговорщика, М.В.Алексеев общался с ним через посредников. Ими были командир Уссурийской конной дивизии генерал А.М.Крымов и товарищ председателя ЦВПК М.И.Терещенко.³³⁷ Вообще же официальные отношения А.И.Гучкова и начальника штаба не вышли за рамки переписки.

Контакты с кадетской партией М.В.Алексеев поддерживал через И.П.Демидова, члена ее ЦК, депутата IV Думы и уполномоченного Земского союза. В годы войны И.П.Демидов «сблизился» с генералом.³³⁸ Другие кадеты боялись скомпрометировать М.В.Алексеева. «Члены Государственной думы М.В.Челноков и А.И.Шингарев, — записал 29 декабря 1915 г. М.К.Лемке, — хотели приехать к Алексееву для общей беседы, но потом отдумали, зная, что это будет истолковано не в его пользу». «Кадеты, — указывал М.К.Лемке, — спят и видят войти в связь с начальником Штаба. Хочется им окружить Алексеева своими путами и сделать его орудием своих длинных, но немощных рук. И я думаю, что они могут иметь некоторые шансы, потому что начальник Штаба начинает, кажется, понимать сладость самодержавия, ну, а дальше конституционализма его, конечно, не выбросит».³³⁹

Личные связи М.В.Алексеева с лидерами оппозиции стали более тесными в начале 1916 г. Именно тогда 12 января, формально — для участия в совещании по продовольственному обеспечению армии, в Ставку приехал главноуполномоченный Городского союза М.В.Челноков. Он хотел передать М.В.Алексееву, в качестве городского головы Москвы, резолюцию московской городской думы. Резолюция требовала доведения войны «до победного конца».³⁴⁰ Разговор, состоявшийся между М.В.Челноковым и М.В.Алексеевым, был «очень дружественный». Генерал заявил собеседнику, что «к городским организациям в Ставке самое доброжелательное отношение».³⁴¹ Пребывание М.В.Челнокова М.В.Алексеев попытался использовать для устранения разрыва между властью и обществом, который наметился в сентябре 1915 г. после отказа Николая принять депутацию Земского и Городского съездов.

К осуществлению своего замысла М.В.Алексеев привлек министра двора графа В.Б.Фредерикса. Граф записал, что 13 января в 17.30 М.В.Алексеев попросил его по телефону, чтобы он «испросил государя принять и пригласить к обеду» М.В.Челнокова.³⁴² Николай, по мысли генерала, должен был заявить М.В.Челнокову, что «благодарит Москву за заботы об армии».³⁴³ Встреча царя с главноуполномоченным Городского союза произошла в тот же день, 13 января,³⁴⁴ и длилась четверть часа.³⁴⁵ Сообщив императрице, что, к его «большому удивлению», в Ставку приехал «председатель Союза городов», Николай писал: «За несколько минут до обеда я принял Челнокова наедине — он поднес мне теплый адрес от Москвы, в котором благодарит войска за хороший прием, оказанный делегации, посланной для распределения подарков солдатам. Он тяжело дышал и вскакивал каждую секунду со стула, пока разговаривал. Я спросил его, хорошо ли он себя чувствует, на что он отвечал утвердительно, но прибавил, что он привык представляться Николаше [т.е. великому князю Николаю Николаевичу. — С.К.] и никак не ожидал увидеть здесь меня. Этот ответ и все его поведение понравились мне этот раз!»³⁴⁶

Прием царем одного из лидеров оппозиции был «очень благосклонным»³⁴⁷ и «ободряющим».³⁴⁸ Во время него царь указал «на значение работы общественных организаций».³⁴⁹ По поводу резолюции московской думы Николай спросил: «Почему эта прекрасная резолюция не была послана прямо мне?» Когда М.В.Челноков зачитал ее вслух, то царь остался

«очень доволен». Он заявил: «Я согласен с каждым словом в этой резолюции. Мир не может быть заключен, пока не будет достигнута полная победа. Вы совершенно правы, выражая свою благодарность Англии. Мы должны преклонить перед ней колени». Затем Николай расспросил о положении в Москве. М.В.Челноков сообщил, что «там нет топлива и ощущается недостаток продовольствия вследствие плохой работы железных дорог». Поэтому «приходится считаться с возможностью волнений в течение зимы». Царь ответил, что «если народ мерзнет и голодает, к нему нельзя быть слишком суровым, даже если он прибегает к насилию». После этого «с подозрением в голосе» Николай спросил М.В.Челнокова, не преувеличивает ли он. М.В.Челноков уверял собеседника, что нет. Николай, по сведениям английского резидента Р.Г.Брюса Локкарта, пообещал: «Все, что я могу сделать для смягчения этого положения, будет сделано».³⁵⁰ Сведения Р.Г.Брюса Локкарта соотносятся с информацией М.К.Лемке. Согласно последнему, на слова М.В.Челнокова «о тех затруднениях, которые Москва испытывает в продовольствии и топливе», Николаем «было твердо заявлено, что для полного удовлетворения Москвы будет сделано все, что в человеческих силах».³⁵¹

На следующий день, 14 января, формально также для участия в продовольственном совещании, в Ставке появился и главноуполномоченный Земского союза князь Г.Е.Львов. Он «сидел все время в вагоне», где «с глазу на глаз» общался с М.В.Алексеевым «в течение одного часа».³⁵² Г.Е.Львов не был приглашен к высочайшему столу только из-за отъезда царя в Петроград. В работе Продовольственного совещания князь усмотрел «общее расположение к Земскому союзу, в особенности в чисто военных сферах».³⁵³ После разговоров «со многими ответственными лицами» Ставки Г.Е.Львов и М.В.Челноков вынесли впечатление, что «работа общественных организаций весьма их с войсками сблизил».³⁵⁴

Сближению М.В.Алексеева с лидерами оппозиции способствовали не только его парламентаристские взгляды, но и вера генерала во всесилье «безответственных влияний». Намекая на царицу и А.А.Вырубову, М.В.Алексеев заявил Г.Е.Львову и М.В.Челнокову: «С императором все благополучно. Единственная помеха — это шлюхи, которые вертятся около него».³⁵⁵ Демонстрируя расположение к лидерам оппозиции, М.В.Алексеев исходил из того, что «надо пытаться примирить царя с обществом и в частности со Львовым».³⁵⁶

Союзником генерала, казалось бы, мог явиться сменивший И.Л.Горемыкина Б.В.Штюрмер. Первые контакты нового премьера с начальником штаба были вызваны стремлением Б.В.Штюрмера к учету мнения оппозиции. По просьбе редактора кадетской «Речи» И.В.Гессена премьер послал телеграмму М.В.Алексееву с пожеланием отменить запрет на оставление в газетах «белых мест».³⁵⁷ Позднее, 30 января, Б.В.Штюрмер принял у себя членов Общества редакторов ежедневных газет Петрограда. Они вручили премьеру записку «о тяжелом положении печати». Б.В.Штюрмер обещал принять «все зависящие от него меры к улучшению этого положения».³⁵⁸ К письму М.В.Алексееву от 31 января, в котором Б.В.Штюрмер поддержал соображения своей телеграммы, он приложил копию записки. Премьер указал, что ее аргументацию «не может

не признать вполне основательной», поскольку «накануне открытия сессии законодательных учреждений создавать какие-либо затруднения для печати нежелательно».³⁵⁹ Однако сотрудничества между начальником штаба и премьером не получилось.

Довольно скоро М.В.Алексеев начал относиться к Б.В.Штюрмеру отрицательно. В апреле, подразумевая отнюдь не премьера, генерал заявил директору дипломатической канцелярии Ставки Н.А.Базили: «В нашем правительстве так мало людей, которые понимают, что пропасть отделяет то, что было до войны, от будущего».³⁶⁰ К июню недовольство начальника штаба Б.В.Штюрмером выросло настолько, что генерал «не скрывал своей сильнейшей к нему неприязни».³⁶¹ Премьера и М.В.Алексеева разделяли политические разногласия. В отличие от Б.В.Штюрмера, почвой для примирения правительства с оппозицией начальнику штаба виделась не дуалистическая система, а парламентаризм. Не случайно, что 18 января М.К.Лемке указал на переписку М.В.Алексеева с М.В.Родзянко и А.И.Гучковым и характерное для начальника штаба «тяготение к октябристам и кадетам». Подразумевая генерала, М.К.Лемке отметил: «Я думаю, что он уже находится под определенным влиянием».³⁶² Между тем и октябристы, и кадеты выступали в это время именно за введение парламентаризма. Более того, для некоторых из их лидеров, и прежде всего А.И.Гучкова, парламентаризм являлся ступенькой к отречению Николая.³⁶³

Существование влияния на генерала со стороны лидеров оппозиции подтвердилось 14 февраля, когда он получил телеграмму от А.И.Гучкова. Председатель ЦВПК писал, что для него «крайне необходимо» сделать доклад начальнику штаба «о всех сторонах» деятельности ЦВПК и получить указания, «важные для комитета». А.И.Гучков попросил генерала разрешить заместителю председателя ЦВПК и лидеру думской фракции прогрессистов А.И.Коновалову приехать в Ставку «в ближайшие дни» для ознакомления «с положением дел и получения указаний». На эту телеграмму М.В.Алексеев ответил уже в день ее принятия: «Буду очень рад. Лучше, если возможно, на этой неделе, после четверга или в начале следующей». Предупредительность М.В.Алексеева, проявленная им по отношению к лидерам оппозиции, навела М.К.Лемке на заключение о том, что «между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд и Михаил Саввич [Пустовойтенко. — С.К.], а также еще кое-кто».³⁶⁴

Конспирируя с М.В.Алексеевым, уже в начале 1916 г. лидеры оппозиции принялись склонять его к участию в подготовке свержения Николая. «Недавно, — сообщил во второй половине марта полковнику А.И.Верховскому служивший в Ставке капитан 1-го ранга А.Д.Бубнов, — к Алексееву приезжали даже члены Государственной думы и под величайшим секретом поставили перед ним вопрос: не следует ли для сплочения России и династии убрать Николая II, заменить его кем-либо из более сговорчивых великих князей, добиться таким путем предоставления Думе права выдвигать ответственное правительство и влиять на назначение генералов». М.В.Алексеев заявил, что «об этом не может быть и речи», поскольку «всякое потрясение во время войны окончательно ломает армию, которая и

без того еле держится».³⁶⁵ Упомянутыми А.Д.Бубновым членами Думы могли быть А.И.Коновалов и М.В.Челноков. Сведения А.Д.Бубнова соотносятся с информацией генерала Е.К.Климовича, в 1916 г. находившегося на посту директора Департамента полиции. Уже в эмиграции он сообщил Н.В.Савичу, что в 1916 г. под председательством Г.Е.Львова образовался «революционный штаб». Его члены, А.А.Бубликов, А.И.Коновалов, П.П.Рябушинский и М.В.Челноков, «работали в верхах армии».³⁶⁶

Заговорщики вынуждали М.В.Алексеева вести двойную игру. Поддерживая тесные связи с ними, официально генерал изображал из себя верноподданного. На письме Е.К.Климовича, сопровождавшем доклад о состоявшихся 12–14 марта оппозиционных съездах союзов, М.В.Алексеев наложил резолюцию: «Интересный материал. Ознакомить главнокомандующих: они должны быть осведомлены, что в различных организациях мы имеем не только сотрудников в ведении войны, но получающие нашими трудами и казенными деньгами внутреннюю спайку силы, преследующие весьма вредные для жизни государства цели. С этим нужно сообразовать и наши отношения».³⁶⁷

Общение с лидерами оппозиции дало М.В.Алексееву такой аргумент в пользу парламентаризма, как миф об измене Александры Федоровны и Г.Е.Распутина. Г.Е.Львов возбудил у М.В.Алексеева опасения, которые возникали в общественной среде относительно «германофильского окружения “молодой императрицы”».³⁶⁸

Вера М.В.Алексеева в германофильство «темных сил» получала подпитку не только от лидеров оппозиции, но и от могилевского губернатора А.И.Пильца, «заведомого врага Распутина». А.И.Пилец помогал еще одному врагу старца, министру внутренних дел А.Н.Хвостову, подготавливать в Ставке «почву против Распутина».³⁶⁹ В середине февраля А.И.Пилец убедил М.В.Алексеева взяться за друзей Г.Е.Распутина — банкиров Д.Л.Рубинштейна и И.П.Мануса, заподозренных в измене. Губернатор надеялся, что тем самым удастся установить виновность и старца. М.В.Алексеев поручил ведение дела банкиров генералу Н.С.Батюшину.³⁷⁰

Против Г.Е.Распутина начальник штаба действовал и с другой стороны. Состоявшаяся 17 марта беседа протопресвитера Г.И.Шавельского и Николая произошла по согласованию с М.В.Алексеевым. Во время нее протопресвитер сообщил императору, что «за Распутиным в армии установилась совершенно определенная репутация пьяницы, развратника, взяточника и изменника». Кроме того, Г.И.Шавельский указал «на необходимость реформ».³⁷¹

Вера М.В.Алексеева во всеилие «безответственных влияний» была такова, что их руку он видел там, куда она никогда не протягивалась. Показательна история отставки генерала Н.И.Иванова с поста главнокомандующего Юго-Западным фронтом. В ночь с 11 на 12 февраля, будучи в Ставке на совещании главнокомандующих фронтами, Н.И.Иванов уведомил военного министра А.А.Поливанова, что «уже просил не раз уволить его от должности главнокомандующего, будет просить государя о том же еще раз и желает, чтобы эту его просьбу, — вспоминал А.А.Поливанов, — поддержал и я».³⁷² После беседы с военным министром Н.И.Иванов в течение

20 минут «плакал» перед Николаем: «Может быть, я уже устарел; может быть, есть более молодые, более сильные и способные, чем я; может быть, для пользы дела меня надо заменить другим». ³⁷³ При встрече с императором, состоявшейся 12 февраля, А.А.Поливанов, исполняя просьбу престарелого генерала, сообщил Николаю о своем разговоре с Н.И.Ивановым. Военный министр высказал мнение, что «если главнокомандующий Юго-Западным фронтом чувствует себя слишком усталым для продолжения руководства армиями, то, ввиду несомненного перехода с весны к активным военным действиям, его и не следовало бы долее удерживать на занимаемом им месте». На это царь ответил: «Да, он просил меня уволить его, вероятно, придется это сделать». ³⁷⁴ Николай посоветовался с М.В.Алексеевым и 17 марта дал Н.И.Иванову отставку. Фактически его уволили «по собственной просьбе». ³⁷⁵

Отставка Н.И.Иванова была чрезвычайно почетной. Царь назначил бывшего главнокомандующего членом Государственного совета и состоящим «при особе его величества». Тем не менее Н.И.Иванов остался недовольным и, полагая, что отставлен из-за пререканий с М.В.Алексеевым, 31 марта прямо спросил его об этом. «Вы думаете, что в вашем уходе какая-нибудь моя интрига, могу прямо сказать, что никакой интриги, — заявил Н.И.Иванову начальник штаба. — Нет, я вам должен сказать, что большая интрига шла в Петрограде». После этого М.В.Алексеев назвал Г.Е.Распутина, употребив по отношению к нему слово «каналья», А.А.Вырубову, царицу, М.М.Андроникова, Д.Л.Рубинштейна и И.П.Мануса. ³⁷⁶ По рассказу Н.И.Иванова А.А.Вырубовой, М.В.Алексеев сообщил ему, что он уволен «по приказанию государя, Распутина и Вырубовой». ³⁷⁷ Хотя «безответственные влияния» не имели никакого отношения к увольнению Н.И.Иванова, а М.В.Алексеев являлся одним из истинных виновников увольнения, он поддался массовому психозу и выдал желаемое за действительное. В этом ярко проявилась ориентация начальника штаба на лидеров оппозиции. Они считали всесилие «безответственных влияний» аксиомой.

Особенно заметно готовность начальника штаба ориентироваться на лидеров оппозиции заявила о себе в случае с польским вопросом. Союзником М.В.Алексеева в данном случае был министр иностранных дел С.Д.Сазонов. В соответствии с кадетской программой, он выступал за дарование Польше политической автономии. П.Н.Милюков заявил 18 апреля выборному члену Государственного совета графу С.И.Велепольскому, что С.Д.Сазонов «в общих чертах согласен с нашей автономией». ³⁷⁸ Подобно С.Д.Сазонову, генерал не раз высказывал, что «манифест об устройстве самостоятельного Царства Польского должен был быть опубликован не тогда, когда вся Польша уже была отдана немцам, а в самом начале войны». ³⁷⁹

В конце марта М.В.Алексеев инициировал новый этап деятельности правительства по разрешению польского вопроса. Как сообщал 28 марта Н.А.Базили С.Д.Сазонову, по мнению М.В.Алексеева, «совершенно необходимо решительно пойти навстречу польским пожеланиям». «В польском вопросе, — заявил начальник штаба Н.А.Базили, — не может

быть возврата, необходимо самим дать то, что мы все равно вынуждены будем уступить». В начале апреля между ним и начальником штаба состоялся разговор. Во время него М.В.Алексеев заметил, что объем польской автономии должен быть «широким». Генерал попросил собеседника передать министру, что просит его «выработать план нового устройства Польши и сделает все возможное, чтобы его провести». Для рассмотрения этого плана М.В.Алексеев находил нужным вызвать министров в Могилев. Н.А.Базили сообщал С.Д.Сазонову 11 апреля, что начальник штаба «вполне сочувствует мысли устроить в Ставке совещание при участии Вашем и председателя Совета министров». Подразумевая решение польского вопроса, Н.А.Базили писал: «Инициативу этого дела лучше оставить в его руках. Ему весьма желательно было бы ознакомиться с Вашими предположениями, дабы он мог своевременно, как он выразился по свойственной ему скромности, “разобраться в мало знакомой ему области” и сообщить Вам свои замечания». Н.А.Базили предупредил генерала, что предположения С.Д.Сазонова «не идут так далеко, как его пожелания». Следовательно, в апреле по польскому вопросу мнение М.В.Алексеева было более радикальным, чем даже мнение С.Д.Сазонова. Именно поэтому генерал говорил, что «проведение дела через Совет министров представляется ему вполне безнадежным». ³⁸⁰

Параллельно с подготовкой решения польского вопроса начальник штаба готовил демонтаж дуалистической системы. Политическая активность М.В.Алексеева не ускользнула от внимания М.К.Лемке. «Меня, — записал он 1 апреля, — ужасно занимает вопрос о зреющем здесь заговоре». Характеризуя планы начальника штаба и его единомышленников, М.К.Лемке подчеркивал, что после их выполнения «пойдет у нас конституционализм» и «настанет золотой век кадетских чаяний». ³⁸¹ Таким образом, весной 1916 г. целью «заговора» М.В.Алексеева было введение парламентаризма, который как раз и являлся центральным пунктом кадетской программы.

В это же время связанный с оппозиционерами А.А.Клопов начал ратовать за «установление у нас ответственного министра». Тайный корреспондент императора предложил ему «начать выбор премьера и министров именно не из бюрократии, а из общественных деятелей» и назначить «ответственным премьером» князя Львова московского или кабинетских парламентаристов — министра народного просвещения графа П.Н.Игнатьева. ³⁸² Между тем начальник штаба был очень высокого мнения о Г.Е.Львове. ³⁸³ Видвижению его кандидатуры в премьеры «ответственного министерства» способствовал М.В.Алексеев, усиливая тем самым радикализм оппозиционеров.

Уже 5 апреля, через четыре дня после того как М.К.Лемке сделал запись о «зреющем заговоре», левый кадет князь Д.И.Шаховской предложил Е.Д.Кусковой «созвать собрание из всех партий и наметить Временное правительство», поскольку «события надвигаются с быстротой необычайной». Хотя в совещании, помимо кадетов, участвовали представители левых партий вплоть до большевиков, обсуждение состава будущего кабинета шло «по линии: кадеты и октябристы». В этом отрази-

лись политические пристрастия не столько оппозиционеров, сколько М.В.Алексеева. Председателем Совета министров участники совещания наметили Г.Е.Львова, военным министром — А.И.Гучкова, министром иностранных дел — П.Н.Милюкова или князя Г.Н.Трубецкого. Появление кандидатуры Г.Н.Трубецкого, ближайшего сотрудника С.Д.Сазонова по разрешению польского вопроса, было связано с интересом к этому вопросу со стороны М.В.Алексеева. Относительно министра внутренних дел участники совещания решили, что им будет «кто-нибудь из земцев». Новое правительство — «ответственное министерство» — должно было прийти к власти «революционным путем».³⁸⁴

Насколько деятельность оппозиционеров по подготовке демонтажа дуалистической системы зависела от политических предпочтений начальника штаба, настолько его деятельность в этом же направлении координировалась оппозиционерами. М.И.Терещенко и С.П.Шликевич посетили М.В.Алексеева 23 апреля. Общественные деятели были у него около 20 минут. Генерал выказал «свое сочувственное отношение к Земскому союзу». На следующий день у М.В.Алексеева был В.В.Вырубов.³⁸⁵ Он посредничал между начальником штаба и Г.Е.Львовым.

Удобный повод для того, чтобы поднять вопрос о введении парламентаризма, дал М.В.Алексееву главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.А.Брусилов, который был парламентаристом.³⁸⁶ Контакты с оппозицией А.А.Брусилов поддерживал через М.И.Терещенко.³⁸⁷ Другим участником интриги, нацеленной на введение парламентаризма, стал начальник главного артиллерийского управления (ГАУ) Военного министерства генерал А.А.Маниковский, также парламентарист.³⁸⁸ Он тесно общался с А.И.Гучковым, А.И.Коноваловым, Г.Е.Львовым, Н.В.Некрасовым и М.В.Челноковым, являвшимися, как и генерал, членами Особого совещания по обороне.³⁸⁹ Интрига завязалась вокруг факта, который сам по себе не имел никакого политического значения.

В конце мая А.А.Брусилов телеграфировал в Ставку о неукомплектованности мортирного парка, предназначенного для наступавшего Юго-Западного фронта. В телеграмме А.А.Маниковскому от 30 мая М.В.Алексеев сообщил, что царь, узнав о факте неукомплектованности, «приказать соизволил выразить Главному артиллерийскому управлению свое крайнее неудовольствие». В ответ А.А.Маниковский написал состоявшее из пяти разделов письмо генералу Е.З.Барсукову, начальнику находившегося в Могилеве управления полевого генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича. Причинами затруднений в обеспечении армии боевыми припасами А.А.Маниковский назвал расстройство железнодорожного транспорта, дефицит металлов и топлива, обострение рабочего вопроса, крайнюю изношенность оборудования, замедление импортных поставок и недостаток свободной валюты. Причиной же данных неурядиц А.А.Маниковский считал отсутствие в тылу «единой твердой власти». Он советовал принять «особые меры» к ее «восстановлению».³⁹⁰

Письмо генерала, отличавшееся ярко выраженной антиштюрмеровской направленностью, было если и не инициировано лидерами оппозиции, то, по крайней мере, послано с их ведома. В начале июня нарочный

привез письмо в Ставку. Е.З.Барсуков передал его М.В.Алексееву. Содержание письма А.А.Маниковского начальник штаба довел до сведения Николая. То, что царь написал жене 11 июня, было полностью созвучно с основными положениями письма. «Самым важным и неотложным, — сообщал тогда Николай, — является сейчас вопрос о топливе и металлах — железе и меди для снарядов, потому что, при недостатке металлов, фабрики не могут вырабатывать достаточного количества патронов и бомб. То же самое и с железными дорогами». После знакомства с идеей А.А.Маниковского о необходимости установления в тылу «твердой власти» царь отметил, что «необходимо действовать очень энергично и предпринять очень твердые шаги для того, чтобы решить эти вопросы раз навсегда». «Как только Дума будет распущена, — извещал он супругу, — я вызову сюда всех министров для обсуждения этих вопросов и все здесь решу!» Позднее, уточняя дату будущего приезда членов кабинета в Ставку, Николай сообщил, что соберет «здесь всех министров — приблизительно около 24-го».³⁹¹

Само намерение царя провести в Ставке заседание Совета министров находилось, однако, вне непосредственной связи с письмом А.А.Маниковского. Об этом своем намерении Николай заявил Б.В.Штюрмеру еще 21 мая.³⁹² Тогда предполагалось обсудить на заседании кабинета только польский вопрос.

Аргументы А.А.Маниковского в пользу создания «твердой власти» царь нашел также заслуживающими рассмотрения в Совете министров. Поэтому Николай повелел М.В.Алексееву составить на основании письма начальника ГАУ докладную записку, предполагая посвятить ее обсуждению заседание правительства в Могилеве. М.В.Алексеев поручил составление записки Е.З.Барсукову. Записка, в которой, ради создания «твердой власти», мотивировалась необходимость учреждения поста верховного министра государственной обороны, появилась помимо непосредственного начальника Е.З.Барсукова, Сергея Михайловича, и «без какого бы то ни было предположения с его стороны занять будущий пост верховного министра».³⁹³

Записка датирована 15 июня и начинается с указания на перебои в обеспечении армии боеприпасами, наблюдавшиеся во время наступательной операции А.А.Брусилова. «При таких условиях, — делался вывод из приведенных фактов, — подрываются надежды на успех начатой нами операции. Необходимы экстренные исключительные меры и полное чрезвычайное напряжение всех усилий, чтобы обеспечить наши армии боевыми припасами. Военный министр и генерал Маниковский, — подчеркивалось далее, — сообщили, что ими все меры приняты и принимаются, но они далеко не достигают результатов в той мере, как это необходимо, и что происходит это от целого ряда крайне серьезных затруднений, которые лежат вне воли непосредственных работников». После такого предупреждения следовали четыре тематических раздела, соответствовавшие разделам письма А.А.Маниковского и посвященные кризису перевозок, металлическому голоду, волнениям рабочих и заграничным заказам и валюте.

Сутью рекомендательной части записки было мнение о том, что «во всех внутренних областях Империи, составляющих глубокий тыл, работающий на действующую армию, власть должна быть объединена в руках одного полномочного лица, которое возможно было бы именовать верховным министром государственной обороны». Верховный министр являлся, по сути дела, диктатором, поскольку за свои действия он отвечал бы только перед императором. Верховному министру предписывалось «объединять, руководить и направлять единой волей деятельность всех министерств, государственных и общественных учреждений, находящихся вне пределов театра военных действий». Ему предоставлялось право «избирать и утверждать собственною властью своих сотрудников из лиц, заявивших себя высокополезною деятельностью для государства за время текущей войны»,³⁹⁴ т.е. не только из бюрократов, но и из общественных деятелей.

Рекомендации записки идентичны плану, выдвинутому в июне 1915 г. думской фракцией прогрессистов. Его положения подразумевали, в качестве шага на пути к «ответственному министерству», создание Комитета государственной обороны, возглавляемого председателем, назначаемым царем и ответственным исключительно перед ним. Комитет состоял бы из министров, имевших отношение к снабжению армии и тыла, и представителей законодательных палат и общественных организаций. В рекомендательной части записки М.В.Алексеева прослеживается влияние на него прогрессистов, особенно А.И.Коновалова и близкого к ним Г.Е.Львова.

Прогрессистские корни записки очевидны тем более, что с образованием должности верховного министра М.В.Алексеев отнюдь не связывал установление режима военной диктатуры. «Записка, — вспоминал ее настоящий автор, — не предусматривала план исключительно “военной диктатуры”, как полагали Штюмер и Родзянко. Для генерала Алексеева было безразлично, будет ли диктатором лицо военное или гражданское, из правящих кругов или из так называемых “народных представителей”».³⁹⁵

Реальным кандидатом на пост верховного министра генералу виделся, наряду с Г.Е.Львовым, один из лидеров парламентаристов, министр земледелия А.Н.Наумов. При встрече с ним, состоявшейся 15 июня в Могилеве, близкий к М.В.Алексееву протопресвитер Г.И.Шавельский высказал А.Н.Наумову предположение об ожидавшем его, «по слухам в Ставке», «высшем назначении».³⁹⁶ То, что начальник штаба имел на министра земледелия большие виды, подтвердил сам М.В.Алексеев. Отговаривая А.Н.Наумова 28 июня от ухода в отставку, генерал заявил: «Что это, Александр Николаевич, вы хотите уходить, почему? Только что у нас налаживается дело, мы привыкли друг к другу, я вас знаю, все у нас намечено. Почему? Ради Бога, надо это как-нибудь устроить, наладить, разве теперь время? Еще новый министр, еще новый человек, опять надо привыкать, время теперь тревожное!»³⁹⁷

Доказательством того, что диктатура расценивалась начальником штаба в качестве средства для достижения не только чисто военных, но и политических целей, главная из которых состояла в парламентаризации верховного управления, стало составление, в качестве приложения к за-

писке, проекта манифеста о даровании «министерства доверия». Проект, как и записка, принадлежал перу Е.З.Барсукова. Именно от него получил копию проекта генерал Н.И.Иванов.³⁹⁸ Текст этого документа опубликовал Г.Г.Перетц, ошибочно отнеся время его появления к декабрю 1916 г. Однако Н.И.Иванов удостоверил, что проект появился «летом 1916 г.».³⁹⁹

Несомненно, что начальник штаба представил проект императору. Во всяком случае, по признанию М.В.Алексеева, сделанному после революции генералу М.К.Дитерихсу, «в начале 1916 г.» Николай, будучи в Ставке, три дня «носил при себе указ о даровании России конституции». В эти дни он почти не покидал своего кабинета и все время «в большом волнении и задумчивости» ходил по комнате из угла в угол.⁴⁰⁰ Если под «началом 1916 г.» М.В.Алексеев подразумевал первую половину года, то «указ о даровании России конституции» можно отождествить с июньским манифестом.

Первый пункт манифеста гласил: «Обращая наши помыслы к вящему обеспечению единения всех наших верноподданных в доведении настоящей войны до скорейшего и победоносного конца, признали мы за благо образовать Совет министров из лиц, пользующихся общественным доверием, для чего повелеваем председателю Государственной думы собрать совещание из товарищей председателя Думы с секретарем и его товарищей, а также из членов Государственной думы, являющихся представителями отдельных думских партий, и о лицах, кои будут указаны сим совещанием, представить нам доклад». Таким образом, в первом пункте Николай соглашался на фактическое введение парламентаризма путем образования «министерства доверия».

«Озабочиваясь также, — говорилось во втором пункте манифеста, — принятием наиболее действительных и решительных мер к обеспечению как армии, так и всего населения, к восстановлению правильного движения транспорта и снабжения необходимым топливом и материалами заводов, работающих на оборону, признали мы за благо учредить верховного министра государственной обороны, на обязанность коего возлагаем первейшим образом объединение всех мероприятий государственного значения, дабы деятельность различных органов управления была направлена в полной мере к служению армии для победы и изгнания неприятеля из пределов России». Второй пункт проекта дословно повторял основные положения записки М.В.Алексеева. Этот пункт, уравнивая первый, подразумевал осуществление неизбежной при введении парламентаризма радикальной либерализации правительственного курса в рамках режима диктатуры, необходимой для успешного завершения войны.

Радикальная либерализация, издержки которой были бы нейтрализованы диктатурой, царю, чьи взгляды учитывались авторами документа, могла показаться не слишком опасной. В третьем пункте, в ознаменование «искренного и благожелательного доверия к высокому патриотическому подъему, охватившему всех сынов России», объявлялось «прощение вины и полное помилование всем, учинившим по сей день преступные деяния государственные или против порядка управления».⁴⁰¹ Иными словами, в третьем пункте объявлялась политическая амнистия. Следова-

тельно, по замыслу М.В.Алексеева, создание поста верховного министра было всего лишь одним из пунктов, причем даже не самым первым, политической программы, главная цель которой состояла в фактическом установлении парламентаризма, закамуфлированного режимом «либеральной диктатуры».

Существование двойного дна у записки, посвященной созданию нового поста, признал, вопреки своей сверхосторожности, сам начальник штаба. Произошло это при первой личной встрече М.В.Алексеева с М.В.Родзянко, состоявшейся 24 июня в Ставке. Незадолго до приезда в Могилев председатель Думы виделся с А.А.Маниковским. Он сообщил М.В.Родзянко не только о записке М.В.Алексеева, но и о представлении ее царю. В подтверждение своих слов А.А.Маниковский передал собеседнику копию записки. При встрече с начальником штаба М.В.Родзянко посоветовал не создавать новую должность, а дать «настоящие полномочия» председателю Совета министров.⁴⁰² Председатель Думы настаивал на том, что «надо прогнать теперешнее министерство и сделать ответственное». Намекая на предстоящую аудиенцию М.В.Родзянко у царя, М.В.Алексеев заметил: «Так вот, скажите это».⁴⁰³

Введение парламентаризма, по плану начальника штаба, должно было сопровождаться разрешением, согласно рекомендациям оппозиции, польского вопроса. Здесь на помощь М.В.Алексееву снова пришел А.А.Брусилов. Он телеграфировал начальнику штаба 16 июня: «Я считаю, что единственная возможность расположить поляков в пользу России состоит в том, чтобы теперь же без промедления реально осуществить им обещанное, в тех размерах, которые признаются ныне допустимыми, но которые, конечно, не должны быть меньше того, что предлагает полякам Австрия». М.В.Алексеев увидел в этой телеграмме повод для того, чтобы поставить Б.В.Штюрмера перед необходимостью разрешения польского вопроса. Передавая мнение А.А.Брусилова, начальник штаба телеграфировал премьеру 22 июня: «Со своей стороны, присоединяясь вполне к мнению генерал-адъютанта Брусилова, я считаю, что предложенное им решение польского вопроса является в настоящее время единственно целесообразным и потому было бы желательно осуществить его возможно незамедлительно».⁴⁰⁴

Разрешение польского вопроса начальник штаба связывал с приездом в Могилев С.Д.Сазонова. «По польскому вопросу, — сообщал 24 июня временный заместитель Н.А.Базили В.Н.Муравьев, — я имел с генералом Алексеевым лишь краткий разговор, причем он высказал мне, что ему трудно одному что-либо провести, и он возлагает надежды на свидание с Вами 28 июня. Быть может, удастся вызвать обсуждение Советом министров польских дел».⁴⁰⁵

Благодаря усилиям М.В.Алексеева, вдохновляемого парламентаристами и лидерами оппозиции, перед Николаем возникли два вопроса — о введении парламентаризма через учреждение поста верховного министра и о даровании Польше политической автономии. Теперь все зависело только от выбора самого царя.

5. «Необходим диктатор». Вокруг поста верховного министра государственной обороны (лето 1916 г.)

Летом 1916 г., в связи с последовавшим 20–22 июня перерывом занятий законодательных палат, в политической жизни России наступило некоторое затишье. Однако взаимоотношений парламентаристов и дуалистов оно не затронуло. Более того, именно в июне борьба между ними приняла особую остроту. Вызвано это было тем, что начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М.В.Алексеев представил Николаю записку об учреждении поста верховного министра государственной обороны.⁴⁰⁶ Первым из членов правительства с ее содержанием ознакомился министр земледелия А.Н.Наумов, принадлежавший к числу наиболее активных парламентаристов.

Уже 14 июня Николай пригласил А.Н.Наумова, находившегося в Ставке, к себе в кабинет и предложил ему прочитать алексеевскую записку и дать по ней заключение. Прочитав записку, А.Н.Наумов заявил, что «относительно самой идеи единства двух мнений быть не может», но «учреждение нового министерства — это будет новым наслоением». Поэтому целесообразно «верховное управление фронта слить с Советом министров и возглавить это каким-нибудь одним лицом» и затем организовать «частичные заседания», наподобие Совещания пяти министров.⁴⁰⁷ После такого заявления диалог между министром и Николаем принял еще более интригующий оборот. Император: «Ну, а все же, как вы полагаете — на пост такого верховного министра, может быть, следовало бы пригласить кого-либо из видных общественных деятелей? Хотя бы, скажем, председателя Государственной думы Родзянко?»⁴⁰⁸ А.Н.Наумов: «Ваше величество, я так нов в этом деле. Позвольте уклониться, потому что, если вы хотите возглавить особым лицом, то нужно подумать, если же воспользоваться тем, что есть, то у вас есть председатель Совета министров».⁴⁰⁹

Николай, размышляя вслух и тем самым вызывая собеседника на откровенность, начал задавать ему вопросы о том, кого еще можно было бы назначить верховным министром — графа В.Н.Коковцова, «кого-то из великих князей» или главного начальника санитарной и эвакуационной части принца А.П.Ольденбургского?⁴¹⁰ На это А.Н.Наумов опять отвечал «очень уклончиво».⁴¹¹ Не указав на конкретного кандидата, министр земледелия заявил императору, что Б.В.Штюрмер «достойным помощником быть ему не может».⁴¹² Собеседник Николая высказался за предоставление лицу, которое оказалось бы во главе кабинета, права составить его список.

Уклончивость А.Н.Наумова объяснялась уверенностью министра в том, что откровенность императора на щекотливую тему отставки Б.В.Штюрмера — только подвох, вызов собеседнику, заведомо известному как человек, находящийся в оппозиции политике премьера. Между тем наметившийся к середине июня выбор Николая в пользу дальнейшей либерализации правительственного курса являлся вполне искренним. Находясь под впечатлением от аргументов письма А.А.Маниковского, царь испытывал явное разочарование в Б.В.Штюрмере. Подразумевая премьера, Николай писал супруге, что он — «прекрасный, честный человек», но «никак не может решиться делать то, что необходимо».⁴¹³

Охлаждение царя к Б.В.Штюрмеру попало в поле зрения министра просвещения графа П.Н.Игнатьева. Во время состоявшейся 14 июня в Ставке встречи с А.Н.Наумовым граф назвал положение Б.В.Штюрмера «непрочным». ⁴¹⁴ Доказательством этому явилось то, что, беседуя с А.Н.Наумовым, император, отбросив условности, напрямую предложил ему встать во главе кабинета. «Ну, хорошо! — воскликнул император. — Кого же вы могли бы рекомендовать мне в качестве такого председателя Совета министров, о котором вы говорите? Вы сами были бы согласны занять этот пост?» ⁴¹⁵ Однако, как в августе 1915 г. А.В.Кривошеин, А.Н.Наумов от неожиданно-го предложения предпочел отказаться. И снова, как и в августе 1915 г., вследствие несговорчивости лидера парламентаристов (также возглавлявшего ведомство земледелия), царю оставалось иметь дело с тем премьером, который у него уже был.

Единственным итогом разговора Николая с А.Н.Наумовым оказалось утверждение царя во мнении о том, что более целесообразным является не назначение особого диктатора — верховного министра, а наделение диктаторскими полномочиями премьера. Утверждению царя в том же самом мнении способствовала и его беседа с председателем Думы, состоявшаяся 24 июня. ⁴¹⁶ По поводу диктатуры М.В.Родзянко сказал Николаю, что «вынужден предостеречь» его «от этого опасного шага». ⁴¹⁷ Если диктатором будет назначен член императорской фамилии, пугал Николая председатель Думы, то легко может возникнуть «династический вопрос». Если же диктатором окажется «частное лицо», то пример Юань Шикая, провозгласившего себя в начале 1916 г. президентом Китайской республики, «мог бы оказаться довольно соблазнительным для вновь испеченного диктатора». ⁴¹⁸ В качестве выхода из положения М.В.Родзянко предложил Николаю даровать «ответственное министерство». Царь ответил: «Хорошо, я подумаю». Затем он поинтересовался: «А кого бы вы порекомендовали в председатели Совета министров?» М.В.Родзянко сказал: «Вы будете удивлены, ваше величество, но я назову адмирала Григоровича. В своем Ведомстве он сумел в короткое время наладить дело образцово». «Да, это правда, — заметил император по поводу морского министра, — но его область иная, а в председателях он будет не на месте». ⁴¹⁹ Вместо министров торговли и промышленности — князя В.Н.Шаховского и путей сообщения — А.Ф.Трепова М.В.Родзянко посоветовал назначить товарища председателя Думы А.Д.Протопопова и управляющего Московско-Казанской железной дорогой Б.Д.Воскресенского. Николай записал эти рекомендации в записную книжку. Вообще же советы председателя Думы были восприняты царем с огромной долей сарказма. ⁴²⁰ Вместе с тем у императора нашли отклик аргументы председателя Думы против идеи М.В.Алексеева, подразумевавшей создание поста верховного министра.

Позже всех об идее генерала, да и то в неверном истолковании М.В.Родзянко, узнал Б.В.Штюрмер. Отношение к ней премьера диктовалось тем, что иллюзии правительства о возможности компромисса между ним и оппозицией не развеялись окончательно. На заседании кабинета 21 июня говорилось об учреждении П.Н.Крупенским политического

клуба «Экономическое возрождение России». Его членами были лидеры Прогрессивного блока из обеих палат. Министры решили «не отказываться от посещений» этого клуба. ⁴²¹

Примирительное отношение правительства к оппозиции выявилося и на состоявшемся 24 июня секретном совещании Б.В.Штюрмера, графа А.А.Бобринского и И.Я.Гурлянда. На нем рассматривался вопрос о подготовке выборов в V Думу, поскольку в сентябре 1917 г. истекал срок полномочий IV Думы. На результаты июньского совещания о выборах повлияли результаты майского совещания губернаторов. Они пришли к принципиальному выводу о том, что меры по проведению предвыборной кампании «должны применяться на строго законном основании». ⁴²² Никаких нарушений законов участники июньского совещания и не планировали. Они решили распустить нижнюю палату в сентябре 1917 г., т.е. в законный срок.

Единственная хитрость, на которую пошли Б.В.Штюрмер и его единомышленники ради создания в новой Думе проправительственного большинства, состояла в сокрытии от функционировавшей Думы решения об отказе продлить ее полномочия. Готовность умеренных дуалистов дать оппозиционной Думе проработать еще более года, не настаивая на ее немедленном роспуске, была показателем того, что достижение компромисса с Прогрессивным блоком на базе Основных законов они по-прежнему считали вполне возможным. То же самое показывало и решение о распределении правительственных субсидий на предвыборную агитацию «между правыми, националистами и отчасти правыми октябристами». ⁴²³ Таким образом, и в это время, как и при П.А.Столыпине, правительство проводило консервативно-либеральный курс. Дистанцируясь от черносотенцев и кадетов, оно делало ставку на правооктябристский блок.

Ориентацией на соглашение с оппозицией, сохраняющее дуалистическую систему, предопределялось отношение Б.В.Штюрмера к Алексею проекту. Сообщая о реакции премьера на слухи о проекте, царица писала мужу: «Бедняга очень расстроен слухами, переданными ему лицами, побывавшими в Могилеве, а так как Родзянко тоже накинулся на него, то он впал в совершенное недоумение. Будто бы предполагается военная диктатура с Сергеем Михайловичем во главе, смена министров и т.д.». Рассеивая опасения супруги, Николай сообщал ей: «В понедельник я приму старого Штюрмера и успокою его на этот счет, прищипорив его в то же время в других делах». ⁴²⁴

Во время состоявшейся 27 июня ⁴²⁵ встречи с императором Б.В.Штюрмер выдвинул аргументацию против осуществления проекта М.В.Алексеева. Премьер указал на то, что оно привело бы к упразднению особых совещаний по обороне, продовольствию, топливу и перевозкам. Полагая, что провести через Думу законопроект об учреждении поста верховного министра «не представится возможным», ибо она «придает особым совещаниям исключительное значение и никогда не согласится на их упразднение», премьер отметил: «Если же правительство возьмет на себя проведение этой меры ныне, во время перерыва занятий законодательных учреждений, в порядке статьи 87, т.е. указа, то не позже, чем через

два месяца по открытии занятий Государственной думы (1 ноября сего года), этот указ, несомненно, будет ею отклонен, и особые совещания окажутся восстановленными». «В их трудах, между тем, — доказывал Б.В.Штюрмер необходимость особых совещаний, — принимают участие виднейшие представители общественных течений, в роде Гучкова, Коновалова и им подобных, и все они уже привыкли к мысли, что сам закон призвал их к ответственной государственной работе».⁴²⁶

Сохранить особые совещания премьер хотел, исходя из политической, а не функциональной целесообразности. Даже А.А.Маниковский признавал, что улучшения снабжения армии удалось добиться не благодаря, а вопреки Особому совещанию по обороне.⁴²⁷ Тем не менее Б.В.Штюрмер явился в ипостаси защитника нижней палаты. Не отрицая возможности возникновения, по случаю ликвидации совещаний, «серьезного движения» «в политических и общественных кругах, в заключение которого может выдвинуться вопрос и о закрытии Государственной думы», премьер высказался против этого. «Правительство, — подчеркивал Б.В.Штюрмер, — не затруднится принять на себя эту борьбу, как бы резка она не была, но оно должно остановиться на вопросе о том, целесообразно ли вызывать ее, тем более, что правительство окажется в данном случае лишенным возможности опираться на силу закона и что не позже, как через несколько месяцев упраздненные совещания будут восстановлены».⁴²⁸ Следовательно, диктатуру премьер находил неприемлемой, поскольку ее введение вызвало бы роспуск Думы. Едва ли можно найти более яркое доказательство тому, что стремление Б.В.Штюрмера к соглашению с оппозицией было искренним!

Примирительные настроения преисполняли премьера, хотя в неприимчивости Прогрессивного блока он отдавал себе полный отчет. «Состав 4-й Государственной думы, — подчеркивал Б.В.Штюрмер в другом докладе, представленном императору 27 июня, — несмотря даже на преобладание в нем сравнительно умеренных элементов, представляется, как показывают все наблюдения, неудовлетворительным».⁴²⁹ Казалось бы, раз положение столь безнадежно, единственный выход из него — немедленный роспуск IV Думы и назначение выборов в новую или отсрочка их до конца войны. Но в процитированном докладе Б.В.Штюрмер советовал только, во избежание дальнейшего обострения внутривластной ситуации, не продлевать полномочий оппозиционной Думы, распустив ее в законный срок, осенью 1917 г. Придерживаясь такой мягкой позиции, премьер окончательно дискредитировал себя у правых.⁴³⁰

В нападках на Б.В.Штюрмера со стороны консерваторов нельзя не усмотреть еще одного доказательства того, что стремление к соглашению с оппозицией на базе конституции 1906 г. было принципиальной установкой его деятельности. Аналогичное стремление отличало и царя. Поэтому аргументация премьера встретила у Николая полное сочувствие.

Доводы А.Н.Наумова в пользу наделения диктаторскими полномочиями не особого лица, а главы правительства, а также указания М.В.Родзянко на опасность диктатуры с династической точки зрения, дополненные соображениями Б.В.Штюрмера о несовместимости диктатуры с курсом на

достижение компромисса с Прогрессивным блоком, утвердили царя во мнении, что самым лучшим выходом было бы не назначение верховного министра, а присвоение соответствующих прав существующему премьеру. Поскольку соглашение с оппозицией Николай по-прежнему находил возможным единственно в рамках дуалистической системы, он отказался от подписания «указа о даровании России конституции», т.е. июньского манифеста, подразумевавшего фактическое упразднение этой системы. Мотивируя свое решение соображениями функционального, а не политического порядка, Николай сказал М.В.Алексееву: «Я не верю, чтобы конституционное правление принесло благо России. Настоящая тяжелая война требует исключительных мер для поддержания в народе подъема, необходимого для победы, но народ никогда не будет уважать законов, исходящих, может быть, от его односельчан».⁴³¹ Таким образом, от подписания манифеста царь отказался не в силу своего консерватизма, а просто потому, что опасался влияния внутренней дестабилизации, неизбежной при введении парламентаризма, на ход военных операций. Решение Николая способствовало упрочению положения Б.В.Штюрмера. «Завтра днем, — сообщал Николай жене 27 июня, — состоится совещание с министрами. Я намерен быть с ними очень нелюбезным и дать им почувствовать, как я ценю Штюрмера, и что он председатель их».⁴³²

Заседание правительства 28 июня продолжалось довольно долго. «В 6 ч., — записал тогда царь, — у меня началось заседание Совета министров и продолжалось до 8 ч.».⁴³³ Предметом обсуждения министров была записка М.В.Алексеева. Начиная заседание, Николай подчеркнул, что «теперь требуется особое напряжение сил в виду затянувшейся войны и в виду того, что в некоторых местах есть дефекты по транспорту, по производству топлива». Поэтому, полагал Николай, «нужно теперь единство действий». «Между тем, — заявил император, намекая на необходимость не только функциональной, но и политической консолидации правительства, — Совет министров, высшее учреждение в стране, не показывает нам примера этого единства. Замечаются такие трения, такие разногласия, которые я не приветствовал бы и просил избегать».⁴³⁴

М.В.Алексеев, дополняя свою записку устным выступлением, указал на то, что «в некоторых случаях в войска идет не так успешно доставка угля, железа, и целый ряд поставок идет неблагополучно». Для преодоления этого начальник штаба предложил назначить такое лицо, которое бы получило «сверх-власть» над министрами.⁴³⁵ Кто-то употребил слово «диктатор». «Я, — вспоминал Б.В.Штюрмер о ходе заседания, — помню общую схему: что необходим диктатор... Это слово было произнесено, я его запомнил, может быть, не Алексеевым, а кем-нибудь другим — диктатор, который бы взял все: как дело гражданское, так и военное, в свои руки».⁴³⁶

На предложение М.В.Алексеева со стороны министров, как дуалистов, так и парламентаристов, последовали возражения. Суть этих возражений сводилась к тому, что «не нужно новых наслоений делать». Общее мнение кабинета выразил министр путей сообщения А.Ф.Трепов. «У нас, — говорил он, — есть председатель Совета министров, пускай он возьмет в свои руки все управление, пускай объединяет».⁴³⁷ Обращаясь непосред-

ственно к Б.В.Штюмеру, А.Ф.Трепов заметил: «Зачем же создавать еще новое лицо, достаточно уже власти. Почему вы не можете это сделать?» Б.В.Штюмер ответил, что не вправе «вмешиваться в отношения между министрами» и что диктатура — «это слишком большая обязанность». ⁴³⁸ «Тогда, — вспоминал Б.В.Штюмер, — государь спросил меня: мог ли бы я принять?» Премьер ответил: «Конечно, нет! Я затруднен и без того: я не в состоянии». Сразу после заседания, понимая, что председательствование в Совете министров, руководство МВД и диктаторство — неподъемная ноша, премьер доложил по телефону Николаю, что он не может «совместить эти три должности». ⁴³⁹

Б.В.Штюмер полагал, что он «должен отказаться или от председательствования в Совете министров или от поста министра внутренних дел и взять тогда более легкое министерство». ⁴⁴⁰ Согласие на принятие диктаторских полномочий премьер обусловил предоставлением ему, взамен «самого тяжелого» ведомства — МВД, другого министерства. Между тем одновременно с судьбой Б.В.Штюмера Николаю предстояло решить и судьбу А.Н.Наумова. Он, по мнению Б.В.Штюмера, «очень стремился к диктатуре». ⁴⁴¹ «Держась совершенно иных взглядов, — характеризовал премьер А.Н.Наумова, — он не разделяет политики правительства». ⁴⁴²

Хотя 14 июня А.Н.Наумов отказался от премьерства, надежды на его получение министр земледелия все-таки питал. Иначе после заседания правительства 28 июня А.Н.Наумов не поставил бы императору ультиматум. Намекая на обстановку, сложившуюся в кабинете при Б.В.Штюмере, А.Н.Наумов заявил Николаю: «Ваше императорское величество, одно из двух: или разрешите мне просить вас эту обстановку изменить, устройте мне так, чтобы я мог работать продуктивно, производителью, так, как я до сих пор работал, или разрешите мне от этого дела отойти для того, чтобы передать его другому лицу». Выслушав А.Н.Наумова, Николай задумался и долго не отвечал. «Очевидно, — вспоминал А.Н.Наумов, — у него была какая-то борьба». Выбирая между Б.В.Штюмером и А.Н.Наумовым, император отдал предпочтение первому. «Пока я этой обстановки менять не буду, я не перемену, — сказал Николай собеседнику. — С другой стороны, я желал бы, чтобы вы все-таки помогали. Я привык к вашим советам, привык к вашему сотрудничеству, и я надеюсь, что вы на посту члена Государственного совета, — я вас назначаю членом Государственного совета, — окажете нам ваше содействие».

Увольняя А.Н.Наумова, Николай дал понять, что это не означает отказа от соглашения с оппозицией. Напоследок А.Н.Наумов заявил императору, что «чем искреннее относиться ко всему тому, что составляет народное представительство, к общественности, тем сильнее будет само дело, тем сильнее будет родина и его положение. Если эта искренность будет только показная, — подчеркнул А.Н.Наумов, — то это будет еще хуже, чем окончательный обман». Молча отвечая на слова А.Н.Наумова, Николай взял его за руку и поцеловал, будучи, при этом, «в слезах». ⁴⁴³

На следующий день, 29 июня, ва-банк пошел С.Д.Сазонов. Он выступил за решение польского вопроса в духе пожеланий Прогрессивного блока. В присутствии М.В.Алексеева С.Д.Сазонов доложил императору причины,

побуждавшие его просить обнародовать манифест о даровании Польше автономии «в ближайшее же время». В центре внимания Николая, С.Д.Сазонова и М.В.Алексеева оказался проект польской конституции, разработанный директором 2-го департамента МИДа бароном Б.Э.Нольде, при участии государственного секретаря С.Е.Крыжановского. Каждая статья проекта, проводившего, в соответствии с кадетской программой, идею политической автономии, «подверглась тщательному разбору». Николай задавал вопросы, доказывавшие его интерес к этой проблеме. М.В.Алексеев разобрал проект с точки зрения военной безопасности Российской империи и высказался «в пользу его принятия». В конце совещания Николай заявил, что «одобряет проект и находит его обнародование своевременным». ⁴⁴⁴ Так утверждал С.Д.Сазонов уже в эмиграции. В действительности все обстояло далеко не столь гладко.

Беседуя с Ж.М.Палеологом на следующий день после встречи с Николаем, С.Д.Сазонов говорил, что перед тем как император «вполне склонился» на сторону его взглядов, «были жаркие прения». ⁴⁴⁵ Спротивление, встреченное министром со стороны Николая, вполне понятно. Летом 1916 г., в отличие от С.Д.Сазонова, царь являлся сторонником дарования Польше не политической, а административной автономии. Помимо этого, Николай не одобрял идеи немедленного дарования польской конституции, полагая, что ее провозглашение должно предваряться вступлением русской армии в Польшу и провозглашением того, что получит за участие в войне Россия. Иначе, подчеркивал Николай, «русский скажет: “А нам-то что?”» ⁴⁴⁶

Не принимая радикального подхода к польскому вопросу министра иностранных дел, император, однако, в свойственной ему манере, до поры до времени скрывал собственные взгляды. Впрочем, информация о недовольстве Николая позицией С.Д.Сазонова все-таки просочилась. Некая подруга А.А.Вырубовой сообщила с ее слов 17 мая Ж.М.Палеологу, что С.Д.Сазонов «будет, по-видимому, вскоре удален», поскольку «их величества к нему очень плохо относятся». ⁴⁴⁷

Прокадетская позиция министра по польскому вопросу встречала неприятие со стороны не только царя, но и большинства членов кабинета. Оппоненты С.Д.Сазонова находили, что раз русской армии в Польше нет, надо отложить издание манифеста о даровании ей автономии до момента, когда Россия окажется «действительно в состоянии провести в жизнь то, что в манифесте намечается». ⁴⁴⁸

Главным оппонентом С.Д.Сазонова был Б.В.Штюмер. Он являлся противником дарования Польше политической автономии. Обсуждая польский вопрос, участники салона Б.В.Штюмера полагали, что воззвание Николая Николаевича к полякам не является «актом, налагающим на корону обязанность признать совершившимся фактом объявление политической независимости Польши», а лишь «обязует правительство принять во внимание точку зрения великого князя при рассмотрении польского вопроса во всей его совокупности». ⁴⁴⁹ Б.В.Штюмеру была ближе идея административной автономии. Выступая 9 февраля в Думе, Б.В.Штюмер отметил: «По воле государя императора для Польши открывается новая

жизнь, обеспечивающая за польским народом свободное развитие его духовных даров и культурных и экономических стремлений».⁴⁵⁰

В докладе, отосланном императору 26 мая, премьер заявил себя как противник немедленного дарования Польше автономии. «Я, — мотивировал он неприятие позиции С.Д.Сазонова, — признаю, что государственная мудрость выражается в предвидении и посему в том, чтобы заблаговременно были предотвращены надвигающиеся затруднения. Я опасался бы, однако, обращать такое заблаговременное предотвращение возможных затруднений в прием, быть может, и самый простой, но тем более опасный — разрешать сложнейшие вопросы государственной жизни путем легкого отказа от настоятельных требований реальной политики». «Если России и предстоит сказать свое веское и единственно ей принадлежащее решающее слово по польскому вопросу в его полном объеме, — парировал Б.В.Штюрмер аргументы в пользу немедленного дарования Польше автономии, — то ни один из доводов, не убеждает меня в том, что время это уже настало. Оно не настало уже по одному тому, что еще далека минута, когда можно было бы говорить о польском вопросе в его целом».

В другом докладе Б.В.Штюрмер указывал императору на то, что «каждое заявление, которое было бы сделано Вашим величеством в пользу польских притязаний, было бы широко использовано, как заявление, связывающее Россию на будущие времена и, само собою разумеется, со всеми последствиями этого. Будучи весьма полезно полякам, оно практически не только ничего не давало бы России, а, наоборот, отнимало бы у нее».⁴⁵¹ Прокадетская позиция С.Д.Сазонова по польскому вопросу еще раз подтвердила, что среди министров он является самым левым.

Именно вследствие левизны С.Д.Сазонова его отставка представлялась дуалистам настоятельно необходимой задолго до лета 1916 г. А.Ф.Трепов еще с момента своего назначения министром путей сообщения, т.е. с октября 1915 г., стал вести борьбу с С.Д.Сазоновым, считая его «человеком левых убеждений, находящимся под влиянием П.Н.Милюкова».⁴⁵²

Едва терпели левизну министра иностранных дел и премьеры. «Старик Горемыкин и Штюрмер всегда его не одобряли, — имея в виду С.Д.Сазонова, писала царица Николаю, — так как он парламентарист».⁴⁵³ Через два месяца, 17 мая, Ж.М.Палеологу стало известно, что Б.В.Штюрмер ведет против С.Д.Сазонова «очень деятельную кампанию», обвиняя его в «уступчивости по отношению к Думе».⁴⁵⁴

Помимо левизны С.Д.Сазонова, дуалистов не устраивало в нем чрезмерное, с их точки зрения, благоприятствование союзникам, и прежде всего Англии. Этого не отрицали и парламентаристы.⁴⁵⁵ А.Ф.Трепов говорил начальнику канцелярии Министерства двора генералу А.А.Мосолову, что «путь, принятый Сазоновым относительно Англии, состоящий в постоянных уступках их требованиям, крайне опасен и может повлечь за собою большое порабощение России, и после войны, английским интересам».⁴⁵⁶

Заискиванием С.Д.Сазонова перед союзниками был недоволен и премьер. Как узнал Ж.М.Палеолог 17 мая, Б.В.Штюрмер инкриминировал С.Д.Сазонову то, что он «слишком поддается» влиянию послов Англии и Франции.⁴⁵⁷ Неприятие Б.В.Штюрмером аффекированного англофиль-

ства министра иностранных дел отнюдь не означало, что премьер являлся германофилом. По словам хорошо знавшей Б.В.Штюрмера графини С.С.Игнатьевой, он, «ни в какой степени не будучи германофилом, тем не менее старался оградить Россию и от непомерного захвата ее англичанами».⁴⁵⁸ Следовательно, добиваясь отставки С.Д.Сазонова, дуалисты выступали не против ориентации на Антанту и уж тем более не за сепаратный мир с Германией, а против того, чтобы эта ориентация была слишком пассивной.

К июню 1916 г. положение С.Д.Сазонова стало столь шатким, что его неосторожная попытка ускорить разрешение польского вопроса вопреки взглядам Николая и Б.В.Штюрмера оказалась последней каплей. Не разделяя мнения С.Д.Сазонова, царь, беседуя с ним 29 июня, их оспорил. Но видя, что министра все равно не переубедить, Николай предпочел создать впечатление, что полностью переубежденным оказался он сам. Император попросил С.Д.Сазонова передать С.Е.Крыжановскому повеление о составлении манифеста, провозглашающего дарование Польше автономии. Между тем отрицательное отношение царя к С.Д.Сазонову выявилось в это время вполне. Со слов анонимного источника Ж.М.Палеолог записал 7 июля: «Положение Сазонова сильно пошатнулось; он утратил доверие их величеств». «Его упрекают, — уточнял тот же источник, — в неумении ладить со Штюрмером и в слишком большом умении ладить с Думой».⁴⁵⁹

Неизбежным разрешением ситуации, когда ближайший сотрудник императора вопреки его воле пытался провести собственную линию, являлась отставка неуступчивого министра. Это была та самая ситуация, которую описал А.А.Мосолов. По его наблюдениям, во время общения со своими сотрудниками Николай «никогда не занимал определенной позиции, достаточно решительной, чтобы сломить сопротивление министра, подчинить его своим желаниям и сохранить на посту». Министр, «не получив от царя твердого отпора, предполагал, что его величество не настаивает на своих мыслях». Однако монарх убеждался, что «министр будет проводить в жизнь свои начинания, несмотря на его, императора, несогласие». Министр «уезжал, очарованный, что мог убедить государя в своей точке зрения», но «участь министра была уже решена».⁴⁶⁰ Именно так и произошло в случае с С.Д.Сазоновым.

На следующий день после встречи с Николаем министр иностранных дел самоуверенно заявил Д.У.Бьюкенену и Ж.М.Палеологу: «Я одержал победу по всей линии».⁴⁶¹ Но все обстояло с точностью до наоборот. Уже в самое ближайшее время разочарование предстояло испытать не только С.Д.Сазонову, но и лидерам оппозиции. Они надеялись на то, что влияние М.В.Алексеева при решении вопроса о диктатуре и Польше возобладает, а потому не смогли сдержаться от ликования, предвкушая скорое исполнение своих замыслов.

Передовица от 1 июля прогрессистского органа «Утро России» сообщила об обсуждении министрами указанных вопросов, продемонстрировав осведомленность относительно неизбежности обновления правительства. Автор передовицы, намекая на Б.В.Штюрмера и других дуалистов,

надеялся, что «уйдут от кормила правления элементы, оказавшиеся бес- сильными наладить продовольственный вопрос и поставить в должные рамки дело борьбы с дороговизной, уйдут те члены кабинета, мирозозер- цанию коих чужды соображения высшего государственного разума, дви- жушие намечаемую у нас форму решения польского вопроса, должны бу- дут отойти от дел все слишком упорные, все неприемлющие нового духа». «Ближайшие, быть может, дни, — предполагал анонимный автор передо- вицы, — выяснят стране характер обновленного кабинета. Сейчас даже неизвестно, что именно подготавливается: “обновленное” или “новое” правительство?»⁴⁶² Действительно, Совет министров ожидало обновление. Однако совсем не в том смысле, на который намекал автор передовицы.

На заседании правительства 1 июля были определены полномочия Б.В.Штюмерера по должности диктатора. Они подразумевали фактическое подчинение премьеру министров, являвшихся председателями особых сове- щаний и ранее, в качестве таковых, подчинявшихся только монарху. Чле- ны кабинета поручили Б.В.Штюмеру проинформировать императора о результатах заседания «во всеподданнейшей записке».⁴⁶³ Выполняя пору- чение, премьер обратился к Николаю по телеграфу с просьбой об аудиен- ции. В ответ на нее утром 2 июля царь телеграфировал: «Могу Вас принять завтра, третьего, или пятого июля. Дайте знать. Николай».⁴⁶⁴

Во время встречи с императором, состоявшейся 3 июля, глава кабинета довел до сведения Николая содержание особого журнала Совета министров от 1 июля, который он тут же и утвердил. Как и пятью днями ранее, Б.В.Штюмер настаивал на том, что в связи с наделением его диктаторс- кими полномочиями министром внутренних дел он оставаться не может. И тогда по решению царя премьер получил «более легкое министерство» — МИД. Николай, сообщая Б.В.Штюмеру, что желает уволить С.Д.Сазоно- ва, «не сказал почему».⁴⁶⁵ Но предшествующие события показали, что за- мену С.Д.Сазонова Б.В.Штюмером обусловило то, что премьер зареко- мендовал себя как решительный противник сазоновского подхода к польскому вопросу. Николай не сочувствовал этому подходу, а потому на- значение министром иностранных дел сановника, разделявшего мнения царя, было вполне логичным.

Особую точку зрения Б.В.Штюмерера на польский вопрос оттенило выдвижение им 3 июля идеи областной реформы. Она подразумевала ад- министративную децентрализацию Российской империи через разделе- ние ее на полтора десятка областей. Мысль об областной реформе кор- респондировала с позицией Б.В.Штюмерера по польскому вопросу. Выступая за дарование Польше не политической, а административной автономии, он полагал, что это должно сопровождаться созданием ана- логичных по статусу областных автономий на остальной территории им- перии. Признав идею премьера целесообразной, царь повелел Б.В.Штю- меру при их будущей встрече представить «Памятную записку об областном строе управления», составленную И.Я.Гурляндом. Доклад Б.В.Штюмерера, сопровождавший записку, был датирован 7 июля. «Если бы, — говорилось в этом докладе, — оказалось осуществимым закончить разработку проекта к началу занятий Государственной думы, правитель-

ство имело бы возможность выступить с предложениями об областной реформе в виде ответа на разрабатываемые Думой в порядке ее почина проекты земской и волостной реформы». «Вынесение такого проекта, — полагал Б.В.Штюмер, — несомненно, отвлекло бы общественную мысль несколько в иную сторону, и, во всяком случае, острота положения была бы значительно смягчена». На докладе премьера царь написал: «Разрабо- тать теперь же законопроект об областном управлении и внести на рас- смотрение законодательных собраний ко времени осеннего созыва их».⁴⁶⁶

Отставляя от МИДа парламентариста, Николай, путем распростране- ния полномочий диктатора на сферу внешней политики, хотел не только добиться приемлемого для себя решения польского вопроса, но и сде- лать кабинет более однородным.⁴⁶⁷ Условия для политической консоли- дации правительства должны были создать и министерские назначения, вызванные переходом Б.В.Штюмерера в МИД.

Удовлетворяя ходатайство премьера, его заместителем по МВД Нико- лай назначил умеренного дуалиста, министра юстиции А.А.Хвостова, а заместителем А.А.Хвостова — члена правой группы Государственного со- вета А.А.Макарова, который также являлся типичным умеренным дуа- листом.⁴⁶⁸ Таким образом, увольнение С.Д.Сазонова предопределялось не только внешне-, но и внутривластными обстоятельствами. С тем, что причины его увольнения лежали в области внутренней политики, согла- шался и сам С.Д.Сазонов.⁴⁶⁹ Впрочем, он же приписывал это событие вли- янию «темных сил». Разъясняя причины замены себя премьером, С.Д.Са- зонов говорил 21 июля: «Император царствует, но правит императрица, инспирируемая Распутиным».⁴⁷⁰ Однако, пребывая в убеждении, что за- мена С.Д.Сазонова Б.В.Штюмером организована «темными силами», современники и исследователи грешили против истины.

За период с 17 мая по 6 июля, нашедший отражение в письмах Алек- сандры Федоровны и непосредственно предшествовавший увольнению С.Д.Сазонова, о необходимости этого она супругу ни разу не писала. В более раннее время царица писала о необходимости замены С.Д.Сазоно- ва только два раза, а именно — в сентябре 1915⁴⁷¹ и марте 1916 г.⁴⁷² Однако ни в том, ни в другом случае имени Б.В.Штюмерера она не упомянула. Замена С.Д.Сазонова Б.В.Штюмером, предпринятая Николаем 3 июля, состоялась без участия его супруги. Царица приехала в Ставку только 7, пробыв там до 12 июля.⁴⁷³ Более того, Александра Федоровна и Г.Е.Рас- путин выступили против назначения Б.В.Штюмерера министром иност- ранных дел. Узнав об этом назначении, старец буквально «рвал и метал». Он возмущался тем, как мог Б.В.Штюмер согласиться на получение министерства, в котором «ничего не понимает».⁴⁷⁴

Г.Е.Распутин советовал Б.В.Штюмеру не принимать нового поста. Старец полагал, что «это будет его погибелью: немецкая фамилия, и все станут говорить, что это, — писала царица мужу, — дело моих рук».⁴⁷⁵ Алек- сандра Федоровна и Г.Е.Распутин явили проницательность. Назначение Б.В.Штюмерера министром иностранных дел общественное мнение дей- ствительно восприняло как дело рук императрицы и старца, хотя ничего подобного не было.

Александра Федоровна и Г.Е.Распутин восприняли отрицательно и назначения А.А.Макарова и А.А.Хвостова.⁴⁷⁶ Замена А.Н.Наумова умеренным дуалистом А.А.Бобринским вообще прошла помимо царицы и старца. Участие в этом Александры Федоровны выразилось лишь в том, что через нее премьер передал Николаю просьбу А.Н.Наумова об отставке.⁴⁷⁷

«Безответственные влияния» не имели отношения и к выдвижению члена совета министра народного просвещения Н.П.Раева в преемники обер-прокурора Синода А.Н.Волжина. Современники и историки видели в Н.П.Раеве кандидата Г.Е.Распутина.⁴⁷⁸ На самом деле он являлся кандидатом петроградского митрополита Питирима.⁴⁷⁹ Кроме Н.П.Раева, кандидатами митрополита в обер-прокуроры были член совета главного управления по делам печати МВД князь Н.Д.Жевахов, государственный секретарь С.Е.Крыжановский, вице-президент Практической восточной академии генерал Н.К.Шведов, а также помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части Д.Н.Любимов.⁴⁸⁰

В конце июня Б.В.Штюрмер поддержал кандидатуру Н.П.Раева. С подачи премьера царица имела встречу с Н.П.Раевым.⁴⁸¹ Он ей понравился. Александра Федоровна пришла к выводу, что Н.П.Раев оказался бы «истинным даром Божиим для церкви».⁴⁸² Г.Е.Распутин хотел провести в обер-прокуроры не Н.П.Раева, а «давнишнего своего кандидата», церковного публициста В.М.Скворцова. Старец «неохотно поддавался желаниям» Питирима, выдвинувшего Н.П.Раева.⁴⁸³ Однако, узнав о поддержке его кандидатуры царицей, Г.Е.Распутин изменил свое мнение. Передавая собственные впечатления от Н.П.Раева, старец воспроизвел ее мнение дословно. Г.Е.Распутин объявил императрице, что новый обер-прокурор — «это истинный дар Божий».⁴⁸⁴

После летних назначений в прогрессивную группу входили 6 человек, оппонентами которых являлись также 6 министров. Очевидно, ее влияние Б.В.Штюрмеру нейтрализовать не удалось.⁴⁸⁵ О стремлении Николая к соглашению с оппозицией в рамках дуалистической системы свидетельствовало не только сохранение им прогрессивной группы, но и отношение царя к польскому вопросу.

Сазоновский проект манифеста о даровании Польше автономии был послан императору товарищем министра иностранных дел А.А.Нератовым. Он сообщил 9 июля Б.В.Штюрмеру, что по поводу проекта царь наложил резолюцию: «Немедленно рассмотреть в Совете министров».⁴⁸⁶ На заседаниях кабинета 13, 16 и 18 июля только три парламентариста (министры морской — И.К.Григорович и военный — Д.С.Шуваев, а также товарищ министра земледелия А.А.Риттих) поддержали предложение С.Д.Сазонова о немедленном объявлении манифеста. Остальные министры поддержали мнение премьера об издании манифеста после вступления русской армии в Польшу. За мысль о превращении ее в союзное государство, т.е. о даровании политической автономии, безоговорочно высказался Д.С.Шуваев. И.К.Григорович и П.Н.Игнатьев эту точку зрения признали с оговорками. Другие члены кабинета проголосовали за предложение премьера о даровании административной автономии.⁴⁸⁷

Не зная о результатах обсуждения польского вопроса министрами, 18 июля Николай «долго беседовал» с управляющим Ловичским княжеством

графом В.И.Велепольским.⁴⁸⁸ Из беседы с императором он вынес убеждение — польский вопрос «поставлен как нельзя лучше». После беседы граф надеялся, что в ближайшие дни сазоновский манифест будет опубликован.⁴⁸⁹ В.И.Велепольский вызвался объяснить необходимость этого царице. Николай был противником немедленного издания манифеста. Однако он согласился с предложением графа.⁴⁹⁰ После встречи с В.И.Велепольским император узнал об итогах обсуждения польского вопроса министрами.

Б.В.Штюрмер сообщал Николаю 19 июля, что в основу нового проекта манифеста «положены не начала союзного договора, на которых были построены проекты манифестов, выработанных бывшим министром иностранных дел, а также государственным секретарем, а начала областной автономии».⁴⁹¹

Для упрочения своей позиции Б.В.Штюрмер обратился к императрице. Александра Федоровна поддержала премьера.⁴⁹² Вдохновляемая Б.В.Штюрмером, к идее немедленного издания манифеста она относилась отрицательно. Это показала состоявшаяся 22 июля беседа Александры Федоровны с В.И.Велепольским.⁴⁹³ После нее царица попросила супруга через Б.В.Штюрмера задержать решение польского вопроса до ее приезда в Ставку.⁴⁹⁴ Однако решение польского вопроса задержало не мнение царицы, а то, что летом 1916 г. русская армия так и не вступила в Польшу.

По вопросу о публикации манифеста Николай согласился с большинством кабинета, тем более что оно выразило его собственные взгляды. Монарх объявил Б.В.Штюрмеру 1 августа, что «склоняется к обнародованию манифеста лишь после вступления русских войск в пределы Царства Польского».⁴⁹⁵ Следовательно, отставка С.Д.Сазонова не означала отказа Николая от разрешения польского вопроса.

Император являлся сторонником выполнения и других пожеланий оппозиции, в частности — принятия нового университетского устава. В августе он обсуждался кабинетом. Большинство министров хотели, чтобы дипломы, как и раньше, предоставляли служебные и сословные права. Выслушав 19 августа жалобы на это П.Н.Игнатьева, Николай заявил: «Если будут дальше противодействовать, сообщите мне, и я их соберу и объясню». Сделанный при этом жест императора «был выразителен».⁴⁹⁶ В результате победа осталась за П.Н.Игнатьевым. В ходе аудиенции министр народного просвещения призвал императора к союзу с Думой и поддерживающими ее общественными организациями. В тесном согласии с ними, полагал П.Н.Игнатьев, «власть только и может выйти из тупика». Николай признал «правильность» этих взглядов. Император отметил, что «он всегда с доверием относился к русской общественности, что и выразилось в установлении Государственной думы».⁴⁹⁷

Однако Николай по-прежнему полагал, что соглашение с оппозицией возможно на почве конституции 1906 г., т.е. без установления парламентаризма. В августе А.В.Кривошеин говорил Ж.М.Палеологу о «непреодолимом сопротивлении, на которое наталкивались со стороны императора, когда ему советовали способствовать эволюции царизма в направлении к парламентарной монархии».⁴⁹⁸ Впрочем, точка зрения царя, сохранявшего

в кабинете прогрессивную группу, не препятствовала внедрению в практику верховного управления элементов парламентаризма.

Благодаря парламентаристам даже диктаторские полномочия Б.В.Штюмерера не уменьшили влияния законодателей на управление. В качестве диктатора премьер попытался вмешаться в деятельность Особого совещания по обороне. Председатель Особого совещания Д.С.Шуваев пошел на нарушение служебной тайны. Генерал показал его членам «секретную бумагу — указ, по которому Штюмерер назначался диктатором».⁴⁹⁹ Поступок военного министра объяснялся тем, что он был парламентаристом.⁵⁰⁰ Чувствуя за собой поддержку Д.С.Шуваева, члены Особого совещания выразили Б.В.Штюмеру «свое негодование». Получив отпор со стороны лидеров оппозиции, распоряжений Особого совещания премьер «больше не касался».⁵⁰¹

Прибавка Б.В.Штюмеру власти не прибавила его положению прочности, поскольку настроила против него еще более не только лидеров оппозиции и парламентаристов, но и дуалистов. Давно рассчитывая добиться премьерства, А.Ф.Трепов инициировал новый этап антиштюмереровской кампании. В конце июля А.Ф.Трепов убеждал министра финансов П.Л.Барка, что он «должен помочь ему сместить Штюмерера». А.Ф.Трепов попросил собеседника сказать императору, что премьер — «сильная помеха в работе по заведыванию финансами Империи».⁵⁰²

Летнее торжество оппонентов парламентаристов оказалось весьма проблематичным. Его нейтрализовала поляризация, расколовшая не только Совет министров в целом, но и без того не слишком влиятельную прослойку дуалистов.

6. «Нормы предупредительного характера». Б.В.Штюмерер и оппозиционные организации (январь — октябрь 1916 г.)

В начале 1916 г. отношение Б.В.Штюмерера к Земскому и Городскому союзам и военно-промышленным комитетам, как и к Прогрессивному блоку, было отмечено печатью готовности к сотрудничеству с ними на базе Основных законов. В речи, произнесенной новым премьером при посещении 25 января МВД, он вспомнил тот «подъем духа», с которым работал в тверском земстве «в полном единении со всеми местными земскими деятелями, без всякого различия партий и групп». Б.В.Штюмерер вспомнил и свою службу на посту ярославского губернатора, протекавшую «в полном согласии с местными общественными учреждениями». Премьер выразил надежду, что «опыт, им приобретенный на службе в МВД», «поможет ему в деле разумения и проведения в жизнь мероприятий, необходимых для разрешения сложных и ответственных задач, ныне выдвигаемых государственной жизнью России».⁵⁰³ При посещении 1 февраля Министерства земледелия премьер поставил ему в заслугу «уменьше привлечь к осуществлению своих заданий местные общественные силы и дружно с ними работать».⁵⁰⁴

Выступая за сотрудничество правительства с общественными организациями, Б.В.Штюмерер осознавал их политическую опасность. О способах ее нейтрализации говорили посетители салона Б.В.Штюмерера.⁵⁰⁵ Несмотря на оппозиционность и союзов, и комитетов, новый премьер начал оказывать им усиленное финансовое покровительство.

В конце января с одобрения Б.В.Штюмерера правительство выделило субсидии Земскому союзу на продолжение его деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам.⁵⁰⁶ На заседании Совета министров 8 марта Б.В.Штюмерер поставил вопрос об отпуске 12 000 000 рублей Союзу городов.⁵⁰⁷ В течение января—марта 1916 г. на снабжение армии Особое совещание по обороне авансировало союзам 43 557 375 рублей и 936 500 франков. К марту комитеты получили 33 000 000 рублей. В феврале ЦВПК получил, также в счет оплаты его заграничных заказов, 397 355 долларов, 38 875 фунтов и 75 000 крон.⁵⁰⁸

Финансирование комитетов и союзов Б.В.Штюмерер осуществлял, игнорируя недовольство этим со стороны черносотенцев.⁵⁰⁹ Они выступали не просто за сокращение казенных субсидий, выделявшихся оппозиционным организациям, но за их полное закрытие. Жестко дистанцировавшись от черносотенцев, новый премьер пошел на разрешение съездов представителей комитетов и союзов. Демонстративно примирительное отношение правительства к этим организациям объяснялось позицией не только Б.В.Штюмерера, но и царя.

Николай не испытывал иллюзий относительно лояльности руководителей союзов и комитетов. При посылке телеграмм, адресованных общеземскому и общегородскому съездам, Николай заявил М.В.Алексееву, подразумевая деятельность лидеров оппозиции: «Вся эта работа — систематический подкоп под меня и под все мое управление. Я очень хорошо понимаю их штуки... Арестовать бы их всех вместо благодарности».⁵¹⁰ Тем не менее телеграммы Николая, адресованные съездам, соблюдали декорум благоволения.⁵¹¹ Как же реагировали общественные организации на примирительные жесты, делавшиеся императором и премьером?

Делегаты 2-го всероссийского съезда представителей военно-промышленных комитетов, заседавшего 26—29 февраля в Петрограде, приняли резолюцию о необходимости замены кабинета Б.В.Штюмерера «ответственным министерством». Проходившие 12—14 марта общеземский и общегородской съезды также не поддержали нового премьера. Первый съезд высказался за «министерство доверия», второй — за «ответственное министерство».⁵¹² Опасения царя полностью оправдались.

Общественные организации публично признали, что их цель — не только фактическая, но и формальная замена дуалистической системы парламентаризмом, т.е. именно «подкоп под управление». Подобное признание было равносильно призыву к государственному перевороту. По мнению П.Н.Милокова, переход общественных организаций к «формуле ответственного министерства уже означал совершенно открытый разрыв со всякого рода мирными путями».⁵¹³

Оценка П.Н.Милокова совпадала с рассуждениями полицейского аналитика. По его мнению, февральско-мартовские съезды показали, что союзы и комитеты «не только уклонились от непосредственных их задач, но и угрожают известными своими действиями внутреннему государственному порядку». Их политическая деятельность имела «признаки государственных преступлений», преследуемых по статьям 128, 129 и 130 уголовного уложения.⁵¹⁴ Политическая опасность общественных организаций

начинала перевешивать их функциональную пользу. Казалось бы, это должно было повести к немедленному закрытию союзов и комитетов.

Эвентуальную возможность упразднения общественных организаций допускали губернаторы. При этом они исходили из функциональных соображений. «Общеземский союз, — констатировалось на майском совещании губернаторов, — является организацией, бесполезной во время войны, но вопрос, не лучше ли справились бы с его делом органы правительства, если бы они могли иметь соответствующий личный состав и кредиты».⁵¹⁵ На снабжении армии закрытие союзов и комитетов не казалось бы слишком серьезно. На малоэффективную работу Земгора указывали даже оппозиционеры.⁵¹⁶ Закрытие комитетов, полагали губернаторы, не отразилось бы «на деле».⁵¹⁷ Комитеты соперничали с Земгором по части малой эффективности снабженческой деятельности. В признании этого думцы были единодушны с агентами власти.⁵¹⁸ Почему же союзы и комитеты, представлявшие не только политическую угрозу, но и тяжелое бремя для казны, не окупавшееся их деятельностью, правительство так и не закрыло?

Сохранению оппозиционных организаций содействовали не функциональные, а политические причины, которые привели к их созданию. Показательна беседа между царем и начальником ГАУ А.А.Маниковским, состоявшаяся 14 марта.⁵¹⁹ Николай: «На вас жалуются, что вы стесняете самостоятельность общества при снабжении армии». А.А.Маниковский: «Ваше величество, они и без того наживают на поставках по 300 %, а бывали случаи, что получали даже более 1000 % барыша». Николай: «Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали». А.А.Маниковский: «Ваше величество, но это хуже воровства, это — открытый грабеж». Николай: «Все-таки не нужно раздражать общественное мнение».⁵²⁰ Ради поддержания фикции «священного единения» царь отказался от закрытия союзов и комитетов.

Нижестоящие инстанции принимали во внимание позицию Николая. Закрытие военно-промышленных комитетов, говорилось на майском совещании губернаторов, не отразилось бы «на настроении рабочих, но породило бы протест в среде так называемой интеллигенции. Ввиду этого к закрытию их прибегать не следует».⁵²¹ Таким образом, основной причиной сохранения союзов и комитетов, несмотря на их неэффективность и оппозиционность, была не функциональная, а политическая целесообразность. Исходя из нее, Б.В.Штюрмер по-прежнему продолжал масштабное финансирование общественных организаций. В течение марта—июня Особое совещание по обороне авансировало ЦВПК 34 038 452 рубля, 61 028 фунтов и 120 330 долларов, а Земгору — 57 220 711 рублей 75 копеек и 585 746 долларов.⁵²²

Благоприятствование Б.В.Штюрмера к земствам было таково, что во время его пребывания на посту министра внутренних дел финансовые разногласия между земствами и губернаторами разрешались именно в пользу органов самоуправления, а не местной администрации.⁵²³ Покровительство центрального аппарата МВД земству порождало у чиновников недовольство.⁵²⁴ Впрочем, нарастание оппозиционности союзов и

комитетов обусловило то, что правительство Б.В.Штюрмера, по-прежнему финансируя их специальную деятельность, начало налагать на нее ограничения, которые бы минимизировали вмешательство общественных организаций в политику.

Февральско-мартовские съезды вынудили правительство выработать «нормы предупредительного характера». Они должны были обеспечить не только «свободную», но и «соответствующую существующим законам» деятельность общественных организаций. При выработке «норм» правительство исходило из «назревшей потребности охранения» союзов и комитетов «от уклонения в сторону разрешения ими не подлежащих их ведению политических задач, так как всякие эксцессы политического свойства могли лишь стеснять свободу специальной деятельности организаций».⁵²⁵ Поэтому расценивать «нормы» как репрессии неправомерно.

Одной из первых мер «предупредительного характера» стало увольнение 15 марта военного министра А.А.Поливанова. В своем отношении к союзам и комитетам он руководствовался указаниями не правительства, а лидеров оппозиции, главным образом А.И.Гучкова.⁵²⁶ На заседании кабинета 4 марта генерал высказался за включение представителей оппозиционных организаций в состав Русского правительственного комитета в Лондоне, который координировал закупки военного снаряжения. Военный министр настаивал на своей идее, хотя ранее кабинет отнесся к ней отрицательно. А.А.Поливанов поддержал только И.К.Григорович.⁵²⁷ Покровительство генерала военно-промышленным комитетам обусловило принятие февральским съездом их представителей резолюции об «ответственном министерстве». Объясняя причины его отставки, Николай писал А.А.Поливанову 13 марта, что деятельность комитетов «мне не внушает доверия, а руководство Ваше этою деятельностью недостаточно властно в моих глазах».⁵²⁸

Увольнение А.А.Поливанова не означало того, что положение комитетов ухудшилось. Его преемником оказался главный полевой интендант генерал Д.С.Шуваев. Как интендант он заявил себя сторонником сотрудничества Военного министерства с комитетам. Д.С.Шуваев был единственным представителем власти на февральском съезде, причем находился тогда в первом ряду.⁵²⁹

Следующей мерой «предупредительного характера» стал особый журнал Совета министров 7 апреля, утвержденный царем 10 апреля. Особый журнал запретил на будущее проведение всех съездов.⁵³⁰ Казалось бы, вот яркое доказательство того, что Б.В.Штюрмер боролся с общественными организациями. Но запрещение съездов нельзя рассматривать как антилиберальную акцию хотя бы потому, что оно затронуло не только левых, но и правых. По поводу предположения черносотенцев о созыве своего съезда, намеченного на май, в МВД решили: «Едва ли такой съезд удобен в виду известного постановления Совета министров».⁵³¹ Это мнение восторжествовало.

Фактически постановление 7 апреля в полном объеме никогда не действовало. Сразу после его принятия правительство стало делать исключения в пользу тех организаций, которые возглавлялись оппозиционера-

ми или имели их в своем составе.⁵³² Наложив запрет на съезды союзов, особый журнал 7 апреля ни в коей мере не стеснил развития сети их местных учреждений.⁵³³

Проблема взаимоотношений правительства и союзов обострилась из-за разработки Думой законопроекта об утверждении их уставов. Этот законопроект подразумевал полную легализацию союзов как учреждений, действующих постоянно, не только во время, но и после войны. Парламентаристы (И.К.Григорович, граф П.Н.Игнатьев А.Н.Наумов, С.Д.Сазонов и Д.С.Шуваев) поддержали идею принятия уставов. Однако они полагали, что существование легализованных союзов должно быть ограничено периодом войны.⁵³⁴

В начале мая предположение Думы подверглось обсуждению на совещании губернаторов и на двух заседаниях частного совещания под председательством Б.В.Штюрмера. Совещание губернаторов идею легализации союзов отвергло.⁵³⁵ В работе частного совещания приняли участие три товарища министра внутренних дел — граф А.А.Бобринский, князь В.М.Волконский и А.В.Степанов, начальник главного управления по делам местного хозяйства МВД Н.Н.Анциферов, директор Департамента полиции генерал Е.К.Климович, член совета министра внутренних дел И.Я.Гурлянд, петроградский градоначальник генерал князь А.Н.Оболенский, государственный контролер Н.Н.Покровский и его товарищ А.И.Маликов. А.А.Бобринский, В.М.Волконский, Н.Н.Покровский и А.И.Маликов «стояли за легализацию». Е.К.Климович также полагал, что «устав необходим». ⁵³⁶ Остальные были против легализации — «с точки зрения как государственного, так и финансового права». ⁵³⁷ Премьер, со свойственной ему осторожностью, молчал и «внимательно слушал, что говорили». ⁵³⁸ Молчание Б.В.Штюрмера объяснялось тем, что идея легализации казалась ему неприемлемой. После мартовских съездов сомневаться в политической опасности союзов не приходилось. Имея в виду оппозиционные организации, Б.В.Штюрмер отмечал во всеподданнейшем докладе от 8 мая: «Здесь каждое по существу начинание используется в целях противогосударственного настроения умов, и с явлениями этими правительству предстоит серьезная борьба». Мотивируя неприемлемость идеи легализации, Б.В.Штюрмер указывал императору 7 июня, что при ее воплощении «в России оказались бы два правительства, из которых правительство общественное, действуя на средства Государственного казначейства, было бы независимо не только от государственной власти, но и вообще от государства». ⁵³⁹

Вопрос о финансовой зависимости союзов от казны возник не случайно. К 3 июня 1916 г. сумма субсидий, выделенных оппозиционным организациям только Советом министров, превысила 480 000 000 рублей. ⁵⁴⁰ Ненормальность ситуации, при которой такие колоссальные суммы расходовались бесконтрольно, понимали даже парламентаристы. Н.Н.Покровский высказался за установление правительственного контроля над расходованием союзами казенных субсидий. Совещание признало это «вполне нормальным и допустимым, достаточно обеспечивающим интересы казны». ⁵⁴¹ Данное решение и стало результатом обсуждения вопроса о легализации. Совет министров поручил Государственному

контролю «установить порядок контроля над производимыми общественными учреждениями расходами по призрению больных и раненых воинов». ⁵⁴²

Решением кабинета от 14 июня, утвержденным императором 10 июля, при Государственном контроле под председательством директора департамента гражданской отчетности С.А.Гадзяцкого была образована комиссия по проверке оборотов Земского и Городского союзов. Какой-либо антиобщественной направленности она не имела. С мнением Н.Н.Покровского о том, что совещание С.А.Гадзяцкого, которое «и сейчас действует», было принято союзами «даже с благодарностью», председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства полностью согласился. ⁵⁴³ Не поддержав идеи легализации союзов, Б.В.Штюрмер отказался и от употребления по отношению к ним репрессий. Подобное поведение детерминировалось консервативно-либеральным габитусом премьера.

От употребления репрессий Б.В.Штюрмер отказывался еще и потому, что не сомневался в малочисленности представителей антиправительственного движения. Во всеподданнейшем докладе от 8 мая премьер отмечал, что «злоба вражеская, истощаяся на полях битвы, находит союзников в темных силах, стремящихся к сокрушению единства помыслов и трудов истинных сынов России в тылу великих российских войск». Хотя «работа в этом направлении идет неустанно», писал Б.В.Штюрмер, но опирается она не на массы, а «на явно злонамеренные, а также малодушные частицы населения, не видящие гибельного значения дела своих рук для государства». ⁵⁴⁴ Тот факт, что, преуменьшая политическое значение оппозиции, премьер тем не менее стремился к сотрудничеству с ней в рамках Основных законов, доказывает подлинность его либерализма.

Нежелание Б.В.Штюрмера наступать на оппозиционные организации заявило о себе и при рассмотрении в июне вопроса о сенаторской ревизии союзов. Не отрицая необходимости ревизии, премьер, однако, высказался против нее. ⁵⁴⁵ Отказ Б.В.Штюрмера от наступления на союзы противоречил рекомендациям черносотенцев. Они требовали немедленного закрытия этих организаций. ⁵⁴⁶

Примирительное отношение Б.В.Штюрмера к оппозиции привело к усилению критики его курса ортодоксальными консерваторами. ⁵⁴⁷ Ее не ослабило разрешение премьером вопроса о реорганизации военно-промышленных комитетов. Она предусматривала, по мысли губернаторов, назначение в комитеты представителей Государственного контроля и фабричной инспекции. Губернаторы испытывали «большие сомнения» по поводу правильности расходования комитетами казенных кредитов. ⁵⁴⁸

Помимо финансовых аспектов деятельности комитетов, беспокойство правительства вызывали и рабочие группы. МВД трактовало их как «социал-демократические коллективы, преследующие задачи революционной агитации и организации рабочих масс России». ⁵⁴⁹ Вопрос о политической опасности рабочих групп обсуждался на заседании кабинета 4 июня. А.В.Степанов доложил информацию «относительно революционного движения в рабочих массах», вызываемого деятельностью групп. На заседании были намечены меры в смысле «более серьезного надзора»

за комитетами со стороны Д.С.Шуваева. Против этого «восставал» министр путей сообщения А.Ф.Трепов. Будучи парламентаристом, Д.С.Шуваев открыто выступил «в защиту» комитетов. Поэтому А.Ф.Трепов настаивал на надзоре за комитетами со стороны премьера.⁵⁵⁰

Совещание министров, состоявшееся 11 июня, было посвящено той же теме. На заседании правительства 18 июня парламентаристы выступили «против ломки» Положения о комитетах. Идею введения в них представителей правительства члены прогрессивной группы (А.Н.Наумов, граф П.Н.Игнатьев, князь В.Н.Шаховской и Д.С.Шуваев) провалили. Для нейтрализации политической опасности комитетов министры решили принять меры «практического свойства».⁵⁵¹

Поддерживая парламентаристов, А.В.Степанов подчеркнул: «Я не возражаю против сохранения настоящего Положения при условии планомерности действий». Б.В.Штюрмер обратил особое внимание на две «практические» меры. Он заявил: «Покамест мы остановились на том: 1) чтобы все ведомства не питали комитетов, чтобы заказы сокращались, 2) чтобы обнародовать, к каким неудовлетворительным результатам пришла деятельность комитетов».

В конце заседания Б.В.Штюрмер высказался в духе прогрессивной группы: «Значит, теперешнее Положение оставить в силе, но что Военное министерство держит председателя Совета министров в курсе роста и хода заказов». Последнее слово осталось не за премьером, а за парламентаристом. А.Н.Наумов заметил: «Надо оговориться, чтобы послабление заказов не шло к ущербу нашей готовности. Надзор за выполнением ведомствами всех мер возлагается на председателя Совета министров».⁵⁵² После этого в особом журнале была помещена оговорка: «без ущерба для воинского снабжения».⁵⁵³ Она сводила на нет решение о сокращении заказов, поскольку определять степень «ущерба» должен был военный министр, являвшийся покровителем ЦВПК.

Впрочем, 18 июня на заседании Особого совещания по обороне Д.С.Шуваев как будто встал на сторону дуалистов. Он заявил, что «передача заказов через общественные организации целесообразна лишь в тех случаях, когда заказ распределяется между многочисленными мелкими предприятиями».⁵⁵⁴ Однако на заседании правительства 24 июня Д.С.Шуваев оспорил решение Совета министров относительно приемщиков: «не беру ответственность, ибо нельзя найти подходящих людей, пусть и несут союзы и комитеты». В результате министры согласились отметить в особом журнале, что военный министр «затрудняется» выполнять указанное решение, а кабинет «вполне отдаст себе отчет в отмечаемых военным министром затруднениях [относительно] выполнения таковой меры».⁵⁵⁵

По поводу июньских решений правительства Николай наложил 22 июня резолюцию: «Давно пора было это сделать. Очень одобряю». Особый журнал Совета министров 18 и 24 июня царь утвердил 27 июня, написав на нем: «Одобряю и требую, чтобы намеченные здесь мероприятия не остались мертвою буквою».⁵⁵⁶ Во исполнение царских резолюций 3 июля последовала публикация отчета Государственного контроля о неурядицах в деятельности ЦВПК. Другие пункты особого журнала почти

все остались «мертвою буквою». Это было вызвано поддержкой, которая оказывалась оппозиционным организациям со стороны парламентаристов, и прежде всего Д.С.Шуваева.

Поведение парламентаристов объяснялось их солидарностью с лидерами оппозиции. Министры знали, что главной целью союзов и комитетов являлось «осуществление политических задач, а не содействие правительству по оказанию помощи больным и раненым воинам и снабжению армии».⁵⁵⁷ Тем не менее на заседании Особого совещания по обороне 17 августа, сообщал императору через четыре дня Б.В.Штюрмер, Д.С.Шуваев заявил, что «заказы по-прежнему оставил за военно-промышленными комитетами, так как он не имеет в своем распоряжении тысячи чиновников, которые могли бы заменить общественных деятелей, работающих в военно-промышленных комитетах».⁵⁵⁸ В течение июля — ноября Особое совещание, председателем которого являлся Д.С.Шуваев, отпустило ЦВПК 2 954 830 рублей 50 копеек и 160 000 франков, а Земгору — 62 981 146 рублей 11 копеек, 6450 фунтов, 82 500 франков и 229 100 долларов.⁵⁵⁹ Исполнение особого журнала, посвященного военно-промышленным комитетам, Д.С.Шуваев, насколько возможно, саботировал.

Попытка премьера ввести функционирование комитетов в русло аполитичности встретила еще большее сопротивление со стороны А.И.Гучкова. В августе, посылая письма начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу М.В.Алексееву, председатель ЦВПК начал кампанию по обвинению Б.В.Штюрмера в «измене», выразившейся, якобы, в его противодействии снабжению армии. Сознательное использование А.И.Гучковым клеветы как средства политической борьбы премьер объяснял несостоятельностью предшествующей тактики лидеров оппозиции.⁵⁶⁰

В организации кампании по дискредитации Б.В.Штюрмера А.И.Гучков был заинтересован и лично, как председатель ЦВПК. Правительство опубликовало 3 июля данные Государственного контроля, которые, свидетельствуя о финансовых неурядицах, открывшихся в деятельности ЦВПК, снимали с А.И.Гучкова ореол бескорыстия. «Снятие ореола — взрыв негодования, — фиксировал ход мысли премьера черновик его всеподданнейшего доклада. — Обещание мести. Новый поход. Клевета. Письма Гучкова, их распространение, отсутствие опровержения. Мнение общества, что правительство мешает обороне».⁵⁶¹ Действительно, начало подготовке кампании по дискредитации премьера было положено А.И.Гучковым именно в июле.

Начальник московского охранного отделения полковник А.П.Мартынов доносил 26 июля Е.К.Климовичу, что «можно ожидать» открытого письма за подписями А.И.Гучкова, С.А.Смирнова, Г.Е.Львова и М.В.Челнокова, в котором «внимание общества будет привлечено на отношение правительства к делу заготовки предметов снаряжения армии. Оживленные сношения по этому вопросу, — подчеркивал А.П.Мартынов, — между указанными лицами идут непрерывно».⁵⁶²

Результатом активности московских оппозиционеров и стали письма А.И.Гучкова М.В.Алексееву, разошедшиеся в многочисленных копиях. В одном из этих писем А.И.Гучков указывал на то, что у Б.В.Штюрмера

«прочная репутация, если не готового уже предателя, то готового предать».⁵⁶³ Обвинения, на которых базировался вывод А.И.Гучкова, были столь же правдоподобными по форме, сколь и абсолютно лживыми по содержанию. Наиболее типичное обвинение следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства характеризовал как «дудое», поскольку «данных, его подкрепляющих, совершенно нет».⁵⁶⁴

Информацию о письмах А.И.Гучкова Б.В.Штюрмер получил от члена октябристского ЦК князя А.В.Оболенского. Вскоре после смерти сына А.И.Гучков посвятил в подробности планировавшегося им заговора, нацеленного против Николая, А.В.Оболенского. Тогда же А.И.Гучков показал собеседнику и свою переписку с начальником штаба. А.В.Оболенский рассказал об откровениях А.И.Гучкова и его контакте с М.В.Алексеевым Б.В.Штюрмеру. «Примите меры, доложите государю», — заявил А.В.Оболенский премьеру. Б.В.Штюрмер попросил собеседника достать подлинную переписку А.И.Гучкова с начальником штаба. Князь от этого отказался. «Власть в ваших руках, — сказал А.В.Оболенский, — я указал вам даже, где хранятся письма, полиция должна произвести выемки, а не я».⁵⁶⁵ Б.В.Штюрмер ограничился только тем, что сообщил о переписке царице.

С подачи премьера Александра Федоровна писала мужу 18 сентября, что «теперь идет переписка между Алексеевым и этой скотиной Гучковым, и он начинает его всякими мерзостями».⁵⁶⁶ Копии двух писем А.И.Гучкова, распространявшиеся в качестве нелегальной литературы, царица получила 20 сентября от министра торговли и промышленности князя В.Н.Шаховского. Министру их передал назначенный председатель правления московского «Общества 1886 г.» генерал Л.В.Свенторжецкий.⁵⁶⁷ Николай получил экземпляр одной из копий письма А.И.Гучкова 9 октября от Б.В.Штюрмера.⁵⁶⁸

Меры, предпринятые премьером ради нейтрализации политической опасности оппозиционных организаций, окончательно восстановили против него не только А.И.Гучкова, но и руководителей союзов. Как и председатель ЦВПК, Г.Е.Львов и М.В.Челноков настаивали на отмене особого журнала 7 апреля 1916 г., запретившего проведение всех съездов. Изменение позиции правительства по вопросу о съездах обуславливалось активностью членов прогрессивной группы кабинета. Уже в конце июня большинство министров полагали, что «вопрос о разрешении созыва съездов общественных организаций должен быть пересмотрен».⁵⁶⁹ Непосредственным инициатором пересмотра вопроса о разрешении съездов оказался Д.С.Шуваев. В начале июля генерал получил послания Г.Е.Львова и М.В.Челнокова, которые требовали отмены особого журнала 7 апреля. Генерал обратился к премьеру с просьбой «не отказать внести» эти послания «на уважение Совета министров».⁵⁷⁰

На заседаниях кабинета 26 июля и 12 августа он учел пожелания лидеров оппозиции. Право на разрешение съездов перешло от Совета министров к министру внутренних дел. Ходатайства о съездах должны были представляться на рассмотрение кабинета только в случаях особой важности. Тем самым процедура их разрешения упрощалась. Правительство решило также издать по 87-й статье «правила о праве министра внутрен-

них дел посылать в заседания уполномоченных».⁵⁷¹ Согласно правилам, министр внутренних дел и губернаторы имели право командировать во все, в том числе и не публичные, собрания общественных организаций своих представителей. Они получали полномочия на закрытие собраний. Данная мера, не нарушая специальной деятельности союзов и комитетов, должна была предотвратить их уклонение в политику.

Предложение о командировании на съезды своих представителей министр внутренних дел А.А.Хвостов выдвинул «только для того, чтобы иметь возможность допускать самые съезды и чтобы этот вопрос не остался на мертвой точке». «Если бы я, — подчеркивал А.А.Хвостов, — эту меру не принял, едва ли Совет министров согласился предоставить право разрешений съездов министру внутренних дел, и тогда, значит, это никогда не осуществилось бы. Между тем, они были до крайности необходимы и желательны».⁵⁷² Особый журнал Совета министров 26 июля и 12 августа царь утвердил 1 сентября.

При помощи мер, инициированных особым журналом, Б.В.Штюрмер попытался предотвратить выход общественных организаций за рамки закона, не ограничивая их законной деятельности. Поэтому эти меры нельзя расценивать как направленные против союзов и комитетов. Особый журнал дал общественным организациям реальные возможности для проведения съездов. Одновременно он поставил не менее реальные препоны политической деятельности союзов и комитетов, а потому вызвал у их руководителей новые протесты.⁵⁷³ Но курсу Б.В.Штюрмера на достижение компромисса с оппозицией на базе Основных законов особый журнал не противоречил.

Именно в августе попытки черносотенцев открыть кампанию против оппозиции правительство решительно пресекло. В ходе переговоров с официальными сферами по поводу разрешения черносотенного съезда представители «Союза русского народа» настаивали на включении в программу съезда пункта «об отношении к общественным организациям». Сановники заявили черносотенцам, что «при этом условии съезд разрешен не будет».⁵⁷⁴ Разрешения на проведение съезда крайне правые так и не получили.

Вызванное консервативно-либеральным габитусом Б.В.Штюрмера дистанцирование премьера от ортодоксальных консерваторов было не показным, а настоящим. Такому заключению как будто противоречит факт отпуска в 1916 г. черносотенной прессе, по линии главного управления по делам печати МВД, 471 364 рублей. Но эта сумма составляла только 28 % от 1 700 000 рублей, т.е. общей суммы субсидий, выделенных тогда рептилиям.⁵⁷⁵

Еще одним каналом финансирования крайне правых являлся Департамент полиции. У его директора Е.К.Климовича «не было» «почти никаких» финансовых отношений с консерваторами. Эти отношения состояли только в ассигновании председателю «Отечественного патриотического союза» В.Г.Орлову «100 рублей жалованья и 100 рублей на какой-то кружок».⁵⁷⁶ Следовательно, при Б.В.Штюрмере Департамент полиции в качестве канала, через который крайне правые получали казенные субсидии, почти не действовал.

Одновременно Совет министров отпускал деньги Земскому и Городскому союзам на издание собственных печатных органов. Они критиковали правительство с такой же степенью интенсивности, как и оппозиционные газеты. В конце сентября председатель Особого совещания по рассмотрению ходатайств о пособиях на организацию помощи больным и раненым воинам генерал А.А.Веденяпин заявил на заседании кабинета, что выпуски «Вестника» Главного комитета Земского союза «наполнены оппозиционным материалом, критикой действий правительства и заменяют, до известной степени, прокламации». А.А.Веденяпину было поручено войти в переговоры с Главным комитетом и добиться изменения направленности «Вестника». В случае неудачи переговоров ассигнования на это издание предполагалось исключить.⁵⁷⁷ Однако впоследствии, несмотря на продолжавшуюся критику правительства в союзных изданиях, вопрос о воздействии на них Совет министров не поднимал.

Наличие у Б.В.Штюрмера готовности к сотрудничеству с общественными организациями доказывается также тем, что на его премьерство пришелся пик покровительства казны союзам. Нарастание их оппозиционности не повело к понижению субсидий, выделявшихся союзам той самой властью, борьба с которой была их основной задачей.

Согласно данным таблицы 3 приложения, с января по сентябрь 1916 г. 364 780 000 рублей (100 %) получили 19 благотворительных организаций, из них (в млн. руб.):

- 1) Всероссийский земский союз — 187,92 (51,5 %),
- 2) Российское общество Красного Креста — 81,19 (22,3 %),
- 3) Всероссийский союз городов — 68,01 (18,6 %),
- 4) Московское городское общественное управление — 16,75 (4,6 %),
- 5) Петроградское городское общественное управление — 5,94 (1,6 %),
- 6) Областной комитет земства Юго-Западного края — 1,3 (0,4 %),
- 7) Курское губернское земство — 0,82 (0,2 %),
- 8) Всероссийский национальный союз — 0,65 (0,2 %),
- 9) Комитет членов Государственной думы — 0,5 (0,1 %),
- 10) Общедворянская организация — 0,54 (0,1 %),
- 11) Санитарные организации великой княгини Марии Павловны — 0,3 (0,08 %),
- 12) Комитет латышских стрелковых батальонов — 0,21 (0,06 %),
- 13) Российское пожарное общество — 0,18 (0,05 %),
- 14) Санитарный отряд Сената и Министерства юстиции — 0,18 (0,05 %),
- 15) Великая княгиня Виктория Федоровна — 0,15 (0,04 %),
- 16) Курское дворянство — 0,08 (0,02 %),
- 17) Всероссийское общество здравниц — 0,03 (0,01 %),
- 18) Комитет поезда «Русский солдат» — 0,02 (0,01 %);
- 19) Санитарный транспорт великой княжны Марии Николаевны — 0,01 (0,003 %).

Из 19 благотворительных организаций Б.В.Штюрмер оказывал явное предпочтение тем, которые поддерживали Прогрессивный блок. Оппозиционные организации (Земский и Городской союзы, Московское и Петроградское общественные управления и Комитет членов Думы) по-

лучили 279 120 000 рублей (76,5 %), а правые организации (Всероссийский национальный союз, Курское земство и дворянство, Областной комитет земства Юго-Западного края и Общедворянская организация) — 3 390 000 рублей (0,9 %), т.е. в 82,3 раза меньше.

В 1916 г. средние ежемесячные субсидии Земскому союзу, получавшиеся им не только от Совета министров, но и от других государственных органов, выросли, по сравнению с 1915 г., в три раза и достигли суммы в 60 000 000 рублей. Во второй половине 1916 г. годовой бюджет союза дошел до 600 000 000 рублей и продолжал неудержимо расти. К концу 1916 г. число союзных учреждений достигло 7728, в т.ч. учреждений Главного комитета — 174, губернских комитетов — 3454 и фронтовых комитетов — 4100. На союз работали сотни тысяч человек.⁵⁷⁸ Расцвет союзов был заслугой не столько возглавлявших их общественных деятелей, сколько представителей бюрократической элиты, и прежде всего — Б.В.Штюрмера.

Щедрое субсидирование его кабинетом оппозиционных организаций имело тем большее значение, что происходило за счет недофинансирования казенных учреждений.⁵⁷⁹ По сравнению с государственными служащими союзные служащие имели намного более высокие оклады.⁵⁸⁰ Царское правительство финансировало оппозиционные организации, экономя на своих собственных учреждениях.

Впрочем, в руководимом генералом А.А.Веденяпиным Особом совещании кредиты, запрашивавшиеся союзами, «старались по возможности урезать», чтобы «не дать лишнего».⁵⁸¹ Однако сокращения этого Особого совещания не носили принципиального характера. Совет министров соглашался с заключениями А.А.Веденяпина, «потому что он очень добросовестно относился к вверенному ему делу».⁵⁸² То, что А.А.Веденяпин — «человек в высшей степени честный», признавал и М.В.Челноков.⁵⁸³ «Так что, — вспоминал А.А.Хвостов, — большинство сокращений было без всяких тенденций, просто потому, что комиссия Веденяпина находила, что эти траты излишни».⁵⁸⁴

Мнение о необходимости сокращения финансовых запросов, которые предъявляли казне союзы, разделяли члены прогрессивной группы: П.Л.Барк, Н.Н.Покровский и Д.С.Шуваев.⁵⁸⁵

Полное отсутствие политической тенденции в отношении кабинета к финансовым запросам союзов недвусмысленно признавали даже их руководители. Так, отвечая на вопрос председателя Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о том, почему «затягивалась выдача денег» союзам — «по волоките или сознательно», М.В.Челноков подчеркивал: «Я должен сказать, что в этом, пожалуй, скорее виноваты союзы». Министры, задерживая выдачу субсидий, «придирались к формальностям, которые были законны и делали нажимы, обставлявшиеся известными формальностями». Если бы они хотели «сократить более определенно, — признавал М.В.Челноков, — они могли бы это сделать более резко».⁵⁸⁶

В то время как министры строили свое отношение к оппозиционным организациям на почве законности, их руководители с этой почвы сошли. Лидеры оппозиции сделали ставку на подготовку переворота. В 1916 г.

Е.К.Климович имел информацию о двух «революционных центрах». Первый состоял из 40 человек, «промышленников и политических деятелей Москвы». Он подчинялся «комитету» с Г.Е.Львовым во главе, в который входили А.А.Бубликов, А.И.Коновалов, П.П.Рябушинский и М.В.Челноков. Второй «революционный центр», организация «чисто социалистическая», финансировался первым и подчинялся «комитету» из 11 человек. Его членами были Л.М.Брамсон, А.Ф.Керенский, М.И.Скобелев и Н.С.Чхеидзе. «Комитет» руководил работой «в казармах и среди рабочих». Он пользовался средствами москвичей, но «вел собственную линию». ⁵⁸⁷ Б.В.Штюрмеру было известно о планах лидеров оппозиции.

В союзах и ЦВПК премьер видел наиболее опасных политических противников царского правительства. Б.В.Штюрмер инкриминировал оппозиционерам «постепенный захват власти» и «создание параллельного самостоятельного правительства». ⁵⁸⁸ Зная о стремлении руководителей оппозиционных организаций к низложению старого порядка, Б.В.Штюрмер не только оказывал этим организациям финансовое покровительство, но и уклонялся от употребления по отношению к ним каких-либо репрессий. Ведь это привело бы к исчезновению фикции «священного единения». Ради ее сохранения при нейтрализации политической опасности союзов Б.В.Штюрмер довольствовался мерами пропагандистского характера. Одной из них была публикация данных о том, что благотворительная деятельность оппозиционных организаций ведется на казенные средства.

За разоблачение финансовой зависимости союзов от казны оппоненты оппозиции выступили в начале 1916 г. В марте этого года, после принятия городским съездом антиправительственной резолюции, Н.А.Маклаков советовал царю и царице «официально разъяснить», что «суммы» союзов «казенные». ⁵⁸⁹ О необходимости такой меры, напомнил императору Б.В.Штюрмер 10 сентября, Николай говорил ему в июне. ⁵⁹⁰ «Ты, — писала царица супругу, подразумевая Б.В.Штюрмера, — уж давно ему это говорил». ⁵⁹¹ Однако ради сохранения «священного единения» царь и премьер избегали публиковать информацию, которая могла дискредитировать оппозиционные организации.

Только во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 10 сентября, Б.В.Штюрмер высказался за то, чтобы «ныне обнародовать сведения об ассигновании» союзам «средств из казны». ⁵⁹² Комиссия С.А.Гадзяцкого предоставила премьеру соответствующие данные. То, что они исходили из Государственного контроля, возглавлявшегося сторонником оппозиции Н.Н.Покровским, не дает оснований для того, чтобы сомневаться в их достоверности. Согласно этим данным, за период с августа 1914 по сентябрь 1916 г. Земский и Городской союзы получили от Совета министров 553 459 829 рублей. Сведения С.А.Гадзяцкого к моменту их обобщения устарели. В конце сентября правительство утвердило смету Земского союза на второе полугодие 1916 г. Она предусматривала единовременный отпуск 24 000 000 рублей. Просимая союзом сумма была ему отпущена. Общественные пожертвования союзам составили только 9 650 986 рублей 74 копейки. ⁵⁹³ По сравнению с полумиллиардом казенных денег сумма, собранная земствами и городами, кажется каплей в море.

Благодаря финансовому покровительству правительства союзы были государственными, а не общественными организациями, числясь таковыми только по названию.

Скупость оппозиционеров объяснялась тем, что они предпочитали жертвовать миллионы не на благотворительность, а на подготовку переворота. Московский «революционный центр» имел «очень большие средства на революционную деятельность», собранные по подписке крупными промышленниками. ⁵⁹⁴ Про проводившиеся среди лидеров оппозиции «сборы денег на нужды переворота» вспоминал и лидер социал-демократической фракции Думы Н.С.Чхеидзе. ⁵⁹⁵ «Наибольшую лепту» внес товарищ председателя ЦВПК М.И.Терещенко. ⁵⁹⁶ Он «пожертвовал миллион рублей на революцию». ⁵⁹⁷ За М.И.Терещенко следовал другой заместитель А.И.Гучкова — А.И.Коновалов. По данным В.П.Литвинова-Фалинского, «купечество Москвы решило дать десятки миллионов на революцию». ⁵⁹⁸

Хотя лидеры оппозиции о «священном единении» давно забыли, царь и премьер опять находили необходимым сохранять его фикцию. Поэтому они хотели, чтобы публикация сведений о зависимости союзов от казны не выглядела как акция, направленная против них. Иное мнение разделяла царица. Она потребовала сопроводить эти сведения упоминанием «о непредставлении еще Союзом земств полного отчета в деньгах, полученных им из казначейства за японскую войну». ⁵⁹⁹ Однако подготовленный Б.В.Штюрмером проект газетного сообщения не содержал упоминания о задолженности Земского союза. Отсутствие такого упоминания вызвало у царицы недовольство. ⁶⁰⁰ Тем не менее в окончательном варианте сообщения, датированного 30 сентября, мнение Александры Федоровны не учли.

Всеподданнейший доклад Б.В.Штюрмера от 5 октября, сопровождавший представление Николаю «разосланного провинциальным газетам сообщения об участии казны в расходах союзов на призрение больных и раненых воинов», он утвердил 8 октября. ⁶⁰¹ Через день, 9 октября, премьер передал императору номер «Сельского вестника», опубликовавшего сообщение. ⁶⁰²

Политическая опасность оппозиционных организаций перевешивала их функциональную пользу. Николай и Б.В.Штюрмер отлично сознавали это. И если тем не менее они продолжали оказывать союзам финансовую поддержку, то только потому, что стремление царя и его правительства к сотрудничеству с оппозицией, как и жесткое дистанцирование власти от черносотенцев, было не декларативным, а действительным.

В консервативно-либеральных габитусах императора и премьера либеральные компоненты преобладали над консервативными. П.П.Стремоухов, назначенный Б.В.Штюрмером директором департамента общих дел МВД, полагал, что создавать из него «какого-то столпа консерватизма было бы преувеличением его значения», так как «никто не сумел бы указать ни одной органической реакционной меры, им принятой: была лишь слабая борьба против нахрапа со стороны общественности и больше ничего». ⁶⁰³

Как либерал, Б.В.Штюрмер являлся сторонником сотрудничества правительства с оппозиционными организациями. Как консерватор, он

мыслил это сотрудничество единственно в рамках Основных законов. Отмеченная двойственность, исключая наступление на оппозицию, сделала возможной только пассивную оборону.

7. «Чисто русское направление». Б.В.Штюмер — министр иностранных дел (июль — ноябрь 1916 г.)

Назначение Б.В.Штюмера министром иностранных дел оказалось пиком его политической карьеры.⁶⁰⁴ Затем она пошла по нисходящей. Таковую метаморфозу во многом обусловила негативная реакция на это назначение со стороны большинства современников, которые были уверены, что в дипломатии Б.В.Штюмер является профаном. Митрополит Евлогий полагал, что Б.В.Штюмер — человек, «никакого отношения к дипломатии не имевший», а потому «элементарно к ней не подготовленный».⁶⁰⁵

Неприятие современниками назначения Б.В.Штюмера предопределила также закрепившаяся за ним репутация креатуры «темных сил», настроенных якобы германофильски. Зять И.Л.Горемыкина, начальник Николаевского кавалерийского училища генерал М.К.Марченко, записал 12 июля 1916 г., что Б.В.Штюмер — это представитель «темных, немецких, масонских сил».⁶⁰⁶ Замену С.Д.Сазонова Б.В.Штюмером современники трактовали как решительный шаг на пути к сепаратному миру с Германией. Насколько же оправданными были приведенные мнения?

Меру чуждости Б.В.Штюмера внешней политике современники чрезмерно преувеличивали. Во-первых, отношение к ней, хотя и весьма неформальное, Б.В.Штюмер имел еще в царствование Александра III, занимая ключевое положение в церемониальной части Министерства императорского двора. Уже тогда, по свидетельству княгини Е.Радзивилл, он являлся «своим человеком» у иностранных дипломатов.⁶⁰⁷ Во-вторых, будучи членом Государственного совета, Б.В.Штюмер делал доклады по смете МИДа.⁶⁰⁸ В-третьих, досконально ознакомиться с внешнеполитическими проблемами Б.В.Штюмер имел возможность, находясь на должности председателя Совета министров. Товарищ министра иностранных дел А.А.Нератов отмечал, что по причине рассмотрения в кабинете внешнеполитических вопросов Б.В.Штюмер находился в курсе этих вопросов «еще до своего назначения».⁶⁰⁹ Действительно, когда 14 июня на заседании правительства рассматривался вопрос о поставке Румынии шин, Б.В.Штюмер заявил: «Сколько раз делал авансы, но надежды на благодарность Румынии не оправдываются».⁶¹⁰

А.А.Нератов, как друг С.Д.Сазонова, менее всего был заинтересован в том, чтобы преувеличивать компетентность Б.В.Штюмера в дипломатии. Однако на просьбу председателя Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства привести доказательства невежества Б.В.Штюмера во внешней политике А.А.Нератов заметил: «Иногда некоторые ошибочные сведения бывали, но они, насколько я мог заметить, существенного значения не имели. Так что что-нибудь определенное сказать в этом отношении я бы не был в состоянии».⁶¹¹ Аттестацию А.А.Нератова нельзя не признать положительной. Таким образом, вопреки точ-

ке зрения современников, Б.В.Штюмер являлся отнюдь не худшим кандидатом на пост министра иностранных дел.

Еще более противоречило действительности мнение современников, что в качестве руководителя МИДа Б.В.Штюмер исполнял директивы германофильской партии, возглавляемой Александрой Федоровной. В годы войны она, как и супруг, занимала антинемецкую позицию. В феврале 1916 г. А.Н.Хвостов, одержимый шпиономанией, тем не менее в беседе с кадетом В.А.Маклаковым «отбрасывал всякую мысль о неравнодушии царя и царицы к немцам».⁶¹² В октябре 1916 Николай заявил начальнику российской заграничной контрразведки полковнику графу П.А.Игнатьеву, подразумевая слухи о стремлении супруги к сепаратному миру: «Императрица очень задета подобными инсинуациями. Это гнусная клевета». Николай поручил П.А.Игнатьеву найти источник подобных слухов. Граф установил, что они «исходят из Голландии и особенно из Швейцарии», а там распускаются по инициативе «германского Генштаба или Министерства иностранных дел».⁶¹³

Г.Е.Распутин вообще не влиял на внешнюю политику премьера. По свидетельству сотрудника Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, «данных о влиянии Распутина на направление внешней политики Штюмера следствием не добыто было решительно никаких».⁶¹⁴ Веря в обратное, современники пребывали в плену у классической разновидности массового психоза.

Патологический характер имела и трактовка замены С.Д.Сазонова Б.В.Штюмером как шага на пути к сепаратному миру. Ведь уже в начале своего премьерства Б.В.Штюмер заявил себя сторонником войны до полной победы. «Я, — говорил он 9 февраля в Таврическом дворце, — был всегда и остаюсь убежденным и непреклонным сторонником той мысли, что эта навязанная нам война должна быть какою угодно ценою нами выиграна. Никакие предложения сепаратного мира, как бы ни казались они заманчивы, как бы ни были они в действительности выгодны, не могут разрешить той проблемы, которая поставлена перед народами мира этой исторической борьбой».⁶¹⁵

Мнение о Б.В.Штюмере как стороннике сепаратного мира являлось беспочвенным уже потому, что только в победе над Германией он и его единомышленники видели шанс для упрочения монархического режима. Участники майского совещания губернаторов пришли к выводу, что, «в общем, за последнее время настроение в губерниях изменилось не в пользу существующих правых партий, но в случае ярко победоносного исхода войны и быстрого вслед за тем проведения выборов в Государственную думу предстоящего созыва можно надеяться на благоприятные результаты».⁶¹⁶

Доказательством участия Б.В.Штюмера в подготовке сепаратного мира считают его встречу с журналистом И.И.Колышко, состоявшуюся в конце апреля 1916 г. После нее И.И.Колышко отправился в Стокгольм, где в течение мая общался с германским представителем Г.Стиннесом, обсуждая условия сепаратного мира. Они, по удостоверению И.И.Колышко, были предварительно согласованы с премьером во время их апрельской встречи.⁶¹⁷

Первое место среди условий мира занимал полный отказ России от Польши. Однако выдвигать подобное условие Б.В.Штюмер не мог. Он являлся сторонником сохранения Польши в составе Российской империи. Именно на почве отстаивания данной позиции произошел конфликт между премьером и С.Д.Сазоновым, закончившийся отставкой последнего. Если бы И.И.Колышко говорил правду, то тогда бы Б.В.Штюмер отстаивал необходимость установления не только политической автономии Польши, к чему стремился С.Д.Сазонов, но и ее полной независимости. Но этого не наблюдалось как до назначения Б.В.Штюмера министром иностранных дел, так и после. Следовательно, уверения И.И.Колышко о готовности премьера ради достижения сепаратного мира с Германией пойти на отказ от Польши были сознательной ложью. Не случайно, что сам Б.В.Штюмер о слухах относительно его германофильства неоднократно говорил, что они — «злостная клевета».⁶¹⁸

О мифичности германофильства Б.В.Штюмера свидетельствовала не только его позиция по польскому вопросу, но и внутривластные акции премьера. Именно благодаря Б.В.Штюмеру в марте 1916 г. был создан Особый комитет по борьбе с немецким засильем. Во главе этого высшего коллегиального межведомственного органа, призванного бороться, прежде всего, с германским участием в российской экономике, Николай по ходатайству премьера поставил 3 июля назначенного члена правой группы Государственного совета А.С.Стишинского, одного из друзей Б.В.Штюмера. «Учреждением этого Комитета и участием в нем представителей МИД, — указывал мидовский чиновник, — достигалась и дипломатическая цель — успокоить союзников насчет намерений правительства в германском вопросе».⁶¹⁹

Демонстративность штюмеровского германофобства дает повод опровергнуть его подлинность — не будет же сторонник Германии во время войны с ней высказывать свои прогерманские симпатии публично. Но и тайные намерения премьера германофобство пронизывало в той же мере, как и его публичные действия. Это видно на примере составленного летом 1916 г. проекта учреждения канцелярии по политическим вопросам при председателе Совета министров.

Необходимость образования канцелярии получила обоснование в докладной записке, вдохновителем которой был состоявший при премьере и одновременно при контрразведке журналист И.Ф.Манасевич-Мануйлов. Это, казалось бы, говорит о том, что канцелярия стала бы ширмой для деятельности германофильских элементов. И.Ф.Манасевич имел репутацию немецкого наймита. Однако его репутация не соответствовала действительности. В мае 1916 г. И.И.Колышко, беседуя с германским резидентом, обещал ему выяснить, нельзя ли привлечь И.Ф.Манасевича «на службу делу мира за деньги».⁶²⁰ Следовательно, к лету 1916 г. на содержании у Германии он не состоял.

Официально, по мысли автора записки, образование канцелярии было необходимо «для быстрого, всестороннего и правдивого расследования явлений политической и общественной жизни». Фактически ее функции сводились исключительно к борьбе с «немецким засильем». Объясняя

необходимость именно такой постановки вопроса, автор записки указывал: «Ныне вполне установлено, что германское шпионство отнюдь не ограничивается войсковой разведкой, составляющей незначительную область его компетенции, но преследует более широкие цели. Так, например, в программу деятельности германских шпионов включена обязанность пропаганды социализма и анархизма, как среди народных и рабочих масс, так и воинских частей. Далее, германские агенты проникают в банковые и торгово-промышленные предприятия, пользуясь которыми взвинчивают цены на предметы первой необходимости, внося тем смуту и поселяя тревогу среди широких масс народа».⁶²¹ Залог успешной борьбы с германским влиянием автор записки видел в объединении под властью премьера всех учреждений, имевших отношение к этой борьбе.

Итак, государственный деятель, которого современники обвиняли в германофильстве, на самом деле планировал усилить борьбу с германским влиянием не только на явном, но и на тайном фронте. Можно ли найти более весомое доказательство того, что мнение о Б.В.Штюмере как участнике подготовки сепаратного мира контрастировало с реальностью?

Задержка с образованием канцелярии произошла только потому, что Б.В.Штюмер получил пост министра иностранных дел. На этом посту он был буквально ослеплен убежденностью в неизбежности полной победы России над Германией. Беседуя с Евлогием после назначения руководителем МИДа, Б.В.Штюмер говорил «о русской мощи и непобедимости в тонах столь противоречащих действительности, что мне, — вспоминал Евлогий, — стало тяжело и жутко его слушать».⁶²²

С победой над Германией Б.В.Штюмер напрямую связывал самый высокий взлет своей карьеры. После победы премьер надеялся «сыграть роль Нессельроде или Горчакова». Английскому послу Д.У.Бьюкенену Б.В.Штюмер указал на то, что «будущая мирная конференция должна быть созвана в Москве, так что, быть может, он будет призван председательствовать на ее заседаниях».⁶²³ То же самое Б.В.Штюмер говорил и французскому послу. «Он, — имея в виду Б.В.Штюмера, отмечал Ж.М.Палеолог, — даже видит себя канцлером Империи, преемником Нессельроде и Горчакова, открывающим конгресс всеобщего мира в Кремле».⁶²⁴ Следовательно, Б.В.Штюмер, соответственно своим консервативно-либеральным взглядам, являлся сторонником не отхода России от ее союзников по Антанте, а того, чтобы она играла в этом объединении лидирующую роль.

Аффилированно отстаивать интересы российского великодержавия Б.В.Штюмера заставляла не только либерально-консервативная окраска его взглядов, но и немецкая фамилия, заложником которой он ощущал себя в течение всей своей бюрократической карьеры. В нарочитом демонстрировании собственной русскости, а отнюдь не в германофильстве, и состояло отличие Б.В.Штюмера как министра иностранных дел от его предшественника. Отличие это нашло свое выражение в кадровой политике Б.В.Штюмера, направленной на замену «истинно русскими» дипломатами сановников, имевших либо немецкую фамилию, либо репутацию германофила. Во время встречи с Г.Е.Распутиным, состоявшейся после назначения премьера министром иностранных дел, он заявил

старцу, что «изменит все, что было у Сазонова»: «будут назначены новые люди, и будет чисто русское направление».⁶²⁵

За обновление руководящего персонала МИДа «в русском духе» выступали и политические оппоненты Б.В.Штюмерера. Намекая на «германизированность» личного состава дипломатического ведомства, великая княгиня Милица Николаевна писала А.В.Кривошеину еще в начале 1915 г., что «корпорация вся слишком сплочена и солидарна». «Одно спасение было бы, — полагала великая княгиня, — в радикальном уничтожении “школы” (про которую я утверждаю, что она — есть, и превосходно организованная, на пользу нашим врагам), и затем — определенно-русский, национальный взгляд на все те вопросы, которые всплывают в это вешнее время».⁶²⁶

Кадровую политику, нацеленную на сохранение в МИДе солидного представительства сановников немецкого происхождения, С.Д.Сазонов проводил до самой отставки. В ходе заседания Совета министров 21 июня 1916 г. он резко отреагировал на то, что шовинистическое «Общество 1914 г.» послало ему письмо «неприличного тона и содержания». Авторы письма, намекая на «лиц немецкого происхождения», требовали от С.Д.Сазонова «устранить предателей». Выполнение этого требования, полагал он, «равнялось бы тому, чтобы половину служилой России устранить». «Я не могу молчать, — возмущался С.Д.Сазонов. — Эта гадость и дрянь сами предатели. Если правительство не вступится, я доложу его императорскому величеству. Если в военное время не оградить себя, то в мирное время тяжело будет. Надо прекратить». Письмо С.Д.Сазонова расценил как «интригу против ближайшего и ценнейшего сотрудника» — начальника канцелярии министра иностранных дел барона М.Ф.Шиллинга.⁶²⁷

Русификацию руководящего персонала МИДа Б.В.Штюмерер начал с увольнения именно М.Ф.Шиллинга, в конце июля назначенного сенатором. Его преемником по личному выбору Б.В.Штюмерера стал первый секретарь посольства России во Франции Б.А.Татищев. Он был известен Б.В.Штюмереру с «самого детства».⁶²⁸ По наблюдениям помощника управляющего делами Совета министров А.С.Путилова, Б.А.Татищев являл собой «тип уступчивого, трудолюбивого, аккуратного и знающего свое дело труженика». Поэтому, назначив именно его, Б.В.Штюмерер выказал «безусловное умение выбрать подходящего человека».⁶²⁹

Следующим кандидатом на увольнение оказался товарищ министра иностранных дел В.А.Арцимович. У него была «слава германофила».⁶³⁰ Б.В.Штюмерер опасался, что В.А.Арцимович «более расположен к Германии, чем желательно».⁶³¹ Отставка В.А.Арцимовича давала Б.В.Штюмереру удобный повод для того, чтобы «показать свое усердие в деле истребления германофильства».⁶³² Тем не менее ее подготовка затянулась до октября.

Дело в том, что преемником В.А.Арцимовича премьер наметил посланника России в Португалии П.С.Боткина. На его назначение Николай согласился 1 августа.⁶³³ Б.В.Штюмерер, выдвигая кандидатуру П.С.Боткина, не учел того, что среди иностранцев у него была репутация «дипломата, недружелюбно настроенного к Англии».⁶³⁴ Слухи о предстоящем назначении англофоба заставили Д.У.Бьюкенена обратиться непосредственно к Б.В.Штюмереру. Посол заявил, что назначение П.С.Боткина «могло бы

возбудить в Англии подозрение в изменении прежних сердечных отношений к тройственному союзу». Б.В.Штюмерера ответил Д.У.Бьюкенену в лучших дипломатических традициях, если согласиться с тем, что дипломатия — это искусство говорить неправду. «Ответ мой был, что я, — сообщил Б.В.Штюмерер императору о своей беседе с послом, — не предполагал расстаться с кем-нибудь из моих двух товарищей, и таким образом о назначении Боткина не было и речи».⁶³⁵

Инцидент с П.С.Боткиным обычно трактовался как доказательство склонности Б.В.Штюмерера если не к германофильству, то, по крайней мере, к англофобии. Но если данный инцидент и доказывал что-либо, то только желание премьера угодить союзникам даже в тех кадровых вопросах, влиять на решение которых иностранные дипломаты никакого права не имели. Б.В.Штюмерер заявил Д.У.Бьюкенену после того, как инцидент с П.С.Боткиным оказался улаженным: «Вы видите, господин посол, что ваши опасения по поводу назначения господина Боткина были неосновательны. Я глубоко сожалел бы, если бы сделал что-нибудь такое, что не встретило бы вашего одобрения. Мое сильнейшее желание состоит в том, чтобы мы всегда работали вместе в самых близких отношениях и с полным доверием, и чтобы вы и впредь на многие годы продолжали представлять вашего государя в Петрограде».⁶³⁶

Характерно, в какой форме Б.В.Штюмерер сообщил Д.У.Бьюкенену о назначении вместо В.А.Арцимовича не П.С.Боткина, а чиновника особых поручений при министре иностранных дел А.А.Половцова, сына крупного государственного деятеля конца XIX — начала XX в. «Я сказал, — вспоминал Б.В.Штюмерер, — что появится указ о назначении Половцова, вашего друга». Удовлетворенный этим заявлением, Д.У.Бьюкенен воскликнул: «Ах, как я рад».⁶³⁷ Указание Б.В.Штюмерера на то, что А.А.Половцов являлся другом английского посла, полностью соотносится с показаниями А.А.Нератова. Он сообщал, что А.А.Половцов «очень часто бывал в английском посольстве и поддерживал очень дружеские отношения с ним вплоть до своего назначения».⁶³⁸

Желание Б.В.Штюмерера сохранить самые тесные связи с союзниками доходило до того, что едва ли не главным достоинством кандидата на пост товарища министра он считал поддержание дружеских отношений с английским послом. Однако А.А.Половцов обладал и целым рядом других достоинств. По свидетельству его сослуживца, это был «человек, несомненно, умный и способный, не лишенный инициативы и смелости и привыкший в частной деловой жизни к быстрым и ответственным решениям».⁶³⁹ Отвечая на вопрос о том, почему он выбрал именно А.А.Половцова, Б.В.Штюмерер говорил: «Потому что он умный человек, долго жил в Лондоне, был в Индии и жил там несколько лет. Я знал, что он будет полезен для будущего».⁶⁴⁰

Перемены, произведенные преемником С.Д.Сазонова в личном составе посланников, были, как и в случае с руководящим персоналом МИДа, столь же немногочисленными, сколь и отмеченными печатью борьбы против «немецкого засилья», за русификацию дипломатического корпуса. В первых своих решениях, касавшихся личного состава пред-

ставителей России за границей, Б.В.Штюрмер «резко порвал с традицией С.Д.Сазонова».⁶⁴¹ Отказ от этой традиции выразился прежде всего в том, что новый министр иностранных дел принял меры к увольнению посланника в Румынии С.А.Поклевского-Козелла. С.Д.Сазонов отстаивал его от обвинений в германофильстве и измене еще с февраля 1915 г.

Преемником С.А.Поклевского оказался довольно неожиданный кандидат — начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал А.А.Мосолов. Неожиданность этого кандидата заключалась, прежде всего, в том, что он являлся военным, а военные в царствование Николая II на дипломатические посты назначались весьма редко. Неудивительно, что назначение А.А.Мосолова вызвало разного рода возмущенные толки. «Предвидя скорую кончину своего благодетеля графа Фредерикса, этот негодай, — имея в виду А.А.Мосолова, сообщал великий князь Николай Михайлович вдовствующей императрице Марии Федоровне в письме, писавшемся в течение 30 октября — 5 ноября, — пожелал обеспечить свое будущее, поскольку понимает, что кто бы ни стал преемником графа Фредерикса, непременно отправит его в отставку. Таким образом, он устроил синекуру с благословения старика Фредерикса и при содействии герра фон Штюрмера».⁶⁴²

Однако на самом деле назначение А.А.Мосолова обусловили чисто политические причины, связанные со вступлением Румынии в войну на стороне России. «Когда Румыния стала союзницей, — показывал по этому поводу Б.В.Штюрмер, — было признано необходимым назначить посланником военного».⁶⁴³ В свою очередь, А.А.Мосолов отмечал, что он уехал в Румынию не по своему желанию и не по желанию В.Б.Фредерикса. Более того, министр двора был недоволен новым назначением А.А.Мосолова, и в утешение графу Николай приписал в указе об этом назначении: «С оставлением начальником Канцелярии».⁶⁴⁴ Следовательно, формально С.А.Поклевский по-прежнему являлся посланником, А.А.Мосолов же отправился в Румынию со званием не посланника, а лишь управляющего российской миссией в Бухаресте. «Мера эта, совершенно необычная и в дипломатической технике непредвиденная, — подчеркивал Б.А.Татищев, — исключала необходимость вручения прежним послом своих отзывных грамот, а новым своих верительных грамот. Миссия Мосолова носила как бы временный чрезвычайный характер».⁶⁴⁵ Таким образом, исходившие от Николая Михайловича обвинения А.А.Мосолова в том, что «он пожелал обеспечить свое будущее», выглядят неосновательными. Половинчатый статус А.А.Мосолова обеспечению будущего как раз и не способствовал.

Необычный формат этого назначения был импровизацией царя. Он учел беспокойство своей кузины, румынской королевы, о том, как сложатся отношения между командным составом русской армии, находившейся в Румынии, и ее правительством. Николай полагал, что военное начальство не всегда считается с указаниями, исходящими от дипломатов, людей штатских. Поэтому, по мнению царя, в Бухарест надлежало назначить такого человека, который имел бы достаточный авторитет в глазах именно русского военного начальства. «Так как я, — вспоминал

А.А.Мосолов, — имел долгий стаж в Свите его величества, то моя воля должна была оказаться значительной для начальника русской армии, действовавшей на Румынском фронте».⁶⁴⁶

Другое назначение на пост посланника, произошедшее во время пребывания Б.В.Штюрмера на посту министра иностранных дел, также несло на себе печать его германофобства. После смерти посланника в Швейцарии В.Р.Бахерахта С.Д.Сазонов собирался назначить его преемником начальника среднеазиатского отдела МИДа В.О. фон Клемма. До своей отставки С.Д.Сазонов успел получить согласие швейцарского правительства на это назначение. Однако В.О. фон Клемм был «гандикапирован своей немецкой фамилией».⁶⁴⁷ Б.В.Штюрмер, искоренявший «немецкое засилье» в МИДе, от проведения чиновника с нежелательной фамилией немедленно отказался. Кандидат С.Д.Сазонова принадлежал к той группе русских дипломатов-германофилов, которые до войны считали возможным, несмотря на союзные отношения России с Англией и Францией, «перестраховываться» на Германию.⁶⁴⁸ Отказ Б.В.Штюрмера от назначения В.О. фон Клемма доказывал, что премьер, вопреки утверждениям П.Н.Милокова, через российскую миссию в Швейцарии никаких переговоров с Германией вести не собирался.

Вместо В.О. фон Клемма кандидатом на бернский пост явился бывший посланник в Сиаме Г.А.Плансон-Ростков. По свидетельству Б.А.Татищева, Г.А.Плансон был в МИДе «очень нелюбимый, по склонности его к интригам».⁶⁴⁹ Тем не менее другим миловским чиновником Г.А.Плансон характеризовался как «маститый дипломат».⁶⁵⁰ Первоначально Г.А.Плансон предназначался в преемники П.С.Боткина. «Его императорское величество, — сообщал Б.В.Штюрмер в сводке своего всеподданнейшего доклада, состоявшегося 1 августа, — соизволил указать мне, что в случае получения Боткиным назначения товарищем моим по Министерству иностранных дел на его место посланником в Португалии мог бы быть назначен посланник наш в Сиаме Плансон».⁶⁵¹ Поскольку назначения П.С.Боткина не произошло, Г.А.Плансон оказался кандидатом на швейцарскую вакансию. Хотя на запрос о его назначении Берн ответил отказом, назначение Г.А.Плансона в Швейцарию формально все-таки состоялось.

Анализ высшей кадровой политики, проводившейся Б.В.Штюрмером на посту министра иностранных дел, показывает, что, в полном согласии со своими консервативно-либеральными взглядами, он, исповедуя неизменность ориентации России на Антанту, проводил эту ориентацию даже более последовательно, чем С.Д.Сазонов, сознательно тормозя карьеры не только чиновников с немецкими фамилиями, но и настоящих, идейных германофилов, назначая вместо них дипломатов, являвшихся сторонниками Англии и Франции. Не менее последовательно Б.В.Штюрмер ориентировался на Антанту и при воплощении общеполитических мероприятий, хотя здесь он, в отличие от С.Д.Сазонова, в большей мере исходил из отстаивания великодержавных интересов России.

Впоследствии Б.В.Штюрмер поставил себе в особую заслугу решение двух вопросов: оглашение заключенного весной 1915 г. секретного договора, по которому союзники соглашались на получение Россией, после

окончания войны, Константинополя и проливов, и быстрое присоединение к Антанте Румынии. Беседуя с сенатором С.П.Белецким, Б.В.Штюмер не без гордости признавался, что лично сделал все, чтобы облегчить положение русской армии путем отстаивания интересов России «относительно судьбы Константинополя, а, главным образом, путем привлечения на нашу сторону Румынии».⁶⁵² Насколько основательны были претензии Б.В.Штюмера?

Обратимся к первому вопросу — о Константинополе. По мнению премьера, данный вопрос находился в непосредственной связи с вопросом о Польше. Б.В.Штюмер указывал, что «когда поляки просили, чтобы им были даны известные права», он лично «настаивал, чтобы сначала русский народ получил и знал, что его ожидает».⁶⁵³ Играя роль национал-либерала, премьер полагал «несвоевременным давать полякам, пока о русском народе не выяснено». «Что же, — восстанавливал Б.В.Штюмер ход своей мысли, — мы ведем войну два года, полякам обещают и дают, а нам что?»⁶⁵⁴

Противником премьера являлся начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М.В.Алексеев. Он говорил Б.В.Штюмеру, что «объявлять „urbi et orbi“ [городу и миру. — С.К.] о предоставлении нам Константинополя и проливов не следует». По мнению М.В.Алексеева, надо было «сначала подойти к выполнению столь крупной военной задачи, обеспечить ее успех, а потом уже говорить о ней». На это Б.В.Штюмер возражал, указывая, что «оглашение признания нашими союзниками наших прав на проливы необходимо для успокоения общественного мнения России».⁶⁵⁵

Перед Николаем вопрос о Константинополе Б.В.Штюмер поставил во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 21 августа в Могилеве. Передавая свою мотивацию, прозвучавшую на этом докладе, в его сводке, Б.В.Штюмер писал: «Обнародование в настоящее время манифеста о даровании Царству Польскому автономии встретит недоумение в народе, который не поймет, чем вызван такой манифест, относящийся только к одной народности Империи». Для Б.В.Штюмера скорейшее разрешение вопроса об оглашении договора, определявшего судьбу Константинополя, было важно не только само по себе, но и как идеальное средство, доказав собственную русскость, обезоружить оппозицию, лидеры которой винили премьера в германофильстве. «Весь русский народ, — как бы от его имени говорил Б.В.Штюмер императору, — принес одинаковые жертвы своим достоинством и сынами на защиту Родины». Премьер находил желательным, чтобы «высочайший манифест об автономии Польши совпал со вступлением русских войск в ее пределы или же чтобы этому манифесту предшествовал другой государственный акт, относящийся ко всей Державе Российской». Раскрывая суть своего плана, Б.В.Штюмер отмечал: «Мне казалось бы возможным ныне же объявить России и Европе о состоявшемся договоре с нашими союзниками — Францией и Англией — об уступке России Константинополя, проливов и береговых полос. Впечатление, которое произведет в России осуществление исторических заветов, будет огромное. Известие это может быть изложено в виде правительственного сообщения».⁶⁵⁶

Вопрос о Константинополе, в полном соответствии с либеральным империализмом Б.В.Штюмера, стал центром тяжести его внешнеполитического курса. «Вся моя политика, как министра иностранных дел, — указывал Б.В.Штюмер уже после революции, — шла к тому, чтобы уговорить послов Англии и Франции, чтобы они как можно скорее дали нам разрешение опубликовать о том, что они согласны дать России проливы».⁶⁵⁷ Дабы добиться согласия Англии, Б.В.Штюмер воспользовался содействием императора. «Я убежден, — говорилось в телеграмме Николаю Георгу V, переданной Д.У.Бьюкенену 30 августа, — что краткое официальное сообщение моего правительства, устанавливающее, что Англия и Франция рассматривают обладание России Константинополем и проливами как неизменное условие мира, успокоило бы все умы и рассеяло всякое недоверие».⁶⁵⁸

Обращение царя к своему английскому кузену проблемы не решило. Помимо Англии оглашению договора о Константинополе препятствовала Франция. «С Англией еще можно было согласиться, — показывал Б.В.Штюмер, — но Франция считала, что рано еще опубликовывать. Так что французы и англичане задерживали». Содержание договора премьер намеревался сообщить на заседании Государственной думы 1 ноября. «В моей речи, которую я не мог произнести 1 ноября, как министр иностранных дел, — вспоминал он, — было помещено, что Франция и Англия обещали проливы».⁶⁵⁹ Но выступить в этот день Б.В.Штюмеру не пришлось. Если Англия пошла на уступки, то Франция по-прежнему упорствовала. Даже 3 ноября у Ж.М.Палеолога все еще не было никаких инструкций по вопросу об оглашении договора.⁶⁶⁰ Между тем именно 1 ноября П.Н.Милюков, сославшись на ... австрийские и немецкие газеты, вопреки фактам обвинил премьера в подготовке сепаратного мира и игнорировании интересов России по вопросу о Константинополе.

Парируя демарш лидера оппозиции, Б.В.Штюмер отправил дипломатическим представителям России циркулярную телеграмму. «Распространенные за последнее время печатью некоторых стран слухи о секретных переговорах, которые, будто бы, ведутся между Россией и Германией о заключении сепаратного мира, — гласила телеграмма, — не могут, в виду их настойчивости, быть обойдены молчанием со стороны русского правительства. Императорское правительство считает долгом заявить самым категорическим образом, что эти нелепые слухи играют лишь в руку враждебным государствам. Россия сохранит неприкосновенным тесное единение, связующее ее с ее доблестными союзниками, и, далекая от мысли о заключении сепаратного мира, будет биться рука об руку с ними против общего врага, без малейшего колебания, до часа конечной победы. Никакие враждебные происки не окажутся в состоянии поколебать неизменное решение России».⁶⁶¹

Более всего обвинения П.Н.Милюкова опровергала позиция Б.В.Штюмера в константинопольском вопросе, решить который он пытался до самой отставки. Так, 3 ноября Б.В.Штюмер заметил Ж.М.Палеологу, надеясь добиться согласия Франции на оглашение договора о проливах: «Вы видели, какой горячей овации удостоился ваш британ-

ский коллега вчера в Думе. Это случилось, вероятно, благодаря тому, что члены Думы слышали, что правительство его величества согласно на передачу России Константинополя». ⁶⁶² Попытка Б.В.Штюрмера успеха не имела. Согласия на оглашение премьером договора о Константинополе французы не давали вплоть до 10 ноября, т.е. до отставки Б.В.Штюрмера. Сообщить о нем выпало преемнику Б.В.Штюрмера на посту премьера, А.Ф.Трепову. Тем не менее подобно тому, как заслуга заключения договора о Константинополе принадлежала С.Д.Сазонову, заслуга разрешения вопроса об оглашении договора принадлежала именно Б.В.Штюрмеру. А.Ф.Трепов лишь пожал то, что посеяли его предшественники.

Другой вопрос, разрешение которого необходимо признать за Б.В.Штюрмером, — о присоединении Румынии к Антанте. В нем Б.В.Штюрмер видел «исключительно личную свою заслугу, так как ему пришлось приложить много усилий к исправлению ошибок в этом вопросе своего предшественника». ⁶⁶³ Мнение Б.В.Штюрмера о собственной роли при решении румынского вопроса согласуется с оценками, принадлежащими осведомленным современникам. Присоединение Румынии, подчеркивал П.П.Стремоухов, «должно почитаться делом Штюрмера». ⁶⁶⁴ Полагая, что в этом деле Б.В.Штюрмер «проявил большую энергию», мидовский чиновник, являвшийся поклонником С.Д.Сазонова, тем не менее был вынужден признать, что «не Сазонов подготовил вступление Румынии в войну, а Штюрмер “приказал” ей выступить, грозя самыми реальными бедами в случае отказа Румынии повиноваться приказу». ⁶⁶⁵

Деятельно способствовать ускорению присоединения Румынии к Антанте Б.В.Штюрмера заставляло не только его убеждение, что оно отвечает интересам России, но и присущее премьеру желание дать невозможное удовлетворение просьбам, исходившим со стороны союзников. Характерна реакция Б.В.Штюрмера на секретную телеграмму, полученную им от А.П.Извольского 19 июля. Сообщая в этой телеграмме о том, что «французское правительство крайне обеспокоено оборотом переговоров в Бухаресте и считает, что мы проявляем излишнюю неуступчивость», посол во Франции заключал: «Здесь убеждены, что выступление Румынии сократит войну на несколько месяцев, и окончательный успех сказанных переговоров произведет крайне тяжелое впечатление на французское общественное мнение, которое не преминет возложить ответственность за него на нас».

Учитывая мнение Франции, в секретной телеграмме, адресованной российским послам в Лондоне, Париже и Риме, графу А.К.Бенкендорфу, А.П.Извольскому и М.Н.Гирсу, Б.В.Штюрмер высказался за незамедлительное решение вопроса о Румынии, сводившееся к согласию ее премьера И.Братиано на подписание конвенций с участницами Антанты. «Считаю необходимым, — отмечал он, — настаивать на подписании военной и политической конвенций к 1 августа с тем, чтобы определенный день выступления был точно обозначен в военной конвенции, по возможности, не позже недели. В случае же уклонения от этого Румыния она лишается права рассчитывать на получение впоследствии тех материальных и политических выгод, которые в настоящее время ей предла-

гаются державами, о чем следует теперь же предупредить Братиано и осведомить общественное мнение и оппозицию». ⁶⁶⁶

Вняв угрозе Б.В.Штюрмера, Румыния вступила в войну на стороне Антанты. Но решение румынского вопроса не облегчило, а затруднило положение союзников. Из-за неподготовленности своей армии Румыния оказалась полностью разбитой, а почти вся ее территория — оккупированной. Подобный исход обесценил усилия Б.В.Штюрмера по решению румынского вопроса. Сам он полагал, что «все труды его не дали желательных результатов исключительно по вине генерала Алексеева, не сумевшего солидарным планом кампании и своевременной поддержкой использовать в благоприятном для России исходе выступление Румынии против Австрии». ⁶⁶⁷ Действительно, М.В.Алексеев являлся противником Б.В.Штюрмера и по румынскому вопросу. Премьер обещал Бухаресту посылку русских войск в Румынию «без сношения со Ставкой». ⁶⁶⁸ Когда же возникла потребность помочь новой союзнице, генерал торопиться не стал.

Неудача с Румынией дала дополнительную пищу для обвинений премьера в германофильстве, хотя в военных поражениях он был, естественно, не виноват. Основания для подобного рода обвинений дала и политика Б.В.Штюрмера в греческом вопросе. Но тут он лишь выполнял волю Николая. Конфликт между его троюродным братом королем эллинов Константином IX, который подозревался в германофильстве, и лидером антантофилов Э.Венизелосом горячо обсуждался на страницах русской печати. Поэтому царь обратился к премьеру 15 июля со следующей запиской: «Прикажете запретить “Новому времени” и другим печатным органам резкие и неприличные статьи против личности короля Константина Греческого». Во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 1 августа, Николай повелел Б.В.Штюрмеру переговорить с послами Франции и Англии «о внушении их правительствам мысли о необходимости менее резкого обращения их с греческим правительством и меньшего подчеркивания сочувствия их представителями в Греции выборам Венизелоса главою эллинского правительства».

В ходе всеподданнейшего доклада, последовавшего 21 августа, Николай смягчил свою позицию. Он разрешил российскому посланнику в Афинах Е.П.Демидову «присоединиться к посланникам Франции и Англии в предъявлении к греческому правительству, в виду удостоверенного факта сигнализации греческого штаба германо-болгарскому штабу о военных действиях союзников, требования предоставить заведывание почтами и телеграфом союзным правительствам, немедленно выслать из Афин всех германских подданных и выдать союзникам все находящиеся в греческих водах суда воюющих с нами держав». ⁶⁶⁹ После этого поводы для того, чтобы подозревать Б.В.Штюрмера в германофильстве, не отпали, поскольку, в полном соответствии со своими консервативно-либеральными взглядами, заставлявшими его отстаивать российское великодержавие от покушений со стороны союзников по Антанте, он выступал за более самостоятельное поведение России по отношению к Англии.

Как указывала в январе 1917 г. графиня С.С.Игнатьева, в лице Б.В.Штюрмера, как министра иностранных дел, Д.У.Бьюкенен «встре-

чал неуклонное противодействие» своим «захватным стремлениям».⁶⁷⁰ Но противодействие министра иностранных дел было вызвано его стремлением не к отказу от союза с Англией, а к тому, чтобы она рассматривала Россию в качестве равноправного партнера.

Впрочем, желая лишить слухи о своем германофильстве малейших оснований, в некоторых отношениях Б.В.Штюрмер шел на большие уступки Англии, чем его предшественник. Особенно ярко это сказалось в инциденте с черносотенным журналистом П.Ф.Булацелом, который в «Российском гражданине» напечатал 6 августа статью, содержащую, по мнению Б.В.Штюрмера, «порицания действий английского правительства». Исполняя распоряжение премьера, немедленно дистанцировавшегося от крайне правых, П.Ф.Булацель напечатал извинение, удовлетворившее как Д.У.Бюкенена, так и английское правительство. По распоряжению Б.В.Штюрмера на «Российский гражданин» наложили предварительную цензуру, от которой были свободны оппозиционные органы печати.

Однако усилия премьера оказались напрасными. «Бюкенен, — записал 20 августа в своем дневнике С.Д.Протопопов, — не ездит к Штюрмеру как к германофилу».⁶⁷¹ Тем не менее премьер пытался наладить отношения с английским послом, используя французского посла. «От имени Штюрмера, — сообщал 22 августа великий князь Николай Михайлович М.В.Алексееву, — приехал к французам с частным поручением господин Мануйлов, прося узнать — отчего английский посол сэр Жорж Бюкенен относится враждебно к новому министру иностранных дел».⁶⁷² Несмотря на демонстративное игнорирование Д.У.Бюкененом Б.В.Штюрмера, англо-русское сотрудничество было приоритетным направлением его внешнеполитической программы.

Посол России в Англии граф А.К.Бенкендорф телеграфировал Б.В.Штюрмеру 1 сентября о необходимости объявления от имени русского правительства декларации, в которой бы говорилось о намерении России поддерживать союзные отношения с Англией и после войны. Министр иностранных дел, получив сообщение графа 8 сентября, ответил ему уже на следующий день. «Искренно признателен, — обращался Б.В.Штюрмер к А.К.Бенкендорфу, — за сообщение Ваших соображений по вопросу, имеющему для нас первостепенную политическую важность. Всецело разделяю взгляд о необходимости рассеять всякие сомнения англичан в неизменности, и после окончания нынешней войны, дружественной Англии ориентировки внешней политики императорского правительства. Поэтому, не ограничиваясь заявлениями, уже ранее сделанными мною в печати, после вступления в должность министра иностранных дел, я предполагаю воспользоваться первым подходящим случаем, чтобы от имени императорского правительства состоялось заявление в указанном выше смысле, дабы положить предел тайным проискам наших противников и питаемой ими тревогой английского общественного мнения».⁶⁷³

Несмотря на стремление Б.В.Штюрмера к укреплению англо-русских отношений, Д.У.Бюкенен оставался одним из его принципиальных про-

тивников. В январе 1917 г. графиня С.С.Игнатьева даже считала Д.У.Бюкенена «источником травли против Б.В.Штюрмера».⁶⁷⁴ Недовольство английского посла внешней политикой Б.В.Штюрмера объяснялось не тем, что она являлась недостаточно проанглийской, чего на самом деле не было, а тем, что ее проводил Б.В.Штюрмер, неприемлемый для лево-либерального Д.У.Бюкенена своими консервативно-либеральными взглядами, более правыми, чем у единомышленника посла — С.Д.Сазонова.

Недовольство Д.У.Бюкенена Б.В.Штюрмером усиливалось особенностями его стиля властвования, который, в отличие от стиля С.Д.Сазонова, отличался меньшей открытостью. Б.В.Штюрмером «во все вносилась некоторая осторожность». А.А.Нератов объяснял это не какими-то тайными намерениями, а просто тем, что Б.В.Штюрмер «считал себя недостаточно опытным в ведении дипломатических переговоров». Осторожное поведение Б.В.Штюрмера казалось А.А.Нератову «естественным, разумным и правильным».⁶⁷⁵

Итак, особенности стиля Б.В.Штюрмера были связаны не с отстаиванием иного внешнеполитического курса, а с обстоятельствами чисто функционального характера. И если союзные дипломаты воспринимали Б.В.Штюрмера как германофила, то исключительно потому, что на посту министра иностранных дел он, в отличие от С.Д.Сазонова, являлся консервативным либералом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лидеры оппозиции способствовали широкому распространению версии, согласно которой Б.В.Штюрмер, будучи величиной ничтожной, премьерского портфеля удостоился благодаря Г.Е.Распутину и царице. Позднейшие исследователи восприняли данную версию как хрестоматийную, не подвергнув ее критическому анализу (*Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С.123–129). Только в работах последних лет назначение Б.В.Штюрмера рассматривается как факт не анекдотической, а политической истории (*Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* От И.Л.Горемыкина к Б.В.Штюрмеру: Верховная власть и Совет министров (сентябрь 1915 — январь 1916 гг.) // *Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. colloquium.* СПб., 1999. С.34–48; *Куликов С.В.* Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров: предыстория и механизм // *Источник. Историк. История: Сб. науч. работ.* СПб., 2001. Вып.1).

² *Татищев Б.А.* Крушение. 1916–1917 гг. // *Возрождение.* 1949. Тетр.4. С.116.

³ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля // *АРР.* 1934. Т.21. С.269.

⁴ Н.А.Хомяков о Государственной думе, правительстве и стране // *Биржевые ведомости.* 1916. 22 января.

⁵ *Курлов П.Г.* Гибель Императорской России. М., 1991. С.153.

⁶ *Татищев Б.А.* Указ. соч. С.117.

⁷ *Петрункевич И.И.* Указ. соч. С.271.

⁸ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С.230.

⁹ Впечатления в Таврическом дворце // *Русские ведомости.* 1916. 20 января.

¹⁰ *Петрункевич И.И.* Указ. соч. С.271.

¹¹ *Стремоухов П.П.* Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев // *РЛ.* 1925. Кн.7. С.130.

¹² *Гурко В.И.* Указ. соч. С.230.

¹³ *Путилов А.С.* Период князя Голицына // *РГАЛИ.* Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.1 об.

¹⁴ Всеподданнейший доклад В.К.Плеве. 11 октября 1903 г. // *РГИА.* Ф.1284. Оп.52. 1902 г. Д.176. Л.29.

¹⁵ *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // *ВИ.* 1997. № 4. С.114.

¹⁶ *Муратов Н.П.* Воспоминания // *РГАЛИ.* Ф.1208. Оп.1. Д.28. Л.586.

¹⁷ *Курлов П.Г.* Указ. соч. С.153.

¹⁸ *Гурко В.И.* Указ. соч. С.231.

- ¹⁹ *Гиппиус З.Н.* Живые лица // *Гиппиус З.Н.* Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С.78,79.
- ²⁰ *Татищев Б.А.* Указ. соч. С.116.
- ²¹ Допрос А.Д.Протопопова. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7-ми т. М.—Л., 1926. Т.5. С.281.
- ²² *Гурко В.И.* Указ. соч. С.230–231.
- ²³ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима... Л., 1925. Т.4. С.395. Об И.Я.Гурлянде см. также: *Лихоманов А.В.* И.Я.Гурлянд и еврейский вопрос в России // ВЕУ. 1993. № 4. С.142–153.
- ²⁴ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима... Л., 1924. Т.1. С.232,235.
- ²⁵ *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. В 2-х т. М., 1996. Т.2. С.219.
- ²⁶ В.К.Плеве — Б.В.Штюрмеру. 22 июня 1902 г. // РГИА. Ф.1284. Оп. 46. 1894 г. Д.50. Л.123.
- ²⁷ *Гурко В.И.* Указ. соч. С.231.
- ²⁸ *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. // ВИ. 1997. № 3. С.134.
- ²⁹ *Кураев П.Г.* Указ. соч. С.153.
- ³⁰ *Евлогий (Георгиевский В.С.).* Путь моей жизни. М., 1994. С.199.
- ³¹ Всеподданнейший доклад В.К.Плеве. 11 октября 1903 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.52. 1902 г. Д.176. Л.29.
- ³² *Гурко В.И.* Указ. соч. С.292.
- ³³ Отчет Б.В.Штюрмера о ревизии Тверского земства // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.1842. Л.44.
- ³⁴ *Львов Л.М.* Б.В.Штюрмер // Речь. 1916. 20 января; Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.291; *Николай II.* Дневники императора Николая II. М., 1991. С.190. См. также: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С.96.
- ³⁵ Всеподданнейший доклад В.К.Плеве. 10 июня 1904 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.52. 1902 г. Д.176. Л.33.
- ³⁶ *Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С.Ю.Витте). М.—Л., 1923. С.43; *Витте С.Ю.* Воспоминания. В 3-х т. М., 1960. Т.2. С.321.
- ³⁷ *Святополк-Мирская Е.А.* Дневник княгини Е.А.Святополк-Мирской // ИЗ. 1966. Т.77. С.252.
- ³⁸ *Кураев П.Г.* Указ. соч. С.153.
- ³⁹ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С.299,302,317,327.
- ⁴⁰ *Клячко (Львов) Л.М.* Повести прошлого. Л., 1929. С.57.
- ⁴¹ *Гурко В.И.* Указ. соч. С.449–450,451.
- ⁴² Протокол допроса А.В.Степанова // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.2.
- ⁴³ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С.380.
- ⁴⁴ Программа «Отечественного союза» // Полный сборник платформ всех русских политических партий. М., 2001. С.119–123.
- ⁴⁵ Протокол заседания ЦК Союза 17 октября. 11 декабря 1905 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т.1. 1905–1907 гг. С.35.
- ⁴⁶ *Богданович А.В.* Указ. соч. С.341.
- ⁴⁷ *Лемке М.К.* 250 дней в Царской Ставке. [С]Пб., 1921. С.809.
- ⁴⁸ *Богданович А.В.* Указ. соч. С.370.
- ⁴⁹ *Половцов А.А.* Дневник // КА. 1923. Т.4. С.116.
- ⁵⁰ Допрос Б.В.Штюрмера. 14 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.167.
- ⁵¹ Впечатления в Таврическом дворце // Русские ведомости. 1916. 20 января.
- ⁵² Копия всеподданнейшего доклада Н.А.Маклакова. 8 ноября 1913 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.245. Л.8.
- ⁵³ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.234.
- ⁵⁴ *Богданович А.В.* Указ. соч. С.385. См. также: *Ганелин Р.Ш.* Указ 18 февраля 1905 г. о петициях и правительственная политика // ВИД. 1983. Т.15. С.183.
- ⁵⁵ *Тихомиров Л.А.* Дневник // КА. 1935. Т.72. С.140.
- ⁵⁶ Особый журнал Совета министров 20 и 27 января 1907 г. «Об установлении главных начал устройства губернских учреждений» // Особые журналы Совета министров царской России. 1907 г. М., 1984. Ч.1. С.313–314.
- ⁵⁷ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.381.
- ⁵⁸ *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. Т.1. С.67. Об общеполитическом контексте кризиса 1909 г. см.: *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С.122–141.
- ⁵⁹ *Клячко (Львов) Л.М.* Повести прошлого. С.34–35.
- ⁶⁰ Подробнее о беседе и ее содержании см.: *Куликов С.В.* Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров. С.404–406.
- ⁶¹ *Львов Л.М.* Б.В.Штюрмер // Речь. 1916. 20 января.
- ⁶² *Тихомиров Л.А.* Дневник // КА. 1936. Т.74. С.185. О кризисе 1911 г. см.: *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С.318–366; *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. С.212–241.

- ⁶³ *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С.354.
- ⁶⁴ *Бобринский А.А.* Дневник // КА. 1928. Т.26. С.145.
- ⁶⁵ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.386.
- ⁶⁶ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Л., 1925. Т.2. С.47.
- ⁶⁷ Г.Е.Распутин глазами официальных властей // РП. 1996. Кн.6. С.140–141.
- ⁶⁸ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.381.
- ⁶⁹ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2-х т. М., 1992. Т.2. С.196. См. также: *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. М., 1981. С.268–270; *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С.161–162.
- ⁷⁰ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. В 2-х т. М., 1997. Т.2. С.109.
- ⁷¹ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.382.
- ⁷² *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917) // ИГВ. 1997. Вып.9. С.19–21.
- ⁷³ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.384,385.
- ⁷⁴ *Львов Л.М.* Б.В.Штюрмер // Речь. 1916. 20 января.
- ⁷⁵ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.386.
- ⁷⁶ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.202.
- ⁷⁷ *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.1 об.
- ⁷⁸ Показания графа П.Н.Игнатъева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима... М.—Л., 1926. Т.6. С.15.
- ⁷⁹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.562.
- ⁸⁰ Всеподданнейший доклад В.И.Мамантова. 10 декабря 1916 г.; Справка о родословной рода Паниных. 10 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1412. Оп.252. Д.1136. Л.15; Д.1149. Л.13,13 об.
- ⁸¹ *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.1 об.; *Барк П.Л.* Глава из воспоминаний [О Николае II] // Возрождение. 1955. Тетр.43. С.15; *он же.* Воспоминания // Там же. 1966. Кн.176. С.93. Подробнее об этом см.: *Куликов С.В.* Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров: предыстория и механизм. С.412–413.
- ⁸² *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.123–127.
- ⁸³ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным за время с 1-го января 1915 г. по 8-е февраля 1916 г. // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии. М., 1990. С.266–278.
- ⁸⁴ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.318; Дневник Министерства иностранных дел за 1915–1916 гг. // КА. 1928. Т.31. С.32.
- ⁸⁵ «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М.М.Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А.Вырубовой и В.Н.Воейкову // Источник. 1999. № 1. С.31–32.
- ⁸⁶ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.553.
- ⁸⁷ Дневник Министерства иностранных дел за 1915–1916 гг. С.33.
- ⁸⁸ Александра Федоровна — Николаю II. 6, 10 и 13 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. М., 1996. С.284,288,294.
- ⁸⁹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.556–566.
- ⁹⁰ Александра Федоровна — Николаю II. 19 декабря 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.320.
- ⁹¹ Александра Федоровна — Николаю II. 4 и 9 января 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.335,346.
- ⁹² Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С.277.
- ⁹³ *Куликов С.В.* Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров: предыстория и механизм. С.420–422.
- ⁹⁴ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.32.
- ⁹⁵ Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным... С.266–278.
- ⁹⁶ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.221.
- ⁹⁷ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.568.
- ⁹⁸ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.236.
- ⁹⁹ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Там же. С.222,223.
- ¹⁰⁰ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. С.236–237.
- ¹⁰¹ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Там же. С.221,222.
- ¹⁰² Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. С.237.
- ¹⁰³ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Там же. С.222,223.
- ¹⁰⁴ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. С.227,239.
- ¹⁰⁵ *Барк П.Л.* Глава из воспоминаний [О Николае II]. С.21; *он же.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.176. С.93.
- ¹⁰⁶ *Николай II* — А.С.Танееву. 18 января 1916 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.16. Д.37. Л.139.
- ¹⁰⁷ *Игнатъев П.Н.* Совет министров в 1915–1916 гг. (Из воспоминаний) // НЖ. 1944. Кн.9. С.318.
- ¹⁰⁸ Д.У.Быюкенен — Э.Грею. 24 января 1916 г. // МОЭИ. Сер.3. М., 1938. Т.10. С.156.

¹⁰⁹ *Поливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 — 15 марта 1916 г.) // *ВИ.* 1994. № 10. С.142.

¹¹⁰ О деятельности Б.В.Штюрмера в качестве премьера и реакции на нее со стороны либеральной оппозиции см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967. С.163—170, 200—207; *он же.* Царизм и Первая мировая война // Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С.582—586; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С.143—173; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С.77—104; *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. М., 1989. С.16—61; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* От И.Л.Горемыкина к Б.В.Штюрмеру.

¹¹¹ *Игнатьев П.Н.* Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.9. С.318.

¹¹² Допрос И.Н.Лодыженского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.153.

¹¹³ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.—Л., 1927. С.143.

¹¹⁴ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.279.

¹¹⁵ Председатель Совета министров Б.В.Штюрмер о современном положении // Новое время. 1916. 20 января. Ср.: К.Н.Пасхалов — А.И.Дубровину. 23 января 1916 г. // Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.—Л., 1929. С.92.

¹¹⁶ *Родзянко М.В.* Крушение Империи // АРР. 1926. Т.17. С.117.

¹¹⁷ *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С.144—145.

¹¹⁸ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.176. С.94.

¹¹⁹ Запись П.Н.Милокова о беседе с А.Н.Хвостовым и В.М.Волконским // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.479. Л.1-2 об.

¹²⁰ Показания П.Н.Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. М.—Л., 1927. Т.7. С.327—328.

¹²¹ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.145.

¹²² Всеподданнейший доклад В.Б.Фредерикса. Февраль 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.60. 1916 г. Д.2283. Л.11.

¹²³ Запись заседания Совета министров 22 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н.Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С.311. Ср.: *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // *ВИ.* 1994. № 9. С.131.

¹²⁴ Д.У.Быюкнен — Э.Грею. 24 января 1916 г. // МОЭИ. Сер.3. Т.10. С.156.

¹²⁵ Справка о заседании Совета министров 22 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.418. Об обсуждении на заседании 22 января вопроса о созыве см. также: *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* От И.Л.Горемыкина к Б.В.Штюрмеру. С.42—44.

¹²⁶ Д.У.Быюкнен — Э.Грею. 24 января 1916 г. // МОЭИ. Сер.3. Т.10. С.156.

¹²⁷ Запись заседания Совета министров 22 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.310.

¹²⁸ Допрос И.Н.Лодыженского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.154

¹²⁹ Всеподданнейшие записки Б.В.Штюрмера. 1916 г. // ИА. 1994. № 6. С.53.

¹³⁰ Из переписки Николая II с министрами // Монархия перед крушением. С.98.

¹³¹ *Лопухин В.Б.* Люди и политика (конец XIX — начало XX в.) // *ВИ.* 1967. № 1. С.121.

¹³² Допрос А.Н.Хвостова. 17 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.82.

¹³³ Из переписки Николая II с министрами // Монархия перед крушением. С.98.

¹³⁴ *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917) // ИГВ. 1994. Вып.3. С.51.

¹³⁵ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.26.

¹³⁶ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. Т.1. С.291.

¹³⁷ Запись заседания Совета министров 26 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.315.

¹³⁸ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // *ВИ.* 1994. № 9. С.134.

¹³⁹ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.18.

¹⁴⁰ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Там же. Т.1. С.409.

¹⁴¹ Запись заседания Совета министров 29 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.315. Впоследствии часть плана А.Н.Хвостова была осуществлена в мае 1916 г. путем покупки за 880 000 рублей акций «Нового времени» (см.: Подкуп «Нового времени» царским правительством // КА. 1927. Т.21).

¹⁴² А.Н.Хвостов — редакторам газет. 25 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1629. Оп.1. Д.114. Л.82 об.

¹⁴³ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // *ВИ.* 1994. № 10. С.136.

¹⁴⁴ Выступление Н.Н.Покровского. 31 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Пг., 1916. Стб.4243; *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // *ВИ.* 1994. № 10. С.148.

¹⁴⁵ Выступление князя В.Н.Шаховского. 22 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый

созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.3751; Выступление В.В.Прилежаева. 24 марта 1916 г. // Там же. Стб.3863; Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.139. См. также: Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.120—121; *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // *ВИ.* 1994. № 10. С.136.

¹⁴⁶ Допрос И.Н.Лодыженского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.153.

¹⁴⁷ П.Н.Игнатьев — А.В.Кривошеину. 17 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.36 об.

¹⁴⁸ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.414—415.

¹⁴⁹ Записка Московского охранного отделения по общественному движению. 10 февраля 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. М.—Л., 1927. С.72.

¹⁵⁰ Интересная находка // *ВИ.* 1964. № 4. С.100.

¹⁵¹ Допрос А.Н.Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.35.

¹⁵² *Александра Федоровна* — Николаю II. 13 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.294. Ср.: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.165, 166.

¹⁵³ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.117.

¹⁵⁴ А.А.Клопов — Николаю II. 1 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.3. Полные тексты письма и проекта см.: *Витенберг Б.М.* Комментарии // *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.280—282.

¹⁵⁵ Николай II — Александре Федоровне. 4 февраля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.368.

¹⁵⁶ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.117.

¹⁵⁷ *Воейков В.Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1994. С.92—93.

¹⁵⁸ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.130.

¹⁵⁹ Допрос М.В.Родзянко // Там же. С.130; *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.119; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.572. Подробнее о посещениях царем Думы см.: *Куликов С.В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С.302—307; *Витенберг Б.М.* 9 февраля 1916 г.: Николай II в Государственной думе // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX в. Кишинев—СПб., 2000.

¹⁶⁰ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С.37.

¹⁶¹ А.Н.Хвостов — редакторам газет. 25 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1629. Оп.1. Д.114. Л.82 об.

¹⁶² Правые в 1915 — феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам // *Минушье М.*—СПб., 1993. Вып.14. С.183—184.

¹⁶³ Выступление Б.В.Штюрмера. 9 февраля 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.1223.

¹⁶⁴ *Милоков П.Н.* Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.2. С.194.

¹⁶⁵ Полный текст декларации см.: Ораторы России в Государственной думе. В 2-х т. СПб., 2004. Т.2. С.369—373.

¹⁶⁶ Запись П.Н.Милокова о беседе с А.Н.Хвостовым и В.М.Волконским // ГАРФ. Ф.579. Оп.1. Д.479. Л.1-2 об.

¹⁶⁷ Ораторы России в Государственной думе. Т.2. С.372—373.

¹⁶⁸ А.А.Клопов — Николаю II. 19 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.8 об.

¹⁶⁹ *Васильчикова Л.Л.* Исчезнувшая Россия. Воспоминания. 1886—1919. СПб., 1995. С.320.

¹⁷⁰ Допрос А.Н.Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.42. См. также: Докладная записка Б.В.Писаренкова. 11 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1629. Оп.1. Д.109. Л.1-2 об.;

Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 8 апреля 1916 г. // Падение царского режима. Т.2. С.38—39; *Александр-Невская лабра* накануне свержения самодержавия // КА. 1936. Т.77. С.206; *Руднев В.М.* Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. С.285, 286.

¹⁷¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.572.

¹⁷² *Гессен И.В.* Беседа с А.Н.Хвостовым в феврале 1916 г. // АРР. 1923. Т.12. С.79; Допрос А.Н.Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.32; Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.412.

¹⁷³ *Жильяр П.* Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 г.). По личным воспоминаниям П.Жильера, бывшего наставника наследника цесаревича Алексея Николаевича. Вена, 1921. С.133.

¹⁷⁴ *Мордвинов А.А.* Орывки из воспоминаний // РЛ. 1923. Кн.5. С.170.

¹⁷⁵ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // ИГВ. 1999. Вып.11. С.75, 76.

¹⁷⁶ Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // *ВИ.* 1964. № 12. С.95.

¹⁷⁷ *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С.51, 52.

¹⁷⁸ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.417.

¹⁷⁹ *Маклаков В.А.* Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина // СЗ. 1928. Т.34. С.264.

¹⁸⁰ П.Н.Игнатьев — А.В.Кривошеину. 17 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.35.

- ¹⁸¹ *Гессен И.В.* Беседа с А.Н.Хвостовым в феврале 1916 г. С.76.
- ¹⁸² *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.121.
- ¹⁸³ *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2-х т. Нью-Йорк, 1955. Т.2. С.448,449.
- ¹⁸⁴ Резолюция Совещания уполномоченных правых организаций и правых деятелей в Нижнем Новгороде 26–29 ноября 1915 г. // Правые партии. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1998. Т.2. С.514.
- ¹⁸⁵ Выступление князя В.Н.Шаховского. 15 февраля 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.1648,1649; Особый журнал Совета министров 20 и 24 мая 1916 г. «По вопросу о разработке Положения о кооперативных товариществах» (по журналу дел, решаемых его собственной властью) // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.206. Л.121; Совещание губернаторов в 1916 г. // КА. 1929. Т.33. С.156; Запись заседания Совета министров 19 февраля 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.319.
- ¹⁸⁶ Выступление А.Н.Неверова. 3 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.2640; Совещание губернаторов в 1916 г. С.152,163. См. также: Доклады Штюмерера Николаю II // Монархия перед крушением. С.122–123; Всеподданнейшие записки Б.В.Штюмерера. 1916 г. С.62–64. О предистории волостной реформы см.: *Бородин А.П.* Государственный совет и волостная реформа // На пути к революционным потрясениям.
- ¹⁸⁷ Донесения Л.К.Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 г. // ВИ. 2000. № 3. С.10.
- ¹⁸⁸ Выступление А.А.Евтифеева. 3 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.2660; Совещание губернаторов в 1916 г. С.152,163; *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.155. См. также: Доклады Штюмерера Николаю II // Монархия перед крушением. С.122–123. О попытках реформирования Городового положения в начале XX в. см.: *Нардова В.А.* К вопросу о реформе Городового положения (1905–1916 гг.) // На пути к революционным потрясениям.
- ¹⁸⁹ Выступление генерала П.О.Агапова. 3 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.2680; Выступление А.А.Евтифеева. 3 марта 1916 г. // Там же. Стб.2688,2708,2709; *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 11. С.127–128.
- ¹⁹⁰ *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С.52.
- ¹⁹¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.575.
- ¹⁹² Допрос Б.В.Штюмерера. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.223–224.
- ¹⁹³ Доклады Штюмерера Николаю II // Монархия перед крушением. С.118–119.
- ¹⁹⁴ Допрос Б.В.Штюмерера. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.226,227.
- ¹⁹⁵ Доклады Штюмерера Николаю II // Монархия перед крушением. С.119.
- ¹⁹⁶ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.575.
- ¹⁹⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 3 марта 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.382.
- ¹⁹⁸ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.50. Ср.: *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. С.130.
- ¹⁹⁹ Николай II – Александре Федоровне. 5 марта 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.387.
- ²⁰⁰ Запись заседания Совета министров 25 марта 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.325.
- ²⁰¹ Показания А.В.Степанова // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.2.
- ²⁰² Протокол пленарного заседания ЦК 30–31 марта 1916 г. // Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. М., 1998. Т.3. 1915–1920. С.253.
- ²⁰³ Доклады Штюмерера Николаю II // Монархия перед крушением. С.119–121; «Успокоения нечего ожидать». С.33–34.
- ²⁰⁴ Александра Федоровна – Николаю II. 3 октября и 15 ноября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.263,299.
- ²⁰⁵ «Успокоения нечего ожидать». С.31,33–34.
- ²⁰⁶ Допрос А.Н.Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.44.
- ²⁰⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 9 января 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.347.
- ²⁰⁸ Александра Федоровна – Николаю II. 30 января 1916 г. // Там же. С.360.
- ²⁰⁹ Александра Федоровна – Николаю II. 9, 29 и 30 января, 3 февраля и 12 марта 1916 г. // Там же. С.347,359–360,366,397.
- ²¹⁰ Александра Федоровна – Николаю II. 12, 13, 14 марта 1916 г. // Там же. С.397–399. Ср.: *Аврех А.А.* Царизм накануне свержения. С.150. Об увольнении А.А.Поливанова см. также: *Айрапетов О.Р.* Нарочская операция и отставка А.А.Поливанова // ВМУ. Сер.8. История. 2001. № 6.
- ²¹¹ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.53. См. также: *Лемке М.К.* Указ. соч. С.635.
- ²¹² «Успокоения нечего ожидать». С.33.
- ²¹³ П.Н.Игнатьев – А.В.Кривошеину. 17 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.37; Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.333.

- ²¹⁴ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.62.
- ²¹⁵ Выступление Н.Н.Покровского. 17 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.3517. О реформе Государственного контроля см.: *Флоринский М.Ф.* Государственная дума и вопрос о статусе Государственного контроля в 1907–1917 гг. // История парламентаризма в России. Предпринт тезисов докладов и сообщений науч.-практич. конф., посвященной 90-летию открытия I Государственной думы России. 25–26 апреля 1996 г. СПб., 1996. С.2–3.
- ²¹⁶ Выступление А.А.Хвостова. 17 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.3597; Б.В.Штюмерер – А.А.Хвостову. 25 марта 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.122. Л.13; Запись заседания Совета министров 29 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.316. О подготовке отмены административной гарантии см.: *Правилова Е.А.* Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. – октябрь 1917). СПб., 2000.
- ²¹⁷ Выступление А.П.Никольского. 17 марта 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.3593.
- ²¹⁸ Выступления графа А.А.Бобринского. 31 мая, 3 и 9 июня 1916 г. // Там же. Стб.4731–4732,4816,4944,4945. См. также: Доклады Штюмерера Николаю II // Монархия перед крушением. С.123–124.
- ²¹⁹ Выступление графа П.Н.Игнатьева. 18 июня 1916 г. // Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия 4. Стб.5702,5705.
- ²²⁰ Протокол пленарного заседания ЦК 30–31 марта 1916 г. // Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т.3. 1915–1920. С.259.
- ²²¹ Правые в 1915 – феврале 1917. С.190. См. также: Совещание губернаторов в 1916 г. С.159–160. Ср.: *Николай II* – Александре Федоровне. 7 апреля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.426; *Симанович А.С.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 1991. С.31,106.
- ²²² *Куликов С.В.* Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. С.97.
- ²²³ П.Н.Игнатьев – А.В.Кривошеину. 17 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.35; *Клюжев И.С.* Дневник // Там же. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.65 об.; *Врангель Н.А.* Записная книжка // Там же. Ф.920. Оп.1. Д.54. Л.342.
- ²²⁴ Протокол заседания (пленарного) ЦК 31 марта 1916 г. // Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т.3. 1915–1920. С.266–267.
- ²²⁵ Запись заседания Совета министров 26 апреля 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.331.
- ²²⁶ Н.Н.Родзевич – Б.В.Штюмеру. 31 марта 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.113. Л.16.
- ²²⁷ Докладная записка по поводу выписки из письма Н.Н.Тихановича-Савицкого Н.Н.Родзевичу от 14 апреля 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Оп.113. Л.25–27 об.
- ²²⁸ Александра Федоровна – Николаю II. 6 марта 1916 г.; Александра Федоровна – Николаю II. 23 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.388,492.
- ²²⁹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.81. Подробнее о миссии Р.Вивиани и А.Тома см.: *Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990. С.202–209.
- ²³⁰ Совещание губернаторов в 1916 г. С.148.
- ²³¹ Доклады Штюмерера Николаю II // Монархия перед крушением. С.127–128.
- ²³² *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.124.
- ²³³ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.135–136.
- ²³⁴ Всеподданнейший доклад Б.В.Штюмерера. 21 мая 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1790. Л.122.
- ²³⁵ Запись заседания Совета министров 24 мая 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.339.
- ²³⁶ А.Ф.Трепов – Б.В.Штюмеру. 23 мая 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1790. Л.128.
- ²³⁷ Запись заседания Совета министров 24 мая 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.339.
- ²³⁸ Александра Федоровна – Николаю II. 2 мая 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.445.
- ²³⁹ Доклады Штюмерера Николаю II // Монархия перед крушением. С.122.
- ²⁴⁰ Записи заседаний Совета министров 26 апреля и 17 июня 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.330,342.
- ²⁴¹ Доклады Штюмерера Николаю II // Монархия перед крушением. С.124–125.
- ²⁴² Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.342. Премьер имел в виду симфонию (согласие) светской и духовной власти в Византии. См. также: Допрос Б.В.Штюмерера. 14 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.164.
- ²⁴³ О Государственном совете в первой половине 1916 г. см.: *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль

1917); *он же*. Практика пополнения назначенной части Государственного совета (1906–1917) // 1917 г. и российский парламентаризм: Сб. материалов науч. конф. СПб., 1998; *он же*. Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906–1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 2000. Вып.2; *Бородин А.П.* Правая группа Государственного совета в 1906–1917 гг. // ОИ. 1998. № 4; *он же*. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999. С.153–156.

²⁴⁴ Особый журнал Совета министров 7 и 8 июня 1906 г. // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. М., 1982. С.34–36; *Богданович А.В.* Указ. соч. С.404; *Толстой И.И.* Дневник. С.4.

²⁴⁵ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.462.

²⁴⁶ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.224,246.

²⁴⁷ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.86–87.

²⁴⁸ Д.Н.Любимов – А.В.Кривошеину. 16 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.179. Л.3–6 об.

²⁴⁹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.572.

²⁵⁰ *Алексеев Е.И.* Дневник // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.26. Л.67.

²⁵¹ Д.Н.Любимов – А.В.Кривошеину. 16 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.179. Л.3–3 об.

²⁵² *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.169. С.73; *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // РП. 1996. Кн.7. С.318.

²⁵³ Выступление графа В.Н.Кокцовца. 9 февраля 1916 г. // Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 г. Сессия 12. Пг., 1916. Стб.42–52.

²⁵⁴ Н.Н.Тиханович-Савицкий – П.Н.Балашеву, А.А.Бобринскому, Н.Е.Маркову 2-му, А.Н.Хвостову, Б.В.Штюрмеру и И.Г.Щегловитову. 16 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1814а. Л.45–46.

²⁵⁵ Р.А.Дистерло – А.В.Кривошеину. 18 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.271. Л.4–5 об.

²⁵⁶ *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999. Т.2. С.362.

²⁵⁷ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.124.

²⁵⁸ *Шванебах П.Х.* Записки сановника. Политика П.А.Столыпина и Вторая Государственная дума // ГМ. 1918. № 1–3. С.127,129; *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний... С.47; Особый журнал Совета министров 7 и 8 июня 1906 г. // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. С.34–36; *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С.65.

²⁵⁹ *Кокцов В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.334,352.

²⁶⁰ *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917). С.4.

²⁶¹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.33–34.

²⁶² О предпосылках этой реформы см.: *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С.199–243. О политическом значении введения подоходного налога см.: *Коцюн Я.* Подданный и гражданин: налогообложение в Российской империи и Советской России и его подтекст // Россия и Первая мировая война.

²⁶³ *Туган-Барановский Н.И.* Записка по некоторым, связанным с войною, вопросам внутренней политики. 31 января 1915 г. // РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1223. Л.12.

²⁶⁴ *Кокцов В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.330.

²⁶⁵ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.135.

²⁶⁶ *Кокцов В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.330.

²⁶⁷ П.Н.Игнатьев – А.В.Кривошеину. 17 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.37 об.–38.

²⁶⁸ Р.А.Дистерло – А.В.Кривошеину. 18 февраля 1916 г. // Там же. Д.271. Л.4–5 об.

²⁶⁹ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.150.

²⁷⁰ Р.А.Дистерло – А.В.Кривошеину. 18 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.271. Л.4–5 об.

²⁷¹ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.415.

²⁷² Р.А.Дистерло – А.В.Кривошеину. 18 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.271. Л.4–5 об.

²⁷³ Показания П.Н.Милюкова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.332.

²⁷⁴ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С.358. Ср.: *Шванебах П.Х.* Указ. соч. С.132–133; *Романов А.Ф.* Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии) // РЛ. 1922. Кн.2. С.32; Допрос Н.А.Маклакова. 1 мая 1917 г. // Падение царского режима... Л., 1925. Т.3. С.134; *Клячко (Львов) Л.М.* Звездная палата // МД. 1928. № 3. С.33; *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет // АРР. 1937. Т.22. С.305; *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т.3. С.187; *Богданович А.В.* Указ. соч. С.404; *Гурко В.И.* Указ. соч. С.548; Особый журнал Совета министров 5 мая 1909 г. «По всеподданнейшему представлению императорского Финляндского сената от 4/17 марта 1909 г. по вопросу о юридической силе актов распущенного Сейма» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. М., 2000. С.157. Об И.Г.Щегловитове см. также: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* «Человек политической страсти и борьбы». Генерал-прокурор И.Г.Щегловитов // *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906–1917. М., 1996.

²⁷⁵ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С.150–151.

²⁷⁶ *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). С.334.

²⁷⁷ Допрос С.П.Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.259.

²⁷⁸ Выписка из письма Н.Н.Тихановича-Савицкого – Н.Н.Родзевичу. 14 апреля 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.113. Л.26–27 об.

²⁷⁹ «Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К.Н.Пасхалова 1914–1917 гг. // Источник. 1995. № 6. С.33.

²⁸⁰ Р.А.Дистерло – А.В.Кривошеину. 18 февраля 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.271. Л.4–5 об.

²⁸¹ *Балашев И.П.* Важнейшие очередные задачи нашей внешней и внутренней политики. Пг., 1916. См. также: *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. С.88–92.

²⁸² *Розен Р.Р.* Европейская политика России. Пг., 1917. С.6,9,10,12,13,16,19,21,22,25,27. См. также: *Rosen R.R.* Forty Years of Diplomacy. N. Y., 1922. Vol.1–2.

²⁸³ *Милюков П.Н.* Дневник // КА. 1932. Т.54–55. С.15.

²⁸⁴ *Розен Р.Р.* Указ. соч. С.38.

²⁸⁵ В.Б.Фредерикс – Р.Р.Розену. 4 марта 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.36,37,38–38 об.,39–39 об.

²⁸⁶ *Милюков П.Н.* Дневник. С.15.

²⁸⁷ В.Б.Фредерикс – Р.Р.Розену. 2 марта 1916 г.; В.Б.Фредерикс – Р.Р.Розену. 4 марта 1916 г.; Р.Р.Розен – С.Д.Сазонову. 7 марта 1916 г.; Р.Р.Розен – В.Б.Фредериксу. 8 марта 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.36,37,38–38 об.,39–39 об.

²⁸⁸ *Милюков П.Н.* Дневник. С.15. О делегации см.: *Алексеева И.В.* Указ. соч. С.168–202.

²⁸⁹ Там же. С.184.

²⁹⁰ Всеподданнейший доклад А.Н.Куломзина. 6 апреля 1916 г. // РГИА. Ф.1148. Оп.12. Д.482. Л.30.

²⁹¹ Допрос графа В.Б.Фредерикса. 2 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.45.

²⁹² *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.121.

²⁹³ *Войков В.Н.* Указ. соч. С.97.

²⁹⁴ Допрос А.А.Хвостова. 12 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.446.

²⁹⁵ Николай II – Александре Федоровне. 30 апреля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.442.

²⁹⁶ Допрос А.А.Хвостова. 12 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.447.

²⁹⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 9 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.474.

²⁹⁸ Всеподданнейший доклад А.Н.Куломзина. 19 мая 1916 г. // РГИА. Ф.1162. Оп.2. 1910 г. Д.24. Л.75.

²⁹⁹ *Куликов С.В.* Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906–1917 гг. С.110.

³⁰⁰ *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917). С.19–22. Кандидатуры сенаторов А.В.Бельгарда, Н.К.Кульчицкого и Н.П.Урусова не прошли (Справки о А.В.Бельгарде и Н.К.Кульчицком // РГИА. Ф.1148. Оп.10. 1909 г. Д.3. Л.13–14,15; Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.148).

³⁰¹ Александра Федоровна – Николаю II. 17 марта 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.405.

³⁰² «Успокоения нечего ожидать». С.34.

³⁰³ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.415; *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.131; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.57–58.

³⁰⁴ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.135–136.

³⁰⁵ Заявление 31 члена Государственного совета об обращении к правительству с вопросом, какие будут приняты меры для устранения тяжелого состояния сельского хозяйства. 2 июня 1916 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы. Л., 1967. Ч.3. Сельское хозяйство и крестьянство. С.121–123; *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917). С.19–22.

³⁰⁶ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.123–124.

³⁰⁷ *Кокцов В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.331–332. Подробнее о Парижской конференции см.: *Бабицев Д.С.* Россия на Парижской союзнической конференции 1916 г. по экономическим вопросам // ИЗ. 1969. Т.83.

³⁰⁸ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.125.

³⁰⁹ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.341.

³¹⁰ Запись заседания Совета министров 17 июня 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.343.

³¹¹ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.342,343.

³¹² О политической роли М.В.Алексеева как начальника штаба см.: *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С.189–190; *Дякин В.С.* Царизм и Первая мировая война // Кри-

зис самодержавия в России. С.599; *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.190–194; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.24. С.37–39. О личности М.В.Алексеева см.: *Алексеева-Борель В.М.* Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В.Алексеев. СПб., 2000. См. также: *Mayzel M.* Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution. A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabruck, 1979.

³¹³ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.149; *Алексеева-Борель В.М.* Указ. соч. С.380–381.
³¹⁴ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.542; Доклад начальника Петроградского охранного отделения товарищу министра внутренних дел о настроениях в Партии кадетов. 23 октября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.67–68; *Друцкой-Соколинский В.А.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел, 1994. С.56; *Бубнов А.Д.* В Царской ставке. СПб., 1995. С.75. Ср.: Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.52. С.154; Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы // РП. 1996. Кн.6. С.164. См. также таблицу 2 приложения.

³¹⁵ *Егорьев В.Н.* Из больших знакомств // ВИЖ. 1991. № 9. С.82.
³¹⁶ *Мордвинов А.А.* Последние дни императора // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927. С.89.

³¹⁷ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.261–262.
³¹⁸ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.825; Показания А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.259; Доклад начальника Петроградского охранного отделения товарищу министра внутренних дел о настроениях в Партии кадетов. 23 октября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.67–68; *Вырубов В.В.* Воспоминания о корниловском деле // Минувшее. М.—СПб., 1993. Вып.12. С.10; Записки заседаний Совета министров 13 сентября и 5 октября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.271,286.

³¹⁹ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.104.
³²⁰ *Мордвинов А.А.* Указ. соч. С.89; *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. В 3-х т. Нью-Йорк, 1960. Т.1. С.202.

³²¹ Николай II — Александре Федоровне. 27 августа 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.190.

³²² *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.344.
³²³ *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России // Царственные мученики в воспоминаниях верноподанных. М., 1999. С.423.

³²⁴ Николай II — Александре Федоровне. 4 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.208.

³²⁵ Александра Федоровна — Николаю II. 6, 14 и 15 сентября 1915 г. // Там же. С.213,233,236.
³²⁶ Докладная записка С.П.Саханского В.Н.Воейкову. 10 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.286. Л.4 об.

³²⁷ Николай II — Александре Федоровне. 14 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.235.

³²⁸ В.Н.Воейков — Н.Б.Щербатову. 14 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.286. Л.6; Николай II — Александре Федоровне. 17 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.244.

³²⁹ *Дубенский Д.Н.* Как произошел переворот в России. С.420.
³³⁰ В.Н.Воейков — Н.С.Ченыхаеву. 21 сентября 1915 г. // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.286. Л.18.

³³¹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.650.
³³² *Бубнов А.Д.* Указ. соч. С.81.

³³³ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.215.
³³⁴ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 7–8. С.200; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.62; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.395; *Алексеева-Борель В.М.* Указ. соч. С.379.

³³⁵ А.И.Гучков — М.В.Алексееву. 7 августа 1915 г. // РГВИА. Ф.55. Оп.3. Д.5. Л.68–69 об.

³³⁶ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.560.
³³⁷ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.191,215,341; А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 7–8. С.208.

³³⁸ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.209; *Вакар Н.П.* Игорь Платонович Демидов (Жизнь и смерть) // НЖ. 1947. Кн.16. С.277.

³³⁹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.329.
³⁴⁰ *Брюс Локкарт Р.Г.* История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991. С.131.

³⁴¹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.447.
³⁴² *Фредерикс В.Б.* Дневник // ГАРФ. Ф.1463. Оп.3. Д.425а. Л.10.

³⁴³ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.447–448.
³⁴⁴ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.567.

³⁴⁵ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.448.
³⁴⁶ Николай II — Александре Федоровне. 14 января 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.355.

³⁴⁷ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.448.
³⁴⁸ *Брюс Локкарт Р.Г.* Указ. соч. С.131.

³⁴⁹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.448.

³⁵⁰ *Брюс Локкарт Р.Г.* Указ. соч. С.131–132.

³⁵¹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.448.

³⁵² *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931. С.96.

³⁵³ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.460.

³⁵⁴ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.134.

³⁵⁵ *Брюс Локкарт Р.Г.* Указ. соч. С.131.

³⁵⁶ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.95.

³⁵⁷ *Гессен И.В.* В двух веках. С.343.

³⁵⁸ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.133.

³⁵⁹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.518.

³⁶⁰ Ставка и Министерство иностранных дел // КА. 1928. Т.29. С.42.

³⁶¹ *Наумов А.Н.* Указ. соч. С.523.

³⁶² *Лемке М.К.* Указ. соч. С.470.

³⁶³ *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М., 1993. С.179.

³⁶⁴ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.545.

³⁶⁵ *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С.118.

³⁶⁶ *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.—Дюссельдорф, 1993. С.211,290.

³⁶⁷ Революционное движение в войсках во время мировой войны // КА. 1923. Т.4. С.423–424.

³⁶⁸ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.96.

³⁶⁹ Допрос А.Н.Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.32.

³⁷⁰ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.10.

³⁷¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.577; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.15;

Перетц Г.Г. В цитадели русской революции. СПб., 1997. С.5.

³⁷² *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.145.

³⁷³ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.411.

³⁷⁴ *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 10. С.146.

³⁷⁵ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.411,412.

³⁷⁶ Допрос генерала Н.И.Иванова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.329.

³⁷⁷ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С.167.

³⁷⁸ *Милоков П.Н.* Дневник. С.19.

³⁷⁹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.149.

³⁸⁰ Ставка и Министерство иностранных дел // КА. 1928. Т.27. С.42–43,48.

³⁸¹ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.700–702.

³⁸² А.А.Клопов — Николаю II. 7 марта 1916 г. // РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.21,23.

³⁸³ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.825; *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.95.

³⁸⁴ *Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Г.Е.Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001. С.328–329; *Милоков П.Н.* Воспоминания. Т.2. С.235.

³⁸⁵ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.774,776.

³⁸⁶ *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963. С.82.

³⁸⁷ *Лемке М.К.* Указ. соч. С.774–775; *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.133.

³⁸⁸ *Шидловский С.И.* Воспоминания // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С.121; *Шаховской В.Н.* Sic transit gloria mundi. 1893–1917 гг. // РВ. 1995. Кн.63. С.173; Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. // ВИ. 1998. № 11–12. С.38. Ср.: Генерал А.А.Маниковский о снабжении армии // Утро России. 1917. 6 апреля. Об участии А.А.Маниковского в организации промышленности военного времени см.: *Поликарпов В.В.* О так называемой «программе Маниковского» 1916 г. // ИЗ. 1983. Т.109.

³⁸⁹ Журнал № 16 Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. Заседание 18 июля 1915 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 г. М., 1975. С.134,135; Журнал № 1 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 26 августа 1915 г. // Там же. С.207, 208; Протокол Частного совещания членов Государственной думы // Февральская революция 1917 г.: Сб. док. и материалов. М., 1996. С.146; Из следственных дел Н.В.Некрасова... С.38; «Успокоения нечего ожидать». С.31.

³⁹⁰ *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. В 2-х т. М.—Л., 1930. Т.2. С.270,336.

³⁹¹ Николай II — Александре Федоровне. 11 и 15 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.475,480.

³⁹² Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.126.

³⁹³ *Барсуков Е.З.* Справка по поводу записки от 15 июня 1916 г. генерала Алексеева царю о верховном министре государственной обороны // *Маниковский А.А.* Указ. соч. Т.2. С.338.

³⁹⁴ План военной диктатуры (1916 г.) // Монархия перед крушением. С.259–266. О записке М.В.Алексеева см. также: *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988. С.128–136.

- ³⁹⁵ Барсуков Е.З. Указ. соч. С.339.
³⁹⁶ Наумов А.Н. Указ. соч. С.526.
³⁹⁷ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.344.
³⁹⁸ Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде // ВА. 1962. № 1. С.104.
³⁹⁹ Там же.
⁴⁰⁰ Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. В 2-х ч. М., 1991. Ч.2. С.35.
⁴⁰¹ Перетц Г.Г. Указ. соч. С.6-7.
⁴⁰² Родзянко М.В. Крушение Империи. С.129.
⁴⁰³ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.138.
⁴⁰⁴ Телеграмма главнокомандующего Юго-Западным фронтом А.А.Брусилова начальнику штаба верховного главнокомандующего М.В.Алексееву 16 июня 1916 г. // Русско-польские отношения в период мировой войны. М., 1925. С.113-114. Ср.: Брусилов А.А. Указ. соч. С.82.
⁴⁰⁵ Ставка и Министерство иностранных дел // КА. 1928. Т.29. С.2.
⁴⁰⁶ О закулисной борьбе, вызванной выдвижением алексеевского плана, см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). С.216-223; он же. Царизм и Первая мировая война. С.599-602; он же. Крушение царизма // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С.622-623; Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России... С.138-144; Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. С.183-231; Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и Первая мировая война. С.24-25.
⁴⁰⁷ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.339,340.
⁴⁰⁸ Наумов А.Н. Указ. соч. С.528.
⁴⁰⁹ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.339,340.
⁴¹⁰ Наумов А.Н. Указ. соч. С.528,529.
⁴¹¹ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.340.
⁴¹² Наумов А.Н. Указ. соч. С.529.
⁴¹³ Николай II — Александре Федоровне. 11 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.475.
⁴¹⁴ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.416.
⁴¹⁵ Наумов А.Н. Указ. соч. С.530.
⁴¹⁶ Николай II. Дневники императора Николая II. С.593.
⁴¹⁷ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.130.
⁴¹⁸ Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция // АРР. 1922. Т.6. С.30.
⁴¹⁹ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.130.
⁴²⁰ Николай II — Александре Федоровне. 25 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.495.
⁴²¹ Запись заседания Совета министров 21 июня 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.344. О клубе П.Н.Крупенского см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). С.188,250.
⁴²² Совещание губернаторов в 1916 г. С.169.
⁴²³ Проект выборов в V Государственную думу // Монархия перед крушением. С.242-244.
⁴²⁴ Александра Федоровна — Николаю II. 23 июня 1916 г.; Николай II — Александре Федоровне. 25 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.491,495.
⁴²⁵ Николай II. Дневники императора Николая II. С.593.
⁴²⁶ Всеподданнейшие записки Б.В.Штюрмера. 1916 г. С.59.
⁴²⁷ Маниковский А.А. Указ. соч. Т.2. С.36-37,41.
⁴²⁸ Всеподданнейшие записки Б.В.Штюрмера. 1916 г. С.59.
⁴²⁹ Штюрмер и выборы в Государственную думу // Биржевые ведомости. 1917. 26 марта.
⁴³⁰ Записка правых о внутренней политике // Утро России. 1916. 25 июня.
⁴³¹ Дитерихс М.К. Указ. соч. Ч.2. С.35.
⁴³² Николай II — Александре Федоровне. 27 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.497.
⁴³³ Николай II. Дневники императора Николая II. С.594.
⁴³⁴ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.345.
⁴³⁵ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. С.240.
⁴³⁶ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Там же. С.224.
⁴³⁷ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Там же. С.345.
⁴³⁸ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. С.240,241.
⁴³⁹ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Там же. С.224,225.
⁴⁴⁰ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. С.243.
⁴⁴¹ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Там же. С.347.
⁴⁴² Александра Федоровна — Николаю II. 23 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.491.

- ⁴⁴³ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.346,347.
⁴⁴⁴ Сазонов С.Д. Указ. соч. С.388.
⁴⁴⁵ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.108.
⁴⁴⁶ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.227.
⁴⁴⁷ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.91-92.
⁴⁴⁸ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.207.
⁴⁴⁹ Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.384.
⁴⁵⁰ Ораторы России в Государственной думе. Т.2. С.372.
⁴⁵¹ Всеподданнейшие доклады Б.В.Штюрмера // Русско-польские отношения... С.94,96—97,100—101,103,106-107.
⁴⁵² Игнатьев П.Н. Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.9. С.320.
⁴⁵³ Александра Федоровна — Николаю II. 17 марта 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.406.
⁴⁵⁴ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.91-92.
⁴⁵⁵ Гурко В.И. Указ. соч. С.673.
⁴⁵⁶ А.А.Мосолов — В.Б.Фредериксу. 3 апреля 1916 г. // ГАРФ. Ф.1001. Оп.1. Д.255. Л.12 об.-13.
⁴⁵⁷ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.91-92.
⁴⁵⁸ В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А.Д.Протопопова // Былое. 1918. № 13. С.114.
⁴⁵⁹ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.110-111.
⁴⁶⁰ Мосолов А.А. При Дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии министра Двора. СПб., 1992. С.75-76.
⁴⁶¹ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.108.
⁴⁶² Причины и следствия // Утро России. 1916. 1 июля.
⁴⁶³ Запись заседания Совета министров 1 июля 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.347-348.
⁴⁶⁴ Николай II — Б.В.Штюрмеру. 2 июля 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.629. Л.5; Николай II — Александре Федоровне. 2 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.502.
⁴⁶⁵ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.244.
⁴⁶⁶ Памятная записка А.А.Хвостова // РГИА. Ф.1284. Оп.47. Д.338. Л.1,6; Всеподданнейшие записки Б.В.Штюрмера. 1916 г. С.62,64. Записку об областном управлении см.: ГАРФ. Ф.627. Оп.1. Д.109. Ср.: Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // ВИ. 1997. № 3. С.121-123; Мосолов А.А. Указ. соч. С.12-13.
⁴⁶⁷ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.207-208.
⁴⁶⁸ Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А.Столыпине. Нью-Йорк, 1953. С.137; Богданович А.В. Указ. соч. С.403; Революция 1905—1907 гг. глазами кадетов (Из дневника Е.Я.Кизеветтер) // РА. М., 1994. Т.5. С.399. Ср.: Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916—1917 гг.) // АРР. 1923. Т.11. С.52-53. Об А.А.Макарове см.: Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. «Человек твердых убеждений». Генерал-прокурор А.А.Макаров // Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Указ. соч.
⁴⁶⁹ С.Д.Сазонов — Д.И.Толстому. 7 июля 1916 г. // РГИА. Ф.696. Оп.1. Д.508. Л.50 об.; Из переписки Николая II с министрами // Монархия перед крушением. С.105; Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.111.
⁴⁷⁰ Там же. С.117.
⁴⁷¹ Александра Федоровна — Николаю II. 7 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С.214.
⁴⁷² Александра Федоровна — Николаю II. 17 марта 1916 г. // Там же. С.406.
⁴⁷³ Николай II. Дневники императора Николая II. С.595.
⁴⁷⁴ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.51,53-54; Александр-Невская лавра накануне свержения самодержавия // КА. 1936. Т.77. С.208.
⁴⁷⁵ Александра Федоровна — Николаю II. 11 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.618.
⁴⁷⁶ Александр-Невская лавра... С.208; Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // ВИ. 1965. № 1. С.107; Александра Федоровна — Николаю II. 16 и 25 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.509,518.
⁴⁷⁷ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.178. С.100; Александра Федоровна — Николаю II. 23 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.491.
⁴⁷⁸ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С.156.
⁴⁷⁹ «Успокоения нечего ожидать». С.39.
⁴⁸⁰ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.141; Любимов Л.Д. На чужбине. Ташкент, 1965. С.54.
⁴⁸¹ Александра Федоровна — Николаю II. 25 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.495.
⁴⁸² Александра Федоровна — Николаю II. 14 августа 1916 г. // Там же. С.532.
⁴⁸³ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.225,322-323.

- ⁴⁸⁴ Александра Федоровна — Николаю II. 6 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.541.
- ⁴⁸⁵ Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917) // Россия в XIX—XX вв. СПб., 1998. С.260.
- ⁴⁸⁶ А.А.Нератов — Б.В.Штюрмеру. 9 июля 1916 г. // Русско-польские отношения... С.108.
- ⁴⁸⁷ Особый журнал Совета министров 13, 16 и 18 июля 1916 г., с приложением проекта манифеста большинства членов Совета министров // Русско-польские отношения... С.114-125.
- ⁴⁸⁸ Николай II — Александре Федоровне. 18 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.511.
- ⁴⁸⁹ Показания, данные князем С.Е.Любомирским Чрезвычайной следственной комиссии // Русско-польские отношения... С.128.
- ⁴⁹⁰ Николай II — Александре Федоровне. 18 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.511.
- ⁴⁹¹ Всеподданнейший доклад Б.В.Штюрмера. 19 июля 1916 г. // Русско-польские отношения... С.125.
- ⁴⁹² Александра Федоровна — Николаю II. 19 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.511.
- ⁴⁹³ Показания, данные князем С.Е.Любомирским... С.128; Александра Федоровна — Николаю II. 22 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.515.
- ⁴⁹⁴ Шифрованная телеграмма Штюрмера на имя Николая Романова. 22 июля 1916 г. // Русско-польские отношения... С.126.
- ⁴⁹⁵ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.141-142,147,153-154.
- ⁴⁹⁶ П.Н.Игнатьев — А.В.Кривошеину. 25 августа 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Д.44-45 об.
- ⁴⁹⁷ Игнатьев П.Н. Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.9. С.276-277.
- ⁴⁹⁸ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.123-124.
- ⁴⁹⁹ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.132.
- ⁵⁰⁰ Допрос генерала Д.С.Шуваева. 11 октября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.283-284; Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.145; «Борьба наша проиграна». Документы правых. 1914 — февраль 1917 г. // ИА. 1994. № 5. С.68; Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4—5. С.14.
- ⁵⁰¹ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.132.
- ⁵⁰² Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.178. С.96-97.
- ⁵⁰³ Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.132.
- ⁵⁰⁴ Там же // ВИ. 1994. № 10. С.135.
- ⁵⁰⁵ Показания С.П.Белетского // Падение царского режима. Т.4. С.385.
- ⁵⁰⁶ Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.134.
- ⁵⁰⁷ Там же // ВИ. 1994. № 11. С.132.
- ⁵⁰⁸ Журналы № 43, 45, 47, 48, 52 и 54 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 27 января, 3, 13 и 17 февраля, 2 и 9 марта 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. М., 1977. С.64,78,94,100,135,151; Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 11. С.138.
- ⁵⁰⁹ Н.И.Тиханович-Савицкий — Б.В.Штюрмеру. 5 апреля 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.113. Л.15; Правые в 1915 — феврале 1917. С.187.
- ⁵¹⁰ Лемке М.К. Указ. соч. С.630.
- ⁵¹¹ Там же. С.631; Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 11. С.124.
- ⁵¹² О февральском съезде военно-промышленных комитетов и мартовских съездах Земского и Городского союзов см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). С.173-178,191-192.
- ⁵¹³ Показания П.Н.Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.335.
- ⁵¹⁴ Записка Московского охранного отделения о Всероссийских земском и городском союзах и военно-промышленных комитетах // Буржуазия накануне Февральской революции. С.150.
- ⁵¹⁵ Совещание губернаторов в 1916 г. С.151.
- ⁵¹⁶ Журналы № 54, 61 и 100 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 9 марта, 2 апреля и 31 августа 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. С.148,201,494.
- ⁵¹⁷ Совещание губернаторов в 1916 г. С.158.
- ⁵¹⁸ Протопопов А.Д. Предсмертная записка // ГМЧС. 1926. № 2. С.182; Совещание губернаторов в 1916 г. С.158; Журнал № 43 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 27 января 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. С.60; Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // ВИ. 2002. № 8. С.60. Ср.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). С.174.
- ⁵¹⁹ Николай II. Дневники императора Николая II. С.577.
- ⁵²⁰ Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927. С.36-37.

- ⁵²¹ Совещание губернаторов в 1916 г. С.158.
- ⁵²² Журналы № 52, 56, 58, 60, 62, 64, 65, 67, 68, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 80, 81 и 83 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 2, 16, 23 и 30 марта, 6, 20, 23 и 30 апреля, 4, 18, 25 и 28 мая, 1, 4, 8, 15, 18 и 25 июня 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. С.135,164,181,196,210,227,236,237,253,262,263,295,308,315,323,332,339,347,353,354,361,375.
- ⁵²³ Совещание губернаторов в 1916 г. С.167.
- ⁵²⁴ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 гг. // ВИ. 1996. № 7. С.118.
- ⁵²⁵ Записка Московского охранного отделения о Всероссийских земском и городском союзах и военно-промышленных комитетах // Буржуазия накануне Февральской революции. С.150.
- ⁵²⁶ Сазонов С.Д. Указ. соч. С.357; «Успокоения нечего ожидать». С.32-33.
- ⁵²⁷ Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 11. С.129. См. также: Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С.288-290.
- ⁵²⁸ Поливанов А.А. Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 11. С.135.
- ⁵²⁹ Лемке М.К. Указ. соч. С.635.
- ⁵³⁰ Особый журнал Совета министров 7 апреля 1916 г. «По вопросу о приеме английских и французских представителей печати, выразивших желание посетить Россию» // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.107. Л.75-76.
- ⁵³¹ Докладная записка по поводу выписки из письма Н.Н.Тихановича-Савицкого Н.Н.Родзевичу от 14 апреля 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Оп.113. Л.25-27 об.
- ⁵³² Записи заседаний Совета министров 15 и 29 апреля и 13 мая 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.328,332,337.
- ⁵³³ А.В.Степанов — А.И.Пильцу. 24 и 31 мая 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.105.
- ⁵³⁴ Д.С.Шуваев — И.Н.Лодыженскому. 29 марта 1916 г.; С.Д.Сазонов — И.Н.Лодыженскому. 31 марта 1916 г.; И.К.Григоревич — И.Н.Лодыженскому. 1 апреля 1916 г.; А.Н.Наумов — И.Н.Лодыженскому. 16 мая 1916 г.; П.Н.Игнатьев — И.Н.Лодыженскому. 6 апреля 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1249. Л.2,16-16 об.,18,20,26,27.
- ⁵³⁵ Совещание губернаторов в 1916 г. С.151.
- ⁵³⁶ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.353; Допрос генерала Е.К.Климовича. 19 марта 1917 г. // Там же. Т.1. С.61.
- ⁵³⁷ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.353.
- ⁵³⁸ Допрос генерала Е.К.Климовича. 19 марта 1917 г. // Там же. Т.1. С.61,62.
- ⁵³⁹ Совещание губернаторов в 1916 г. С.147,149; Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.122.
- ⁵⁴⁰ Справка о расходах Земского и Городского союзов // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1268. Л.6 об.
- ⁵⁴¹ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.353.
- ⁵⁴² А.И.Маликов — И.Н.Лодыженскому. 3 июня 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1268. Л.2 об.
- ⁵⁴³ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.353.
- ⁵⁴⁴ Совещание губернаторов в 1916 г. С.147.
- ⁵⁴⁵ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.244.
- ⁵⁴⁶ «Борьба наша проиграна». С.70.
- ⁵⁴⁷ Записка правых о внутренней политике // Утро России. 1916. 25 июня.
- ⁵⁴⁸ Совещание губернаторов в 1916 г. С.158.
- ⁵⁴⁹ Записка о военно-промышленных комитетах // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.738. Л.9.
- ⁵⁵⁰ Показания А.Н.Наумова. 8 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.403.
- ⁵⁵¹ Проект Особого журнала 18 июня 1916 г. «О некоторых мерах в отношении военно-промышленных комитетов» // РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.348. Л.130-132.
- ⁵⁵² Протокол заседания Совета министров 18 июня 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.424,425.
- ⁵⁵³ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.338.
- ⁵⁵⁴ Журнал № 81 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 18 июня 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. С.356,357.
- ⁵⁵⁵ Протокол заседания Совета министров 24 июня 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.345.
- ⁵⁵⁶ Всеподданнейший доклад Б.В.Штюрмера. 21 июня 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.348. Л.191; Особый журнал Совета министров 18 и 24 июня 1916 г. «О некоторых мерах в отношении военно-промышленных комитетов» // Там же. Л.182.
- ⁵⁵⁷ Общее положение к июлю 1916 г. Записка Департамента полиции // Былое. 1918. № 3. С.26.
- ⁵⁵⁸ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.145.
- ⁵⁵⁹ Журналы № 84, 85, 93, 98, 99, 101, 102, 104, 106, 109, 112, 115, 116, 117 и 119 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 29 июня, 2

июля, 3, 24 и 27 августа, 3, 7, 14 и 21 сентября, 1, 12, 22, 26 и 29 октября и 5 ноября 1916 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. С.383,389,445,482,490,501,508,524,539,566,588,615,624,638,669.

- ⁵⁶⁰ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.136.
- ⁵⁶¹ Всеподанный доклад Б.В.Штюрмера. Не ранее 1 ноября 1916 г. Черновик // РГИА. Ф.1276. Оп.8. Д.12. Л.84-84 об.
- ⁵⁶² Шифрованная телеграмма начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции. 26 июля 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.111.
- ⁵⁶³ Письма Гучкова к генералу Алексееву // ПР. 1926. Кн. 5-6. С.222.
- ⁵⁶⁴ Коренев С.А. Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // АРР. 1922. Т.7. С.18.
- ⁵⁶⁵ Оболенский А.В. Мои воспоминания // Возрождение. 1955. Тетр.48. С.102,103.
- ⁵⁶⁶ Александра Федоровна — Николаю II. 18 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.558.
- ⁵⁶⁷ Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.63. С.150.
- ⁵⁶⁸ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.159-160.
- ⁵⁶⁹ Сообщение газеты «Русское слово» от 30 июня 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.111.
- ⁵⁷⁰ Д.С.Шуваев — Б.В.Штюрмеру. 9 и 12 июля 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1276. Л.1,11.
- ⁵⁷¹ Запись заседания Совета министров 12 августа 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.352.
- ⁵⁷² Допрос А.А.Хвостова. 12 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.462-463.
- ⁵⁷³ Д.С.Шуваев — Б.В.Штюрмеру. 9 и 13 октября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1276. Л.14,16,22.
- ⁵⁷⁴ Сообщение газеты «Утро России» от 23 августа 1916 г. // Правые партии. Т.2. С.566.
- ⁵⁷⁵ Рептильный фонд 1914—1916 г. // КА. 1925. Т.10. С.340-342.
- ⁵⁷⁶ Допрос генерала Е.К.Климовича. 19 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.74,75.
- ⁵⁷⁷ Показания А.Д.Протопопова // Там же. Т.4. С.114.
- ⁵⁷⁸ Полнер Т.И. Указ. соч. С.266-267,270.
- ⁵⁷⁹ Совещание губернаторов в 1916 г. С.160.
- ⁵⁸⁰ Всеподанный доклад Б.В.Штюрмера. Не ранее 1 ноября 1916 г. Черновик // РГИА. Ф.1276. Оп.8. Д.12. Л.84-84 об.
- ⁵⁸¹ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.352.
- ⁵⁸² Допрос А.А.Хвостова. 12 июля 1917 г. // Там же. С.461.
- ⁵⁸³ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Там же. С.309.
- ⁵⁸⁴ Допрос А.А.Хвостова. 12 июля 1917 г. // Там же. С.461.
- ⁵⁸⁵ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Там же. С.352; Допрос А.А.Хвостова. 12 июля 1917 г. // Там же. С.461.
- ⁵⁸⁶ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Там же. С.309,310.
- ⁵⁸⁷ Савич Н.В. Указ. соч. С.211,290.
- ⁵⁸⁸ Всеподанный доклад Б.В.Штюрмера. Не ранее 1 ноября 1916 г. Черновик // РГИА. Ф.1276. Оп.8. Д.12. Л.84-84 об.
- ⁵⁸⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 15 марта 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.405.
- ⁵⁹⁰ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.152.
- ⁵⁹¹ Александра Федоровна — Николаю II. 7 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.545.
- ⁵⁹² Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.152,153.
- ⁵⁹³ Справка о восполнениях, назначенных из Государственного казначейства общественным организациям по призрению раненых и больных воинов. 24 сентября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1249. Л.55-57; Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.113.
- ⁵⁹⁴ Савич Н.В. Указ. соч. С.211,290.
- ⁵⁹⁵ Запись беседы с Н.С.Чхеидзе // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.88.
- ⁵⁹⁶ Савич Н.В. Указ. соч. С.211,290.
- ⁵⁹⁷ Лопухин В.В. Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел // ОР РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.765. Л.397.
- ⁵⁹⁸ Савич Н.В. Указ. соч. С.211,290. См. также: Воейков В.Н. Указ. соч. С.111.
- ⁵⁹⁹ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.114-115.
- ⁶⁰⁰ Александра Федоровна — Николаю II. 26 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.575.
- ⁶⁰¹ Всеподанный доклад Б.В.Штюрмера. 5 октября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1796. Л.17.
- ⁶⁰² Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.158.
- ⁶⁰³ Стремухов П.П. Указ. соч. С.129.
- ⁶⁰⁴ О внешней политике России во время премьерства Б.В.Штюрмера и пребывания его на посту министра иностранных дел см.: Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской

революции; он же. Мировая война: политика России в 1916-м — феврале 1917 г. // История внешней политики России. Конец XIX — начало XX (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. См. также: Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957.

- ⁶⁰⁵ Евлогий (Георгиевский В.С.). Путь моей жизни. М., 1994. С.256.
- ⁶⁰⁶ Марченко М.К. Дневник // РГВИА. Ф.80. Оп.1. Д.1. Л.9.
- ⁶⁰⁷ Лемке М.К. Указ. соч. С.808.
- ⁶⁰⁸ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.340.
- ⁶⁰⁹ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // Там же. Т.6. С.208-209.
- ⁶¹⁰ Запись заседания Совета министров 14 июня // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.340.
- ⁶¹¹ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.208-209.
- ⁶¹² Макалов В.А. Указ. соч. С.264.
- ⁶¹³ Игнатъев П.А. Моя миссия в Париже. М., 1999. С.110-111.
- ⁶¹⁴ Руднев В.М. Указ. соч. С.287.
- ⁶¹⁵ Председатель Совета министров Б.В.Штюрмер о современном положении // Новое время. 1916. 20 января.
- ⁶¹⁶ Совещание губернаторов в 1916 г. С.168.
- ⁶¹⁷ Подробнее об этом см.: Ганелин Р.Ш. Странники сепаратного мира с Германией в Царской России // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С.140-143. О проблеме сепаратного мира и ее историографии см.: Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. С.232-295.
- ⁶¹⁸ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. В 2-х кн. М., 1993. Кн.1. С.188.
- ⁶¹⁹ Там же. С.157-158.
- ⁶²⁰ Ганелин Р.Ш. Странники сепаратного мира с Германией в Царской России. С.143.
- ⁶²¹ Докладная записка по вопросу об учреждении Канцелярии по политическим вопросам при Его высокопревосходительстве г. председателе Совета министров. Не позднее 16 августа 1916 г. // РГИА. Ф.1629. Оп.1. Д.35. Л.1-2.
- ⁶²² Евлогий. Указ. соч. С.257.
- ⁶²³ Бьюкенен Д.У. Мемуары дипломата. М., 1991. С.176.
- ⁶²⁴ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.139.
- ⁶²⁵ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.53.
- ⁶²⁶ Миллица Николаевна — А.В.Кривошеину. 6 февраля 1915 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.289. Л.7 об.
- ⁶²⁷ Запись заседания Совета министров 21 июня 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.344.
- ⁶²⁸ Татищев Б.А. Указ. соч. С.116.
- ⁶²⁹ Путилов А.С. Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.22 об.
- ⁶³⁰ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн.1. С.54.
- ⁶³¹ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.282.
- ⁶³² Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн.1. С.56.
- ⁶³³ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.142.
- ⁶³⁴ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.212.
- ⁶³⁵ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.149-150.
- ⁶³⁶ Бьюкенен Д.У. Указ. соч. С.179.
- ⁶³⁷ Допрос Б.В.Штюрмера. 14 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.188.
- ⁶³⁸ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // Там же. Т.6. С.213.
- ⁶³⁹ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн.1. С.202.
- ⁶⁴⁰ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.283.
- ⁶⁴¹ Татищев Б.А. Указ. соч. С.119-120.
- ⁶⁴² «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне // Источник. 1998. № 4. С.14.
- ⁶⁴³ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.285.
- ⁶⁴⁴ Мосолов А.А. Указ. соч. С.166.
- ⁶⁴⁵ Татищев Б.А. Указ. соч. С.120.
- ⁶⁴⁶ Мосолов А.А. Указ. соч. С.243-244.
- ⁶⁴⁷ Татищев Б.А. Указ. соч. С.120-121.
- ⁶⁴⁸ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн.1. С.47.
- ⁶⁴⁹ Татищев Б.А. Указ. соч. С.120-121.
- ⁶⁵⁰ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн.1. С.298.
- ⁶⁵¹ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.142.
- ⁶⁵² Показания С.П.Белеского // Падение царского режима. Т.4. С.527.
- ⁶⁵³ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Там же. Т.1. С.227.
- ⁶⁵⁴ Допрос Б.В.Штюрмера. 14 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.182.
- ⁶⁵⁵ Н.А.Базил — Н.Н.Покровскому. 26 февраля 1917 г. // Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. В 2-х т. М., 1926. Т.2. С.391.

- ⁶⁵⁶ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.147-148.
- ⁶⁵⁷ Допрос Б.В.Штюрмера. 14 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.182.
- ⁶⁵⁸ Русско-английские трения 1916 г. // Монархия перед крушением. С.13.
- ⁶⁵⁹ Допрос Б.В.Штюрмера. 14 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.182.
- ⁶⁶⁰ *Быюкенин Д.У.* Указ. соч. С.183.
- ⁶⁶¹ Б.В.Штюрмер — дипломатическим представителям России. 3 ноября 1916 г. // Константинополь и проливы. Т.2. С.383.
- ⁶⁶² *Быюкенин Д.У.* Указ. соч. С.183.
- ⁶⁶³ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.527.
- ⁶⁶⁴ *Стремоухов П.П.* Указ. соч. С.138.
- ⁶⁶⁵ *Михайловский Г.Н.* Указ. соч. Кн.1. С.188.
- ⁶⁶⁶ Б.В.Штюрмер — А.К.Бенкендорфу, М.Н.Гирсу и А.И.Извольскому. 26 июля 1916 г. // Царская Россия в мировой войне. Л., 1923. Т.1. С.222,223.
- ⁶⁶⁷ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.527.
- ⁶⁶⁸ *Жильяр П.* Указ. соч. С.129.
- ⁶⁶⁹ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.99,142,149. Подробнее об отношениях Антанты и Греции в 1916 г. см.: *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. 1914—1918 гг. М., 1990.
- ⁶⁷⁰ В январе и феврале 1917 г. С.114.
- ⁶⁷¹ Малоизвестный источник по истории кризиса верхов накануне Февральской революции (из дневника С.Д.Протопопова) // СА. 1985. № 1. С.56.
- ⁶⁷² Из истории борьбы в верхах... С.167.
- ⁶⁷³ Русско-английские трения 1916 г. // Монархия перед крушением. С.17.
- ⁶⁷⁴ В январе и феврале 1917 г. С.114.
- ⁶⁷⁵ Допрос А.А.Нератова. 24 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.208-209,210,218.

ГЛАВА III

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ВО ВРЕМЯ «ШТУРМА ВЛАСТИ»

Конституционная монархия требует самоограничения не только властей, но и граждан. Она не дает простора необузданным честолюбиям. Поэтому она не приходится народу, который предпочитает анархическое своеволие разумному порядку. Если она при таких условиях падает, то это происходит оттого, что народ, не умеющий поддерживать умеренное правление, его не стоит.

Борис Чичерин. «Политика»

1. «Для умиротворения Думы».

Казус А.Д.Протопопова (сентябрь — ноябрь 1916 г.)

Осенью 1916 г. отношения бюрократической элиты и Думы зависели от расклада сил в кабинете.¹ К началу осени 6 министров составляли прогрессивную группу и столько же — группу их оппонентов. В сентябре последовало увольнение министра внутренних дел А.А.Хвостова и назначение управляющим МВД товарища председателя Думы А.Д.Протопопова.

Кроме того, в сентябре кабинет пополнил назначенный член Государственного совета Г.Е.Рейн. Он возглавил новое ведомство — главное управление государственного здравоохранения. Мысль о создании этого ведомства принадлежала царю. В отличие от Николая, верховный начальник санитарной и эвакуационной части принц А.П.Ольденбургский выступал за создание подобного управления после войны. В споре царя с принцем царица заняла сторону мужа.²

В сентябре дуалисты приобрели над парламентаристами большинство в один голос. Сохранение Николаем прогрессивной группы доказывало, что достижение компромисса с оппозицией на базе Основных законов было, с точки зрения царя, как и прежде, главной задачей внутренней политики. Но самым ярким доказательством этого стало появление в

кабинете А.Д.Протопопова. Он являлся левым октябристом и сторонником Прогрессивного блока.³ Тесные отношения А.Д.Протопопов поддерживал и с парламентаристами, прежде всего — с фактическим премьером А.В.Кривошеиным, а также с министром иностранных дел С.Д.Сазоновым, министром торговли и промышленности князем В.Н.Шаховским и военным министром генералом Д.С.Шуваевым.⁴ Современники и исследователи разделяли мнение о назначении А.Д.Протопопова по выбору Г.Е.Распутина.⁵ Но это мнение совершенно неосновательно.

Зимой 1915—1916 гг., проходя курс лечения в санатории доктора П.А.Бадмаева, А.Д.Протопопов познакомился там со старцем, которому понравился настолько, что тот, по просьбе П.А.Бадмаева, рекомендовал императору назначить А.Д.Протопопова председателем Совета министров. Однако Николай заявил, что А.Д.Протопопова «не знает», а потому «дело заглохло».⁶ Если бы Г.Е.Распутин действительно влиял на формирование правительства, то царь немедленно исполнил бы пожелание старца. Поскольку все обстояло иначе, возвышение А.Д.Протопопова предопределили другие факторы. Главным из них была Дума, которая выбрала А.Д.Протопопова в руководители заграничной делегации законодательных учреждений России.

Делегация в течение апреля—июня 1916 г. посещала союзные и нейтральные страны. Глава делегации буквально покорила иностранцев. Английский король Георг V написал Николаю письмо «с самой горячей рекомендацией» А.Д.Протопопову. Король подчеркивал, что думец «произвел как на него, так и на государственных деятелей Англии, впечатление человека, обладающего большой государственной мудростью».⁷ По признанию Николая, королевский отзыв оказался одной из трех причин выбора им А.Д.Протопопова. Другой причиной стало его выдвижение председателем Думы М.В.Родзянко на пост министра торговли и промышленности.⁸ Третьей причиной назначения А.Д.Протопопова были «хвалебные отзывы» о нем, исходившие от министра иностранных дел. Сообщив императору о возвращении делегации, С.Д.Сазонов рекомендовал «поближе познакомиться» с ее руководителем и «довериться» думцу, «как человеку, весьма подходящему для занятия ответственной государственной должности».⁹ С.Д.Сазонов исходатайствовал у Николая аудиенцию для А.Д.Протопопова, дав ему «наилучшую аттестацию».¹⁰

Встреча царя с думцем произошла 19 июля. Собеседник Николая произвел на него самое благоприятное впечатление.¹¹ После встречи монарх «лестно отзывался» о А.Д.Протопопове министру финансов П.Л.Барку.¹² Подразумевая А.Д.Протопопова, Николай сообщил Александре Федоровне, что «думает назначить его министром внутренних дел». «Тем более, что я, — подчеркивал император, — всегда мечтал о министре внутренних дел, который будет работать совместно с Думой».¹³ Мысль о переходе А.Д.Протопопова в МВД была не нова. Весной 1914 г., когда планировалось назначение преемником Н.А.Маклакова князя В.М.Волконского, А.Д.Протопопову, как другу князя, предназначался пост директора канцелярии министра внутренних дел.¹⁴

Летом 1916 г. старец, писал 2 августа дворцовому коменданту генералу В.Н.Воейкову князь М.М.Андроников, относился отрицательно к мини-

стру внутренних дел А.А.Хвостову. Однако Г.Е.Распутин выступал за назначение вместо А.А.Хвостова не А.Д.Протопопова, а кандидата Б.В.Штюрмера — председателя Особого комитета по борьбе с дороговизной князя Н.Л.Оболенского.¹⁵ Лишь после того как Александра Федоровна, находившаяся с 22 августа по 4 сентября в Ставке, узнала о желании супруга поставить во главе МВД А.Д.Протопопова и сообщила об этом Г.Е.Распутину, он тут же дистанцировался от кандидата Б.В.Штюрмера и всецело присоединился к царскому мнению.¹⁶ Поддержка, оказанная старцем замыслу монарха, могла не ускорить, а задержать его воплощение.

К осени 1916 г. Николай «более не доверял Распутину». Это продемонстрировало письмо царя супруге от 9 сентября.¹⁷ Но во время встречи с Николаем, состоявшейся 10 сентября, Б.В.Штюрмер сообщил о том, что 6 сентября лидеры оппозиции поручили М.В.Родзянко доложить императору «о необходимости образования нового кабинета в составе лиц, облеченных общественным доверием, а также о необходимости ускорить срок созыва Государственной думы».¹⁸ Следовательно, думцы по-прежнему настаивали на фактическом установлении парламентаризма. Чтобы нейтрализовать оппозиционность нижней палаты, не выходя за границы дуалистической системы, царь и пошел на назначение А.Д.Протопопова. «Я, — признавался сам Николай английскому послу 30 декабря 1916 г., — избрал господина Протопопова из рядов Думы с целью быть с ней в согласии».¹⁹

Сообщая Б.В.Штюрмеру 10 сентября о своем решении, Николай заявил: «Хвостов просил его уволить, так как я обещал, что он будет назначен временно министром внутренних дел. Я нашел ему заместителя — Протопопова».²⁰ Б.В.Штюрмер информировал о решении Николая товарища главноуправляющего Собственной канцелярией царя Н.А.Воеводского. Указы об увольнении А.А.Хвостова и назначении управляющим МВД А.Д.Протопопова Н.А.Воеводский представил Николаю 15 сентября, а 16 царь их подписал.²¹

Надежды Николая на то, что вручение А.Д.Протопопову министерского портфеля существенно улучшит отношения правительства и Прогрессивного блока, были тщетными. Назначение товарища председателя Думы руководителем МВД не понизило, а повысило оппозиционность нижней палаты, что вызвало у царя чувство искреннего недоумения. «Чего еще они от меня хотят? — говорил Николай по поводу реакции Думы на это назначение. — Я взял товарища председателя Государственной думы... Раз он был ими избран, значит, Дума ему доверяла и ценила его. Иностранная пресса в течение его поездки с Миллюковым и другими думскими выдвигала его преимущественно. Союзники от него в восторге... Кого мне было еще искать? Они не знают сами, чего хотят!»²²

Свою реакцию на назначение А.Д.Протопопова оппозиционеры мотивировали причастностью к этому назначению «темных сил», которые якобы выдвинули думца как сторонника сепаратного мира. Ведь А.Д.Протопопов и его коллега по делегации, выборный член Прогрессивного блока в Государственном совете граф Д.А.Олсуфьев, будучи в Стокгольме, беседовали с сотрудником посольства Германии в Швеции Ф.Варбургом, а он изложил германские условия мира. Но пресловутая встреча произошла по

инициативе не А.Д.Протопопова, а Д.А.Олсуфьева, разделявшего в годы войны германофильские и пацифистские взгляды.²³

Доказательством того, что при выдвижении А.Д.Протопопова мнение царицы и старца не имело значения, стала полная неудача, которую после появления А.Д.Протопопова во главе МВД потерпели попытки Александры Федоровны и Г.Е.Распутина повлиять на личный состав этого ведомства. Намерение А.Д.Протопопова уволить петроградского градоначальника князя А.Н.Оболенского соответствовало желанию царицы и старца. Вначале А.Д.Протопопов наметил на этот пост ялтинского градоначальника генерала А.И.Спиридовича, против которого выступила Александра Федоровна.²⁴ Она и Г.Е.Распутин хотели назначить бывшего московского градоначальника генерала А.А.Адрианова. Но против него выступил Николай.²⁵ Тогда А.Д.Протопопов поддержал кандидата В.М.Волконского — военного губернатора Амурской области генерала К.Н.Хагондокова. В пользу его назначения высказались Александра Федоровна и Г.Е.Распутин. Однако царь игнорировал их рекомендации. Зараженный массовым психозом, В.М.Волконский ошибочно полагал, что причиной провала кандидатуры К.Н.Хагондокова были царица и старец.²⁶ На самом деле Александра Федоровна не поддержала кандидата Б.В.Штюрмера — градоначальника Ростова-на-Дону генерала П.П.Мейера. Кроме того, с подачи Г.Е.Распутина она настаивала на назначении А.Н.Оболенского товарищем министра внутренних дел.²⁷ Но 25 октября А.Д.Протопопов уволил А.Н.Оболенского, не дав ему нового назначения, а 1 ноября сделал его преемником помощника варшавского обер-полицейстера генерала А.П.Балка, своего друга по 1-му кадетскому корпусу.²⁸

Помимо царицы и старца состоялось и привлечение к деятельности по МВД другого друга А.Д.Протопопова, генерала П.Г.Курлова. Первоначально А.Д.Протопопов хотел назначить генерала командиром Отдельного корпуса жандармов вместо генерала Д.Н.Татищева, а им заменить финляндского генерал-губернатора генерала Ф.А.Зейна. Против такой комбинации высказался Николай.²⁹ Поэтому проведению П.Г.Курлова на место командира Г.Е.Распутин помогал А.Д.Протопопову «неохотно». Старец говорил управляющему МВД о П.Г.Курлове: «Там наверху не очень его любят, надо подождать».³⁰ Тогда А.Д.Протопопов решил назначить П.Г.Курлова исполняющим обязанности товарища министра внутренних дел по Департаменту полиции. Доклад об этом император утвердил 23 октября.³¹

Едиственный случай выполнения А.Д.Протопоповым рекомендации представителя «безответственных влияний» был связан с назначением минским вице-губернатором зятя П.А.Бадмаева, непрямого члена минского губернского присутствия Е.И.Вишневого.³²

Современники противоречили реальности, когда не только верили в то, что А.Д.Протопопов являлся ставленником «темных сил», но и считали, будто на посту руководителя МВД он поправел. Эволюция А.Д.Протопопова оказалась относительной. Получив министерский портфель, недавний оппозиционер по-прежнему выступал за проведение либеральных реформ. После своего назначения А.Д.Протопопов заявил М.В.Родзянко: «Я надеюсь, что мне удастся что-нибудь изменить в положении вещей. Я уве-

рю вас, что государь готов на все хорошее, но ему мешают».³³ А.Д.Протопопов, как руководитель МВД, не отказался от осуществления тех положений программы Прогрессивного блока, сторонником которых являлся, будучи в оппозиции. На посту министра А.Д.Протопопов стремился к установлению свободы печати³⁴ и торговли,³⁵ дарованию еврейского равноправия,³⁶ распространению местного самоуправления,³⁷ созданию волостного земства,³⁸ проведению земельной реформы.³⁹

Таким образом, эволюция, затронувшая А.Д.Протопопова, не уничтожила его либерализма. Впрочем, из-за нее оппозиционный либерализм левого октябриста превратился в либерализм охранительный, нацеленный на сохранение дуалистической системы. Поэтому единственным пунктом расхождения А.Д.Протопопова с Прогрессивным блоком был вопрос о «министерстве доверия». Оно являлось, по его мнению, «скрытой формой ответственного перед Думой министерства».⁴⁰ А.Д.Протопопов, как один из лидеров оппозиции, в истинном значении идеи «министерства доверия» разбирался вполне компетентно.

Более того, А.Д.Протопопову было известно, что некоторые оппозиционеры, и прежде всего — А.И.Гучков, «искренно увлечены мыслью о перевороте».⁴¹ А.Д.Протопопов принадлежал к числу «политических друзей» А.И.Гучкова.⁴² Поэтому А.Д.Протопопов отлично представлял себе «не только общую картину думского революционного заговора», но и «все нити этого заговора, все извилистые тропинки, какие вели к свержению престола».⁴³ А.Д.Протопопов не сочувствовал заговорщикам. «Мысль делать переворот во время войны, — вспоминал он, — мне казалась чудовищной. Я надеялся, что это будет усвоено лидерами тех политических групп, с которыми я так много лет работал».⁴⁴ Надежда А.Д.Протопопова не оправдалась, особенно в отношении председателя ЦВПК. В конце июля 1916 г. А.Д.Протопопов дал А.И.Гучкову «весьма нелестную аттестацию», назвав его «великим разрушителем».⁴⁵

Поскольку введение парламентаризма радикальные оппозиционеры типа А.И.Гучкова рассматривали лишь как этап на пути к отречению Николая, А.Д.Протопопов находил образование «министерства доверия», а тем более «ответственного министерства», весьма опасным. По его мнению, создание «ответственного министерства», начав цепную реакцию, ведущую к дальнейшей внутренней дестабилизации, открыло бы двери революции.⁴⁶ Впрочем, неприятие А.Д.Протопоповым идеи «ответственного министерства» не было полным и абсолютным.

Возможность установления парламентаризма в иное время управляющий МВД допускал, думая, что сначала «весьма важно довести войну до конца», а затем «дать ответственное министерство».⁴⁷ Пока же, до окончания войны, ему «казалось полезным в известной мере развить существовавшую русскую конституцию».⁴⁸ Вместо введения парламентаризма А.Д.Протопопов хотел ограничиться другим: не политической, а судебной ответственностью министров по востановлению Думы «перед Сенатом или Особым присутствием Сената».⁴⁹ Теория государственного права начала XX в. трактовала введение судебной ответственности министров как переходный этап на пути к установлению их политической ответственности, т.е. парламентаризма. Про-

ект А.Д.Протопопова надо расценить как однозначно либеральный. Однако именно из-за либеральности проекта радикальная оппозиция, главенствовавшая в Думе, принять его не могла.

Несмотря на расхождение с нижней палатой по вопросу о парламентаризме, А.Д.Протопопов не терял надежды на соглашение с ней. Он попросил М.В.Родзянко устроить ему совещание с членами сеньорен-конвента Думы. Совещание состоялось 19 октября на квартире М.В.Родзянко. Его участниками стали, помимо А.Д.Протопопова и М.В.Родзянко, секретарь Думы И.И.Дмитрюков, кадеты П.Н.Милюков и А.И.Шингарев, прогрессист Б.А.Энгельгардт, октябристы граф Д.П.Капнист и В.И.Стемповский, земец-октябрист Н.В.Савич, члены фракции центра Н.Д.Крупенский и Д.Н.Сверчков, прогрессивные националисты Д.Н.Чихачев и В.В.Шульгин. А.Д.Протопопов попытался придти к соглашению с бывшими коллегами. «Я сам член Думы и привык работать с Думой, — заявил он. — Я был и останусь другом Думы». ⁵⁰ Однако думцы проигнорировали примирительные жесты управляющего МВД. На совещании «надеждам Протопопова, — не без некоторого самодовольства подчеркивал П.Н.Милюков, — был нанесен жестокий удар. Он был жалок, но мы его не пожалели». ⁵¹ Причины такого отношения вполне понятны. Переход на сторону правительства сторонника Прогрессивного блока символизировал не только нарушение партийной дисциплины, но и опровержение разделявшегося оппозиционерами мнения о том, что достижение компромисса между царем и Думой в рамках Основных законов невозможно. Казус А.Д.Протопопова делал демонтаж дуалистической системы бессмысленным. Если власть готова идти на такие уступки, то стоит ли с ней бороться?

Именно потому, что ближайшая цель оппозиции состояла в замене дуалистической системы парламентаризмом, А.Д.Протопопов, сознательно препятствовавший этому, обрек себя на то, чтобы сделаться объектом организованной думцами кампании по тотальному дискредитированию. Ее венчало объявление А.Д.Протопопова сумасшедшим, хотя диагноз оппозиции и был шит белыми нитками. ⁵² Дискредитирование А.Д.Протопопова стало мстью за его переход на сторону власти. Кроме того, по сведениям товарища председателя Думы С.Т.Варун-Секрета, назначение А.Д.Протопопова «открывало путь к созданию правительства доверия, но без левых — Милюкова и других», почему они и «восстали» против этого назначения. ⁵³

В кадетях и А.Д.Протопопов, и Николай видели своих основных политических конкурентов. Не случайно, что 28 сентября во время первого всеподданнейшего доклада управляющего МВД его разговор с императором вертелся вокруг следующего тезиса: «Кадеты — главная опасность: умные и организованные». ⁵⁴ Вскоре после своего назначения А.Д.Протопопов сообщил М.В.Родзянко, что в Ставке, где находился Николай, планируется назначение председателя Думы премьером и министром иностранных дел. ⁵⁵ М.В.Родзянко отказался от этого предложения, выставив неприемлемые условия. Поведение председателя Думы кажется, на первый взгляд, непонятным. Ведь в начале осени он несколько раз говорил П.Л.Барку о необходимости «скорейшего образования» «министерства доверия», не скрывая своего желания стать во главе такого министерства. ⁵⁶

Отказ М.В.Родзянко объяснялся тем, что к концу сентября на идее соглашения с Николаем лидеры оппозиции окончательно поставили крест. Именно в это время у члена ЦВПК М.М.Федорова состоялись два совещания, участниками которых были руководители Прогрессивного блока в Думе (И.В.Годнев, В.Н.Львов, П.Н.Милюков, Н.В.Некрасов, М.В.Родзянко, С.И.Шидловский и А.И.Шингарев) и Государственном совете (А.И.Гучков), а также товарищ председателя ЦВПК М.И.Терешенко. ⁵⁷ Участники совещаний решили низложить Николая и заменить его цесаревичем Алексеем, назначив регентом великого князя Михаила Александровича. Следовательно, с точки зрения участников совещаний, «министерство доверия» и «ответственное министерство», перестав быть самостью, превращались исключительно в средства свержения монарха.

Всю ответственность за разработку и выполнение плана переворота взял на себя А.И.Гучков, с тем чтобы «не подвергать риску других руководителей блока, присутствовавших на встрече, особенно Родзянко. Однако, — по сведениям А.Ф.Керенского, не заинтересованного в преувеличении революционности буржуазных политиков, — решение об осуществлении переворота Гучков принял не в одиночку, а вместе с другими руководителями Блока». ⁵⁸

М.В.Родзянко, не будучи членом заговорщической группы А.И.Гучкова, посвящался им во все намерения группы. Сам А.И.Гучков относил председателя Думы к одному из главарей заговора. ⁵⁹ Идти в правительство царя, который намечался к устранению, М.В.Родзянко не имело смысла. Вернее, имело смысл, но только в том случае, если бы его нахождение на посту премьера могло быть использовано заговорщиками для свержения Николая. Между тем этому препятствовало пребывание в кабинете А.Д.Протопопова.

Не будь у управляющего МВД тесного общения с императором, отношение А.Д.Протопопова к заговору, вероятно, осталось бы нейтральным. Однако, подпав под силу личного обаяния Николая, недавний оппозиционер занял сугубо верноподданническую позицию. ⁶⁰ Именно она сделала для А.Д.Протопопова невозможным сотрудничество с участниками заговора. «Вы, — заявил он 19 октября лидерам оппозиции, — хотите потрясений, перемены режима — но этого вы не добьетесь, тогда как я понемногу, кое что могу сделать». ⁶¹ «Я не позволю, — говорил управляющий МВД Г.Е.Рейну, — чтобы моего царя поставили на колени в Успенском соборе и заставили отречься от престола». ⁶² Отказ А.Д.Протопопова от сотрудничества с лидерами оппозиции в подготовке свержения царя стал еще одной причиной разрывания ими кампании по дискредитированию управляющего МВД. Оппозиционеры боялись А.Д.Протопопова как «человека, знающего много лишнего». ⁶³ Поэтому они решили «затравить его, признав сумасшедшим, для того, чтобы обесценить его разоблачения». ⁶⁴

Антипротопоповская кампания вызывала у Николая возмущение. Однажды, ударив рукою по столу, он воскликнул: «Протопопов был хорош и даже был выбран Думой и Родзянко делегатом за границу; но стоило мне назначить его министром, как он считается сумасшедшим!» ⁶⁵ Отношение Думы к управляющему МВД не способствовало смягчению

отношения к ней Николая. Когда 9 октября Б.В.Штюмер зачитал императору посланное за три дня до этого письмо М.В.Родзянко премьеру, содержащее просьбу о созыве Думы «ранее 1 ноября», монарх ответил «категорическим отказом».⁶⁶

На представлении М.В.Родзянко об аудиенции Николай написал: «Поручаю председателю Совета министров передать председателю Государственной думы, что он может быть принят по возобновлении занятий Думы и только с докладом по вопросам, касающимся ее сессии».⁶⁷ Тем не менее в целом, невзирая на бескомпромиссность оппозиции, отношение к ней царя и правительства продолжало оставаться примирительным. Обрисовывая ситуацию, предшествовавшую ноябрьской сессии Думы, даже П.Н.Миллюков указывал на то, что правительство «принимало те или другие меры к смягчению ожидаемого конфликта».⁶⁸

Примирительные настроения правительства имели тем большее значение, что премьер и его единомышленники хорошо понимали: в интересах отстаивания существовавшего порядка наиболее желательным исходом явился бы досрочный роспуск нижней палаты, произведенный до окончания войны. Мотивировку такого мнения содержала записка, написанная идеологом дуалистической системы И.Я.Гурляндом и датированная 5 сентября. И.Я.Гурлянд констатировал, что от отношений правительства и Думы «к моменту окончания войны зависит в огромной мере вопрос самого бытия государства: суждено ли России сохранить создавший ее самодержавный монархический строй или же ей придется вступить на чуждый ей путь парламентаризма с вытекающим из него распадением нашей разноплеменной родины». «Конечно, — отмечалось далее, — наиболее желательным и вернее обеспечивающим успех явилось бы производство выборов не в октябре 1917 г., а в январе 1917 г., т.е. преждевременный роспуск Думы».⁶⁹ Сознывая это, премьер, однако, был настроен умеренно.

Б.В.Штюмер отдавал явное предпочтение не роспуску нижней палаты, а объявлению закрытыми для публики тех заседаний Думы, которые грозили ознаменоваться оппозиционными выступлениями. «Правительство, — подчеркивал Б.В.Штюмер во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 9 октября, — располагает только одним средством для борьбы с необузданностью речей: оно может требовать слушания дела при закрытых дверях». Сообщив, что вопрос о закрытии дверей будет внесен на обсуждение Совета министров, Б.В.Штюмер заключал: «В случае невозможности этим путем удержать противоправительственные демонстрации в Государственной думе, останется прибегнуть к ее закрытию».⁷⁰ Теоретичность последнего вывода была очевидна не только для премьера, но и для других дуалистов. Некоторые из них, понимая, что мишенью оппозиционных выступлений окажется Б.В.Штюмер, намеревались использовать это в своих целях.

По окончании состоявшейся 6 октября беседы А.Ф.Трепова с Ж.М.Палеологом, который развивал тезис об «измене» Б.В.Штюмера, его сомнительный соратник не только не опроверг аргументы французского посла, но и заявил ему: «Через несколько дней я опять увижу императора. Разрешите вы мне передать ему наш разговор? Я повторю ему слово в

слово... Вы понимаете, как важно все, что мы сейчас говорили? Наша беседа будет иметь, может быть, важные последствия».⁷¹ Политическое поведение А.Ф.Трепова зависело не только от его личных воззрений, но и от наличия в кабинете прогрессивной группы. Ее члены сообразовывали свои действия не с премьером, а с оппозицией.

Дальнейшее усиление роли группы, происходившее параллельно с углублением раскола внутри прослойки ее оппонентов, содействовало парламентаризации верховного управления. Это показало рассмотрение кабинетом вопроса о передаче продовольственного снабжения из Министерства земледелия в МВД. На заседании правительства 15 октября против подобного решения, предложенного А.Д.Протопоповым, выступил только один член прогрессивной группы — министр народного просвещения граф П.Н.Игнатьев. Но вот начала свою работу бюджетная комиссия Думы, высказавшаяся, в пику А.Д.Протопопову, за сохранение прежнего положения, — и уже через неделю, на заседании правительства 22 октября, парламентаристы под влиянием Думы провалили предложение А.Д.Протопопова. «Бюджетная комиссия Думы, — вспоминал он, — высказалась против передачи; голосование Совета министров тоже изменилось, и в половине октября уже меньшинство министров было за передачу».⁷²

В пользу передачи, помимо А.Д.Протопопова, выступили четверо дуалистов (А.А.Макаров, Г.Е.Рейн, А.Ф.Трепов и Б.В.Штюмер) и один член прогрессивной группы (Н.Н.Покровский), против — семь министров, в том числе пятеро членов этой группы (П.Л.Барк, И.К.Григорович, П.Н.Игнатьев, В.Н.Шаховской и Д.С.Шуваев). Под влиянием Думы от передачи продовольственного дела в МВД отказались не только парламентаристы, но также А.Д.Протопопов и Б.В.Штюмер, несмотря на то, что с ними, вопреки мнению большинства, согласился Николай. Такая быстрая метаморфоза была вызвана нежеланием кабинета провоцировать нижнюю палату на антиправительственные выступления, которые могли поставить на повестку дня вопрос о роспуске Думы.⁷³

Принципиальное нежелание правительства воспользоваться роспуском Думы для борьбы с оппозицией заявило о себе и на исходе октября, когда П.Н.Крупенский сообщил Б.В.Штюмеру проект декларации Прогрессивного блока с обвинениями власти в «измене». Если бы премьер являлся сторонником роспуска нижней палаты, то не пытался бы препятствовать оглашению радикальной редакции декларации, поскольку эта редакция, развязывая правительству руки, давала ему моральное право для окончательного разрыва с оппозицией. Но поскольку подобного исхода Б.В.Штюмер не хотел, он повел себя иначе. Когда во время проходившего на квартире премьера заседании кабинета министры узнали содержание декларации, то она «всех возмутила»,⁷⁴ т.е. даже членов прогрессивной группы. Считая, что употребление слова «измена» сделает невозможными дальнейшие отношения правительства и нижней палаты, министры постановили просить М.В.Родзянко и лидеров оппозиции «вычеркнуть это слово, так как иначе бы пришлось Думу распустить».⁷⁵

Вести переговоры с председателем нижней палаты правительство поручило П.Н.Игнатьеву, а с лидерами оппозиции — Н.Н.Покровскому.⁷⁶

Встреча П.Н.Игнатьева с М.В.Родзянко произошла 30 октября. П.Н.Игнатев сообщил о просьбе кабинета вычеркнуть слово «измена» во избежание полного роспуска Думы. М.В.Родзянко своему собеседнику «ничего определенного» обещать «не мог». Тем не менее в окончательном варианте декларации, зачитанном октябристом С.И.Шидловским 1 ноября 1916 г., это слово было опущено, хотя косвенное обвинение власти в «измене» думцы сохранили.⁷⁷

Н.Н.Покровский «от всей души» хотел наладить отношения с оппозицией.⁷⁸ Он встретился с прогрессистом А.С.Постниковым и кадетом А.И.Шингаревым. В ответ на слова государственного контролера о том, «какие ужасные последствия может вызвать революционный взрыв в такую минуту», они «обещали воздействовать» на своих коллег «в целях успокоения».⁷⁹

Параллельно Б.В.Штюрмер попытался воздействовать на М.В.Родзянко. В письме председателю Думы от 31 октября, подчеркнув, что «при исключительных условиях переживаемого военного времени возбуждение в открытом заседании Думы некоторых вопросов может оказаться противоречащим интересам государственной обороны», премьер «покорнейше просил» адресата, на случай, если он сочтет «оглашение таковых внеочередных заявлений допустимым, сделать распоряжение об объявлении заседания закрытым». Содержание послания было корректным настолько, что не давало никаких оснований для предположений о том, что его получение может хоть как-то задеть М.В.Родзянко. Однако подобные предположения все-таки возникли. Поэтому никакого письма от премьера председатель Думы не получил. Оно, согласно помете управляющего делами Совета министров И.Н.Лодыженского, «осталось не посланным».⁸⁰

Не желая раздражать М.В.Родзянко официальной просьбой о проведении заседаний Думы при закрытых дверях, Б.В.Штюрмер обратился к нему в частном порядке. Но во время встречи с М.В.Родзянко премьер услышал: «Имейте в виду: Дума не будет с вами работать!»⁸¹

Игнорируя отрицательное отношение к нему Думы, Б.В.Штюрмер по-прежнему стремился предотвратить окончательный разрыв между правительством и законодательными учреждениями. Доказательством этого явился его всеподданнейший доклад от 31 октября. Бескомпромиссность оппозиции заставляла Б.В.Штюрмера, несмотря на всю его «спокойную благожелательность», учитывать и в этом докладе, в качестве возможного исхода конфликта между правительством и Прогрессивным блоком, роспуск нижней палаты. Но примирительное настроение Б.В.Штюрмера, отразившееся даже в докладе от 31 октября, обусловило и примирительный характер наложенной на него царской резолюции: «Надеюсь, что только крайность заставит прибегнуть к роспуску Государственной думы».⁸²

Казалось бы, как неслыханную крайность можно было расценить выступление П.Н.Милюкова, прозвучавшее 1 ноября, в день открытия сессии законодательных палат, и содержавшее безосновательное обвинение царицы, премьера и Г.Е.Распутина в измене. Выступление лидера кадетов имело тем большее значение, что содействовало радикализации габитусов не только депутатов, но и бюрократов. По причине взаимопрот-

никновения бюрократической элиты и российской интеллигенции они к этому времени напоминали сообщающиеся сосуды, так что настроения первой отражали настроения второй.⁸³

Нежелание идти первым на окончательный разрыв с Думой было характерно для премьера даже тогда, когда невозможность его компромисса с оппозицией стала бесспорной. На состоявшемся вечером 1 ноября заседании правительства Б.В.Штюрмер заявил себя противником роспуска Думы. Премьер отметил, что «стесняется» (!) поднимать вопрос о роспуске, не желая давать повода «к упреку за то, что возбуждает этот вопрос из личных чувств».⁸⁴ Ментальность представителей правительственного либерализма была такова, что даже в критические моменты государственной жизни соображения политической целесообразности не застилали перед ними правил элементарной порядочности, чего нельзя сказать о П.Н.Милюкове. В своей ноябрьской речи, наполненной заведомо непроверенными данными, он обошелся с этими правилами намного более свободно.⁸⁵

П.Н.Игнатев позднее вспоминал, что после выступления премьера только управляющий МВД высказался «решительно за роспуск Думы».⁸⁶ В действительности А.Д.Протопопов являлся противником роспуска. В конце октября он поручил генералу П.Г.Курлову выяснить состояние войск петроградского гарнизона. П.Г.Курлов переговорил с начальником войсковой охраны столицы генералом А.Н.Чебыкиным и его помощником полковником В.И.Павленковым. Военные заявили о «полном благополучии в войсках». Тем не менее П.Г.Курлов пришел к выводу, что «правительство рассчитывать на твердую поддержку гарнизона не может», поскольку в частях «почти не было кадровых офицеров, в рядах их находились в большом количестве распропагандированные местные рабочие и дисциплина соблюдалась крайне слабо». На совещании, в котором приняли участие А.Д.Протопопов, П.Г.Курлов, товарищи министра В.М.Волконский и В.А.Балъз, П.Г.Курлов заявил, что о роспуске Думы «не может быть и речи». Мнение генерала нашло полное сочувствие со стороны товарищей министра.⁸⁷ Поэтому вечером 1 ноября высказываться за роспуск нижней палаты А.Д.Протопопов не мог. Еще менее хотел роспуска премьер, который высказался за то, чтобы «сделать попытку склонить Думу к более спокойному настроению и уверить ее, что правительство искренно желает работать совместно с нею».⁸⁸

По предложению П.Н.Игнатьева, поддержанному А.Ф.Треповым, выступить от имени правительства в Думе было поручено И.К.Григоровичу и Д.С.Шуваеву, т.е. министрам, с которыми Дума «еще готова иметь дело».⁸⁹ Правительству казалось, что они «скорее других затронут патристические чувства членов Государственной думы и достигнут желаемого результата».⁹⁰ Предлагаю И.К.Григоровича, П.Н.Игнатев метил дальше, надеясь обеспечить назначение адмирала премьером. Из числа претендентов на наследие Б.В.Штюрмера — И.К.Григорович, А.В.Кривошеин и А.Ф.Трепов — наиболее желательным кандидатом оппозиционеры считали первого из них.⁹¹ Выдвижение парламентаристами адмирала не ускользнуло от внимания царицы. «Григорович великолепен на своем мес-

те, — сообщала она мужу, подразумевая пост премьера, — другие и Игнатьев подстрекают его занять этот пост, для которого он непригоден». ⁹² Сам И.К.Григорович полагал иначе, а потому в начале ноября, подготавливая почву для создания своего кабинета, заявил лидеру Прогрессивного блока Н.В.Савичу, что «громадное большинство министров не солидарно со Штюмером, дни власти которого уже сочтены». Из беседы с адмиралом Н.В.Савич понял, что «возможно создание министерства, пользующегося доверием большинства Думы». ⁹³

Помимо делегирования Д.С.Шуваева и И.К.Григоровича в нижнюю палату, Совет министров уполномочил Б.В.Штюмера обратиться к М.В.Родзянко по поводу упоминания П.Н.Милюковым имени Александры Федоровны. ⁹⁴ Одновременно Б.В.Штюмер послал М.В.Родзянко другое письмо, в котором попросил доставить ему копию нецензурированной стенограммы речи П.Н.Милюкова. Она содержала, по мнению премьера, «личные выпады» против него, «закрывающие в себе явные признаки клеветы». ⁹⁵ Б.В.Штюмер хотел использовать копию для подачи на П.Н.Милюкова в суд. После революции М.В.Родзянко утверждал, что в ответном письме премьеру отказался от удовлетворения его просьбы. Позднее М.В.Родзянко признал, что вместе с письмом Б.В.Штюмеру послал и «полную стенограмму речи Милюкова». ⁹⁶

Получив письмо председателя Думы, премьер «очень обиделся». ⁹⁷ Но не настолько, чтобы пойти на роспуск нижней палаты. Поэтому он выступил инициатором немедленного наложения репрессалий не на Думу, а лишь на одного М.В.Родзянко. Царице Б.В.Штюмер заявил, что М.В.Родзянко, имевшего звание камергера, «следовало бы лишить придворного мундира», а министру двора графу В.Б.Фредериксу поручил вынести председателю Думы «выговор». Но граф «не понял» Б.В.Штюмера и написал М.В.Родзянко, чтобы «он, — информировала царица мужа, — в будущем не допускал ничего подобного». ⁹⁸ На самом деле посланное 2 ноября по соглашению с премьером официальное письмо министра двора председателю Думы было выдержано в просительных тонах. ⁹⁹

Официальное ответное письмо М.В.Родзянко датировано 4 ноября. Как сообщал В.Б.Фредерикс во всеподданнейшем докладе двумя днями позже, оно было написано «в весьма резкой форме». ¹⁰⁰ Одновременно с посылкой резкого письма, написанного для того, чтобы, по мнению В.Б.Фредерикса, «быть показанным в кулуарах Думы», ее председатель, как бывший подчиненный графа по Конногвардейскому полку, отправил ему частное письмо, содержащее оправдания. ¹⁰¹

В итоге крайним оказался только лидер кадетов. На заседании правительства, проходившем 3 ноября под председательством А.Ф.Трепова, а не Б.В.Штюмера (решившего снова продемонстрировать свою шепетильность), был принят особый журнал «О возбуждении уголовного преследования за клевету против члена Государственной думы Милюкова», утвержденный царем 9 ноября. ¹⁰² Предположением о возбуждении против П.Н.Милюкова уголовного дела воинственность Б.В.Штюмера себя исчерпала.

Во всеподданнейшем докладе от 3 ноября премьер уверял императора, что роспуска Думы возможно избежать. «Быть может, — писал Б.В.Штю-

мер, подразумевая выступления военного и морского министров, — струя благоразумия возобладает в настроении Таврического дворца, и обращение правительства сплотит то меньшинство членов Государственной думы, которое стремится предотвратить необходимость в роспуске». ¹⁰³ Надежды Б.В.Штюмера на И.К.Григоровича и Д.С.Шуваева оказались напрасными. Выступая в нижней палате, они не сообщили, что делают это по поручению правительства. Генерал же, покидая кафедру, пожал руку П.Н.Милюкову. ¹⁰⁴ Выступления И.К.Григоровича и Д.С.Шуваева думцы расценили не как благожелательный жест Б.В.Штюмера, а как дистанцирование от него ориентирующихся на Думу министров.

Поведение парламентаристов не ослабило, а усилило радикальность оппозиции. Тем временем во всеподданнейшем докладе от 5 ноября Б.В.Штюмер все еще выражал надежду, что 7 ноября, «быть может, установится тот желательный в настроении Государственной думы перелом, и она перейдет к работе законодательной». ¹⁰⁵ Примирительное отношение Б.В.Штюмера к оппозиции имело принципиальный характер. Именно в это время премьер не передал императору записку консерваторов. Она рекомендовала Николаю перейти в наступление на Думу. Б.В.Штюмер «боялся», что записка «не отвечает тому либеральному настроению, которое было отмечено в его декларации». ¹⁰⁶

Нежелание премьера пойти на роспуск Думы детерминировалось не только принципиальностью его позиции, но и трезвой оценкой политической ситуации. Б.В.Штюмер был информирован о решении лидеров оппозиции «в случае роспуска Думы вызвать беспорядки среди рабочих, учащих и в войсках». ¹⁰⁷ Он понимал, что роспуск окажется искрой, попавшей на бочку с порохом. Но главной причиной отказа правительства от роспуска стала примирительная позиция царя, которая лежала в основе его отношения к нижней палате и после выступления П.Н.Милюкова.

Желая добиться компромисса с оппозицией, через два дня после милюковской речи, 3 ноября, Николай послал Думе благожелательную телеграмму. В ней царь поблагодарил нижнюю палату «за ее приветствие, обращенное к нашим армии и флоту, и за ее пожелание успеха в нашей тяжелой борьбе, которая благодаря стойкости и героизму наших доблестных войск, с помощью Божьей, будет доведена до победного конца». ¹⁰⁸

В отличие от мужа Александры Федоровны была настроена противоположным образом. «Не прикажешь ли, — писала она супругу по поводу М.В.Родзянко, — лишить его придворного звания сейчас». ¹⁰⁹ Намерение царицы покарать нелояльного камергера осталось невоплощенным.

Выступление Александры Федоровны против председателя Думы не означало того, что царица была противницей самой Думы. Как сообщал 6 ноября А.Д.Протопопову заведующий охраной Таврического дворца Г.П.Бертгольдт, Александра Федоровна считала себя «сторонницей прогресса и нового режима». Ее любимой оценкой было выражение: «Этот человек — *du vieux regime* [старый режим. — С.К.]». Подобное суждение царица высказывала, в частности, об И.Л.Горемыкине. ¹¹⁰ Позиция Александры Федоровны относительно Думы в начале ноября предопределялась не только ее взглядами, но и влиянием А.Д.Протопопова.

По степени своей близости к императрице управляющий МВД превзошел даже Г.Е.Распутина. «С конца сентября 1916 г., — подчеркивал П.П.Стремоухов, — императрица прислушивается уже не к одному Распутину, рядом с ним вырастает Протопопов, неизмеримо более тонкий и хитрый и ведущий свою линию».¹¹¹ Степень близости А.Д.Протопопова к Александре Федоровне была такова, что в конце октября царица приказала своему камердинеру принимать от управляющего МВД телефонные сообщения «о ходе волнений» и докладывать их императрице. В начале ноября А.Д.Протопопов попросил по телефону сообщить Александре Федоровне, что в Думе «не благополучно: шум», поскольку там ругают «старика», т.е. Б.В.Штюмерера.¹¹² Для смягчения внутривластной ситуации А.Д.Протопопов решил воспользоваться Г.Е.Распутиным, которому сообщил, как этого достигнуть.

Находя, что роспуск нижней палаты нежелателен, А.Д.Протопопов надеялся «успокоить» оппозицию. По его мнению, удаление Б.В.Штюмерера могло бы внести «некоторое успокоение». Выступая против полной отставки премьера, которая была бы истолкована как «уступка», А.Д.Протопопов хотел, чтобы Б.В.Штюмерер «заболел» и уехал на три недели из Петрограда. А.Д.Протопопов полагал, что эта болезнь будет истолкована Думой как шаг к отставке премьера. В результате наступит «успокоение, достигнутое без уступок». Г.Е.Распутин посоветовал А.Д.Протопопову рассказать об этом плане царице. На следующий день управляющий МВД сообщил Александре Федоровне «про настроение Государственной думы» и «опасность ее роспуска», а затем передал свои соображения о необходимости Б.В.Штюмерера «заболеть».¹¹³ После этого Александра Федоровна встретилась с Г.Е.Распутиным, который повторил ей доводы А.Д.Протопопова. Ссылаясь на управляющего МВД и старца, царица сообщала Николаю 7 ноября, что «для умиротворения Думы Штюмереру следовало бы заболеть и отправиться в 3-недельный отпуск». Г.Е.Распутин, очевидно также с подачи А.Д.Протопопова, советовал уволить Б.В.Штюмерера с поста министра иностранных дел и назначить вместо него лидера правых в Государственном совете И.Г.Щегловитова или посла в Италии М.Н.Гирса.¹¹⁴

Вопреки мнению царицы и старца 10 ноября Николай дал Б.В.Штюмереру полную отставку, а в конфликте между В.Б.Фредериксом и М.В.Родзянко встал на сторону последнего. На докладе министра двора, в котором излагалась его переписка с председателем Думы, царь наложил 10 ноября резолюцию, созвучную намерению М.В.Родзянко лично доложить Николаю о проступке П.Н.Милюкова: «Я поговорю с Родзянко, когда его увижу».¹¹⁵

Согласие царя с М.В.Родзянко означало, что в достижимости компромисса с оппозицией Николай не разуверился даже после милюковской речи. Между тем император имел право расценить ее как оскорбление чести жены и повод для роспуска Думы. Но монарх, объяснял князь Н.Д.Жевахов поведение Николая, «не желал обострять положения проявлением своей самодержавной воли и, уступая натиску революционной Думы, требовавшей, под разными предлогами, смены кабинета, снисходил к этим требованиям, надеясь уступками успокоить Думу и сосредоточить ее внимание на главном, на заботе об окончании войны».¹¹⁶

Крупнейшей уступкой Николая Думе и стало увольнение Б.В.Штюмерера. «Это, — подчеркивал В.С.Дякин, — был первый в истории России случай, когда смена премьера произошла по прямому требованию Думы».¹¹⁷ После увольнения Б.В.Штюмерера оппозиция получила прецедент, использование которого содействовало бы радикальной парламентаризации верховного управления.

2. «Бог интриги».

Премьерство А.Ф.Трепова (ноябрь — декабрь 1916 г.)

Преемником Б.В.Штюмерера 10 ноября стал министр путей сообщения А.Ф.Трепов.¹¹⁸ Еще за два месяца до получения поста премьера он являлся одним из основных кандидатов на этот пост. «У нас, — писал 11 сентября из Петрограда князь М.М.Андроников дворцовому коменданту генералу В.Н.Воейкову, подразумевая назначение Б.В.Штюмерера послом в Италию, — масса слухов об уходе в Рим Бориса Владимировича и назначении на пост председателя либо А.Ф.Трепова, либо А.А.Хвостова».¹¹⁹

Назначение преемником Б.В.Штюмерера именно А.Ф.Трепова предопределялось тем, что в начале ноября отношение к нему Николая было в высшей степени благожелательным. Доказательством этого стало награждение А.Ф.Трепова званием статс-секретаря его величества, о чем Николай лично телеграфировал министру путей сообщения 3 ноября.¹²⁰

Назначению А.Ф.Трепова премьером содействовал Б.В.Штюмерер, который при выходе в отставку рекомендовал императору назначить вместо себя своего конкурента.¹²¹ Поступив так, Б.В.Штюмерер игнорировал отрицательное отношение к руководителю МПС со стороны Александры Федоровны и Г.Е.Распутина. Они выступили против назначения А.Ф.Трепова.¹²² В преемники Б.В.Штюмерера с подачи журналиста Г.П.Сазонова Г.Е.Распутин безуспешно прочил И.Г.Щегловитова.¹²³ Когда А.Ф.Трепов был все-таки назначен, императрица и старец настаивали на удалении его с поста министра путей сообщения и назначении вместо него начальника Северо-Западных железных дорог Ф.М.Валуева.¹²⁴ Однако эту просьбу царь не исполнил.

При своем назначении А.Ф.Трепов получил от Николая указание «работать в единении с Государственной думой».¹²⁵ Для выполнения царского указания предыдущая карьера А.Ф.Трепова давала все необходимое. Он был одним из отцов-основателей думской монархии. Подобно предшественнику, новый премьер принадлежал к числу умеренных дуалистов.¹²⁶ Но, в отличие от Б.В.Штюмерера, соображениями прагматического порядка А.Ф.Трепов руководствовался гораздо чаще. «Стоило Трепову в ноябре 1916 г. получить пост председателя, — вспоминал В.Н.Шаховской, — как он тотчас же отказался от своих убеждений».¹²⁷

Прежде всего А.Ф.Трепов солидаризировался с пожеланием Думы об увольнении А.Д.Протопопова. Когда 10 ноября Николай предложил А.Ф.Трепову премьерство, тот поставил «существенным условием» своего согласия отставку управляющего МВД.¹²⁸ Мотивируя необходимость его ухода, А.Ф.Трепов, этот, по выражению А.В.Кривошеина, «бог интриги»,¹²⁹ поддержал версию

думцев о сумасшествии А.Д.Протопопова. Она вызывала возмущение со стороны Николая. В ответ на сделанное 6 ноября протопресвитером Г.И.Шавельским заявление о сумасшествии управляющего МВД царь, «несколько волнуясь», возразил: «Я об этом слышал. С какого же времени Протопопов стал сумасшедшим? С того, как я его назначил министром? Ведь в Государственную думу выбирал его не я, а губерния. В губернские симбирские предводители дворянства его избрало симбирское дворянство; товарищем председателя Думы, а затем председателем посылавшейся в Лондон комиссии его избрала Дума. Тогда он не был сумасшедшим? А как только я выбрал Протопопова, все закричали, что он с ума сошел».¹³⁰

Доверие Николая к А.Ф.Трепову было столь велико, что с поддержанной им версией о сумасшествии управляющего МВД царь как будто согласился.¹³¹ Новый премьер поставил вопрос об увольнении не только А.Д.Протопопова, но и других министров, не пользовавшихся популярностью у оппозиции. По сведениям В.М.Волконского, А.Ф.Трепов намеревался сменить 6 «наиболее ненавистных» министров.¹³² Несмотря на то, что планировавшиеся кадровые перемены фактически были вызваны влиянием нижней палаты, действовавшей в данном случае как парламент, Николай и А.Ф.Трепов хотели, чтобы при их совершении дуалистическая система сохранялась хотя бы в виде фикции. Допуская влияние Думы на формирование правительства, царь одновременно пресек попытки царицы воспользоваться советами старца.¹³³

Немедленно по возвращении из Могилева А.Ф.Трепов, уже в качестве премьера, встретился с М.В.Родзянко. А.Ф.Трепов уверял собеседника, что «желает работать рука-об-руку» с Думой и «сумеет побороть влияние Распутина». В ответ М.В.Родзянко порекомендовал уволить, помимо А.Д.Протопопова, умеренного дуалиста графа А.А.Бобринского и умеренного парламентариста В.Н.Шаховского.¹³⁴ Со своей стороны М.В.Родзянко не дал премьеру «никаких обещаний».¹³⁵ Тем не менее ради достижения компромисса с оппозицией А.Ф.Трепов был готов пойти вплоть до фактического установления парламентаризма хотя бы на время. Выступая за образование кабинета по списку, премьер намеревался раздать министерские посты «лицам, пользующимся доверием общественности и Думы».¹³⁶

Для развития неформальных отношений между министрами и оппозиционерами А.Ф.Трепов отпустил 75 000 рублей Клубу общественных деятелей П.Н.Крупенского.¹³⁷

Перед новым докладом императору А.Ф.Трепов подготовил указы об отставке четырех министров, а потому расценивал этот доклад как «решающий».¹³⁸ Казалось бы, все благоприятствовало успеху треповского плана. Несмотря на резкий рост оппозиционности Думы, Николай по-прежнему стремился к соглашению с ней. Когда 12 ноября Д.С.Шуваев, принятый царем «как никогда ласково»,¹³⁹ сообщил ему содержание своей думской речи, доказывая, что «министры должны работать рука об руку с Государственной думой и Государственным советом», Николай «поблагодарил» генерала.¹⁴⁰

Встреча царя с премьером состоялась 14 ноября и длилась полтора часа. Во время нее «разговор шел о Протопопове».¹⁴¹ А.Ф.Трепов умолял Ни-

колая дать управляющему МВД отставку. Взяв у премьера проект указа об этом, император заметил: «Оставьте его мне. Я вам его пришлю еще сегодня вечером или завтра утром».¹⁴²

Переданную А.Ф.Треповым просьбу М.В.Родзянко об увольнении А.А.Бобринского царь исполнил. Оно произошло вопреки мнению царицы.¹⁴³

Положительный результат имела также попытка премьера добиться усиления своего влияния на министров. Эта попытка была направлена против А.Д.Протопопова, стремившегося проводить собственную политику, в частности по продовольственному вопросу. Напомнив императору содержание статьи 19 учреждения Совета министров, которая предписывала каждому министру предварительно знакомить премьера со всеподданнейшими докладами, имеющими общее значение, А.Ф.Трепов указал, что она «не всегда соблюдается на практике». Признавая «неуклонное соблюдение установленного в сем отношении законом порядка имеющим существенно важное значение», премьер спрашивал у Николая разрешения на преподание министрам соответствующих указаний. Предложение А.Ф.Трепова удостоилось утверждения.¹⁴⁴

Столь же успешно для премьера был решен и вопрос о результатах деятельности Верховной комиссии, расследовавшей дело В.А.Сухомлинова, которого царь и царица считали невиновным. Именно поэтому Николай по просьбе супруги телеграфировал 10 ноября министру юстиции А.А.Макарову: «Ознакомившись с данными предварительного следствия Верховной комиссии, нахожу, что не имеется оснований для обвинения, а посему дело прекратить».¹⁴⁵ По докладу А.Ф.Трепова это повеление было оставлено «без исполнения».¹⁴⁶ Тогда же осталось неудовлетворенным и ходатайство царицы о прекращении дела И.Ф.Манасевича-Мануйлова, которого Александра Федоровна и Николай также считали невиновным.¹⁴⁷

Подписания царем указа об отставке А.Д.Протопопова так и не последовало, чему способствовал, не желая того, А.Ф.Трепов. Через начальника канцелярии Министерства двора А.А.Мосолова премьер предложил Г.Е.Распутину 200 000 рублей, если А.Д.Протопопов «будет уволен», а старец откажется от вмешательства «в назначение министров и высших чинов управления».¹⁴⁸ А.Ф.Трепов соглашался лишь на влияние Г.Е.Распутина в церковной сфере. Старец не только отказался от денег, но и сообщил о предложении премьера Александре Федоровне. Царица приехала в Могилев 14 ноября, предварительно информировав об интриге А.Ф.Трепова супруга.¹⁴⁹ Премьер явил себя перед Николаем как человек, безосновательно верящий во всемогущество старца и не гнушающийся ничем ради достижения своих целей. В результате положение управляющего МВД упрочилось. Император, императрица и Г.Е.Распутин заняли сторону А.Д.Протопопова.

Во время аудиенции, данной М.В.Родзянко 16 ноября,¹⁵⁰ в ответ на его заверения о готовности нижней палаты сотрудничать с кабинетом Николай заявил: «Я очень рад услышать, что Дума будет работать с правительством». Но когда М.В.Родзянко заговорил о необходимости смены А.Д.Протопопова, Николай воскликнул: «Да вы же сами мне его рекомендовали». На доводы председателя Думы о необходимости перемещения А.Д.Протопопова с поста управляющего МВД в министры торговли Николай заметил: «Ну, это

я не знаю, сделаю ли я».¹⁵¹ Успеху выступления М.В.Родзянко против А.Д.Протопопова мешало то, что в качестве своего главного аргумента председатель Думы использовал версию о германофильстве «темных сил». М.В.Родзянко говорил, что Г.Е.Распутин, отказавшийся от треповской взятки, — «купленный человек», а Александра Федоровна — имеет «большое влияние». Николай, давая понять, что за всеми назначениями стоит не старец или царица, а он сам, задал вопрос: «Что же, я первый изменник?»¹⁵² Опровергая сведения М.В.Родзянко о желании правительства распустить нижнюю палату, царь подчеркнул: «Об этом вы мне первый говорите, у меня нет намерения распустить Государственную думу».¹⁵³ Более того, Николай сказал: «Можете передать, что я очень желаю, чтобы Дума работала вместе с правительством».¹⁵⁴

В то же время, после встречи царя с М.В.Родзянко положение управляющего МВД упрочилось окончательно. «Родзянко, — сказал Николай А.А.Вырубовой, — has worried me awfully [ужасно меня измучил. — С.К.]. I feel his motives are quite false [Я чувствую, что его доводы полностью фальшивы. — С.К.]». Рассказав, как М.В.Родзянко уверял его, что А.Д.Протопопов «сумасшедший», царь усмехнулся и заметил: «Вероятно с тех пор, как я назначил его министром».¹⁵⁵

Николай видел, что травля управляющего МВД исходит «от тех самых лиц, которые, как Родзянко, только что перед тем советовали назначить Протопопова министром торговли и всячески его хвалили и которые все ополчились против, как только государь, по своему почину, дал ему другое назначение».¹⁵⁶ Николай полагал, что возмущение думцев «есть принципиальный бойкот всякого человека, на котором он остановит свой выбор».¹⁵⁷

Отношение лидеров оппозиции, желавших водворения парламентаризма, к А.Д.Протопопову превращало его увольнение в прецедент, содействующий этому. Противники отставки А.Д.Протопопова, к числу которых принадлежал и царь, исходили из того, что она приведет к установлению «конституции», т.е. «ограничению власти монарха» и «низведению ее на степень прав английского короля, который царствует, но не правит».¹⁵⁸ Иными словами, противники отставки А.Д.Протопопова трактовали ее как шаг на пути к фактической замене дуализма парламентаризмом. Выражая точку зрения своего мужа, царица писала, что «дело не в Протопопове», а в том, что «царь правит, а не Дума».¹⁵⁹ Кампанию против руководителя МВД Николай расценивал как покушение против не отдельного члена кабинета, а дуалистического порядка формирования правительства, согласно которому, в отличие от парламентарной системы, назначение и увольнение министра — прерогатива не законодательных палат, а исключительно главы государства. Между тем создание во время войны парламентского кабинета представлялось императору невозможным.

Николай полагал, что в условиях мирового катаклизма введение парламентаризма вызовет внутреннюю дестабилизацию и тем самым губительно отразится на ходе военных действий. Мотивируя свое сопротивление созданию «ответственного министерства», царь говорил В.Н.Воейкову, что «всякая ломка существующего строя, во время такой напряженной борьбы с врагом, привела бы только к внутренним катастрофам».¹⁶⁰

Николай сопротивлялся не столько парламентаризму, сколько введению его именно во время войны, в чем ярко проявился присущий царю прагматизм. Беседуя в ноябре с А.А.Вырубовой, Николай несколько раз упоминал «о будущих переменах конституционного характера», не раз повторяя: «Выгоним немца, тогда примусь за внутренние дела!» Из бесед с императором А.А.Вырубова сделала вывод о том, что «государь все хотел дать, что требовали, но — после победоносного конца войны». «Почему, — заявил Николай в ходе одной из таких бесед, — не хотят понять, что нельзя проводить внутренние государственные реформы, пока враг на русской земле? Сперва надо выгнать врага!»¹⁶¹

Сопrotивляясь немедленному введению политической ответственности кабинета перед палатами, Николай был готов пойти на дарование ее предпосылки — судебной ответственности правительства. Идея А.Д.Протопопова о наделении Думы правом судебного преследования министров Николаю «понравилась», и он «подробно на ней остановился».¹⁶² Признав мысль о судебной ответственности «приемлемой», царь указал на то, что «нужно ее юридически хорошенько разработать».¹⁶³ Проект А.Д.Протопопова Николай расценивал как альтернативу введению парламентаризма. Когда в конце ноября В.Н.Воейков заговорил с императором об «ответственном министерстве», последний выразил желание, чтобы генерал «ознакомился с вырабатываемым Протопоповым проектом».¹⁶⁴ Сопrotивляясь установлению парламентаризма, монарх тем не менее допускал его элементы, но только в рамках дуалистической системы.

По рекомендации А.Ф.Трепова преемниками Б.В.Штюрмера (по должности министра иностранных дел) и А.А.Бобринского стали сановники, которые пользовались общественным доверием: государственный контролер Н.Н.Покровский и товарищ министра земледелия А.А.Риттих.

Обновление мидовского руководства произошло вопреки мнениям Г.Е.Распутина, Александры Федоровны и П.А.Бадмаева. Старец и царица выступали за вручение портфеля министра иностранных дел И.Г.Щегловитову или М.Н.Гирсу.¹⁶⁵ Доктор тибетской медицины безуспешно предлагал назначить товарищем министра иностранных дел И.Я.Коростовца.¹⁶⁶

А.А.Риттиха М.В.Родзянко «всегда считал выдающимся, необыкновенно работоспособным, талантливым человеком» и ценил «как безупречного и знающего свое дело работника».¹⁶⁷ Назначение А.А.Риттиха фактически произошло по просьбе председателя нижней палаты. Во время его ноябрьской аудиенции на вопрос императора, «довольны ли в Думе» тем, что А.А.Риттих будет назначен министром земледелия, М.В.Родзянко выразил «полное удовольствие».¹⁶⁸

Новым государственным контролером, также по рекомендации премьера, Николай назначил товарища министра финансов С.Г.Феодосьева, пользовавшегося, подобно А.А.Риттиху, славой выдающегося администратора.¹⁶⁹

Благодаря росту влияния Думы на формирование кабинета прогрессивная группа восстановила свое доминирование в Совете министров. К декабрю 1916 г. в ней насчитывалось 8 человек, а их оппонентов было только 5. Сохранению в кабинете сторонников оппозиции Николай содействовал намеренно. Когда 19 ноября министр народного просвеще-

ния граф П.Н.Игнатьев, попытавшись убедить императора немедленно уволить А.Д.Протопопова, подал в отставку сам, Николай заявил: «Для родины оставайтесь на вашем месте».¹⁷⁰

Покровительство Николая прогрессивной группе свидетельствовало о том, что достижение компромисса с оппозицией на базе Основных законов было, с точки зрения царя, весьма желательным. Об ориентированности Николая на такое соглашение говорило и выполнение им конкретных пунктов программы Прогрессивного блока, в частности — по еврейскому вопросу. Решение его путем дарования равноправия царь увязывал с неизбежным, в близком будущем, развитием конституции 1906 г.¹⁷¹ Неудивительно, что предложения А.Д.Протопопова «о расширении прав евреев» со стороны монарха встретили «благожелательное отношение».¹⁷² «С еврейским вопросом, — указывал сам А.Д.Протопопов, имея в виду Николая, — он согласился очень легко, как только я стал на точку зрения Государственной думы, и все, что я сделал в этом вопросе, это было сделано с его ведома». Соглашаясь на дальнейшее разрешение еврейского вопроса, царь избегал публичного выражения своей воли по данному поводу. Поскольку Николай полагал, что среди офицеров и солдат сильны антисемитские настроения, он опасался, что слухи о причастности царя к облегчению положения евреев подорвут его авторитет в армии. «Нет, теперь война, — говорил Николай А.Д.Протопопову, — и есть известного рода антисемитизм, который развился в войсках, так что лучше моего имени не впутывайте».¹⁷³ Тем не менее, согласно циркуляру А.Д.Протопопова, изданному 18 ноября с полного согласия царя, евреи получили разрешение на жительство без регистрации в Москве и городах, не находящихся на театре военных действий. Кроме того, циркуляром предписывалось выдавать евреям промысловые и торговые свидетельства.¹⁷⁴

Если Николай по-прежнему стремился к соглашению с оппозицией на базе конституции 1906 г., то оппозиция такого соглашения как раз и не хотела. Подтверждением этому стала реакция Думы на декларацию А.Ф.Трепова, прозвучавшую в Таврическом дворце 19 ноября.

Готовя свою декларацию, глава правительства придавал огромное значение тому, чтобы кабинет учитывал общественное мнение, выражаемое нижней палатой. На заседании Совета министров 16 ноября они приняли беспрецедентное решение. Члены кабинета обязывались информировать его «о всех выдающихся событиях государственного или крупного общественного значения», в особенности же о происшествиях, которые «могут нарушить спокойное течение общественной мысли». Это решение было принято для того, чтобы Совет министров «имел возможность своевременно обсудить о желательности применения тех или иных мер, а также мог бы установить свой взгляд относительно того, следует ли принять меры против оглашения во всеобщее сведение того или иного случая, либо, напротив того, озаботиться оповещением о нем населения».¹⁷⁵

А.Ф.Трепов, идя навстречу оппозиции, на заседаниях кабинета «настойчиво высказывался» против использования 87-й статьи Основных законов. Это обуславливалось его «нежеланием вызывать раздражение Государственной думы».¹⁷⁶ Наконец, премьер передал декларацию на утверждение М.В.Родзянко. Председатель Думы сказал А.Ф.Трепову, что «она недурна».¹⁷⁷

Взросшее влияние нижней палаты на верховное управление выразилось и в том, что к соглашению с оппозицией стремился главный оппонент А.Ф.Трепова — А.Д.Протопопов. Беседуя с английским послом Д.У.Бьюкененом за несколько часов до выступления премьера в Таврическом дворце, управляющий МВД выразил сожаление, что «его прежние друзья, в особенности же Родзянко, повернулись к нему спиной, даже не говоря ему, чем именно он заслужил такое обращение». Раз император выразил желание, чтобы он остался, то его долг — «повиноваться приказу его величества». Зная, что на него будут «нападать» в Думе, говорил А.Д.Протопопов, он этого «не боится» и «сумеет ответить своим обвинителям». Но «достойно сожаления, что в момент, подобный настоящему, члены Думы ссорятся между собою». Управляющий МВД попросил Д.У.Бьюкенена «воспользоваться своим влиянием на Родзянко, чтобы побудить его посоветовать членам Думы воздержаться от личных нападков на него».¹⁷⁸ Но посол не стал делать этого.

Во время выступления с декларацией А.Ф.Трепов подвергся такой обструкции со стороны левых, какой не подвергался ни один из его предшественников. Тем не менее премьер особо подчеркнул, что правительство «исходит из желания посвятить свои силы на совместную с законодательными установлениями положительную реальную работу».¹⁷⁹ Несмотря на то, что целый ряд пунктов декларации А.Ф.Трепова был заимствован из программы Прогрессивного блока, оппозиционности Думы декларация не ослабила.

Главной мишенью критики депутатов оказался А.Д.Протопопов, который, чтобы парировать нападки, хотел подняться на думскую кафедру и заявить о своем желании работать «только совместно с Думой».¹⁸⁰ Однако в Министерском павильоне Таврического дворца М.В.Родзянко потребовал от управляющего МВД ухода в отставку, так как именно он «причина озлобления и беспорядков».¹⁸¹ Поддерживая председателя Думы, правительство запретило А.Д.Протопопову подниматься на кафедру. Министры признали, что «единственный нормальный выход» — это его отставка. Только в случае ухода с поста управляющего МВД А.Д.Протопопов, по мнению коллег, обрел бы право «разговаривать с Думой в качестве Протопопова и защищать свою честь, тогда как в должности министра внутренних дел он всегда будет двуликим Янусом и не может являться представителем Совета министров». Если, считали члены кабинета, А.Д.Протопопов появится на кафедре в роли представителя правительства, то в нижней палате произойдут «выступления, которые заставят распустить Думу, что представляется в высшей степени нежелательным и опасным».¹⁸² Игнорируя неприязненное отношение Прогрессивного блока к кабинету в целом, А.Ф.Трепов и его коллеги даже из числа дуалистов находили роспуск нижней палаты неприемлемым настолько, что предпочитали соглашаться с ее мнением, содействуя парламентаризации верховного управления.

Во время заседания кабинета, собранного на квартире А.Ф.Трепова 20 ноября, министр юстиции А.А.Макаров, исходя из настроений Думы, сделал вывод, что «нужна уступка» — отставка А.Д.Протопопова. К А.А.Макарову присоединились остальные министры, найдя эту «жертву

собою» «полезной». А.Ф.Трепов заявил, что только сам управляющий МВД может «уговорить царя», и А.Д.Протопопов согласился отправиться в Могилев.¹⁸³ Создалась парадоксальная ситуация, когда формально единый кабинет не просто дистанцировался от одного из министров, но и солидаризировался с оппонентами этого министра, входившими в Прогрессивный блок.

После того как 22 ноября Н.Е.Марков 2-й оскорбил М.В.Родзянко, в том числе за разрешение ораторам оскорблять управляющего МВД, А.Ф.Трепов, демонстрируя сочувствие председателю Думы, «приехал к нему на квартиру».¹⁸⁴ Другие министры «поспешили завести свои карточки оскорбленному Родзянко».¹⁸⁵ Тогда же, 22 ноября, произошла встреча Николая с А.Д.Протопоповым, который накануне послал императору секретное письмо. Управляющий МВД сообщал, что направленная против него интрига возникла «в виду проявления им стойкости в отстаивании прерогатив трона». А.Д.Протопопов отмечал, что, «будучи предан не за страх, а за совесть интересам его величества, подчинится всякому приказанию государя». В то же время управляющий МВД заключал, что «политика уступок Государственной думе и общественности», проводимая А.Ф.Треповым, «не приведет к умиротворению, а наоборот, послужит основанием к настойчивым домогательствам к изменению порядка государственного управления, что может вызвать большие потрясения в стране».¹⁸⁶ Таким образом, управляющий МВД выказал себя защитником дуалистической системы.

Во время всеподданнейшего доклада А.Д.Протопопов рассказал императору про заседание Думы 19 ноября и заседание кабинета 20 ноября. «Считая, что остаться мне, при таких обстоятельствах, нельзя, — вспоминал А.Д.Протопопов, — я просил меня отпустить». Но царь отказал. Николай заметил, что «уступки Думе в это время вряд ли своевременны» и что «надо предвидеть необходимость реформ к концу войны».¹⁸⁷ Для успокоения Думы А.Д.Протопопов предложил уволить его в отпуск «по болезни», а временно управляющим МВД сделать В.М.Волконского.¹⁸⁸ Николай согласился на это.

Для примирения с оппозицией А.Д.Протопопов пошел и на увольнение П.Г.Курлова. Зная об отрицательном отношении к его другу со стороны думцев, А.Д.Протопопов придумал частный характер назначению генерала исполняющим обязанности товарища министра внутренних дел и рапорта об этом назначении в Сенат не послал. Когда П.Г.Курлов адресовал Сенату свои рапорты, обер-прокурор 1-го департамента А.И.Рудзке заявил генералу, что «не может дать им хода» за отсутствием рапорта А.Д.Протопопова.¹⁸⁹ П.Г.Курлов разочаровался в шефе, который, «несмотря на свои дружеские отношения с ним, поступился ими в угоду общественному мнению».¹⁹⁰ Генерал подал в отставку. Доклад А.Д.Протопопова об увольнении П.Г.Курлова царь утвердил 25 ноября.¹⁹¹ Сенат одновременно заслушал повеления о назначении и увольнении П.Г.Курлова.

По причине отказа В.М.Волконского временно управляющим МВД стал другой товарищ министра внутренних дел — С.А.Куколь-Яснопольский. Все эти кадровые перемены политической атмосферы не разрядили. Думцы, зная, что быют наверняка, поскольку против управляющего МВД весь кабинет, на меньшее, чем отставка А.Д.Протопопова, были не согласны.

Воплощению надежд оппозиции способствовал А.Ф.Трепов, с завидным постоянством пытавшийся получить от императора согласие на увольнение А.Д.Протопопова. Во время встречи с Николаем, состоявшейся 26 ноября,¹⁹² причиной «граничащей с враждебностью недоверчивости» нижней палаты к его кабинету А.Ф.Трепов назвал «до крайности неприязненное отношение огромного большинства Государственной думы к некоторым отдельным членам правительства и, прежде всего, к управляющему МВД». Надеясь на царицу и старца, премьер отметил, что «в думских речах указывались некоторые влияния, поддерживающие управляющего МВД и проводящие через него и других, поддающихся их воздействию должностных лиц, независимо от Совета министров, вредную, с точки зрения интересов государства, политику».¹⁹³

Для доведения критики думцами А.Д.Протопопова непосредственно до царя 28 ноября, после переговоров с министром двора графом В.Б.Фредериксом, А.Ф.Трепов испросил у Николая указаний относительно представления ему стенографических отчетов заседаний Думы и Государственного совета «с тем, чтобы в означенных отчетах были отмечены речи, обратившие на себя особое внимание».¹⁹⁴ Царь одобрил это предложение. Впоследствии А.Ф.Трепов переслал Николаю стенографические отчеты заседаний Думы 2 и 5 декабря.¹⁹⁵

Стараясь удовлетворить нижнюю палату отставкой А.Д.Протопопова, премьер, однако, при проведении конкретных пунктов программы Прогрессивного блока был консервативнее управляющего МВД. Доказательством этого стало обсуждение кабинетом вопроса о создании волостного земства. Хотя правительство разработало соответствующий законопроект и могло проигнорировать его думскую редакцию, министры приняли ее за основу. В отличие от правительственной думская редакция допускала соединение в одном учреждении административно-полицейских и хозяйственных функций. Поскольку А.Д.Протопопов являлся сторонником этой, более либеральной, точки зрения, представители МВД, выступавшие в кабинете, считали, что «с усвоенным Думою стремлением совмещения в волости обоих указанных начал согласиться возможно». Не принимая доводы МВД, А.Ф.Трепов и А.А.Макаров заявили, что «необходимо отделить от органов самоуправления все функции административно-полицейского характера, предоставив выполнение таковых исключительно правительственным должностным лицам».¹⁹⁶

Однако в ходе рассмотрения в кабинете законопроекта о волостном земстве возобладала точка зрения А.Д.Протопопова, возмущенная в Думе 5 декабря С.А.Куколем-Яснопольским.¹⁹⁷ Стремление А.Д.Протопопова к соглашению с оппозицией было детерминировано тем, что к этому, но только в рамках дуалистической системы, стремился прежде всего глава государства. Предав забвению недавние думские эксцессы, царь ответил на поздравление нижней палаты с днем его тезоименитства: «Искренно благодарю Государственную думу за поздравление».¹⁹⁸

Отказываясь от инициирования репрессалий по отношению к оппозиции, Николай вступал в явное противоречие не только с крайне правыми, но и со своей супругой. Насколько в конце 1916 г. разногласия между венценосцами стали серьезными, видно из их переписки.¹⁹⁹

Примирительное отношение царя к Думе давало премьеру надежду на то, что ему удастся свалить А.Д.Протопопова. По-прежнему «усиленно» поддерживая сношения с М.В.Родзянко, А.Ф.Трепов уговаривал его «всячески содействовать тому, чтобы Дума была сдержаннее», поскольку «эта сдержанность» поможет достигнуть увольнения А.Д.Протопопова.²⁰⁰ Поведение премьера предопределялось тем, что для него, как и для лидеров оппозиции, управляющий МВД, Александра Федоровна и Г.Е.Распутин составляли одно целое. «Это фатальный человек для России, несмотря на свое ничтожество, — говорил А.Ф.Трепов об А.Д.Протопопове министру-губернатору князю В.А.Друцкому-Соколинскому в начале декабря. — Он с императрицей, Распутиным и всей их кликой играет трюном и Россией, а государь скрывается в Ставке и отмахивается от Петербурга».²⁰¹

Накануне очередного всеподданнейшего доклада А.Ф.Трепов заявил помощнику управляющего земским отделом МВД графу П.К.Ламздорфу-Галагану, что «будет настаивать» перед императором на отставке А.Д.Протопопова.²⁰² Впрочем, во время встречи с Николаем, состоявшейся 10 декабря, А.Ф.Трепов «был смирен и покорен и не затрагивал имени Протопопова».²⁰³ Впрочем, не затрагивая имени управляющего МВД прямо, премьер касался этого имени косвенно, в том числе — и при постановке вопроса о судьбе Думы.

На заседании 5 декабря Прогрессивный блок высказался в пользу «решительного изменения внутренней политики государства» и «одобрения правительственной деятельности большинством членов законодательных учреждений». А.Ф.Трепов полагал, что тем самым нижняя палата «высказывается за необходимость ответственного перед Государственной думой министерства». Постановление Думы премьер находил «не отвечающим точному смыслу Основных государственных законов, а, следовательно, требующим соответствующего их изменения». На основании статьи 107 Основных законов, почин их пересмотра принадлежал императору. Поэтому постановление Думы, подчеркивал А.Ф.Трепов, было «в явном несоответствии с коренным началом Основных государственных законов».²⁰⁴ Понимая, что оппозиция стремится к установлению парламентаризма, А.Ф.Трепов, желавший компромисса с нею на ее условиях, демонтажу дуалистической системы содействовал сознательно.

По мысли премьера, рождественские каникулы Думы должны были продлиться меньше месяца — с 17 декабря 1916 по 12 января 1917 г. Тем самым А.Ф.Трепов хотел, сообщал Николай жене, имея в виду думцев, «показать им и всей стране, что, несмотря на все сказанное ими, правительство желает работать вместе. Если в январе, — передавал император суть треповского плана, — они начнут путать и мутить, он собирается обрушить на них громы и окончательно закрыть Думу».²⁰⁵ Позиция А.Ф.Трепова отличалась явной двуличностью — до 12 января премьер надеялся свалить А.Д.Протопопова.

Кроме того, срок рождественских каникул А.Ф.Трепов определил, исходя из пожеланий М.В.Родзянко. Председатель Думы писал А.Ф.Трепову, что «если бы правительство сочло необходимым сделать» перерыв заседаний нижней палаты, то «наиболее удобным для того временем был бы срок с 20 декабря по 7 января».²⁰⁶

Николай согласился с планом А.Ф.Трепова. «Государь император, — написал на всеподданнейшем докладе премьер, — соизволил предуказывать, что заявление правительства Государственной думе по поводу принятой ею формулы должно быть отложено до января будущего 1917 г.».²⁰⁷ Николай «не отрицал логичности» треповского плана, считая его преимуществом то, что «если бы все случилось так, как он думает, мы, — писал император супруге, — избавились бы от Думы недели на две или на три раньше, чем я сначала думал (в середине января вместо начала февраля)».²⁰⁸

Положительная реакция Николая на план, обоснованный премьером, доказывала, что царь, избегая немедленного роспуска Думы, хотя оппозиционеры превзошли все пределы (чего стоило безосновательное обвинение царицы!), полагал необходимым уделить нижней палате еще один шанс для достижения компромисса между нею и правительством. Император не хотел идти на разрыв с оппозицией первым.

Казалось, будто положение А.Ф.Трепова упрочилось. Однако двуличие, неоднократно выказанное премьером, оттолкнуло от него Николая. Во всей своей несомненности оно проявилось, когда Дума решила предъявить кабинету запрос по поводу разгона полицией 9 декабря съездов Земского и Городского союзов, попытавшихся принять антиправительственные резолюции.

«Сегодня в Думе, — телеграфировал А.Д.Протопопов В.Н.Воейкову 13 декабря, — предполагается внесение по этому делу ряда запросов, оглашение возмутительных резолюций, которые могут волновать элементы, пропитанные смутой, и перебросить ее далеко за Таврический дворец». Выступая в качестве ортодоксального дуалиста, стоящего на защите конституции 1906 г., управляющий МВД предупреждал: «Готовится дерзновенный натиск на священные прерогативы монархической власти, попирая Основные законы».²⁰⁹

А.Д.Протопопов через С.А.Куколя-Яснопольского попросил А.Ф.Трепова, как главу правительства, потребовать от М.В.Родзянко объявить заседание Думы 13 декабря закрытым для публики. А.Ф.Трепов хотя и согласился с желательностью этой меры, но по формальным основаниям отказался от ее проведения. На письме С.А.Куколя-Яснопольского, просившего премьера потребовать от М.В.Родзянко закрытия дверей Думы, А.Ф.Трепов, интригуя против А.Д.Протопопова, наложил резолюцию: «Требование о закрытии дверей должно исходить от подлежащего министра, в данном случае — от министра внутренних дел».²¹⁰

А.Д.Протопопов направил письмо председателю Думы от себя лично, чем вызвал в свой адрес новую волну нападок оппозиции. В этом эпизоде царь увидел яркое доказательство того, что управляющий МВД, преданный престолу на деле, а не на словах, не боится принять удар на себя, в то время как лукавый премьер, постоянно флиртующий с оппозицией, ради сохранения своей репутации готов отказаться от защиты прерогатив монарха. Подозрения Николая подтверждали близкие отношения А.Ф.Трепова с М.В.Родзянко.²¹¹

А.Ф.Трепов рисковал оказаться за границами лояльности, поскольку председатель Думы, причастный к заговору против Николая, эти грани-

цы уже пересек. Несмотря на то, что «детали подготовки заговора были известны лишь тем, кто в нем непосредственно участвовал», лидеры оппозиции, в том числе — М.В.Родзянко, знали, что «подготовка к осуществлению заговора идет своим чередом и соответственно готовились к нему со своей стороны». ²¹² Сам М.В.Родзянко, вспоминая, что в конце 1916 г. мысль «о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде», признавался, что тогда «представители высшего общества» заявляли ему, что «Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию». После убийства в ночь с 16 на 17 декабря Г.Е.Распутина «разговоры об этом стали еще более настойчивыми». ²¹³

Лично председатель Думы переворот не готовил, но, как одна из ключевых фигур оппозиции, был осведомлен о заговоре намного больше, чем остальные оппозиционеры, хотя и скрывал это, боясь наказания. В декабре 1916 г. М.В.Родзянко, вспоминая октябриста князя А.В.Оболенский, в течение двух часов «допрашивал, что я знаю и откуда про заговор и как отношусь к нему», делая «намекы и разные угрозы». ²¹⁴

В отличие от М.В.Родзянко, А.Ф.Трепов оставался в рамках лояльности. Но поскольку компромисс между кабинетом и оппозицией виделся возможным императору в рамках дуалистической системы, двойная игра А.Ф.Трепова, на словах выступавшего за сохранение этой системы, а на деле — способствовавшего фактическому введению парламентаризма, привела к окончательному разочарованию Николая в премьере. ²¹⁵

Отставку А.Ф.Трепова ускорили замена А.А.Макарова сенатором Н.А.Добровольским и утверждение А.Д.Протопопова в должности министра. Увольнение А.А.Макарова было вызвано его несогласием на помилование не только В.А.Сухомлинова, но и И.Ф.Манасевича-Мануйлова. Накануне слушания его дела в петроградском окружном суде, в ночь с 14 на 15 декабря, Николай телеграфировал А.А.Макарову: «Повелеваю вам прекратить дело о Мануйлове и не допустить его до суда». ²¹⁶ А.А.Макаров отправил императору докладную записку, в которой просил «не приводить в исполнение этого высочайшего повеления». ²¹⁷ Тем самым судьба А.А.Макарова была решена. Его преемники современники и исследователи считали ставленником Г.Е.Распутина. ²¹⁸

В действительности кандидатура Н.А.Добровольского стала министерской помимо «безответственных влияний». Еще в конце 1914 г. И.Л.Горемыкин прочил его в министры внутренних дел. ²¹⁹ Будучи дуалистом, Н.А.Добровольский считался сановником «либеральных взглядов», особенно — по инородческому вопросу. ²²⁰ В конце 1916 г. сенатор являлся выдвиженцем не старца, а великого князя Михаила Александровича, который поддерживал отношения не с Г.Е.Распутиным, а с оппозиционерами. Н.А.Добровольский замещал царского брата по должности вице-председателя Георгиевского комитета. ²²¹ Именно в связи с деятельностью сенатора в этом комитете царь, искавший заместителя А.А.Макарову, и обратил внимание на Н.А.Добровольского. Так, 23 ноября Николай лично телеграфировал ему по поводу открытия приюта для детей. ²²² Через три дня, 26 ноября, в день Св. Георгия, Николай присутствовал в Петрограде на празднике, который был организован Н.А.Добровольским для 20 000 георгиевских кавале-

ров. Император сообщил тогда сенатору, что он будет назначен членом Государственного совета. ²²³ В конце концов, Николай решил назначить Н.А.Добровольского управляющим Министерством юстиции. А.Ф.Трепов, узнав об этом, заявил императору, что «не может работать» с Н.А.Добровольским, потому что он «взяточник». Обвинения премьера имели личную подоплеку и не соответствовали истине. ²²⁴

При разногласии Николая с А.Ф.Треповым Александра Федоровна и Г.Е.Распутин поддержали самодержца. Царица захотела встретиться с Н.А.Добровольским. Уже в конце ноября — начале декабря сначала А.Д.Протопопов, а затем почитательница старца М.Е.Головина посовещовали Н.А.Добровольскому представиться Александре Федоровне. Не видя повода для представления, сенатор от него отказался. Тогда М.Е.Головина уговорила Н.А.Добровольского приехать на квартиру Г.Е.Распутина. Сенатор не понравился старцу. ²²⁵ На следующий день, 9 декабря, Н.А.Добровольский встретился с Александрой Федоровной в царском доме А.А.Вырубовой, куда был вызван скороходом его величества. ²²⁶ После беседы с Н.А.Добровольским императрица окончательно встала на сторону мужа.

Подыгрывая венценосцам, отрицательное мнение о понравившемся им кандидате Г.Е.Распутин оставил при себе. Более того, он сознательно говорил неправду, лишь бы не противоречить Николаю и Александре Федоровне. В начале декабря Г.Е.Распутин телефонирует И.Г.Щегловитову и поинтересовался, годится ли Н.А.Добровольский в министры юстиции. И.Г.Щегловитов ответил, что «не годится». ²²⁷ Отрицательный отзыв о сенаторе старец от императрицы скрыл, сообщив ей нечто совершенно другое, а именно — что, по мнению И.Г.Щегловитова, Н.А.Добровольский «вполне на своем месте». ²²⁸ Между тем, расценивая обвинения премьера против Н.А.Добровольского как очередную интригу А.Ф.Трепова, Николай решил назначить нового министра юстиции вопреки премьеру.

Царь написал 19 декабря главноуправляющему Собственной канцелярией А.С.Танееву: «Представьте мне указ об увольнении Макарова в Государственный совет и о назначении сенатора Добровольского (он же — вице-председатель Георгиевского комитета) управляющим Министерством юстиции». Как бы вспомнив о А.Д.Протопопове, на обороте этой записки царь приписал: «Еще указ о назначении управляющего МВД Протопопова — министром внутренних дел». ²²⁹ Во время состоявшейся 20 декабря встречи с Николаем А.Ф.Трепов поставил «условием и своей службы, и возможности продолжать работу с законодательными палатами» увольнение А.Д.Протопопова. ²³⁰ Узнав о его утверждении, А.Ф.Трепов и П.Н.Игнатьев подали прошения об отставке, которые царь удовлетворил.

Увольнение сторонников компромисса с Прогрессивным блоком не означало того, что Николай поправел. Наоборот, именно в это время, решая польский вопрос, он был радикальнее, чем кадетские лидеры. ²³¹ Примирительное отношение Николая к оппозиции проявилось и при увольнении А.Ф.Трепова и П.Н.Игнатьева.

Отставляя А.Ф.Трепова, царь наградил его своим портретом. ²³² Когда 21 декабря П.Н.Игнатьев заговорил с Николаем об уничтожении «средостения бюрократии» и установлении «контакта со страной», то встретил

«полное сочувствие и понимание» со стороны собеседника. Николай воскликнул: «Так для чего же я Думу дал? Для уничтожения средостения бюрократии и для контакта».²³³ В конце встречи с П.Н.Игнатьевым император заявил: «Благодарю вас за правду и очень рад, что вы мне сказали правду так, как вы ее понимаете».²³⁴ При отставке П.Н.Игнатьев не получил назначения в Государственный совет, куда попадали бывшие министры. Поэтому он полагал, что с ним «расстались более чем недружелюбно по внешней форме, хотя были довольно любезны при личном прощании».²³⁵ По инициативе графа В.Б.Фредерикса 1 января 1917 г. царь наградил П.Н.Игнатьева чином шталмейстера. Возведя опального министра во вторые чины двора, Николай был «крайне доволен».²³⁶

Вместе с тем, увольняя оппонентов А.Д.Протопопова, император еще раз подчеркнул, что, будучи сторонником компромисса между правительством и оппозицией, не намерен, идя к этому компромиссу, допускать явные уклонения в сторону парламентаризма.

3. «Достойное отношение».

Премьерство Н.Д.Голицына (декабрь 1916 — февраль 1917 г.)

В конце 1916 — начале 1917 г. на отношения правительства и Думы главное влияние оказывало стремление царя добиться соглашения с Прогрессивным блоком на почве Основных законов.²³⁷ Николай понимал, что оппозиционеры требуют от него «отказа от самодержавия», «передачи власти» Думе и Государственному совету и «превращения их в парламент с ответственным министерством».²³⁸ Тем не менее по отношению к народному представительству Николай держался «примирительной политики».²³⁹ Это доказывала последовавшая 27 декабря 1916 г. замена А.Ф.Трепова князем Н.Д.Голицыным, одним из лидеров консервативно-либерального крыла бюрократической элиты. По официальному статусу он являлся назначенным членом правой группы Государственного совета, а по политическим взглядам — умеренным дуалистом.²⁴⁰

Первоначально царь намечал на место премьера государственного секретаря С.Е.Крыжановского и назначенного члена той же группы графа А.А.Бобринского.²⁴¹

Н.Д.Голицын был помощником Александры Федоровны по Комитету помощи русским военнопленным. Поэтому современники и исследователи полагали, что князь оказался премьером исключительно благодаря царице.²⁴² Это мнение не выдерживает никакой критики. В тех кадровых комбинациях, которые Александра Федоровна сообщила Николаю в декабре 1916 г., имя Н.Д.Голицына ни разу не значится. Между тем, если бы царица действительно добивалась назначения князя, то в декабре поддержала бы его кандидатуру в письмах супругу, как она это сделала в случае с Н.А.Добровольским. Раз дело обстоит иначе, то, следовательно, о замене А.Ф.Трепова Н.Д.Голицыным Александра Федоровна не помышляла. Более того, в декабре она была против увольнения А.Ф.Трепова. Царица полагала, что после отставки министра юстиции А.А.Макарова, который инспирировал А.Ф.Трепова, его положение, писала она мужу 15 декабря, «в общем, улучшится».²⁴³

Г.Е.Распутин также не имел отношения к выдвижению Н.Д.Голицына. Старец выступал за замену А.Ф.Трепова И.Г.Щегловитовым.²⁴⁴ Одновременно Г.Е.Распутин являлся противником назначения премьером более правого сановника — Н.А.Маклакова.²⁴⁵

П.А.Бадмаев не только сам, но и через Г.Е.Распутина предлагал дать премьерство командующему Дунайской армией (впоследствии — главнокомандующему Румынским фронтом) генералу В.В.Сахарову.²⁴⁶

Не имел отношения к выдвижению Н.Д.Голицына и А.Д.Протопопов. Он советовал императору поставить во главе кабинета либо председателя группы правого центра Государственного совета А.Б.Нейдгарта, либо назначенного члена той же группы С.В.Рухлова, либо лидера прогрессивной группы — министра иностранных дел Н.Н.Покровского.²⁴⁷ Мнения царицы, старца и А.Д.Протопопова никакого влияния на Николая не оказали.

За появлением Н.Д.Голицына в роли премьера стоял именно царь. Это видно из обстоятельств, которые сопутствовали назначению князя. Мысль о вручении премьерства Н.Д.Голицыну могла возникнуть у Николая 20 декабря, во время последнего всеподданнейшего доклада А.Ф.Трепова. Докладчик напомнил императору, что 26 ноября он согласился на рассмотрение в Совете министров ходатайства Н.Д.Голицына об отпуске Комитету помощи русским военнопленным 10 000 000 рублей «для улучшения питания военнопленных». Николай заявил тогда А.Ф.Трепову, что «свобода суждений Совета не должна почитаться стесненною воспедававшими по данному предмету высочайшими повелениями».²⁴⁸ Воспользовавшись этим, кабинет А.Ф.Трепова отклонил ходатайство Н.Д.Голицына, о чем докладчик и сообщил императору 20 декабря.

Переживая разочарование в А.Ф.Трепове, Николай решил заменить лукавого премьера Н.Д.Голицыным, которому 25 декабря телефониروали, что его приглашает Александра Федоровна. Князя принял император. «Императрица занята, — сказал он, — а я свободен, и вот, побеседуем». Беседуя с Н.Д.Голицыным, Николай говорил о военнопленных и своем отношении к Думе.²⁴⁹ Затем император остановился на вопросе о назначении нового премьера: «Теперь Трепов уходит, и я очень озабочен, кого назначить». Назвав С.В.Рухлова, Николай заявил, подразумевая намечавшуюся на январь 1917 г. Петроградскую конференцию союзников: «Очень хорошо было бы, но он не знает французского языка, а на днях конференция собирается, и потому назначение его представляется неудобным». Наконец, Николай раскрыл собеседнику свои карты. «Я с вами хитрю, — сказал он. — Я вас вызывал, не императрица, а я. Я долго думал, кого назначить председателем Совета министров, и мой выбор пал на вас».²⁵⁰ Н.Д.Голицын от премьерства отказался. «Ну, что же с вами поделаешь, — заметил император. — Я не хочу вас принуждать, а просьбы мои бессильны; помогайте по-прежнему императрице, она вас очень ценит, а я подумаю о назначении другого лица на должность председателя Совета». Однако отказ Н.Д.Голицына утвердил императора во мнении о том, что назначить надо именно князя.²⁵¹

На следующий день, 26 декабря, Николай написал А.С.Танееву: «Представьте мне указы об увольнении статс-секретаря Трепова и графа Игнать-

ева и о назначении — члена Государственного совета сенатора князя Николая Дмитриевича Голицына председателем Совета министров и сенатора Кульчицкого управляющим Министерством народного просвещения».²⁵²

Назначение Н.Д.Голицына объяснялось тем, что князя, подобно Б.В.Штурмеру, расценивали при дворе как «человека, особенно пригодного для умиротворения разыгравшихся страстей», умеющего «ладить с либеральной оппозицией, не уступая ей». Говоря иначе, Н.Д.Голицын имел репутацию сановника, способного на сотрудничество с общественностью без колебания престижа власти. Но именно к этому в конце 1916 г. стремился Николай, который желал компромисса с оппозицией на условии сохранения дуалистической системы. Шагом на пути к такому компромиссу и было назначение Н.Д.Голицына, пользовавшегося, по мнению монарха, доверием общества. Во время встречи с императором, состоявшейся 30 декабря, английский посол Д.У.Бьюкенен заявил, что Дума «удовлетворилась бы, если бы его величество назначил председателем Совета министров человека, к которому питали бы доверие как он сам, так и народ, и позволил бы ему избрать своих коллег». Тем самым посол выполнил рекомендацию М.В.Родзянко, данную накануне. Николай «сослался в оправдание на некоторые перемены», которые «недавно произвел в министерстве»,²⁵³ т.е. прежде всего на назначение князя.

Замена А.Ф.Трепова Н.Д.Голицыным не означала поправки власти, тем более что к его назначению правая группа Государственного совета была абсолютно непричастна. Имея в виду своих коллег по группе, Н.А.Маклаков отмечал, что князь попал в премьеры «совершенно неожиданно для всех нас».²⁵⁴

Назначение Н.Д.Голицына не ставило под сомнение и курса на «священное единение». Индивидуальные особенности князя говорили в пользу того, что если изменение правительственной политики и последует, то скорее в сторону ее смягчения. Впрочем, позиция нового премьера была обусловлена позицией монарха. Инструкции, данные Н.Д.Голицыну Николаем, состояли в том, чтобы «наладить работу» с Думой, «не меняя состава Совета министров».²⁵⁵ Последняя оговорка, намекавшая на необходимость оставления в кабинете, вопреки Прогрессивному блоку, А.Д.Протопопова, показывала, что Николай придерживался курса на достижение компромисса с Думой, но только в рамках дуалистической системы. То же самое показывала сопутствовавшая назначению Н.Д.Голицына реорганизация кабинета, которая совершенно не затронула прогрессивную группу. К декабрю 1916 г. ее членов было 8 человек, а их оппонентов — 5.

В конце 1916 — начале 1917 г. А.Ф.Трепова (на посту министра путей сообщения), П.Н.Игнатьева и Д.С.Шуваева заменили товарищ министра путей сообщения Э.Б.Войновский-Кригер, сенатор Н.К.Кульчицкий и военный представитель России в Румынии генерал М.А.Беляев, причем двое из них (Э.Б.Войновский-Кригер и М.А.Беляев) пополнили состав прогрессивной группы.

Э.Б.Войновский-Кригер, как известный инженер, пользовался общественным доверием.²⁵⁶ Его назначение произошло помимо Александры Фе-

доровны и Г.Е.Распутина. В декабре 1916 г. царица и старец выступали за замену А.Ф.Трепова (на посту министра путей сообщения) Ф.М.Валуевым.²⁵⁷

Н.К.Кульчицкий также получил портфель руководителя Министерства народного просвещения в силу своих выдающихся способностей, а не действия «безответственных влияний».²⁵⁸ В письмах императрицы его имя отсутствует. Г.Е.Распутин же летом 1916 г. безуспешно выступал за назначение Н.К.Кульчицкого преемником не П.Н.Игнатьева, а обер-прокурора Синода А.Н.Волжина.²⁵⁹

Выдающиеся личные способности выдвинули в министры и М.А.Беляева.²⁶⁰ Генерал имел авторитет у парламентаристов, лидеров оппозиции и союзных дипломатов.²⁶¹ Одновременно М.А.Беляеву симпатизировала царица, которая во второй половине 1916 г. настойчиво советовала супругу поставить во главе военного ведомства именно М.А.Беляева.²⁶² Казалось бы, назначение его министром надо трактовать как торжество «безответственных влияний». При более тщательном анализе этот вывод оказывается неверным. Действительно, мнение царицы о М.А.Беляеве только совпадало с мнением о нем Николая.²⁶³ Что касается Г.Е.Распутина, то в конце 1916 г. он и П.А.Бадмаев рекомендовали назначить военным министром В.В.Сахарова.²⁶⁴

Появление М.А.Беляева в роли руководителя военного ведомства стало результатом личного выбора царя, принявшего во внимание профессиональный опыт генерала. Во время состоявшейся 31 декабря встречи с М.А.Беляевым Николай высказался за то, чтобы ко времени созыва в Петрограде конференции союзников его собеседник был военным министром. Объясняя свой выбор, Николай заметил: «Нынешний военный министр не говорит по-французски, а вы вели за границей целый ряд переговоров».²⁶⁵

Несмотря на то, что министерские назначения конца 1916 — начала 1917 г. произошли независимо от «безответственных влияний», современники, зараженные массовым психозом, верили в обратное. Германские агенты, говорил императору Д.У.Бьюкенен 30 декабря, «дергают за веревки и пользуются, как бессознательным орудием, теми, кто обычно дает советы вашему величеству о выборе ваших министров», влияют «на императрицу через окружающих ее лиц». Отвечая на слова Д.У.Бьюкенена, Николай выпрямился и сказал: «Я сам выбираю своих министров и никому не разрешаю влиять на мой выбор». На вопрос посла, как он это делает, император ответил: «Наводя справки о способности тех, кого я считаю наиболее подходящим для руководства делами различных министерств».²⁶⁶

Накануне Февральской революции царь назначал министров, учитывая мнение не «безответственных влияний», а оппозиционной общественности. Поэтому после реорганизации кабинета прогрессивная группа, включая в себя 8 человек, доминировала по-прежнему.

К началу 1917 г. мнение о необходимости введения парламентаризма разделялось «большинством министров».²⁶⁷ К этому времени существование в кабинете влиятельной группы сторонников оппозиции стало политической традицией. «Даже в среде самого правительства последних лет», писал выборный член правой группы Государственного совета М.Я.Гово-

руха-Отрок в записке, адресованной царю в конце 1916 г., «существует довольно прочно установившееся убеждение», что монарху необходимо «пойти навстречу заявленным требованиям об ответственном министерстве».²⁶⁸ Данное обстоятельство свидетельствует не только о том, что на протяжении указанного периода прогрессивная группа доминировала над оппонентами, но и о наличии у царя стремления к соглашению с оппозицией, тем более что сановников, являвшихся сторонниками Прогрессивного блока, Николай сохранял на министерских постах сознательно.

Степень оппозиционности министра финансов П.Л.Барка была такова, что именно с ним перед аудиенцией у Николая Д.У.Быюкнен советовались о том, что сказать императору. Посол и министр единодушно считали, что введение парламентаризма крайне необходимо.²⁶⁹ Сразу после аудиенции произошла встреча Николая с П.Л.Барком. Он заявил о своем нежелании находиться в кабинете вместе с А.Д.Протопоповым, подав императору прошение об отставке. Николай возвратил его со словами: «Теперь не время для министров покидать свои посты».²⁷⁰

Затем, 3 января, с той же самой мотивировкой подали в отставку министр иностранных дел Н.Н.Покровский и торговли и промышленности князь В.Н.Шаховской.²⁷¹ Однако увольнять этих членов прогрессивной группы Николай также не стал. Император «очень кротко» выслушал Н.Н.Покровского, который умолял не следовать «гибельным советам Протопопова» и открыть глаза на «неминуемую катастрофу». Но затем Николай велел министру «сохранить свои функции», заверяя, что «положение не так трагично» и «все устроится».²⁷² Когда Н.Н.Покровский заявил императору, что в кабинете станет обосновывать «такие мнения, которые будут создавать там диссонанс», Николай заметил, что «это ничего, что это хорошо». Оппозиционное поведение министра иностранных дел ни в коей мере ему не повредило.²⁷³

Если царь и соглашался на увольнение парламентаристов, то при этом отнюдь не тормозил их карьеры.²⁷⁴ Примирительное отношение Николая к оппозиции засвидетельствовали строки царского рескрипта, данного 6 января 1917 г. новому премьеру. В составлении проекта рескрипта участвовали Н.Д.Голицын, Н.Н.Покровский и А.Д.Протопопов.²⁷⁵ В рескрипте Николай выражал уверенность, что деятельность Совета министров под председательством Н.Д.Голицына «встретит помощь в среде Государственного совета и Государственной думы, объединяясь единодушным и горячим желанием довести войну до победного конца». «Благожелательное, прямое и достойное отношение к законодательным установлениям, — отмечал император, — я ставлю в непременную обязанность призванных мною к государственному служению лиц».²⁷⁶ Участие А.Д.Протопопова в составлении рескрипта, примирительного по отношению к оппозиции, не случайно.

До января 1917 г. он надеялся «на возможность примирения» с Думой и был «очень чуток к деловым посещениям его депутатами».²⁷⁷ Повод к окончательному разрыву А.Д.Протопопова с Прогрессивным блоком дал инцидент, который произошел в Царском Селе, во время принятия Николаем новогодних поздравлений. Когда министр, увидев М.В.Родзян-

ко, обратился к нему со словами примирения: «Дорогой мой, ведь во всем можно согласиться», председателю Думы показалось, что А.Д.Протопопов хочет поздороваться с ним. Позднее А.Д.Протопопов уверял, что о рукопожатии не думал.²⁷⁸ Тем не менее М.В.Родзянко заложил руку за спину и крикнул: «Нигде и никогда!» Хотя А.Д.Протопопов пытался примириться с оппозицией, новогодний инцидент парламентаристы безосновательно расценили как провокацию, имеющую в виду роспуск Думы.²⁷⁹

Руководитель МВД увидел в инциденте провокацию, инсценированную А.И.Гучковым, а потому отправил ему письмо, которым уведомил о своем выходе из партии октябристов.²⁸⁰ Непримируемость М.В.Родзянко объяснялась его тесной вовлеченностью в заговор, нацеленный против императора.

К началу 1917 г. заговор окончательно созрел.²⁸¹ Отрывочную информацию о нем имели даже Н.Д.Голицын и Николай. В начале января премьер нарисовал императору «самую мрачную картину состояния умов, царящего в России, в особенности в Москве и Петрограде». Князь не скрыл от Николая, что «жизнь царя и царицы в опасности» и в полках «открыто говорят об объявлении другого царя». Николай воспринял эти заявления «с невозмутимой беспечностью», заметив: «Императрица и я знаем, что мы в руке Божьей. Да будет воля его!»²⁸²

Председатель Думы не мог не понимать, что введением парламентаризма заговорщики могут воспользоваться для свержения Николая. Несмотря на это, 7 января при встрече с императором М.В.Родзянко высказался за назначение «ответственного премьера, облеченного доверием народа».²⁸³ Мотивируя необходимость парламентаризма, М.В.Родзянко сослался на влияние «темных сил». Николай, намекнув на убийство Г.Е.Распутина, сообщила А.Н.Родзянко княгине З.Н.Юсуповой, заметил: «Да ведь теперь их больше нет».²⁸⁴

М.В.Родзянко заговорил о том, что формированием кабинета завладела царица, по желанию которой «неудобные быстро летят со своих мест и заменяются людьми, совершенно неподготовленными». Отвечая на это, Николай был немногословен, но красноречив: «Дайте факты, — сказал он, — нет фактов, подтверждающих ваши слова». Председатель Думы был вынужден признать, что «фактов нет». Но затем, вопреки своим же словам, М.В.Родзянко заявил, что «все направление политики, которой, так или иначе (!), руководит ее величество, ведет к тому, что в народных умах складывается такое убеждение». Когда царь, обхватив голову руками, воскликнул: «Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался», у председателя Думы хватило бестактности, чтобы заявить: «Да, ваше величество, двадцать два года вы стояли на неправильном пути». Несмотря на это, с М.В.Родзянко Николай «протиснулся ласково и не выказал ни гнева, ни даже неудовольствия».²⁸⁵

Царь осознавал, что в конкретном политическом контексте начала 1917 г. парламентаризм вызовет падение монархии.²⁸⁶ Вместе с тем Николай допускал возможность установления парламентаризма, но только при более благоприятной ситуации. Немедленное дарование «ответственного министерства», по мнению царя, вызвало бы внутреннюю дестабилизацию и поставило под сомнение победу над Германией.²⁸⁷

Большая вероятность полной парламентаризации верховного управления России после войны была детерминирована международным фактором. Русские союзники в Европе принадлежали к числу парламентарных стран. И царь учитывал это. На обеде, данном 21 января участникам Петроградской конференции стран Антанты, Николай заявил, что дело союзников «является делом справедливости и свободы народов».²⁸⁸ Естественно, что в это время царь оставался принципиальным противником низведения законодательной Думы до уровня законосовещательного органа, к чему его призывали черносотенцы.²⁸⁹ Позиция Николая, противостоявшего сторонникам государственного переворота не только слева, но и справа, имела центральный характер.

Отклик у царя находили мнения консервативных либералов, которые выступали не за лишение Думы законодательных полномочий, а за то, чтобы она функционировала строго в рамках Основных законов, т.е. дуалистической системы.²⁹⁰ Средство урегулирования конфликта между правительством и оппозицией заключалось, по мнению Николая, не в репрессивных мерах, а в победоносном исходе войны. Внешнеполитический успех он расценивал как очевидную предпосылку нормализации внутриполитического положения.²⁹¹ После эскалации оппозиционной деятельности Прогрессивного блока от сотрудничества с ним, основанного на соблюдении конституции 1906 г., монарх так и не отказался.

Точку зрения царя конкретизировали его отношения с А.А.Клоповым, который для доведения до монарха мнения лидеров оппозиции добивался у него аудиенции. Посылая Николаю перлюстрацию письма А.А.Клопова по поводу аудиенции, адресованного великому князю Михаилу Александровичу, А.Д.Протопопов сообщил, что «оппозиционное направление» письма заставляет опасаться, не произведет ли его автор «покушения на царя». Николай написал министру внутренних дел: «Клопов старичок, давно мне известный».²⁹²

Встреча царя и его корреспондента произошла 29 января.²⁹³ Накануне А.А.Клопов советовался с Г.Е.Львовым и другими оппозиционерами. Николай встретил А.А.Клопова «очень радушно» и поблагодарил «за искреннее письмо», которое, как он выразился, «был очень рад получить».²⁹⁴ А.А.Клопов говорил о необходимости немедленного созыва Думы и объявления в ней лично монархом об образовании «ответственного министерства» во главе с Г.Е.Львовым.²⁹⁵ Император выслушал А.А.Клопова молча, но когда он заявил, что «не уйдет, не получив ответа на вопрос об ответственном министерстве», Николай заметил: «Да, кажется, другого выхода нет».²⁹⁶

Однако ответ на письмо А.А.Клопова от 29 января, призывавшее к установлению «ответственного министерства»,²⁹⁷ царь поручил написать А.Д.Протопопову, который привлек к этому И.Я.Гурлянда. В ответном письме идеи А.А.Клопова были подвергнуты критике. В письме говорилось о «своевременности экономических, а не политических реформ»,²⁹⁸ так как «все недовольство зиждется на экономических принципах», а изменение «политических принципов» приведет «к началам республиканского строя». Правительству, полагали авторы письма, необходимо установить «твердое и достойное» отношение к Думе. «Политика забегания

перед Думой должна быть оставлена», а она — «стоять на почве законодательной работы».²⁹⁹ Точка зрения И.Я.Гурлянда, А.Д.Протопопова, а значит — и самого царя, была дуалистической, поскольку не допускала вмешательства Думы как учреждения чисто законодательного в область управления.

Сохраняя дуалистическую систему, Николай ради «священного единения» шел на реформы, нацеленные в том числе на решение земельного³⁰⁰ и еврейского вопросов.³⁰¹ Полное решение этих вопросов император намеревался предоставить исключительно Думе.³⁰²

Принимая во внимание примирительное отношение Николая к оппозиции, достижение компромисса между правительством и Думой Н.Д.Голицын расценивал как основную задачу своего премьерства.³⁰³ В этом он расходился с крайне правыми. Н.А.Маклаков, беседуя с Н.Д.Голицыным, «ручался, что он скоро увидит, до какой степени фантастично то, на что он рассчитывал». На это князь говорил, что «худой мир лучше доброй ссоры. Поэтому он пойдет, на что можно».³⁰⁴

Для начала премьер избрал вопрос о времени возобновления занятий законодательных учреждений. Когда Н.Д.Голицын осведомился у М.В.Родзянко, не отсрочить ли созыв Думы, то он ему ответил, что «это дело правительства».³⁰⁵ Князь понял, что таково желание М.В.Родзянко.

На заседании Совета министров 3 января пять парламентаристов (Н.Н.Покровский, С.Г.Феодосьев, Д.С.Шуваев, товарищ министра торговли и промышленности Н.П.Ланговой и товарищ министра финансов А.И.Николаенко) выступили за созыв Думы, как было предположено еще А.Ф.Треповым, 12 января. Надеясь на увольнение А.Д.Протопопова, они заявили, что возможность ее созыва «должна быть подготовлена соответствующими мероприятиями».

Н.Д.Голицын, три парламентариста (Э.Б.Войновский-Кригер, И.К.Григорич, А.А.Риттих) и пять дуалистов (Н.А.Добровольский, Н.К.Кульчицкий, А.Д.Протопопов, Н.П.Раев и товарищ главноуправляющего государственным здравоохранением В.И.Разумовский) находили, что «при настоящем настроении думского большинства открытие Думы и появление в ней правительства неизбежно вызовет нежелательные и недопустимые выступления, следствием коих должен бы явиться роспуск Думы и назначение новых выборов». Во избежание подобной меры они считали предпочтительным «на некоторое время отсрочить созыв Думы, назначив срок созыва на 31 января». Наконец, А.Д.Протопопов, вместе с тремя дуалистами (Н.А.Добровольский, Н.К.Кульчицкий, Н.П.Раев), предложил продолжить срок перерыва занятий нижней палаты до 14 февраля, с чем Совет министров и согласился.³⁰⁶

В данном случае разные министры преследовали разные цели. Дуалисты в оттягивании созыва Думы видели средство понижения накала политической атмосферы, парламентаристы — увеличение периода, за который можно было бы добиться отставки А.Д.Протопопова. Вторую мотивацию разделял и Н.Д.Голицын, полагавший, что, отсрочив начало занятий Думы, он выполнил желание ее председателя. После заседания правительства Н.Д.Голицын сказал М.В.Родзянко: «Ну что же, вы довольны? Мы отсрочили созыв Думы, как вы того желали».³⁰⁷ Но оппозиция

расценила отсрочку занятий нижней палаты как неблагоприятную по отношению к ней меру. Между тем Н.Д.Голицын за время отсрочки соби-рался выполнить основное требование Прогрессивного блока — об от-ставке министра внутренних дел.

Премьер «не выносил» А.Д.Протопопова и «решительно желал сбить его как-нибудь из Совета министров». ³⁰⁸ Во время состоявшегося 27 января ³⁰⁹ очередного доклада у Николая князь попытался доказать императору необходимость отставки А.Д.Протопопова. Николай выслушал Н.Д.Го-лицына спокойно, напоследок заявив: «Я вам теперь ничего по этому поводу не скажу, а скажу в следующий раз». Однако через несколько дней Нико-лай дал отрицательный ответ: «Я вам хотел сказать по поводу Протопопо-ва. Я долго думал и решил, что пока я его увольнять не буду». ³¹⁰

Сам А.Д.Протопопов поднимал вопрос о своем уходе и при Н.Д.Голи-цыне, но на его просьбу об отставке Николай заявил: «Я вам сам скажу, когда найду это нужным, подождите, не слушайте других». ³¹¹

Помимо А.Д.Протопопова, Н.Д.Голицын хотел удалить из кабинета и других дуалистов — министра юстиции Н.А.Добровольского и обер-про-курора Синода Н.П.Раева. ³¹² Следовательно, при всем различии между их стилями управления, Н.Д.Голицын мало отличался от А.Ф.Трепова. Выступая, как и он, за удаление неугодных оппозиции министров, Н.Д.Го-лицын фактически был готов пойти на временное установление парла-ментаризма.

Как и А.Ф.Трепов, Н.Д.Голицын координировал деятельность кабине-та с программой Прогрессивного блока. Князь полагал, что «от 87-й статьи следует по возможности воздерживаться». ³¹³ Н.Д.Голицын выполнял пун-кты программы по польскому ³¹⁴ и кооперативному вопросам. ³¹⁵ Продум-ская позиция премьера привела к политической изоляции А.Д.Протопо-пова не только в обществе, но и в кабинете.

Против министра внутренних дел «выступали все члены Совета ми-нистров, включая его председателя». ³¹⁶ Только Н.А.Добровольский и Н.П.Раев были «близки» А.Д.Протопопову и «всегда выступали в согла-сии с ним». ³¹⁷ Изоляция министра внутренних дел не вызвала превраще-ния его в ортодоксального консерватора. А.Д.Протопопов, будучи дуа-листом, решительно противостоял не только парламентаристам, но и крайне правым. ³¹⁸ То же самое относится и к Н.А.Добровольскому, издав-шему 4 февраля, накануне революции, либеральный циркуляр о недопу-стимости частых арестов. ³¹⁹

Вопреки крайне правым, А.Д.Протопопов и Н.А.Добровольский «были склонны» ввести еврейское равноправие «в самом непродолжительном времени». Подготовленный ими проект соответствующего указа плани-ровалось объявить «на Пасху», т.е. 2 апреля 1917 г. ³²⁰

Если в качестве частного лица А.Д.Протопопов и допускал гипотетичес-кую возможность роспуска Думы, то, в отличие от черносотенцев, рассматри-вал его не как шаг на пути к превращению нижней палаты в законосовеща-тельное учреждение, а как явление, вполне естественное для конституционно-дуалистической монархии. Подтверждение этому А.Д.Про-топопов находил в политической практике государств с аналогичным россий-

скому режимом. «Япония, — говорил он Н.Д.Голицыну, — одиннадцать раз распускала парламент, и мы распустим». ³²¹ Оппозиционеры подозревали А.Д.Протопопова в желании распустить нижнюю палату для заключения се-паратного мира. Между тем сам он относился отрицательно к оппозиции по-тому, что внутренняя дестабилизация, которую, по мнению министра, вызы-вала тактика Прогрессивного блока, могла отдалить победу над Германией. ³²²

В качестве официального лица к немедленному роспуску Думы А.Д.Про-топопов не стремился. Как министр, он выступал только за перерывы в ее сессиях. ³²³ Неприятию А.Д.Протопоповым идеи роспуска давали обоснова-ние полицейские аналитики. ³²⁴ Двойственное отношение министра к этой идее предопределила трагическая по своим последствиям не только для него, но и для защищавшегося им строя раздвоенность его сознания.

А.Д.Протопопов, поправев, как бы по инерции оставался тем, кем был ранее, — оппозиционером. Показателен эпизод, явившийся следствием обращения к нему московского губернского предводителя дворянства П.А.Базилевского. По инициативе М.В.Родзянко П.А.Базилевский хо-датайствовал об аудиенции у царя для доклада резолюции московского дворянства, которая требовала «министерства доверия». Необходимость отказа в аудиенции А.Д.Протопопов мотивировал В.Б.Фредериксу тем, что прием П.А.Базилевского мог оказаться для царя «не вполне желатель-ным как докладчика вестей односторонне освещенных». Однако хода-тайство предводителя, подчеркивал министр внутренних дел, «находит себе опору в законе». Кроме того, «отказ в приеме предводителя именно московского дворянства, занимающего как бы первенствующее положе-ние среди дворянских обществ в Империи, мог бы вызвать в широких дворянских кругах глубокое впечатление, а главное — быть нежелатель-ным истолкованием оппозиции Двора». Поэтому А.Д.Протопопов, буду-чи противником удовлетворения ходатайства, высказался за назначение приема П.А.Базилевскому, выразив надежду, что царь поставит ему на вид резолюцию московского дворянства «как отступление от своих вековых традиций». ³²⁵

Встреча Николая и П.А.Базилевского произошла 8 февраля. ³²⁶ На воп-рос императора: «Какой же практический выход из создавшегося положе-ния видит московское дворянство?» предводитель ответил: «Ваше величе-ство, московское дворянство, как оно и высказало в своем постановлении, полагает, что успокоение умов возможно только при том условии, если во главе управления станут лица, ответственные перед вами, но опыт и зна-ние которых известны всем, и которые были бы способны работать в со-гласии с законодательными учреждениями». П.А.Базилевский высказался за «министерство доверия», выглядевшее в глазах императора «замаскиро-ванным переходом к парламентаризму». Попытка поставить назначение министров в зависимость от мнения Думы казалась Николаю «недопусти-мым посягательством на самостоятельность царской власти». ³²⁷

Твердое отстаивание Николаем собственной точки зрения детерми-нировалось непримиримостью оппозиции. Н.Д.Голицын собирався про-вести раут для представителей законодательных палат как «первый шаг на пути к примирению и сближению с общественностью». Однако 3 фев-

раля лидеры Прогрессивного блока решили не ехать на раут, но «в виде протеста не лично против Н.Д.Голицына, а против правительственной власти вообще».³²⁸ Между тем Николай, как и ранее, стремился избегать открытого столкновения с Думой.

На заседании Особого совещания по обороне 4 февраля М.В.Родзянко, с подачи П.Н.Крупенского, ходатайствовал «о назначении экстренного заседания Особого совещания под личным Его императорского величества председательством».³²⁹ Когда А.Д.Протопопов сообщил Николаю опасения председателя совещания М.А.Беляева относительно случившегося, царь ответил: «Да, я это уже знаю со слов Щегловитова; ведь если собрать, то будут такие речи, что, пожалуй, придется ударить кулаком по столу и сказать: “Молчать”». «Да, государь, — согласился А.Д.Протопопов, — речи будут, несомненно, очень резкие, положение ваше будет трудное, но и стучать кулаком выйдет неловко. Нового же вряд ли что узнаете; речами недостатка пушек, рельс и пороха не пополнить». «Так что же делать? — осведомился Николай, сразу же предложив решение проблемы: — Думаю не собирать пока, так и напишу!» А.Д.Протопопов поддержал императора: «Думаю, что лучший выход будет резолюция, что соберете Совещание, когда сочтете это необходимым».³³⁰ Исполняя повеление Николая, М.А.Беляев сообщил Особому совещанию, что «император соизволит принять участие в работах совещания, когда Его императорскому величеству благоугодно будет признать это необходимым».³³¹

Упорствование Прогрессивного блока в оппозиционности давало Николаю поводы для предположения о том, что после открытия 14 февраля сессии Думы она начнет новый «штурм власти». Поэтому, при всей готовности царя на соглашение с оппозицией без нарушения Основных законов, он вынужден был учитывать и возможность роспуска Думы, на что имел полное право по конституции. Согласно письму Н.А.Маклакова Николаю от 9 февраля, днем раньше он через А.Д.Протопопова предложил Н.А.Маклакову подготовить проект манифеста на случай роспуска.³³² В проекте нижняя палата обвинялась в том, что она «вновь уклонилась в область политических стремлений» и «вступила в борьбу за власть с правительством, преисполненным искреннего желания дружной и совместной с ней работы». После указания на то, что «России нужны не речи, смущающие народную душу и расшатывающие нашу государственность, а созидательная работа, укрепляющая государственный порядок», объявлялось о роспуске IV Думы и назначении выборов в V на декабрь 1917 г.³³³

Роспуск Николай рассматривал не как окончательное решение, но только в качестве гипотетической возможности. Когда 11 февраля Н.А.Маклаков представил проект императору, то, сказав ему: «Оставьте, я посмотрю», Николай добавил, что «это на всякий случай», «он еще не знает, как поступить», и «вообще вопрос требует обсуждения со всех сторон».³³⁴ От роспуска царь отказался, поскольку сознавал, что состояние страны требовало «наличности Думы».³³⁵

По мнению Николая, неизбежная победа России сделала бы роспуск ненужным. В.М.Волконский говорил В.В.Шульгину в начале февраля, что если весеннее наступление закончится удачно, то Думу «прогонять не придется, потому что на радостях все забудется».³³⁶

Нежелание Николая пойти на роспуск объяснялось его готовностью примириться с оппозицией, но только при сохранении дуалистической системы. Свидетельством этого была состоявшаяся 10 февраля³³⁷ встреча царя с М.В.Родзянко. Накануне нее, 7 февраля, выражая программный минимум оппозиции, А.А.Клопов писал Николаю о необходимости дарования «ответственного министерства» и приезда царя на открытие Думы.³³⁸ Параллельно оппозиционеры действовали через главу английской делегации на Петроградской конференции — лорда А.Мильнера. После консультаций с ними лорд адресовал Николаю записку, датированную 4 февраля и призывавшую к назначению министрами представителей общественности.³³⁹

На аудиенции М.В.Родзянко выступил перед императором за увольнение А.Д.Протопопова и «ответственное перед палатами правительство». Возражая собеседнику, Николай заметил: «Ведь Протопопов был вашим товарищем председателя в Думе... Почему же теперь он вам не нравится?»³⁴⁰ От императора М.В.Родзянко получил «самые категорические указания». Дума, заявил Николай, «должна спокойно, терпимо и корректно относиться к императорскому правительству и отдельным его членам», т.е. А.Д.Протопопову. Работа Думы, полагал Николай, «должна не возбуждать умы в сторону неосуществимых при данных условиях политических лозунгов», а «быть направлена в сторону разработки тех мер, которые действительно могли бы послужить на пользу армии и приблизить час победы».³⁴¹ На вопрос М.В.Родзянко, верны ли слухи о скором роспуске Думы, Николай, сообщила А.Н.Родзянко З.Н.Юсуповой 12 февраля, ответил: «Вероятно, занятия протянутся до Пасхи; впрочем, все от вас зависит, и если не будет неприличных, резких выступлений против правительства, Дума не распустится».³⁴² Судьбу Думы царь поставил в жесткую зависимость от ее поведения. Николай предупредил М.В.Родзянко, что «если Дума позволит себе такие же резкие выступления, как прошлый раз, то она будет распущена».³⁴³

М.В.Родзянко в долгу не остался. «Я вас предупреждаю, — сказал он императору, — я убежден, не пройдет и трех недель с этого дня, как вспыхнет революция, которая сметет вас, и вы уже царствовать не будете».³⁴⁴ Поразительная прозорливость М.В.Родзянко объяснялась не его пророческими способностями, а более простыми причинами. В это время председатель Думы носился с «целым ворохом антидинастических планов».³⁴⁵

Накануне встречи М.В.Родзянко с императором, 9 февраля, в кабинете председателя Думы произошло совещание лидеров оппозиции. Участниками совещания были также генералы А.М.Крымов (тесно связанный с заговорщической группой А.И.Гучкова) и Н.В.Рузский, главнокомандующий Северным фронтом.³⁴⁶ А.М.Крымов заявил, желая подвигнуть на переворот тех оппозиционеров, которые еще колебались: «Переворот неизбежен и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет». Кадет А.И.Шингарев согласился, что «переворот необходим». Имея в виду царя, председатель бюро Прогрессивного блока октябрист С.И.Шидловский заявил: «Щадить и жалеть его нечего, когда он губит Россию». Мно-

гие депутаты поддержали А.И.Шингарева и С.И.Шидловского. «Самым немоллимым и резким» оказался соратник А.И.Гучкова по заговору М.И.Терещенко.³⁴⁷ Участники совещания решили, что переворот «откладывать дальше нельзя». Поэтому, когда царь будет возвращаться из Ставки, его «в районе армии Рузского задержат и заставят отречься».³⁴⁸

Революционизацию настроений лидеров оппозиции не предотвратило то, что некоторые из них были придворными. Член фракции правых И.А.Папа-Афанасопуло говорил 20 февраля ялтинскому градоначальнику генералу А.И.Спиридовичу, приехавшему в Петроград: «Идем к развязке, все порицают государя. Люди, носящие придворные мундиры, призывают к революции».³⁴⁹

Революционизация затронула габитусы не только депутатов, но и бюрократов. На заседании Петроградской конференции союзников один из высших чинов Министерства торговли и промышленности Р.М.Ловягин поинтересовался у своего коллеги А.В.Ивановского: «Почему, вы думаете, таких болванов назначают теперь министрами?» А.В.Ивановский ответил: «Гришка Распутин лучших и назначить не умеет». «Нет, — возразил Р.М.Ловягин, — совсем не потому, а чтобы не жалко было, когда революционеры повесят их на фонарях».³⁵⁰ Еще до революции неизбежность ее победы стала очевидной даже для представителей бюрократической элиты.

Н.Д.Жевахов, разумея сторонников оппозиции, писал, что «ко времени наступления революции едва ли не в каждом департаменте каждого министерства находилось уже 90 % революционеров, поддерживаемых Думою и прессою, бороться с которыми можно было только пулеметами».³⁵¹ Если под «революционерами» понимать бюрократов, сочувствовавших Прогрессивному блоку, мнение Н.Д.Жевахова покажется утрированным лишь отчасти.

Несмотря на то, что свержение царя стало вопросом недель, после открытия 14 февраля сессии Думы премьер надеялся получить одобрение нижней палатой деятельности его кабинета. Беседуя перед началом сессии с М.В.Родзянко, Н.Д.Голицын интересовался, «будет ли Дума агрессивна», и выражал надежду, что он «сумеет ее сдержать».³⁵² Октябрист граф Э.П.Беннигсен встретил Н.Д.Голицына 14 февраля в Думе и спросил у премьера, «можно ли его поздравить с этим назначением». Н.Д.Голицын ответил: «Вот если сегодняшнее заседание пройдет благополучно, то тогда поздравьте меня».³⁵³

Примирительных настроений Н.Д.Голицын оставался преисполненным даже после того, как 15 февраля А.Ф.Керенский, упомянув о Бруте, намекнул на желательность царевбийства. По поводу речи А.Ф.Керенского Н.Д.Голицын обратился к М.В.Родзянко 17 февраля «с покорнейшею просьбою не отказать в распоряжении о доставлении» «подлинной, без цензурных пропусков, стенограммы упомянутой речи».³⁵⁴ М.В.Родзянко отказал Н.Д.Голицыну только 23 февраля. Тем не менее это не поколебало примирительного отношения Н.Д.Голицына к оппозиции. «Непонятный оптимизм» он сохранял «чуть ли не до последних дней пребывания у власти. Даже резкий, оскорбительный для правительства отказ М.В.Родзянко в доставлении просимой стенограммы, — вспоминал Г.Е.Рейн, — не изме-

нил его примирительных настроений».³⁵⁵ Выступление А.Ф.Керенского и поддержка, оказанная ему М.В.Родзянко, давали поводы для возбуждения вопроса о роспуске Думы. Однако именно потому, что премьером ее роспуск не планировался, он так и не последовал.³⁵⁶

Поводы для роспуска давал и материал, обнаруженный следствием после ареста, в конце января, Рабочей группы ЦВПК. Материал «ясно указывал на серьезную подготовку к перевороту и руководство им лицами, пользующимися правом иммунитета», т.е. депутатами Думы.³⁵⁷ Между тем, арестовывая простых революционеров, А.Д.Протопопов делал исключение для думцев, так как опасался «недовольства Думы, которое было бы этим вызвано». За думцами «только следили».³⁵⁸ На немедленный арест «революционного центра» А.Д.Протопопов не пошел, несмотря на все представленные ему доводы. Тогда же петроградское охранное отделение получило список членов будущего Временного правительства. Передавая список А.Д.Протопопову, начальник отделения генерал К.И.Глобачев также ходатайствовал об их немедленном аресте. А.Д.Протопопов ограничился тем, что сказал: «Это очень важно».³⁵⁹ Его поведение объяснялось надеждой на подавление революции силой.³⁶⁰ Но еще более промедление министра внутренних дел обусловили политические расхождения между ним и премьером. Эти расхождения отразились на судьбе доклада А.Д.Протопопову директора Департамента полиции А.Т.Васильева.

Доклад, подготовленный буквально накануне революции, сообщал о существовании двух «революционных заговоров». Их участники принадлежали к числу лидеров Прогрессивного блока и левых фракций Думы.³⁶¹ А.Д.Протопопов, из-за непрочности своего положения в Совете министров, не решился взять на себя ответственность за их аресты и представил доклад Н.Д.Голицыну. Как и оппозиционеры, подозревавшие А.Д.Протопопова в подготовке грандиозной провокации для подавления всякого недовольства, Н.Д.Голицын подозревал министра внутренних дел в том, что он ведет «какую-то закулисную линию»,³⁶² а потому также ему не доверял. Недоверие премьера перешло и на переданный А.Д.Протопоповым доклад Департамента полиции.

Впрочем, исключительно примирительное отношение бюрократической элиты к общественной контрэлите детерминировалось позицией царя, начинавшего склоняться к согласию на немедленное введение парламентаризма. Накануне своего отъезда в Ставку, намеченного на 22 февраля, после совещания с «некоторыми министрами во главе с Голицыным», Николай решил явиться на следующий день в Думу и объявить о даровании «ответственного министерства».³⁶³ Но вечером Николай сообщил Н.Д.Голицыну, что уезжает в Могилев. Указ «об ответственном кабинете» был подписан императором и находился у Н.А.Добровольского в письменном столе. Его предполагалось обнародовать «через Сенат, на Пасху», т.е. 2 апреля.³⁶⁴ Вероятно, указ имел в виду дарование судебной ответственности кабинета перед народным представительством. Именно эта идея лежала в основе того проекта, который А.Д.Протопопов разрабатывал по поручению царя еще осенью 1916 г.

Пока победа России не определилась окончательно, Николай находил нежелательной замену дуалистической системы парламентаризмом.

Это предопределялось не консервативностью царя, а его боязнью того, что радикальная реформа может неблагоприятно отразиться на военных операциях. «Я, — говорил Николай перед революцией, — не могу допустить, чтобы теперь, когда все мы поглощены борьбой с немцами, можно было поднимать вопрос о преимуществах парламентаризма». ³⁶⁵ Выявившееся в конце 1916 — начале 1917 г. стремление правительства к заключению союза с оппозицией даже путем фактического введения парламентаризма достигло своего апогея уже в дни Февральской революции.

4. «Нет смысла служить».

Ставка и оппозиция во второй половине 1916 — начале 1917 г.

Политическая позиция, занятая Ставкой во второй половине 1916 г., превратила этот центр власти не просто в союзника, но в инспиратора Прогрессивного блока и поддерживавших его общественных организаций. Борьба Думы с правительством находила «сочувствие» у начальника штаба Ставки генерала М.В.Алексеева. ³⁶⁶ Поведение генерала «в тоне общественной оппозиции» нравилось его подчиненным. ³⁶⁷

Парламентаристские взгляды разделялись не только начальником штаба, но и многими чинами Ставки. Они считали, что победа в войне возможна «лишь при условии полного единения народа с властью», т.е. при введении парламентаризма. Поскольку на это Николай не шел, штабные офицеры «с неодобрением и тревогой относились к внутренней политике верховной власти». ³⁶⁸

Оппозиционность М.В.Алексеева усилили замены С.Д.Сазонова и А.Н.Наумова Б.В.Штюмером и графом А.А.Бобринским. Эти замены генерал оценил крайне отрицательно. Когда офицеры заговорили в столовой о назначении премьера министром иностранных дел, М.В.Алексеев заметил: «Я теперь не удивлюсь, если завтра Штюмера назначат на мое место — начальником Штаба». «Сказано было это, — вспоминал протопресвитер Г.И.Шавельский, — с раздражением и так громко, что все могли слышать». ³⁶⁹ Реакция начальника штаба вполне понятна. Возвышение Б.В.Штюмера полностью расстроило планы М.В.Алексеева, нацеленные на введение парламентаризма путем образования «министерства государственной обороны» и решения польского вопроса.

Кадровые перемены лета 1916 г. начальник штаба неверно расценил как торжество «безответственных влияний». Когда 28 мая А.Н.Наумов поинтересовался у генерала, откуда ему известно, что он, А.Н.Наумов, хочет уйти в отставку, М.В.Алексеев заявил, подразумевая доклад Б.В.Штюмера и письма царицы: «Как же не слышать, когда о вас вчера специальный был доклад, который продолжался полтора часа, при этом была артиллерийская подготовка из Царского Села». ³⁷⁰

Веру М.В.Алексеева и его подчиненных во всеилие «безответственных влияний» подпитывали некоторые чины свиты. Заботясь о своей общественной репутации, они в присутствии могилевского офицерства критиковали императрицу и рассказывали «небылицы про Распутина». Лица, при которых это говорилось, не знали придворной жизни, а потому принима-

ли рассказы чинов Свиты за чистую монету, не подозревая, что царедворцы позволяли себе такие вещи «из боязни прослыть реакционерами». ³⁷¹

Подтверждение мнению о всеилии «безответственных влияний» М.В.Алексееву давали приезды Александры Федоровны в Ставку. Она жила в Могилеве с 7 по 12 июля, с 27 июля по 3 августа, с 22 августа по 4 сентября, с 3 по 12 октября и с 14 по 24 ноября. ³⁷² М.В.Алексеев ошибочно полагал, что провал манифеста о польской автономии произошел по вине царицы, которая «решительно его отвергла». Она заявила генералу: «В какое положение вы ставите наследника? Вы не подумали о нем?» ³⁷³

Во время пребывания Александры Федоровны в Могилеве М.В.Алексеев выказывал «нерасположение» к ней демонстративными отказами от приглашений к царскому столу. ³⁷⁴ Тем не менее именно тогда император испытывал по отношению к начальнику штаба прилив доверия. В честь годовщины вступления Николая в верховное главнокомандование, 22 августа, М.В.Алексеев удостоился высочайшего рескрипта. ³⁷⁵

Пребывая в фаворе у Николая, генерал решил нанести удар по Г.Е.Распутину. В августе М.В.Алексеев прямо сказал императору: «Удивляюсь, ваше величество, что вы можете находить в этом грязном мужике!» «Я, — ответил Николай, — нахожу в нем то, чего не могу найти ни в одном из наших священнослужителей». ³⁷⁶ Указывая на вред, приносимый слухами о Г.Е.Распутине престижу царя и России, М.В.Алексеев умолял Николая расстаться со старцем. Однако царь ответил: «Оставьте, Михаил Васильевич, поверьте мне, что это мое личное частное дело». ³⁷⁷

Отрицательное мнение М.В.Алексеева о Г.Е.Распутине попробовала развеять императрица. По этому поводу она беседовала с начальником штаба между 28 августа и 4 сентября. ³⁷⁸ Подразумевая старца, Александра Федоровна заявила генералу: «Вы его совершенно не понимаете». ³⁷⁹ Царица пыталась убедить М.В.Алексеева, что генерал неправ в своем отношении к Г.Е.Распутину, поскольку он «святой человек, преданный царской семье, за которую ревностно молится». Если бы старец посетил Ставку, полагала Александра Федоровна, то принес бы «большое счастье». Выслушав императрицу, М.В.Алексеев нахмурился и сухо ответил: «Ваше императорское величество, я давно уже составил мнение по этому вопросу, и ничто не сможет его изменить. Я должен добавить, что как только он появится в Ставке, я сложу с себя занимаемую должность». «Это ваше последнее слово, генерал?» — поинтересовалась Александра Федоровна. «Без всякого сомнения», — отрезал М.В.Алексеев. ³⁸⁰ Несмотря на нежелание генерала прислушаться к аргументам императрицы, она в нем не разочаровалась окончательно и называла его «славным Алексеевым». ³⁸¹

Начальник штаба из общения с Александрой Федоровной сделал свои выводы, уверовав еще больше во всеилие «безответственных влияний». М.В.Алексеев, несмотря на факты, полагал, что, когда царица появляется в Ставке, царь «не решает совсем никаких вопросов без нее». ³⁸²

Слепая вера генерала в абсолютное доминирование «темных сил» передавалась его подчиненным и представителям иностранных армий. Служивший в Ставке капитан 1-го ранга А.Д.Бубнов писал о «глубоком влиянии, которое имела “распутиновщина” на умонастроения и духовные

переживания личного состава Ставки». ³⁸³ Во время пребывания Александры Федоровны в Могилеве 22 августа — 4 сентября, пока венценосцы разговаривали с гостями, иностранцы обзывали царицу «обидными словами». «Вот она снова приехала к мужу, — открыто говорил один офицер, — передать последние приказания Распутина». ³⁸⁴

Слепая вера во всемогущество «безответственных влияний» толкала М.В.Алексеева к атакованию того, кого он считал их главным ставленником, т.е. Б.В.Штюмер. На посылаемые премьером документы, отражавшие результаты его диктаторствования, начальник штаба налагал резолюции, имевшие «резко критический характер, близкий к насмешке над деятельностью Штюмера». ³⁸⁵ В борьбе с премьером М.В.Алексеев не ограничивался словами. Так, уже 10 июля, с ведома начальника штаба, председатель Комиссии по расследованию злоупотреблений тыла генерал Н.С.Батюшин арестовал директора Русско-Французского банка Д.Л.Рубинштейна, близкого к Г.Е.Распутину. К делу Д.Л.Рубинштейна, обвиненного в измене, привлекли ближайшего сотрудника Б.В.Штюмера — И.Я.Гурлянда. Ему, сообщил 1 августа премьер императору, инкриминировали предупреждение Д.Л.Рубинштейна о предстоящем аресте. ³⁸⁶

Вероятное увольнение И.Я.Гурлянда неизбежно поколебало бы и положение его шефа. «Если выгонят Гурлянда, — писал 2 августа М.М.Андроников В.Н.Воейкову, — то уйдет и Штюмер, ибо Штюмер без Гурлянда — ангел без крыльев!» ³⁸⁷ И.Я.Гурлянду удалось выйти сухим из воды. Тогда 19 августа по прямому распоряжению М.В.Алексеева без предварительного уведомления Б.В.Штюмера был арестован другой его сотрудник — состоявший при премьере И.Ф.Манасевич-Мануйлов, обвиненный в вымогательстве взятки у товарища директора правления Соединенного банка И.С.Хвостова. ³⁸⁸ Помимо начальника штаба, за арестом, сообщал М.М.Андроников В.Н.Воейкову 30 августа, стоял и министр внутренних дел А.А.Хвостов. ³⁸⁹ Связь между МВД и Ставкой, писал 22 августа великий князь Николай Михайлович М.В.Алексееву, обеспечивал товарищ министра внутренних дел А.В.Степанов. ³⁹⁰

Дело И.Ф.Манасевича показало всю глубину политических противоречий, которые разделяли премьера и начальника штаба. М.М.Андроников сообщал В.Н.Воейкову 30 августа, что между Б.В.Штюмером и М.В.Алексеевым «отвратительные отношения». ³⁹¹ Кроме того, дело И.Ф.Манасевича вызвало новую волну толков о росте влияния «темных сил». «20-го Штюмер выехал в Ставку, а 21-го — Ее величество императрица Александра Федоровна, — сообщал 22 августа Николай Михайлович М.В.Алексееву, намекая далее на И.Ф.Манасевича. — Публика ставит эти поездки в связи с арестом этого господина. Хотя более чем вероятно, что предположение неверно, впечатление получается тягостное». ³⁹² Судя по письмам императрицы, предшествовавшим ее отъезду в Ставку, о деле И.Ф.Манасевича она действительно ничего не знала. Но для охваченного психозом общественного мнения, склонного видеть во всем только происки «темных сил», доказательствами их влияния были уже случайные совпадения. Противоречия между премьером и начальником штаба углубляли не только эти совпадения, но и, так сказать, факторы субъективного порядка.

Дискредитированию Б.В.Штюмера в глазах М.В.Алексеева содействовали парламентаристы, прежде всего — член Прогрессивного блока в Государственном совете генерал А.А.Поливанов. ³⁹³ Еще более этому содействовал А.И.Гучков, который в августовских письмах М.В.Алексееву обвинил премьера в измене. Царь узнал о письмах от супруги. ³⁹⁴ Николай встал на защиту начальника штаба. «Алексеев, — писал ей Николай, — никогда не упоминал мне о Гучкове. Я только знаю, что он ненавидит Родзянко и насмехается над его уверенностью в том, что он все знает лучше других». ³⁹⁵

В свою очередь, от защиты премьера М.В.Алексеев отказался. Необоснованность обвинений А.И.Гучкова не составляла секрета для генерала. Во время состоявшейся 9 октября встречи с императором Б.В.Штюмер сообщил о письме к нему М.В.Алексеева, в котором тот воспроизведенное председателем ЦВПК ложное толкование отношения премьера к вопросу о премировании заводов расценил как «результат досадного недоразумения». Однако публичного опровержения обвинений А.И.Гучкова начальник штаба всячески избегал. ³⁹⁶ М.В.Алексеев поступал так не потому, что они казались ему истинными, а потому, что они исходили от его политического единомышленника. Начальник штаба был осведомлен о заговоре А.И.Гучкова. ³⁹⁷ За его письмами генералу стояло нечто далекое от лояльности и, во всяком случае, достойное сокрытия. На вопрос императора о письмах М.В.Алексеев, сообщил Николай Б.В.Штюмеру 9 октября, попросту солгал, заявив, что «никогда ни в какой переписке с Гучковым не состоял». Император указал М.В.Алексееву на недопустимость его переписки «с человеком, заведомо относящимся с полной ненавистью к монархии и династии». ³⁹⁸

Политическая подоплека предопределила не только отказ начальника штаба от публичного опровержения обвинений А.И.Гучкова, но и муссирование М.В.Алексеевым вопроса о снабжении армии и тыла. Тем самым генерал готовил почву для введения парламентаризма путем замены кабинета Б.В.Штюмера «министерством доверия». В начале августа под воздействием раздававшейся со стороны М.В.Алексеева критики деятельности Б.В.Штюмера на посту диктатора Николай хотел образовать особое Министерство военного снабжения. ³⁹⁹

Играть на вопросе о снабжении М.В.Алексееву было тем легче, что итоги диктаторствования Б.В.Штюмера скептически оценивали как парламентаристы, так и дуалисты. А.А.Бобринский находил, что во главе продовольственного дела следовало поставить «особое лицо, ведающее исключительно этим делом». Сам Николай постепенно склонялся к «идее Кривошеина», т.е. к тому, чтобы сделать военного министра «господином всего положения». ⁴⁰⁰ Странником идеи А.В.Кривошеина был начальник штаба — в том числе потому, что военный министр Д.С.Шуваев, сообщал М.М.Андроников В.Н.Воейкову 11 сентября, находился «в добрых отношениях» с М.В.Алексеевым. ⁴⁰¹ Одно предположение о передаче продовольственного дела парламентаристу Д.С.Шуваеву вызвало у Б.В.Штюмера беспокойство.

Премьер, из-за оппозиционности Д.С.Шуваева, соглашался на поручение ему продовольственного дела только в случае увольнения с поста военного министра и назначения на это место генерала М.А.Беляева. Царь

обусловил осуществление предлагавшейся Б.В.Штюмером комбинации согласием на нее М.В.Алексеева.⁴⁰² Но предположения премьера начальник штаба проигнорировал.

Беседуя с Николаем 21 августа, глава правительства признал, что «делу снабжения армии и флота и организации тыла надлежало бы придать большее объединение и совместить хотя бы некоторые отдельные его части в руках одного лица». Б.В.Штюмер высказался за то, чтобы это лицо, в качестве товарища министра земледелия, служило под началом не парламентариста Д.С.Шуваева, а единомышленника Б.В.Штюмера — дуалиста А.А.Бобринского.⁴⁰³

Царь, однако, от поддерживавшейся М.В.Алексеевым идеи милитаризации снабжения пока не отказывался. Главноуполномоченный Красного Креста при Ставке П.М. фон Кауфман-Туркестанский во время встречи с Николаем, состоявшейся 21 августа, рекомендовал ему решение продовольственного вопроса «вверить интендантству», находившемуся в ведении Д.С.Шуваева. Царь одобрил мысль П.М. фон Кауфмана и приказал главному полевому интенданту генералу К.Н.Егорьеву представить соответствующий доклад. Царский приказ он исполнил уже на следующий день. Николай повелел П.М. фон Кауфману поехать в Петроград, переговорить с Д.С.Шуваевым и «немедленно оформить это дело».⁴⁰⁴

Параллельно с П.М. фон Кауфманом выдвижению на первый план Д.С.Шуваева, в противовес Б.В.Штюмеру и А.А.Бобринскому, содействовал и начальник главного артиллерийского управления генерал А.А.Маниковский. «Ведь только “видимость правительства” заседает у нас в Мариинском дворце, — писал А.А.Маниковский 26 августа начальнику управления полевого генерал-инспектора при Ставке генералу Е.З.Барсукову, — и всем ясно, что как там ни называйте и какими полномочиями не снабжайте господина Штюмера — все же из него никак не получить того “диктатора”, в котором так нуждается Россия и без которого ей угрожает опасность прямо смертельная. И неужели так у вас, в Ставке, этого не понимают?» «Так что вот, в конечном результате, наш вопль, — подытоживал А.А.Маниковский, — дайте нам, если не диктатора, то хотя просто хорошую палку». В качестве выхода из кризиса А.А.Маниковский рекомендовал дать «усиленные полномочия» «не господину Штюмеру, а военному министру», т.е. Д.С.Шуваеву.⁴⁰⁵

Упоминание А.А.Маниковским о Д.С.Шуваеве дает основания для вывода о том, что, как и в июне, рекомендация начальника ГАУ имела, помимо функциональной составляющей, еще и политический подтекст. Это доказывается тем, что именно Д.С.Шуваев представил Николаю 31 августа план передачи продовольственного дела интендантству. Но царь оставил шуваевский план без движения. Мотивируя свое решение, Николай заявил П.М. фон Кауфману, что «продовольствием населения должно ведать МВД, имеющее готовый для этого аппарат в лице губернаторов, полиции и других органов» и «именно этому министерству надлежит ведать это дело по силе закона», т.е. продовольственного устава.⁴⁰⁶ Между тем, получив письмо А.А.Маниковского, Е.З.Барсуков представил начальнику штаба проект новой записки царю. Судя по всему, одна из редакций

записки всплыла в декабре 1916 г. в виде проекта «Положения о верховном начальнике продовольственной части».

Согласно первому пункту проекта, верховный начальник, а по сути дела — диктатор, «своею особой» должен был объединять «все виды продовольственной деятельности в государстве».⁴⁰⁷ Идея диктатуры прельстила царя. Впрочем, осознавая, что диктатор мог явиться его потенциальным конкурентом, Николай решил назначить на эту должность военного, который пользовался безусловным доверием императора, — В.Н.Воейкова. В начале осени Николай сообщил генералу, что ему предлагают назначить его «диктатором продовольствия».⁴⁰⁸ Однако дворцовый комендант от этого отказался.

Позиция В.Н.Воейкова заставила царя идею диктатуры временно отложить в сторону. Когда 10 сентября Б.В.Штюмер затронул вопрос о том, получит ли осуществление «проект об учреждении особого управления по снабжению армии и тыла», Николай ответил, что «эта мысль оставлена».⁴⁰⁹ В сентябре решение вопроса о снабжении Николай связывал с передачей его не военным, а МВД. Наметившийся с конца августа отказ императора от милитаризации продовольственного дела означал победу премьера. Реагируя на это, М.В.Алексеев заявил Е.З.Барсукову, что «считает все государственное дело России безнадежным и махнул на него рукой, так как государь повелел ему обращаться по всем вопросам службы глубокого тыла для армии к Штюмеру».⁴¹⁰ Дабы не связываться с премьером, М.В.Алексеев обратился к Д.С.Шуваеву 30 августа со специальным письмом.

Намекая на подчинявшийся Б.В.Штюмеру Особый комитет по борьбе с дороговизной и руководимое им, в качестве диктатора, Особое совещание для объединения всех мероприятий по снабжению, генерал писал, что для разрешения продовольственного вопроса «нужны меры смелые, решительные, широко поставленные, а не формирование новых комитетов и особых совещаний, журналы коих цены на хлеб и предметы первой необходимости не уменьшают, на первоисточники зла рук не накладывают».⁴¹¹ Похожее по содержанию письмо генерал направил и А.А.Бобринскому.⁴¹²

Пессимистические оценки М.В.Алексеева были преждевременными — ведь и комитет, и совещание только начали свою работу. Б.В.Штюмер сообщил императору суть алексеевского письма 10 сентября. Парируя доводы генерала, премьер заявил Николаю, что «меры общегосударственного характера должны быть подвергнуты обсуждению сведущих и ответственных лиц, и так как проявления современной жизни тесно переплетены между собой, то решительная мера в одном направлении должна быть соображена с последствиями ее в других областях». Объяснения премьера Николай счел исчерпывающими.⁴¹³

От атаки М.В.Алексеева отбился и А.А.Бобринский. В результате этого снова возникли «совершенно нежелательные трения между Ставкой и кабинетом».⁴¹⁴

Начальник штаба не собирался складывать оружие. Для дискредитирования Б.В.Штюмера перед императором М.В.Алексеев использовал 20 сентября письмо, полученное от председателя Особого комитета по борьбе с дороговизной князя Н.Л.Оболенского.⁴¹⁵ Но и на этот раз на-

чальника штаба ждала неудача. А.А.Бобринский 22 сентября сообщал дочери, что Б.В.Штюрмер, «по-видимому, твердо сидит на своем посту, вопреки газетным слухам».⁴¹⁶

Неуязвимость премьера лишь усилила оппозиционность М.В.Алексеева и его подчиненных. На проходившей 22–24 октября в Петрограде конференции кадетской партии говорилось о том, что «многие из высшего командного состава с плохо скрываемым раздражением относятся к существующему правительственному курсу».⁴¹⁷ Объектом оппозиционности могилевского офицерства был не только Б.В.Штюрмер, но и Николай.⁴¹⁸

В начале двадцатых чисел октября член Прогрессивного блока Б.А.Энгельгардт советовался с начальником штаба о содержании декларации Блока. В нее думцы планировали включить обвинение Б.В.Штюрмера в «измене» и требование «министерства доверия».⁴¹⁹ Политическая солидарность оппозиционеров и М.В.Алексеева выводила его за пределы лояльности. Видя в Александре Федоровне опору премьера и преграду на пути к парламентаризму, генерал намеревался пойти вплоть до ареста царицы и отречения царя. Среди лидеров оппозиции, вдохновлявших начальника штаба на более решительные действия, были главноуполномоченный Земского союза князь Г.Е.Львов и его ближайший соратник В.В.Вырубов.⁴²⁰ Реальные очертания план ареста Александры Федоровны приобрел 25 октября, когда по приглашению начальника штаба главноуполномоченный приехал в Ставку.

Г.Е.Львов и М.В.Алексеев очень долго разговаривали наедине. Начальник штаба предложил собеседнику прибыть в Ставку в день, который будет назначен генералом, совместно с двумя-тремя «видными общественными деятелями либерального направления из земских кругов». Поскольку в конце октября в Ставку планировала приехать Александра Федоровна, М.В.Алексеев согласился арестовать императрицу и уговорить императора заключить ее в монастырь или отправить в Ливадию.⁴²¹ Генерал хотел арестовать Александру Федоровну «как лицо, явно работавшее на развал страны и в пользу врага».⁴²² Начальник штаба надеялся также заставить Николая «утвердить правительство, включающее в себя князя Львова и близких к нему людей».⁴²³ Другим кандидатом в премьеры был сам М.В.Алексеев.

В конце октября А.А.Клопов, действовавший по наущению Г.Е.Львова, оказался причастным к составлению проекта царского рескрипта, поручавшего формирование кабинета генералу.⁴²⁴ Решившись на арест императрицы и введение парламентаризма, начальник штаба поставил условием, чтобы императору не было причинено «никакого зла». Впрочем, генерал согласился в случае отказа Николая от ареста уговорить его отречься от престола в пользу сына. Г.Е.Львов обещал организовать общественную поддержку запланированному перевороту и тотчас выехал в Москву. Вечером 25 октября М.В.Алексеев попросил В.В.Вырубова передать князю, что для дела, о котором они говорили, начальник штаба «назначил день: 30 октября».⁴²⁵

К осуществлению заговора М.В.Алексеев решил привлечь и А.А.Манюковского. За последовавшим в конце октября вызовом его в Ставку, официально — для служебного доклада царю, стоял начальник штаба.⁴²⁶

Будучи, наряду с руководителями Земского союза, во главе заговора, направленного против супруги его суверена, М.В.Алексеев вел двойную игру. Публично он выступал в роли ревностного защитника существующего строя от покушений на него со стороны того же самого союза. «Начальником Штаба верховного главнокомандующего, — телеграфировал начальник штаба Западного фронта генерал М.Ф.Квицинский начальнику снабжений этого фронта генералу князю Н.Е.Туманову, — признано необходимым установить строгое наблюдение за деятельностью отдельных организаций союзов и постепенно принимать меры к сокращению размеров их деятельности».⁴²⁷

Борьбу с оппозицией М.В.Алексеев вел только на словах. Когда в октябре Б.В.Штюрмер, допуская «возможность революции», потребовал от генерала, чтобы ненадежный петроградский гарнизон был заменен отборными частями, М.В.Алексеев отказал ему в этом.⁴²⁸

Если план ареста императрицы сорвался, то не по причине лояльности генерала, а потому, что в назначенный для его реализации день Александра Федоровна в Ставке отсутствовала.

Перед тем как арестовать императрицу, М.В.Алексеев попытался в последний раз оказать моральное воздействие на Николая. Поэтому генерал приступил к составлению всеподданнейшего доклада, в котором, отталкиваясь от обострения продовольственного вопроса, намеревался доказать необходимость открытого разрыва царя с «безответственными влияниями», содействовавшими, по мнению начальника штаба, подготовке сепаратного мира. Указав на то, что «народная молва не отделяет имени Вашего императорского величества от деятельности правительства, от всего того дурного, чем преисполнена Русская земля», М.В.Алексеев отмечал: «Спасать имя своего государя, выделить его в вероятные кровавые часы нашей истории из среды дряблого правительства — священный долг каждого верноподданного».⁴²⁹

То, что доклад был нацелен против императрицы и «безответственных влияний», подтвердил сам М.В.Алексеев. «Нет смысла служить: ничего нельзя сделать, ничем нельзя помочь делу, — жаловался начальник штаба 30 октября Г.И.Шавельскому, намекая далее на Николая: — Ну, что можно сделать с этим ребенком! Пляшет над пропастью и... спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей: Распутин, Вырубова, Штюрмер, Раев, Питирим».⁴³⁰

Содержание доклада начальника штаба изложил императору в конце октября, поскольку с 19 по 26 и с 28 по 29 октября Николай в Ставке отсутствовал.⁴³¹ О своей беседе с монархом М.В.Алексеев сообщил Г.И.Шавельскому 30 октября: «На днях я говорил с ним, решительно все высказал ему. Ваше, — говорю, — дряхлое, дряблое, неразумное и нечестное правительство ведет Россию к гибели». О «дряблом правительстве» говорилось и в проекте доклада, чем доказывалось, что в данном случае в ход был пущен именно он. Возражая М.В.Алексееву на критику правительства, Николай заметил: «Что дряхлое, в этом вы отчасти правы, так как председатель Совета министров — старик, а что нечестное, в этом вы глубоко ошибаетесь». «А затем, — сообщил М.В.Алексеев Г.И.Шавель-

скому, — что я ни говорил, он ни слова в ответ. Кончил я, он, улыбаясь, обращается ко мне: “Вы пойдете сегодня ко мне завтракать?”» Судя по последним словам и дневнику Николая, доклад М.В.Алексеева состоялся 27 октября.⁴³²

Оценки генерала не просто полностью совпадали с оценками Прогрессивного блока, но и предвосхищали их, если учесть, что обвинения царицы и Б.В.Штюрмера в подготовке сепаратного мира П.Н.Милюков огласил только 1 ноября, выступая в Думе. Выступление кадетского лидера стало результатом непосредственного воздействия на него со стороны Г.Е.Львова.⁴³³ Следовательно, это выступление было звеном заговора против императрицы, давая ему идеологическое обоснование.

Политическую солидарность начальника штаба с лидерами оппозиции продемонстрировала реакция М.В.Алексеева на адресованное ему 3 ноября письмо Б.В.Штюрмера. П.Н.Милюков как бы подтвердил обвинения А.И.Гучкова, копии августовских писем которого получили широкое распространение. Поэтому Б.В.Штюрмер обращался к начальнику штаба «с покорнейшею просьбою»: «не найдете ли Вы возможным, способами для Вас доступными, оказать Ваше содействие к опровержению тех ложных обвинений, которые распространяет Ваш корреспондент и которые до сих пор не нашли никакого отпора со стороны военной власти». «Без открытого со стороны Вашего высокопревосходительства содействия правительству в деле обнаружения правды, — подытоживал Б.В.Штюрмер, — успех мер, ныне принимаемых правительством для поддержания порядка и спокойствия в тылу, не может быть достигнут. Полная согласованность действий между военными и гражданскими властями и взаимная поддержка должны быть поставлены в основу всех требуемых чрезвычайными условиями современной жизни неотложных мероприятий».⁴³⁴ Просьбы премьера ничего, кроме молчания, со стороны М.В.Алексеева не встретили, что неудивительно. В это время Ставку и Думу объединяла политическая солидарность, а потому генерал руководил начавшейся в Могилеве кампанией по оказанию морального давления на Николая в пользу отставки Б.В.Штюрмера.⁴³⁵

Так, 3 ноября отрицательное отношение нижней палаты к премьеру и Г.Е.Распутину выразил перед императором один из лидеров ее правой фракции В.М.Пуришкевич.⁴³⁶

На другой день, 4 ноября, произошла встреча Николая с А.А.Маниковским. Он рассказал императору о рабочих, «об ужасной пропаганде среди них и огромных денежных суммах, раздаваемых им для забастовок». А.А.Маниковский сообщил, что «этому не оказывается никакого сопротивления, полиция ничего не делает, и никому дела нет до того, что может случиться». «Министры, — передавал точку зрения генерала Николай, — как всегда, очень слабы — вот и результат».⁴³⁷ А.А.Маниковский рекомендовал образовать «ответственное министерство».⁴³⁸ Николай внимательно выслушал генерала и поблагодарил его за доклад. Император обещал пойти на то, чтобы «к управлению государством безотлагательно были привлечены действительные представители народа, оправдавшие его царское доверие на деле».⁴³⁹

Следующим о необходимости дарования парламентаризма говорил императору 6 ноября Г.И.Шавельский. Протопресвитер, отрицательно оценив Б.В.Штюрмера и А.Д.Протопопова, попросил Николая «приставить к делу людей», «знающих нужды народные и готовых самоотверженно пойти на удовлетворение их».⁴⁴⁰

Активность, нацеленную на замену кабинета Б.В.Штюрмера «министерством доверия», проявляли и чины размещавшегося в Могилеве морского штаба верховного главнокомандующего. Среди них получила распространение мысль о назначении парламентариста адмирала И.К.Григоровича на пост председателя Совета министров. Эта мысль была передана флигель-адъютанту Н.П.Саблину и начальнику военно-походной канцелярии царя генералу К.А.Нарышкину, которые сообщили ее императору.⁴⁴¹

Предложение своих приближенных Николай воспринял положительно. Назначение И.К.Григоровича они считали делом окончательно решенным.⁴⁴² Кандидатура адмирала на совещании царя, М.В.Алексеева и находившегося в Могилеве 7—8 ноября великого князя Николая Николаевича была принята. Начальнику штаба и великому князю Николай заявил, что «твердо решил назначить Григоровича премьером».⁴⁴³ Император не лукавил. Имея в виду преемников Б.В.Штюрмера, Николай писал императрице 8 ноября, что «Трепов или Григорович были бы лучше на его месте».⁴⁴⁴ Утром 10 ноября о своем решении назначить премьером И.К.Григоровича Николай сообщил чинам свиты. Но вечером этого дня, принимая приехавшего в Могилев адмирала, царь ничего не сказал относительно его назначения.⁴⁴⁵ Новым премьером оказался А.Ф.Трепов.

После приезда царицы в Ставку 13 ноября создалось положение, позволявшее приступить к осуществлению плана по ее аресту. А.Ф.Керенский полагал, что начальник штаба «не успел этого сделать, так как заболел и ушел тогда с фронта».⁴⁴⁶ На самом деле у генерала была целая неделя.⁴⁴⁷ В какой-то степени провал заговора против императрицы предопределили остатки лояльности М.В.Алексеева по отношению к императору. Лидеры оппозиции были настроены на отречение Николая более решительно. Поскольку генерал не поддерживал идею отречения категорически, от его услуг оппозиционеры решили временно отказаться.

Вместе с тем М.В.Алексеев подталкивал нижнюю палату на радикализацию ее борьбы за введение парламентаризма. При посещении Ставки председателем Думы генерал 17 ноября первым попросил его о встрече.⁴⁴⁸ Когда М.В.Родзянко сказал М.В.Алексееву, что «единственным учреждением, которому верит народ, является Государственная дума», генерал спросил: «Так почему же вы не берете все дело в свои руки? Берите, я вам в этом помогу».⁴⁴⁹

Правительство знало о контакте между Ставкой и оппозиционерами. На одном из заседаний кабинета А.Д.Протопопов доложил «о сношениях военного командования с деятелями оппозиции». Возбуждение этого вопроса результатов не принесло. Содержание доклада А.Д.Протопопова дошло до лидеров Прогрессивного блока, что вызвало усиление травли управляющего МВД с думской кафедры.⁴⁵⁰

Тесные отношения с лидерами оппозиции поддерживал и временный заместитель М.В.Алексеева на посту начальника штаба — генерал В.И.Гурко, назначенный по рекомендации М.В.Алексеева.⁴⁵¹ Как и он, В.И.Гурко принадлежал к числу парламентаристов. Парламентаристские взгляды разделял и его ближайший сотрудник А.С.Лукомский, с октября 1916 г. — генерал-квартирмейстер Ставки.⁴⁵²

В.И.Гурко являлся сторонником немедленного установления парламентарного режима. Первым шагом на пути к этому В.И.Гурко считал увольнение А.Д.Протопопова.⁴⁵³ Сразу после назначения А.Ф.Трепова премьером, когда шла борьба между ним и А.Д.Протопоповым, В.И.Гурко оказал А.Ф.Трепову активную поддержку. Генерал пообещал ему не только уговорить императора дать ход указу о протопоповской отставке, но и сообщить о его отправке премьеру специальной телеграммой. После отъезда А.Ф.Трепова в Петроград, 11 ноября, В.И.Гурко доложил императору о необходимости отправки указа. Однако Николай дал «уклончивый ответ».⁴⁵⁴ Поэтому В.И.Гурко никакой телеграммы А.Ф.Трепову не послал. Отказ императора от увольнения А.Д.Протопопова активизировал усилия генерала, направленные к этому.

При посещении Ставки председателем нижней палаты все ее чины, начиная с В.И.Гурко, относились к М.В.Родзянко «чрезвычайно предупредительно», говорили, что Государственная дума «необходима», и просили М.В.Родзянко, чтобы он и Дума «приложили старания» к устранению А.Д.Протопопова.⁴⁵⁵

Свои парламентаристские взгляды В.И.Гурко, используя выгоды занимавшейся им должности, пытался привить императору. Генерал не раз настойчиво говорил Николаю «о Распутине» и «все разрастающейся, грозившей катастрофой, внутренней неурядице».⁴⁵⁶ Вмешательство В.И.Гурко во внутреннюю политику получило мягкий, но твердый отпор императора. В декабре Николай поручил В.Н.Воейкову переговорить с В.И.Гурко «по поводу проявления им, во время ежедневных докладов, слишком большого интереса к делам внутренним». Николай добавил, что «делает это Гурко под влиянием Гучкова».⁴⁵⁷ Начав беседу с начальником штаба, В.Н.Воейков не смог довести ее до конца. После произнесения дворцовым комендантом фамилии А.И.Гучкова «у моего собеседника, — вспоминал В.Н.Воейков, — явилось такое безотлагательное дело, которое ему совершенно не позволило меня дослушать».⁴⁵⁸

Несомненно, что с ведома В.И.Гурко в кампании по обработке Николая принял участие состоявший при нем генерал Н.И.Иванов. Когда М.В.Родзянко находился в Могилеве, генерал отдал ему визит.⁴⁵⁹ А 12 декабря Н.И.Иванов говорил императору «о вреде, который причинял Распутин и его банда».⁴⁶⁰

В.И.Гурко имел отношение и к состоявшемуся в Ставке за несколько дней до убийства Г.Е.Распутина тайному совещанию приближенных царя. Они решили, без особых последствий, задействовать июньский манифест о введении парламентаризма, назначении верховного министра и политической амнистии.⁴⁶¹

В.И.Гурко был причастен также к реанимации идеи о создании поста верховного начальника продовольственной части. В связи с неудачей по-

пытки А.Д.Протопопова вернуть продовольственное дело в МВД у Николая снова возникла мысль назначить «полномочное лицо для продовольствия армии, флота и тыла, согласовав все элементы этого дела в одних руках».⁴⁶² К идее о назначении верховным начальником В.Н.Воейкова Николай вернулся в конце ноября.⁴⁶³ Намерение царя одобрили только А.Д.Протопопов и царица. Во время встречи Николая с А.Ф.Треповым, состоявшейся 10 декабря в Ставке, царь передал ему «Положение о верховном начальнике продовольственной части» и повелел подготовить соответствующий законопроект для внесения в Думу. Дабы провалить осуществление замысла Николая, А.Ф.Трепов посоветовал императору поручить управляющему Министерством земледелия А.А.Риттиху представить подробные соображения «по существу означенного проекта».⁴⁶⁴ По уговору с премьером А.А.Риттих подготовил контрпроект, нацеленный на выхолащивание царского плана.⁴⁶⁵ Демарш А.Ф.Трепова завершился полным успехом. Идея о создании поста верховного начальника воплощения не получила. Характеризуя ее судьбу, А.Д.Протопопов отмечал: «Дело оставалось без исполнения, сопротивлялись Трепов, Макаров и другие лица. Они находили, что это задевало бы их права как министров».⁴⁶⁶

Единственным заметным результатом участия В.И.Гурко в политике стал написанный им по поручению Николая приказ императора армии и флоту, данный 12 декабря в ответ на пацифистскую ноту американского президента В.Вильсона. Приказ должен был развеять упорные слухи о склонности царя и его правительства к заключению сепаратного мира. Невозможность окончания войны приказ объяснял тем, что Германия не побеждена и «достижение Россией созданных войною задач: обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей еще не обеспечено».⁴⁶⁷

Несмотря на столь определенную волю Николая, в конце 1916 — начале 1917 г. Ставка перестала быть опорой монарха. Генералы «Главного штаба» (так иностранцы называли Ставку), телеграфировал Д.У.Бьюкенен 16 января 1917 г. на родину, открыто говорили, что «они более не желают государя». «Здесь общее чувство таково, — подчеркивал посол, — что если государь не уступит, то в течение ближайших недель что-нибудь произойдет или в форме дворцового переворота, или в форме убийства».⁴⁶⁸

Переориентация лояльности чинов Ставки с особы монарха на народное представительство затронула и В.И.Гурко. При посещениях Петрограда генерал общался с лидерами оппозиции, прежде всего — с председателем Думы. Так, 4 января В.И.Гурко посетил М.В.Родзянко и заявил, что «если Думу распустят, то войска перестанут драться».⁴⁶⁹ Накануне открытия сессии нижней палаты, 13 февраля, ее председатель информировал В.И.Гурко, который снова находился в столице, что у него имеются достоверные сведения: «подготовлен переворот и совершит его чернь». М.В.Родзянко попросил генерала указать на это царю и добиться от него уступок оппозиции.⁴⁷⁰ Во время встречи с Николаем, состоявшейся в тот же день, В.И.Гурко высказался в пользу «министерства доверия». При этом генерал нарушил нормы придворного этикета, задержав императора настолько, что он «опоздал вовсе к службе».⁴⁷¹

Поскольку усилия В.И.Гурко были бесплодны, перед ним вырисовывалась альтернатива дворцового переворота. После посещения Царского Села генерал поехал на обед, который давал его брат — выборный член Прогрессивного блока в Государственном совете. На обеде присутствовали около сорока членов палат, в том числе А.И.Гучков. Мыслью о перевороте были проникнуты «все собравшиеся, все сказанное».⁴⁷²

Тесные связи В.И.Гурко с руководителями заговора привели его к противодействию попыткам императора пополнить гарнизон Петрограда надежными военными частями. Только после третьего приказа Николая генерал согласился на отправку гвардейского экипажа в Царское Село.⁴⁷³ Приказ императора об отправке в Петроград 3-й гвардейской кавалерийской дивизии В.И.Гурко отклонил под предлогом отсутствия в столице «свободных казарм».⁴⁷⁴ О поступке начальника штаба Николай с неудовольствием сообщил А.Д.Протопопову. Министр внутренних дел заявил, что «не удивлен слушанием» генерала, но надеется — царь «пожелает настоять на исполнении своего приказа». Николай заметил: «Да, конечно!»⁴⁷⁵

Впрочем, 18 февраля, после возвращения М.В.Алексеева из Севастополя и вступления его в должность начальника штаба, роль центральной политической фигуры Могилева снова перешла к нему. Несмотря на оппозиционность М.В.Алексеева, симпатия к нему Николая была такова, что даже в его отсутствие монарх оказывал генералу знаки своего благоволения. Николай телеграфировал М.В.Алексееву 7 декабря 1916 г.: «Надеюсь, южное солнце и воздух восстанавливают Ваше здоровье».⁴⁷⁶

Доверие императора к М.В.Алексееву затрудняло для него согласие на участие в низложении Николая. Генерал соглашался безоговорочно только на «изоляция царя от жены».⁴⁷⁷ В начале 1917 г. М.В.Алексеев говорил Г.Е.Львову, что «императрица совсем поработила императора и, не будучи способной к управлению страной, губит все».⁴⁷⁸ Когда заговорщики сообщили М.В.Алексееву, что «назревает переворот», генерал попросил «во имя сохранения армии не делать этого шага». Заговорщики обещали принять меры к предотвращению переворота. Но затем они посетили главнокомандующих Юго-Западным и Северным фронтами генералов А.А.Брусилова и Н.В.Рузского. Получив от них ответы «противоположного свойства», заговорщики, согласно рассказу М.В.Алексеева А.И.Деникину, изменили свое первоначальное решение, и «подготовка переворота продолжалась».⁴⁷⁹ А.А.Брусилов и Н.В.Рузский действительно были настроены резко оппозиционно. На состоявшемся 9 февраля 1917 г. совещании у М.В.Родзянко привели следующие слова главнокомандующего Юго-Западным фронтом: «Если придется выбирать между царем и Россией — я пойду за Россией».⁴⁸⁰ В свою очередь, Н.В.Рузский, как и А.А.Брусилов, был парламентаристом.⁴⁸¹ Наряду с А.М.Крымовым Н.В.Рузский являлся участником февральского совещания, решившего, что, когда Николай «будет ехать из Ставки, его в районе армии Рузского задержат и заставят отречься».⁴⁸² Все это как будто бы доказывает истинность алексеевского рассказа. Однако он относится к периоду после февраля 1917 г., когда М.В.Алексееву было бы трудно принять на себя часть вины за то, что армию сохранить не удалось. Перекалывание им этой вины на других доказывает, что виноватым являлся и он.

Данные источников говорят о причастности М.В.Алексеева к подготовке свержения Николая. По словам А.А.Брусилова, до него доходили сведения, что «задумывается дворцовый переворот» и «предполагают провозгласить» наследника Алексея Николаевича императором при регентстве великого князя Михаила Александровича, а по другой версии — Николая Николаевича. По свидетельству А.А.Брусилова, «главная роль» в перевороте предназначалась именно М.В.Алексееву, поскольку он «согласился арестовать Николая II и Александру Федоровну».⁴⁸³ В свою очередь, великий князь Александр Михайлович отмечал, что М.В.Алексеев «связал себя заговорами с врагами существовавшего строя, которые скрывались под видом представителей Земгора, Красного Креста и военно-промышленных комитетов».⁴⁸⁴ По другим сведениям, М.В.Алексеев заявил заговорщикам: «Содействовать перевороту не буду, но и противодействовать не буду».⁴⁸⁵ По «многим намекам и высказываниям» состоявший в распоряжении Н.В.Рузского генерал М.Д.Бонч-Бруевич догадывался, что к заговорщикам или, «по крайней мере, к людям, сочувствующим заговору», принадлежали не только А.А.Брусилов и Н.В.Рузский, но и М.В.Алексеев.⁴⁸⁶

Когда за две недели до революции член правой фракции Думы Г.А.Шечков, имея в виду переворот, заметил М.В.Родзянко, что «неизвестно, как отнесется к думской затее армия», М.В.Родзянко смело заявил: «Да генералы с нами».⁴⁸⁷ «В заговоре, — свидетельствовал князь Ф.Ф.Юсупов, — были все вплоть до генералов».⁴⁸⁸ «С фронта, — вспоминал член кадетской фракции А.М.Александров о ситуации кануна революции, — мы имели сведения, что там примут любой строй, но только не Николая II».⁴⁸⁹

М.В.Родзянко, Ф.Ф.Юсупов и А.М.Александров подразумевали прежде всего М.В.Алексеева, а уж затем — А.А.Брусилова, В.И.Гурко и Н.В.Рузского. В начале 1917 г. руководители армии во главе с М.В.Алексеевым если и не являлись активными сторонниками свержения царя, то, по крайней мере, не принадлежали и к числу активных противников этого.

А.Д.Протопопов указывал императору на «опасность доверять командование армиями лицам, оппозиционно настроенным». Но убеждение Николая, что у генералов «чувство патриотизма выше политических вожделений», — взяло верх, и доклады А.Д.Протопопова не изменили положения.⁴⁹⁰ Между тем свою деятельность на прежнем посту М.В.Алексеев начал с вызова императора в Ставку.⁴⁹¹ Это создало условия для воплощения плана А.И.Гучкова.

5. «Симптомы приближающейся революции». Бюрократическая элита и оппозиционные организации (сентябрь 1916 — февраль 1917 г.)

Принятое в конце сентября 1916 г. принципиальное решение лидеров оппозиции, в том числе — руководителей общественных организаций, о необходимости свержения Николая не изменило примирительного отношения царя к оппозиции, хотя он и знал об этом решении.⁴⁹²

Осенью «один из видных общественных деятелей» Москвы приехал в Ставку и «довольно подробно» рассказал о задуманном перевороте двор-

цовому коменданту генералу В.Н.Воейкову. Генерал немедленно доложил обо всем услышанном императору.⁴⁹³ Но доклад В.Н.Воейкова особого впечатления на монарха не произвел. Николай нашел опасения дворцового коменданта «преувеличенными». У генерала создалось впечатление, что царь «все знает, но не высказывает своих мыслей, считая несвоевременным что-либо предпринимать, до окончания войны, против общественных деятелей».⁴⁹⁴

Стремление Николая к сохранению «священного единения» делало для него неприемлемым осуществление репрессивной политики. Наиболее рельефно это выявилося на примере отношения царя к А.И.Гучкову, которому оппозиционеры поручили подготовку переворота. Для выполнения возложенного на него поручения, спустя два-три дня после второго сентябрьского совещания, председатель ЦВПК приступил к организации технической группы. Ее членами стали Н.В.Некрасов, М.И.Терещенко, князь Д.Л.Вяземский и некий кавалерийский ротмистр.⁴⁹⁵ Появлению во главе группы октябристского лидера способствовало резкое полевание А.И.Гучкова. Член ЦК «Союза 17 октября» князь А.В.Оболенский, которого А.И.Гучков осенью посвятил в детали заговора, своим единомышленником его больше не считал. «Другим человеком представился мне Гучков, чем я знал его раньше, — вспоминал князь. — Умеренный, убежденный конституционный монархист стал открытым злым революционером, настроенным больше всего против особы государя императора».⁴⁹⁶

Царь имел полное представление о политическом облике А.И.Гучкова. «Гучков — Юань Шикай, — передавал содержание состоявшейся 28 сентября беседы Николая с новым управляющим МВД А.Д.Протопоповым его брат. — И он дружен и в переписке со всеми фрондерами — Куропаткиным, Рузским, Кривошеиным и даже с Алексеевым».⁴⁹⁷ По мнению Николая, председатель ЦВПК являлся «сторонником перемены государственного строя». Поэтому царь «особенно не любил» А.И.Гучкова и «общение с ним считал предосудительным».⁴⁹⁸ Однажды осенью П.Л.Барк сообщил Николаю, что собирается на официальное мероприятие, участником которого окажется А.И.Гучков. Император немедленно предупредил министра финансов: «Но не забывайте, когда вы увидите Гучкова, что он мой личный враг». «Я, — вспоминал П.Л.Барк, — был очень удивлен этим отношением государя, так как в течение трехлетней совместной работы он никогда не высказывал такого глубокого отвращения по отношению к кому бы то ни было».⁴⁹⁹

Зная о А.И.Гучкове почти все, Николай, ради сохранения «священного единения», избегал мести личному врагу. Между тем на проходившем 26–27 сентября в Петрограде съезде представителей областных военно-промышленных комитетов, сообщил 9 октября Б.В.Штурмер императору, А.И.Гучков согласился «ополчиться на борьбу с правительственной властью».⁵⁰⁰ Именно с октября 1916 г. протежируемая А.И.Гучковым Рабочая группа ЦВПК занялась «подготовкой масс для мятежных выступлений». Благодаря этому она приобрела репутацию «чисто революционной организации», обеспечивающей массовую поддержку Думе.⁵⁰¹ Но, узнав о сентябрьском выступлении А.И.Гучкова, Николай заметил Б.В.Штурмеру, что

«для прекращения подобных выступлений достаточно предупредить Гучкова о том, что он подвергнется высылке из столицы».⁵⁰² Вопрос о наказании председателя ЦВПК за уже совершенный проступок не поднимался. Примирительное отношение царя к личному врагу доказывает ярче всего то, что Николай желал сотрудничества правительства с общественными организациями. Но это сотрудничество, по мнению царя, должно было протекать исключительно в рамках действовавшего закона.

Мнение Николая совпадало с точкой зрения управляющего МВД. А.Д.Протопопов не являлся противником общественных организаций как таковых. Ему казалось необходимым сопротивление только той деятельности входивших в них «отдельных лиц», которая была направлена «к ниспровержению государственного устройства».⁵⁰³ Признание А.Д.Протопоповым необходимости законной деятельности общественных организаций создавало довольно двусмысленные ситуации, поскольку они постоянно выходили за ее рамки. Когда председатель московской губернской земской управы А.Е.Грузинов попросил у А.Д.Протопопова разрешения на проведение совещания председателей губернских земских управ, такое разрешение последовало немедленно.⁵⁰⁴

Состоявшееся 25 октября совещание вынесло резкую антиправительственную резолюцию.⁵⁰⁵ Управляющий МВД оказался в положении «несколько растопыренным».⁵⁰⁶ Тем не менее от сотрудничества с общественными организациями А.Д.Протопопов не отказался. Это продемонстрировал его циркуляр от 1 ноября, адресованный губернаторам и градоначальникам. Подчеркнув, что разрешение необходимо только для всероссийских и областных съездов общественных организаций, А.Д.Протопопов заявил, что созыв их совещаний и комитетов должен допускаться «беспрепятственно». Управляющий МВД выражал уверенность, что при пользовании своими полномочиями администраторы проявят «должную осмотрительность, имея в виду, с одной стороны, поддержание государственного порядка и спокойствия, а с другой — ту важную и нужную в настоящее время для нашей доблестной армии работу, которую несут всякие общественные организации».⁵⁰⁷ В отличие от министров руководители Земского и Городского союзов были настроены бескомпромиссно.

В начале ноября Г.Е.Львов информировал М.В.Родзянко, что возникла группа, которая намерена «добиваться перемен в конструкции правительственной власти и объединяющая русскую общественность». После этого у председателя бюро Прогрессивного блока в Государственном совете барона В.В.Меллер-Закомельского произошло совещание. Его участниками были лидеры оппозиции в обеих палатах и руководители союзов — Н.И.Астров, Н.М.Кишкин, Г.Е.Львов и М.В.Челноков. Последние выступили за радикализацию тактики Думы «в связи с обостренным настроением общества и назревавшим революционным брожением». Г.Е.Львов потребовал от депутатов «прямого выступления, граничащего с переходом на путь революционной борьбы». Думцы считали, что легальная тактика себя не исчерпала. Поэтому они не поддержали руководителей союзов. А.Д.Протопопов узнал о совещании от одного из его участников. Беседуя 19 ноября с Н.В.Савичем, управляющий МВД, намекнув на свою осведом-

ленность, утверждал, что «его отставки добиваются конституционалисты, которые хотят заставить государя присягнуть на верность конституции, т.е. парламентаризму на западный образец».⁵⁰⁸

Несмотря на радикализацию оппозиционности союзов, новый премьер А.Ф.Трепов, выступая в Думе 19 ноября с декларацией, дал положительную оценку их деятельности. «В деле обеспечения государственной обороны, — заявил он, — наряду с мероприятиями правительства и законодательных установлений, проявился выдающийся почин земств, городов, общественных организаций и частных лиц. Эту высокопатриотическую деятельность правительство приветствует и всячески пойдет навстречу целесоответственному ее развитию».⁵⁰⁹ Впрочем, отношение А.Ф.Трепова к общественным организациям отличала двойственность.

Наученный горьким опытом с октябрьским совещанием, кабинет постановил подобного рода «съездов» «не допускать».⁵¹⁰ Именно поэтому поднятый телеграммой М.В.Челнокова от 4 декабря вопрос о проведении в Москве 5-го съезда Союза городов и совещания по продовольственному вопросу представителей союзов и ЦВПК правительство А.Ф.Трепова решило отрицательно. Ведя двойную игру, премьер, однако, передал М.В.Челнокову на словах, что предоставляет окончательное решение данного вопроса командующему войсками Московского военного округа генералу И.И.Мрозовскому. Но после этого он получил по телефону приказ А.Ф.Трепова «съезда не разрешать».⁵¹¹ Когда 9 и 11 декабря съезд и совещание собрались явочным порядком, полиция их закрыла. Оппозиционеры успели принять подготовленные накануне резолюции об «ответственном министерстве».

Декабрьские события стали результатом эрозии монархического правосознания, которая, помимо общественных деятелей, затронула бюрократов и придворных. Активными участниками съезда и совещания стали сенатор гофмейстер А.А.Эйлер, председатель киевской губернской земской управы камергер М.А.Суковкин и член Думы камер-юнкер И.А.Каншин. Подписи двух последних не стояли под резолюциями только потому, что принятие их состоялось на «летучих» собраниях. Подпись же А.А.Эйлера стояла в числе 11 подписей под резолюцией, требовавшей создания «ответственного министерства» и призывавшей Думу не расходиться, пока это требование не будет удовлетворено.⁵¹²

Запрещение политических мероприятий оппозиции не означало отказа кабинета от соглашения с ней или тем более переориентации сановников на крайне правое движение. В это же самое время правительство рассмотрело ходатайство черносотенных лидеров о разрешении созыва в конце ноября или в декабре съезда монархических объединений. Крайне правые запланировали его в качестве противовеса акциям оппозиции. Кабинет, указав на то, что «созыв всякого рода съездов признан, во время войны, в общем недопустимым», не усмотрел «достаточных оснований для отступления от объясненного общего начала».⁵¹³ Черносотенцы получили отказ. Тем не менее они активизировали свою деятельность. Ее характерное проявление — телеграмма Николаю председателя Астраханской народно-монархической партии Н.Н.Тихановича-Савицкого, за

спиной которого стоял назначенный член правой группы Государственного совета Н.А.Маклаков. Телеграмма, отправленная 2 декабря, была адресована не только монарху, но и А.Д.Протопопову, А.Ф.Трепову и министру двора графу В.Б.Фредериксу.

«Государь! — обращался Н.Н.Тиханович к императору. — Если сейчас же не будут приняты самые решительные меры, мы войну проиграем». Одним из оснований для такого пессимистического вывода Н.Н.Тиханович считал то, что астраханский городской голова П.С.Кравченко, после посещения Петрограда и Москвы, в частном заседании городской думы 29 ноября передал гласным «возмутительные слухи о царице». После этого гласный Н.И.Долгополов произнес «зажигательную, обидную для царицы речь». Объясняя тактику лидеров оппозиции, Н.Н.Тиханович писал: «Государь! План интриги ясен: пороча царицу и указывая, что все дурное идет от нее, внушают этим населению, что ты слаб, а значит — надо управление страной взять от тебя и передать Думе».⁵¹⁴

Для предотвращения надвигавшегося переворота Н.Н.Тиханович предложил «действительные меры», о которых А.Ф.Трепов, информируя царя о телеграмме, доложил ему 10 декабря. Такими мерами Н.Н.Тиханович считал «арест и высылку из пределов России Львова, Челнокова, Гучкова, Милукова» и «поставление Государственной думы, Совета, городских и земских учреждений и общественных организаций в такие условия, при которых они не могли бы угнетать страну ложными преступными слухами и способствовать подготовляемому внешним врагом России государственному перевороту». Н.Н.Тиханович находил необходимым «заявление с высоты трона осуждения таковой преступной деятельности и применение кар за ослушание до расстрела включительно», «призыв страны к дружной работе с правительством, без каких бы то ни было условий» и «сосредоточение всей полноты власти в руках одного лица, безусловно правого».

В конце полного текста телеграммы, также представленного Николаю премьером, астраханский черносотенец, сообщив о том, что ее копия послана царю «через верных людей», объяснял это тем, что министр двора болен, А.Ф.Трепова он не знает, а А.Д.Протопопову не доверяет, «как члену Прогрессивного блока и министру, при котором беспрестанно допускается, к великому соблазну, открытая работа для ниспровержения государственного строя и династии, несмотря на то, что в его распоряжении находятся и губернаторы, и тайная полиция». Доводя до сведения царя процитированные строки, А.Ф.Трепов давал понять Николаю, что, поскольку А.Д.Протопопов антипатичен не только левым, но и правым, те, кто выступает против него, в том числе и премьер, являются такими же лояльными монархистами, как и защитники А.Д.Протопопова. Для противопоставления протопоповской мягкости, на которую обращал внимание Н.Н.Тиханович, собственной твердости А.Ф.Трепов доложил императору, что ходатайство М.В.Челнокова о разрешении декабрьских съездов Совет министров отверг.⁵¹⁵

Рекомендациям Н.Н.Тихановича Николай, в отличие от императрицы, не придал никакого значения. Соглашаясь с тем, что А.И.Гучкова, Г.Е.Львова и П.Н.Милукова за их антиправительственную деятельность

надо «сослать в Сибирь», Александра Федоровна писала мужу: «Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена. Отчего ты не смотришь на это дело так, я, право, не могу понять».⁵¹⁶ Однако мнению жены Николай тоже не придал никакого значения. Несмотря на рост оппозиционности союзов, император и его правительство по-прежнему шли на самое тесное сотрудничество с ними.

Стремление бюрократической элиты к сохранению «священного единения» нашло свое выражение в массивном финансировании деятельности оппозиционных организаций. На заседании кабинета 23 декабря было принято решение об отпуске Городскому союзу на покрытие расходов за вторую половину 1916 г. 16 019 050 рублей. Это решение царь утвердил 18 января 1917 г.⁵¹⁷ Ассигнования Городскому союзу на первое полугодие 1917 г. составили 65 786 895 рублей.⁵¹⁸ Кроме того, в конце 1916 — начале 1917 г. Особое совещание по обороне авансировало Земгору 38 651 955 рублей 65 копеек, 17 604 фунта, 137 500 франков, 6 588 720 шведских крон и 43 635 долларов, а ЦВПК — 35 775 030 рублей 32 копейки.⁵¹⁹

Финансирование оппозиционных организаций кабинет осуществлял за счет недофинансирования государственных учреждений. «По статьям сметы Земского союза, — вспоминал А.Д.Протопопов, — ассигнования были щедры, они возбуждали нашу зависть, так как превышали соответствующие позиции в сметах министерств. Убавить эти сметные ассигнования Земскому союзу министры все же не решались: боялись печати и разговоров в обществе».⁵²⁰

Ориентация правительства на оппозицию сопровождалась его дистанцированием от черносотенцев. Оно было характерно и для Николая. Когда царица сообщила супругу, что А.И.Дубровин добивается встречи с ней, царь ответил: «Лучше не принимай Дубровина теперь».⁵²¹ Минимальному вниманию Николая и правительства к черносотенцам соответствовали получавшиеся ими субсидии.

В конце 1916 г. — начале 1917 г. МВД передало на издательские нужды: Н.Е.Маркову 2-му — 50 000, Г.Г.Замысловскому — 12 000 и В.Г.Орлову — 2000 рублей. Общество для борьбы с дороговизной Г.И.Кушнырь-Кушнарева получило 100 000 рублей.⁵²² Перечисленные суммы были несопоставимы с казенными субсидиями, поступавшими в распоряжение оппозиционных организаций. Это вызывало недовольство правых.⁵²³ Но царь и правительство его игнорировали, продолжая на рубеже 1916—1917 гг. оказывать массивную финансовую поддержку союзам и комитетам. Их оппозиционность, однако, не снизилась.

Более того, именно тогда заговорщики из числа руководителей общественных организаций приняли последние решения. В конце декабря в Москве на квартире М.В.Челнокова произошло тайное совещание. Среди его участников были Н.И.Астров, С.В.Бахрушин, П.А.Бурышкин, Н.М.Кишкин, Г.Е.Львов, В.А.Маклаков, П.Н.Милюков и Т.И.Полнер.⁵²⁴ Г.Е.Львов, сославшись на свои беседы с организаторами заговора, сообщил, что «в ближайшем будущем можно ожидать дворцового переворота». В подготовку переворота, по словам Г.Е.Львова, были вовлечены «и военные круги, и великие князья, и политические деятели». В ходе пере-

ворота, заявил он, предполагается «устранить» Николая и Александру Федоровну.⁵²⁵ Участники совещания наметили состав того Временного правительства, которое пришло к власти во время Февральской революции. Кроме того, они поддерживали мысль о возведении на престол цесаревича Алексея и регентстве великого князя Михаила Александровича.⁵²⁶

Воплощение своих надежд оппозиционеры связывали с А.И.Гучковым. Его план заключался в том, чтобы «захватить, по дороге между Ставкой и Царским Селом, императорский поезд, вынудить отречение, одновременно, при посредстве воинских частей, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою правительство».⁵²⁷

В конце 1916 г. приготовления к осуществлению плана А.И.Гучкова были закончены. Уже 8 января 1917 г. он предупредил английского посла Д.У.Бьюкенена, что перед Пасхой, т.е. до 2 апреля, «должна произойти революция», которая «продлится не больше двух недель».⁵²⁸ Революцию заговорщики приурочили к этому сроку потому, что 12 апреля предполагалось начать наступление русской армии.⁵²⁹

Переход оппозиции в новое качество не ускользнул от внимания А.Д.Протопопова. В конце декабря он заявил корреспонденту «Нового времени» Я.Я.Наумову, что у него имеются данные, свидетельствующие «о симптомах приближающейся революции». К таким данным министр отнес резолюцию совещания представителей областных военно-промышленных комитетов, проходившего 13—15 декабря в Петрограде под председательством А.И.Коновалова. На совещании члены Рабочей группы ЦВПК призвали к созданию Временного правительства. Резолюция требовала «перейти от слов к делу».⁵³⁰

В конце декабря А.Д.Протопопов говорил великому князю Александру Михайловичу, что союзы и комитеты «суть организации революционные».⁵³¹ Но масштабного наступления на оппозицию А.Д.Протопопов не планировал. Он полагал, что сама по себе оппозиция слаба, поскольку ее активные участники составляют меньшинство и оторваны от народа. Той же точки зрения придерживался и Николай.

Во время аудиенции, данной 25 декабря французскому послу Ж.М.Палеологу, в ответ на его слова об обострении ситуации внутри России Николай заметил: «Я знаю, что в петроградских салонах сильно волнуются».⁵³² Царь был уверен, что оппозиционеры могут играть в революцию, но не решатся ее возглавить. Воспринимая лидеров оппозиции не слишком серьезно, монарх, однако, по-прежнему стремился к соглашению с ними. Примирительное отношение Николая к общественным организациям пытались поколебать черносотенцы.

В конце декабря в Петрограде появился Н.Н.Тиханович-Савицкий. Он вознамерился открыть глаза императору на заговорщическую деятельность оппозиционеров. Ходатайствуя об аудиенции у Николая, Н.Н.Тиханович говорил А.А.Вырубовой, что «привез доказательства и документы на счет опасной пропаганды, которая ведется Союзами земств и городов с помощью Гучкова, Родзянко и других в целях свержения с престола государя». От общения с астраханским черносотенцем император

отказался, мотивируя это тем, что «слишком занят». Побеседовать с Н.Н.Тихановичем Николай поручил императрице. Выслушав Н.Н.Тихановича, Александра Федоровна сказала А.А.Вырубовой, что «опасения его преувеличены».⁵³³ Серьезность намерений лидеров оппозиции недооценивала и царица.

Н.Н.Тиханович, явно преувеличивая значение своей миссии, встретился с новым премьером князем Н.Д.Голицыным и министрами, неугодными оппозиции, — Н.А.Добровольским, А.Д.Протопоповым и Н.П.Раевым.

Министра внутренних дел Н.Н.Тиханович уговаривал дать ход делу П.С.Кравченко. «Ко вчерашнему разговору: порочить царицу и царя допускать нельзя, — обратился Н.Н.Тиханович к А.Д.Протопопову 28 декабря, — следует потребовать привлечения городского головы Кравченко к строгой ответственности за допущение этого в “частном совещании” гласных городской думы. Малая кучка навела такой террор на правых гласных, что они теперь боятся показывать, что говорилось; надо допросить под присягой. Точные указания даны мною астраханскому губернатору и жандармскому полковнику. Дело должно послужить в назидание подобным сборищам всей России и заминать его ни в каком случае не следует».⁵³⁴

Не добившись аудиенции у монарха, Н.Н.Тиханович, однако, по-прежнему надеялся повлиять на него. Поэтому 30 декабря астраханец передал Николаю через флаг-капитана царя адмирала К.Д.Нилова письмо, которое свидетельствовало о высокой степени осведомленности его автора. «Главный комитет Союза земств и городов, руководимый Львовым, Челноковым, Астровым и другими, — говорилось в этом письме, — пользуясь попустительством властей, открыто готовит государственный переворот». Оппозиционеры, по сведениям Н.Н.Тихановича, рассчитывали «или на дворцовый переворот при помощи ближайших частей войск, или на военный, который подготавливает авантюрист Гучков уже давно, войдя в сношение с видными военачальниками, количество которых в его шайке, по слухам, все увеличивается». Н.Н.Тихановичу было известно, что в Москве перед Рождеством имели место ночные совещания при участии Н.И.Астрова, Павла и Петра Д.Долгоруковых, Г.Е.Львова, П.Н.Милюкова, М.В.Челнокова и А.И.Шингарева. Автор письма знал и то, что на этих совещаниях раздавались «голоса об удалении царя», «громко» упоминалось имя Павла I и говорили «о необходимости заранее наметить Временное правительство». Н.Н.Тиханович рекомендовал «разогнать московскую шайку и составить Главный комитет Союза земств и городов из лиц по назначению от правительства, удалив от дел весь теперешний Комитет полностью», поскольку «если шайка не будет разогнана, она сделает свое дело».⁵³⁵ Царь, однако, придерживался иного мнения, наложив на письмо Н.Н.Тихановича следующую резолюцию: «Во время войны общественные организации трогать нельзя».⁵³⁶

Таким образом, ради сохранения фикции «священного единения» Николай по-прежнему стремился к сотрудничеству с общественными организациями, хотя о подготовке их руководителями заговора против него царю было хорошо известно. Когда во время аудиенции, данной Николаем английскому послу Д.У.Бьюкенену 30 декабря, он попросил

императора «уничтожить стену», отделяющую монарха от народа, и «снова приобрести его доверие», Николай, подразумевая лидеров оппозиции, говоривших от имени народа, выпрямился во весь рост и, жестко глядя, спросил: «Так вы думаете, что я должен приобрести доверие своего народа, или что он должен приобрести мое доверие?» Обоснованное недоверие к лидерам оппозиции царь не переносил на все общественные организации в целом. Он отозвался «с похвалой об услугах, оказанных земствами во время войны», заметив только, что «не одобряет позиций и политических речей некоторых из их вождей».⁵³⁷

Стремление Николая к сотрудничеству с органами самоуправления не только во время войны, но и после нее продемонстрировал императорский рескрипт, данный князю Н.Д.Голицыну 6 января 1917 г. «В предстоящей деятельности по устройству хозяйственной жизни страны, — говорилось в рескрипте, — незаменимо опорою правительства явятся земства, которые работою своею как в мирное время, так и в годину войны доказали, что в них неугасимо сохраняются светлые заветы устроителя земской жизни незабвенного моего деда императора Александра II».⁵³⁸ Даже после эскалации оппозиционной деятельности союзов от сотрудничества с ними Николай так и не отказался. Но сотрудничество это мыслилось ему только в рамках закона, не предусматривавшего вмешательства органов местного самоуправления в политику. Между тем, лидеры союзов постоянно содействовали их политизации. Мерой, направленной на предотвращение этого, стал циркуляр А.Д.Протопопова от 11 января.

Непосредственной причиной появления циркуляра были настояния Н.Н.Тихановича о привлечении к ответственности астраханского городского головы. Циркуляр предписывал губернаторам и градоначальникам привлекать к ответственности председателей городских дум и земских собраний за вынесение ими политических резолюций противоправительственного содержания.⁵³⁹

А.Д.Протопопов боролся против не общественных организаций вообще, а лишь их политической деятельности, будучи при этом исключительно на почве закона. Поэтому данная мера не встретила поддержки у Н.Н.Тихановича. Полагая, что циркуляр «не достигнет цели», он телеграфировал министру внутренних дел: «Невозможно с революционерами, уверенными, что через два — четыре месяца они станут господами положения, бороться путем эволюционным. Представить о них в Сенат или привлечь по Городовому положению — не страшно и затянется дело, сейчас нужны радикальные устрашающие меры».⁵⁴⁰ Экстремистские взгляды Н.Н.Тихановича ни А.Д.Протопопов, ни тем более парламентаристы не разделяли.

Министры с Н.Д.Голицыным во главе хотели сохранить «если не дружественные, то надлежащие отношения» с оппозиционными организациями.⁵⁴¹ Впрочем, несмотря на политическую солидарность парламентаристов и лидеров оппозиции, первые не шли на полное отождествление себя с последними. Это затруднялось наличием у некоторых из парламентаристов придворных отличий, которые табуировали слишком открытое примыкание к оппозиции.

Придворное отличие проводило между его обладателем и, так сказать, профессиональным оппозиционером невидимую сразу, но трудно переходимую черту, проявлявшуюся даже тогда, когда придворный по общему духу своего политического мировоззрения был намного ближе именно к оппозиции, а не монарху. Характерна ситуация, в которую попал граф П.Н.Игнатьев, удаленный из кабинета за свой чрезмерный либерализм, но возведенный после этого во вторые чины двора. Опальный шталмейстер получил от уполномоченного Земского союза и члена кадетского ЦК И.П.Демидова приглашение войти в союз. Однако в письме от 16 января А.В.Кривошеину граф задался симптоматичным вопросом: «Не будет ли это слишком большой демонстрацией? А я совершенно не желаю ее делать. И так газеты сослужили мне скверную службу, растрুবив мой уход». В таком же положении находился и ушедший вместе с П.Н.Игнатьевым с поста товарища министра народного просвещения камергер А.К.Рачинский, который «готов со мною куда угодно, — сообщал граф, — но не хочет играть роли чучелы или пугалы в “общественных” руках!» Не исключая для себя и А.К.Рачинского подобного исхода («Конечно, если ничего другого нет, нам обоим придется и на это идти»), П.Н.Игнатьев, однако, делал вывод, что идти на это «в такую пору — нам не приходится».⁵⁴²

Теперь уже невозможно сказать, что предотвратило вступление П.Н.Игнатьева в Земский союз — его лояльность или революция. Так или иначе, но ради сохранения фикции «священного единения» от черносотенцев дистанцировались не только парламентаристы, но и дуалисты. В середине января Н.Д.Голицын отклонил ходатайство крайне правых о разрешении их съезда, мотивировав это «недопустимостью, в настоящее время, вообще каких бы то ни было политических съездов».⁵⁴³ Однако при всей благожелательности по отношению к оппозиционным организациям Н.Д.Голицын не мог не реагировать на явные злоупотребления, имевшие место внутри союзов. Одним из таких злоупотреблений было наличие среди союзных служащих большого числа лиц, уклоняющихся от военной обязанности. Внимание на это обратил сам император.

Читая записку члена думской фракции националистов М.В.Митроцкого, признанной Николаем, согласно его резолюции от 17 января, «достойной внимания», царь отчеркнул абзац о том, что «все военнообязанные, находящиеся на службе во всех “общественных” организациях и уездных земских управах, исключая председателей последних и руководителей отдельных учреждений, непременно должны быть призваны на действительную военную службу».⁵⁴⁴

Указание царя не означало того, что он решил отказаться от сотрудничества с земствами. Беседуя с Д.У.Бьюкененом 21 января, в ответ на его замечание, что функция распределения продовольствия «могла бы быть с успехом вверена земствам», Николай согласился, что министр земледелия «должен воспользоваться услугами земств».⁵⁴⁵

Н.Д.Голицын посоветовал Николаю назначить особого ревизора для проверки правильности отсрочек, даваемых союзным служащим. А.Д.Протопопов поддержал идею ревизии, тем более что за ее проведение высказывался ранее. Он говорил в конце декабря 1916 г.: «Это не общественность, а

ложе-общественность. Я сам старый земец и потому хорошо понимаю и вижу, какие элементы объединены в этих союзах. Там больше взяточников и уклоняющихся от воинской повинности, чем земцев и общественных деятелей. Правительство должно вывести их на свежую воду. Нужно, чтобы они были разоблачены путем назначения ревизии от контроля».⁵⁴⁶

По поводу ревизии А.Д.Протопопов заявил императору, что «подобная проверка полезна».⁵⁴⁷ Ее производство Николай поручил назначенному члену правой группы Государственного совета и сенатору князю А.А.Ширинскому-Шихматову.

Оппозиционеры расценили ревизию как наступление на общественные организации, инспирированное черносотенцами. Казалось бы, что основания для такого вывода были. Ведь именно черносотенцы рекомендовали провести, в целях «ослабления Зем-Города», его ревизию, выступая за привлечение в строй «людей, освобожденных от воинской повинности по ходатайствам Зем-Города».⁵⁴⁸ Однако рекомендация крайне правых, указывая на реальную проблему, не содержала демагогического подтекста. Уже после революции М.В.Челноков жаловался, что «и теперь министры стараются нас все время дискредитировать» и «несколько раз указывали, что союзы — это место, где скрываются от воинской повинности». М.В.Челноков удивлялся, что даже военный министр А.Ф.Керенский «предъявил нам то же самое обвинение, что у нас прячутся».⁵⁴⁹

Карательной мерой ревизия А.А.Ширинского-Шихматова не была еще и потому, что сам он собирался применить репрессии по отношению только к некоторым членам союзов.⁵⁵⁰ Помощниками А.А.Ширинского-Шихматова стали либеральные сенаторы А.В.Степанов и В.А.Брюн-де-Сент-Ипполит. Во время подготовки ревизии союзов об их полном закрытии речи не шло.

Примирительное отношение Н.Д.Голицына к оппозиционным организациям показательно тем более, что он отдавал себе полный отчет в конечных целях их деятельности. Незадолго до революции Н.Д.Голицын говорил А.Д.Протопопову, что «у союзов готов состав Временного правительства, и отделы союзов соответствуют соответствующим министерствам».⁵⁵¹ Если ревизию А.А.Ширинского-Шихматова нельзя признать исключительно политической акцией, то таковой, наоборот, явился последовавший 27 января арест Рабочей группы ЦВПК.

Группа способствовала повышению антиправительственных настроений среди рабочих. В этом сходились и полицейские, и революционеры.⁵⁵² Инициатором ареста стал А.Д.Протопопов. Он расценивал рабочие группы как «организацию рабочих по всей России, центральный орган которой находится в Петрограде». Рабочую группу ЦВПК руководитель МВД считал «повторением организации Хрусталева-Носаря в 1905 г.»⁵⁵³ т.е. Петербургского Совета рабочих депутатов.

Отрицательное отношение А.Д.Протопопова к рабочим группам объяснялось его умеренной позицией по рабочему вопросу в целом. «На фабриках заряд есть, — информировал А.Д.Протопопов А.В.Кривошеина еще 14 июля 1915 г., — разрешать его нужно скорее, но крайне осторожно, скажу — любовно. Необходимо знать, что сам хочет и чего хочет “труд”. Опасно забегать вперед — т.е. передать; опасно, вовремя, недодать; надо попасть

в точку».⁵⁵⁴ Впрочем, пока позиция Рабочей группы ЦВПК не имела откровенно антиправительственного характера, А.Д.Протопопов относился к ней нейтрально. Более того, в октябре 1916 г. он «добился, чтобы пропустили воззвание Рабочей группы, очень полезное».⁵⁵⁵

После наметившейся в октябре 1916 г. резкой радикализации деятельности Рабочей группы ЦВПК отношение к ней А.Д.Протопопова изменилось. По его мнению, она была «связующим звеном между революционно настроенным рабочим населением и оппозицией».⁵⁵⁶ Действительно, председатель Рабочей группы К.А.Гвоздев находился в постоянном контакте с председателем ЦВПК А.И.Гучковым. Члены группы верили в «силу» А.И.Гучкова и его заместителя А.И.Коновалова и признавали, что от них «именно и будет зависеть дать последний и решительный сигнал к началу “второй великой и последней всероссийской революции”».⁵⁵⁷ Кроме того, А.Д.Протопопов имел информацию об участии в деятельности группы А.Ф.Керенского.⁵⁵⁸ Управляющий МВД полагал, что «надо прервать связь между оппозицией и рабочими»,⁵⁵⁹ т.е. арестовать Рабочую группу. Повод к этому дала она сама.

В начале января 1917 г. руководители Рабочей группы провоцировали думцев на неподчинение царскому указу о переносе начала думской сессии с 12 января на 14 февраля.⁵⁶⁰ В середине января, по инициативе А.Ф.Керенского и с молчаливого согласия А.И.Гучкова, группа приступила к подготовке намеченного на 14 февраля рабочего шествия к Таврическому дворцу. Шествие должно было завершиться предъявлением Думе требования о замене царского правительства «правительством народного спасения».⁵⁶¹ Решение группы доказывало, что лидеры оппозиции намереваются от слов перейти к делу. Не случайно, что 27 января Г.Е.Львов и М.В.Челноков представили лорду А.Мильнеру особую записку. Смысл ее сводился к тому, что «если позиция царя не изменится, то в течение трех недель вспыхнет революция».⁵⁶² В это время А.И.Гучков, А.И.Коновалов и Г.Е.Львов были уверены в неизбежности уже «назревшего переворота».⁵⁶³

Ввиду активизации Рабочей группы главный начальник Петроградского военного округа генерал С.С.Хабалов согласился с мыслью А.Д.Протопопова о ее аресте. Перед этим генерал, настроенный примирительно по отношению к оппозиции, послал А.И.Гучкову предупредительное письмо. Его проект был одобрен Советом министров. Письмо запрещало собрания группы без предварительного извещения полиции, поскольку в них участвовали посторонние лица, произносившие «революционные речи». Хотя для ответа на письмо был установлен трехдневный срок, А.И.Гучков не ответил. Посторонние лица по-прежнему приходили на собрания группы. Тем не менее А.Д.Протопопов никак не мог решиться санкционировать арест. Он ссылаясь «на недовольство, которое будет вызвано у общественности», и «на то, что Рабочая группа, как выборная, по его мнению, пользуется правом неприкосновенности».⁵⁶⁴ За разрешением своих сомнений А.Д.Протопопов обратился к императору. Выступая за арест группы, министр заявил Николаю, что «можно опасаться забастовки, вследствие ареста», но «арест все же произвести надо». Царь ответил: «Что же делать? Арестуйте».⁵⁶⁵

Все члены группы, кроме трех, один из которых — В.М.Абросимов — оказался провокатором, были арестованы 27 января по обвинению в принадлежности к сообществу, поставившему себе целью ниспровержение существующего государственного строя, т.е. по признакам преступления, предусмотренного статьей 102 Уголовного уложения. Правительственное сообщение от 30 января, составленное директором Департамента полиции А.Т.Васильевым и отредактированное И.Я.Гурляндом, объявило целью деятельности группы превращение России в «социал-демократическую республику».⁵⁶⁶ Сообщение, по свидетельству осведомленного современника, «соответствовало действительности».⁵⁶⁷ На следующий день после ликвидации группы А.И.Коновалов ходатайствовал об оставлении К.А.Гвоздева под домашним арестом. Ходатайство А.И.Коновалова было удовлетворено. Благодаря этому К.А.Гвоздев имел «полную возможность поддерживать связи с рабочими организациями и деятелями».⁵⁶⁸ Внимание, оказанное просьбе А.И.Коновалова, свидетельствовало о том, что арест не являлся признаком окончательного разрыва правительства с лидерами оппозиции. Между тем накануне созыва Думы А.Т.Васильев обращал внимание своего шефа на «резко намечающийся за последние дни яркий авантюризм наших доморощенных “Юань-Шикаев”» в лице А.И.Гучкова, А.И.Коновалова и Г.Е.Львова. Они, по сведениям Департамента полиции, хотели «сделаться вождями и руководителями анархически-стихийной революции».⁵⁶⁹ Зная о заговорщической деятельности А.И.Гучкова, Николай «боялся» председателя ЦВПК, считая его за «авантюриста и явно враждебного» к нему человека.⁵⁷⁰ Несмотря на это, царь отказался от ареста А.И.Гучкова. Задержание председателя ЦВПК было предотвращено мнением товарища прокурора петроградской судебной палаты И.К.Смирнова, занимавшегося делом Рабочей группы.

И.К.Смирнов полагал, что хотя причастность А.И.Гучкова к делу «несомненна», но поводов для привлечения его к суду «не имеется». Это мнение А.Д.Протопопов доложил императору, заметив, что арест А.И.Гучкова «только увеличил бы его популярность». Выступая против ареста, А.Д.Протопопов сообщил, что в ЦВПК «происходят, как говорят, злоупотребления и, если они обнаружатся, то репутация А.И.Гучкова будет подорвана; правительство же будет в стороне».⁵⁷¹ Николай согласился с точкой зрения А.Д.Протопопова. Если царь и министр внутренних дел не хотели полного разрыва с лидерами оппозиции, то последние его всячески желали.

Бескомпромиссность оппозиционеров показало состоявшееся 29 января совещание представителей ЦВПК, союзов, Прогрессивного блока и рабочих групп (одним из них был В.М.Абросимов). А.И.Гучков ознакомил участников совещания с обстоятельствами дела Рабочей группы. Совещание решило «избрать из своей среды особо-законспирированный и замкнутый кружок, который мог бы играть роль руководящего центра для всей общественности».⁵⁷²

Полицейский отчет о совещании, составленный на основе сведений, переданных В.М.Абросимовым, А.Д.Протопопов приложил к письму А.А.Вырубовой. В нем, информируя о влиянии ареста Рабочей группы на

оппозицию, министр сообщал, что «настроение понизилось». А.Д.Протопопов был уверен, что А.А.Вырубова это письмо покажет императрице. Через три дня, делая доклад Николаю, министр показал отчет и ему. Царь «интересовался» отчетом и прочел его сам. Действиями А.Д.Протопопова Николай и Александра Федоровна были «довольны».⁵⁷³

Оптимизм Николая, наполнявший его накануне революции, объяснялся не только действиями А.Д.Протопопова, но и верой царя в абсолютную лояльность низов. Когда в конце января флигель-адъютант А.А.Мордвинов сообщил Николаю о своей встрече с неким стариком из народа, просившим предупредить императора о подготовке против него заговора, Николай ответил: «Ах, опять о заговоре, я так и думал, что об этом будет речь, мне и раньше уже говорили... добрые, простые люди все беспокоятся... я знаю, они любят меня и нашу матушку Россию и, конечно, не хотят никакого переворота. У них то уж наверно более здравого смысла, чем у других».⁵⁷⁴

Лояльность огромной народной массы, в том числе солдат, была, с точки зрения царя, самым лучшим нейтрализатором опасности со стороны кучки оппозиционеров и делала попросту ненужной карательную политику. Во время состоявшейся 16 февраля встречи Николая с генералом А.А.Мосоловым⁵⁷⁵ император, отвечая на соображения о целесообразности какой-то меры с династической точки зрения, заявил довольно резко, видимо взволнованный: «Как! И вы, Мосолов, говорите мне о династической опасности, о которой мне в эти дни протрубили уши?! Неужели и вы, бывший со мною во время моих объездов войск и видевший, как солдаты и народ меня принимают, тоже трусите?»⁵⁷⁶ Отказываясь от употребления карательных мер, император исходил не только из веры в лояльность народных масс.

Николай находился в плену слишком тонкого расчета, согласно которому лидеры оппозиции «не захотят необдуманными действиями подвергнуть риску результаты войны, столь дорого стоившей стране».⁵⁷⁷ Переоценивая лояльность общественных деятелей, Николай недооценивал всю радикальность настроений, разделявшихся ими.

В ответ на правительственное сообщение об аресте Рабочей группы по поручению бюро ЦВПК А.И.Гучков отправил Н.Д.Голицыну письмо, в котором откровенно признавался: «Расходясь подчас с Рабочей группой в ее политических и социальных воззрениях, комитет в то же время согласен с этой группой в оценке нынешнего политического режима и правительственного курса и признает существующую власть неспособной обеспечить победу России над внешним врагом».⁵⁷⁸

Посылая письмо премьеру, руководители ЦВПК надеялись на то, что Н.Д.Голицын и министр торговли и промышленности князь В.Н.Шаховской относятся к рабочему вопросу «более терпимо», чем А.Д.Протопопов и военный министр генерал М.А.Беляев. «В либеральных кругах, — отмечал полицейский аналитик, — много говорят на тему о возможности несогласий между князем Голицыным и А.Д.Протопоповым вообще. На этом строятся возможные и невозможные предположения».⁵⁷⁹ Предположения оппозиционеров оправдались.

Когда А.И.Гучков и А.И.Коновалов лично посетили премьера и «объяснили всю неразумность предпринятого шага», Н.Д.Голицын, расходившийся с А.Д.Протопоповым, воспринял объяснения руководителей ЦВПК «благосклонно». Князь обещал «еще раз пересмотреть» дело «рабочих депутатов». Н.Д.Голицын солидаризировался с оппозиционерами. Он заявил, что «совершенно разделяет» их точку зрения. Допуская в деятельности Рабочей группы «несерьезные правонарушения», Н.Д.Голицын полагал, что было «политически неумно принимать по отношению к ним такие вызывающие меры». У А.И.Гучкова осталось впечатление, что князь оказался бы, вспоминал председатель ЦВПК, «на нашей стороне, если бы это дело еще раз дошло до обсуждения в Совете министров».⁵⁸⁰

После встречи с оппозиционерами Н.Д.Голицын говорил А.Д.Протопопову, что, арестовав группу, он «сделал ошибку».⁵⁸¹ Политические расхождения между премьером и министром внутренних дел достигли такой степени, что одну и ту же меру, формально исходившую от объединенного правительства, они оценивали с противоположных точек зрения. Противоречия не только между парламентаристами и дуалистами, но и между дуалистами парализовали сопротивление старого режима надвинувшейся революции.

6. «Коренные изменения».

Назначенные члены Государственного совета и «штурм власти» (сентябрь 1916 — февраль 1917 г.)

К осени 1916 г. главенствующее положение Прогрессивного блока в Государственном совете обеспечивали его назначенные члены. Во всеподданнейшем докладе от 9 октября Б.В.Штюрмер отзывался о блоке как об объединении, «руководимом В.Н.Коковцовым».⁵⁸²

Оппозиционность В.Н.Коковцова, как и других лордов, усиливала разделявшаяся ими вера во всемогущество «безответственных влияний». Граф говорил Ж.М.Палеологу 16 августа, что отставки С.Д.Сазонова (с поста министра иностранных дел) и генерала М.А.Беляева (с поста помощника военного министра) «беспокоят его в высшей степени». Эти отставки В.Н.Коковцов ошибочно расценивал как доказательство того, что влияние Александры Федоровны восторжествовало окончательно. Беседуя с Ж.М.Палеологом 9 сентября, В.Н.Коковцов заявил: «Мы идем к революции».⁵⁸³

Рост оппозиционных настроений наблюдался не только у парламентаристов, но и дуалистов. Вызывалось это падением у членов правой группы авторитета Б.В.Штюрмера. Когда среди них зашла речь «о проделках Штюрмера», вспоминал генерал А.Ф.Редигер, Н.А.Маклаков высказал «общую нам всем мысль, что положение нашей партии крайне трудно вследствие того, что с высоты престола делается точно нарочно все, чтобы подорвать доверие к тем монархическим началам, за которые стояла наша партия!»⁵⁸⁴

Оппозиционность назначенных членов усилило неприятие ими появления в роли управляющего МВД А.Д.Протопопова. Отношение к этому со стороны лордов зафиксировало письмо, адресованное царю 18 сен-

тября 1916 г. обер-егермейстером И.П.Балашевым. Он являлся братом Н.П.Балашева, также обер-егермейстера и одного из назначенных членов Прогрессивного блока в Государственном совете. В мемуарах и исследованиях указывается на относящееся к осени 1916 г. некое письмо именно Н.П.Балашева, поскольку его автор характеризовался Александрой Федоровной как «самодовольный член Государственного совета».⁵⁸⁵ Но в обширном личном фонде Балашевых не сохранилось ни черновики, ни копий каких-либо писем Николая Балашева к императору. Зато в нем имеется машинописная копия письма от 18 сентября, подписанного Иваном Балашевым. Несомненно, что царица допустила явную ошибку, приняв Ивана за Николая. О чем же писал императору И.П.Балашев?

Извиняясь перед монархом за то, что вмешивается в вопрос, касающийся исключительно его «личных прав, каковым является назначение министров», обер-егермейстер объяснял свою смелость тем, что «есть случаи, когда верно-подданный не должен молчать, как, например, когда Вам грозит опасность впасть в крупную ошибку». С точки зрения И.П.Балашева, выражавшего не только свое мнение, но и взгляды «националистов и прочих здравомыслящих партий», крупной ошибкой стало назначение А.Д.Протопопова, формально — левого октябриста, а фактически — «кадета». Далее логика мысли И.П.Балашева делала неожиданный поворот, который доказывал, что охранительная идеология в интерпретации ее адептов была понятием более растяжимым и гибким, нежели могло показаться на первый взгляд. Интерпретируя назначение А.Д.Протопопова как первый шаг на пути к установлению парламентаризма, И.П.Балашев отмечал, что «уж лучше сделать это прямо, полностью, а не наполовину, ибо последнее все равно не удовлетворит левую оппозицию».

«Во главе правительства, и каждой его отрасли в частности, — излагал И.П.Балашев свое консервативно-либеральное кредо, — должны стоять лица, разумно консервативные и разумно либеральные, не крайние “правые” и не крайние “левые”; они должны, безусловно, быть сторонниками представительного образа правления, но, вместе с тем, преданными Вашими слугами и это они должны доказать не на словах только, но и на деле». Для того чтобы не совершать ошибки, подобной назначению А.Д.Протопопова, впредь и назначать «только вполне подходящих лиц, опытных, способных, знающих», «честных и незапятнанных ничем в прошлом», И.П.Балашев, ссылаясь на опыт своего деда, министра полиции в царствование Александра I, рекомендовал императору ... создать Министерство полиции, во главе которого стояло бы «доверенное лицо».

«Если б у Вас, государь, — разъяснял И.П.Балашев суть предлагавшегося им рецепта, — имелось под рукою такое государственное учреждение, Вы были бы в состоянии, когда ищите заместителя для той или другой важной должности, получить о нем заблаговременно необходимые справки. Теперь же Вы вынуждены бываете доверяться рекомендации лиц, в лучшем случае самих плохо осведомленных и, большей частью, безответственных». Выдвигая идею фактического ограничения царской власти в пользу нового органа, И.П.Балашев обосновывал эту идею дерзкой, с точки зрения царя, ссылкой на «безответственные влияния», т.е. на царицу и Г.Е.Распутину.⁵⁸⁶

Стремление нейтрализовать «безответственные влияния» приводило к тому, что во введении парламентаризма его противники начинали видеть меньшее зло.⁵⁸⁷ На заседании бюро Прогрессивного блока 30 октября его выборный член в верхней палате М.А.Стахович так охарактеризовал настроения лордов: «Необыкновенное, категорическое полевение Государственного совета: позиция, которую настойчиво и демонстративно занимает Стишинский, даже и сам дядька [т.е. А.Н.Куломзин. — С.К.]».⁵⁸⁸

Левение лордов наглядно продемонстрировал начавшийся 1 ноября «штурм власти», происходивший, помимо Думы, и в Государственном совете. Настроения, разделявшие тогда назначенными членами Прогрессивного блока, довел до сведения царя 9 ноября П.М. фон Кауфман-Туркестанский. Он заявил Николаю буквально следующее: «<...> разрешите мне: я пойду и убью Гришку!»⁵⁸⁹ Распутинской темой П.М. фон Кауфман воспользовался для того, чтобы убедить императора в необходимости парламентаризма, поскольку проводил мысль об «ответственном министерстве».⁵⁹⁰ Внимательно выслушав П.М. фон Кауфмана, Николай заметил: «Я верю в правоту ваших слов и в искренность ваших побуждений. Благодарю вас!»⁵⁹¹ Благожелательное отношение к лидерам оппозиции проявлял не только царь, но и новый премьер.

После своего назначения А.Ф.Трепов заехал к В.Н.Коковцову и предложил ему заняться подготовкой послевоенных переговоров, чтобы впоследствии занять пост главного представителя России на мирном конгрессе. Царь «очень обрадовался» предложению А.Ф.Трепова, заявив ему, что питает к В.Н.Коковцову «глубокое уважение и полное доверие».⁵⁹² Между тем, борьба Думы с «темными силами» вызывала поддержку у столпов правой группы. В знак сочувствия В.М.Пуришкевичу, выступившему 20 ноября с речью против Г.Е.Распутина и А.Д.Протопопова, депутату занесли визитные карточки «масса» членов Государственного совета, в том числе граф С.Д.Шереметев.⁵⁹³

По причине едва ли не дипломатической болезни А.Н.Куломзина сессия верхней палаты 22–26 ноября проходила под руководством вице-председателя Государственного совета И.Я.Голубева.⁵⁹⁴ Эта сессия стала апогеем оппозиционности лордов, чему способствовал именно И.Я.Голубев. Подбивая лордов на антиправительственные выступления, он «сам вперед предупреждал оппозиционных членов Государственного совета, что критика с их стороны ныне вполне своевременна».⁵⁹⁵ Благодаря вице-председателю речи членов верхней палаты «не отличались по существу, а в некоторых случаях и по резкости, от речей членов Государственной думы».⁵⁹⁶

Непосредственным итогом покровительства И.Я.Голубева Прогрессивному блоку стало принятие 26 ноября большинством Государственного совета формулы перехода к очередным делам. Формула предусматривала «решительное устранение влияния на дела государственные скрытых безответственных сил» и «образование правительства, действительно сплоченного и объединенного определенной программой, опирающегося на доверие и сочувствие страны».⁵⁹⁷ Следовательно, верхняя палата выступила за фактическое введение парламентаризма.

Левение лордов на какое-то время захватило группу правого центра. В ноябре она была «не склонна всецело стать на точку зрения правой группы

в смысле единения с правительством». ⁵⁹⁸ Лидеры правого центра А.Б.Ней-дгарт и В.М.Андреевский 25 ноября передали Г.И.Шавельскому просьбу своей группы представить императору « всю катастрофичность положения », чтобы он « внял общему голосу ». ⁵⁹⁹

Парламентаристские настроения получили распространение даже среди назначенных членов Правой группы. « Папа, — сообщил сестре 27 ноября попечитель Варшавского учебного округа князь И.А.Куракин об А.А.Куракине, — в хорошем настроении и с яростью вчера голосовал за формулу Центра; мне так удивительна эта перемена ». ⁶⁰⁰ Оппозиционность лордов перекинулась на Постоянный совет Объединенного дворянства, где они традиционно занимали прочные позиции. 12-й съезд Объединенного дворянства 30 ноября принял оппозиционную резолюцию, составленную И.П.Балашевым. ⁶⁰¹ На съезде дуалист граф А.А.Бобринский и парламентарист В.И.Гурко говорили « одинаковым языком ». ⁶⁰² Переход на сторону Прогрессивного блока Объединенного дворянства свидетельствовал о распространении политической поляризации теперь уже и на консервативно-либеральное крыло бюрократической элиты.

Поведение лордов, позиция которых обусловила принятие верхней палатой заявления о необходимости парламентаризма, Николай расценил как измену. « У императора, — сообщил А.Ф.Трепов В.Н.Коковцову о реакции суверена на полевение сановников, — глухой голос, впалые щеки, недобрый взгляд; он с горечью говорит о членах Государственного совета, которые, твердя о своей верности самодержавию, позволили себе обратиться к нему с заявлением ». ⁶⁰³ Нелояльное поведение лордов делало неизбежным наложение опалы на парламентаристов.

Первым сановником, понесшим наказание за участие в оппозиции, стал И.Я.Голубев. Уже 1 декабря ему было объявлено « высочайшее неудовольствие » за разрешение на заседании 26 ноября высказывать суждения « по таким предметам, которых касаться в Государственном совете никогда не разрешалось ». ⁶⁰⁴ И.Я.Голубев понял, что от его услуг решили отказаться, и поэтому подал в отставку. « Об освобождении меня от обязанностей вице-председателя, — сообщал он П.А.Сабурову 2 января 1917 г., — я заявил ходатайство еще 18 декабря, как только была прервана сессия ». ⁶⁰⁵

Одновременно с И.Я.Голубевым в опале оказался лидер КВО князь Б.А.Васильчиков, точнее — его жена, С.Н.Васильчикова. Она « очень мало знала и не очень понимала » Александру Федоровну. ⁶⁰⁶ Тем не менее С.Н.Васильчикова написала царице письмо, будучи « под свежим впечатлением каких-то разговоров о “темных силах” ». ⁶⁰⁷ В письме указывалось на то, что Александра Федоровна « своим вмешательством в политические дела России ведет царствующую династию к неминуемой гибели, и что лучшим исходом было бы добровольное удаление государыни императрицы из пределов России ». ⁶⁰⁸

Письмо С.Н.Васильчиковой Николай расценил как оскорбление жены. Узнав о письме, он « побелел от гнева. К нему, — вспоминала А.А.Вырубова, — было страшно подойти ». ⁶⁰⁹ Николай повелел министру двора графу В.Б.Фредериксу объявить Б.А.Васильчикову повеление о ссылке его жены в их имение Выбити, находившееся в Новгородской губернии.

Столь же драматически восприняли царское повеление лорды. Когда 3 декабря сановники, присутствовавшие на завтраке у П.М. фон Кауфмана, узнали поразившую всех весть о ссылке, А.В.Кривошеин воскликнул: « Со времен Павла ничего подобного не бывало! Как они не понимают, что такими мерами они лишь подливают масло в огонь! ». ⁶¹⁰

Следующим оказался П.М. фон Кауфман. Он вызвал недовольство царя не столько своим поведением 9 ноября, сколько интригами против управляющего МВД. В конце ноября группа центра поручила П.М. фон Кауфману довести до сведения А.Д.Протопопова, что она считает « абсолютно недопустимым » нахождение его в кабинете. Управляющий МВД, по мнению группы, должен был, « ради блага Родины, добровольно уйти в отставку ». Встреча П.М. фон Кауфмана с А.Д.Протопоповым состоялась в ночь со 2 на 3 декабря. Управляющий МВД пообещал, что завтра же « отправится в Царское и подаст прошение об отставке ». ⁶¹¹ А уже 3 декабря Николай послал В.Б.Фредериксу следующую записку: « Граф Владимир Борисович. Прошу Вас известить Ильина, председателя Общества Красного Креста, что присутствие Кауфмана мне в Ставке не нужно. Когда Ильин будет ездить в Киев с докладами к моей матушке, я буду его принимать по тому или другому вопросу или здесь, или в Ставке. Сердечно Ваш Николай ». Царь, испытывавший патологическую брезгливость к личному применению каких-либо репрессивных мер, уклонился от него и на этот раз. Исполнение суррогата такой меры Николай переложил на министра двора и председателя Общества Красного Креста. В письме, датированном 4 декабря, министр уведомлял А.А.Ильина, что « Его величество не изволит усматривать необходимости присутствия на Ставке обер-гофмейстера Кауфмана-Туркестанского ». ⁶¹² На следующий день, 5 декабря, письменным уведомлением В.Б.Фредерикса П.М. фон Кауфман был отстранен от должности главноуполномоченного Красного Креста. ⁶¹³ Неожиданная опала стала для него тяжелым ударом.

За разъяснениями П.М. фон Кауфман обратился к В.Б.Фредериксу. « Из разговора с Его величеством, — сообщал министр двора П.М. фон Кауфману 12 декабря, несомненно — с ведома Николая, желавшего расстаться с опальным сановником хорошо, — я вынес полную уверенность, что распоряжение государя отнюдь не вызвано какими-либо проступками с Вашей стороны, или неудовольствием Вашей деятельностью ». ⁶¹⁴ Поскольку письмо графа не было рассчитано на огласку, оно могло привести к смягчению впечатления от опалы П.М. фон Кауфмана лишь у него самого, но не у назначенной части верхней палаты в целом. Ее оппозиционность усиливалась оттого, что главной виновницей последовавших наказаний лорды считали царицу.

Александра Федоровна поддержала царя в его намерении покарать парламентаристов. Но это не означало, что опалы были наложены только под ее влиянием. Если бы в декабре царица влияла на Николая, то он исполнил бы неоднократные просьбы супруги об исключении из придворного штата за нелояльное поведение обер-егермейстера И.П.Балашева и выборного члена Прогрессивного блока в Государственном совете церемониймейстера А.Д.Голицына. Однако все эти просьбы царь

откровенно проигнорировал.⁶¹⁵ Тем не менее лорды пребывали в уверенности, что всеисилие «безответственных влияний» беспредельно. Выходом из этой ситуации они считали убийство Г.Е.Распутина.

В конце 1916 г. на слова сенатора Д.Н.Любимова «ваше время скоро придет», А.В.Кривошеин ответил: «Не думаю... Я ведь не из фаворитов Григория Ефимовича». Когда же Д.Н.Любимов сообщил: «С этим прохвостом будет скоро покончено», А.В.Кривошеин воскликнул: «Дай-то Бог, дай-то Бог! Пора!»⁶¹⁶

Убийство Г.Е.Распутина лишило коллективное сознание бюрократической элиты последних моральных сдержек и привело к тому, что запретные темы исчезли даже для лордов. О возможности низложения Николая и покушений на венценосцев назначенные члены рассуждали как о чем-то само собой разумеющемся. Так, 22 декабря В.Н.Коковцов сообщил Ж.М.Палеологу, что «предвидит в близком будущем либо дворцовый переворот, либо революцию». Коллега В.Н.Коковцова по КВО С.Д.Сазонов заявил французскому послу 30 декабря: «Путь, на который вступил император, не имеет выхода. Если судить по нашим историческим прецедентам, открывается эра покушений. С точки зрения войны нам придется туго; потрясение будет сильное; но затем все пойдет хорошо».⁶¹⁷ Именно с С.Д.Сазоновым Д.У.Бьюкенен советовался о содержании своего обращения к императору перед поездкой в Царское Село 30 декабря.⁶¹⁸

Катастрофическое падение престижа Николая и Александры Федоровны наблюдалось не только среди парламентаристов, но и в такой твердыне верноподданнических настроений, как группа правых. «Даже среди самых ярых правых, — писал современник, — царь встречал отрицательное к себе отношение».⁶¹⁹ По сведениям Александры Федоровны, в декабре «некоторые члены крайней правой Государственного совета говорили о расторжении ее брака с царем и о заключении ее в монастырь».⁶²⁰ Недовольство верховной властью владело самыми лояльными деятелями правой группы.

Н.А.Маклаков говорил 22 декабря брату министра народного просвещения и члена прогрессивной группы кабинета графа П.Н.Игнатьева по поводу возможности его увольнения: «Я Вашего брата недолюбливал, но скажите ему — если это сделают, то не ему оскорбление, а нам; если мы были недавно в меньшинстве против 105 голосов, то в следующее голосование меньшинство будет против 130 голосов».⁶²¹ Так же высказался и П.П.Кобылинский.

Рост недовольства лордов существовавшим режимом сопровождался усилением интереса к партии кадетов как у парламентаристов, так и у дуалистов. Накануне отставки А.Ф.Трепова А.А.Бобринский, А.В.Кривошеин и А.С.Танеев зондировали почву у кадетов «относительно условий соглашения с правительством и приемлемого для Государственной думы состава кабинета».⁶²² Дистанцирование от верховной власти левых и правых сановников доказывало, что в это время она не поправила, но по-прежнему занимала центральный сегмент политического спектра.

Накануне революции, как и ранее, сутью правительственного курса было следование между кадетами и черносотенцами, по среднему пути либеральных реформ, не колеблющих дуалистической системы. То, что

реформаторский потенциал старого режима далеко не исчерпан, подтвердило принятие закона о реформе Сената.⁶²³ Закон, соответствовавший программе Прогрессивного блока и одобренный верхней палатой, Николай утвердил 24 декабря. Это произошло вопреки царице.⁶²⁴

Закон о реформе Сената, венчая преобразование судебной системы, начатое при Александре II, не уступал по своему значению реформаторским актам 1904–1906 гг. Доводы в пользу подписания закона были изложены председателем Государственного совета А.Н.Куломзиным в его всеподданнейшем докладе от 24 декабря. Содержание доклада дает представление о том, до какой виртуозности доходили представители правительственного либерализма, приводя перед императором, избегавшим дальнейшего формального ограничения самодержавной власти, мотивы в пользу наделения Сената правами, которые ее неминуемо ограничили бы фактически.

А.Н.Куломзин явно камуфлировал истинное значение закона о реформе Сената, когда уверял, что предоставление ему новых прав «относительно не может считаться ограничивающим верховную власть Вашего императорского величества». «В таком положении сего дела, — высокопарно подытоживал А.Н.Куломзин, — не нахожу себя вправе ходатайствовать пред Вашим императорским величеством о неутверждении представляемого на высочайшее благоволение законопроекта, принятие коего несомненно должно произвести в стране глубоко отрадное впечатление, так как в общем реформа эта возвращает Правительствующему сенату ту самостоятельность, ту самостоятельность, которая была положена в основание его бытия великим его творцом императором Петром Алексеевичем».

В объяснительной записке государственного секретаря С.Е.Крыжановского кардинальные новшества, устранявшие последние проявления абсолютизма в сфере организации и функционирования высшей судебной власти, квалифицировались как «делопроизводственные изменения», поскольку они сближали «порядок производства в административных департаментах Сената с порядком, установленным Судебными уставами для департаментов кассационных».⁶²⁵ С.Е.Крыжановский лукавил только отчасти. Накануне революции степень инкорпорированности монарха в бюрократическую элиту была такова, что даже кардинальные изменения в его статусе сводились именно к «делопроизводственным изменениям».

Соглашаясь на либеральные реформы, царь намеревался проводить их исключительно в рамках действовавшей конституции, проникнутой духом дуалистической системы. Ставшее следствием деятельности парламентаристов фактическое упразднение такого краеугольного камня дуалистической системы, как принцип двухпалатности, поставило на повестку дня вопрос о его защите. Для этого существовало только одно конституционное средство — изменение состава назначенной части Государственного совета, при совершившейся 1 января публикации списка его присутствующих членов, путем перевода в разряд неприсутствующих сановников, являвшихся членами Прогрессивного блока.

Первым вопрос об изменении состава верхней палаты поднял Б.В.Штурмер. Во время встречи с императором, имевшей место 9 октяб-

ря 1916 г., премьер указал на то, что «правительству нельзя будет опираться на Государственный совет». Поэтому, полагал Б.В.Штюрмер, «личный состав сего последнего должен подвергнуться коренным изменениям». Для начала Б.В.Штюрмер советовал заменить А.Н.Куломзина «другим, более энергичным лицом». Кандидатами премьера на пост председателя верхней палаты были С.В.Рухлов и И.Г.Щегловитов. Император «изволил в принципе признать обоих лиц подходящими на роль председателя». ⁶²⁶ После отставки Б.В.Штюрмера решение вопроса об изменении состава Государственного совета перешло к его преемнику.

В ходе всеподданнейшего доклада 26 ноября А.Ф.Трепов, подразумевая рост оппозиционных настроений в верхней палате, заявил императору, что взаимоотношения правительства с Государственным советом «не могут почитаться в данное время обеспечивающими взаимное доверие и должное единение». ⁶²⁷ Принимая во внимание мнения Б.В.Штюрмера и А.Ф.Трепова, Николай решил на «чистку» верхней палаты. Царь объявил своим приближенным, писал князь Ф.Ф.Юсупов матери 8 декабря, что «1 января он сделает генеральную чистку Государственного совета, против которого он глубоко возмущен». ⁶²⁸ Намерение Николая поддержала Александра Федоровна.

Во исполнение царской воли 10 декабря А.Ф.Трепов представил Николаю два списка кандидатов в председатели и члены Государственного совета, которые он 14 декабря послал императрице. Она познакомила со списками А.Д.Протопопова. ⁶²⁹ В председатели А.Ф.Трепов прочил четырех назначенных членов правой группы: адмирала Е.И.Алексеева, главноуправляющего Собственной канцелярией по учреждениям императрицы Марии А.Г.Булыгина, министра юстиции А.А.Макарова и председателя группы И.Г.Щегловитова, а также главноуправляющего Собственной канцелярией царя А.С.Танеева. ⁶³⁰

В начале своего премьерства А.Ф.Трепов из перечисленных сановников отдавал предпочтение И.Г.Щегловитову. ⁶³¹ В письме А.Ф.Трепова, полученном Николаем 13 декабря, премьер остановился на А.А.Макарове. Треповский список новых членов Государственного совета, включавший в себя 12–14 человек, открывался единственным кандидатом императрицы — вице-президентом Практической восточной академии генералом Н.К.Шведовым ⁶³² и заканчивался С.Е.Крыжановским. ⁶³³

Обновлению состава назначенной части Николай, по сравнению с остальными внутриполитическими акциями, придавал первенствующее значение. «Я, — писал он императрице 15 декабря, — считаю безусловно необходимым водворить мир и спокойствие среди всего населения нашей страны. Эта комбинация с переменами в Государственном совете сделает бесконечно много добра в смысле освежения всей атмосферы». ⁶³⁴

Первоначально преемником А.Н.Куломзина Николай хотел назначить члена группы правого центра С.В.Рухлова, кандидатура которого была предложена еще Б.В.Штюрмером. ⁶³⁵ Однако окончательный выбор Николая пал на другого кандидата Б.В.Штюрмера — И.Г.Щегловитова, лидера консервативно-либерального крыла бюрократической элиты. Выбор императора поддержали А.Д.Протопопов, ⁶³⁶ жена ⁶³⁷ и старец. ⁶³⁸

Назначением И.Г.Щегловитова Николай подчеркнул, что «не находит своевременным идти на какие-либо либеральные уступки». ⁶³⁹ Напутствуя нового председателя верхней палаты, царь ему сказал: «Вы хорошо знали деятельность Акимов, он вас очень ценил, и мое желание в том, чтобы вы следовали тому направлению, которого тот держался». ⁶⁴⁰ Между тем направление ортодоксального дуалиста М.Г.Акимов состояло в противодействии уклонениям Государственного совета в сторону парламентаризма. По причине чуждости И.Г.Щегловитова крайне правым его появление на посту председателя не означало и поправления курса власти. Это доказало решение вопроса об обновлении назначенной части.

Во время состоявшейся 29 декабря встречи царя с И.Г.Щегловитовым новый председатель верхней палаты представил Николаю справку о раскладе в ней политических сил. ⁶⁴¹ Согласно справке, Прогрессивный блок, который включал в себя членов группы левых (20 человек), группы центра (59), КВО (20) и часть внепартийных (2), имел 101 голос. Проправительственное крыло, включавшее в себя членов группы правого центра (23 человека), группы правых (58) и также часть внепартийных (4), имело 85 голосов. За вычетом отсутствовавших по болезни и иным причинам двух оппозиционеров и шести членов проправительственного крыла и с учетом присоединения к нему голосов восьми министров, являвшихся членами Государственного совета, соотношение между голосами Блока и его оппонентов выглядело как 99 и 87. ⁶⁴²

Приняв во внимание эту тревожную арифметику, Николай вычеркнул из списка назначенной части фамилии 18 лордов. Из них членами Прогрессивного блока были 10 человек (Н.П.Балашев, В.И.Герье, барон Э.Ф. фон Гойнинген-Гюне, А.Д. и Н.А.Зиновьевы, Б.Е.Иваницкий, П.П.Извольский, П.М. фон Кауфман, барон Р.Р.Розен, генерал Ф.Ф.Трепов), 2 человека являлись беспартийными (И.Я.Голубев и генерал Х.Х.Роп), а 6 — членами правой группы (адмирал С.А.Воеводский, С.Н.Гербель, И.А.Зиновьев, генералы Ф.Ф.Палицын и А.Н.Селиванов, Б.В.Штюрмер). ⁶⁴³ За всю историю реформированного Государственного совета это был первый случай широкомасштабного применения перевода в непричастные в качестве средства борьбы с оппозицией.

Впрочем, фактически за принадлежность к оппозиции удалению подверглись не более 7 сановников. Б.Е.Иваницкий и Ф.Ф.Трепов, как и правый С.Н.Гербель, не могли участвовать в заседаниях по своему служебному положению.

Три других члена Прогрессивного блока, Э.Ф.Гойнинген-Гюне, ослепший Н.А.Зиновьев и Р.Р.Розен, как и два правых, С.А.Воеводский и И.А.Зиновьев, засыпавший на заседаниях, оказались устраненными по состоянию здоровья, как «старички, которые не ходили в заседания». ⁶⁴⁴ Первоначально царем и И.Г.Щегловитовым намечались к удалению под предлогом того, что они «старички неходящие», столпы правой группы — И.Л.Горемыкин и С.Д.Шереметев. Только в самый последний момент, «после колебаний и разговоров», это было признано «неудобным». ⁶⁴⁵ Подавляющее большинство назначенных лидеров Прогрессивного блока, в частности — Б.А.Васильчикова, В.Н.Коковцова, С.С.Манухина, Н.С.Танганцева, «чистка» не затронула.

Н.С.Таганцев даже недоумевал, что «почему-то был оставлен Щегловитовым».⁶⁴⁶ На вопрос С.Е.Крыжановского, будет ли он настаивать на удалении Н.С.Таганцева, И.Г.Щегловитов ответил: «Это мой учитель. На него у меня рука не подымается. Я буду его отстаивать».⁶⁴⁷ При всем своем прагматизме И.Г.Щегловитов был не склонен доводить его до полной беспринципности. Поэтому «чистка» затронула парламентаристов только частично.

Подвергшиеся переводу в неприсутствующие 12 лордов составляли только треть (32,4 %) от общего числа назначенных членов, находившихся в оппозиции (37 человек). «Чистка» стала акцией, направленной не против Прогрессивного блока вообще, а против его доминирования в верхней палате. Между тем черносотенцы полагали, что состав Государственного совета необходимо изменить «таким образом, чтобы в числе назначенных по высочайшему повелению лиц не было ни одного из участников, так называемого, Прогрессивного блока».⁶⁴⁸ Поскольку царь и И.Г.Щегловитов требовали черносотенцев не выполнили, «чистка» свидетельствовала не о поправлении правительственного курса, а о том, что Николай по-прежнему хотел компромисса с оппозицией, но лишь на базе конституции 1906 г.

Взамен устранившихся сановников император назначил 18 человек. Резолюция Николая по этому поводу гласила: «Внести в списки присутствующих с назначением членами Государственного совета: Шведова, Волжина, [Н.В.]Плеве, Охотникова, Веревкина, Трусевича, Чебышева, барона Таубе, Семенова, Якунчикова, Льва Георгиевского, [А.Н.]Разумовского, Барсова, Илью Крашенинникова, Деревницкого, Крыжановского, академика Соболевского, Еропкина».⁶⁴⁹ Большинство новых членов, 13, были сенаторами. С.Е.Крыжановский полагал, что И.Г.Щегловитов, содействовавший в 1906–1915 гг., как министр юстиции, проведению этих сановников в Сенат, «до некоторой степени подбирал себе партию».⁶⁵⁰

Поскольку до назначения председателем Государственного совета И.Г.Щегловитов являлся председателем правой группы, ее самые консервативные члены сделали попытку повлиять на пополнение назначенной части. Н.А.Маклаков и А.А.Римский-Корсаков составили списки желательных для них кандидатов. В списке Н.А.Маклакова, одобренном А.Д.Протопоповым, были сенаторы С.П.Белецкий, Н.А.Брянчанинов, И.М.Золотарев, Н.П.Зуев, А.Н.Кривцов, Н.В.Плеве и С.П.Фролов, товарищ министра внутренних дел С.А.Куколь-Яснопольский, попечитель Оренбургского учебного округа А.Н.Деревницкий и черносотенный публицист К.Н.Пасхалов. В списке А.А.Римского-Корсакова значились думцы А.С.Вязигин и Н.Е.Марков 2-й, сенаторы Н.П.Зуев, В.Т.Судейкин и Г.Г.Чаплинский. Но ни один из этих списков «не прошел».⁶⁵¹

Не прошел и кандидат, выдвинутый доктором П.А.Бадмаевым, — редактор черносотенной «Земщины» С.К.Глинка-Янчевский.⁶⁵²

Из 16 кандидатов были востребованы только четверо: двое (А.Н.Деревницкий и Н.В.Плеве) — 1 января, и еще двое (Г.Г.Чаплинский и С.А.Куколь-Яснопольский) — немного позже, 13 и 31 января. Назначение членом Государственного совета Г.Г.Чаплинского, причастного к организации дела М.Бейлиса, нельзя трактовать как вызов оппозиции. После смерти А.С.Ермолова освободившейся вакансии «очень добивался Штюрмер».⁶⁵³

Содействуя проведению Г.Г.Чаплинского, И.Г.Щегловитов предотвратил возвращение Б.В.Штюрмера, которое стало бы, действительно, вызовом оппозиции. Другие четыре назначения начала 1917 г. были сделаны без учета мнения черносотенцев.⁶⁵⁴

Таким образом, определяя кандидатуры новых членов Государственного совета, царь и И.Г.Щегловитов пожелания крайне правых деятелей почти проигнорировали, что также не дает оснований расценивать «чистку» как поворот направо. Несмотря на то, что после 1 января положение Прогрессивного блока изменилось незначительно, реакция на «чистку» со стороны парламентаристов была весьма бурной.

Протестуя против перевода его в неприсутствующие, И.Я.Голубев сложил с себя звание члена Государственного совета. Об этом он информировал И.Г.Щегловитова письмом от 2 января.⁶⁵⁵ Указ об увольнении И.Я.Голубева «согласно прошению» Николай подписал немедленно — уже 4 января.

Примеру И.Я.Голубева 30 января и 10 февраля последовали еще два парламентариста — Н.П.Балашев, также разжалованный в неприсутствующие, и Б.А.Васильчиков. Под впечатлением от «чистки» князь «совершенно потерял веру в возможность выхода из получившегося положения».⁶⁵⁶

Большое влияние на Б.А.Васильчикова оказывало общение с его единомышленником — председателем КВО В.Н.Коковцовым. «Вчера, — сообщал Б.А.Васильчиков супруге 4 января, — был у Кокоши, с которым долго беседовал или, вернее, он мне говорил без конца».⁶⁵⁷ В центре внимания лордов находилась конечно же «чистка», которую Б.А.Васильчиков переживал как фарс. Подтверждением этому является письмо, посланное им 7 января жене и выдержанное в ироничной манере. Каждую фразу письма надо понимать с точностью до наоборот. «С нетерпением, — сообщал князь, — жду визитов новых членов Государственного совета, чтобы иметь удовольствие отдавать им визиты! Мне будет истинное удовольствие пожать руку этим стойким и честным деятелям. В особенности жажду возобновить знакомство с генералом Шведовым, т.к. по Красному Кресту близко знаю его почтенную деятельность. Это истинное украшение Государственного совета».⁶⁵⁸

Между тем император не только не хотел устранять лидеров Прогрессивного блока из верхней палаты, но и продолжал оказывать им знаки внешнего благоволения. По предложению премьера Н.Д.Голицына Николай 9 января назначил В.Н.Коковцова попечителем Александровского лицея вместо умершего А.С.Ермолова. Впрочем, принимая В.Н.Коковцова по этому случаю 19 января, царь не мог забыть об оппозиционности графа, а потому не предложил собеседнику сесть и говорил с ним стоя. В.Н.Коковцов, раздраженный этим, объявил после аудиенции обер-гофмаршалу графу П.К.Бенкендорфу и лейб-медику Е.С.Боткину, что монарх «накануне душевной болезни, если уже не в ее власти».⁶⁵⁹ Тезис о «безумии» царя парламентаристы использовали в качестве аргумента в пользу ограничения его власти в управлении, т.е. установления парламентаризма.

Если бы «чистка» верхней палаты привела к росту оппозиционности только среди парламентаристов, то она не стала бы тем дестабилизирую-

щим фактором, каким эта акция, в конце концов, явилась. Однако она вызвала рост оппозиционности и среди дуалистов, ради упрочения позиций которых ее предприняли. Начало 1917 г. было временем «недовольства» И.Г.Щегловитовым группы правых и правого центра за «пополнение» верхней палаты.⁶⁶⁰ Переведенный в неприсутствующие С.Н.Гербель даже пригрозил сложить с себя членство в Государственном совете.⁶⁶¹ Недовольство «чистой» толкало назначенных членов правой группы на контактирование с лидерами оппозиции.

А.Д.Самарин, которого 19 декабря 1916 г. выбрали председателем Постоянного совета Объединенного дворянства, принял участие в состоявшемся 5 января 1917 г. совещании у М.В.Родзянко. Участниками совещания были заместитель А.Д.Самарина В.И.Карпов и московский и орловский губернские предводители дворянства П.А.Базилевский и А.Б.Куракин. Совещание решило, что А.Д.Самарин должен представить императору ноябрьскую резолюцию Объединенного дворянства.⁶⁶² Принимая А.Д.Самарина 10 января, Николай раздраженно сказал: «Пожелания дворянства, мне кажется, исполнились. Вы должны быть довольны. Распутин более не существует. Чего же еще надо дворянству?»⁶⁶³

Точку зрения, которая детерминировала отношение Николая к оппозиции Государственного совета, царь изложил 14 января А.Ф.Трепову. Николай заявил бывшему премьеру, что считает невозможным осуществление политических реформ до конца войны. Царь полагал, что «русский народ по своему патриотизму понимает это и терпеливо подождет». По мнению Николая, «только отдельные группы населения обеих столиц желают волнений» для удовлетворения своих «вожделений». Если эти группы не прекратят «подстрекательств», их «заставят успокоиться, хотя бы пришлось прибегнуть к репрессиям». По окончании войны, заключил император, он «не отвергнет» реформ, учитывающих интересы «подлинного народа».⁶⁶⁴

Через четыре дня, 19 января, в пик И.Г.Щегловитову, правая группа избрала А.Ф.Трепова своим председателем. Тем самым дуалисты подчеркнули, что «одобряют его отрицательное отношение к Протопопову и разделяют мотивы его ухода из правительства».⁶⁶⁵ За А.Ф.Трепова агитировали даже ортодоксальные консерваторы. «Ширинский-Шихматов, — сообщал Н.А.Маклаков супруге 16 января, — меня час убеждал вести агитацию за Трепова — я отказался и сказал, что это будет иметь вид демонстрации».⁶⁶⁶

В начале 1917 г. А.Ф.Трепов был полностью солидарен с лидерами парламентаристов.⁶⁶⁷ Поэтому его избрание повергло придворные сферы в беспокойство. Там задался вопросом, «насколько это избрание одобряется и может ли группа при этом условии в особо важных случаях доводить свои заключения непосредственно через председателя на благовоззрение верховной власти». Помощник начальника канцелярии Министерства двора князь С.В.Гагарин договорился с И.Г.Щегловитовым, что «в случае надобности статс-секретарь Трепов будет испрашивать доклад у Его величества через председателя Государственного совета».⁶⁶⁸ Роль в этом эпизоде И.Г.Щегловитова показала, что он пользуется громадным авторитетом у царя. Поэтому влияние председателя Государственного совета на Николая резко возросло.⁶⁶⁹ Это было вполне естественно.

Воззрения И.Г.Щегловитова, стремившегося к соглашению с оппозицией на почве конституции 1906 г., полностью совпадали с позицией царя.⁶⁷⁰ Как и Николай, И.Г.Щегловитов, будучи противником немедленного установления парламентаризма, в то же время полагал, что внутривластный кризис разрешит не роспуск Думы, а победа в войне.⁶⁷¹ И.Г.Щегловитов уклонялся и от инициирования репрессий против оппозиционных организаций. Полученную им телеграмму Н.Н.Тихановича-Савицкого о необходимости привлечения к ответственности астраханского городского головы П.С.Кравченко и гласного Н.И.Долгополова председатель Государственного совета отослал Н.Д.Голицыну без каких бы то ни было комментариев.⁶⁷²

Примирительное отношение И.Г.Щегловитова к оппозиции заставляло более консервативных членов правой группы расценивать его скептически. «Щегловитов, — информировал Н.А.Маклаков жену 16 января, — что-то все плутает».⁶⁷³

От И.Г.Щегловитова дистанцировались и те назначенные члены правой группы, которые, подобно А.Ф.Трепову, во временном установлении парламентаризма не видели ничего опасного. По поводу этого такие дуалисты, как граф А.А.Бобринский, контактировали с лидерами оппозиции.⁶⁷⁴ В январе член кадетского ЦК князь П.Д.Долгоруков констатировал, что теперь даже среди правых нет «компактного ядра противников ответственного министерства».⁶⁷⁵ Предпосылкой приятия парламентаризма его недавними противниками было разделявшееся ими мнение о том, что Николай с эффективным отправлением полномочий по формированию кабинета справляться перестал. Именно поэтому А.Ф.Редигер находил требование об учреждении «ответственного министерства» незаконным, но «вполне естественным».⁶⁷⁶

Одновременно с левением дуалистов, которое привело к признанию ими необходимости временного введения парламентаризма, происходило левление парламентаристов. Не останавливаясь на введении парламентаризма, они шли дальше и начинали склоняться к необходимости свержения Николая. На состоявшемся 26 января завтраке у Ж.М.Палеолога генерал А.А.Поливанов, его выборный коллега А.А.Васильев, а также В.А.Маклаков, П.Н.Милюков и А.И.Шингарев вели «очень свободный и оживленный» разговор относительно внутренней политики. Присутствовавший на завтраке глава французской делегации на Петроградской конференции Г.Думер, полагая, что гости посла «слишком возбуждены» и «рвутся начать бой с царизмом», советовал им соблюдать «терпение». При одном этом слове кадеты, подчеркнул Ж.М.Палеолог, «вскакивают, как ужаленные».⁶⁷⁷

Накануне революции возможность низложения Николая допускали не только парламентаристы, но и дуалисты. Об этом думали «лица, стоящие совершенно вне политических интриг, и притом ярые монархисты».⁶⁷⁸ На состоявшемся в середине февраля у выборного члена Прогрессивного блока в Государственном совете В.И.Гурко совещании законодателей слово «дворцовый переворот» не произносили, но мыслью о нем были проникнуты «все собравшиеся». В этом совещании участвовал один из лидеров правой группы А.С.Стишинский.⁶⁷⁹ Таким образом, события конца 1916 — начала 1917 г. довели поляризацию внутри

дуалистов до последнего предела. Одни из них ориентировались на полеевшего А.Ф.Трепова, который выступал за введение парламентаризма хотя бы на время.

Другие, впрочем, их было меньшинство, ориентировались на крайне правого А.А.Римского-Корсакова. Он ратовал за превращение законодательной Думы в законосовещательную. Программа А.А.Римского-Корсакова предусматривала немедленный роспуск нижней палаты «без указания срока нового ее созыва, но с определенным упоминанием о предстоящем коренном изменении некоторых статей (86, 87, 111 и 112) Основных законов и положений о выборах в Государственный совет и Думу».⁶⁸⁰

Программа А.А.Римского-Корсакова, как экстремистская, не встретила сочувствия у Николая. Н.А.Маклаков, отвезший царю 16 января записку с изложением этой программы, был уверен, что он ее «наверно не прочел».⁶⁸¹ Накануне революции у Николая существовало «сомнение насчет крайне правой политики, вместит или не вместит ее страна?»⁶⁸² Неприятие царем черносотенной программы привело к тому, что дальнейшая кристаллизация внутри правой группы реакционного течения не усилила значения его лидера.

Наоборот, и в начале 1917 г. А.А.Римский-Корсаков являлся скорее политическим маргиналом, нежели сколько-нибудь влиятельной фигурой. Будучи членом Государственного совета, он не играл «особенной роли».⁶⁸³ В результате поляризации, захватившей дуалистов, относительное единство правой группы оказалось утерянным. Начало 1917 г. стало временем «раздробления сил правых», которые «разбились на маленькие кружки». Их деятельность «совершенно не получала отражения».⁶⁸⁴

Ситуация, сложившаяся в Государственном совете к февралю, свидетельствовала о том, что «правительственная бюрократия — в большинстве своем — открыто стала на сторону Государственной думы», «конституции и постепенного разрушения самодержавия».⁶⁸⁵ Если летом 1915 г. в открытую оппозицию верховной власти перешли парламентаристы, то зимой 1917 г. это сделали полеевшие дуалисты. Николай и большинство бюрократической элиты разделили политические противоречия. Царь оказался в почти полной изоляции.

7. «Спасение только в Думе».

Великокняжеская фронда (август 1915 — февраль 1917 г.)

Критическую массу, накопившуюся во внутренней жизни России в конце 1916 — начале 1917 г., переполнило обстоятельство, связанное с тем, что политическая поляризация захватила не только бюрократическую элиту, но и императорскую фамилию. Ее знаковые фигуры заняли сторону парламентаристов. Это дало повод говорить о великокняжеской фронде.⁶⁸⁶

Переход в оппозицию великих князей и княгинь облегчили причины, проявившиеся не только во время мировой войны, но и задолго до нее. Первая из них — отчужденность царской семьи от остальной фамилии.⁶⁸⁷

Сыграло роль и неприязненное отношение к Александре Федоровне родственников Николая, начиная с императрицы-матери Марии Федо-

ровны.⁶⁸⁸ Его усиливало почитание венценосцами Г.Е.Распутина. Об истинном характере этого почитания великие князья и княгини, в силу отчужденности царской семьи, знали не больше, чем остальные подданные Николая.⁶⁸⁹

Оппозиционность императорской фамилии детерминировала и более глубокая причина — размывание грани между Романовыми и интеллигенцией, в большинстве своем настроенной либерально. Знаковые фигуры фамилии в начале XX в. сочувствовали либеральным, а не консервативным идеям.⁶⁹⁰

Либеральные взгляды, неопределенные по содержанию, но бесспорные по проявлениям, разделяли, если не полностью, то частично, Мария Федоровна,⁶⁹¹ брат императора Михаил Александрович,⁶⁹² зять принц П.А.Ольденбургский,⁶⁹³ тетя Мария Павловна,⁶⁹⁴ двоюродные дяди Александр⁶⁹⁵ и Николай Михайловичи.⁶⁹⁶ Оплотом великокняжеского либерализма был императорский Яхт-клуб.⁶⁹⁷

Относительно либеральный характер политических воззрений представителей династии в августе 1915 г. заострило неприятие ими увольнения верховного главнокомандующего Николая Николаевича. О необходимости оставления великого князя в Ставке говорили Николаю 5 августа двоюродный брат Кирилл Владимирович и 10 августа сестра Ольга Александровна. Но из этого «ничего не вышло».⁶⁹⁸

С согласия Николая Николаевича другой двоюродный брат императора, Дмитрий Павлович, находившийся в Ставке, отправился в Петроград. Он хотел уговорить Николая оставить великого князя в Могилеве в качестве царского помощника. Беседуя 20 августа с Ж.М.Палеологом, Дмитрий обещал объявить императору, что последствия увольнения Николая Николаевича «могут быть неисчислимы, столь же роковые для династии, как и для России».⁶⁹⁹

В тот же день Дмитрий и верховный начальник санитарной и эвакуационной части принц А.П.Ольденбургский посетили Марию Федоровну. Они просили ее убедить сына не сменять Николая Николаевича, так как «все питают к нему большое доверие».⁷⁰⁰ От перемены главнокомандования принц ожидал «ужасные последствия до народных волнений включительно».⁷⁰¹ Упрашивать Марию Федоровну необходимости не было. Она верила «басням о мнимом немецком шпионаже» и «влиянии Распутина»,⁷⁰² в которых современники видели причины отставки царского дяди.

После завтрака, состоявшегося 21 августа, Мария умоляла сына оставить Николая Николаевича. Но все ее слова «были напрасны».⁷⁰³ Царь пытался доказать матери, что «если будет война продолжаться так, как сейчас, то армии грозит полное поражение».⁷⁰⁴ Намекая на закулисное сопротивление своему решению, он заявил, что «его все обманывают и что ему нужно спасти Россию, это его долг, призвание».⁷⁰⁵ Мать и сын расстались, не поняв друг друга.

Вечером Николай принял Дмитрия. Он попросил императора отказаться от уже принятого решения, относиться «с большим доверием к народному представительству» и обращать «большее внимание на общественное мнение», иначе «все рухнет».⁷⁰⁶ «Будь спокоен! — заявил Нико-

лай Дмитрию. — Я поступлю так, как подскажет мне моя совесть». ⁷⁰⁷ Ответом императора стал его отъезд в Могилев.

Упорство Николая объяснялось, помимо прочего, тем, что некоторые великие князья, в частности — Николай Михайлович и Андрей и Борис Владимировичи, поддержали царское решение. ⁷⁰⁸

В то же время, судя по дневниковой записи, 29 сентября Андрей согласился с рассуждениями товарища министра внутренних дел князя В.М. Волконского о необходимости уступок оппозиции. ⁷⁰⁹ Сочувствие, выраженное великими князьями Прогрессивному блоку, оказалось таким, что создало впечатление о причастности родственников императора к заговору против него и его жены. «Великими князьями и знатю, — вспоминал зять Николая князь Ф.Ф. Юсупов, — затеян был заговор с целью отстранения от власти и пострижения императрицы. Распутин предполагалось сослать в Сибирь, царя низложить, а царевича Алексея возвести на престол». ⁷¹⁰

Так или иначе, бесспорно одно — после образования Прогрессивного блока ближайшие родственники Николая стали сознательными сторонниками превращения российской дуалистической монархии в монархию парламентарную, на манер английской. Как «самый большой англофил из всех великих князей» был известен Дмитрий Павлович. Именно он, по совету помощника начальника военно-походной канцелярии царя генерала А.А. Дрентельна, просил Николая в сентябре 1915 г. не посылать телеграмму Г.Е. Львову и М.В. Челнокову, в которой монарх отказывался принять депутацию Земского и Городского съездов. Депутация намеревалась передать императору резолюции в поддержку Прогрессивного блока. ⁷¹¹

Согласно сообщению, сделанному на заседании бюро блока 25 октября 1915 г. М.М. Федоровым, незадолго до того Михаил Александрович говорил, что сочувствует «английским порядкам». ⁷¹² Парламентаристские настроения царского брата всячески поддерживала его жена, графиня Н.С. Брасова. В годы войны она «ударилась в либерализм». Ее салон часто раскрывал двери перед «левыми депутатами». ⁷¹³ Более того, если не сам Михаил, то лица из его окружения ставили на повестку дня низложение Николая. Осенью 1915 г. А.Ф. Керенского посетил друг Михаила, П.М. Толстой. Он заявил, что пришел якобы по просьбе великого князя. Михаил, по словам П.М. Толстого, хотел узнать, «как отнесутся рабочие к тому, что он возьмет власть у брата и станет царем». ⁷¹⁴

Контакты с лидерами оппозиции имели и другие великие князья. Другими Кирилл Владимирович и его супруги, Викторией Федоровны, были думцы и «либеральные сановники». ⁷¹⁵

Дядя Николай, Павел Александрович, и его жена, княгиня О.В. Палей, связи с оппозицией поддерживали через выборных членов Прогрессивного блока в Государственном совете графа Д.А. Олсуфьева и М.А. Стаховича. Перед Павлом они открыто выступали «против императрицы в связи с разоблачением Распутина». ⁷¹⁶

Веру родственников Николая во всецелое «безответственное влияние» культивировали и парламентаристы. С.Д. Сазонов говорил Марии Павловне 2 февраля 1916 г., что «императрица сумасшедшая, а государь слеп» и «ни он, ни она не видят, не хотят видеть, куда их влекут». ⁷¹⁷

Царские родственники оказывали содействие акциям оппозиции. Так, тетя царя, Ольга Константиновна, в начале февраля 1916 г. отвезла в Ставку письмо А.А. Клопова Николаю, в котором доказывалась необходимость посещения им Думы. ⁷¹⁸

На сближение с оппозицией пошла даже мать императора. Осенью 1915 г. Мария Федоровна говорила А.В. Кривошеину, что «невозможно управлять большим народом без поддержки просвещенных людей и против общего мнения». Как и лидеры оппозиции, видя в супруге сына главную преграду на пути к образованию «министерства доверия», Мария выразила «грусть и тревогу, что императрица своими личными действиями готовится себе трагическую судьбу». ⁷¹⁹ В начале февраля 1916 г. Мария Павловна просила царицу-мать «открыть глаза» сыну и невестке. Расхождения между матерью и сыном были таковы, что она от этого отказалась. ⁷²⁰

Символом перехода Марии Федоровны в оппозицию стало ее переселение в Киев. Она прибыла туда 3 мая, официально — для устройства госпиталей и посещения раненых. ⁷²¹ На самом деле царица-мать покинула столицу, чтобы не видеть «всего того, что ее огорчало в Царском Селе и в Петрограде». ⁷²² В киевском окружении Марии главной темой разговоров была критика Александры Федоровны. Каждый ее поступок «строго осуждался не только в своем кругу, но и в присутствии лиц местного общества». ⁷²³ Это давало обильную пищу оппозиции, лидеры которой постоянно навещали Марию. Так, М.В. Родзянко был у нее 12 июля 1916 г. ⁷²⁴ При общении с оппозиционерами Мария не делала секрета из своего неодобрения внутренней политики сына. Беседуя с членами Прогрессивного блока в Думе В.Я. Демченко и А.И. Савенко, она говорила, что «поступкам сына не сочувствует». ⁷²⁵

Более всего кристаллизации великокняжеской фронды содействовал Николай Михайлович. К активной оппозиционной деятельности его подтолкнула замена С.Д. Сазонова Б.В. Штюрмером. Назначение премьера министром иностранных дел царские родственники ошибочно расценили как торжество Александры Федоровны и Г.Е. Распутина. ⁷²⁶ В этом убеждении Николая Михайловича поддерживал генерал М.В. Алексеев. С ним великий князь общался 16 июля в Ставке. ⁷²⁷ После встречи с начальником штаба Николай Михайлович информировал Марию Федоровну 28 июля, что замена С.Д. Сазонова Б.В. Штюрмером произошла «благодаря мольбам» Александры Федоровны, хотя это и не соответствовало действительности. ⁷²⁸ В письме Николаю, написанном тогда же, великий князь был более осторожен. Он указал императору на отрицательное общественное мнение в отношении увольнения С.Д. Сазонова. ⁷²⁹

Переходя от слов к делу, Николай Михайлович попытался перехватить у Б.В. Штюрмера, подозревавшегося в германофильстве, инициативу в подготовке будущего мирного конгресса. В конце сентября великий князь надеялся возглавить межведомственную комиссию по подготовке конгресса. По мнению Николая Михайловича, в комиссию должны были войти заведомые противники «безответственных влияний», назначенные члены Государственного совета А.Н. Наумов и А.Д. Самарин, члены Прогрессивного блока в Думе Н.Н. Львов и В.В. Шульгин, сочувствовавший кадетам посланник в Сербии князь Г.Н. Трубецкой. Секретарем комис-

сии Николай Михайлович хотел назначить начальника Архива МИДа князя Н.В.Голицына или академика А.С.Лаппо-Данилевского.⁷³⁰ Оба они также были близки к кадетам.

Предполагаемый состав комиссии свидетельствовал о том, что великий князь видел в ней гарантию предотвращения вмешательства в решение вопроса о мире не только Б.В.Штюрмера, но и Александры Федоровны. Осенью 1916 г. всевластие царицы, несмотря на его мифичность, было для царских родственников аксиомой.⁷³¹

В октябре, считая Б.В.Штюрмера приспешником Александры Федоровны, Николай и Александр Михайловичи попросили английского посла Д.У.Быюкенена убедить императора «порвать со Штюрмером ввиду того, что он не пользуется доверием союзных правительств», и вернуть С.Д.Сазонова на прежнее место. Товарищ министра иностранных дел А.А.Нератов предостерег посла, что говорить о возвращении С.Д.Сазонова «было бы преждевременно».⁷³² Аудиенция Д.У.Быюкенена у царя состоялась 24 октября. Посол сообщил Николаю по поводу Б.В.Штюрмера, что английские консулы в своих донесениях предсказывают «серьезные волнения в случае, если он останется».⁷³³

Параллельно Николай Михайлович вел наступление на Б.В.Штюрмера с другой стороны. Великий князь 26 октября отредактировал записку, написанную начальником канцелярии Думы Я.В.Глинкой. Записка, которую М.В.Алексеев и Г.Е.Львов намеревались передать императору через А.А.Клопова, мотивировала необходимость немедленной замены Б.В.Штюрмера «министерством доверия».⁷³⁴

Во время пребывания Николая 28–29 октября в Киеве представители императорской фамилии, в лице Марии Федоровны и Александра Михайловича, выступили в пользу уступок оппозиции открыто. За состоявшейся тогда беседой Марии с императором об отставке Б.В.Штюрмера стоял Николай Михайлович.⁷³⁵ Мария и Александр постарались объяснить императору «серьезность положения». «Государь, — описывал его тогдашнее состояние воспитатель наследника П.Жильяр, — был под очень сильным впечатлением высказанных мнений».⁷³⁶

После возвращения Николая в Ставку к оказанию на него морального давления подключился Николай Михайлович. Он передал императору 1 ноября свое письмо, одобренное ранее Марией.⁷³⁷ В нем великий князь высказался за то, чтобы несомненное для него «постоянное вторгательство во все дела темных сил», т.е. Александры Федоровны и Г.Е.Распутина, было устранено. После этого, внушалось императору, «вернулось бы утраченное Тобой доверие громадного большинства Твоих подданных».⁷³⁸ Таким образом, Николай Михайлович поддержал идею «министерства доверия». Во время беседы великий князь останавливался также «на историях со шпионами, фабриках, рабочих, беспорядках, министрах и общем внутреннем положении».⁷³⁹ Содержание заявлений Николая Михайловича было аналогично содержанию речи П.Н.Милюкова, с которой он выступил 1 ноября в Думе.

Лидеры великокняжеской фронды координировали свои демарши не только с лидерами оппозиции, но и с начальником штаба Ставки. Уже 2 ноября произошла встреча Николая Михайловича с М.В.Алексеевым.⁷⁴⁰

Следующим великим князем, принявшим участие в кампании по оказанию морального давления на царя, стал Николай Николаевич, находившийся в Могилеве 7 и 8 ноября. В качестве выхода из положения он указал императору на парламентаризм: «Опомнись, пока не поздно. Дай ответственное министерство. Еще в июне того года я тебе говорил об этом. Ты все медлишь. Смотри, чтобы не поздно было потом. Пока еще время есть, потом уже поздно будет».⁷⁴¹ Наиболее желательным преемником Б.В.Штюрмера Николаю Николаевичу виделся адмирал И.К.Григорович. Кандидатура этого парламентариста была принята на совещании царя, великого князя и М.В.Алексеева.⁷⁴²

Насколько Николай Николаевич увлекся, настаивая на уступках оппозиции, видно из телеграммы его племянника, отправленной великому князю 8 ноября: «После твоего отъезда нашел твой портфель в зале на рояле. Высылаю его с фельдъегерем навстречу тебе из Киева. Счастливого пути».⁷⁴³

После Николая Николаевича за отставку Б.В.Штюрмера и введение парламентаризма в письмах, датированных 11 ноября, выступили перед императором Георгий, брат Николая и Александра Михайловичей, и Михаил. Посылке письма Георгия предшествовала состоявшаяся 10 ноября его беседа с главнокомандующим Юго-Западным фронтом генералом А.А.Брусиловым. Он попросил довести до сведения царя, что «не только можно, но и необходимо дать ответственное министерство».⁷⁴⁴ В письме, написанном на следующий день, Георгий сообщал Николаю, со ссылкой на А.А.Брусилова: «Ненависть к Штюрмеру чрезвычайная. Тогда я старался выяснить, а какие же меры могли бы излечить это состояние?» «На это могу ответить, — писал Георгий, — что общий голос — удаление Штюрмера и установление ответственного министерства для ограждения тебя от обмана различных министров».⁷⁴⁵

Тем же днем, что и послание Георгия, т.е. 11 ноября, датировано и письмо царю от его брата. Текст этого письма, составленный компаньоном Михаила, генералом бароном Н.А.Врангелем, был согласован с лидером Прогрессивного блока в Думе В.А.Маклаковым и товарищем министра внутренних дел В.М.Волконским.⁷⁴⁶ Михаил писал о необходимости «министерства доверия».⁷⁴⁷ Письмо царского брата, как и письмо Георгия, опоздало. Увольнение Б.В.Штюрмера произошло 10 ноября.

Наконец, 15 ноября о необходимости уступок оппозиции написал императору другой брат Александра и Николая Михайловичей — Михаил, живший в Англии. «Я искренно надеюсь, Ники, — обращался он к двоюродному племяннику, — что Ты найдешь возможным удовлетворить справедливые требования народа, пока еще не поздно».⁷⁴⁸

Личные обращения к императору его родственников удались наполовину: Б.В.Штюрмер был уволен, но введения парламентаризма не последовало. Это сделало неизбежным коллективное обращение императорской фамилии к Николаю. Необходимость обращения признавали лидеры Прогрессивного блока. Передавая их мнение, В.М.Волконский говорил Н.А.Врангелю 8 ноября: «Положение могло бы быть спасено выступлением всей Императорской семьи, in corpore [совместно. — С.К.] заявившей государю об опасности, о необходимости уступить общественному

мнению». Подразумевая тех, кто мог бы взять на себя «руководящую роль», В.М.Волконский заметил: «Остановились на великом князе Николае Михайловиче, несмотря на низкий нравственный ценз».⁷⁴⁹

Кандидатура Николая Михайловича для лидеров оппозиции была наиболее приемлемой, поскольку он поддерживал с ними самые тесные отношения. По возвращении из Могилева, писал великий князь императрице-матери 5 ноября, он общался с Н.Н.Львовым и В.В.Шульгиным, а также с А.В.Кривошеиным.⁷⁵⁰ Герцог А.Г.Лейхтенбергский сообщил Александре Федоровне 9 ноября, что Николай Михайлович «распространяет ужасные вещи, все возмущаются его рассказами в клубе, и он постоянно выдвигается с Родзянко и компанией».⁷⁵¹ Членам Яхт-клуба великий князь объяснял, что «единственное спасение не только России, но и всей Европы — это кадеты».⁷⁵²

Оппозиционная деятельность Николая Михайловича, по мнению царицы, требовала пресечения. «Пожалуйста, — писала она мужу 10 ноября, — заставь Николая Михайловича уехать — он опасный элемент в городе».⁷⁵³ Царь никак не отреагировал на просьбу жены, что свидетельствовало о его примирительных настроениях. Это, казалось бы, должно было способствовать успеху великокняжеского замысла.

Коллективное обращение к Николаю его родственники предполагали сделать путем посылки царю письма. «Семья, — сообщал матери 20 ноября князь Ф.Ф.Юсупов, — хочет написать Дяде коллективный протест».⁷⁵⁴ Инициатором этого был Александр. Он, сообщал Николай Михайлович императрице-матери 19 ноября, выступил за то, чтобы великие князья написали монарху письмо, в котором бы «открыли ему глаза на опасность вмешательства в дела его супруги и выразили чувство личной преданности семьи к нему». Николай Михайлович отказался подписать письмо, не допуская возможности, чтобы великие князья «поднялись на борьбу». В то же время он обосновал еще менее лояльный план, подразумевавший приглашение, по инициативе Марии Федоровны и ее детей, «лучших медицинских светил». После консультации с ними, полагал Николай Михайлович, можно было бы отправить Александру Федоровну «в удаленный санаторий» «для серьезного лечения».⁷⁵⁵ План Николая Михайловича не поддержали, в свою очередь, Александр и Павел. Поэтому возобладала идея личного обращения к Николаю представителя императорской фамилии.

Вместо Николая Михайловича на роль выразителя общесемейного мнения выдвинулся Павел. О настроении лидеров оппозиции он был осведомлен через жену, которой писал М.А.Стахович.⁷⁵⁶ Павел являлся сторонником немедленного введения парламентаризма. Будучи в Ставке, 20 ноября великий князь попросил Николая, чтобы он «дал конституцию».⁷⁵⁷

В конце ноября, исполняя обещание, данное им Александру, Павел собрал во дворце Андрея семейный совет Романовых. На совете было решено, что Павел должен взять на себя «тяжелую обязанность говорить от имени всех».⁷⁵⁸

Параллельно с подготовкой обращения к Николаю упрочивались отношения между великими князьями и лидерами оппозиции. После со-

стоявшегося 26 ноября разговора с Кириллом В.М.Пуришкевич убедился, что великий князь совместно с А.И.Гучковым и М.В.Родзянко «затекает что-то недопустимое в отношении государя».⁷⁵⁹

Николай Михайлович общался с лидерами оппозиции в Яхт-клубе. Царица сообщала мужу 4 декабря, что Николай Михайлович, Н.П.Балашев и Б.А.Васильчиков «заодно в клубе». На следующий день Александра Федоровна, подразумевая возможный приезд Николая Михайловича в Ставку, просила монарха: «будь строг и пробери его за письмо и поведение в городе».⁷⁶⁰ Хотя от наказания Николая Михайловича царь опять уклонился, лидеры оппозиции и царские родственники слепо верили, что Николай находится под влиянием Александры Федоровны, а она является главной преградой на пути к парламентаризму.

Пытаясь нейтрализовать гипотетическое влияние царицы, думцы и «либеральные сановники», посещавшие Кирилла, попросили его жену, Викторию Федоровну, встретиться с Александрой Федоровной. Виктория говорила Александре о необходимости парламентаризма 26 ноября. Великая княгиня указала на А.В.Кривошеина, Г.Е.Львова, Н.Н.Покровского и А.Д.Самарина как лиц, достойных быть «ответственными министрами».⁷⁶¹

В течение 30 ноября и 1 декабря с императрицей общалась ее сестра Елизавета Федоровна. Великая княгиня приехала из Москвы, чтобы, писала она Николаю 29 декабря, «предупредить вас, что все классы — от низших и до высших, и даже те, кто сейчас на фронте, дошли до предела!»⁷⁶² Попытки Виктории и Елизаветы были безуспешны.

Личное обращение Павла к императору произошло 3 декабря. Великий князь объявил, что фамильный совет поручил ему просить его величество «даровать конституцию».⁷⁶³ На все доводы дяди со стороны Николая последовал отказ.

Основную причину неудачи Павла царские родственники видели в Александре Федоровне. Поэтому великие князья и княгини «отвернулись от нее» и начали обсуждать «возможность дворцовой революции». Герцог А.Г.Лейхтенбергский, командовавший одним из казачьих полков, сообщил своей знакомой: «Меня прошупывали на предмет того, не поведу ли я своих казаков против правительства. Я ответил, что не приму никакого участия во всей этой кутерьме и просто сниму с себя командование. Мы стремительно приближаемся к революции».⁷⁶⁴ Если поначалу объектом недовольства царских родственников являлась Александра Федоровна, то лидеры оппозиции разрабатывали планы, нацеленные не только против императрицы, но и императора.

В начале декабря Г.Е.Львов задумал возвести на престол Николая Николаевича, вероятно — в качестве регента. Он должен был назначить «ответственное министерство» во главе с самим Г.Е.Львовым. Об этом замысле знал А.И.Гучков.⁷⁶⁵ Разгон 9 и 11 декабря в Москве съездов оппозиционных организаций способствовал усилению антидинастических настроений их участников.⁷⁶⁶

После разгона Г.Е.Львов уведомил о своей комбинации князя П.Д.Долгорукова, М.М.Федорова, М.И.Челнокова и тифлисского городского голову А.И.Хатисова. Последнему поручили предложить Николаю Нико-

лаевичу присоединиться к заговору.⁷⁶⁷ Между тем неудача Павла утвердила князя Ф.Ф.Юсупова, зятя Александра, и сына Павла — Дмитрия в их намерении убить Г.Е.Распутина. Царские родственники и члены Прогрессивного блока считали старца виновником упорства царицы, а значит — и царя. Намерение Ф.Ф.Юсупова и Дмитрия нашло поддержку у М.В.Родзянко и В.А.Маклакова, сообщившего об этом намерении П.Н.Милюкову.⁷⁶⁸ В свою очередь, В.М.Пуришкевич информировал о предстоящем убийстве старца В.В.Шульгина.⁷⁶⁹

Председатель Думы сказал Ф.Ф.Юсупову: «Выход один — убить негодяя. Но в России нет на то ни одного смельчака. Не будь я так стар, я бы сам его прикончил». «Слова Родзянки, — вспоминал князь, — укрепили меня». М.В.Родзянко и его жена не только одобрили намерение Ф.Ф.Юсупова, но и были посвящены в способы его реализации. По свидетельству князя, они «знали о нашем плане».⁷⁷⁰

Тесные связи с лидерами оппозиции поддерживал и Дмитрий. Он входил в «организацию из крупных офицеров», созданную под эгидой А.И.Гучкова и М.В.Родзянко сыном последнего, офицером Преображенского полка.⁷⁷¹

Состоявшееся в ночь с 16 на 17 декабря убийство старца было чисто политической акцией. Его участники предполагали, что после устранения Г.Е.Распутина произойдет установление парламентаризма.⁷⁷² Однако убийство сделало императора более несговорчивым. Возвратившись из Могилева, Николай заявил А.А.Вырубовой: «Мне стыдно перед Россией, что руки моих родственников обгажены кровью мужика».⁷⁷³

Царь одобрил распоряжение супруги о домашнем аресте Дмитрия. Павел 19 декабря попросил Николая освободить сына. Но царь уклонился от этого, сказав дяде, что «не может сейчас дать ему ответ, но пришлет завтра утром». В тот же день Андрей, Кирилл и князь Гавриил Константинович посетили Дмитрия и Ф.Ф.Юсупова. Гости заверили Дмитрия, что «мы, — записал Андрей в дневнике, — все стоим за него, и он может вполне на нас рассчитывать. Что бы ни случилось — мы будем за него».⁷⁷⁴ Согласно Ж.М.Палеологу, не сославшемуся на источник собственной осведомленности, в конце декабря 1916 г. Андрей, Борис и Кирилл хотели «спасти царизм путем дворцового переворота».⁷⁷⁵ Оппозиционность Владимировичей была такова, что слухи о ней дошли до царя. Николай говорил 3 января 1917 г. флигель-адъютанту А.Н.Линевицу, что Андрей и Борис «часто» собираются у Кирилла, «нескромно» обсуждают «текущие события» и это его, Николая, «огорчает».⁷⁷⁶

Ж.М.Палеолог утверждал, что Андрей, Борис и Кирилл намеревались, опираясь на четыре гвардейских полка, заставить Николая отречься, заточить Александру Федоровну в монастырь и объявить императором их сына Алексея, а регентом — Николая Николаевича. Поход полков на Царское Село, по мысли заговорщиков, должен был возглавить Дмитрий. Поэтому Андрей и Кирилл убеждали Дмитрия «довести до конца дело народного спасения». Но он отказался поднять руку на венценосцев.⁷⁷⁷ Эта информация соотносится с информацией отставного полицейского генерала А.В.Герасимова. В конце декабря ему стало известно о подготовке дворцового заговора, в котором руководящую роль якобы играл Андрей. Почти

все великие князья и близкие к ним офицеры либо примыкали к заговору, либо ему сочувствовали. Заговорщики предусматривали отречение Николая и провозглашение царем Алексея при регентстве Михаила.⁷⁷⁸

Ф.Ф.Юсупов дословно воспроизвел версию Ж.М.Палеолога в эмигрантских воспоминаниях, тем самым как бы подтвердив ее достоверность. Однако от себя Ф.Ф.Юсупов добавил, что Дмитрию предложили «поддержать политическое выступление» не великие князья, а «несколько офицеров». Они заявили, что их полки готовы защитить арестованных.⁷⁷⁹ Очевидно, царские родственники были причастны к заговору, но руководили им не они. Более того, великие князья, зная о промежуточной цели заговора, состоявшей в установлении парламентаризма, могли и не знать о конечной цели заговора, заключавшейся в низложении Николая.

Впрочем, опалы, наложенные царем на Дмитрия и Ф.Ф.Юсупова, сделали участников великокняжеской фронды восприимчивыми к аргументам лидеров оппозиции в пользу переворота. После революции царские родственники предпочитали об этом не вспоминать. Гавриил отметил только, что в конце 1916 г. «общественное мнение было возбуждено против государя и государыни» и «говорили, что государыню следует заточить в монастырь».⁷⁸⁰ На самом деле говорили и о другом.

Согласно дневниковой записи Ж.М.Палеолога от 23 декабря, накануне выборный член Прогрессивного блока в Государственном совете И.Х.Озеров и А.И.Путилов говорили Гавриилу, что «единственное средство спасти царствующую династию и монархический режим» заключается в том, чтобы собрать членов императорской фамилии, лидеров Государственного совета и Думы, представителей дворянства и армии, «торжественно объявить императора ослабевшим, не справляющимся со своей задачей, неспособным дольше царствовать и возвестить воцарение наследника под регентством одного из великих князей». Совершенно не протестуя, Гавриил ограничился тем, что сформулировал несколько возражений практического характера. Рекомендации собеседников он обещал передать родственникам.⁷⁸¹

Все же, в отличие от лидеров оппозиции, участники великокняжеской фронды придавали первенствующее значение моральному воздействию на Николая в пользу Дмитрия. Но это воздействие успеха не имело. Царское письмо, полученное Павлом 21 декабря, содержало отказ от освобождения его сына.⁷⁸² По инициативе Павла у Андрея собрались Александр, Борис, Кирилл и Мария Павловна. Они обсудили, «посылать ли Ники или нет заготовленный ответ». Его проект «все одобрили».⁷⁸³ Было решено, что на следующий день общее мнение передаст императору Александр. Он высказался перед Николаем за «министерство доверия» и уговаривал его отказаться от возбуждения дела против убийц Г.Е.Распутина.⁷⁸⁴ За Дмитрия и Ф.Ф.Юсупова ходатайствовала по телеграфу и Мария Федоровна. В ответной телеграмме матери Николай сообщал, что «дело будет прекращено теперь же».⁷⁸⁵ Тем не менее царские родственники и лидеры оппозиции сблизилась еще сильнее.

Принимая 24 декабря М.В.Родзянко, Мария Павловна, Андрей и Кирилл заявили, сообщила жена М.В.Родзянко З.Н.Юсуповой, что «спасение только в Думе».⁷⁸⁶ Мария Павловна, по воспоминаниям М.В.Родзян-

ко, говорила «о бездарности правительства», А.Д.Протопопове и императрице, считая «вредным ее влияние и вмешательство во все дела». «Дума должна что-нибудь сделать... Надо ее уничтожить», — заявила Мария, подразумевая, конечно, не убийство царицы, а устранение ее с политической арены.⁷⁸⁷ М.В.Родзянко утверждал, что мнение Марии не поддержал. На самом деле председатель Думы солидаризировался с великой княгиней. По свидетельству Андрея, М.В.Родзянко заявил августейшим собеседникам, что «морально он, безусловно, на нашей стороне».⁷⁸⁸

В конце декабря кампания в пользу Дмитрия, наказанного Николаем ссылкой в Персию, достигла наивысшей точки. На состоявшемся у Марии Павловны 29 декабря совещании Романовых его участники по инициативе Николая Михайловича решили обратиться к императору с просьбой о помиловании Дмитрия. Характеризуя настроение родственников, Андрей записал: «Все семейство крайне возбуждено, в особенности молодежь, их надо сдерживать, чтобы не сорвались». Поднимался вопрос об игнорировании новогоднего приема у царя. Николай Михайлович объявил, что «не поедет ни за что в Царское Село, так как не желает целовать руки». Другие Романовы «решили ехать».⁷⁸⁹

В письме, составленном О.В.Палей и подписанном 16 царскими родственниками, они просили Николая «смягчить суровое решение относительно судьбы великого князя Дмитрия Павловича».⁷⁹⁰ Письмо, несмотря на кажущуюся аполитичность, имело политический подтекст. Он заключался в демонстрировании императорской фамилией решимости добиться введения парламентаризма путем устранения от дел императрицы.⁷⁹¹ Политический подтекст письма предопределил отрицательное отношение к нему Николая, запечатленное его резолюцией: «Никому не дано право заниматься убийством; знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь Вашему обращению ко мне. Николай».⁷⁹²

Существование у письма политического подтекста подтвердило поведение Николая Михайловича. В конце декабря он являлся сторонником удаления любой ценой царицы и А.Д.Протопопова.⁷⁹³ Более того, Николай Михайлович был осведомлен, что заговор, нацеленный против царя, созрел.⁷⁹⁴ Заговорщики предлагали великому князю стать после свержения Николая первым российским президентом. Накануне нового года Николай Михайлович говорил министру иностранных дел Н.Н.Покровскому: «Каково мне, великому князю, готовиться на старости лет в президенты Российской республики».⁷⁹⁵ Роль, которую Николай Михайлович играл в оппозиционном лагере, была столь значительна, что именно с ним Д.У.Бьюкенен советовался о том, что сказать императору 30 декабря.⁷⁹⁶ Копии письма в пользу Дмитрия Николай Михайлович роздал членам Яхт-клуба. За клубным столом он высказывал «резкие суждения» в адрес «немецкой» политики «Алисы Гессен-Дармштадтской» и сетовал «на безвольность и недалководидность» ее мужа.⁷⁹⁷ Монарху стало известно о поведении великого князя. Подразумевая Николая Михайловича, царь говорил А.Н.Линевичу 3 января 1917 г.: «Но этот Бог знает, что себе позволял».⁷⁹⁸ Николай наложил опалу на родственника, приказав ему

31 января отправиться на два месяца, до 1 марта 1917 г., в свое имение Грушевка. Впрочем, Николай Михайлович сам напросился на ссылку.⁷⁹⁹ Тем не менее вину за нее он возлагал на царицу. «Александра Федоровна торжествует, — записал Николай Михайлович 31 декабря, — но надолго ли, стерва, удержит власть?»⁸⁰⁰

Во время происходившего 1 января новогоднего приема представители императорской фамилии приносили царю поздравления. Но прием отличался «исключительной сухостью». Николай молча выслушал поздравления, не удостоив никого «ни единым словом».⁸⁰¹ Масла в огонь подлило то, что царь не послал родственникам рождественские подарки. Вмешательство министра двора графа В.Б.Фредерикса предотвратило готовившийся скандал.⁸⁰² Однако разрыв Николая и Александры Федоровны с императорской фамилией был совершившимся фактом. Это подтвердили и события, происходившие в Тифлисе.

Выполняя поручение Г.Е.Львова и его единомышленников, после новогоднего приема, А.И.Хатисов предложил Николаю Николаевичу присоединиться к заговору и взойти на престол. Городской голова заметил, что начальник главного артиллерийского управления генерал А.А.Маниковский «готов всячески помочь в этом деле с армией».⁸⁰³ Великий князь не арестовал А.И.Хатисова, а пригласил его придти за окончательным ответом через два дня. Поведение Николая Николаевича свидетельствовало об атрофии у него не только родственных, но и верноподданнических чувств.⁸⁰⁴ Давая 3 января 1917 г. отрицательный ответ, Николай Николаевич заявил А.И.Хатисову, что «солдаты, отражающие русский народ, не поймут сложных комбинаций, заставляющих пожертвовать царем, и едва ли будут на стороне заговорщиков».⁸⁰⁵

Отказ от поддержки заговора великий князь мотивировал не присягой, а соображениями чисто прагматического порядка. Мысль о возможности восшествия на престол не покинула Николая Николаевича. В январе его пасынок герцог С.Г.Лейхтенбергский, связанный с А.И.Гучковым, спросил у полковника В.И.Павленкова, командовавшего Запасным батальоном Преображенского полка, как отнесется батальон к «дворцовому перевороту», в ходе которого «на царский престол будет возведен вместо нынешнего государя один из великих князей».⁸⁰⁶ О планах Николая Николаевича царь не знал. Но в начале января ему были известны настроения других родственников. Именно тогда Николаю А.Д.Протопопов доложил содержание перехваченных МВД письма З.Н.Юсуповой сестре царя Ксении Александровне и телеграммы Елизаветы Федоровны. З.Н.Юсупова сожалела, что убийцы Г.Е.Распутина «не довели своего дела до конца и не убрали всех, кого следует». «Теперь, — намекая на царицу, писала З.Н.Юсупова, — остается только “Ее” запретить». Елизавета «благословляла» Ф.Ф.Юсупова. Тем не менее от наложения новых опал Николай воздержался, поскольку «все это, — заявил он А.А.Вырубовой, — так низко, что ему противно этим заниматься».⁸⁰⁷

В то же время Николай не собирался жертвовать Александрой: не только в силу своих чувств к ней, но и потому, что лучше, чем кто бы то ни было, знал истинную цену слухам о германофильстве и всевластии жены.

Когда в начале января К.Д.Нилов умолял императора расстаться с императрицей, Николай заметил: «Императрица иностранка; у нее нет никого, кроме меня, для того, чтоб защитить ее. Ни в коем случае я ее не покину... Впрочем, все, в чем ее упрекают, неверно. На ее счет распространяют гнусные клеветы; но я сумею заставить ее уважать».⁸⁰⁸

Отказ Николая от удаления жены для императорской фамилии и лидеров оппозиции был равнозначен отказу от установления парламентаризма. В начале 1917 г. поведение царя его родственники, как и оппозиционеры, будучи пленниками массового психоза, объясняли тем, что монарх окончательно подчинился влиянию царицы.⁸⁰⁹ К этому времени Романовых и оппозиционеров соединяла политическая солидарность. Именно в середине января Виктория Федоровна сообщила флигель-адъютанту барону П.Н.Врангелю, что большинство императорской фамилии и, главным образом, семья Марии Павловны признают необходимым «изменить существующий порядок вещей» и в этом отношении с ними единодушен «ряд наиболее видных членов Думы».⁸¹⁰ Политическая солидарность императорской фамилии и лидеров оппозиции сделала великих князей активными союзниками Прогрессивного блока. Это видно на примере царского брата.

В январе 1917 г. Михаил, с которым «договорились» оппозиционеры, «прекрасно понимал необходимость создания ответственного правительства».⁸¹¹ Михаил содействовал подготовке аудиенций у царя деятелям, которые могли представить аргументы в пользу введения парламентаризма. Когда 3 января Михаил посетил М.В.Родзянко, то, выражая мнение родственников, заявил: «Вся семья сознает, насколько вредна Александра Федоровна. Брата и ее окружают только изменники. Все порядочные люди ушли». В ответ М.В.Родзянко высказался за дарование «министерства доверия», удаление Александры, созыв законодательных палат и содействие великого князя в подготовке аудиенции председателя Думы у царя. Михаил «со всем согласился».⁸¹² Великий князь обещал, сообщала 7 января жена М.В.Родзянко З.Н.Юсуповой, «все передать государю» и убедить императора принять М.В.Родзянко и его единомышленника А.Д.Самарина.⁸¹³

В результате 7 января Николай принял М.В.Родзянко, а 10-го — А.Д.Самарина. Великий князь помог устроить аудиенцию у царя и А.А.Клопову, который добивался ее в течение полугода. «Я, — писал Михаил брату 19 января, — также хотел Тебе напомнить о старике Клопове, которого Ты согласился принять. Очень прошу это сделать на этих днях, т.е. до отъезда на Ставку».⁸¹⁴ Накануне встречи с императором А.А.Клопов советовался с Михаилом о содержании того, что предполагал изложить Николаю. «Необходимо, — писал А.А.Клопов Михаилу 22 января, — переговорить о некоторых вопросах, а главное о князе Г.Е.Львове».⁸¹⁵ Содействие Михаила А.А.Клопову также было весьма результативным. Его аудиенция у царя состоялась уже 29 января.⁸¹⁶

Тесные контакты с лидерами оппозиции, в том числе с организаторами дворцового переворота, поддерживали и другие участники великокняжеской фронды. По пути к месту ссылки Николай Михайлович 4 января встретился в Киеве с М.И.Терещенко и В.В.Шульгиным. М.И.Терещенко заявил Николаю Михайловичу, что «через месяц все лопнет». Неделию спустя,

12 января, М.И.Терещенко встретился с Александром и Марией Федоровной.⁸¹⁷ Немного позже М.И.Терещенко сообщил Александру о подготовке дворцового переворота, в результате которого царь отречется в пользу Алексея, а верховная власть «будет вручена особому совету». Мотивируя перед великим князем необходимость переворота, М.И.Терещенко ссылался на ложные слухи о желании Александры Федоровны, свергнув супруга, взять власть в свои руки.⁸¹⁸ Подобно Николаю Михайловичу и Николаю Николаевичу, Александр, информированный о заговоре против его племянника, ничего не сообщил о нем ни царю, ни царице.

Молчание царских родственников ярче всего демонстрировало глубину политического раскола между ними и их номинальным главой. Только герцог А.Г.Лейхтенбергский 4 февраля попросил Николая потребовать от всей императорской фамилии вторичной присяги себе. «Напрасно Сандро так беспокоится о пустяках! — отреагировал на эту просьбу царь. — Я не могу обижать мою семью, требуя от них присяги!»⁸¹⁹ Спокойная реакция Николая объяснялась тем, что он и Александра Федоровна не придавали великокняжеской фронде серьезного значения, видя в ней только «семейные интриги». Царь и царица полагали, что «верность народа и армии достаточная гарантия устойчивости трона».⁸²⁰

Оппозиция кучки фрондеров должна была казаться Николаю настоящей бурей в стакане воды. Это обстоятельство предопределило поведение царя и царицы во время их встречи с Александром, состоявшейся 10 февраля. Великий князь пошел на нее по настоянию М.В.Родзянко.⁸²¹ Перед этим, 4 февраля, Александр адресовал племяннику письмо. В нем доказывалась необходимость фактического дарования парламентаризма путем образования «министерства доверия».⁸²²

Главной преградой на пути к парламентаризму Александр и другие царские родственники по-прежнему считали влияние царицы. Чем далее, тем более их вера в пресловутое влияние приобретала, вопреки фактам, прямо-таки гротескные формы.⁸²³ Пребывая в плену массового психоза, Александр умолял императрицу 10 февраля не мешать установлению парламентаризма. «Я, — вспоминал он, явно преувеличивая собственный консерватизм, — объяснил, что, каким бы я ни был врагом парламентских форм правления в России, я был убежден, что, если бы государь в этот опаснейший момент образовал правительство, приемлемое для Государственной думы, то этот поступок уменьшил бы ответственность Ники и облегчил его задачу».⁸²⁴

Не убедив императрицу, Александр обратился к императору. Великий князь потребовал от Николая увольнения А.Д.Протопопова, дарования «ответственного министерства» и устранения царицы от «управления государством». Явно по совету заговорщиков из группы А.И.Гучкова Александр настаивал «на скорейшем возвращении» царя в Ставку.⁸²⁵ Отвечая великому князю, Николай заметил, что «пока немцы на русской земле, он никаких реформ проводить не будет».⁸²⁶

После Александра царя посетил его брат, который говорил «в том же духе».⁸²⁷ Михаил выполнял рекомендации А.А.Клопова. Он советовал великому князю 7 февраля «влиять на кого следует» в пользу назначения

премьером Г.Е.Львова.⁸²⁸ Михаил, как и Александр, доказывал, что «в армии растет большое неудовольствие по поводу того, что государь живет в Царском и так долго отсутствует из Ставки».⁸²⁹ Миссия Михаила, по видимости, также закончилась ничем.

Отказ императора от немедленного введения парламентаризма навел его родственников на мысль о целесообразности насильственного исторжения у него согласия на это. Подразумевая царя и царицу, Александр писал Николаю Михайловичу 14 февраля после общения с В.И.Гурко, А.И.Гучковым и М.В.Родзянко, что венценосцы «уступят только силе».⁸³⁰ Тем не менее, при всей своей оппозиционности, лидеры великокняжеской фронды не шли далее введения парламентаризма. Первейшую предпосылку этого они видели в изолировании царя от супруги.⁸³¹

Пока представители императорской фамилии, солидарные с оппозиционерами, утверждали себя в непримиримом отношении к венценосцам, царь и царица решили пойти навстречу близким и смягчить наказание убийцам Г.Е.Распутина.⁸³² Но примирение царской семьи с ее родственниками сделала невозможным революция.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О политике правительства осенью 1916 г. и реакции на нее со стороны оппозиции см.: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С.226–240; *он же.* Царизм и Первая мировая война // Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С.605–616; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С.195–204; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С.201–205; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С.104–126; *Куликов С.В.* IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998.

² *Вельяминов Н.А.* Воспоминания о Д.С.Сипягине // РА. М., 1995. Т.6. С.379; *Зеньковский А.В.* Правда о Столыпине. М., 2002. С.78–80. Ср.: Елизавета Федоровна – В.Б.Фредериксу. 18 марта 1908 г. // РГИА. Ф.472. Оп.45. 1908 г. Д.106. Л.362; Допрос Г.Е.Рейна. 29 мая 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7-ми т. М.–Л., 1926. Т.5. С.16–18; Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.–Л., 1927. С.139–140, 153; Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1933. Т.56. С.128; *Поливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 – 15 марта 1916 г.) // ВИ. 1994. № 6. С.149; Александра Федоровна – Николаю II. 3 июня 1916 г.; Николай II – Александре Федоровне. 4 июня 1916 г.; Александра Федоровна – Николаю II. 5 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. М., 1996. С.465, 467; Запись заседания Совета министров 22 января 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н.Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С.310–311.

³ *Родзянко М.В.* Крушение Империи // АРР. 1926. Т.17. С.138; *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С.149.

⁴ *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.30; Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима... Л., 1925. Т.4. С.253, 470; Показания А.Д.Протопопова // Там же. С.60; Допрос М.В.Родзянко // Там же. М.–Л., 1927. Т.7. С.142; А.В.Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А.И.Гучкова, А.Д.Протопопова, П.Б.Струве // РП. 1994. Кн.5. С.49; *Шаховской В.Н.* Sic transit gloria mundi. 1893–1917 гг. // РВ. 1995. Кн.62. С.160; Запись заседания Совета министров 24 июля 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.205.

⁵ *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С.136–139.

⁶ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.13, 61.

⁷ *Воейков В.Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государства императора Николая II. М., 1994. С.101. Ср.: Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.141; *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.138; *Заславский Д.О.* Последний временщик Протопопов. Л., 1927. С.27; *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. В 3-х т. Нью-Йорк, 1961. Т.2. С.102.

⁸ Николай II – Александре Федоровне. 25 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.495.

⁹ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.101.

¹⁰ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.166.

¹¹ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.62; Николай II – Александре Федоровне. 20 июля 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.513.

¹² Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима... Л., 1924. Т.1. С.119.

¹³ *Вырубова А.А.* Страницы из моей жизни // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С.220. Ср.: Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.62.

¹⁴ Показания С.П.Белецкого // Там же. С.470.

¹⁵ «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М.М.Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А.Вырубовой и В.Н.Воейкову // Источник. 1999. № 1. С.38.

¹⁶ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.62; *Николай II.* Дневники императора Николая II. М., 1991. С.600–602; Александра Федоровна – Николаю II. 7 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.544.

¹⁷ Николай II – Александре Федоровне. 9 сентября 1916 г.; Александра Федоровна – Николаю II. 10 сентября 1916 г. // Там же. С.547; *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1996. С.152.

¹⁸ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.154.

¹⁹ *Бьюкенен Д.У.* Мемуары дипломата. М., 1991. С.195–196; *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.179. С.102; Александра Федоровна – Николаю II. 14 и 15 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.552–553. Ср.: Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима... Л., 1925. Т.2. С.65.

²⁰ Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. Т.1..., 1924. С.270; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.603.

²¹ Н.А.Воеводский – Николаю II. 15 сентября 1916 г. // РГИА. Ф.1409. Оп.9. Д.334. Л.1.

²² *Карбачевский Н.П.* Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня. С.154–155.

²³ Заключение Г.П.Гирчича. 2 октября 1917 г. // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.552. Л.114; Показания графа Д.А.Олсуфьева // Там же. Л.25. Ср.: Показания П.Н.Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима... М.–Л., 1926. Т.6. С.338; *Родзянко М.В.* Государственная дума и Февральская революция 1917 г. // АРР. 1922. Т.6. С.50; *он же.* Крушение Империи. С.128; *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.158. См. также: *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.280–282; *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С.187–192; *Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990. С.195–202.

²⁴ Александра Федоровна – Николаю II. 9 июня, 14, 15, 20, 22 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.473, 552–553, 561, 567.

²⁵ Александра Федоровна – Николаю II. 25 сентября 1916 г.; Николай II – Александре Федоровне. 26 сентября 1916 г.; Александра Федоровна – Николаю II. 27 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.573–574, 576–577.

²⁶ Александра Федоровна – Николаю II. 26 сентября 1916 г.; Николай II – Александре Федоровне. 26 сентября 1916 г.; Александра Федоровна – Николаю II. 27 сентября 1916 г. // Там же. С.574–577. Ср.: *Врангель Н.А.* Дневник // РГИА. Ф.920. Оп.1. Д.55. Л.17; *Рутыч Н.Н.* Думская монархия. СПб., 1993. С.93.

²⁷ Александра Федоровна – Николаю II. 27 сентября и 16 и 17 октября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.577, 588–589.

²⁸ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.91.

²⁹ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.157.

³⁰ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.30. Ср.: Александра Федоровна – Николаю II. 16 октября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.588.

³¹ Всеподданнейший доклад А.Д.Протопопова. 22 октября 1916 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.2441. Д.133. Л.202.

³² Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.494, 495.

³³ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.139.

³⁴ Совещание членов Прогрессивного блока с А.Д.Протопоповым, устроенное на квартире М.В.Родзянко. 19 октября 1916 г. // *Блок А.А.* Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С.145, 149.

³⁵ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.65–66.

³⁶ *Протопопов А.Д.* Предсмертная записка // ГМЧС. 1926. № 2. С.178.

³⁷ *Протопопов А.Д.* Из дневника // КА. 1925. Т.10. С.182.

³⁸ Выступление С.А.Куколя-Яснопольского. 5 декабря 1916 г. // Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. В 4-х т. М., 1995. Т.4. С.163.

³⁹ *Протопопов А.Д.* Указ. соч. С.180. Ср.: А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.48.

⁴⁰ Последний министр старого правительства // Новое время. 1917. 19 марта; Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.87.

- ⁴¹ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.179.
⁴² Показания А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.289.
⁴³ Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора св. Синода. В 2-х т. М., 1993. Т.1. С.178.
⁴⁴ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.180.
⁴⁵ Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.164.
⁴⁶ Последний министр старого правительства // Новое время. 1917. 19 марта; Протокол допроса Р.Ю.Пиранга // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.21 об.
⁴⁷ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.120.
⁴⁸ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.186.
⁴⁹ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.120. Ср.: Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.90.
⁵⁰ Совещание членов Прогрессивного блока с А.Д.Протопоповым... С.144,154.
⁵¹ Милоков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.2. С.228–229.
⁵² Ср.: П.Н.Игнатьев — В.Т.Шевякову. 21 сентября 1916 г. // РГИА. Ф.1129. Оп.1. Д.107. Л.32–32 об.; А.А.Бобринский — Д.А.Шереметевой. 22 сентября 1916 г. // РГИА. Ф.899. Оп.1. Д.150. Л.13; Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.). Под знаком Временного правительства // АРР. 1923. Т.11. С.65; Рейн Г.Е. Из пережитого. 1907–1918. В 2-х т. Берлин, б.г. Т.2. С.86; Лопухин В.Б. Люди и политика (конец XIX — начало XX в.) // ВИ. 1966. № 10. С.121; Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.1. С.178; Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.160; Донесения Л.К.Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. // ВИ. 2000. № 4–5. С.22.
⁵³ Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // ОИ. 1992. № 5. С.165.
⁵⁴ Протопопов С.Д. Дневник // РГАЛИ. Ф.389. Оп.1. Д.46. Л.86.
⁵⁵ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.139.
⁵⁶ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.179. С.107.
⁵⁷ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 7–8. С.203; Ср.: Гучков А.И. Из воспоминаний А.И.Гучкова // Подвиг. М., 1991. Вып. 38. С.217.
⁵⁸ Керенский А.Ф. Указ. соч. С.137–138. Ср.: Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С.146.
⁵⁹ Оболенский А.В. Мои воспоминания // Возрождение. 1955. Тетр.48. С.102–103.
⁶⁰ Путилов А.С. Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л. 31.
⁶¹ Совещание членов Прогрессивного блока с А.Д.Протопоповым... С.148.
⁶² Рейн Г.Е. Указ. соч. Т.2. С.86.
⁶³ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е.Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б.г. С.168.
⁶⁴ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.1. С.178. Ср.: Протокол допроса Р.Ю.Пиранга // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.22.
⁶⁵ Вырубова А.А. Страницы из моей жизни. С.220.
⁶⁶ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.161.
⁶⁷ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.143.
⁶⁸ Показания П.Н.Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.342–343.
⁶⁹ Ганелин Р.Ш. Сторонники сепаратного мира с Германией в Царской России // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С.138,139.
⁷⁰ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.161.
⁷¹ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.153–154.
⁷² Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.14–15.
⁷³ Александра Федоровна — Николаю II. 1 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.602.
⁷⁴ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.22.
⁷⁵ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.145.
⁷⁶ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.22–23; Допрос генерала Д.С.Шуваева. 11 октября 1917 г. // Там же. Т.7. С.289.
⁷⁷ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.145; Ораторы России в Государственной думе. В 2-х т. СПб., 2004. Т.2. С.352–355.
⁷⁸ Допрос генерала Д.С.Шуваева. 11 октября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.289.
⁷⁹ Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции... С.156.
⁸⁰ Б.В.Штюрмер — М.В.Родзянко. 31 октября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.233.
⁸¹ Допрос Б.В.Штюрмера. 22 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.228.
⁸² Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.130–132.
⁸³ Стремоухов П.П. Императрица Александра Федоровна в ее письмах // РЛ. 1924. Кн.6. С.75; Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского Внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2-х кн. М., 1993. Кн. 1. С.210–211; Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел, 1994. С.243–244. Текст речи П.Н.Милокова см.: Ораторы России в Государственной думе. Т.2. С.245–253.

- ⁸⁴ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.78. Ср.: Допрос Б.В.Штюрмера. 31 марта 1917 г. // Там же. Т.1. С.265; Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.356.
⁸⁵ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931. С.72.
⁸⁶ Игнатьев П.Н. Совет министров в 1915–1916 гг. (Из воспоминаний) // НЖ. 1944. Кн.9. С.283.
⁸⁷ Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1991. С.232.
⁸⁸ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.78.
⁸⁹ Игнатьев П.Н. Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.9. С.283; Григорovich И.К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993. С.190.
⁹⁰ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.78.
⁹¹ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне // Источник. 1998. № 4. С.15.
⁹² Александра Федоровна — Николаю II. 9 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.614.
⁹³ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.—Дюссельдорф, 1993. С.179.
⁹⁴ Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // ИГВ. 1999. Вып.11. С.82–83.
⁹⁵ Виттенберг Б.М. Комментарии // Глинка Я.В. Указ. соч. С.287.
⁹⁶ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.155–156; Родзянко М.В. Крушение Империи. С.147.
⁹⁷ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.156.
⁹⁸ Александра Федоровна — Николаю II. 5 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.609.
⁹⁹ Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.84.
¹⁰⁰ Там же. Ср.: Савич Н.В. Указ. соч. С.174–175.
¹⁰¹ Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.84,85.
¹⁰² Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 3. С.24.
¹⁰³ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.133.
¹⁰⁴ Выступления Д.С.Шуваева и И.К.Григорovichа. 4 ноября 1916 г. // Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. В 4-х т. М., 1995. Т.4. С.77–78; Глинка Я.В. Указ. соч. С.157.
¹⁰⁵ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.134.
¹⁰⁶ Допрос С.П.Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.248.
¹⁰⁷ Всеподданнейший доклад Б.В.Штюрмера. Не ранее 1 ноября 1916 г. Черновик // РГИА. Ф.1276. Оп.8. Д.12. Л.84–84 об. Ср.: К истории гвоздешницы («Бюллетени» Рабочей группы ЦВПК) // КА. 1934. Т.67. С.90.
¹⁰⁸ Николай II — М.В.Родзянко. 3 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.634. Л.32,43–44.
¹⁰⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 5 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.609.
¹¹⁰ В конце 1916 г. // Былое. 1918. № 30. С.150.
¹¹¹ Стремоухов П.П. Императрица Александра Федоровна в ее письмах. С.73.
¹¹² Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С.64.
¹¹³ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.76–77.
¹¹⁴ Александра Федоровна — Николаю II. 7 и 9 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.611–612,614. Ср.: Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. С.126.
¹¹⁵ Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.84–85.
¹¹⁶ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.1. С.149.
¹¹⁷ Дякин В.С. Крушение царизма // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С.635.
¹¹⁸ О назначении А.Ф.Трепова и его отношениях с Думой см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С.248–251; он же. Царизм и Первая мировая война. С.620–624; Черменский Е.Д. Указ. соч. С.217–234; Старцев В.И. Указ. соч. С.214–219; Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. С.127–145; Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917); Ганелин Р.Ш. После Распутина // Историк и революция. СПб., 1999. С.117–122.
¹¹⁹ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.135; «Успокоения нечего ожидать». С.40.
¹²⁰ Николай II — А.Ф.Трепову. 3 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.634. Л.30.
¹²¹ Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // ВИ. 1965. № 1. С.107.
¹²² Александра Федоровна — Николаю II. 10 и 11 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.615–617. Ср.: Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С.152.
¹²³ Допрос И.Г.Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.433; Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.530; Показания А.Д.Протопопова // Там же. С.13.

¹²⁴ Александра Федоровна — Николаю II. 10 и 11 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.617.

¹²⁵ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.118; Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.180. С.78.

¹²⁶ Докладная записка А.Ф.Трепова Ю.А.Икскулю фон Гильденбандту. 17 января 1906 г. // РГИА. Ф.1544. Оп.1. Д.23. Л.337-337 об.; Всеподданнейший доклад Ю.А.Икскуля фон Гильденбандта. 15 февраля 1906 г. // РГИА. Ф.1162. Оп.7. Д.1118. Л.89; Показания П.Н.Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.348; Допрос М.В.Родзянко // Там же. Т.7. С.136; Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.119; *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С.63; *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. В 2-х т. М., 1992. Т.1. С.177-178; *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.128; Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // РП. 1998. Кн. 8. С.99; Запись заседания Совета министров 26 апреля 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С.329-330. Служебный формуляр А.Ф.Трепова см.: *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802—1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С.676-678.

¹²⁷ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.128-129.

¹²⁸ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.170.

¹²⁹ *Кривошеин К.А.* А.В.Кривошеин (1857—1921). Его значение в истории России нач. XX в. // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С.291.

¹³⁰ *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. В 2-х т. М., 1996. Т.2. С.219.

¹³¹ Николай II — Александре Федоровне. 10 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.616.

¹³² *Врангель Н.А.* Записная книжка // РГИА. Ф.920. Оп.1. Д.54. Л.444 об.

¹³³ Николай II — Александре Федоровне. 10 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.616.

¹³⁴ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.149.

¹³⁵ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.62. С.128-129.

¹³⁶ *Мосолов А.А.* При Дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии министра Двора. СПб., 1992. С.17. См. также: Показания М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.136; *Игнатьев П.Н.* Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн.9. С.287-288.

¹³⁷ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.33.

¹³⁸ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.15-16.

¹³⁹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.611; *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.162.

¹⁴⁰ Допрос генерала Д.С.Шуваева. 11 октября 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.290.

¹⁴¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.611.

¹⁴² *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.16.

¹⁴³ Александра Федоровна — Николаю II. 12 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.619. Ср.: *Аверех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.148.

¹⁴⁴ Копия всеподданнейшего доклада А.Ф.Трепова от 14 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1818. Л.1.

¹⁴⁵ Николай II — А.А.Макарову. 10 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.634. Л.96.

¹⁴⁶ Допрос А.А.Макарова. 14 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.128.

¹⁴⁷ И.Ф.Манасевича-Мануйлова арестовали в августе 1916 г. по обвинению в вымогательстве взятки у товарища директора Соединенного банка И.С.Хвостова, двоюродного брата А.Н.Хвостова. Расследование, проведенное генералами М.Д.Бонч-Бруевичем и Н.С.Батюшиным, показало, что дело И.Ф.Манасевича было спровоцировано А.Н.Хвостовым и его ставленником, директором Департамента полиции генералом Е.К.Климовичем (Справка по делу И.Ф.Манасевича-Мануйлова // РГИА. Ф.525. Оп.2 (217/2715). Д.696. Л.4-4 об.; Показания В.Л.Бурцева. 1 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.322,323; Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.498; Александра Федоровна — Николаю II. 10 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.630-631). Убеждение в невиновности И.Ф.Манасевича разделяли также старец и царица (*Соколов Н.А.* Предварительное следствие 1919—1922 гг. // РА. М., 1998. Т.8. С.218).

¹⁴⁸ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.17.

¹⁴⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 12 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.618-619.

¹⁵⁰ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.612.

¹⁵¹ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.161-162.

¹⁵² Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.128. См. также: *Пуришкевич В.М.* Дневник: «Как я убил Распутина». Рига, 1924. С.45; Г.Е.Распутин — Николаю II и Александре Федоровне. 16 ноября 1916 г. // *Распутин Г.Е.* Избранные мысли, письма и телеграммы царской семье. М., 1990. С.43.

¹⁵³ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.161-162.

¹⁵⁴ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.128.

¹⁵⁵ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. «Дневник» и воспоминания. М., 1990. С.169.

¹⁵⁶ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. С.168-169.

¹⁵⁷ *Васильчикова Л.Л.* Исчезнувшая Россия. Воспоминания. 1886—1919. СПб., 1995. С.335.

¹⁵⁸ *Савич Н.В.* Указ. соч. С.187.

¹⁵⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 12 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. 619-620. Ср.: К истории последних дней царского режима // КА. 1926. Т.14. С.237-238.

¹⁶⁰ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.160.

¹⁶¹ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.170.

¹⁶² *Протопопов А.Д.* Указ. соч. С.186-187.

¹⁶³ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.120.

¹⁶⁴ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.129.

¹⁶⁵ Александра Федоровна — Николаю II. 9 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.614.

¹⁶⁶ П.А.Бадмаев — Николаю II. 15 октября 1916 г. // За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С.32-33.

¹⁶⁷ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.189; *Куликов С.В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917) // ИГВ. 1994. Вып.3. С.55.

¹⁶⁸ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.128; *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.161.

¹⁶⁹ *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.35 об.; Николай Михайлович — Николаю II. 21 сентября 1916 г. // Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. М., 1925. С.89-90; Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1967. Кн.181. С.78; *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.63.

¹⁷⁰ Показания графа П.Н.Игнатьева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.23.

¹⁷¹ *Симанович А.С.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 1991. С.102.

¹⁷² Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.353.

¹⁷³ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Там же. Т.1. С.120; *Симанович А.С.* Указ. соч. С.94,101.

¹⁷⁴ *Протопопов А.Д.* Указ. соч. С.178.

¹⁷⁵ А.Ф.Трепов — А.А.Риттиху. 20 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29844. Л.19-19 об.

¹⁷⁶ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.346.

¹⁷⁷ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.165.

¹⁷⁸ *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.186.

¹⁷⁹ Текст декларации см.: Ораторы России в Государственной думе. Т.2. С.311-318.

¹⁸⁰ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.16.

¹⁸¹ Допрос М.В.Родзянко // Там же. Т.7. С.144.

¹⁸² Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.349-350.

¹⁸³ Показания А.Д.Протопопова // Там же. Т.4. С.17.

¹⁸⁴ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.168. Текст речи Н.Е.Маркова 2-го см.: Ораторы России в Государственной думе. Т.2. С.214-231.

¹⁸⁵ *Марков Н.Е.* Войны темных сил. М., 1993. С.146.

¹⁸⁶ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.531.

¹⁸⁷ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.613; Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.17.

¹⁸⁸ А.Д.Протопопов — Николаю II. Не ранее 22 ноября 1916 г. Черновик // ГАРФ. Ф.582. Оп.1. Д.33. Л.1.

¹⁸⁹ *Курлов П.Г.* Указ. соч. С.235,236.

¹⁹⁰ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.478.

¹⁹¹ Всеподданнейший доклад А.Д.Протопопова. 23 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.2441. Д.133. Л.225.

¹⁹² *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.613.

¹⁹³ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 26 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.412-414.

¹⁹⁴ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.613; В.Б.Фредерикс — А.Ф.Трепову. 30 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.420.

¹⁹⁵ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 8 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.421.

¹⁹⁶ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 10 декабря 1916 г. // Там же. Оп.12. Д.1818. Л.12-13 об.

¹⁹⁷ Выступление С.А.Куколя-Яснопольского. 5 декабря 1916 г. // Государственная дума. 1906—1917. Т.4. С.163.

¹⁹⁸ Николай II — М.В.Родзянко. 7 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.635. Л.84.

¹⁹⁹ Николай II — Александре Федоровне. 4 декабря 1916 г.; Александра Федоровна — Николаю II. 14 и 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.622,638,643. Ср.: Выписка из письма А.А.Эрна Ю.М.Эрн. 1 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.2. Д.1983. Л.21.

²⁰⁰ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.169.

²⁰¹ *Друцкой-Соколинский В.А.* Указ. соч. С.246,247.

- ²⁰² Александра Федоровна — Николаю II. 9 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 629.
- ²⁰³ *Николай II*. Дневники императора Николая II. С. 615; Николай II — Александре Федоровне. 13 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 636.
- ²⁰⁴ Всеподданнейший доклад А. Ф. Трепова. 10 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1818. Л. 16–16 об.
- ²⁰⁵ Николай II — Александре Федоровне. 13 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 636–637.
- ²⁰⁶ М. В. Родзянко — А. Ф. Трепову. 3 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 422.
- ²⁰⁷ Всеподданнейший доклад А. Ф. Трепова. 10 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1818. Л. 16.
- ²⁰⁸ Николай II — Александре Федоровне. 13 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 636–637.
- ²⁰⁹ Как состоялся декабрьский роспуск Государственной думы // Биржевые ведомости. 1917. 30 марта.
- ²¹⁰ С. А. Куколь-Яснопольский — А. Ф. Трепову. 12 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 435–435 об.
- ²¹¹ *Войков В. Н.* Указ. соч. С. 107–108.
- ²¹² *Керенский А. Ф.* Указ. соч. С. 138. Ср.: *Палеолог Ж. М.* Царская Россия накануне революции. С. 178.
- ²¹³ *Родзянко М. В.* Крушение Империи. С. 159.
- ²¹⁴ *Оболенский А. В.* Указ. соч. С. 103; *Михайловский Г. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 236.
- ²¹⁵ Николай II — Александре Федоровне. 14 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 639.
- ²¹⁶ *Семенников В. П.* Политика Романовых накануне революции. От Антанты к Германии. М. — Л., 1926. С. 122.
- ²¹⁷ Допрос А. А. Макарова. 14 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 128.
- ²¹⁸ *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. С. 132, 159.
- ²¹⁹ Из переписки царских сановников накануне войны и революции // КА. 1933. Т. 61. С. 135.
- ²²⁰ Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. С. 524.
- ²²¹ Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Там же. Т. 2. С. 63; Допрос Н. А. Добровольского. 21 апреля 1917 г. // Там же. С. 321; Александр-Невская лавра накануне свержения самодержавия // КА. 1936. Т. 77. С. 208; Николай II — Александре Федоровне. 27 июня 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 497.
- ²²² Николай II — Н. А. Добровольскому. 23 ноября 1916 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 67. Д. 634. Л. 246.
- ²²³ Допрос Н. А. Добровольского. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 329; *Николай II*. Дневники императора Николая II. С. 613.
- ²²⁴ *Романов А. Ф.* Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии) // РЛ. 1922. Кн. 2. С. 9; Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. С. 524–525; *Клячко (Львов) Л. М.* Повести прошлого. М. — Л., 1929. С. 69, 70; *Куликов С. В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С. 28. О Н. А. Добровольском см.: *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* «Человек небрегающий службою». Генерал-прокурор Н. А. Добровольский // *Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г.* В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906–1917. М., 1996.
- ²²⁵ Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 62–63; Александр-Невская лавра... С. 208; Александра Федоровна — Николаю II. 6 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 624. Ср.: *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. С. 159.
- ²²⁶ Допрос Н. А. Добровольского. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 329, 330–331; Александра Федоровна — Николаю II. 9 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 629.
- ²²⁷ Допрос И. Г. Шегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 433–434.
- ²²⁸ Александра Федоровна — Николаю II. 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 643.
- ²²⁹ Николай II — А. С. Танееву. 19 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Д. 334. Л. 8.
- ²³⁰ Николай II накануне отречения: камер-фурьерские журналы (декабрь 1916—февраль 1917 гг.). СПб., 2001. С. 24; П. Н. Игнатьев — А. В. Кривошеину. 23 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 274. Л. 30.
- ²³¹ *Николай II*. Дневники императора Николая II. С. 616; Заседание ЦК 6 января 1917 г. // Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. В 6-ти т. М., 1998. Т. 3. 1915–1920 гг. С. 339.
- ²³² Показания А. Д. Протопопова // Падение царского режима. Т. 4. С. 26.
- ²³³ Николай II накануне отречения... С. 24; Показания графа П. Н. Игнатьева // Падение царского режима. Т. 6. С. 24.
- ²³⁴ Как произошла отставка графа П. Н. Игнатьева // Биржевые ведомости. 1917. 15 марта.
- ²³⁵ *Куликов С. В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С. 92.

- ²³⁶ *Игнатьев П. Н.* Указ. соч. // НЖ. 1944. Кн. 9. С. 291.
- ²³⁷ Об отношениях царского правительства и оппозиции на рубеже 1916–1917 гг. см.: *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). С. 265–274; *он же*. Царизм и Первая мировая война. С. 622–629; *Черменский Е. Д.* Указ. соч. С. 246–249; *Старцев В. И.* Указ. соч. С. 227–235, 242–244, 251–262; *Аврех А. Я.* Распад третьеиюньской системы. С. 145–151; *Иоффе Г. З.* Великий Октябрь и эпизод царизма. М., 1987. С. 14–33; *он же*. Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 12–20; *Танелин Р. Ш., Флоринский М. Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 28–31; *Куликов С. В.* IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917); *Танелин Р. Ш.* После Распутина. С. 123–134.
- ²³⁸ *Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 348–349.
- ²³⁹ *Рейн Г. Е.* Указ. соч. С. 110.
- ²⁴⁰ *Афанасьев Н. И.* Современники. Альбом биографий. СПб., 1909. Т. 1. С. 72–73; *Путилов А. С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 1, 1 об.; Допрос С. П. Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т. 5. С. 248; *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 355. В начале 1916 г. Б. В. Штурмер выдвигал кандидатуру Н. Д. Голицына на пост министра внутренних дел (П. Н. Апраксин — А. В. Кривошеину. 17 февраля 1916 г. // РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 249. Л. 6–14 об.; Слухи // Русские ведомости. 1916. 21 января; Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С. 118–119). Служебный формуляр князя Н. Д. Голицына см.: *Шилов Д. Н.* Указ. соч. С. 171–173.
- ²⁴¹ П. Н. Игнатьев — А. В. Кривошеину. 23 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 274. Л. 32; *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. С. 172.
- ²⁴² *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. С. 161–162.
- ²⁴³ Александра Федоровна — Николаю II. 15 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 640.
- ²⁴⁴ Допрос И. Г. Шегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 433; Показания С. П. Белецкого // Там же. Т. 4. С. 531; Показания А. Д. Протопопова // Там же. С. 56.
- ²⁴⁵ Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Там же. Т. 2. С. 59, 68.
- ²⁴⁶ П. А. Бадмаев — Николаю II. 30 ноября 1916 г. // За кулисами царизма... С. 33.
- ²⁴⁷ Показания А. Д. Протопопова // Падение царского режима. Т. 4. С. 25.
- ²⁴⁸ Всеподданнейший доклад А. Ф. Трепова. 20 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1818. Л. 55–55 об.
- ²⁴⁹ Допрос князя Н. Д. Голицына. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 250–251; *Кореньев С. А.* Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // АРР. 1922. Т. 7. С. 19–20.
- ²⁵⁰ Допрос князя Н. Д. Голицына. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 250–251.
- ²⁵¹ *Кореньев С. А.* Указ. соч. С. 19–20; *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 351.
- ²⁵² Николай II — А. С. Танееву. 26 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Д. 305. Л. 27.
- ²⁵³ *Путилов А. С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 1; *Бьюкенен Д. У.* Указ. соч. С. 194. Ср.: *Андрей Владимирович*. Из дневника Андрея Владимировича Романова за 1916–1917 гг. // КА. 1928. Т. 26. С. 191; Николай II накануне отречения... С. 25.
- ²⁵⁴ Допрос Н. А. Маклакова. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т. 5. С. 286.
- ²⁵⁵ *Барк П. Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 180. С. 79.
- ²⁵⁶ Э. Б. Войновский-Кригер (К назначению его начальником Управления железных дорог) // Голос Руси. 1916. 15 февраля; *Путилов А. С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 14, 14 об.
- ²⁵⁷ Александра Федоровна — Николаю II. 6 и 10 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 624, 631.
- ²⁵⁸ *Шилов Д. Н.* Указ. соч. С. 345–346. Ср.: *Клюжев И. С.* Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 17. Л. 59 об.; Справка о сенаторе Н. К. Кульчицком. Не позднее 24 апреля 1916 г. // РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1909 г. Д. 3. Л. 13–14; Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. С. 323.
- ²⁵⁹ Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Там же. Т. 2. С. 65–66; Показания С. П. Белецкого // Там же. Т. 4. С. 322–323; Показания А. Д. Протопопова // Там же. С. 41.
- ²⁶⁰ Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // КА. 1922. Т. 2. С. 137, 139; *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должностям военного министра и его помощника. М., 1924. Т. 1. С. 151; *Беннигсен Э. П.* Первые дни революции 1917 г. // Возрождение. 1954. Тетр. 33. С. 117; *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению. М., 2000. С. 219–220.
- ²⁶¹ *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний... С. 151; Николай Михайлович — Николаю II. 21 сентября 1916 г. // Николай II и великие князья... С. 90, 92; Допрос генерала А. А. Поливанова. 25 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т. 7. С. 85; Допрос М. В. Родзянко // Там же. С. 172; *Барк П. Л.* Глава из воспоминаний [О Николае II] // Возрождение. 1955. Тетр. 43. С. 18; *он же*. Воспоминания // Там же. 1966. Кн. 177. С. 101; *Палеолог Ж. М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 136; *он же*. Царская Россия накануне революции. С. 97.

- ²⁶² Александра Федоровна — Николаю II. 13, 14, 15 и 17 августа, 8 ноября и 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.530,532-533,535,613,642. См. также: Допрос генерала М.А.Беляева. 17 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.167-168; *Лукомский А.С.* Воспоминания. В 2-х т. Берлин, 1922. Т.1. С.121.
- ²⁶³ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.178. С.98.
- ²⁶⁴ П.А.Бадмаев — Николаю II. 30 ноября 1916 г. // За кулисами царизма... С.33. Ср.: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.159-160.
- ²⁶⁵ Допрос генерала М.А.Беляева. 17 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.158,160,161; Михаил Михайлович — Николаю II. 4 июля 1916 г. // Николай II и великие князья... С.103-104; Ставка и Министерство иностранных дел // КА. 1928. Т.29. С.47; «Успокоения нечего ожидать». С.37. Ср.: Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.39.
- ²⁶⁶ *Бюкенен Д.У.* Указ. соч. С.195; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.209.
- ²⁶⁷ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1967. Кн.182. С.90.
- ²⁶⁸ Записка, составленная в кружке А.А.Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным // Правые партии. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1998. Т.2. С.588.
- ²⁶⁹ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 180. С.80,81.
- ²⁷⁰ К дальнейшим переменам в кабинете // Русские ведомости. 1917. 3 января; *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.617; *Бюкенен Д.У.* Указ. соч. С.197.
- ²⁷¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.618; К дальнейшим переменам в кабинете // Русские ведомости. 1917. 3 января.
- ²⁷² *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.212.
- ²⁷³ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.361.
- ²⁷⁴ Всеподданнейший доклад А.Д.Протопопова «Об утверждении петроградского губернского предводителя дворянства». 12 февраля 1917 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.241. Д.54. Л.479; Показания князя В.М.Волконского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.139,141.
- ²⁷⁵ *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции... С.157-158.
- ²⁷⁶ Правительственный вестник. 1917. 6 января.
- ²⁷⁷ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.491.
- ²⁷⁸ Телеграмма А.Д.Протопопова — И.Н.Соколовскому. Не ранее 1 января 1917 г. Черновик // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.1165. Л.172. См. также: Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.164.
- ²⁷⁹ П.Н.Игнатьев — А.В.Кривошеину. 1 января 1917 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.33 об.
- ²⁸⁰ А.Д.Протопопов — А.И.Гучкову. 7 января 1917 г. Отпуск // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.1165. Л.157.
- ²⁸¹ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.162-163; *Шульгин В.В.* Дни // *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М., 1989. С.155,157.
- ²⁸² *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.212.
- ²⁸³ Николай II накануне отречения... С.35.
- ²⁸⁴ К истории последних дней царского режима. С.244.
- ²⁸⁵ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.162-163.
- ²⁸⁶ Николай II и «правые» (Одна из политических «записок») // Монархия перед крушением. С.291; *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С.145.
- ²⁸⁷ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.130; *Стремоухов П.П.* Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев // РЛ. 1925. Кн.7. С.109; *Спиридович А.И.* Указ. соч. 1962. Т.3. С.24.
- ²⁸⁸ Николай II накануне отречения... С.54.
- ²⁸⁹ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.180. С.71.
- ²⁹⁰ Николай II и «правые» (Одна из политических «записок»). С.287.
- ²⁹¹ *Рейн Г.Е.* Указ. соч. С.161.
- ²⁹² Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.111.
- ²⁹³ Николай II накануне отречения... С.60.
- ²⁹⁴ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.177.
- ²⁹⁵ Письма чиновника А.А.Клопова царской семье // ВИ. 1991. № 2—3. С.213,214.
- ²⁹⁶ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.177.
- ²⁹⁷ Письма чиновника А.А.Клопова царской семье. С.209.
- ²⁹⁸ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.41.
- ²⁹⁹ Допрос А.Д.Протопопова. 21 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.270-272.
- ³⁰⁰ *Протопопов А.Д.* Указ. соч. С.180; *Ден Л.* Подлинная царица // *Ден Л.* Подлинная царица; *Воррес И.* Последняя великая княгиня. М., 1998. С.57.
- ³⁰¹ А.Д.Протопопов — Э.Ротшильд. 19 января 1917 г. // ГАРФ. Ф.Р-324. Оп.2. Д.30. Л.2—3; Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.94; Александр Михайлович — Николаю Михайловичу. 14 февраля 1917 г. // Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С.187. Благодарю П.А.Трибунского, предоставившего копию письма А.Д.Протопопова.
- ³⁰² *Рейн Г.Е.* Указ. соч. С.161.

- ³⁰³ Допрос С.П.Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.265; *Рейн Г.Е.* Указ. соч. С.92-93; Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4—5. С.18.
- ³⁰⁴ Допрос Н.А.Маклакова. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.292.
- ³⁰⁵ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.177.
- ³⁰⁶ Памятная записка И.Н.Лодыженского о заседании Совета министров 3 января 1917 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.451.
- ³⁰⁷ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.177.
- ³⁰⁸ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.359.
- ³⁰⁹ Николай II накануне отречения... С.59.
- ³¹⁰ Допрос князя Н.Д.Голицына. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.254.
- ³¹¹ Показания А.Д.Протопопова // Там же. Т.4. С.18.
- ³¹² *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.13 об.-14.
- ³¹³ Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.346.
- ³¹⁴ Доклад князя Голицына Николаю Романову 12 января 1917 г. // Русско-польские отношения в период мировой войны. М., 1925. С.132-133.
- ³¹⁵ Особый журнал Совета министров 7 февраля 1917 г. (по журналу дел, решаемых его собственной властью) «По вопросу о выработке Положения о кооперативах» // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.206. Л.128.
- ³¹⁶ *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.161.
- ³¹⁷ *Путилов А.С.* Период князя Голицына // РГАЛИ. Ф.1208. Оп.1. Д.46. Л.16 об.-17.
- ³¹⁸ Там же. Л.31; Допрос Н.А.Маклакова. 1 мая 1917 г. // Падение царского режима... Л., 1925. Т.3. С.98-99; Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.259,260.
- ³¹⁹ Циркулярное распоряжение управляющего Министерством юстиции генерал-прокурора Н.А.Добровольского председателем и прокурорам судебных мест от 4 февраля 1917 г. о порядке избрания в качестве меры пресечения лишения свободы // *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Указ. соч. С.389-391.
- ³²⁰ *Глобачев К.И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // ВИ. 2002. № 8. С.70. Ср.: Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.525; *Клячко (Львов) Л.М.* Повести прошлого. С.71.
- ³²¹ Допрос князя Н.Д.Голицына. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.259. Ср.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. В 3-х т. М., 1960. С.449.
- ³²² Последний министр старого правительства // Новое время. 1917. 19 марта; Малоизвестный источник по истории кризиса верхов накануне Февральской революции (из дневника С.Д.Протопопова) // СА. 1985. № 1. С.58.
- ³²³ Протокол допроса Р.Ю.Пиранга // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.21 об.; Показания Н.Н.Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.359; Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4—5. С.22.
- ³²⁴ Записка Петроградского охранного отделения о настроениях кадетов накануне переворота. 29 января 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. М.—Л., 1927. С.175. Ср.: *Кураев П.Г.* Указ. соч. С.6,240-241.
- ³²⁵ А.Д.Протопопов — В.Б.Фредериксу. 4 февраля 1917 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.59-60,61.
- ³²⁶ Николай II накануне отречения... С.68.
- ³²⁷ *Базилевский П.А.* Воспоминания // НИОР РГБ. Ф.15. К.4. Д.1. Л.90 об.-91,92. Благодарю П.А.Трибунского, предоставившего свои выписки из воспоминаний П.А.Базилевского.
- ³²⁸ Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4—5. С.26; *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции... С.162.
- ³²⁹ Журнал № 141 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 4 февраля 1917 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917 г. М., 1978. С.172-174,176.
- ³³⁰ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.7.
- ³³¹ Журнал № 143 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседание 11 февраля 1917 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917 г. С.202.
- ³³² Из переписки Николая II с министрами // Монархия перед крушением. С.97.
- ³³³ Проект манифеста о роспуске IV Государственной думы // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1003. Л.1,2.
- ³³⁴ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.623; Допрос Н.А.Маклакова. 14 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.208.
- ³³⁵ Показания А.Д.Протопопова // Там же. Т.4. С.25.
- ³³⁶ *Шульгин В.В.* Указ. соч. С.161.
- ³³⁷ Николай II накануне отречения... С.70.
- ³³⁸ Письма чиновника А.А.Клопова царской семье. С.216,217.
- ³³⁹ Конференция «союзников» в Петрограде 1917 г. // Монархия перед крушением. С.83. О миссии А.Мильнера и Петроградской конференции союзников см.: *Алексеева И.В.* Указ. соч. С.239-251.
- ³⁴⁰ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.167.

- ³⁴¹ Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 6. С.10.
³⁴² К истории последних дней царского режима. С.245.
³⁴³ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.167.
³⁴⁴ Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.163.
³⁴⁵ Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С.221.
³⁴⁶ Запись беседы с Н.Д.Соколовым // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С.95-96; Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 — ноябрь 1920 г. В 2-х ч. М., 1995. Ч.1. С.7,19,20; Дубенский Д.Н. Указ. соч. С.350.
³⁴⁷ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.158. Ср.: К истории последних дней царского режима. С.246.
³⁴⁸ Запись беседы с Н.Д.Соколовым. С.95-96. См. также: П.Г. Впечатления очевидца: сообщение члена Государственной думы А.М.Александрова // Крымский вестник (Севастополь). 1917. 15 марта; Савич Н.В. Указ. соч. С.177-178; Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции... С.164; Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.2. С.86; Друцкой-Соколинский В.А. Указ. соч. С.59-60.
³⁴⁹ Спиридович А.И. Указ. соч. Т.3. С.72-73.
³⁵⁰ Ивановский А.В. Воспоминания инженера // ПФА РАН. Ф.297. Оп.1. Л.465-466.
³⁵¹ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.1. С.93.
³⁵² Глинка Я.В. Указ. соч. С.173.
³⁵³ Беннигсен Э.П. Первые дни революции 1917 г. С.117.
³⁵⁴ Н.Д.Голицын — М.В.Родзянко. 17 февраля 1917 г.; М.В.Родзянко — Н.Д.Голицыну. 23 февраля 1917 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.464-465; К истории последних дней царского режима. С.246.
³⁵⁵ Рейн Г.Е. Указ. соч. С.169.
³⁵⁶ Допрос И.Н.Лодыженского. 19 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.170; Керенский А.Ф. Указ. соч. С.161.
³⁵⁷ Глобачев К.И. Указ. соч. // ВИ. 2002. № 8. С.86.
³⁵⁸ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.86.
³⁵⁹ Глобачев К.И. Указ. соч. // ВИ. 2002. № 8. С.86.
³⁶⁰ Протокол допроса Р.Ю.Пиранга // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.21.
³⁶¹ Савич Н.В. Указ. соч. С.210,212,290. Ср.: Васильчикова Л.Л. Указ. соч. С.356.
³⁶² Допрос князя Н.Д.Голицына. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.260-261.
³⁶³ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.168-169. Ср.: Допрос Д.Н.Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.388.
³⁶⁴ Глобачев К.И. Указ. соч. // ВИ. 2002. № 8. С.60.
³⁶⁵ Дубенский Д.Н. Указ. соч. С.348-349.
³⁶⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты // ВИ. 1990. № 3. С.139. См. также: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). С.244-245; он же. Царизм и Первая мировая война. С.616-617; Старцев В.И. Указ. соч. С.20; Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. С.59-60; Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы // РП. 1996. Кн. 6.
³⁶⁷ Воейков В.Н. Указ. соч. С.99.
³⁶⁸ Бубнов А.Д. В Царской ставке. СПб., 1995. С.130. См. также: Воейков В.Н. Указ. соч. С.9.
³⁶⁹ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.61; П.Н.Игнатьев — А.В.Кривошеину. 25 августа 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Д.44-45 об.
³⁷⁰ Показания А.Н.Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.344.
³⁷¹ Воейков В.Н. Указ. соч. С.99,100.
³⁷² Допрос Д.Н.Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.379-380; Николай II. Дневники императора Николая II. С.595-596,597-598,600-602,606-607,611-613.
³⁷³ Соколов Н.А. Указ. соч. С.216.
³⁷⁴ Воейков В.Н. Указ. соч. С.99.
³⁷⁵ Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В.Алексеев. СПб., 2000. С.455.
³⁷⁶ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.29.
³⁷⁷ Алексеева-Борель В.М. Указ. соч. С.447.
³⁷⁸ Николай II. Дневники императора Николая II. С.601-602; Алексеева-Борель В.М. Указ. соч. С.448.
³⁷⁹ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.29.
³⁸⁰ Алексеева-Борель В.М. Указ. соч. С.448. См. также: Лемке М.К. 250 дней в Царской Ставке. [СПб.], 1921. С.262.
³⁸¹ Александра Федоровна — Николаю II. 20 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.561.
³⁸² Соколов Н.А. Указ. соч. С.216.
³⁸³ Бубнов А.Д. Указ. соч. С.129-130.
³⁸⁴ Вырубова А.А. Фрейлина ее величества. С.166.
³⁸⁵ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. В 2-х т. М.—Л., 1930. Т.2. С.340.

- ³⁸⁶ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.142-143.
³⁸⁷ «Успокоения нечего ожидать». С.38.
³⁸⁸ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.527.
³⁸⁹ «Успокоения нечего ожидать». С.39.
³⁹⁰ Из истории борьбы в верхах... С.167.
³⁹¹ «Успокоения нечего ожидать». С.39.
³⁹² Из истории борьбы в верхах... С.167.
³⁹³ Палеолог Ж.М. Царская Россия накануне революции. С.104; «Успокоения нечего ожидать». С.40.
³⁹⁴ Александра Федоровна — Николаю II. 20 и 21 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.561,563,565.
³⁹⁵ Николай II — Александре Федоровне. 22 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.569.
³⁹⁶ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.160.
³⁹⁷ Оболенский А.В. Указ. соч. С.102,103.
³⁹⁸ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.159.
³⁹⁹ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.178. С.98. О диктатуре Б.В.Штюрмера см.: Флоринский М.Ф. «Диктатура» Б.В.Штюрмера и деятельность Особого совещания для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. СПб., 2003.
⁴⁰⁰ Александра Федоровна — Николаю II. 14 августа 1916 г.; Николай II — Александре Федоровне. 14 августа 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.531-532.
⁴⁰¹ «Успокоения нечего ожидать». С.40.
⁴⁰² Александра Федоровна — Николаю II. 14 августа 1916 г.; Николай II — Александре Федоровне. 16 августа 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.532,534.
⁴⁰³ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.146.
⁴⁰⁴ Соколов Н.А. Указ. соч. С.289; Николай II. Дневники императора Николая II. С.600.
⁴⁰⁵ А.А.Маниковский — Е.З.Барсукову. 26 августа 1916 г. // Маниковский А.А. Указ. соч. Т.2. С.303.
⁴⁰⁶ Соколов Н.А. Указ. соч. С.290; Николай II. Дневники императора Николая II. С.602.
⁴⁰⁷ Положения о верховном начальнике продовольственной части // РГИА. Ф.381. Оп.46. Д.205. Л.69-70 об.
⁴⁰⁸ Воейков В.Н. Указ. соч. С.102.
⁴⁰⁹ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.154.
⁴¹⁰ Барсуков Е.З. Справка по поводу записки от 15 июня 1916 г. генерала Алексеева царю о верховном министре государственной обороны // Маниковский А.А. Указ. соч. Т.2. С.340.
⁴¹¹ М.В.Алексеев — Д.С.Шуваеву. 30 августа 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.15. Д.47. Л.3-3 об.
⁴¹² «Успокоения нечего ожидать». С.40.
⁴¹³ Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.150,152.
⁴¹⁴ «Успокоения нечего ожидать». С.40.
⁴¹⁵ Николай II — Александре Федоровне. 20 сентября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.563.
⁴¹⁶ А.А.Бобринский — Д.А.Шереметевой. 22 сентября 1916 г. // РГИА. Ф.899. Оп.1. Д.150. Л.13-13 об.
⁴¹⁷ Донесение начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции об октябрьской конференции партии кадетов. 2 ноября 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.148.
⁴¹⁸ Игнатьев П.А. Моя миссия в Париже. М., 1999. С.106.
⁴¹⁹ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.105,106.
⁴²⁰ Лемке М.К. Указ. соч. С.825; Вырубов В.В. Воспоминания о корниловском деле // Минувшее. М.—СПб., 1993. Т.12. С.10.
⁴²¹ Pares B. The Fall of the Russian Monarchy. N. Y., 1961. P.429; Вырубов В.В. Указ. соч. С.10-11; Керенский А.Ф. Указ. соч. С.138.
⁴²² Соколов Н.А. Указ. соч. С.242.
⁴²³ Вырубов В.В. Указ. соч. С.10-11.
⁴²⁴ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С.103; Письма чиновника А.А.Клопова царской семье. С.208.
⁴²⁵ Pares B. Op. cit. P.429; Вырубов В.В. Указ. соч. С.10-11.
⁴²⁶ Маниковский А.А. Указ. соч. Т.2. С.340,307.
⁴²⁷ Телеграмма начальника штаба главнокомандующего армий Запфронта начальнику снабжений армий Запфронта. 31 октября 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.154.
⁴²⁸ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.228.
⁴²⁹ Из истории борьбы в верхах... С.168-169.
⁴³⁰ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.201.
⁴³¹ Николай II. Дневники императора Николая II. С.608-610.

- ⁴³² Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.201; Николай II. Дневники императора Николая II. С.609.
- ⁴³³ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С.78.
- ⁴³⁴ Б.В.Штурмер — М.В.Алексееву. 3 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.15. 1916 г. Д.51. Л.27-31 об.
- ⁴³⁵ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1933. Т.56. С.121.
- ⁴³⁶ Николай II. Дневники императора Николая II. С.610; Пуришкевич В.М. Указ. соч. С.6-7.
- ⁴³⁷ Николай II. Дневники императора Николая II. С.610; Николай II — Александре Федоровне. 5 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.610.
- ⁴³⁸ Энгельгардт Б.А. Потонувший мир // ОР РНБ. Ф.1052. Д.3. Л.723.
- ⁴³⁹ Маниковский А.А. Указ. соч. Т.2. С.340-341.
- ⁴⁴⁰ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.216-217,221.
- ⁴⁴¹ Бубнов А.Д. Указ. соч. С.89.
- ⁴⁴² Протокол допроса графа Д.Н.Татищева // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.40. Л.3.
- ⁴⁴³ Клячко (Львов) Л.М. Повести прошлого. С.66.
- ⁴⁴⁴ Николай II — Александре Федоровне. 8 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.613.
- ⁴⁴⁵ Николай II. Дневники императора Николая II. С.611; Григорович И.К. Указ. соч. С.191.
- ⁴⁴⁶ Соколов Н.А. Указ. соч. С.242.
- ⁴⁴⁷ Николай II. Дневники императора Николая II. С.611.
- ⁴⁴⁸ Глинка Я.В. Указ. соч. С.163.
- ⁴⁴⁹ Демкин Д.И. Петроградская городская дума в первые дни смуты // РЛ. 1924. Кн.6. С.143; Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1933. Т.56. С.129.
- ⁴⁵⁰ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.174.
- ⁴⁵¹ Николай II — Александре Федоровне. 7 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.612.
- ⁴⁵² Тактика высшего командования в Февральскую революцию // КА. 1929. Т.35. С.213; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963. С.245; Бубнов А.Д. Указ. соч. С.134; Шаховской В.Н. Указ. соч. // РВ. 1995. Кн.63. С.173; «Успокоения нечего ожидать». С.33.
- ⁴⁵³ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1933. Т.56. С.128.
- ⁴⁵⁴ Николай II. Дневники императора Николая II. С.613; Мосолов А.А. Указ. соч. С.16.
- ⁴⁵⁵ В конце 1916 г. // Былое. 1918. № 30. С.151; Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1933. Т.56. С.129.
- ⁴⁵⁶ Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.248.
- ⁴⁵⁷ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.45; Милоков П.Н. Указ. соч. Т.2. С.291.
- ⁴⁵⁸ Воейков В.Н. Указ. соч. С.118.
- ⁴⁵⁹ Глинка Я.В. Указ. соч. С.164.
- ⁴⁶⁰ Николай Михайлович. Записки // КА. 1931. Т.49. С.108.
- ⁴⁶¹ Перетц Г.Г. В цитадели русской революции. СПб., 1997. С.6.
- ⁴⁶² Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.26.
- ⁴⁶³ Николай II. Дневники императора Николая II. С.613.
- ⁴⁶⁴ И.Н.Лодыженский — А.А.Риттиху. 11 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.381. Оп.46. Д.205. Л.68,71 об.
- ⁴⁶⁵ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С.481-482.
- ⁴⁶⁶ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.26.
- ⁴⁶⁷ Приказ армии и флоту 12 декабря 1916 г. № 870 // Русско-польские отношения... С.131. О перспективах решения константинопольского и польского вопросов в конце 1916 — начале 1917 гг. см.: Емец В.А. Черноморские проливы и Польша в геополитических планах российской дипломатии (конец 1916 — начало 1917 г.) // Россия в XIX—XX вв.
- ⁴⁶⁸ Сторожев В.Н. Дипломатия и революция // Вестник НКВД. 1920. № 4—5. С.80. Ср.: Шавельский Г.И. Указ. соч. Т.2. С.283.
- ⁴⁶⁹ Глинка Я.В. Указ. соч. С.175.
- ⁴⁷⁰ Арапова З.В. Дневник // НИОР РГБ. Ф.12. К.1. Д.9. Л.85-87.
- ⁴⁷¹ Николай II. Дневники императора Николая II. С.623; Ден Л. Указ. соч. С.89.
- ⁴⁷² Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции... С.162-163.
- ⁴⁷³ Вырубова А.А. Фрейлина ее величества. С.197.
- ⁴⁷⁴ Тарсаидзе А.А. Письмо в редакцию // Возрождение. 1951. Тетр.15. С.51.
- ⁴⁷⁵ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.93.
- ⁴⁷⁶ Николай II — М.В.Алексееву. 7 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.635. Л.127.
- ⁴⁷⁷ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С.102.
- ⁴⁷⁸ Соколов Н.А. Указ. соч. С.216.
- ⁴⁷⁹ Деникин А.И. Указ. соч. // ВИ. 1990. № 3. С.140.
- ⁴⁸⁰ Родзянко М.В. Крушение Империи. С.158; Брусилов А.А. Указ. соч. С.259, 260; Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С.471.
- ⁴⁸¹ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.492; Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.). Составлено А.Н.Яхонтовым, [бывшим]

- помощником управляющего делами Совета министров, на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам // АРР. 1926. Т.18. С.59; Вильковский С.Н. Пребывание Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. (беседа с генералом С.Н.Вильковским) // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927. С.147,168; Курлов П.Г. Указ. соч. С.237; Протокол пленарного заседания ЦК 4—5 февраля 1917 г. // Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. В 6-ти т. М., 1998. Т.3. 1915—1920 гг. С.344. См. также таблицу 2.
- ⁴⁸² Запись беседы с Н.Д.Соколовым. С.96. См. также: Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.492; Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1957. С.86; Оболенский А.В. Указ. соч. С.102-103.
- ⁴⁸³ Брусилов А.А. Указ. соч. С.269.
- ⁴⁸⁴ Александр Михайлович. Указ. соч. С.213.
- ⁴⁸⁵ Воейков В.Н. Указ. соч. С.117.
- ⁴⁸⁶ Бонч-Бруевич М.Д. Указ. соч. С.107.
- ⁴⁸⁷ Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т.2. С.86; См. также: Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции... С.164.
- ⁴⁸⁸ Юсупов Ф.Ф. Мемуары в 2-х книгах. До изгнания. 1887—1919. В изгнании. М., 1998. С.167.
- ⁴⁸⁹ П.Г. Впечатления очевидца: сообщение члена Государственной думы А.М.Александрова // Крымский вестник. 1917. 15 марта.
- ⁴⁹⁰ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.174.
- ⁴⁹¹ Допрос Д.Н.Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.388; Воейков В.Н. Указ. соч. С.120.
- ⁴⁹² Историографию проблемы заговора против Николая II см.: Старцев В.И. «Заговор буржуазии» перед февралем 1917 г. в новейшей советской исторической литературе // Нарастание революционного кризиса в России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). Л., 1987. См. также: Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В.Алексеев. СПб., 1998.
- ⁴⁹³ Спиридович А.И. Указ. соч. Т.2. С.168.
- ⁴⁹⁴ Воейков В.Н. Указ. соч. С.213.
- ⁴⁹⁵ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 7—8. С.205; Керенский А.Ф. Указ. соч. С.137.
- ⁴⁹⁶ Оболенский А.В. Указ. соч. С.102-103; Васильчикова Л.Л. Указ. соч. С.349.
- ⁴⁹⁷ Протопопов С.Д. Дневник // РГАЛИ. Ф.389. Оп.1. Д.46. Л.86.
- ⁴⁹⁸ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.45.
- ⁴⁹⁹ Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.180. С.82.
- ⁵⁰⁰ Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.160.
- ⁵⁰¹ Записка Московского охранного отделения о Всероссийских земском и городском союзах и военно-промышленных комитетах // Буржуазия накануне Февральской революции. С.151-152; К истории гвоздевины («Бюллетени» Рабочей группы ЦВПК) // КА. 1934. Т.67. С.88-92.
- ⁵⁰² Доклады Штурмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.160.
- ⁵⁰³ Протопопов А.Д. Указ. соч. С.176.
- ⁵⁰⁴ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.167.
- ⁵⁰⁵ Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. С.48-49.
- ⁵⁰⁶ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.167.
- ⁵⁰⁷ Разъяснение министра внутренних дел Протопопова губернаторам и градоначальникам по поводу безусловного запрещения съездов общественных организаций. 1 ноября 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.153-154.
- ⁵⁰⁸ Савич Н.В. Указ. соч. С.174-177. См. также: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). С.257-258.
- ⁵⁰⁹ Выступление А.Ф.Трепова. 19 ноября 1916 г. // Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4-й. Сессия 5-я. Пг., 1916—1917. Стб.252.
- ⁵¹⁰ Допрос А.Д.Протопопова. 21 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т.1. С.167.
- ⁵¹¹ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Там же. Т.5. С.308.
- ⁵¹² Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.90.
- ⁵¹³ А.Ф.Трепов — С.А.Кулоло-Яснопольскому. 10 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1848. Л.2,5.
- ⁵¹⁴ Н.Н.Тиханович-Савицкий — Николаю II. 2 декабря 1916 г. // Правые партии. Т.2. С.595-596.
- ⁵¹⁵ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 10 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.12. Д.1818. Л.6-6 об., 10,49.
- ⁵¹⁶ Александр Федоровна — Николаю II. 14 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.638.
- ⁵¹⁷ Особый журнал Совета министров 23 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.124. Л.83 об.
- ⁵¹⁸ Воейков В.Н. Указ. соч. С.93.
- ⁵¹⁹ Журналы № № 121, 122, 123, 128 и 130 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 12, 23 и 30 ноября, 17 и 28 декабря 1916 г. //

Журналы Особого совещания по обороне государства. 1916 г. М., 1977. С.690,700,711,755,767; Журналы 132, 133, 134, 136 и 140 Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Заседания 4, 7, 11 и 18 января и 1 февраля 1917 г. // Журналы Особого совещания по обороне государства. 1917 г. С.30,45,46,64,97,161.

- ⁵²⁰ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.113.
- ⁵²¹ Александра Федоровна — Николаю II. 15 декабря 1916 г.; Николай II — Александре Федоровне. 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.641,645.
- ⁵²² Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.4,37,90.
- ⁵²³ *Пуришкевич В.М.* Указ. соч. С.31.
- ⁵²⁴ *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С.293.
- ⁵²⁵ *Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Г.Е.Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001. С.321-322.
- ⁵²⁶ Показания П.Н.Милюкова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.7. С.350
- ⁵²⁷ Допрос А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Там же. Т.6. С.278.
- ⁵²⁸ *Бюкенен Д.У.* Указ. соч. С.198. Ср.: Допрос А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.279; *Лаверьев В.Я.* По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967. С.161,170.
- ⁵²⁹ *Алексеева-Борель В.М.* Указ. соч. С.469.
- ⁵³⁰ Последний министр старого правительства // Новое время. 1917. 19 марта. Ср.: *Лаверьев В.Я.* Указ. соч. С.157.
- ⁵³¹ Письмо великого князя Александра Михайловича к Николаю II от 25 декабря 1916 г. — 4 февраля 1917 г. // АРР. 1922. Т.5. С.335. См. также: В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А.Д.Протопопова // Былое. 1918. № 13. С.94.
- ⁵³² Николай II накануне отречения... С.26; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.201. Ср.: *Бюкенен Д.У.* Указ. соч. С.196.
- ⁵³³ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.196.
- ⁵³⁴ Н.Н.Тиханович-Савицкий — А.Д.Протопопову. 28 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.1165. Л.87.
- ⁵³⁵ Н.Н.Тиханович-Савицкий — Николаю II. 30 декабря 1916 г. // Правые партии. Т.2. С.604-606.
- ⁵³⁶ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.203.
- ⁵³⁷ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.617; *Бюкенен Д.У.* Указ. соч. С.194-195.
- ⁵³⁸ Именной высочайший рескрипт председателю Совета министров князю Н.Д.Голицыну // Правительственный вестник. 1917. 6 января.
- ⁵³⁹ Циркуляр А.Д.Протопопова от 11 января 1917 г. // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.782. Л.14-16.
- ⁵⁴⁰ Н.Н.Тиханович-Савицкий — А.Д.Протопопову. 21 января 1917 г. // Правые партии. Т.2. С.619.
- ⁵⁴¹ *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.161.
- ⁵⁴² *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.91-92.
- ⁵⁴³ Сообщение газеты «Утро России» от 20 января 1917 г. // Правые партии. Т.2. С.618.
- ⁵⁴⁴ Николай II и «правые» (Одна из политических «записок»). С.289-290.
- ⁵⁴⁵ *Бюкенен Д.У.* Указ. соч. С.199-200.
- ⁵⁴⁶ Последний министр старого правительства // Новое время. 1917. 19 марта.
- ⁵⁴⁷ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.44.
- ⁵⁴⁸ «Сводка общих положений и пожеланий», выработанных членами Главного совета СРН — обновленческого и направленных А.А.Римским-Корсаковым министру внутренних дел А.Д.Протопопову // Правые партии. Т.2. С.614.
- ⁵⁴⁹ Показания М.В.Челнокова. 28 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.309.
- ⁵⁵⁰ *Тальберг Н.Д.* Очерки истории Императорской России от Николая I до царя-мученика. М., 1995. С.222.
- ⁵⁵¹ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.115.
- ⁵⁵² *Рафес М. [Борисов М.Г.]* Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С.179; Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля. Февраль 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.179.
- ⁵⁵³ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.87.
- ⁵⁵⁴ А.В.Кривошеин и общественные деятели... С.49.
- ⁵⁵⁵ Совещание членов Прогрессивного блока с А.Д.Протопоповым... С.150.
- ⁵⁵⁶ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.87.
- ⁵⁵⁷ Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля. Февраль 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.174.
- ⁵⁵⁸ Допрос С.П.Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.249.
- ⁵⁵⁹ Показания А.Д.Протопопова // Там же. Т.4. С.87.
- ⁵⁶⁰ Беседа с членом Государственной думы Н.И.Нечаевым // Воронежский телеграф. 1917. 12 марта.
- ⁵⁶¹ Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля. Февраль 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.179.

- См. также: *Акаемов Н.Ф.* В преддверии революции // ИВ. 1917. № 7-8. С.154; В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А.Д.Протопопова... С.103-104.
- ⁵⁶² *Брюс Локкарт Р.Г.* История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991. С.151.
 - ⁵⁶³ Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля. Февраль 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.174.
 - ⁵⁶⁴ *Глобачев К.И.* Указ. соч. // ВИ. 2002. № 8. С.86.
 - ⁵⁶⁵ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.88.
 - ⁵⁶⁶ Письменные объяснения А.Т.Васильева // Падение царского режима. Т.1. С.425.
 - ⁵⁶⁷ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. С.215.
 - ⁵⁶⁸ *Рафес М. [Борисов М.Г.]* Указ. соч. С.180.
 - ⁵⁶⁹ Доклад директора Департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля. Февраль 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.174.
 - ⁵⁷⁰ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.89; *Дубенский Д.Н.* Указ. соч. С.348-349.
 - ⁵⁷¹ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.89.
 - ⁵⁷² Доклад Петроградского охранного отделения министру внутренних дел об отношении общественных организаций к аресту рабочей группы. 31 января 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.184.
 - ⁵⁷³ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.89.
 - ⁵⁷⁴ *Мордвинов А.А.* Отрывки из воспоминаний // РЛ. 1923. Кн.5. С.71.
 - ⁵⁷⁵ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.623.
 - ⁵⁷⁶ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.175.
 - ⁵⁷⁷ *Жильяр П.* Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 г.). По личным воспоминаниям П.Жильера, бывшего наставника наследника цесаревича Алексея Николаевича. Вена, 1921. С.145.
 - ⁵⁷⁸ А.И.Гучков — Н.Д.Голицыну. 3 февраля 1917 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.13. Д.33. Л.1,3,3 об.
 - ⁵⁷⁹ Записка Петроградского охранного отделения о настроениях в обществе накануне открытия Государственной думы. 29 января 1917 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С.169.
 - ⁵⁸⁰ Показания А.И.Гучкова. 2 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.285,288.
 - ⁵⁸¹ Показания А.Д.Протопопова // Там же. Т.4. С.87.
 - ⁵⁸² Доклады Штюрмера Николаю II // Монархия перед крушением. С.161-162. О Государственном совете в конце 1916 — начале 1917 г. см.: *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917) // ИГВ. 1997. Вып.9; *он же.* Практика пополнения назначенной части Государственного совета (1906—1917) // 1917 г. и российский парламентаризм: Сб. материалов науч. конф. СПб., 1998; *он же.* Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906—1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания. СПб., 2000. Вып.2; *Бородина А.П.* Правая группа Государственного совета в 1906—1917 гг. // ОИ. 1998. № 4; *он же.* Государственный совет России (1906—1917). Киров, 1999. С.158-168.
 - ⁵⁸³ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.125,135. Ср.: Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.52-53; Александра Федоровна — Николаю II. 9 и 14 августа 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.525,531.
 - ⁵⁸⁴ *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999. Т.2. С.430.
 - ⁵⁸⁵ Александра Федоровна — Николаю II. 4 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.621.
 - ⁵⁸⁶ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.76-81. Не исключено, что за письмом И.П.Балашева стоял М.В.Родзянко (Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.153).
 - ⁵⁸⁷ Записка А.А.Клопова. Октябрь 1916 г. // РГИА. Ф.1099. Оп.1. Д.14. Л.47 об.
 - ⁵⁸⁸ Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. // КА. 1932. Т.56. С.114.
 - ⁵⁸⁹ За что пострадал Кауфман-Туркестанский // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.224,225.
 - ⁵⁹⁰ За что пострадал Кауфман-Туркестанский // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта. См. также: *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.192.
 - ⁵⁹¹ За что пострадал Кауфман-Туркестанский // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта.
 - ⁵⁹² *Кововцов В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.335,336.
 - ⁵⁹³ *Пуришкевич В.М.* Указ. соч. С.9.
 - ⁵⁹⁴ С.Е.Крыжановский — Николаю II // РГИА. Ф.1162. Оп.2. 1910 г. Д.24. Л.87.
 - ⁵⁹⁵ *Гурко В.И.* Указ. соч. С.99.
 - ⁵⁹⁶ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 26 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.412-414.
 - ⁵⁹⁷ *Кони А.Ф.* Из недавнего прошлого (И.Я.Голубев) // ПИН. 1924. Вып.1. С.6.
 - ⁵⁹⁸ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова от 26 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.412-414.

- ⁵⁹⁹ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.242–243.
- ⁶⁰⁰ И.А.Куракин — М.А.Шаховской. 27 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1542. Оп.1. Д.131. Л.195 об.
- ⁶⁰¹ Резолюция от 30 ноября 1916 г., принятая на 12-м Съезде объединенных дворянских обществ. Черновик // РГИА. Ф.892. Оп.1. Д.1581. Л.1. О позиции Объединенного дворянства в конце 1916 — начале 1917 г. см.: *Библин М.А.* Совет Объединенного дворянства и Прогрессивный блок в 1915–1916 гг. // ВМУ. 1980. Сер.8. История. № 1; *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. С.204–214.
- ⁶⁰² *Пуришкевич В.М.* Указ. соч. С.42.
- ⁶⁰³ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.189.
- ⁶⁰⁴ *Кони А.Ф.* Указ. соч. С.8.
- ⁶⁰⁵ И.Я.Голубев — П.А.Сабурову. 2 января 1917 г. // РГИА. Ф.1044. Оп.1. Д.354. Л.4.
- ⁶⁰⁶ Из бумаг А.В.Тырковой-Вильямс. Запись рассказа княгини С.Н.Васильчиковой // Возрождение. 1964. Кн.156. С.95.
- ⁶⁰⁷ *Любимов Л.Д.* На чужбине. Ташкент, 1965. С.105.
- ⁶⁰⁸ В конце 1916 г. // Былое. 1918. № 30. С.153.
- ⁶⁰⁹ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.171.
- ⁶¹⁰ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.244.
- ⁶¹¹ *Соколов Н.А.* Указ. соч. С.288.
- ⁶¹² *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.89.
- ⁶¹³ За что пострадал Кауфман-Туркестанский // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта.
- ⁶¹⁴ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С.89–90.
- ⁶¹⁵ Там же. С.80–81.
- ⁶¹⁶ *Любимов Л.Д.* Указ. соч. С.53–54.
- ⁶¹⁷ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.189,208–209; *Васильчикова Л.Л.* Указ. соч. С.337.
- ⁶¹⁸ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.180. С.80–81.
- ⁶¹⁹ *Клячко (Львов) Л.М.* Повести прошлого. С.38.
- ⁶²⁰ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.189.
- ⁶²¹ П.Н.Игнатьев — А.В.Кривошеину. 23 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.31 об.
- ⁶²² Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 3. С.31.
- ⁶²³ О предыстории этой реформы см.: *Правилова Е.А.* Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX — октябрь 1917). СПб., 2000.
- ⁶²⁴ Александра Федоровна — Николаю II. 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.643.
- ⁶²⁵ Всеподданнейший доклад А.Н.Куломзина. 24 декабря 1916 г.; Объяснительная записка С.Е.Крыжановского // РГИА. Ф.1148. Оп.12. Д.482. Л.123–124,126,127 об.
- ⁶²⁶ Доклады Штормера Николаю II // Монархия перед крушением. С.162.
- ⁶²⁷ Всеподданнейший доклад А.Ф.Трепова. 26 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.7. Л.412–414.
- ⁶²⁸ К истории последних дней царского режима. С.235.
- ⁶²⁹ Александра Федоровна — Николаю II. 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.643. Ср.: Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.58,59.
- ⁶³⁰ Допрос И.Г.Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Там же. С.426.
- ⁶³¹ Там же. С.430.
- ⁶³² *Поливанов А.А.* Девять месяцев... // ВИ. 1994. № 9. С.134; Александра Федоровна — Николаю II. 14 и 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.639,644.
- ⁶³³ Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.437.
- ⁶³⁴ Николай II — Александре Федоровне. 15 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.641.
- ⁶³⁵ Николай II — Александре Федоровне. 14 декабря 1916 г. // Там же. С.639.
- ⁶³⁶ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.41,57. См. также: Протокол допроса Р.Ю.Пиранга // ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.39. Л.22.
- ⁶³⁷ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.57; Николай II — Александре Федоровне. 14 декабря 1916 г.; Александра Федоровна — Николаю II. 15 и 16 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.639–640,643.
- ⁶³⁸ Допрос И.Ф.Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.57–58.
- ⁶³⁹ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1967. Кн.182. С.93.
- ⁶⁴⁰ Допрос И.Г.Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т.2. С.426.
- ⁶⁴¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.617.
- ⁶⁴² Справка о количественном составе групп Государственного совета. 29 декабря 1916 г. // РГИА. Ф.1162. Оп.2 (доп. к т.16). 1917 г. Д.11. Л.8.
- ⁶⁴³ *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917). С.4–5,17–18.

- ⁶⁴⁴ Там же. С.18.
- ⁶⁴⁵ Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.437,438.
- ⁶⁴⁶ *Таганцев Н.С.* Пережитое. Пг., 1919. С.19.
- ⁶⁴⁷ Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.439.
- ⁶⁴⁸ Записка, составленная в кружке А.А.Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным // Правые партии. Т.2. С.587.
- ⁶⁴⁹ *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917). С.17.
- ⁶⁵⁰ Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.439.
- ⁶⁵¹ Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.458.
- ⁶⁵² П.А.Бадмаев — Николаю II. 26 декабря 1916 г. // За кулисами царизма... С.35.
- ⁶⁵³ Протокол допроса Г.Г.Чаплинского // Дело М.Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб., 1999. С.214.
- ⁶⁵⁴ Из назначенных сановников присутствующими стали 3 человека.
- ⁶⁵⁵ *Кони А.Ф.* Указ. соч. С.9.
- ⁶⁵⁶ П.Н.Игнатьев — А.В.Кривошеину. 1 января 1917 г. // РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.274. Л.33 об.
- ⁶⁵⁷ Б.А.Васильчиков — С.Н.Васильчиковой. 4 января 1917 г. // РГИА. Ф.651. Оп.1. Д.990. Л.24.
- ⁶⁵⁸ Б.А.Васильчиков — С.Н.Васильчиковой. 7 января 1917 г. // Там же. Л.26–27 об.
- ⁶⁵⁹ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т.2. С.337–339.
- ⁶⁶⁰ Допрос С.П.Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.248.
- ⁶⁶¹ Показания С.П.Белецкого // Там же. Т.4. С.459.
- ⁶⁶² *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.173,176.
- ⁶⁶³ Николай II накануне отречения... С.40; *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции... С.162.
- ⁶⁶⁴ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.619; *Иоффе Г.З.* «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // ИЗ. 1984. Т.110. С.109–110.
- ⁶⁶⁵ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.156.
- ⁶⁶⁶ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. // ВИ. 1996. № 8. С.94.
- ⁶⁶⁷ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.219.
- ⁶⁶⁸ Памятная записка. 22 января 1917 г. // РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.52.
- ⁶⁶⁹ Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.57; Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4–5. С.10.
- ⁶⁷⁰ Всеподданнейший доклад И.Г.Щегловитова. Январь 1917 г. // Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.—Л., 1929. С.380.
- ⁶⁷¹ *Рейн Г.Е.* Указ. соч. С.161–162.
- ⁶⁷² И.Г.Щегловитов — Н.Д.Голицыну. 26 января 1917 г. // РГИА. Ф.1148. Оп.10. Д.3. Л.23.
- ⁶⁷³ Переписка правых... // ВИ. 1996. № 8. С.94.
- ⁶⁷⁴ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.223.
- ⁶⁷⁵ Записка князя Долгорукова об оценке кадетами текущего момента // Буржуазия накануне Февральской революции. С.164.
- ⁶⁷⁶ *Редигер А.Ф.* Указ. соч. Т.2. С.439.
- ⁶⁷⁷ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.224.
- ⁶⁷⁸ *Васильчикова Л.Л.* Указ. соч. С.352.
- ⁶⁷⁹ *Ганелин Р.Ш.* Материалы по истории Февральской революции... С.162–163.
- ⁶⁸⁰ Записка, составленная в кружке А.А.Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным // Правые партии. Т.2. С.586–587. См. также: «Сводка общих положений и пожеланий», выработанных членами Главного совета СРН — обновленческого и направленных А.А.Римским-Корсаковым министру внутренних дел А.Д.Протопопову // Там же. С.613.
- ⁶⁸¹ Николай II накануне отречения... С.45; Допрос Н.А.Махлакова. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.288.
- ⁶⁸² Допрос А.Д.Протопопова. 21 июня 1917 г. // Там же. С.275.
- ⁶⁸³ Допрос И.Г.Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Там же. Т.2. С.427. Ср.: *Куликов С.В.* Берлинский «Руль» и Рейхенгалльский съезд (монархическая эмиграция в оценке политических оппонентов) // Русские в Германии (1914–1933). СПб., 1995. С.32.
- ⁶⁸⁴ Допрос С.П.Белецкого. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.248.
- ⁶⁸⁵ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.119.
- ⁶⁸⁶ Историографию проблемы см.: *Петрова Е.Е.* Император Николай II и великокняжеское окружение накануне Февральской революции. Некоторые проблемы историографии // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999.
- ⁶⁸⁷ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.103,149; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.55; *Шереметев С.Д.* Мемуары. М., 2001. С.539,583.
- ⁶⁸⁸ *Андрей Владимирович.* Дневник [бывшего] великого князя Андрея Владимировича. 1915 г. Л.—М., 1925. С.82; Последний временщик последнего царя... // ВИ. 1964. № 10. С.128; *Мосолов*

А.А. Указ. соч. С.92; *Воррес Й.* Последняя великая княгиня // *Ден Л.* Подлинная царица; *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. С.223,268.

⁶⁸⁹ *Воррес Й.* Указ. соч. С.299.

⁶⁹⁰ *Вырубова А.А.* Неопубликованные воспоминания // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С.213; *Шереметев С.Д.* Указ. соч. С.611-612.

⁶⁹¹ Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // КА. 1922. Т.2. С.170; *Демидова С.И.* Из воспоминаний // ГМ. 1923. № 1. С.170; *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т.3. С.284; *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.174. С.78; *Извольский А.П.* Указ. соч. С.17; *Милоков П.Н.* Указ. соч. Т.2. С.75.

⁶⁹² *Святополк-Мирская Е.А.* Дневник княгини Е.А.Святополк-Мирской // ИЗ. 1966. Т.77. С.267. См. также: Великий князь под надзором. Официальная справка // Былое. 1918. № 31. С.56-57.

⁶⁹³ *Святополк-Мирская Е.А.* Указ. соч. С.278-279.

⁶⁹⁴ *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.127; *Толстой И.И.* Дневник. 1906-1916. СПб., 1997. С.405. Ср.: *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.28.

⁶⁹⁵ *Святополк-Мирская Е.А.* Указ. соч. С.267.

⁶⁹⁶ *Извольский А.П.* Указ. соч. С.179; *Александр Михайлович.* Указ. соч. С.123; *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.88.

⁶⁹⁷ *Бобринский А.А.* Дневник // КА. 1928. Т.26. С.140; *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т.1. С.182. См. также: Алфавитный список почетных, непреременных, действительных и недействительных членов, постоянных посетителей и временных членов имп. Санкт-Петербургского Яхт-клуба по 1 мая 1912 г. СПб., 1912.

⁶⁹⁸ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.542; *Лемке М.К.* Указ. соч. С.825; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.313.

⁶⁹⁹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.208-209.

⁷⁰⁰ Дневник императрицы Марии Федоровны // Последние новости (Париж). 1933. 23 июля.

⁷⁰¹ *Андрей Владимирович.* Дневник б[ывшего] великого князя Андрея Владимировича. С.77.

⁷⁰² Там же. С.76; *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.158.

⁷⁰³ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.544; Дневник императрицы Марии Федоровны // Последние новости. 1933. 23 июля.

⁷⁰⁴ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.158.

⁷⁰⁵ *Андрей Владимирович.* Дневник б[ывшего] великого князя Андрея Владимировича. С.76.

⁷⁰⁶ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.544; Письма Д.П.Романова к отцу // КА. 1928. Т.30. С.203.

⁷⁰⁷ *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.314; *Мария Павловна (младшая).* Мемуары. М., 2003. С.194.

⁷⁰⁸ *Андрей Владимирович.* Дневник б[ывшего] великого князя Андрея Владимировича. С.69-70,72; *Николай Михайлович* — Николаю II. 28 апреля 1916 г. // Николай II и великие князья... С.68.

⁷⁰⁹ *Андрей Владимирович.* Дневник б[ывшего] великого князя Андрея Владимировича. С.97.

⁷¹⁰ *Юсупов Ф.Ф.* Указ. соч. С.167.

⁷¹¹ *Брюс Локкарт Р.Г.* Указ. соч. С.148; *Мария Павловна (младшая).* Указ. соч. С.195.

⁷¹² Прогрессивный блок в 1915-1917 гг. // КА. 1932. Т.52. С.147.

⁷¹³ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.26.

⁷¹⁴ *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.135.

⁷¹⁵ Личность Николая II и Александры Федоровны по свидетельствам их родных и близких (газетные материалы) // ИВ. 1917. № 4. С.174-175.

⁷¹⁶ Показания С.П.Белецкого // Падение царского режима. Т.4. С.264.

⁷¹⁷ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.28,29.

⁷¹⁸ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.145.

⁷¹⁹ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.174. С.78.

⁷²⁰ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.28,29.

⁷²¹ Высокие особы в Киеве // Утро России. 1917. 6 января.

⁷²² *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.132.

⁷²³ *Воейков В.Н.* Указ. соч. С.98.

⁷²⁴ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.132.

⁷²⁵ Личность Николая II и Александры Федоровны... С.151.

⁷²⁶ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.112-113,130.

⁷²⁷ *Николай Михайлович* — М.В.Алексееву. 28 марта 1917 г. // РГВИА. Ф.55. Оп.4. Д.1. Л.95.

⁷²⁸ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.10.

⁷²⁹ *Николай Михайлович* — Николаю II. 26 июля и 13 августа 1916 г. // Николай II и великие князья... С.78-79,80.

⁷³⁰ *Николай Михайлович* — Николаю II. 21 сентября 1916 г. // Там же. С.89-90.

⁷³¹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.159.

⁷³² *Бьюкенен Д.У.* Указ. соч. С.179.

⁷³³ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.609; *Николай II* — Александре Федоровне. 9 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.615.

⁷³⁴ *Витенберг Б.М.* Комментарии // *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.305-306.

⁷³⁵ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.13.

⁷³⁶ *Жильяр П.* Указ. соч. С.133.

⁷³⁷ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.610; *Пуришкевич В.М.* Указ. соч. С.84.

⁷³⁸ *Николай Михайлович* — Николаю II. 1 ноября 1916 г. // Николай II и великие князья... С.146.

⁷³⁹ *Николай II* — Александре Федоровне. 5 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.610.

⁷⁴⁰ *Николай Михайлович* — М.В.Алексееву. 28 марта 1917 г. // РГВИА. Ф.55. Оп.4. Д.1. Л.95.

⁷⁴¹ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.611; *Андрей Владимирович.* Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.197.

⁷⁴² *Клячко (Львов) Л.М.* Повести прошлого. С.66.

⁷⁴³ *Николай II* — Николаю Николаевичу. 8 ноября 1916 г. // РГИА. Ф.472. Оп.67. Д.634. Л.79.

⁷⁴⁴ *Брусилов А.А.* Указ. соч. С.256. См. также: *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.203.

⁷⁴⁵ *Георгий Михайлович* — Николаю II. 11 ноября 1916 г. // Николай II и великие князья... С.123.

⁷⁴⁶ Из истории борьбы в верхах... С.179-180.

⁷⁴⁷ Там же. С.170.

⁷⁴⁸ *Александр Михайлович.* Указ. соч. С.154.

⁷⁴⁹ *Врангель Н.А.* Дневник // РГИА. Ф.920. Оп.1. Д.55. Л.17 об.-18.

⁷⁵⁰ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.15.

⁷⁵¹ *Александра Федоровна* — Николаю II. 9 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.614.

⁷⁵² *Теляковский В.А.* Воспоминания. 1898-1917. [СПб., 1924. С.142.

⁷⁵³ *Александра Федоровна* — Николаю II. 10 ноября 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.615.

⁷⁵⁴ К истории последних дней царского режима. С.234.

⁷⁵⁵ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.16. Ср.: К истории последних дней царского режима. С.238.

⁷⁵⁶ М.А.Стахович — О.В.Палей. 12 ноября 1916 г. // ГАРФ. Ф.613. Оп.1. Д.474. Л.15 об.-16.

⁷⁵⁷ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.612; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.239.

⁷⁵⁸ *Палей О.В.* Мои воспоминания о русской революции // Страна гибнет сегодня. С.175.

⁷⁵⁹ *Пуришкевич В.М.* Указ. соч. С.25.

⁷⁶⁰ *Александра Федоровна* — Николаю II. 4, 5 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С.621,624.

⁷⁶¹ Личность Николая II и Александры Федоровны... С.174-175.

⁷⁶² *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.614; «Слава Богу за все». Письма великой княгини Елизаветы Федоровны к императору Николаю II // Источник. 1994. № 4. С.37. Ср.: *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.2. С.21.

⁷⁶³ *Николай II.* Дневники императора Николая II. С.614; *Палей О.В.* Указ. соч. С.175-176.

⁷⁶⁴ *Бьюкенен М.* Мемуары // *Алексеева И.В.* Мириэль Бьюкенен. Свидетельница великих потрясений. СПб., 1998. С.155.

⁷⁶⁵ *Берберова Н.Н.* Люди и ложь. Русские масоны XX столетия. Н. У., 1986. С.41-42.

⁷⁶⁶ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.180.

⁷⁶⁷ *Берберова Н.Н.* Указ. соч. С.41-43. Ср.: «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.16.

⁷⁶⁸ *Милоков П.Н.* Указ. соч. Т.2. С.240.

⁷⁶⁹ *Шульгин В.В.* Указ. соч. С.152-154.

⁷⁷⁰ *Юсупов Ф.Ф.* Указ. соч. С.176,215.

⁷⁷¹ Запись беседы с Н.Д.Соколовым. С.96.

⁷⁷² К истории последних дней царского режима. С.237; *Макалов В.А.* Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина // СЗ. 1928. Т.34. С.265; Письма Д.П.Романова к отцу. С.206. Об убийстве Г.Е.Распутина в контексте великокняжеской фронды см.: *Ананьич Б.В., Фриз Г.Ф.* Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович об убийстве Григория Распутина (1920 г.) // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001; *Куликов С.В.* «Выход один — убить него-дзя» // Родина. 2003. № 7.

⁷⁷³ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.174.

⁷⁷⁴ *Андрей Владимирович.* Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.185-187.

⁷⁷⁵ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.192.

⁷⁷⁶ *Андрей Владимирович.* Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.191.

⁷⁷⁷ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.192. Ср.: *Андрей Владимирович.* Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.189.

⁷⁷⁸ *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М., 1991. С.187.

⁷⁷⁹ *Юсупов Ф.Ф.* Указ. соч. С.220.

⁷⁸⁰ *Гавриил Константинович.* В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб.—Дюссельдорф, 1993. С.210.

⁷⁸¹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.191-192.

⁷⁸² Личность Николая II и Александры Федоровны... С.158.

- ⁷⁸³ *Андрей Владимирович*. Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.187.
- ⁷⁸⁴ *Николай II*. Дневники императора Николая II. С.616; Письмо великого князя Александра Михайловича к Николаю II от 25 декабря 1916 г. — 4 февраля 1917 г. С.334.
- ⁷⁸⁵ *Перетц Г.Г.* Указ. соч. С.10.
- ⁷⁸⁶ К истории последних дней царского режима. С.242.
- ⁷⁸⁷ *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.159.
- ⁷⁸⁸ *Андрей Владимирович*. Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.189.
- ⁷⁸⁹ Там же. С.191.
- ⁷⁹⁰ *Палей О.В.* Указ. соч. С.181; *Гавриил Константинович*. Указ. соч. С.216-217.
- ⁷⁹¹ *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. // *Станкевич В.Б.* Воспоминания 1914–1919; *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С.261.
- ⁷⁹² *Гавриил Константинович*. Указ. соч. С.216-217.
- ⁷⁹³ *Николай Михайлович*. Указ. соч. С.102.
- ⁷⁹⁴ «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.21.
- ⁷⁹⁵ *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел // ОР РНБ. Ф.1000. Оп.2. Д.765. Л.364. Ср.: Николай Михайлович — Николаю II. 28 апреля 1916 г. // Николай II и великие князья... С.69.
- ⁷⁹⁶ *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн.180. С.80-81.
- ⁷⁹⁷ Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4–5. С.17.
- ⁷⁹⁸ *Андрей Владимирович*. Из дневника великого князя Андрея Владимировича... С.192.
- ⁷⁹⁹ Там же. С.190-192.
- ⁸⁰⁰ *Николай Михайлович*. Указ. соч. С.102-103.
- ⁸⁰¹ Донесения Л.К.Куманина... // ВИ. 2000. № 4–5. С.12.
- ⁸⁰² *Войков В.Н.* Указ. соч. С.116.
- ⁸⁰³ *Берберова Н.Н.* Указ. соч. С.41-42.
- ⁸⁰⁴ Николай Михайлович — Николаю II. 28 апреля 1916 г. // Николай II и великие князья... С.68–69; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.135; Т.2. С.223.
- ⁸⁰⁵ *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С.318.
- ⁸⁰⁶ А.И.Гучков рассказывает... // ВИ. 1991. № 7–8. С.211; *Шавельский Г.И.* Указ. соч. Т.1. С.27.
- ⁸⁰⁷ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.175-176.
- ⁸⁰⁸ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.215.
- ⁸⁰⁹ Там же. С.213.
- ⁸¹⁰ *Врангель П.Н.* Указ. соч. Ч.1. С.18.
- ⁸¹¹ *Верховский А.И.* Указ. соч. С.156; *Брусилов А.А.* Указ. соч. С.260; *Лаврычев В.Я.* Указ. соч. С.163.
- ⁸¹² *Родзянко М.В.* Крушение Империи. С.160-161; *Глинка Я.В.* Указ. соч. С.174.
- ⁸¹³ К истории последних дней царского режима. С.244.
- ⁸¹⁴ Михаил Александрович — Николаю II. 19 января 1917 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1301. Л.162.
- ⁸¹⁵ Письма чиновника А.А.Клопова царской семье. С.209.
- ⁸¹⁶ *Николай II*. Дневники императора Николая II. С.621.
- ⁸¹⁷ *Николай Михайлович*. Указ. соч. С.102-103; Александр Михайлович — Николаю Михайловичу. 12 января 1917 г. // Российский императорский дом. С.181.
- ⁸¹⁸ Педжет — Э.Грею. 10 февраля 1917 г. // Константинополь и проливы. В 2-х т. М., 1926. Т.2. С.171; *Александр Михайлович*. Указ. соч. С.221; Александр Михайлович — Николаю Михайловичу. 3 февраля 1917 г. // Российский императорский дом. С.184.
- ⁸¹⁹ Николай II накануне отречения... С.65; *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.195.
- ⁸²⁰ *Вырубова А.А.* Неопубликованные воспоминания. С.211.
- ⁸²¹ *Николай II*. Дневники императора Николая II. С.622. Допрос М.В.Родзянко // Падение царского режима. Т.7. С.163.
- ⁸²² Письмо великого князя Александра Михайловича к Николаю II от 25 декабря 1916 г. — 4 февраля 1917 г. С.333-334.
- ⁸²³ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. С.229-230.
- ⁸²⁴ *Александр Михайлович*. Указ. соч. С.223.
- ⁸²⁵ Александр Михайлович — Николаю Михайловичу. 14 февраля 1917 г. // Российский императорский дом. С.187.
- ⁸²⁶ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.195.
- ⁸²⁷ *Николай II*. Дневники императора Николая II. С.622; Александр Михайлович — Николаю Михайловичу. 14 февраля 1917 г. // Российский императорский дом. С.187.
- ⁸²⁸ Письма чиновника А.А.Клопова царской семье. С.217.
- ⁸²⁹ *Вырубова А.А.* Фрейлина ее величества. С.197.
- ⁸³⁰ Александр Михайлович — Николаю Михайловичу. 14 февраля 1917 г. // Российский императорский дом. С.187-188.
- ⁸³¹ Допрос Д.Н.Дубенского. 9 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т.6. С.386; «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С.23.
- ⁸³² Показания А.Д.Протопопова // Падение царского режима. Т.4. С.24,26; Письма Д.П.Романова к отцу. С.203; *Мосолов А.А.* Указ. соч. С.150-151.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникшее в начале мировой войны «священное единение» власти и оппозиции детерминировало последующие взаимоотношения бюрократической элиты с основными подразделениями правящей элиты старого порядка.

Конкретное выражение «священное единение» нашло в поддержке Совета министров большинством Думы на заседании 26 июля 1914 г. Консолидация власти и оппозиции привела к углублению союза бюрократической элиты с Думой, вызванного переориентацией лояльности сановников с особы монарха на народное представительство.

Другая предпосылка политического перерождения высшей бюрократии — завершение процесса ее социальной эволюции. В результате этого к 1917 г. бюрократическая элита стала частью «служилой» интеллигенции.

Взаимоотношения высшей бюрократии и народного представительства предопределялись как фактом углубления, в путях осуществления курса на «священное единение», союза между ними, так и взглядами парламентаристов и дуалистов — представителей двух течений правительственного либерализма, составлявших его левое и правое крыло.

Парламентаристы были сторонниками ограничения царской власти не только в законодательстве, что предусматривали Основные законы 1906 г., но и в управлении, т.е. парламентаризма, когда монарх царствует, но не правит.

Политический идеал дуалистов допускал ограничение царской власти исключительно в законодательстве, согласно конституционно-дуалистической системе, существовавшей в России в 1906—1917 гг.

Парламентаристы, возглавляемые А.В.Кривошеиным, расценили «священное единение» в качестве предпосылки для парламентаризации верховного управления, конечной целью которой должно было стать установление парламентаризма если не де-юре, то де-факто.

Дуалисты, и прежде всего — Николай II и И.Л.Горемыкин, осуществление курса на «священное единение» видели возможным единственно в рамках дуалистической системы.

В начале войны парламентаристы, при поддержке верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и его сотрудников, обеспечивая массовую базу своей политике, способствовали созданию и функционированию Земского и Городского союзов, а затем — военно-

промышленных комитетов. Политическую солидарность парламентаристов с оппозиционерами, возглавившими эти организации, продемонстрировала массированная финансовая поддержка, полученная ими от казны. С августа 1914 до сентября 1916 г. Земский и Городской союзы получили от Совета министров 553 459 829 рублей. Общие размеры казенных субсидий Земскому союзу за 38 месяцев войны насчитывали не менее 1,5–2 миллиардов рублей. Общественные пожертвования союзам составляли с августа 1914 по сентябрь 1916 г. только 9 650 986 рублей 74 копейки. Благодаря щедрому финансовому покровительству, которое правительство оказывало союзам, они являлись исключительно государственными, а не общественными организациями, числясь таковыми только по названию.

Вместе с тем политика «священного единения» власти с оппозицией, найдя свое воплощение в системе новых организаций, вела к высвобождению общественной инициативы. Она развивалась не столько согласно внутренней логике, сколько в силу воздействия на общество со стороны бюрократической элиты, выступавшей, как это бывало и ранее, в роли некоего демиурга. В аналогичной роли высшая бюрократия предстала и в начале 1915 г., когда парламентаристы приступили к подготовке введения парламентаризма, содействуя обновлению личного состава Совета министров и формированию законодательного большинства радикального толка.

Масштабность уступок оппозиции, на которые пошли лидеры бюрократического либерализма, не позволяет оценивать эти уступки только как последствие признания сановниками необходимости для достижения победы сотрудничества с обществом. Вообще было бы наивно считать одну войну причиной либерализации правительственного курса. Ведь фактор войны использовали для мотивирования своих стратегий и сторонники, и противники уступок. Ссылками на функциональные обстоятельства акторы камуфлировали политические подоплеку.

Уступки бюрократов обществу детерминировались не столько ситуацией военного времени, сколько причиной более глубокого порядка: тем, что сановников и оппозиционеров соединяло нечто общее, а именно — приверженность основополагающим ценностям либеральной идеологии. Приверженность эта приводила к тому, что общественный либерализм оказывался лишь оборотной стороной либерализма правительственного. Впрочем, и наоборот. Именно поэтому появление в августе 1915 г. законодательного большинства в виде Прогрессивного блока, сопровождаемое вступлением императора в верховное главнокомандование, предопределило возрастание политической поляризации внутри бюрократической элиты.

Борьбу между парламентаристами и дуалистами драматизировало то, что уже в августе 1915 г. блок и общественные организации вышли из-под контроля бюрократической группировки, которая их инициировала, и начали превращаться в оппонентов старого порядка, с тем чтобы впоследствии, в феврале 1917 г., подобно Голему, нанести своему творцу смертельный удар.

Парламентаристы, пошедшие на высвобождение общественной инициативы ради предотвращения революции, невольно способствовали ее приближению, доказывая, что революции начинают не революционеры, а контрреволюционеры. «Революции, — писал В.И.Гурко, подразумевая Первую русскую революцию, — неизменно идут сверху и захватывают народные массы лишь впоследствии. Только таким путем совершаются государственные перевороты, столь легко превращающиеся в национальные катастрофы».¹ В еще большей мере это относится ко Второй русской революции. Она началась не в феврале 1917 г., а, по крайней мере, в августе 1915 г., и не внизу, а наверху — внизу она закончилась. Кажущееся начало революции, т.е. выступление народных масс, на самом деле стало ее концом или, во всяком случае, последующим этапом.

Отчего же попытка парламентаристов расковать общественную инициативу закончилась неудачей? Причина этого — низкий уровень политической культуры российского общества, выразившийся в непримиримости лидеров оппозиции. Даже в годы беспримерной мировой войны они, как и во время Первой революции, рассматривали всю бюрократическую элиту в качестве противника, а не союзника. В России начала XX в. оппозиция была внесистемной. Свойственное П.Н.Милюкову и А.И.Гучкову, знаковым фигурам общественного либерализма, неприятие компромисса с высшей бюрократией как основного средства не только тактики, но и стратегии, свидетельствовало об их политической незрелости. «Чисто отрицательное отношение к правительству, систематическая оппозиция — признак детства политической мысли», — писал апостол российского либерализма Б.Н.Чичерин.²

Видя в компромиссе средство для достижения не союза с оппонентами, царскими бюрократами, а полной победы над ними, лидеры Прогрессивного блока, считавшие себя либералами, забыли слова Б.Н.Чичерина, что «умеренность, вообще, составляет первое требование здоровой политики».³ Преисполненные максимализмом, они забыли и то, что для свободы «нет ничего гибельнее преждевременных попыток к ее водворению», а потому либерализм «умеренный», «старющийся не только заслужить доверие общества, но и поладить с правительством, вернее достигнет цели».⁴

В отличие от оппозиционеров, Николай и бюрократы выказали почти безграничное стремление к соглашению с оппонентами. Говоря словами Г.Моски, высшая царская бюрократия, как и всякая другая элита, клонящаяся к упадку, была «элитой лис», а не «львов». Поведение представителей бюрократической элиты, в том числе и царя, детерминировала более высокая, по сравнению с оппозиционерами, степень политической зрелости и вестернизированности. Лидеры оппозиции, при внешней, подчас эффектной, приверженности модернизации, оставались носителями патриархальной, славяно-азиатской ментальности, проявляя стойкое доктринерство и иррациональную тягу к анархии. «Пугачевыми из университета» стали не только В.И.Ленин и А.Ф.Керенский, но также П.Н.Милюков и А.И.Гучков. Лидеры же бюрократии с монархом во главе, будучи по форме традиционалистами, являлись по сути истинными западниками, демонстрируя трезвый прагматизм и рациональное пове-

дение. Поэтому царь и его сотрудники и шли на соглашение с оппозицией, несмотря на нарастание ее непримиримости.

Переоценивая политическую зрелость оппозиционеров, парламентаристы выступали за соглашение с Прогрессивным блоком на его условиях, которые подразумевали немедленное введение парламентаризма де-факто путем образования «министерства доверия».

Дуалисты, в том числе Николай, также выступали за соглашение с блоком, но находили, что оно должно базироваться на Основных законах, т.е. на сохранении дуалистической системы.

Политическая поляризация, захватившая бюрократическую элиту, привела к обострению борьбы между парламентаристами и дуалистами в Совете министров и Государственном совете.

Филиалом оппозиции в кабинете являлась прогрессивная группа, члены которой идентифицировали себя не столько с монархом и правительством, сколько с блоком. Министрами-оппозиционерами с августа 1915 по февраль 1917 г. были 17, а их оппонентами — 14 человек. На фоне общей численности сановников, имевших министерские портфели в указанный период, парламентаристы составляли более половины. Доминирование группы над ее оппонентами свидетельствовало о наличии у Николая, сознательно сохранявшего в кабинете сторонников оппозиции, стремления к соглашению с ней. Функционирование группы стало предпосылкой того, что в августе 1915 — феврале 1917 г. взаимоотношения правительства и Думы в большей степени соответствовали не дуалистической, а парламентарной системе.

Многочисленных сторонников Прогрессивный блок имел не только в Совете министров, но и в назначенной части Государственного совета. Благодаря позиции лордов законодательный процесс накануне Февральского переворота фактически протекал не в двух-, а в однопалатном режиме. Сохранение Николаем за большинством сторонников блока статуса присутствующих также свидетельствовало о наличии у царя стремления к соглашению с оппозицией. Поскольку, однако, он хотел достигнуть этого в рамках Основных законов, не предусматривавших функционирования парламентарной системы, введение которой было целью Прогрессивного блока, политика царя по отношению к блоку лишь усиливала настойчивость оппозиционеров. Не встречая однозначного отпора своим вождям, они надеялись на то, что еще совсем немного — и дарование власти «министерства доверия» станет явью.

Разочарование вождей блока уступками, делавшимися Николаем исключительно в духе Основных законов, отбрасывало их налево, одновременно способствуя поляризации внутри бюрократической элиты. Впрочем, из-за того, что парламентаристы и дуалисты были представителями двух течений внутри одного феномена, правительственного либерализма, их противостояние не могло оказаться и, в конце концов, не стало необратимым. Наоборот, на протяжении конца 1915—1916 г. дуалисты, политическая тактика которых отличалась прагматизмом, при воплощении курса на «священное единение» подпадали под влияние парламентаристской трактовки упомянутого курса. Особенно рельефно это сказа-

лось на политике, проводившейся такими умеренными дуалистами, как А.Н.Хвостов и Б.В.Штюмер.

Полевение дуалистов обуславливалось и безусловной поддержкой, которую оказывал парламентаристам и лидерам оппозиции начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М.В.Алексеев.

Осенью 1916 г., по сравнению с летом 1915 г., намного большее значение приобрела политическая поляризация внутри не правительственного либерализма в целом, а его правого крыла. Она нашла свое выражение в солидаризировании дуалистов с оппозицией по вопросу о необходимости выхода в отставку управляющего МВД А.Д.Протопопова. Решение этого вопроса согласно желанию Прогрессивного блока было бы шагом на пути к парламентаризации верховного управления. В конце 1916 — начале 1917 г. ее необходимость признавали не только парламентаристы Совета министров и Государственного совета, представители императорской фамилии и Ставка, но и умеренные дуалисты — премьеры А.Ф.Трепов и князь Н.Д.Голицын, выступавшие за фактическое введение парламентаризма хотя бы на время.

В результате политической поляризации, которая восторжествовала в лагере дуалистов на рубеже 1916—1917 гг., возможность установления парламентаризма оказалась вероятной как никогда. Предпосылкой парламентаризации верховного управления было наметившееся в годы войны возрастание удельного веса народного представительства, причем изменение его статуса явилось итогом углубления союза между Думой и бюрократической элитой. Самым ярким показателем этого стало обстоятельство, связанное с тем, что накануне падения старого режима логику правительственного курса предопределяла программа Прогрессивного блока.

В порядке управления и законодательства царь и правительство при поддержке лордов полностью или частично выполнили большинство пунктов программы. Наиболее важные преобразования, совершенные властью в соответствии с пожеланиями оппозиции, составили внушительный список: установление трезвости, ликвидация немецкого землевладения с целью льготного наделения землей крестьян, отличившихся на войне, частичная политическая амнистия, разработка конституции автономной Польши, снятие правовых ограничений с поляков, отмена процентной нормы для евреев, поступающих в вузы и в адвокаты, и черты еврейской оседлости, улучшение материального положения почтово-телеграфных служащих, упразднение «административной гарантии», подоходный налог, реформа Сената, устав о ревизии. Пожеланиям оппозиции соответствовало образование Особых совещаний по беженцам, обороне, перевозкам, продовольствию и топливу и финансово-экономической комиссии.

Наконец, именно ради компромисса с Прогрессивным блоком власть инициировала подготовку законопроектов о крестьянском равноправии, создании волостного земства, демократизации городского и земского положений, распространении земских учреждений, кооперативных организаций, реформе средней школы, новом университетском уставе, введении всеобщего и обязательного обучения, административной децентрализации империи, судебной ответственности министров.

Таким образом, Николай не только не был антагонистом оппозиции, но и предпринимал реальные усилия для достижения компромисса с ней. Поскольку, однако, поддержание «священного единения» царь находил необходимым на условии сохранения хотя бы до окончания войны дуалистической системы, единственным невыполненным пожеланием Прогрессивного блока вплоть до февраля 1917 г. оставался пункт о создании «министерства доверия».

Тем не менее, противясь установлению прямого влияния народного представительства на формирование правительства, т.е. парламентаризма, Николай сознательно и систематически допускал косвенное влияние законодательных палат в этой области. Не случайно, что из 24 назначений на министерские посты, совершенных после образования Прогрессивного блока, 15 связаны с появлением у власти законодателей, в том числе членов Прогрессивного блока — 4, Думы — 2, Государственного совета по выборам — 1, по назначению — 12.

Впрочем, современники и исследователи объясняли все эти кадровые перемены усилением влияния на верховное управление камарильи, т.е. императрицы Александры Федоровны, старца Г.Е.Распутина и лиц из их окружения. Отрицать попытки камарильи влиять на верховное управление, и в частности на назначение министров, неверно. Вопрос, однако, заключается не в том, были эти попытки или нет, а в том, насколько они являлись результативными.

За период с сентября 1915 по февраль 1917 г. произошло 24 назначения на посты министров. Четверть из этих назначений (6) встретила отрицательную реакцию Александры Федоровны и Г.Е.Распутина. О целесообразности 10 назначений, т.е. менее половины, царица ничего не написала накануне их совершения. Очевидно, что к этим кадровым переменам Александра Федоровна и Г.Е.Распутин были непричастны. Следовательно, к большинству назначений периода «министерской чехарды» (две трети) царица и старец либо относились отрицательно, либо не имели никакого отношения. Причастность Александры Федоровны и Г.Е.Распутина к оставшимся 8 назначениям состояла в том, что оба они вторили сделанному ранее и независимо от них личному выбору монарха, когда кто-либо оспаривал этот выбор.

Если под кандидатами «безответственных влияний» понимать сановников, найденных императрицей и старцем и назначенных по их рекомендации, то среди министров такие кандидаты отсутствовали. Из 39 и 53 сановников, получивших за время войны посты товарищей министров и членов Государственного совета, кандидатами императрицы были, соответственно, один и два человека. Кандидатом старца являлся один губернатор из 78 губернаторов, назначенных за войну. Представление о всемогущих «безответственных влияниях» было не чем иным, как мифом. Обострение внутривластной ситуации придало ему форму классического массового психоза.

Главная причина «министерской чехарды» — влияние не «темных сил», а народного представительства. «Министерская чехарда» стала не чем иным, как формой согласования кадровой политики Николая с законо-

дательными палатами, но такого согласования, которое, не ведя к установлению парламентаризма, протекало в рамках дуалистической системы. Тасуя министров, Николай пытался создать свой вариант «министерства доверия», альтернативный предлагавшемуся оппозицией. По причине этого характерная для периода войны практика формирования Совета министров если и не приводила к установлению парламентарной системы, то, по крайней мере, содержала в себе несравнимо больше элементов парламентаризма, чем до войны.

Итак, два с половиной года, предшествовавшие февралю 1917 г., отмечены преобразовательной деятельностью правительства, которая по своей интенсивности является беспрецедентной даже в ряду предшествовавших реформаторских эпох. Поэтому к периоду мировой войны приложимо мнение П.Б.Струве, что в «деяниях» русской монархии «гораздо больше от здравых и прогрессивных начал французской революции, чем во всей русской революции».⁵

Вплоть до февраля 1917 г. либеральные реформы, проводившиеся царем и бюрократами, способствовали модернизации российской жизни. По свидетельству датчанина К.А.Кофода, при царизме «население в целом никоим образом не было поработлено; в старой России жили свободно... Царскую Россию можно считать раем по сравнению с любой другой европейской диктаторской страной, появившейся между двумя мировыми войнами».⁶

И если революция все же произошла, то не потому, что либеральные реформы не проводились, а именно потому, что они проводились. Их осуществление царем и бюрократами, а не лидерами оппозиции, лишало последних возможности для самореализации, а значит — и смысла их бытия. Причиной конфликта между властью и обществом, а тем самым — и революции, стала борьба за лидерство в реформаторском процессе, или, говоря словами П.Бурдьё, за монополию символической номинации. Понимая, что этой монополии не добиться в рамках политического поля старого порядка, лидеры оппозиции в сентябре 1915 г. сделали ставку на сотрудничество с революционерами и подготовку переворота. Его победа в марте 1917 г., затормозив на десятки лет осуществление либеральных реформ, оказалась не причиной, а следствием, вернее — лишь издержкой, реформаторского процесса.

Борьба за монополию символической номинации привела к кардинальной перегруппировке, затронувшей, помимо бюрократической элиты, интегрирующего элемента политической системы старого порядка, монарха, императорскую фамилию, Ставку, народное представительство и общественные организации.

В довоенный период народное представительство имело против себя коалицию монарха, императорской фамилии и бюрократической элиты. В годы войны, вследствие позиции, занятой политически активной частью бюрократии, новая, более мощная коалиция, нацеленная на введение парламентаризма и соединившая, в рамках «священного единения», высшую бюрократию, императорскую фамилию, Ставку, народное представительство и общественные организации, противостояла теперь уже

монарху. Противясь немедленному установлению парламентаризма, царь оказался вне этого единения. Результатом такой кардинальной перегруппировки стало то, что накануне Февральского переворота Николай находился в изоляции, что предопределило его поражение.

Дистанцируясь как от левых, так и от правых сановников, надеясь на то, что политика «золотой середины» удовлетворит всех, Николай не устраивал никого: либералам он казался недостаточно либеральным, консерваторам — недостаточно консервативным. Неприятие курса верховной власти переросло в острое недовольство личностью ее носителя, повально захватившее представителей не только либерального, но и консервативного крыла бюрократической элиты.

Степень оппозиционности царских сановников переоценивать не приходится. Будучи направленной не против монархического принципа, а против конкретных личностей, его воплощавших, оппозиционность эта стала следствием не столько идейного перерождения, сколько внешней реакции на внешнее же обстоятельство — обострение внутривластного кризиса. Однако в конкретных условиях конца 1916 — начала 1917 г. разрушительным потенциалом обладала не только пассивная оппозиционность, но даже и безобидная аполитичность. Несмотря на всю свою случайность и даже эфемерность, оппозиционность, охватившая политически активную часть бюрократической элиты, привела к отнюдь не эфемерному итогу — к изоляции монарха. «Вокруг престола, — писал по этому поводу А.Н.Яхонтов, — образовывалась атмосфера отчужденности и даже враждебности».⁷

Быстрое забвение представителями бюрократической элиты верноподданнического долга совсем не удивительно. К началу 1917 г. степень бюрократизации государственной власти Российской империи была высока настолько, что высшая бюрократия стала самодостаточной по отношению к императору. Не она зависела от него, а он зависел от нее. Поэтому после разрыва царя с парламентаристами (август—сентябрь 1915 г.) и дуалистами (ноябрь—декабрь 1916 г.), уход Николая с политической арены, в форме ли превращения его в декоративного парламентарного монарха или экс-императора, оставался лишь вопросом времени. Таким образом, еще до революции высшая бюрократия нанесла старому порядку удар едва ли не более роковой, чем революция.

Действительно, главной причиной падения монархии были противоречия не внутри общества и между ним и властью, но внутри нее самой. Без обострения этих противоречий Февральский переворот 1917 г. потерпел бы поражение либо победил намного позже.⁸ Как отмечал Е.В.Тарле, «компромиссная форма правления, которая существовала в России с 17 октября 1905 г., вовсе не должна была при всяких обстоятельствах безусловно погибнуть 2 марта 1917 г. и так именно погибнуть, как она погибла».⁹

Несмотря на наблюдавшееся в 1905—1907 гг. крайнее обострение противоречий внутри общества и между ним и властью, именно потому, что последняя осталась относительно консолидированной, натиск на нее революции, хотя и не без напряжения всех правительственных сил, царский режим успешно отбил. Однако стоило к вызванному поражениями

лета 1915 г. крайнему обострению противоречий внутри общества и между ним и властью присоединиться политическому расколу внутри нее самой, как старый порядок почти сразу рухнул.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С.501.

² Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С.48.

³ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. В 3-х ч. М., 1898. Ч.3. Политика. С.475.

⁴ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С.785.

⁵ Струве П.Б. Понимание революции и возрождение духа // Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С.440.

⁶ Кофод К. 50 лет в России. 1878—1920. М., 1997. С.255.

⁷ А.Н.Яхонтов — С.Е.Крыжановскому. 31 мая 1924 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н.Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С.476.

⁸ О бюрократической элите в дни Февральского переворота и в эпоху Временного правительства см.: Куликов С.В. Причины «переотречения» Николая II // Россия в 1917 г. Новые подходы и взгляды: Сб. науч. ст. СПб., 1994. Вып.3; он же. Совет министров в дни Февральской революции // Революция 1917 г. в России. Сб. науч. ст. СПб., 1995; он же. Временное правительство: кадровые перестановки (март—октябрь 1917) // ИГВ. 1996. Вып.7; он же. Временное правительство и высшая царская бюрократия // ОИ. 1999. № 4; он же. Временное правительство в 1917 году /Guest ed. S.M.Lyandres. Idyllwild, 1998 (The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol.24, № 1—2).

⁹ Тарле Е.В. Германская ориентация и П.Н.Дурново в 1914 г. // Былое. 1922. № 19. С.161-162.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

I.I Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации

- Ф.579 (П.Н.Милоков)
- Ф.582 (А.Д.Протопопов)
- Ф.601 (Николай II)
- Ф.613 (О.В.Палей)
- Ф.627 (Б.В.Штюрмер)
- Ф.629 (А.В.Тыркова)
- Ф.1001 (А.А.Мосолов)
- Ф.1463 (Коллекция отдельных документов личного происхождения)
- Ф.1467 (Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства)
- Ф.Р-324 (С.Г.Сватиков)

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

- Ф.12 (Араповы)
- Ф.15 (П.А.Базилевский)

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

- Ф.1000 (Отдельные поступления)
- Ф.1052 (Б.А.Энгельгардт)

Петербургский филиал архива Российской Академии наук

- Ф.297 (А.В.Ивановский)

Российский государственный архив военно-морского флота

- Ф.32 (Е.И.Алексеев)

Российский государственный архив литературы и искусства

- Ф.389 (С.Д.Протопопов)
- Ф.1208 (Л.М.Клячко (Львов))

Российский государственный военно-исторический архив

- Ф.55 (М.В.Алексеев)
- Ф.80 (М.К.Марченко)
- Ф.276 (В.Н.Орлов)

Российский государственный исторический архив

- Ф.381 (Канцелярия министра земледелия)

- Ф.472 (Канцелярия Министерства двора)
- Ф.516 (Камер-фурьерские журналы)
- Ф.525 (Канцелярия Александры Федоровны)
- Ф.651 (Васильчиковы)
- Ф.669 (И.С.Клюжев)
- Ф.696 (Толстые)
- Ф.899 (Бобринские)
- Ф.919 (Воронцовы-Дашковы)
- Ф.920 (Н.А.Врангель)
- Ф.954 (Фон Кауфманы)
- Ф.1044 (Сабуровы)
- Ф.1062 (М.А.Таубе)
- Ф.1093 (П.Е.Щеголев)
- Ф.1099 (А.А.Клопов)
- Ф.1129 (В.Т.Шевяков)
- Ф.1148 (Общее собрание Государственного совета)
- Ф.1162 (Государственная канцелярия)
- Ф.1276 (Совет министров)
- Ф.1278 (Государственная дума)
- Ф.1282 (Канцелярия министра внутренних дел)
- Ф.1284 (Департамент общих дел Министерства внутренних дел)
- Ф.1328 (Дворцовый комендант)
- Ф.1343 (Департамент герольдии Сената)
- Ф.1409 (Собственная его величества канцелярия)
- Ф.1412 (Канцелярия по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых)
- Ф.1542 (Шаховские)
- Ф.1544 (Совещания, образованные при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях)
- Ф.1571 (А.В.Кривошеин)
- Ф.1576 (С.В.Рухлов)
- Ф.1617 (М.М.Андроников)
- Ф.1626 (И.Л.Горемыкин)
- Ф.1629 (И.Я.Гурлянд)
- Ф.1642 (А.Н.Куломзин)
- Ф.1650 (Оболенские)

I.II Опубликованные источники

I.II.I Законодательные и нормативные документы

Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. В 2-х т. Пг., 1915–1916. Т.1–2.

Государственный строй Российской империи накануне крушения: Сб. законодательных актов /Сост. Г.А.Кутыина и О.И.Чистяков. М., 1995.

Именной высочайший рескрипт председателю Совета министров князю Н.Д.Голицыну // Правительственный вестник. 1917. 6 января.

Российское законодательство X–XX вв. /Под ред. О.И.Чистякова. В 9-ти т. М., 1994. Т.9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций.

I.П.П. Делопроизводственные источники

А.Ф.Керенский в борьбе за Учредительное собрание в 1915 г. (Доклад директора Департамента полиции от 18 августа 1915 г.) // ГМ. 1918. № 10–12. С.236.

Александр-Невская лавра накануне свержения самодержавия /Публ. Е.Н.Чернявского. // КА. 1936. Т.77. С.200–211.

Арест думской «пятерки» в 1914 г. /Публ. А.Е.Бадаева, И.Гейцмана, И.Дистлера, А.Свидерского и А.Спирова // КА. 1934. Т.64. С.31–51.

Буржуазия накануне Февральской революции /Под ред. Б.Б.Граве. М.—Л., 1927.

В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А.Д.Протопопова /Публ. П.Е.Щеголева // Былое. 1918. № 13. С.91–123.

В конце 1916 г. /Публ. П.Е.Щеголева // Былое. 1918. № 30. С.148–156.

Великий князь под надзором. Официальная справка // Былое. 1918. № 31. С.56–57.

Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г. /Публ. А.А.Сергеева // КА. 1925. Т.9. С.56–65.

Всепопданнейшие записки Б.В.Штюмерера. 1916 г. /Публ. М.В.Плаксы // ИА. 1994. № 6. С.52–67.

Всепопданнейший доклад министра внутренних дел П.Д.Святополк-Мирского 24 ноября 1904 г. /Публ. В.Л.Степанова // Река времен: Книга истории и культуры. М., 1996. Кн.5. С.216–262.

Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным за время с 1-го января 1915 г. по 8-е февраля 1916 г. // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии /Сост. А.В.Кочетов. М., 1990. С.266–280.

Г.Е.Распутин глазами официальных властей /Ввод. ст., подгот. текста и комм. С.Л.Фирсова // РП. 1996. Кн.6. С.131–147.

Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Пг., 1914–1917.

Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты /Под ред. В.Д.Карповича. В 4-х т. М., 1995. Т.4.

Государственный совет. Стенографические отчеты. Пг., 1916.

Дело Менделя Бейлиса. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве /Публ. Р.Ш.Ганелина, В.Е.Кельнера, И.В.Лукьянова и Г.М.Резника. СПб., 1999.

Дневник Министерства иностранных дел за 1915–1916 гг. /Публ. А.Л.Попова // КА. 1928. Т.31. С.3–50.

Донесения Л.К.Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 г. /Публ. Б.Д.Гальпериной и В.В.Поликарпова // ВИ. 2000. № 2. С.3–32; № 3. С.3–31; № 4–5. С.3–27; № 6. С.3–31.

Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915–1917 гг. /Публ. С.В.Воронковой, В.А.Емца, Д.А.Колесниченко, Т.Д.Крупиной, Л.Я.Сает, К.Н.Тарновского и В.В.Шелухаева. М., 1975–1978.

Записка Шванебаха. Июнь 1906 г. // ГМ. 1923. № 2. С.39–42.

Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. /Публ. В.В.Поликарпова // ВИ. 1998. № 11–12. С.10–48.

Иностранные дипломаты о революции 1917 г. /Публ. А.Л.Попова // КА. 1927. Т.24. С.108–163.

Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы /Вступ. ст., подгот. текста и комм. С.В.Куликова // Нестор (СПб.—Кишинев). 2004. № 4. С.29–64.

Интересная находка /Публ. А.Л.Сидорова // ВИ. 1964. № 4. С.94–117.

К истории гвоздевицы («Бюллетени» Рабочей группы ЦВПК) /Публ. И.А.Меницкого // КА. 1934. Т.67. С.28–92.

К истории манифеста 6 августа 1905 г. /Публ. А.П.Чулошников // КА. 1926. Т.14. С.262–270.

Кадеты в дни Галицийского разгрома 1915 г. /Публ. Н.А.Лапина // КА. 1933. Т.59. С.110–144.

Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел /Под ред. М.Н.Покровского. В 2-х т. М., 1926. Т.2.

Международные отношения в эпоху империализма /Публ. Э.С.Альтшулер, Е.М.Глязер и Л.А.Телешевой. М., 1938. Сер. 3. Т.10.

Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы /Под ред. В.П.Семенникова. М.—Л., 1927.

Николай II накануне отречения: камер-фурьерские журналы (декабрь 1916 – февраль 1917 гг.) /Публ. Б.Д.Гальпериной и В.И.Старцева. СПб., 2001.

Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. /Ввод. ст., подгот. текста и комм. С.В.Куликова // РП. 1998. Кн.8. С.91–164.

Общее положение к июлю 1916 г. Записка Департамента полиции /Публ. П.Е.Щеголева // Былое. 1918. № 31. С.24–30.

Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. /Публ. А.П.Корелина. В 3-х т. М., 2001. Т.1. 1906–1908 гг.; 2001. Т.2. 1909–1912 гг.; 2003. Т.3. 1913–1916 гг.

Особые журналы Совета министров царской России. 1906–1910 гг. /Публ. Б.Д.Гальпериной и В.В.Шелухаева. М., 1982–2001.

Отчет о торжественном заседании Центрального военно-промышленного комитета 8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы. Пг., 1917.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства /Под ред. П.Е.Щеголева. В 7-ми т. М.—Л., 1924–1927. Т.1–7.

Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы 1906–1916 гг. /Публ. Н.Б.Хайловой. М., 2002.

Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК /Публ. Д.Б.Павлова. В 2-х т. М., 1996–2000. Т.1–2.

Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пг., 1917.

Подкуп «Нового времени» царским правительством /Публ. В.П.Алексеева // КА. 1927. Т.21. С.223–226.

Полный сборник платформ всех русских политических партий. М., 2001.
 Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) /Публ. А.Л.Сидорова // ВИ. 1964. № 10. С.117-135; № 12. С.90-103; 1965. № 1. С.98-110; № 2. С.103-121.

Правые партии: Документы и материалы /Публ. Ю.И.Кирьянова. В 2-х т. М., 1998. Т.1-2.

Провал попытки Ставки подавить Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде /Публ. А.Л.Сидорова // ВА. 1962. № 1. С.101-109.

Прогрессивный блок в 1915-1917 гг. /Публ. Н.А.Лапина // КА. 1932. Т.50-51. С.117-160; Т.52. С.143-196; 1933. Т.56. С. 80-135.

Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии /Публ. Д.Б.Павлова. В 6-ти т. М., 1998. Т.3. 1915-1920 гг.

Распутин в Москве в 1915 г. (Из дел московской «охранки») // Утро России. 1917. 9 марта.

Революционное движение в войсках во время мировой войны /Публ. В.И.Дзюбинского // КА. 1923. Т.4. С.417-424.

Рептильный фонд 1914-1916 гг. /Публ. И.И.Тоболина // КА. 1925. Т.10. С.332-342.

Русско-польские отношения в период мировой войны. М., 1925.

Совет министров Российской империи 1905-1906 гг.: Документы и материалы /Сост. С.С.Атапин и Б.Д.Гальперина; Отв. ред. Р.Ш.Ганелин. Л., 1990.

Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н.Яхонтова (записи заседаний и переписка) /Публ. Р.Ш.Ганелина, С.В.Куликова, В.В.Лапина и М.Ф.Флоринского. СПб., 1999.

Совещание губернаторов в 1916 г. // КА. 1929. Т.33. С.145-169.

Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919-1922 гг. /Сост. Л.А.Лыкова // РА. М., 1998. Т.8. С.5-462.

Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. /Под ред. Е.Н.Чернявского. М.-Л., 1929.

Ставка и Министерство иностранных дел /Публ. М.Н.Покровского и А.Л.Попова // КА. 1928. Т.27. С.3-57; Т.29. С.1-54.

Тактика высшего командования в Февральскую революцию /Публ. С.И.Рабиновича // КА. 1929. Т.36. С.212-215.

Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля - 2 сентября 1915 г.) /Сост. А.Н.Яхонтовым, б[ывшим] помощником управляющего делами Совета министров, на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам // АРР. 1926. Т.18. С.5-136.

Царскосельские совещания. Протоколы Секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов /Публ. В.В.Водовозова // Былое. 1917. № 4. С.183-245.

Царскосельские совещания. Протоколы Секретного совещания под председательством бывшего императора по вопросу о расширении избирательного права /Публ. В.В.Водовозова // Былое. 1917. № 3. С.217-234.

І.ІІ.ІІІ Дневники и мемуары

А.И.Гучков рассказывает... /Публ. С.М.Ляндреса и А.В.Смолина // ВИ. 1991. № 7-8. С.191-216; № 9-10. С.186-211; № 11. С.178-195.

Акаемов Н.Ф. В преддверии революции // ИВ. 1917. № 7-8. С.146-156.
 Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991.

Андрей Владимирович. Дневник б[ывшего] великого князя Андрея Владимировича. 1915 г. /Под ред. В.П.Семенникова. Л.-М., 1925.

Андрей Владимирович. Из дневника великого князя Андрея Владимировича Романова за 1916-1917 гг. // КА. 1928. Т.26. С.185-210.

Бальц В.А. Суд над первым Советом рабочих депутатов (Воспоминания прокурора) // «Былое»: неизданные номера журнала /Сост. Ф.М.Лурье. В 2-х кн. Л., 1991. Кн.1. С.61-78, 139-152; Кн.2. С.80-105.

Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1965. Кн.167. С.83-93; Кн.168. С.86-95; 1966. Кн.169. С.71-88; Кн.170. С.96-106; Кн.172. С.84-99; Кн.173. С.96-109; Кн.175. С.65-78; Кн.176. С.82-101; Кн.177. С.98-111; Кн.178. С.95-108; Кн.179. С.98-111; Кн.180. С.69-84; 1967. Кн.182. С.89-102.

Барк П.Л. Глава из воспоминаний [О Николае II] // Возрождение. 1955. Тетр.43. С.6-27.

Барсуков Е.З. Справка по поводу записки от 15 июня 1916 г. генерала Алексева царю о верховном министре государственной обороны // Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. В 2-х т. М.-Л., 1930. Т.2. С.335-339.

Бартенев А.Н. На фронте артиллерийского снабжения // Былое. 1925. № 34. С.147-191.

Беннигсен Э.П. Первые дни Февральской революции // Возрождение. 1954. Тетр.33. С.114-131.

Бобринский А.А. Дневник (1910-1911 гг.) /Публ. М.Н.Мурзановой // КА. 1928. Т.26. С.127-150.

Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990.

Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А.Столыпине. Нью-Йорк, 1953.

Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963.

Брюс Локкарт Р.Г. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991.

Бубнов А.Д. В Царской ставке. СПб., 1995.

Бурыйшкін П.А. Москва купеческая. М., 1991.

Бьюкенен Д.У. Мемуары дипломата. М., 1991.

Бьюкенен М. Мемуары // Алексеева И.В. Мириэль Бьюкенен. Свидетельница великих потрясений. СПб., 1998. С.20-245.

Бюлов Б., фон. Воспоминания. М.-Л., 1935.

Вакар Н.П. Игорь Платонович Демидов (Жизнь и смерть) // НЖ. 1947. Кн.16. С.275-283.

Васильчикова Л.Л. Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Л.Л.Васильчиковой. 1886-1919. СПб., 1995.

Вельяминов Н.А. Воспоминания Н.А.Вельяминова о Д.С.Сипягине /Публ. О.Ю.Щербаковой // РА. М., 1995. Т.6. С.377-392.

Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959.

Вильчковский С.Н. Пребывание Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. (беседа с генералом С.Н.Вильчковским) // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы /Под ред. П.Е.Щеголева. Л., 1927. С.146-168.

Винберг Ф.В. Крестный путь. Мюнхен, 1922. Ч.1. Корни зла.

Витте С.Ю. Воспоминания /Под ред. А.Л.Сидорова. В 3-х т. М., 1960. Т.1—3.

Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II В.Н.Воейкова. М., 1994.

Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993.

Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2-х т. М., 1992. Т.1—2.

Вонлярлярский В.М. Мои воспоминания. 1852—1939. Берлин, б.г.

Воррес Й. Последняя великая княгиня // *Ден Л.* Подлинная царица;

Воррес Й. Последняя великая княгиня. М., 1998. С.162-403.

Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 — ноябрь 1920 г. В 2-х ч. М., 1995. Ч.1.

Встреча в Ставке. Николай II и А.Д.Самарин. Июнь 1915 г. /Публ. М.И.Чернова // ИА. 1996. № 2. С.176-186.

Вырубов В.В. Воспоминания о корниловском деле /Публ. Н.В.Вырубова // Минувшее. М.—СПб., 1993. Вып.12. С.7-27.

Вырубова А.А. Неопубликованные воспоминания // Николай II: Воспоминания. Дневники /Сост. Б.В.Ананьич и Р.Ш.Ганелин. СПб., 1994. С.173-232.

Вырубова А.А. Страницы из моей жизни // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. /Сост. С.М.Исхаков. М., 1991. С.216-230.

Вырубова А.А. Фрейлина ее величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990.

Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб.—Дюссельдорф, 1993.

Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991.

Гессен И.В. Беседа с А.Н.Хвостовым в феврале 1916 г. // АРР. 1923. Т.12. С.76-82.

Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // АРР. 1937. Т.22. С.5-424.

Гиппиус З.Н. Живые лица // *Гиппиус З.Н.* Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С.7-160.

Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917: Дневник и воспоминания /Вступ. ст., подгот. текста и комм. Б.М.Витенберга. М., 2001.

Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения /Публ. Д.Дейли и З.И.Перегудовой // ВИ. 2002. № 7. С.101-122; № 8. С.59-87; № 9. С.60-77.

Головин Ф.А. Николай II // Николай II: Воспоминания. Дневники /Сост. Б.В.Ананьич и Р.Ш.Ганелин. СПб., 1994. С.79-96.

Григоревич И.К. Воспоминания бывшего морского министра /Публ. И.Ф.Цветкова. СПб., 1993.

Гурко В.И. Царь и царица. Киров, 1991.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника /Публ. Н.П.Соколова. М., 2000.

Гучков А.И. Из воспоминаний А.И.Гучкова // Подвиг. М., 1991. Вып.38. С.217-234.

Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской монархии. М., 2000.

Демидова С.И. Из воспоминаний С.И.Демидовой // ГМ. 1923. № 1. С.161-174.

Демкин Д.И. Петроградская городская дума в первые дни смуты // РЛ. 1924. Кн.6. С.141-158.

Ден Л. Подлинная царица // *Ден Л.* Подлинная царица; *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. М., 1998. С.5-162.

Деникин А.И. Очерки русской смуты // ВИ. 1990. № 3. С.120-152.

Джанумова Е.Ф. Мои встречи с Распутиным. Пг.—М., 1923.

Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2-х т. М., 1997. Т.1—2.

Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914—1918 гг.). Орел, 1994.

Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы /Под ред. П.Е.Щеголева. Л., 1927. С.37-84.

Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России // Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С.346-468.

Евлогий (Георгиевский В.С.). Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т.Манухиной. М., 1994.

Егорьев В.Н. Из больших знакомств // ВИЖ. 1991. № 9. С.74-84.

Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996.

Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора св. Синода князя Н.Д.Жевахова. В 2-х т. М., 1993. Т.1—2.

Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 г.). По личным воспоминаниям П.Жильяра, бывшего наставника наследника цесаревича Алексея Николаевича. Вена, 1921.

Жуковская В.А. Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине 1914—1916 гг. /Публ. Т.Латыповой // РА. М., 1992. Т.2—3. С.252-317.

Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916—1917 гг.) // АРР. 1923. Т.8. С.5-42.

Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. М., 2002.

Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. В 2-х т. М., 1989. Т.1.

Игнатъев П.А. Моя миссия в Париже. М., 1999.

Игнатъев П.Н. Совет министров в 1915—1916 гг. (Из воспоминаний) // НЖ. 1944. Кн.8. С.300-320; № 9. С.276-292.

Из бумаг А.В.Тырковой-Вильямс. Запись рассказа княгини С.Н.Васильчиковой // Возрождение. 1964. № 156. С.94-97.

Из архива С.Ю.Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки /Публ. Б.В.Ананьича, Р.Ш.Ганелина, С.В.Куликова, С.К.Лебедева и И.В.Лукоянова. В 2-х т. СПб., 2003.

- Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989.
- Илиодор (Труфанов С.И.).* Святой черт (Записки о Распутине). М., 1917.
- Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. /Сост. С.М.Исхаков. М., 1991. С.154-172.
- Карпович М.М.* Памяти графа П.Н.Игнатъева // НЖ. 1945. Кн.11. С.345-347.
- Керенский А.Ф.* А.И.Гучков. Из воспоминаний // СЗ. 1936. Т.60. С.460-462.
- Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1996.
- Кизеветтер Е.Я.* Революция 1905—1907 гг. глазами кадров (Из дневника Е.Я.Кизеветтера) /Публ. М.Г.Вандалковской и А.Н.Шаханова // РА. М., 1994. Т.5. С.338-425.
- Клейнмихель М.Э.* Из потонувшего мира. Пг., 1923.
- Клячко (Львов) Л.М.* Звездная палата // МД. 1928. № 3. С.13-38.
- Клячко (Львов) Л.М.* Повести прошлого. М.—Л., 1929.
- Ковалевский В.И.* Воспоминания /Публ. Л.Е.Шепелева // РП. 1991. Кн.2. С.5-96.
- Ковалевский М.М.* Воспоминания /Публ. В.М.Шевырина // ИСССР. 1969. № 5. С.76-101.
- Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. В 2-х т. М., 1992. Т.1—2.
- Кони А.Ф.* Из недавнего прошлого (И.Я.Голубев) // ПИН. 1924. Вып.1. С.3-10.
- Кони А.Ф.* Николай II // *Кони А.Ф.* Избранное. М., 1989. С.104-114.
- Кони А.Ф.* Сергей Юльевич Витте // *Кони А.Ф.* Собр. соч. В 8-ми т. М., 1968. Т.5. С.265-278.
- Константин Константинович.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998.
- Корнев С.А.* Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // АРР. 1922. Т.7. С.14-33.
- Коростовец И.Я.* Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник секретаря С.Ю.Витте // Былое. 1918. № 2. С.110-146.
- Кофод К.А.* 50 лет в России. 1878—1920. М., 1997.
- Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Из бумаг С.Е.Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б.г.
- Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора /Публ. С.В.Пронкина // ВИ. 1997. № 2. С.115-130; № 3. С.121-139; № 4. С.107-126.
- Курлов П.Г.* Гибель Императорской России. М., 1991.
- Куропаткин А.Н.* Дневник /Публ. М.Н.Покровского // КА. 1922. Т.2. С.5-117.
- Ламздорф В.Н.* Дневник 1894—1896 /Под ред. В.И.Бовыкина; Публ. И.А.Дьяконовой. М., 1991.
- Лемке М.К.* 250 дней в Царской Ставке. [С]Пб., 1921.
- Личность Николая II и Александры Федоровны по свидетельствам их родных и близких (газетные материалы) // ИВ. 1917. № 4. С.144-192.
- Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. // *Станкевич В.Б.* Воспоминания 1914—1919; *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. /Сост. А.С.Сенин. М., 1994. С.218-285.

- Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С.Ю.Витте). М.—Л., 1923.
- Лопухин В.Б.* Люди и политика (конец XIX — начало XX в.) /Публ. А.П.Погребинского // ВИ. 1966. № 10. С.110-122; № 11. С.116-128.
- Лукомский А.С.* Воспоминания. В 2-х т. Берлин, 1922. Т.2.
- Любимов Л.Д.* На чужбине. Ташкент, 1965.
- Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России. В 3-х т. Париж, 1936. Т.1—3.
- Маклаков В.А.* Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина // СЗ. 1928. Т.34. С.260-281.
- Малоизвестный источник по истории кризиса верхов накануне Февральской революции (из дневника С.Д.Протопопова) /Публ. И.А.Дьяконовой // СА. 1985. № 1. С.52-59.
- Мамантов В.И.* На государственной службе. Воспоминания. Таллин, 1926.
- Мария Павловна (младшая).* Мемуары. М., 2003.
- Марков Н.Е.* Войны темных сил. М., 1993.
- Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М., 2003.
- Милюков П.Н.* Воспоминания /Публ. М.Г.Вандалковской и А.Н.Шаханова. В 2-х т. М., 1990. Т.1—2.
- Милюков П.Н.* Дневник /Публ. Я.А.Берзина и Н.А.Лапина // КА. 1932. Т.54—55. С.3-48.
- Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории русского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. В 2-х кн. М., 1993. Кн.1.
- Мордвинов А.А.* Отрывки из воспоминаний // РЛ. 1923. Кн.5. С.65-177.
- Мордвинов А.А.* Последние дни императора // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы /Под ред. П.Е.Щеголева. Л., 1927. С.79-135.
- Мосолов А.А.* При Дворе последнего императора. Записки начальника Канцелярии министра Двора. СПб., 1992.
- Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868—1917. В 2-х т. Нью-Йорк, 1955. Т.2.
- Николай II.* Дневники императора Николая II /Под ред. К.Ф.Шацилло. М., 1991.
- Николай Михайлович.* Записки Н.М.Романова /Публ. А.А.Сергеева // КА. 1931. Т.47—48. С.140-183; Т.49. С.92-111.
- Оболенский А.В.* Мои воспоминания // Возрождение. 1955. Тетр.48. С.97-107.
- Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988.
- Орлов В.Н.* Из дневника /Публ. П.Е.Щеголева // Былое. 1919. № 14. С.53-57.
- Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы /Под ред. П.Е.Щеголева. Л., 1927.
- Палей О.В.* Мои воспоминания о русской революции // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. /Сост. С.М.Исхаков. М., 1991. С.154-180.
- Палеолог Ж.М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
- Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991.

- П.Г.* Впечатления очевидца: сообщение члена Государственной думы А.М.Александрова // Крымский вестник (Севастополь). 1917. 15 марта.
- Перетц Г.Г.* В цитадели русской революции. СПб., 1997.
- Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // АРР. 1934. Т.21. С.5-472.
- Поливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 — 15 марта 1916 г.) /Публ. В.В.Поликарпова // ВИ. 1994. № 2. С.119-137; № 3. С.153-165; № 4. С.125-140; № 5—6. С.140-154; № 7—8. С.129-144; № 9. С.123-140; № 10. С.135-159; № 11. С.120-144.
- Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. Т.1.
- Половцов А.А.* Дневник /Публ. В.В.Максакова // КА. 1923. Т.3. С.75-172; Т.4. С.63-128.
- Половцов А.А.* Из дневника (1895—1900) /Публ. В.В.Максакова // КА. 1931. Т.46. С.110-132.
- Полянский Н.П.* Нижегородские воспоминания банкира. Нижний Новгород 1909—1918. СПб., 1998.
- Протопопов А.Д.* Из дневника /Публ. И.И.Тоболина // КА. 1925. Т.10. С.175-183.
- Протопопов А.Д.* Предсмертная записка /Публ. П.Я.Рысса // ГМЧС. 1926. № 2. С.167-193.
- Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания за девять лет. В 2-х кн. М., 1936. Кн.1.
- Пуришкевич В.М.* Дневник: «Как я убил Распутина». Рига, 1924.
- Распутина М.Г.* Распутин. Почему? Воспоминания дочери. М., 2000.
- Рафес М.Г.* Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С.177-197.
- Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра /Под ред. И.О.Гаркуши и В.А.Золотарева. В 2-х т. М., 1999. Т.2.
- Рейн Г.Е.* Из пережитого. 1907—1918. В 2-х т. Берлин, б.г. Т.2.
- Родзянко М.В.* Государственная дума и Февральская 1917 г. революция // АРР. 1922. Т.6. С.5-80.
- Родзянко М.В.* Крушение Империи // АРР. 1926. Т.17. С.5-169.
- Российский императорский дом. Дневники. Письма. Фотографии /Сост. А.Н.Боханов и Д.И.Исмаил-Заде. М., 1992.
- Русско-японская война. Из дневников А.Н.Куропаткина и Н.П.Линевича /Под ред. М.Н.Покровского. Л., 1925.
- Савельев А.А.* Два востшествия на престол русских царей (Из воспоминаний земского деятеля) // Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917. С.95-105.
- Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.—Дюссельдорф, 1993.
- Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991.
- Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии /Сост. А.В.Кочетов. М., 1990.
- Святополк-Мирская Е.А.* Дневник княгини Е.А.Святополк-Мирской // ИЗ. М., 1966. Т.77. С.240-291.
- Сидоров А.А.* Из записок московского цензора // ГМ. 1918. № 1—3. С.93-114.

- Симанович А.С.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 1991.
- Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. 1914—1917 гг. В 3-х т. Нью-Йорк, 1960—1962. Т.1—3.
- Суворин А.С.* Дневник. М., 2000.
- Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Берлин, 1924.
- Сухомлинов В.А.* Дневник генерала Сухомлинова /Публ. И.А.Блинова // ДД. 1920. Кн.1. С.219-238; 1922. Кн.3. С.125-140.
- Таганцев Н.С.* Пережитое. Пг., 1919.
- Татищев Б.А.* Крушение. 1916—1917 гг. // Возрождение. 1949. Тетр.4. С.116-138.
- Теляковский В.А.* Воспоминания. 1898—1917. [С]Пб., 1924.
- Тимашев С.И.* Кабинет Столыпина. Из «Записок» министра торговли и промышленности /Публ. Л.Е.Шепелева // РП. 1996. Кн.6. С.95-130.
- Тихомиров Л.А.* 25 лет назад (Из дневника Л.А.Тихомирова) /Публ. В.В.Максакова // КА. 1930. Т.39. С.47-75; Т.40. С.59-96.
- Тихомиров Л.А.* Из дневника /Публ. В.В.Максакова // КА. 1933. Т.61. С.82-128.
- Тихомиров Л.А.* Из дневника (Период столыпинщины) /Публ. В.В.Максакова // КА. 1935. Т.72. С.120-159; Т.73. С.170-190; 1936. Т.74. С.162-191.
- Толстой И.И.* Воспоминания министра народного просвещения графа И.И.Толстого. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. /Сост. Л.И.Толстая; Комм. Р.Ш.Ганелина и А.Е.Иванова. М., 1997.
- Толстой И.И.* Дневник. 1906—1916 /Публ. Л.И.Толстой. СПб., 1997.
- Трубецкая О.Н.* Из пережитого // СЗ. 1937. Т.64. С.277-318.
- Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., 1991.
- Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999.
- Тыркова А.В.* То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998.
- Хвостов А.Н.* Из воспоминаний А.Н.Хвостова // ГМ. 1923. № 2. С.161-168.
- Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999.
- Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. В 2-х т. М., 1996. Т.1—2.
- Шаховской В.Н.* Sic transit gloria mundi. 1893—1917 гг. // РВ. 1992—1997. Кн.60—61. С.238-269; Кн.62. С.116-166.
- Шванебах П.Х.* Записки сановника. Политика П.А.Столыпина и Вторая Государственная дума // ГМ. 1918. № 1—3. С.115-138.
- Шереметев С.Д.* Мемуары графа С.Д.Шереметева /Публ. Л.И.Шохина. М., 2001.
- Шереметев С.Д.* Отрывки из «Дневников» // Шереметевы в судьбе России. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 2001. С.205-220.
- Шидловский С.И.* Воспоминания // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. /Сост. С.М.Исхаков. М., 1991. С.120-153.
- Шульгин В.В.* Дни // Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С.73-282.
- Юсупов Ф.Ф.* Мемуары в 2-х кн. До изгнания. 1887—1919. В изгнании. М., 1998.

Яхонтов А.Н. Записи о секретных заседаниях Совета министров // НЖ. 2000. Кн.221. С.85–123.

Яхонтов А.Н. Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров /Ввод. ст. и комм. Р.Ш.Ганелина и М.Ф.Флоринского // РП. 1996. Кн.7. С.245–348.

Hanbury-Williams J. The Emperor Nicholas II. As I Knew Him. Lnd., 1922.

Rosen R.R. Forty Years of Diplomacy. N. Y., 1922. Vol.1–2.

1.П.IV Эпистолярные источники

А.В.Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А.И.Гучкова, А.Д.Протопопова, П.Б.Струве /Ввод. ст., подгот. текста и комм. С.В.Куликова // РП. 1994. Кн.5. С.40–61.

«Борьба наша проиграна». Документы правых. 1914 — февраль 1917 г. /Публ. Ю.И.Кириянова // ИА. 1994. № 5. С.35–87.

«Дражайшая бабушка...»: Письма Николая II королеве Виктории. 1894–1900 гг. /Публ. С.В.Житомирской и С.В.Мироненко // ИА. 1995. № 1. С.187–202.

Из архива Щегловитова /Публ. И.И.Тоболина. // КА. 1926. Т.15. С.104–117.

Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы /Ввод. ст., подгот. текста и комм. С.В.Куликова. // РП. 1996. Кн.6. С.148–180.

Из переписки царских сановников накануне войны и революции /Публ. Д.О.Заславского. // КА. 1933. Т.61. С.129–135.

К истории последних дней царского режима /Публ. П.А.Садикова // КА. 1926. Т.14. С.227–249.

Кони А.Ф. Собр. соч. В 8-ми т. М., 1969. Т.8. Письма.

«Момент, когда нельзя допускать оплошностей»: Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне /Публ. Д.И.Исмаил-Заде // Источник. 1998. № 4. С.3–24.

«Нам придется из политиков и благотворителей перестроиться в ученых и книготорговцев-издателей». Письма академика А.И.Соболевского академику И.С.Пальмову, 1914–1920 гг. /Подгот. текста П.В.Ильина и С.В.Куликова; Вступ. ст. и комм. С.В.Куликова // Нестор. 2004. № 4. С.65–136.

Наумов А.Н. Письмо в редакцию // АРР. 1924. Т.13. С.313.

«Не понимают величия русской государственной идеи»: Переписка К.Н.Пасхалова 1914–1917 гг. /Публ. Ю.И.Кириянова // Источник. 1995. № 6. С.4–40.

Николай II в секретной переписке /Публ. О.А.Платонова. М., 1996.

Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю /Под ред. В.П.Семенникова. М., 1925.

Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былое. 1918. № 2. С.190–222.

Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем /Публ. И.А.Блинова // КА. 1922. Т.2. С.130–175; 1923. Т.3. С.29–74.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. /Под ред. М.Н.Покровского. М.—Пг., 1923.

Переписка Н.А.Романова и П.А.Столыпина // КА. 1924. Т.5. С.102–108.

Переписка Николая и Александры Романовых, 1914–1917 гг. /Публ. А.А.Сергеева. М.—Л., 1923–1927. Т.3–5.

Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 гг. /Публ. Ю.И.Кириянова // ВИ. 1996. № 1. С.113–133; № 3. С.142–165; № 4. С.135–155; № 7. С.106–129; № 8. С.78–100; № 9. С.119–143.

Письма Гучкова к генералу Алексею // ПР. 1926. Кн.5–6. С.215–221.

Письма Д.П.Романова к отцу /Публ. А.М.Рахлина // КА. 1928. Т.30. С.200–209.

Письма И.И.Воронцова-Дашкова Николаю Романову (1905–1915 гг.) /Публ. В.П.Семенникова // КА. 1928. Т.26. С.97–126.

Письма императора Николая II министру внутренних дел А.Г.Булыгину. 1905 г. /Публ. Б.Т.Мордвинцева // РА. М., 1991. Т.1. С.187–189.

Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II /Публ. В.Д.Набокова. В 2-х т. Берлин, 1922. Т.1.

Письма П.Б.Струве С.Д.Сазонову в 1915 г. /Публ. Д.О.Заславского // КА. 1933. Т.59. С.145–148.

Письма чиновника А.А.Клопова царской семье /Публ. Б.Д.Гальперин и В.И.Старцева // ВИ. 1991. № 2–3. С.204–222.

Письмо великого князя Александра Михайловича к Николаю II от 25 декабря 1916 г. — 4 февраля 1917 г. // АРР. 1922. Т.5. С.333–336.

Письмо В.К.Плеве к А.А.Кирееву /Публ. Е.В.Тарле // КА. 1926. Т.5. С.201–203.

Правые в 1915 — феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам /Публ. Ю.И.Кириянова // Минувшее. М.—СПб., 1993. Вып.14. С.145–225.

Распутин Г.Е. Избранные мысли, письма и телеграммы царской семье. М., 1990.

«Слава Богу за все»: Письма великой княгини Елизаветы Федоровны к императору Николаю II /Публ. Л.И.Тютюнник // Источник. 1994. № 4. С.16–38.

Тайный советник императора /Сост. В.М.Крылов, Н.А.Малеванов и В.И.Травин. СПб., 2002.

«Успокоения нечего ожидать»: Письма князя М.М.Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А.Вырубовой и В.Н.Воейкову /Публ. С.В.Куликова // Источник. 1999. № 1. С.24–44.

Алфавитный список почетных, непременных, действительных и недействительных членов, постоянных посетителей и временных членов имп. Санкт-Петербургского Яхт-клуба по 1 мая 1912 г. СПб., 1912.

А.Н.Хвостов о Прогрессивном блоке // Утро России. 1915. 28 сентября.

А.Н.Хвостов о кабинете общественных деятелей // Утро России. 1915. 28 сентября.

Балашев И.П. Берегите Думу. Пг., 1915.

Балашев И.П. Важнейшие очередные задачи нашей внешней и внутренней политики. Пг., 1916.

Беседа А.Н.Хвостова с представителями печати // Утро России. 1915. 30 сентября.

Беседа с членом Государственной думы Н.И.Нечаевым // Воронежский телеграф. 1917. 12 марта.

Васильев Н.П. (Гурлянд И.Я.). «Оппозиция». СПб., 1910.

Впечатления в Таврическом дворце // Русские ведомости. 1916. 20 января.

Высокие особы в Киеве // Утро России. 1917. 6 января.

Генерал А.А.Маниковский о снабжении армии // Утро России. 1917. 6 апреля.

За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева /Под ред. В.П.Семенникова. Л., 1925.

За что пострадал Кауфман-Туркестанский // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта.

1890—1894 гг. — «Загробные заметки» Н.Х.Бунге // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) /Сост. Л.Е.Шепелев. СПб., 1999. С.191-264.

Записка правых о внутренней политике // Утро России. 1916. 25 июня.

К дальнейшим переменам в кабинете // Русские ведомости. 1917. 3 января.

Как произошла отставка графа П.Н.Игнатьева // Биржевые ведомости. 1917. 15 марта.

Как состоялся декабрьский роспуск Государственной думы // Биржевые ведомости. 1917. 30 марта.

Князьков С.А. Самодержавие в его исконном смысле. СПб., 1906.

Комитет обороны // Русские ведомости. 1915. 12 июня.

Конституционные проекты начала 80-х гг. XIX в. /Подгот. к печати З.С.Кухаренко // КА. 1928. Т.31. С.121-131.

Лукиан. Ведомство народного представительства // Биржевые ведомости. 1916. 4 марта.

Лыщинский Л.В. О значении слова самодержавие (Историческая справка). СПб., 1906.

Львов Л.М. Б.В.Штюмер // Речь. 1916. 20 января.

Мнения членов Государственной думы и Совета // Утро России. 1915. 28 сентября.

Н.А.Хомяков о Государственной думе, правительстве и стране // Биржевые ведомости. 1916. 22 января.

Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917.

Николай II. Полное собрание речей императора Николая II. 1894—1906. СПб., 1906.

Общий список членов Государственной думы I, II, III и IV созывов. 1906—1913. СПб., 1993.

Ораторы России в Государственной думе (1906—1917) /Сост. М.А.Буланакоева, С.В.Куликов и О.А.Патрикеева. В 2-х т. СПб., 2004. Т.1—2.

Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения». Paris, 1905.

Последний министр старого правительства // Новое время. 1917. 19 марта.

Председатель Совета министров Б.В.Штюмер о современном положении // Новое время. 1916. 20 января.

Причины и следствия // Утро России. 1916. 1 июля.

Розен Р.Р. Европейская политика России. Пг., 1917.

Российские либералы: кадеты и октябристы /Сост. Д.Б.Павлов и В.В.Шелохаев. М., 1996.

Саблер В.К. О мирной борьбе с социализмом. В 2-х т. Сергиев Посад, 1911. Т.2.

Савич Г.Г. Новый государственный строй России. Справочная книга. СПб., 1907.

Самодержавие. История, закон, юридическая конструкция. Б.м., б.г. Список членов Русского собрания. СПб., 1913.

Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 /Сост. Ю.Г.Фельштинский. М., 1991.

Струве П.Б. Неотвратимое совершается // Биржевые ведомости. 1915. 11 октября.

Струве П.Б. Оздоровление власти // Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм /Сост. В.Н.Жуков и А.П.Поляков. М., 1997. С.390-399.

Струве П.Б. Россия страшно выросла // Биржевые ведомости. 1915. 20 октября.

Султанов С. А.Н.Хвостов (Письмо из Москвы) // Биржевые ведомости. 1915. 7 октября.

Царская Россия в мировой войне /Под ред. М.Н.Покровского. Л., 1923. Т.1.

Штюмер и выборы в Государственную думу // Биржевые ведомости. 1917. 26 марта.

Э.Б.Войновский-Кригер (К назначению его начальником Управления железных дорог) // Голос Руси. 1916. 15 февраля.

Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы /Сост. М.А.Гузунов, Д.А.Колесниченко, Н.А.Мальцева и А.М.Соловьева; Отв. ред. А.М.Анфимов. Л., 1967. Ч.3. Сельское хозяйство и крестьянство.

II. Литература

Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990.

Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968.

Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг. М., 1981.

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Айрапетов О.Р. Нарочская операция и отставка А.А.Поливанова // ВМУ. Сер.8. История. 2001. № 6. С.80-98.

Айрапетов О.Р. Поездка Николая II в Галицию весной 1915 г. и политическая борьба в русских военных кругах // ВМУ. Сер.8. История. 2000. № 1. С.103-120.

Акимов Г.С. Российская буржуазия в годы Первой мировой войны (Деятельность Земгора) // *ВИ.* 1974. № 10. С.67-80.

Алексеева И.В. Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990.

Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В.Алексеев. СПб., 2000.

Алмазов Б.И. Распутин и Россия (Историческая справка). Прага, 1922.

Амальрик А. Распутин. М., 1992.

Ананьич Б.В. Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к советской России /Отв. ред. Б.В.Ананьич. СПб., 1996. С.369-454.

Ананьич Б.В. О тексте манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В.П.Мещерского) // *ВИД.* Л., 1983. Т.15. С.156-169.

Ананьич Б.В. Самодержавие и земство. Земская реформа 1898–1903 гг. // Кризис самодержавия в России. 1895–1917 /Отв. ред. В.С.Дякин. Л., 1984. С.93-120.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917 // Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков /Отв. ред. В.С.Дякин. СПб., 1992. С.7-18.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Николай II // *ВИ.* 1993. № 2. С.58-76.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. От составителей // Николай II: Воспоминания. Дневники /Сост. Б.В.Ананьич и Р.Ш.Ганелин. СПб., 1994. С.5-20.

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.

Ананьич Б.В., Фриз Г. Ф. Ф.Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович об убийстве Григория Распутина (1920 г.) // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001. С.343-346.

Асташов А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // *ОИ.* 1992. № 6. С.169-172.

Афанасьев Н.И. Современники. Альбом биографий. СПб., 1909. Т.1.

Ашин Г.К., Игнатов В.Г., Понделков А.В., Старостин А.М. Основы политической элитологии. М., 1999.

Бабищев Д.С. Россия на Парижской союзнической конференции 1916 г. по экономическим вопросам // *ИЗ.* М., 1969. Т.83. С.38-57.

Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.

Белецкий С.П. Иван Логгинович Горемыкин. 27 октября 1839 – 27 октября 1914 г. Пг., 1914.

Беляев С.Г. Государственный бюджет России в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX в. /Под ред. Р.Ш.Ганелина. Кишинев–СПб., 2000. С.299-310.

Беляев С.Г. Переговоры министра финансов П.Л.Барка в Париже и Лондоне в 1915–1916 гг. // Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. коллоквиума /Отв. ред. Н.Н.Смирнов. СПб., 1999. С. 497-509.

Беляев С.Г. Петр Львович Барк: этапы карьеры // *ИГВ.* 1996. Вып.7. С.58-69.

Беляев С.Г. П.Л.Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002.

Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Н. У., 1986.

Бибин М.А. Совет Объединенного дворянства и Прогрессивный блок в 1915–1916 гг. // *ВМУ.* Сер.8. История. 1980. № 1. С.30-40.

Блок А.А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921.

Блок А.А. Последние дни императорской власти // *Блок А.А.* Собр. соч. В 8-ми тт. М.—Л., 1962. Т.6. С.187-270.

Бобринский А.А. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. В 2-х ч. СПб., 1890.

Бородин А.П. Государственный совет и волостная реформа // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX в. /Под ред. Р.Ш.Ганелина. Кишинев–СПб., 2000. С.243-261.

Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999.

Бородин А.П. Правая группа Государственного совета в 1906–1917 гг. // *ОИ.* 1998. № 4. С.50-65.

Боханов А.Н. Император Николай II. М., 1998.

Боханов А.Н. Николай II // Российские самодержцы. 1801–1917 /Отв. ред. А.П.Корелин. М., 1993. С.307-384.

Боханов А.Н. Распутин. Анатомия мифа. М., 2000.

Боханов А.Н. Сумерки монархии. М., 1993.

Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX в. /Под ред. Р.Ш.Ганелина. Кишинев–СПб., 2000. С.429-490.

Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

Бэтс Р. Пшеница и плевелы. Беспристрастно о Г.Е.Распутине. М., 1997.

Вандалковская М.Г. П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер: история и политика. М., 1992.

Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1989.

Васюков В.С. К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции // *ИЗ.* М., 1982. Т.107. С.226-303.

Васюков В.С. Мировая война: политика России в 1916-м – феврале 1917 г. // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX (От русско-французского союза до Октябрьской революции) /Отв. ред. А.В.Игнатьев. М., 1997. С.500-543.

Вильтон Р. Последние дни Романовых // Последние дни Романовых /Сост. В.П.Семьянинов. М., 1991. С.363-476.

Витенберг Б.М. 9 февраля 1916 г.: Николай II в Государственной думе // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX в. /Под ред. Р.Ш.Ганелина. Кишинев–СПб., 2000. С.311-340.

Витенберг Б.М. Комментарии // *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания /Вступ. ст., подгот. текста и комм. Б.М.Витенберга. М., 2001. С.211-306.

Витенберг Б.М. М.В.Родзянко или князь Г.Е.Львов? Проблема лидерства в объединенной оппозиции (осень 1915 г. — рубеж 1916–1917 г.). // Интеллигенция у власти: Временное правительство в 1917 году /Guest ed. S.M.Lyandres. Idyllwild, 1998. С.97–114 (The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol.24, № 1–2).

Витенберг Б.М. П.Б.Струве и Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля (1915–1917 гг.) // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 1997. С.217–228.

Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994.

Воронкова С.В. Материалы Особого совещания по обороне государства: Источниковедческое исследование. М., 1975.

Вяликова Л.В. Организационное устройство Московского городского самоуправления в годы Первой мировой войны // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы и факты /Отв. ред. Н.П.Ерошкин. М., 1989. С.148–152.

Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003.

Ганелин Р.Ш. Великий князь Михаил Александрович и Николай II // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С.222–234.

Ганелин Р.Ш. Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 гг. // ВЕУ. 1995. № 3 (10). С.4–37.

Ганелин Р.Ш. Государственная дума и правительственная власть в переломной переписке кануна 1917 г. // ОИ. 1997. № 1. С.150–158.

Ганелин Р.Ш. Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. // ВЕУ. 1997. № 1 (14). С.4–30.

Ганелин Р.Ш. Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю.Нольде // АЕ за 1989 г. М., 1990. С.291–305.

Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // ОИ. 1992. № 5. С.156–166.

Ганелин Р.Ш. Накануне 1917 г. // Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. В 2-х кн. Л., 1967. Кн.1. С.9–46.

Ганелин Р.Ш. Политика царизма и американский капитал во время Первой мировой войны (конец 1915 — начало 1916 гг.) // Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX вв.) /Под ред. Б.В.Ананьича и др. Л., 1967. С.321–362.

Ганелин Р.Ш. После Распутина // Историк и революция /Отв. ред. Н.Н.Смирнов. СПб., 1999. С.117–135.

Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991.

Ганелин Р.Ш. Россия в Первой мировой войне. Февральская буржуазно-демократическая революция // Краткая история СССР. В 2-х ч. М.—Л., 1963. Ч.1. С.481–501.

Ганелин Р.Ш. Россия и США. Очерки русско-американских отношений. 1914–1917. М., 1969.

Ганелин Р.Ш. Странники сепаратного мира с Германией в Царской России // Проблемы истории международных отношений /Отв. ред. В.И.Рутенбург. Л., 1972. С.126–155.

Ганелин Р.Ш. США и Россия. 1914–1917 // История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918 /Под ред. А.А.Фурсенко. М., 1997. С.336–356.

Ганелин Р.Ш. Указ 18 февраля 1905 г. о петициях и правительственная политика // ВИД. Л., 1983. Т.15. С.170–185.

Ганелин Р.Ш. Финансово-экономические отношения между Россией и США после начала Первой мировой войны // Из истории империализма в России /Под ред. Р.Ш.Ганелина и др. М., 1959. С.270–308.

Ганелин Р.Ш. Царизм, буржуазия и американский капитал перед Февральской революцией 1917 г. // ИЗ. М., 1968. Т.81. С.132–171.

Ганелин Р.Ш. Царизм и оппозиция в предреволюционной России // 1917 г. и российский парламентаризм: Сб. материалов науч. конф. /Отв. ред. Н.Н.Смирнов. СПб., 1998. С.8–10.

Ганелин Р.Ш. Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. В 3-х ч. /Под ред. Р.Ш.Ганелина и др. СПб., 1992. Ч.1. С.73–110.

Ганелин Р.Ш., Куликов С.В. Основные источники по истории России конца XIX — начала XX в.: Учеб. пособие. СПб., 2000.

Ганелин Р.Ш., Уланов В.А. Примечания // Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. — февраль 1917 г.) /Сост. Р.Ш.Ганелин и В.А.Уланов. Л., 1986. С.365–425.

Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. А.Н.Яхонтов и его «Тяжелые дни». История текста и издания // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. ст. К 60-летию И.Я.Фроянова /Редкол.: В.М.Воробьев (отв. ред.), А.Ю.Дворниченко (отв. ред.). СПб., 1996. С.670–703.

Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. В.С.Дякин о некоторых вопросах государственного управления в России 1914–1915 гг. // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX в. /Под ред. Р.Ш.Ганелина. Кишинев—СПб., 2000. С.51–80.

Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Министр финансов П.Л.Барк в годы Первой мировой войны // История финансовой политики в России: Сб. ст. /Под. ред. Л.Е.Шепелева. СПб., 2000. С.179–191.

Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. На пути к летнему политическому кризису 1915 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. /Отв. ред. А.Н.Цамутали. СПб., 1999. С.474–496.

Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. От И.Л.Горемыкина к Б.В.Штюрмеру: верховная власть и Совет министров (сентябрь 1915—январь 1916 гг.) // Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. коллоквиума /Отв. ред. Н.Н.Смирнов. СПб., 1999. С.34–48.

Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и Первая мировая война // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению /Отв. ред. П.В.Волбуев. М., 1997. С.7–37.

- Герье В.И.* О конституции и парламентаризме. М., 1906.
- Гессен В.М.* Основы конституционного права. Пг., 1918.
- Глинский Б.Б.* К вопросу о титуле «самодержец» (Из истории кодификации Основных законов в 1906 г.) // ИВ. 1913. № 2. С.567-603.
- Тоголевский А.В.* Очерки истории русского либерализма XIX — начала XX в. СПб., 1996.
- Граве Б.Б.* К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.—Л., 1926.
- Грунт А.Я.* Прогрессивный блок // ВИ. 1945. № 3—4. С.108-117.
- Грунт А.Я.* Прогрессивный блок // Советская историческая энциклопедия /Гл. ред. Е.М.Жуков. М., 1963. Т.4. Стб.619.
- Губастов К.А.* Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов. СПб., 1908.
- Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.
- Демин В.А.* Государственная дума России (1906—1917): механизм функционирования. М., 1996.
- Дитерихс М.К.* Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. В 2-х ч. М., 1991. Ч.2.
- Дубенцов Б.Б.* Высшее чиновничество России в конце XIX — начале XX в. // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX — начале XX в.: Сб. науч. тр. /Отв. ред. А.П.Корелин. М., 1988. С.46-67.
- Дубенцов Б.Б.* Самодержавие и чиновничество в 1881—1904 гг. (Политика царского правительства в области организации государственной службы). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977.
- Дубенцов Б.Б., Куликов С.В.* Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX — начале XX в. (Итоги и перспективы изучения) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX — XX вв. /Отв. ред. А.Н.Цамутали. СПб., 1999. С.63-86.
- Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.
- Думова Н.Г.* Либерал в России. Трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н.Милюкова. М., 1993.
- Дьяков В.И.* Славянский вопрос в русской общественной мысли 1914—1918 гг. // ВИ. 1991. № 4—5. С. 30-44.
- Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Разложение третьюньской системы. Л., 1988.
- Дякин В.С.* Кризис верхов в России накануне Февральской революции // ВИ. 1982. № 3. С.77-82.
- Дякин В.С.* Крушение царизма // Власть и реформы. От самодержавной к советской России /Отв. ред. Б.В.Ананьич. СПб., 1996. С.615-642.
- Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война /Отв. ред. А.Л.Сидоров. М., 1968. С.227-238.
- Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967.
- Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978.

- Дякин В.С.* Царизм и Первая мировая война // Кризис самодержавия в России. 1895—1917 /Отв. ред. В.С.Дякин. Л., 1984. С.543-648.
- Емец В.А.* Очерки истории внешней политики России в период Первой мировой войны. 1914—1917. М., 1977.
- Емец В.А.* Черноморские проливы и Польша в геополитических планах российской дипломатии (конец 1916 — начало 1917 г.) // Россия в XIX—XX вв. /Отв. ред. А.А.Фурсенко. СПб., 1998. С.300-308.
- Жилин А.А.* Учебник государственного права (пособие к лекциям). Пг., 1916. Т.1. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права.
- Заславский Д.О.* Последний временщик Протопопов. Л., 1927.
- Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906—1917. М., 1996.
- Зырянов П.Н.* Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992.
- Игнатъев М.* Русский альбом. Семейная хроника. СПб., 1996.
- Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987.
- Иоффе Г.З.* «Верхи» царской России в февральско-мартовские дни 1917 г. // ИЗ. М., 1984. Т.110. С.67-113.
- Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.
- Иоффе Г.З.* «Распутиниада»: большая политическая игра // ОИ. 1998. № 3. С.103-118.
- Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992.
- Ирошников М.П., Процай Л.А., Шелаев Ю.Б.* Николай II. Последний российский император. СПб., 1992.
- Искендеров А.А.* Закат империи. М., 2001.
- Казанский П.Е.* Власть всероссийского императора. М., 1999.
- Карпович М.М.* Два типа русского либерализма. Маклаков и Милюков // Опыт русского либерализма. Антология /Отв. ред. и авт. вступ. ст. М.А.Абрамов. М., 1997. С.210-230.
- Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997.
- Кинг Г.* Императрица Александра Федоровна. Биография. М., 2000.
- Кириянов Ю.И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению /Отв. ред. П.В.Волобуев. М., 1997. С.79-94.
- Кириянов Ю.И.* Предисловие // Правые партии: Документы и материалы. /Публ. Ю.И.Кириянов. В 2-х т. М., 1998. Т.1. С.5-66.
- Кириянов Ю.И.* Численность и состав правых партий в России в 1914—1917 гг. // Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. colloquium /Отв. ред. Н.Н.Смирнов. СПб., 1999. С.216-229.
- Кириянов Ю.И.* Образование и деятельность Отечественного патриотического союза (1915—1917 гг.) // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: Сб. науч. тр. /Под ред. А.Ю.Минакова. Воронеж, 2001. Вып.1. С.174-191.
- Кириянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911—1917. М., 2001.
- Киселев И.Ю.* Политическая элита: ее сущность и психология (по материалам исследований американских ученых). Ярославль, 1995.

Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.). Л., 1985.

Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914—1917 гг. Экономика и экономическая политика. СПб., 2003. Ч.1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны, 1914 — середина 1916 г.

Климов И.М. К вопросу об отношении казанской буржуазии к Прогрессивному блоку // Уч. зап. Казанского гос. у-та. Казань, 1952. Т.112, кн.5. С.55-75.

Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В.Алексеев. СПб., 1998.

Колоницкий Б.И. К изучению механизма десакрализации монархии (Слухи и «политическая порнография» в годы первой мировой войны) // Историк и революция /Отв. ред. Н.Н.Смирнов. СПб., 1999. С.72-86.

Кон Н. Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М., 1990.

Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

Коцюнис Я. Подданный и гражданин: налогообложение в Российской империи и Советской России и его подтекст // Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. colloquium /Отв. ред. Н.Н.Смирнов. СПб., 1999. С.467-481.

Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

Кривошеин К.А. А.В.Кривошеин (1857—1921 гг.). Его значение в истории России начала XX в. // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С.15-334.

Крупина Т.Д. Политический кризис лета 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // ИЗ. М., 1969. Т.83. С.58-75.

Куликов С.В. Берлинский «Руль» и Рейхенгалльский съезд (монархическая эмиграция в оценке политических оппонентов) // Русские в Германии (1914—1933): Сб. науч. ст. /Отв. ред. В.И.Старцев. СПб., 1995. С.29-36.

Куликов С.В. Власть науки и наука власти в России начале XX в. // Россия XXI (М.). 2001. № 5. С.112-137; № 6. С.44-65.

Куликов С.В. Временное правительство и высшая царская бюрократия // Интеллигенция у власти: Временное правительство в 1917 году /Guest ed. S.M.Lyandres. Idyllwild, 1998. С.67-83 (The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol.24, № 1-2).

Куликов С.В. Временное правительство и высшая царская бюрократия // ОИ. 1999. № 4. С.105-109.

Куликов С.В. Временное правительство: кадровые перестановки (март — октябрь 1917) // ИГВ. 1996. Вып.7. С.27-42.

Куликов С.В. Выступление со свободной трибуны // Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. colloquium /Отв. ред. Н.Н.Смирнов. СПб., 1999. С. 547-548.

Куликов С.В. Высшая бюрократия России в годы Первой мировой войны (1914—1917). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // ИГВ. 1999. Вып.11. С.21-108.

Куликов С.В. Высшая царская бюрократия как элемент социальной структуры предреволюционного Петрограда // Петербургские чтения 96. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург—2003» /Ред. совет: Т.А.Славина (пред.) и др. СПб., 1996. С.171-173.

Куликов С.В. «Выход один — убить негодяя» // Родина. 2003. № 7. С.63-66.

Куликов С.В. Государственная дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1906—1907) // Ораторы России в Государственной думе /Сост. М.А.Буланаква, С.В.Куликов и О.А.Патрикеева. В 2-х т. СПб., 2004. Т. 1. С.5-24.

Куликов С.В. Государственная дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1907—1917) // Ораторы России в Государственной думе /Сост. М.А.Буланаква, С.В.Куликов и О.А.Патрикеева. В 2-х т. СПб., 2004. Т. 2. С.5-32.

Куликов С.В. Граф С.Ю.Витте и П.А.Харитонов: эпизод из истории создания Основных государственных законов 1906 г. // С.Ю.Витте — выдающийся государственный деятель России. Материалы науч. конф. /Под ред. Н.П.Дроздовой и др. СПб., 1999. С.73-77.

Куликов С.В. Записки Н.И.Туган-Барановского А.В.Кривошеину и С.В.Рухлову (1914—1915 гг.). // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001. С.323-342.

Куликов С.В. Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С.269-318.

Куликов С.В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917) // ИГВ. 1994. Вып.3. С.42-57.

Куликов С.В. Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров: предыстория и механизм // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ /Отв. ред. Н.Б.Вахтин. СПб., 2001. Вып.1. С.387-428.

Куликов С.В. «Необычайно презрительное отношение к самой промышленности и торговле». Придворные и предприниматели в начале XX в. // История глазами историков /Под ред. Г.А.Тишкина. СПб.—Пушкин, 2002. С.218-235.

Куликов С.В. Николай II и его министры в годы Первой мировой войны: механизмы назначения и увольнения // Личность и власть в истории России XIX—XX вв. Материалы науч. конф. /Отв. ред. А.Н.Цамутали. СПб., 1997. С.149-155.

Куликов С.В. Основные государственные законы 1906 г.: рецепция западного конституционализма в России начала XX в. // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всерос. науч.-методол. семинара /Под ред. В.П.Сальников и Р.А.Ромашева. СПб., 2004. С.237-243.

Куликов С.В. Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 — февраль 1917) // ИГВ. 1997. Вып.9. С.3-22.

Куликов С.В. Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям. Из истории

России второй половины XIX — начала XX в. /Под ред. Р.Ш.Ганелина. Кишинев—СПб., 2000. С.263-298.

Куликов С.В. Правительственный либерализм начала XX в. как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы: Материалы международной конф. /Сост. и ред. Я.А.Гордин и А.Д.Марголис. СПб., 2001. С.75-111.

Куликов С.В. Практика пополнения назначенной части Государственного совета (1906—1917) // 1917 г. и российский парламентаризм: Сб. материалов науч. конф. /Отв. ред. Н.Н.Смирнов. СПб., 1998. С.15-19.

Куликов С.В. Практика пополнения состава членов Государственного совета по назначению в 1906—1917 гг. // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ /Отв. ред. Н.Б.Вахтин. СПб., 2000. Вып. II. С.91-114.

Куликов С.В. Придворный штат и частное предпринимательство в начале XX в. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди /Отв. ред. В.М.Панеях. СПб., 2003. С.79-85.

Куликов С.В. Причины «переотречения» Николая II // Россия в 1917 г. Новые подходы и взгляды: Сб. науч. ст. /Отв. ред. В.И.Старцев. СПб., 1994. Вып.3. С. 56-65.

Куликов С.В. Российская интеллигенция и высшая царская бюрократия в начале XX в. // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX в. Тезисы докладов и сообщений науч. конф. Санкт-Петербург, 19—20 марта 1996 г. /Глав. ред. Г.Л.Соболев. СПб., 1996. С.24-28.

Куликов С.В. Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии: коллизия между конфессиональной и национальной идентичностями в начале XX в. // Немцы в государственности России /Отв. ред. Н.И.Иванова. СПб., 2004. С.57-82.

Куликов С.В. Совет министров в дни Февральской революции // Революция 1917 г. в России: Сб. науч. ст. /Отв. ред. В.И.Старцев. СПб., 1995. С.78-86.

Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // ИГВ. 1995. Вып.5. С.3-46.

Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х гг.: Материалы международного науч. colloquium /Отв. ред. Н.Н.Смирнов. СПб., 2003. С.54-71.

Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917) // История парламентаризма в России. Предпринт тезисов докладов и сообщений науч.-практ. конф., посвященной 90-летию открытия I Государственной думы России. 25—26 апреля 1996 г. Секция 2 /Под ред. В.И.Старцева. СПб., 1996. С.1-3 отд. паг.

Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917) // Россия в XIX—XX вв. /Отв. ред. А.А.Фурсенко. СПб., 1998. С.257-264.

Лаверычев В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988.

Лаверычев В.Я. Государственно-монополистические тенденции при организации продовольственного дела в России. 1914 — февраль 1917 г. // ИЗ. М., 1978. Т.101. С.100-159.

Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.

Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т.1. Конституционное право.

Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994.

Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 гг. М., 1981.

Леве Х.-Д. Николай II // Русские цари. 1547—1917. Ростов-на-Дону — М., 1997. С.400-449.

Левин Н.Ф., Филиппов М.А., Шумков А.А. Лавриновские. Дворяне Псковской губернии. СПб., 1998.

Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995.

Либеральный консерватизм: история и современность: Материалы науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 25—26 мая 2000 г. /Отв. ред. А.И.Нарежный, В.В.Шелохаев. М., 2001.

Лихоманов А.В. И.Я.Гурлянд и еврейский вопрос в России // ВЕУ. 1993. № 4. С.142-153.

Лукоянов И.В. Камарилья // Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. colloquium /Отв. ред. Н.Н.Смирнов. СПб., 1999. С.230-239.

Лукоянов И.В. Тайный корреспондент Николая II А.А.Клопов // ИГВ. 1996. Вып.6. С.64-86.

Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа. 1907—1914. Пермь, 2001.

Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях I мировой войны. М., 1957.

Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России 1914—1917 гг. // Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. colloquium /Отв. ред. Н.Н.Смирнов. СПб., 1999. С.147-159.

Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милоков: труды и дни (1859—1904). Рязань, 2001.

Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. В 2-х т. М.—Л., 1930. Т.2.

Мартьянов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927.

Мацузато К. Земство во время Первой мировой войны. Межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен. Политологический подход /Под. ред. К.Мацузато. Саппоро, 2001. С.144-199.

Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931.

Милоков П.Н. История второй русской революции. В 3-х вып. София, 1921—1923. Вып.1.

- Милюков П.Н.* Россия на переломе. Париж, 1927.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х т. СПб., 2000. Т.1—2.
- Нардова В.А.* К вопросу о реформе Городового положения (1905—1916 гг.) // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX в. /Под ред. Р.Ш.Ганелина. Кишинев—СПб., 2000. С.151-166.
- Нектария (Мак-Лиз Н.).* Свет невечерний. Жизнь Александры Федоровны Романовой, последней всероссийской императрицы. М., 1996.
- Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990.
- Новгородцев П.И.* Идеалы Партии народной свободы и социализм // Опыт русского либерализма. Антология /Отв. ред. и авт. вступ. ст. М.А.Абрамов. М., 1997. С.285-300.
- Нольде Б.Э.* Из истории русской катастрофы // СЗ. 1927. Т.30. С.537-550.
- Обнинский В.П.* Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992.
- Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991.
- Ону А.М.* Загадки русского сфинкса. М., 1995.
- Островский А.В.* Элита российского общества XIX—XX вв.: некоторые проблемы истории и историографии // ИГВ. 1994. Вып.3. С.8-20.
- Островский А.В., Сафонов М.М.* 15—17 октября 1905 г. в царской резиденции (из записок А.А.Будберга) // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 1997. С.391-412.
- Островский А.В., Сафонов М.М.* Манифест 17 октября 1905 г. // ВИД. Л., 1981. Т.12. С.210-260.
- Пайнс Р.* Русская революция. В 2-х ч. М., 1994. Ч.1.
- Партаненко Т.В.* Мемуары Мориса Палеолога о России. Опыт неудачного издания // ИГВ. 1996. Вып.6. С.150-162.
- Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории /Отв. ред. Ю.А.Писарев, В.Л.Мальков. М., 1994.
- Петрова Е.Е.* Император Николай II и великокняжеское окружение накануне Февральской революции. Некоторые проблемы историографии // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX вв. /Отв. ред. А.Н.Цамутали. СПб., 1999. С.123-129.
- Петропавловский С.С.* Дворянство, бюрократия и монархия перед Февральской революцией // ПРР. 1922. № 8. С.8-26.
- Платонов О.А.* Жизнь за царя. Правда о Григории Распутине. СПб., 1996.
- Погребинский А.П.* Военно-промышленные комитеты // ИЗ. М., 1941. Т.11. С.160-200.
- Погребинский А.П.* К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны // ИЗ. М., 1941. Т.12. С.39-60.
- Поликарпов В.В.* О так называемой «программе Маниковского» 1916 г. // ИЗ. М., 1983. Т.109. С.281-306.
- Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX. Энциклопедия. М., 1996.

- Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Г.Е.Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001.
- Правилова Е.А.* Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX — октябрь 1917). СПб., 2000.
- Радзинский Э.С.* «Господи... Спаси и умири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993.
- Радзинский Э.С.* Распутин: жизнь и смерть. М., 2000.
- Рахманова Н.* Еврейский вопрос в политике В.К.Плеве // ВЕУ. 1995. № 1. С.35-50.
- Ремнев А.В.* Проблема объединенного правительства накануне Первой российской революции // Новое о революции 1905—1907 гг. в России: Межвузов. сб. /Под ред. Ю.Д.Марголиса. Л., 1989. С.90-99.
- Розенберг У.* Регулирующее государство и проявления «функциональной легитимности» на закате старого режима // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX в. /Под ред. Р.Ш.Ганелина. Кишинев—СПб., 2000. С.205-232.
- Романов А.Ф.* Император Николай II и его правительство (По данным Чрезвычайной следственной комиссии) // РЛ. 1922. Кн.2. С.20-40.
- Руднев В.М.* Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии /Сост. А.В.Кочетов. М., 1990. С.281-295.
- Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Материалы международной науч. конф. Москва, 27—29 мая 1998 г. /Отв. ред. В.В.Шелохаев. М., 1999.
- Рутыч Н.Н.* Думская монархия. СПб., 1993.
- Рыбка О.Ю.* Государственная дума в системе власти в начале XX столетия. М., 2000.
- Селецкий В.Н.* Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996.
- Семенников В.П.* Политика Романовых накануне революции. От Антанты к Германии. М.—Л., 1926.
- Семенников В.П.* Романовы и германские влияния. М.—Л., 1929.
- Сенин А.С.* А.И.Гучков. М., 1996.
- Сергеева С.Л.* Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996.
- Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960.
- Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.
- Слонимский А.Г.* Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 г. Душанбе, 1975.
- Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи. 1906—1917. Историко-правовой очерк. М., 1998.
- Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. 1914—1918 гг. М., 1990.
- Соловьев Ю.Б.* К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. // ВИД. Л., 1979. Т.11. С.192-205.

Соловьев Ю.Б. Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // АЕ за 1972 г. М., 1974. С.150-157.

Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981.

Сомов С.А. О «майском» Особом совещании // ИСССР. 1973. № 3. С.112-123.

Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977.

Старцев В.И. «Заговор буржуазии» перед февралем 1917 г. в новейшей советской исторической литературе // Нарастание революционного кризиса в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): Сб. науч. ст. /Под ред. В.И.Старцева. Л., 1987. С.150-172.

Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.

Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996.

Степанов В.Л. Н.Х.Бунге. Судьба реформатора. М., 1998.

Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992.

Сторожев В.Н. Дипломатия и революция // Вестник НКВД. 1920. № 4–5. С.75-110.

Сторожев В.Н. Февральская революция 1917 г. // Научные известия: Экономика, история, право. М., 1922. Сб.1. С.120-150.

Стремоухов П.П. Императрица Александра Федоровна в ее письмах // РЛ. 1924. Кн.6. С.120-185.

Стремоухов П.П. Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев // РЛ. 1925. Кн.7. С.50-160.

Струве П.Б. А.В.Кривошеин (некролог) // Руль (Берлин). 1921. 2 ноября.

Судацков Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.—Ставрополь, 2001.

Тальберг Н.Д. Очерки истории Императорской России от Николая I до царя-мученика. М., 1995.

Тарле Е.В. Германская ориентация и П.Н.Дурново в 1914 г. // Былое. 1922. № 19. С.161-176.

Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны. М., 1958.

Тарсаидзе А.А. Письмо в редакцию // Возрождение. 1951. Тетр.15. С.50-51.

Труайя А. Распутин. М., 1997.

Тютюкин С.В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991.

Уортмен Р. Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного colloquium историков /Отв. ред. В.С.Дякин. СПб., 1992. С.18-31.

Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П.А.Столыпина. В 2-х т. СПб., 2002. Т.1–2.

Федорченко В.И. Императорский дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий. В 2-х т. Красноярск, 2000. Т.1–2.

Ферро М. Николай II. М., 1991.

Фирсов С.Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996.

Флоринский М.Ф. Государственная дума и вопрос о статусе Государственного контроля в 1907–1917 гг. // История парламентаризма в России. Предпринт тезисов докладов и сообщений науч.-практ. конф., посвященной 90-летию открытия I Государственной думы России. 25–26 апреля 1996 г. Секция 2 /Под ред. В.И.Старцева. СПб., 1996. С.1-3 отд. паг.

Флоринский М.Ф. «Диктатура» Б.В.Штюрмера и деятельность Особого совещания для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди /Отв. ред. В.М.Панеях. СПб., 2003. С.190-195.

Флоринский М.Ф. К истории Совета министров России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории России XIX – начала XX в. /Под ред. Б.В.Ананьича и др. Л., 1983. С.147-152.

Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988.

Флоринский М.Ф. Ставка верховного главнокомандующего и правительство России в начальный период Первой мировой войны (июль 1914 – апрель 1915) // ВСПУ. Сер.2 История, языкознание, литературоведение. 1994. № 1. С.3-12.

Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима // Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного colloquium историков /Отв. ред. В.С.Дякин. СПб., 1992. С.31-43.

Хеймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. colloquium /Отв. ред. Н.Н.Смирнов. СПб., 1999. С.17-33.

Хереш Э. Александра. Трагедия жизни и смерти последней русской царицы. Ростов-на-Дону, 1998.

Хереш Э. Николай II. Ростов-на-Дону, 1998.

Цамутали А.Н. Начало кризиса империи. Самодержавие Александра I и Николая I // Власть и реформы. От самодержавной к советской России /Отв. ред. Б.В.Ананьич. СПб., 1996. С.199-282.

Черменский Е.Д. Кадеты накануне Февральской буржуазной революции 1917 г. // ИЖ. 1941. № 3. С.35-45.

Черменский Е.Д. История СССР. Период империализма. М., 1959.

Черменский Е.Д. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1959.

Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

Чернуха В.Г. Великий реформатор и великомученик // Александр II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С.5-36.

Чернуха В.Г. Великие реформы. Попытки преодоления кризиса // Власть и реформы. От самодержавной к советской России /Отв. ред. Б.В.Ананьич. СПб., 1996. С.283-367.

Чернуха В.Г. Александр III // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С.5-34.

- Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. В 3-х ч. М., 1898. Ч.1—3.
- Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899.
- Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма. Антология /Отв. ред. и авт. вступ. ст. М.А.Абрамов. М., 1997. С.40–55.
- Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. // Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998. С.542–615.
- Шацлло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // ВИ. 1967. № 4. С.50–60.
- Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программа. Тактика. М., 1985.
- Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). Аналитический обзор. М., 2003.
- Шевырин В.М. Земский и Городской союзы. 1914–1917. М., 2000.
- Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991.
- Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
- Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001.
- Шишкин О.А. Убить Распутина. М., 2000.
- Шубин Н.А. Общественные организации и государственные структуры в Первую мировую войну. Опыт сотрудничества в снабжении фронта // Армагеддон. Актуальные вопросы истории, философии, культурологии. М., 1999. Кн.3. С.78–93.
- Щеголев П.Е. Последний рейс Николая II. М.—Л., 1928.
- Юрий М.Ф. Буржуазные военно-общественные организации в Первую мировую войну. М., 1990.
- Юрий М.Ф. IX съезд представителей промышленности и торговли и образование Центрального военно-промышленного комитета // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы и факты /Отв. ред. Н.П.Ерошкин. М., 1989. С.140–147.
- Юрий М.Ф. Меньшевики и «рабочие группы» в военно-промышленных комитетах // Непролетарские партии России в трех революциях: Сб. ст. /Под ред. Б.Д.Галперинной и др. М., 1989. С.140–155.
- Юрий М.Ф. Центральный военно-промышленный комитет. 1915 — 1917 гг. Организационное устройство и деятельность. Черновцы, 1986.
- Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., 1993.
- Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966.
- Armstrong J.A. Old-Regime Administrative Elites: Prelude to Modernization in France, Prussia and Russia // International Review of Administrative Sciences. 1971. Vol.38, № 1. P.30–52.
- Armstrong J.A. Tsarist and Soviet Elite Administrators // Slavic Review. 1972. Vol.31, № 1. P.20–38.
- Ascher A. The Revolution of 1905. Stanford, 1988. Vol.1; 1992. Vol.2.
- Ascher A. P.A.Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, 2001.
- Bohn T.M. Russische Geschichtswissenschaft von 1880 bis 1905: Pavel N. Miljukov und die Moskauer Schule. Köln—Weimar—Wien, 1998.

- Conroy M.S. Peter Arkad'evich Stolypin: Practical Politic in Late Tsarist Russia. Boulder, 1976.
- Eldersveld S.J. Political Elites in Modern Societies: Empirical Research and Democratic Theory. Ann Arbor, 1993.
- Essaulov A., Malone G. Rasputin: A Vindication // Contemporary Review. 1967. Vol.211, № 191. P.70–95.
- Essays on Russian Liberalism /Ed. by C.E.Timberlake. Columbia, 1972.
- Fallows T. Politics and the War Effort in Russia: The Union of Zemstvos and the Organization of the Food Supply. 1914–1916 // Slavic Review. 1978. Vol.37, № 1. P.37–58.
- Fisher G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge, 1958.
- Florinsky M.T. The End of the Russian Empire. Yale—Oxford, 1931.
- Frankland N. Imperial Tragedy. Nicholas II, Last of the Tsars. N. Y., 1961.
- Galai Sh. The Liberation Movement in Russia: 1900–1905. N. Y., 1973.
- Gleason W. The All-Russian Union of Towns and the Politics of Urban Reform in Tsarist Russia // Russian Review. 1976. Vol.35, № 3. P.290–302.
- Gleason W. The All-Russian Union of Zemstvos and World War I // The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government /Ed. by T.Emmons, W.S.Vucinich. Cambridge, 1982. P.365–382.
- Gleason W. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire. Philadelphia, 1983.
- Goldston R. The Russian Revolution. Lnd., 1967.
- Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia: 1905–1914 // Slavic Review. 1965. Vol.24, № 1. P.1–22.
- Haimson L. The Problem of Political and Social Stability in Urban Russia on the Eve of War and Revolution: Revisited // Slavic Review. 2000. Vol.59, № 4. P.1–29.
- Haimson L., Brian E. Labor Unrest in Imperial Russia during the First World War: A Quantitative and Implementation // War, Strikes and Revolution: The Impact of the War Experience on Italy, Germany, France, England and Russia /Ed. by L.Haimson, C.Tilly. Milan, 1992. P.500–511.
- Hamm M.F. Liberal Politics in Wartime Russia: An Analysis of Progressive Bloc // Slavic Review. 1974. Vol.33, № 3. P.453–468.
- Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle, Lnd., 1981.
- Hildermeier M. Die russische Revolution 1905–1921. Frankfurt am Main, 1989.
- Holliday E. Russia in Revolution. N. Y., 1967.
- Hosking G. The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914. Cambridge, 1973.
- Jones D.R. Nicholas II and the Supreme Command. An Investigation of Motives // Sbornik. Study Group on the Russian Revolution. 1985. № 2. P.47–65.
- Judg E.H. Plehve. Syracuse, 1983.
- Kochan L. Russia in Revolution. 1890–1918. Lnd., 1966.
- Korros A.S. Activist Politics in a Conservative Institution: The Formation of Fractions in the Russian Imperial State Council, 1906–1917 // Russian Review. 1993. Vol.52, № 1. P.1–19.
- Lieven D. Nicholas II. Emperor of all Russians. Lnd., 1993.
- Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven—Lnd., 1989.

- Lowe H.-D.* The Tsar and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917. N. Y., 1992.
- Mayzel M.* Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution. A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabruck, 1979.
- Menashe L.* Alexander Guchkov and the Origins of the Octobrist Party: The Russian Bourgeoisie in Politics. N. Y., 1966.
- Mosca G.* The Ruling Class. N. Y., 1939.
- Orlovsky D.T.* The Limits of Reform: The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia, 1802–1881. Cambridge–Lnd., 1981.
- Pares B.* The Fall of the Russian Monarchy. Lnd., 1939; N. Y., 1961.
- Pareto V.* The Rise and Fall of the Elites: The Application of Theoretical Sociology. N. Y., 1968.
- Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917. Lnd., 1977.
- Pintner W.M.* The Social Characteristics of the Early XIX Century Russian Bureacracy // Slavic Review. 1970. Vol.29, № 1. P.429-443.
- Pipes R.* Struve: Liberal on the Right, 1905–1944. Cambridge–Lnd., 1980.
- Raeff M.* The Russian Autocracy and its Officials // Russian Thought and Politics /Ed. by H.McLean. Cambridge, 1957. P.30-52.
- Raeff M.* The Bureaucratic Phenomenon of Imperial Russia: 1700–1905 // American Historical Review, 1979. Vol.84, № 2. P.15-32.
- Riha T.* A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. Notre Dame–Lnd., 1969.
- Robbins R.G.* The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca–Lnd., 1987.
- Robbins R.G.* His Excellency the Governor: The Style of Russian Provincial Governance at the Beginning of the Twentieth Century // Imperial Russia 1700–1917: State, Society, Opposition: Essays in Honor of Marc Raeff /Ed. by E.Mendelsohn and M.T.Shatz. DeKalb, 1988. P.76-92.
- Rosenberg W.G.* Kadets and the Politics of Ambivalens, 1905–1917 // Essays on Russian Liberalism /Ed. by C.E.Timberlake. Columbia, 1972. P.40-62.
- Rosenberg W.G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974.
- Russia under the Last Tsar. Opposition and Subversion 1894–1917 /Ed. by A.Geifman. N. Y., 1999.
- Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century /Ed by W.M.Pintner and D.K.Rowney. Chapel Hill, 1980.
- Seton-Watson H.* The Decline of Imperial Russia. Lnd., 1952.
- Siegelbaum L.* The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917: A Study of the War-Industries Committees. N. Y., 1983.
- Solisbury H.* Black Night, White Snow: Russia's Revolutions, 1905–1917. N. Y., 1978.
- Stockdale M.K.* Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918. Ithaca–Lnd., 1996.
- Stone N.* The Eastern Front, 1914–1917. Lnd., 1975.
- Szeftel M.* The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institution of

- the Duma Monarchy. Brussels, 1976.
- Taylor E.* The Fall of the Dynasties. Garden City, 1963.
- Torke H.-J.* Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Forschung zur osteuropäischen Geschichte (Berlin). 1967. Bd.13. S.7-345.
- Verner A.M.* The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990.
- Wortman R.S.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton–N. Y., 1999. Vol.2.
- Yaney G.L.* The Systematization of Russian Government: Social Evolution in Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana, 1973.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
председатели судебных палат	-	-	-	-	-	-	-	14	-
председатели окружных судов	-	-	-	-	-	-	-	11	-
послы	2	-	-	-	-	-	-	114	-
посланники	1,4	-	-	-	-	-	-	89,1	8
статс-секретари его величества	15	3	8	1	-	-	-	-	25
почетные опекуны	10,8	14,3	2,5	0,7	-	-	-	-	24
	9	1	4	-	-	-	-	-	75
	6,5	4,8	1,3	-	-	-	-	-	-
2) Ранги чинов	139	21	313	149	115	89	126	128	32
	100	100	100	100	100	100	100	100	100
чины 1 класса	1	-	1	-	-	-	-	-	-
	0,7	-	0,3	-	-	-	-	-	-
- 2 класса	71	7	62	17	6	-	-	1	-
	51,1	33,3	19,8	11,4	5,2	-	-	0,8	-
- 3 класса	63	9	250	59	18	-	5	20	7
	45,3	42,9	79,9	39,6	15,6	-	4	15,6	21,9
- 4 класса	4	5	-	65	63	28	89	94	22

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
- 5 класса	2,9	23,8	-	43,6	54,8	31,5	70,6	73,4	68,8
	-	-	-	8	17	27	29	12	3
- 6 класса	-	-	-	5,4	14,8	30,3	23	9,4	9,4
	-	-	-	-	9	15	3	1	-
- 7 класса	-	-	-	-	7,8	16,8	2,4	0,8	-
	-	-	-	-	2	11	-	-	-
- 8 класса	-	-	-	-	1,7	12,4	-	-	-
	-	-	-	-	-	6	-	-	-
- 9 класса	-	-	-	-	-	6,7	-	-	-
	-	-	-	-	-	2	-	-	-
3) Гражданские чины	-	-	-	-	-	2,2	-	-	-
	73	12	261	111	71	75	126	127	26
3) Придворные	52,5	57,1	83,4	74,5	61,7	84,3	100	99,2	81,3
	55	10	22	32	36	20	1	1	26
4) Военные	39,6	47,6	21,4	21,5	31,3	22,5	0,8	0,8	81,3
	32	5	11	32	41	13	-	-	1
5) Сословное происхождение	23	23,8	3,5	21,5	35,6	14,6	-	-	3,1
	139	21	313	149	115	89	126	128	32
потомственные дворяне	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	114	13	247	102	96	80	47	81	27
	82	62	79	68,5	83,5	90	37,3	63,3	84,4
в т.ч. Гедиминовичи	2	1	2	1	1	-	-	-	1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
- Рюриковичи	1,4 4	4,8	0,6	0,7	0,9	-	-	-	3,1
- титулованные дворяне	2,9 21	-	4	3	5	1	-	-	-
- старые дворяне	15,1 73	-	1,3	2	4,3	1,1	-	-	-
- безземельные старые дворяне	52,5 27	3	24	10	11	8	4	6	4
- новые дворяне	19,4 41	14,3 52,4	7,7	6,7	9,6	9	3,2	4,7	12,5
выходцы из других сословий	29,5 25	11	158	72	80	64	34	49	24
6) Вероисповедный состав	52,5 27	52,4	50,1	48,3	69,6	71,9	27	38,3	75
православные	19,4 17	33,3	27,8	26,8	23,5	41,6	23	21,1	13
инославные	41	2	89	30	16	16	13	32	3
в т.ч. лютеране	29,5 15	9,5	28,4	20,1	14	18	10,3	25	9,4
7) Возрастной состав	25	8	66	47	19	9	79	47	5
	16,6	38,1	21	31,5	16,5	10,1	62,7	36,7	15,6
	139	21	313	149	115	89	126	128	32
	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	122	19	267	136	102	84	109	118	28
	87,8	90,5	85,3	91,3	88,7	94,4	86,5	92,2	87,5
	17	2	46	13	13	5	17	10	4
	12,2	9,5	14,7	8,7	11,3	5,6	13,5	7,8	12,5
	15	2	32	8	10	5	11	7	3
	10,8	9,5	10,2	5,4	8,7	5,6	8,7	5,5	9,4
	139	21	313	149	115	89	126	128	32

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
лица моложе 31 года	100	100	100	100	100	100	100	100	100
- от 31 года до 35 лет	-	-	-	-	-	5	-	-	-
- от 36 до 40 лет	-	-	-	-	-	5,6	-	-	-
- от 41 года до 45 лет	-	-	-	-	-	8	-	-	-
- от 46 до 50 лет	-	-	-	-	-	9	-	-	-
- от 51 года до 55 лет	-	1	-	9	12	27	1	-	-
- от 56 до 60 лет	-	4,8	-	6	10,4	30,3	0,8	-	-
- от 61 года до 65 лет	2	1	6	16	23	11	6	2	2
- от 66 до 70 лет	1,4	4,8	2	10,7	20	12,4	4,8	1,6	6,3
- от 71 года до 75 лет	6	3	22	32	31	22	30	30	8
- от 76 до 80 лет	4,3	14,3	7	21,5	27	24,7	23,8	23,4	25
	17	6	51	39	32	11	33	28	5
	12,2	28,6	16,3	26,2	27,8	12,4	26,2	22	15,6
	24	2	62	26	5	1	25	25	11
	17,3	9,5	19,8	17,5	4,3	1,1	19,8	19,5	34,4
	31	5	63	22	5	4	14	19	4
	22,3	23,8	20,1	14,8	4,3	4,5	11,1	14,8	12,5
	27	2	57	3	2	-	9	16	2
	19,4	9,5	18,2	2	1,7	-	7,1	12,5	6,2
	12	-	33	2	1	-	7	7	-
	8,6	-	10,5	1,3	0,9	-	5,6	5,5	-
	14	1	17	-	-	-	1	1	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
- старше 80 лет	10,1 6	4,8	5,4	-	-	-	0,8	0,8	-
8) Образовательный уровень	4,3	-	0,6	-	-	-	-	-	-
лица с высшим образованием	139	21	313	149	115	89	126	128	32
- со средним образованием	100	100	100	100	100	100	100	100	100
- с домашним образованием	124	20	291	135	67	58	111	124	27
	89,2	95,2	93	90,6	58,3	65,2	88,1	97	84,4
	14	-	21	10	48	31	15	4	3
	10,1	-	6,7	6,7	41,7	34,8	12	3,1	9,4
	2	1	1	6	-	-	-	-	2
	1,3	4,8	0,3	4	-	-	-	-	6,2
9) Имущественное положение	139	21	313	149	115	89	126	128	32
лица без недвижимости	100	100	100	100	100	100	100	100	100
- с недвижимостью	66	13	188	108	64	56	114	94	18
землевладельцы	47,5	62	60	72,5	55,7	63	90,5	73,4	56,3
в т.ч. владельцы имений до 100 десятин	73	8	125	41	51	33	12	34	14
	52,5	38	40	27,5	44,3	37	9,5	26,6	43,7
	67	7	111	37	51	32	6	27	12
	48,2	33,3	35,5	24,8	44,3	36	4,8	21,1	37,5
- от 101 до 500	2	-	10	3	3	-	2	2	-
	1,4	-	3,2	2	2,6	-	1,6	1,6	-
	13	2	20	9	9	5	2	9	-
	9,4	9,5	6,4	6	7,8	5,6	1,6	7	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
- от 501 до 1000	9 6,5	1 4,8	19 6,1	6 4	14 12,2	9 10,1	1 0,8	7 5,5	2 6,3
- от 1001 до 5000	26	2	37	8	17	12	1	6	6
- от 5001 до 10000	18,7	9,5	11,8	5,4	14,8	13,5	0,8	4,7	18,7
- от 10001 до 25000	6	1	10	4	2	4	-	-	2
	4,3	4,8	3,2	2,7	1,7	4,5	-	-	6,3
- свыше 25000	1	-	3	1	-	-	-	-	-
	0,7	-	1	0,7	-	-	-	-	-
	5	1	2	-	-	-	-	-	-
- без указанного размера	3,6	4,8	0,6	-	-	-	-	-	-
	5	-	10	6	6	2	-	3	2
домовладельцы	3,6	-	3,2	4	5,2	2,3	-	2,3	6,3
заводовладельцы	20	5	24	15	15	2	6	11	2
	14,4	23,8	7,7	10,1	13	2,3	4,8	8,6	6,3
владельцы родовой недвижимости	2	1	2	1	-	-	-	-	2
	1,4	4,8	0,6	0,7	-	-	-	-	6,3
- приобретенной недвижимости	48	6	92	25	47	23	6	24	14
	34,5	28,6	29,4	16,8	40,9	25,8	4,8	18,7	43,7
- обеих видов недвижимости	33	4	60	12	13	18	8	12	1
	23,7	19,1	19,2	8	11,3	20,2	6,3	9,4	3,1
	8	2	27	11	9	8	2	2	1
	5,8	9,5	8,6	7,4	7,8	9	1,6	1,6	3,1

Источник: Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // ИГВ. 1995. Вып.5. С.29-46 (кроме VII и VIII).

Таблица 2. Списки кандидатов на министерские посты, составленные А.В.Кривошеиным и графом В.В.Мусиним-Пушкиным (не позднее февраля 1915 г.)

	1-я комбинация	2-я комбинация	3-я комбинация	Запасные кандидаты
1	2	3	4	5
1) Председатель Совета министров	А.В.Кривошеин	П.А.Харитонов	П.А.Харитонов	И.Л.Горемыкин
2) Министр иностранных дел	С.Д.Сазонов	С.Д.Сазонов	С.Д.Сазонов	
3) Министр финансов	П.Л.Барк	П.Л.Барк	П.Л.Барк	
4) Морской министр	И.К.Григорович	И.К.Григорович	И.К.Григорович	
5) Министр внутренних дел	В.Ф.Джунковский	А.В.Кривошеин	В.Ф. Джунковский	П.Н.Игнатьев, В.М.Волконский
6) Министр юстиции	П.А.Харитонов	П.А.Харитонов	П.А.Харитонов	А.Д.Самарин, Н.Н.Львов
7) Военный министр	Н.Н.Янушкевич	Н.Н.Янушкевич	Н.Н.Янушкевич	А.А.Поливанов, М.В.Алексеев, Н.В.Русский
8) Министр просвещения	П.Н.Игнатьев	Н.И.Гучков	П.Н.Игнатьев	Андрей А. Боб- ринский
9) Главноуправляющий землеустройством	А.В.Кривошеин	П.Н.Игнатьев	А.В.Кривошеин	
10) Министр торговли и промышленности	Н.И.Гучков	С.И.Четвериков	Н.И.Гучков	А.И.Коновалов, Андрей А. Боб- ринский

1	2	3	4	5
11) Министр путей сообщения	Н.Л.Шукин	Н.Л.Шукин	Н.Л.Шукин	С.В.Рухлов
12) Государственный контролер	В.А.Ржевский	В.А.Ржевский	В.А.Ржевский	М.В.Челноков, П.А.Харитонов
13) Обер-прокурор Св. Синода	А.Д.Самарин	А.Д. Самарин	А.Д.Самарин	Андрей А. Боб- ринский и А.К.Рачинский
14) Председатель Комитета военных заготовок (на правах министра без портфеля)	В.М.Волконский (товарищ пред- седателя – В.Л.Колонтай)	В.М.Волконский (товарищ пред- седателя – В.Л.Колонтай)	А.В.Кривошеин (товарищ пред- седателя – В.Л.Колонтай)	Н.И.Гучков
15) Председатель Комитета по продовольствию страны и армии (на правах министра без порт- феля)	Г.Е.Львов (това- рищ председа- теля – Г.В.Глинка, С.Н.Ленин, Н.П.Муратов)	Г.Е.Львов (това- рищ председа- теля – Г.В.Глинка, С.Н.Ленин, Н.П.Муратов)	Г.Е.Львов (това- рищ председа- теля – Г.В.Глинка, С.Н.Ленин, Н.П.Муратов)	
16) Председатель Комитета по снабжению топ- ливом (на правах министра без портфеля)	М.В.Челноков	М.В.Челноков	М.В.Челноков	
17) Председатель Комитета по делам Польши (на правах министра без портфеля)	И.А.Шебеко	И.А.Шебеко	И.А.Шебеко	С.И.Велепольс- кий, Я.С.Гарусевич

1	2	3	4	5
18) [Министр без портфеля от Думы]	Н.Н.Львов	Н.Н.Львов	Н.Н.Львов	А.Н.Хвостов, П.Н.Балашев, В.А.Бобринский, В.В.Шульгин, В.М.Волконский, С.Т.Варун- Секрет, А.Д.Протопопов, Н.А.Хомяков, Н.В.Савич, С.И.Шидловский, В.А.Ржевский, М.В.Челноков, В.А.Маклаков
19) [Министр без портфеля от Госсовета]	Н.С.Авдаков	Н.С.Авдаков	Н.С.Авдаков	С.И.Зубчанинов, М.М.Ковалевс- кий, А.Н.Наумов, Д.А.Олсуфьев, М.А.Стахович, Н.Ф.Сухоминов, В.И.Тимирязев, Н.П.Урусов

Источник: Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы // РП. 1996. Кн.6. С. 159-162.

Таблица 3. Суммы, отпущенные Советом министров благотворительным организациям, занимавшимся помощью раненым и большим воинам (август 1914 - сентябрь 1916 г.) (в млн. руб.).

	VIII, 14	IX, 14	X, 14	XI, 14	XII, 14	I, 15	II, 15
1	2	3	4	5	6	7	8
1) Вел. кн. Анастасия и Милица Николаевны							
2) Вел. кн. Виктория Федоровна							
3) В.М.Пуришкевич (уполномоченный Красного Креста)							0,05 0,2%
4) Всероссийский земский союз	4 28,1%	10 66,5%	10 62,5%	1,25 14,7%	9,25 43,4%		13,42 62,6%
5) Всероссийский национальный союз					0,35 1,6%		
6) Всероссийский союз городов	3 21,1%	2 13,3%	3 18,8%	1,25 14,7%	1,25 5,9%	1,3 22,9%	5,3 24,7%
7) Всероссийское общество здравниц							
8) Киевское дворянство					0,15 0,7%		
9) Комитет латышских стрелковых батальонов							
10) Комитет поезда «Русский солдат»							
11) Комитет членов Государственной думы		0,05 0,3%				0,1 1,8%	
12) Курское губернское земство					1 4,7%		

1	2	3	4	5	6	7	8
13) Курское дворянство							
14) Московское городское общественное управление		3 19,9%		3 35,3%		4 70,6%	
15) Областной комитет земства Юго-Западного края	7,2 50,7%						0,17 0,8%
16) Общедворянская организация							
17) Петроградское городское общественное управление				3 35,3%			2,5 11,7%
18) Подольское губернское земство							
19) Полтавское губернское земство					0,3 1,4%		
20) Российское автомобильное общество							
21) Российское общество Красного Креста			3 18,8%		9 42,3%		
22) Российское пожарное общество							
23) Санитарные организации вел. кн. Марии Павловны						0,24 4,2%	
24) Санитарный отряд Сената и Министерства юстиции						0,03 0,5%	
25) Санитарный транспорт вел. кн. Марии Николаевны							
26) Смоленское дворянство							
Всего	14,2 100%	15,05 100%	16 100%	8,5 100%	21,3 100%	5,67 100%	21,44 100%

	III, 15	IV, 15	V, 15	VI, 15	VII, 15	VIII, 15	IX, 15
1	2	3	4	5	6	7	8
1) Вел. кн. Анастасия и Милица Николаевны		0,1 0,6%					
2) Вел. кн. Виктория Федоровна							
3) В.М.Пуришкевич (уполномоченный Красного Креста)							
4) Всероссийский земский союз		11,09 70,4%		12,37 78,9%	0,87 7,5%	21,73 42%	16,4 62,5%
5) Всероссийский национальный союз			0,14 1,3%				
6) Всероссийский союз городов		3,93 24,9%	3,43 32,5%	2,17 13,8%	2,5 21,6%	12,52 24,2%	
7) Всероссийское общество здравниц							
8) Киевское дворянство							
9) Комитет латышских стрелковых батальонов							
10) Комитет поезда «Русский солдат»							
11) Комитет членов Государственной думы							
12) Курское губернское земство							
13) Курское дворянство							
14) Московское городское общественное управление	3,66 31,7%					5 9,7%	2,76 10,5%
15) Областной комитет земства Юго-Западного края		0,17 1,1%		0,14 0,9%	0,01 0,1%	0,36 0,7%	

1	2	3	4	5	6	7	8
16) Общедворянская организация				1 6,4%			
17) Петроградское городское общественное управление			3 28,4%		1,58 13,6%	7,1 13,7%	
18) Подольское губернское земство		0,47 3%				0,37 0,7%	
19) Полтавское губернское земство							
20) Российское автомобильное общество							
21) Российское общество Красного Креста	7,88 68,2%		3,98 37,7%		6,6 57%	4,36 8,4%	7 26,7%
22) Российское пожарное общество	0,01 0,1%				0,02 0,2%		
23) Санитарные организации вел. кн. Марии Павловны						0,3 0,6%	
24) Санитарный отряд Сената и Министерства юстиции						0,03 0,06%	
25) Санитарный транспорт вел. кн. Марии Николаевны							
26) Смоленское дворянство							0,07 0,3%
Всего	11,55 100%	15,76 100%	10,55 100%	15,68 100%	11,58 100%	51,77 100%	26,23 100%

	X, 15	XI, 15	XII, 15	I, 16	II, 16	III, 16	IV, 16
1	2	3	4	5	6	7	8
1) Вел. кн. Анастасия и Миллица Николаевны							
2) Вел. кн. Виктория Федоровна	0,05 0,08%			0,05 0,1%	0,05 8,2%		0,05 0,1%
3) В.М.Пуришкевич (уполномоченный Красного Креста)							
4) Всероссийский земский союз	31,83 50,5%			10,31 25,2%		34,14 47,7%	
5) Всероссийский национальный союз	0,18 0,3%			0,2 0,5%			
6) Всероссийский союз городов	8,74 13,9%			10,45 25,6%		10,66 14,9%	21,28 53,5%
7) Всероссийское общество здравниц							
8) Киевское дворянство							
9) Комитет латышских стрелковых батальонов					0,06 9,8%		
10) Комитет поезда «Русский солдат»			0,004 0,06%				0,01 0,03%
11) Комитет членов Государственной думы							
12) Курское губернское земство	0,27 0,4%				0,26 42,6%		
13) Курское дворянство							0,04 0,1%

1	2	3	4	5	6	7	8
14) Московское городское общественное управление	21,88 34,7%					16,75 23,4%	
15) Областной комитет земства Юго-Западного края				0,96 2,3%	0,05 8,2%		0,13 0,3%
16) Общедворянская организация			0,65 9,7%				
17) Петроградское городское общественное управление		0,43 5%		9,04 22,1%			
18) Подольское губернское земство							
19) Полтавское губернское земство							
20) Российское автомобильное общество	0,03 0,05%						
21) Российское общество Красного Креста		8,22 95%	6,03 90,3%	9,89 24,2%		10 14%	17,94 45,1%
22) Российское пожарное общество	0,08 0,1%				0,09 14,8%		
23) Санитарные организации вел. кн. Марии Павловны							0,3 0,8%
24) Санитарный отряд Сената и Министерства юстиции					0,1 16,4%		0,03 0,08%
25) Санитарный транспорт вел. кн. Марии Николаевны							
26) Смоленское дворянство							
Всего	63,06 100%	8,65 100%	6,68 100%	40,9 100%	0,61 100%	71,55 100%	39,78 100%

	V, 16	VI, 16	VII, 16	VIII, 16	IX, 16	VIII, 14 – IX, 16
1	2	3	4	5	6	7
1) Вел. кн. Анастасия и Милица Николаевны						0,1 0,01%
2) Вел. кн. Виктория Федоровна			0,05 0,05%			0,25 0,04%
3) В.М.Пуришкевич (уполномоченный Красного Креста)						0,05 0,007%
4) Всероссийский земский союз			65,29 65,7%	78,43 92,1%		330,38 46,6%
5) Всероссийский национальный союз	0,22 40,7%		0,23 0,2%			1,32 0,2%
6) Всероссийский союз городов			12,81 12,9%		23,26 85,9%	128,85 18,2%
7) Всероссийское общество здравниц				0,03 0,04%		0,03 0,004%
8) Киевское дворянство						0,15 0,02%
9) Комитет латышских стрелковых батальонов			0,15 0,2%			0,21 0,03%
10) Комитет поезда «Русский солдат»					0,01 0,04%	0,02 0,003%

1	2	3	4	5	6	7
11) Комитет членов Государственной думы					0,5 1,8%	0,65 0,09%
12) Курское губернское земство	0,27 50%				0,29 1,1%	2,09 0,3%
13) Курское дворянство					0,04 0,2%	0,08 0,01%
14) Московское городское общественное управление						60,05 8,5%
15) Областной комитет земства Юго-Западного края			1,09 1,1%	0,03 0,04%		10,31 1,5%
16) Общедворянская организация		0,54 2,6%				2,19 0,3%
17) Петроградское городское общественное управление			2,97 3%		2,97 11%	32,59 4,6%
18) Подольское губернское земство						0,84 0,1%
19) Полтавское губернское земство						0,3 0,04%
20) Российское автомобильное общество						0,03 0,004%
21) Российское общество Красного Креста		19,94 97,3%	16,75 16,9%	6,67 7,8%		137,26 19,4%

1	2	3	4	5	6	7
22) Российское пожарное общество			0,09 0,1%			0,3 0,04%
23) Санитарные организации вел. кн. Марии Павловны						0,84 0,1%
24) Санитарный отряд Сената и Министерства юстиции	0,05 9,3%					0,24 0,03%
25) Санитарный транспорт вел. кн. Марии Николаевны		0,01 0,05%				0,01 0,001%
26) Смоленское дворянство						0,07 0,01%
Всего	0,54 100%	20,49 100%	99,43 100%	85,16 100%	27,07 100%	709,21 100%

Источник: Справка по вопросу об отпуске средств на призрение раненых и больных воинов // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1277. Данные этой справки сведены в таблицу и округлены до тысячной доли.

Таблица 4. Редакции телеграммы князю Г.Е.Львову и М.В.Челнокову (сентябрь 1915 г.)

Редакция И.Л.Горемыкина	Редакция И.Л.Горемыкина и Николая II	Редакция А.В.Кривошеина, А.Д.Самарина, А.А.Хвостова и князя Н.Б.Щербатова
Его величество не изволил признать нужным депутации от Земского съезда и Съезда городов. Государь император повелел передать Вам, что Его императорское величество не изволил разрешать этим союзам и их съездам говорить от имени земской и городской России.	Его величество не признал нужным принимать депутацию Земского съезда и Съезда городов. Его величество поручил мне передать Вам, что Он, цenia заботы и заслуги Земского и Городского союзов по признанию раненых воинов, не изволил давать право этим союзам и их съездам говорить от имени земской и городской России.	Государь император высочайше повелеть соизволил передать Вам, что Его императорское величество, цenia труды и заслуги Земского и Городского союзов, проявленные ими в настоящую войну, не находит возможным принять депутацию от съездов по вопросам, не входящим в задачи Земского и Городского союзов.
РГИА. Ф.472. Оп.40 (194/2682). Д.47. Л.13.	РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.1454. Л.11.	РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.1454. Л.10,12.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Архивохранилища

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
НСБ РГИА – Научно-справочная библиотека Российского государственно-го исторического архива
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПФА РАН – Петербургский филиал архива Российской Академии наук
РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив

2. Печатные издания

АЕ – Археографический ежегодник
АРР – Архив русской революции (Берлин)
ВА – Вопросы архивоведения
ВЕУ – Вестник Еврейского университета (М.)
ВИ – Вопросы истории
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины
ВИЖ – Военно-исторический журнал
ВМУ – Вестник Московского университета
ВСПУ – Вестник Санкт-Петербургского университета
ГМ – Голос минувшего
ГМЧС – Голос минувшего на чужой стороне (Прага, Берлин)
ДД – Дела и дни (Пг.)
ИА – Исторический архив
ИВ – Исторический вестник
ИГВ – Из глубины времен (СПб.)
ИЖ – Исторический журнал
ИЗ – Исторические записки
ИСССР – История СССР
КА – Красный архив
МД – Минувшие дни (Л.)
МОЭИ – Международные отношения в эпоху империализма
НЖ – Новый журнал (Нью-Йорк)
НЧ – Новый часовой (СПб.)
ОИ – Отечественная история
ПИН – Прошлое и настоящее (Л.)
ПР – Пути революции (Харьков)
ПРР – Пролетарская революция
РА – Российский архив
РВ – Русское возрождение (М.–Нью-Йорк–Париж)
РЛ – Русская летопись (Париж)
РП – Русское прошлое (СПб.)
СА – Советские архивы
СЗ – Современные записки (Париж)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абросимов В.М. 343
 Авдаков Н.С. 66
Аврех А.Я. 20, 26, 27, 140, 142, 145, 150, 153, 154, 156-162, 259-264, 268, 271, 372, 375, 376, 378-380, 382, 388
 Агапов П.О. 264
 Адрианов А.А. 280
Айрапетов О.Р. 150, 264
 Акаемов Н.Ф. 387
 Акимов М.Г. 38, 124, 126, 127, 129, 163, 171, 353
Акимова Г.С. 149
 Александр I 346
 Александр II 30, 137, 339, 351
 Александр III 30, 33, 40, 137, 246
 Александр Михайлович 137, 147, 337, 359, 362-364, 366, 367, 371, 372, 380, 382, 385, 386, 390-392
 Александра Федоровна 30, 34, 51, 70, 76, 78, 79, 99, 100, 102-104, 112, 125, 135, 138, 145, 147, 152-155, 157-161, 163, 164, 176, 177, 186-188, 202, 211, 229-231, 240, 245, 247, 261, 263-265, 267-272, 274, 278-280, 288-291, 293-295, 300, 303-306, 319, 320, 324, 325, 331, 336-338, 344-346, 348-350, 352, 358, 361, 362, 364-366, 368-380, 382-388, 390, 391, 398
 Александров А.М. 331, 382, 385
 Алексеев Е.И. 11, 193, 266, 352
 Алексеев М.В. 80, 81, 83, 153, 163, 205-221, 223-225, 227, 233, 239, 240, 254, 257, 258, 267-270, 274, 318-328, 330-332, 361-363, 382-385, 390, 391, 397
Алексеева И.В. 20, 28, 265, 267, 373, 381, 391
Алексеева-Борель В.М. 153, 268, 382, 386
 Алексей Николаевич 142, 263, 283, 331, 337, 360, 366, 367, 371, 387
 Алиса Гессен-Дармштатская — см. Александр-Федоровна
 Алмазов Б.И. 158
Амальрик А. 137
Ананьич Б.В. 20, 22, 25, 28, 137, 138, 143, 144, 163, 391
 Анастасия Николаевна 70, 122
Андреева Т.В. 22
 Андреевский В.М. 348
 Андрей Владимирович 145, 152, 153, 158, 360, 364, 366-368, 379, 389-392
 Андроников В.М. 145, 146, 152, 163
 Андроников М.М. 48, 54, 73, 101-104, 114, 134, 135, 138, 144-146, 151, 152, 157, 158, 163, 176, 187,

203, 212, 261, 278, 291, 320, 321, 373
Анисимов Е.В. 25
 Анциферов Н.Н. 61, 236
 Апраксин П.Н. 160, 379
 Арапова З.В. 384
 Арсеньев В.С. 104
 Арцимович В.А. 250, 251
Астахов А.Б. 146
 Астров Н.И. 111, 333, 336, 338
Афанасьев Н.И. 379
 Ахлестышев П.Д. 166
Ашин Г.К. 22

Бабичев Д.С. 267
 Бадмаев П.А. 278, 280, 295, 305, 307, 354, 377 379, 380, 389
 Базилевский П.А. 313, 356, 381
 Базили Н.А. 210, 212, 213, 218, 275
 Балашев И.П. 68, 130, 140, 156, 163, 198, 267, 346, 348, 349, 387
 Балашев Н.П. 132, 155, 164, 346, 353, 355, 365
 Балашев П.Н. 42, 43, 62, 63, 266
 Балк А.П. 280
 Бальц В.А. 11, 121, 122, 162, 287
 Баних Ф.К. 11
 Барк П.Л. 10, 11, 15, 22, 26, 40, 48, 50, 54, 59, 61, 66, 78, 82, 93, 96, 136, 137, 141-147, 152-157, 159, 160, 176, 187, 232, 243, 261, 262, 266, 271, 272, 278, 282, 285, 308, 332, 373, 374, 376, 377, 379, 380, 383, 385, 388, 390, 392
 Барсов Л.В. 11, 354
 Барсуков Е.З. 214, 215, 217, 269, 270, 322, 323, 383
 Бартенов А.Н. 149
 Батюшин Н.С. 211, 320, 376
 Бахерахт В.Р. 253
 Бахрушин С.В. 336
Бахтурина А.Ю. 150
 Бейлис М.М. 141, 354, 389
 Белецкий С.П. 102, 103, 121, 138, 140, 142, 145, 146, 151, 157-159, 161-164, 181, 185, 254, 260-263, 267, 271, 272, 275, 276, 354, 372, 373, 375-381, 383-386, 389, 390
 Бельгард А.В. 11
 Бельгард А.К. 11
 Беляев М.А. 22, 187, 188, 306, 307, 314, 321, 344, 345, 380

Беляев С.Г. 21, 22
 Бенкендорф А.К. 29, 137, 256, 258, 276
 Бенкендорф П.К. 29, 137, 355
 Беннигсен Э.П. 316, 379, 382
Берберова Н.Н. 161, 391, 392
Берк Э. 28
 Бертгольдт Г.П. 289
Бибин М.А. 164, 388
Блок А.А. 19, 27, 373
Бобринский Александр А. 23, 24
 Бобринский Алексей А. 14, 34, 104, 124, 126, 127, 133, 138-140, 142, 151, 154, 162-164, 170, 173, 186, 187, 192, 197, 221, 230, 236, 261, 265, 266, 292, 293, 295, 304, 318, 321-324, 348, 350, 357, 374, 383, 390
 Бобринский Андрей А. 46, 47
 Бобринский В.А. 86, 88
 Бобринский Г.А. 71
 Богданович А.В. 137-139, 141, 142, 157, 163, 171, 172, 260, 266, 271, 379
 Богданович Е.В. 168, 169, 171
 Бок М.П. 271
 Бонч-Бруевич М.Д. 331, 376, 385
 Борис Владимирович 360, 366, 367
 Борисов И.Н. 185
Бородин А.П. 21, 28, 142, 162, 163, 264, 266, 387
 Бородин М.М. 22, 162
 Боткин Е.С. 355
 Боткин П.С. 250, 251, 253
Боханов А.Н. 21, 28, 137
 Брамсон Л.М. 244
 Брасова Н.С. 360
 Братиано И. 256, 257
 Брусилов А.А. 214, 215, 218, 269, 270, 330, 331, 363, 384, 385, 391, 392
 Брут Д.Ю.А. 316
 Брюн-де-Сент-Ипполит В.А. 11, 341
 Брюс Локкарт Р.Г. 209, 268, 269, 387, 390
 Брянский В.Д. 57-59, 61
 Брянчанинов А.Н. 149
 Брянчанинов Н.А. 354
 Бубликов А.А. 211, 244
 Бубнов А.Д. 153, 210, 211, 268, 319, 382, 384
 Будберг А.А. 34, 139
 Буксгевден С.К. 137
 Булацель П.Ф. 198, 258
Булгакова Л.А. 22, 147
 Булыгин А.Г. 34, 126, 138, 139, 170, 352
 Бунге Н.Х. 31, 32, 40, 137, 138, 141
Бурджалов Э.Н. 20, 27
 Бурдые П. 399
 Бурцев В.Л. 376
 Бурышкин П.А. 23, 137, 147, 336, 386
 Бьюкенен Д.У. 52, 105, 109, 143, 145, 160, 227, 249-251, 255, 257-259, 261, 262, 275, 276, 297, 306-308, 329, 337, 338, 340, 350, 362, 368, 373, 377, 379, 380, 385, 390
 Бьюкенен М. 391
Бэтс Р. 137
 Бюлов Б., фон 32, 138

Вакар Н.П. 268
 Валуев Ф.М. 291, 307
 Вальтер Ф.А. 11
Вандалковская М.Г. 145
 Варбург Ф. 279

Варехова С.И. 22
 Варженевский А.К. 11
 Варнава (Накропин В.) 101
 Варун-Секрет С.Т. 69, 88, 179, 282
 Васильев А.А. 357
 Васильев А.Т. 23, 317, 343, 387
 Васильев Н.П. — см. Гурлянд И.Я.
 Васильчиков Б.А. 124, 131, 133, 135, 164, 182, 193, 194, 348, 353, 355, 365, 389
 Васильчикова Л.Л. 137, 155, 263, 377, 382, 385, 388, 389
 Васильчикова С.Н. 146, 164, 348, 388, 389
Васюков В.С. 20, 28, 262, 267, 270, 274, 275
 Вебер М. 25, 165
 Вебер С.Ф. 11, 126, 202
 Веденяпин А.А. 61, 242, 243
 Вейнштейн Г.Э. 134
 Велепольский В.И. 231
 Велепольский С.И. 212
 Вельяминов Н.А. 372
 Венизелос Э. 257
 Веревкин А.Н. 121, 354
 Верховский А.И. 143, 144, 150, 162, 210, 269, 380, 392
 Вивiani Р. 265
 Виктория 31, 137
 Виктория Федоровна 122, 242, 360, 365, 370
 Викторов Д.А. 11
 Вильгельм II 34, 137, 139
 Вильсон В. 329
Вильтон Р. 24
 Вильчковский С.Н. 385
 Винберг Ф.В. 141
 Виноградов К.Ф. 11
Витенберг Б.М. 21, 22, 154, 263, 375, 390
 Витте С.Ю. 18, 24, 27, 34, 36, 40, 89, 125, 126, 137, 139, 140, 141, 143, 144, 158, 162, 163, 169, 260, 266, 381, 390
Вишневски Э. 140
 Вишневский Е.И. 280
 Владимир (Богоявленский В.Н.) 103
Вовина В.Г. 22
 Воеводский Н.А. 279, 373
 Воеводский С.А. 353
 Воейков В.Н. 81, 84, 137, 140, 145, 149, 150, 152-155, 157, 158, 161, 185, 203, 206, 207, 261, 263, 267, 268, 274, 278, 291, 294, 295, 301, 320, 321, 323, 328, 329, 332, 372, 373, 377, 378, 382-385, 390, 392
 Войновский-Кригер Э.Б. 25, 306, 311, 379
 Волжин А.Н. 102, 103, 180, 188, 230, 307, 354
 Волков А.А. 141, 375
 Волконский В.М. 49, 50, 55, 65, 71, 85, 145, 158, 179, 180, 236, 262, 263, 278, 280, 287, 292, 298, 314, 360, 363, 364, 380
 Волконский С.М. 146, 157
 Вонлярлярский В.М. 137
Воронкова С.В. 145
 Воронцов-Дашков И.И. 45, 143
Воррес И. 140, 157, 158, 380, 390
 Воскресенский Б.Д. 220
 Врангель Н.А. 265, 363, 373, 376, 391
 Врангель П.Н. 370, 382, 392
 Вуич Н.И. 11
 Вуич Э.И. 11
Вульф Д. 22

* В указатель включены имена реальных исторических лиц и псевдонимы из основного текста книги и примечаний. В указатель не включены имена, присвоенные учебным заведениям и наградам.

Вырубов В.В. 214, 268, 324, 383
 Вырубова А.А. 51, 81, 82, 102, 103, 114, 134, 135, 137, 144, 151-153, 157, 158, 176, 177, 187, 209, 212, 261, 269, 294, 295, 303, 325, 337, 338, 343, 344, 348, 366, 369, 373, 374, 376, 377, 382, 384, 386, 388, 390-392
 Вяземский Д.Л. 332
 Вязигин А.С. 354

Гавриил Константинович 366, 367, 391, 392
 Гагарин С.В. 356
 Галзьяцкий С.А. 237, 244
Гайда Ф.А. 21, 28
 Галкин-Врасский М.Н. 136
Гальперина Б.Д. 22
Ганелин Р.Ш. 19-22, 25, 26, 28, 137-139, 144-146, 150, 152, 153, 156, 159, 162, 163, 259, 260, 262, 268, 270, 275, 374, 375, 379-382, 384, 385, 389
 Ганскау Я.Ф. 11
 Гарин Н.П. 12, 134
 Гвоздев К.А. 121, 342, 343
 Гедда А.Н. 11
 Гейден А.Ф. 41, 152
 Георг V 255, 278
 Георгиевский Л.А. 11, 354
 Георгий Михайлович 363, 391
 Герард Н.Н. 11
 Герасимов А.В. 26, 53, 142, 366, 391
 Гербель С.Н. 353, 356
 Герье В.И. 22, 26, 27, 353
Гессен В.М. 27
 Гессен И.В. 77, 139, 152, 159, 185, 209, 263, 264, 266, 269
 Гиппиус З.Н. 260
 Гирс М.Н. 256, 276, 290, 295
 Гирс Н.Н. 11
 Гирчич Г.П. 373
 Глинка Г.В. 65, 104
 Глинка Я.В. 146, 149, 156, 262, 263, 362, 372, 375-377, 380-382, 384, 389, 390, 392
 Глинка-Янчевский С.К. 354
Глинский Б.Б. 144
 Глобачев К.И. 272, 317, 381, 382, 387
 Говоруха-Отрок М.Я. 307
Гоголевский А.В. 25
 Годнев И.В. 283
 Гойнингген-Поне Э.Ф., фон 126, 353
 Голицын А.Д. 349
 Голицын Д.Б. 131
 Голицын Н.В. 362
 Голицын Н.Д. 134, 136, 186, 259, 261, 275, 304-306, 308, 309, 311-314, 316, 317, 338-341, 344, 345, 355, 357, 372, 374, 377, 379-381, 382, 386, 387, 389, 397
 Головин Ф.А. 36, 37, 138, 140
 Головина М.Е. 303
 Голубев И.Я. 11, 126, 127, 130, 136, 163, 205, 347, 348, 353, 355, 387, 388
 Горемыкин И.Л. 39, 41, 43-47, 49-51, 53-56, 59, 64, 66, 68-70, 72-74, 80, 82, 83, 86, 88-93, 96-99, 102, 104-111, 113-119, 121-123, 126-130, 132, 134, 136, 140, 142-144, 146, 151, 154, 156, 158-160, 162-164, 174-180, 187, 189, 205, 209, 246, 259, 262, 289, 302, 353, 393
 Горчаков А.М. 249
Граве Б.Б. 153

Гран П.К. 12
 Грей Э. 261, 262, 392
 Григорович И.К. 11, 82, 180, 220, 230, 235, 236, 273, 285, 287-289, 311, 327, 363, 375, 384
 Гримм Д.Д. 91, 193
 Гринвальд А.А. 12
 Гринмут В.А. 42, 171
 Грузинов А.Е. 333
Грунт А.Я. 153
Губастов К.А. 23, 24
 Гурко Василий И. 328-331
 Гурко Владимир И. 24, 58, 60, 95, 118, 137, 138, 143-145, 147, 154-156, 158, 162, 163, 167, 259, 260, 266, 271, 348, 357, 372, 379, 387, 395, 401
 Гурлянд И.Я. 14, 156, 167, 168, 179, 182, 221, 228, 236, 260, 284, 310, 311, 320, 343
 Гурьев П.В. 103
 Гучков А.И. 31, 37, 41, 42, 45-48, 50, 52, 67, 68, 87-90, 110-112, 118, 120-122, 130, 134, 141-143, 147, 149, 161-163, 203, 207, 210, 214, 222, 235, 239, 240, 245, 268, 274, 281, 283, 309, 315, 316, 321, 326, 330-333, 335, 337, 342-345, 365, 366, 369, 371, 372, 374, 380, 385-387, 392, 395
 Гучков Н.И. 46, 47, 65

Даев А.П. 12
 Данилов Ю.Н. 70, 78, 137, 379, 392
 Данилович Г.Г. 30
 Дейтрих В.Ф. 11
 Демидов Е.П. 257
 Демидов И.П. 76, 208, 268, 340
 Демидова С.И. 390
Демин В.А. 154
 Демкин Д.И. 384
 Демченко В.Я. 361
 Демчинский Н.А. 33
Ден Л. 140, 157, 380, 384, 390
 Деникин А.И. 330, 382, 384
 Деревницкий А.Н. 11, 354
 Джанумова Е.Ф. 145
 Джунковский В.Ф. 50, 51, 72, 102, 140, 145-149, 151, 158, 261
 Дистерло Р.А. 126, 193, 196-198, 266, 267
Дитерихс М.К. 217, 270
 Дмитрий Павлович 51, 359, 360, 366-368, 390-392
 Дмитрюков И.И. 49, 91, 282
 Добровольский А.А. 49
 Добровольский Н.А. 302, 303, 311, 312, 317, 338, 378, 381
 Долгополов Н.И. 335, 356
 Долгоруков Павел Д. 338
 Долгоруков Петр Д. 338, 357, 365, 389
 Драверт Л.С. 11
 Дрентельн А.А. 360
 Друцкой-Соколинский В.А. 58, 147, 153, 268, 300, 374, 377, 382
 Дубенский Д.Н. 207, 268, 379, 382, 385, 387, 392
Дубенцов Б.Б. 22
 Дубровин А.И. 26, 42, 141, 262, 336
 Дудыкевич В.Ф. 152
 Думер Г. 357
 Думитрашко П.Н. 22, 202
Думова Н.Г. 20, 28, 145, 147, 154
 Дурново П.Н. 124, 125, 133, 163, 401
Дьяков В.И. 143

Дякин В.С. 19-21, 25, 27, 28, 49, 140, 142-145, 154, 156, 159, 160, 260-262, 267, 270, 272, 291, 372, 373, 375, 379, 382, 385

Евлогий (Георгиевский В.С.) 163, 246, 249, 260, 275
 Евреинов Г.А. 83, 130, 146, 154, 163
 Евтифеев А.А. 23, 264
Егоров Б.Ф. 22
 Егорьев В.Н. 268
 Егорьев К.Н. 322
 Екатерина II 133
 Елизавета Федоровна 365, 369, 372, 391
Емец В.А. 20, 27, 384
 Енгальчев П.Н. 73
 Епанчин Н.А. 26, 139, 384
 Ермолов А.С. 124, 131, 354, 355
 Еропкин Р.Д. 354
 Ефремов И.Н. 91, 92, 94, 156

Жевахов Н.Д. 104, 160, 163, 230, 290, 316, 374, 375, 382, 385
 Живкович А.А. 11
 Живкович Д.А. 11
Жилин А.А. 156
 Жильяр П. 142, 263, 276, 362, 387, 391
 Жуковская В.А. 157
 Жуковский П.В. 33

Завадский С.В. 25, 121, 162, 271, 374
 Заю М.М. 117, 161
 Замысловский Г.Г. 162, 336
Заславский Д.О. 372
 Звегинцев А.И. 71, 150, 151
 Зверев Н.А. 22, 104
Звягинцев А.Г. 160, 266, 271, 378, 381
 Зейн Ф.А. 12, 280
Зеньковский А.В. 138, 140, 372
 Зиновьев А.Д. 126, 132, 155, 164, 353
 Зиновьев И.А. 353
 Зиновьев Н.А. 11, 353
 Золотарев И.М. 354
 Зубовский П.П. 161
 Зуев Н.П. 354
Зырянов П.Н. 140

Иван III 194
 Иваницкий Б.Е. 353
 Иванов Н.И. 22, 187, 188, 211, 212, 217, 269, 328
 Ивановский А.В. 316, 382
Игнатов В.Г. 22
Игнатъев М. 144
 Игнатъев П.А. 126, 136, 163, 202, 247, 275, 383
 Игнатъев П.Н. 46, 48, 54, 66, 71, 73, 74, 87, 108, 112, 144, 146, 149, 153-157, 160, 161, 179-181, 188, 194, 213, 220, 230, 231, 236, 238, 261-266, 271-273, 275, 285-288, 296, 303-307, 340, 350, 374-380, 382, 388, 389
 Игнатъева С.С. 227, 257, 259
 Извольский А.П. 17, 26, 201, 256, 266, 276, 376, 390
 Извольский П.П. 353
 Икскуль фон Гильденбандт Ю.А. 126, 376
 Иллиодор (Труфанов С.И.) 137
 Ильин А.А. 349
 Иоанн Тобольский (Максимович И.И.) 101

Иоффе Г.З. 20, 137, 143, 379, 389
Ирошников М.П. 137
Искендеров А.А. 21, 28
 Искрицкий М.А. 180

Каганович Б.С. 22
Казанский П.Е. 25
 Каменский П.В. 111
 Камышанский Н.Н. 11
 Каншин И.А. 334
 Капнист Д.П. 282
 Карабчевский Н.П. 373
 Карпов В.И. 356
Карнович М.М. 25, 144
 Кассо Л.А. 40, 45, 46, 72, 73
 Катеринич М.К. 11
Катков Г.М. 19, 27, 154
 Катков М.Н. 137
 Кауфман-Туркестанский П.М., фон 132, 155, 164, 192, 322, 347, 349, 353, 387, 388
 Квицинский М.Ф. 325
 Келеповский А.И. 12
 Керенский А.Ф. 44, 112, 118, 121, 137, 142, 145, 155, 162, 244, 283, 316, 317, 327, 341, 342, 360, 373, 374, 378, 381, 382, 385, 386, 390, 395
 Кизеветтер А.А. 145
 Кизеветтер Е.Я. 271
Кинг Г. 138
 Киреев А.А. 138
 Кирилл Владимирович 359, 360, 365-367
Кириянов Ю.И. 26, 141, 161
Киселев И.Ю. 22
 Кистер В.К. 12
Китанина Т.М. 20, 28
 Кишкин Н.М. 333, 336
 Клейнмихель М.Э. 153
 Клембовский В.Н. 206
 Клемм В.О., фон 253
Климов И.М. 154
 Климович Е.К. 211, 236, 239, 244, 273, 274, 376
 Клопов А.А. 33, 39, 138, 141, 158, 183, 184, 213, 263, 269, 310, 315, 324, 361, 362, 370, 371, 380, 381, 383, 387, 392
 Клыков М.Я. 72
 Ключев И.С. 93, 144, 145, 153, 156, 159, 160, 265, 379
 Ключевский В.О. 35
 Клячко Л.М. 138, 143, 162, 163, 170, 172, 174, 175, 260, 266, 378, 381, 384, 388, 391
Князьков С.А. 27
Кобылин В.С. 385
 Кобылинский П.П. 22, 350
 Ковалевский В.И. 33, 138
 Ковалевский М.М. 24, 26, 140, 141, 162, 163
 Коковцов В.Н. 38, 39, 101, 136, 139-141, 158, 164, 173, 174, 193-196, 204, 219, 261, 266, 267, 345, 347, 348, 350, 353, 355, 376, 387, 389, 390
Колоницкий Б.И. 21, 22, 28
 Колонтай В.Л. 65
 Колышко И.И. 247, 248
Кон Н. 141
 Кони А.Ф. 22, 26, 131, 138, 162, 163, 196, 387-389
 Коновалов А.И. 47, 66, 69, 122, 162, 210, 211, 214, 216, 222, 244, 245, 337, 342, 343, 345
 Констан Б. 37

Константин IX 257
 Константин Константинович 138, 141
Корелин А.П. 24
 Коренев С.А. 274, 379
 Коростовец И.Я. 141, 295
 Корф П.Л. 170
 Корф С.Н. 73
 Кофод К.А. 399, 401
Коцонис Я. 266
Коцюбинский Д.А. 142
 Кравченко П.С. 335, 338, 357
 Крашенинников И.С. 11, 354
 Крашенинников Н.С. 11, 104, 134
 Кривенко В.С. 137
 Кривошеин А.В. 22, 40, 43-56, 58-61, 64-66, 68-72, 74, 76-90, 92, 98, 99, 104, 105, 110, 111, 115-117, 120, 125, 128-131, 143-146, 150-152, 154, 155, 160, 161, 163, 172, 173, 193-198, 220, 231, 250, 263-267, 272, 275, 278, 287, 291, 321, 332, 340, 341, 349, 350, 361, 364, 365, 372, 373, 376, 378-380, 382, 386, 388, 389, 393
 Кривошеин К.А. 143, 154, 155, 157, 376
 Кривошеины 143, 376
 Кривцов А.Н. 134, 354
 Кригер-Войновский Э.Б. — см. Войновский-Кригер Э.Б.
 Крестовников Г.А. 65
 Крупенский Н.Д. 282
 Крупенский П.Н. 86, 89-91, 106, 108, 220, 270, 285, 292, 314
Крутина Т.Д. 144
 Крыжановский С.Е. 15, 22, 23, 25, 26, 102, 107, 126, 138-140, 158, 159, 225, 227, 230, 259, 260, 271, 304, 351, 354, 374, 377, 379, 387-389, 401
 Крымов А.М. 207, 210, 315, 330
 Ксения Александровна 369
 Ксюнин А.И. 207
 Кузмин И.А. 201
 Куколь-Яснопольский С.А. 298, 299, 301, 354, 373, 377, 378, 385
Куликов С.В. 22-25, 28, 137, 140, 142-146, 151, 154, 156-158, 161-164, 259-267, 272, 372, 375, 377, 378, 385-389, 391, 401
 Куломзин А.Н. 80, 129-131, 134, 136-138, 163, 164, 195, 202, 204, 205, 267, 347, 351, 352, 388
 Кульжинский Н.К. 185
 Кульчицкий Н.К. 22, 162, 267, 306, 307, 311, 379
 Куманин Л.К. 140, 141, 158, 264, 272, 374, 375, 381, 382, 388, 389, 392
 Куракин А.А. 348
 Куракин А.Б. 356
 Куракин И.А. 158, 348, 388
 Курлов П.Г. 57, 141, 147, 157, 162, 173, 259, 260, 280, 287, 298, 375, 377, 381, 385
 Куропаткин А.Н. 138, 141, 332
 Кускова Е.Д. 213
 Кушнырь-Кушнарев Г.И. 123, 336

Лаверычев В.Я. 19, 154, 386, 392
 Лавриновские 24
 Лавриновский Н.Н. 11
 Лавриновский Н.П. 11
 Лазаревский Н.И. 95, 156
 Ламздорф В.Н. 138
 Ламздорф-Галаган П.К. 300
 Ланговой Н.П. 23, 311

Лалин В.В. 22
 Лаппо-Данилевский А.С. 362
Лебедев С.К. 22
Леве Х.Д. 137
Левин Н.Ф. 23
 Левицкий Г.В. 23
Лейкина-Свирская В.Р. 25
 Лейхтенбергский А.Г. 364, 365, 371
 Лейхтенбергский С.Г. 369
 Лемке М.К. 151-153, 205, 207-210, 213, 260, 266, 268, 269, 272, 273, 275, 382, 383, 390
 Ленин (Ульянов) В.И. 395
 Ленин С.Н. 65
Леонтович В.В. 18, 25, 27
Ливен Д. 20, 28, 137, 162, 163
 Ливеровский А.В. 12
 Лигин В.В. 12
 Линевиц А.Н. 366, 368
 Линевиц Н.П. 138
 Литвинов-Фалинский В.П. 75, 245
Лихоманов А.В. 260
 Лобко П.Л. 32
 Ловягин Р.М. 23, 316
 Лодыженский И.Н. 89, 144, 147, 180, 182, 262, 263, 273, 286, 381, 382, 384
 Ломоносов Ю.В. 392
 Лонгинов А.В. 11
 Лопухин А.А. 141, 260
 Лопухин В.Б. 158, 262, 274, 374, 392
 Лорис-Меликов М.Т. 33
 Лубе Э. 157
Лукиан 160
 Лукомский А.С. 143, 328, 380
Лукоянов И.В. 21, 22
Лукьянов М.Н. 26
 Лукьянов С.М. 11
 Львов В.Н. 91, 186, 283
 Львов Г.Е. 26, 49, 52, 57-63, 65, 66, 68, 87, 88, 95, 110-112, 115-120, 148, 161, 209, 211, 213, 214, 216, 239, 240, 244, 269, 310, 324, 326, 330, 333, 335, 336, 338, 342, 343, 360, 362, 365, 369, 370, 372, 386
 Львов Л.М. — см. Клячко Л.М.
 Львов Н.Н. 83, 361, 364
 Лыкошин А.И. 126, 162
Лыщинский Л.В. 139
 Любимов Д.Н. 11, 73, 102, 193, 230, 266, 350
 Любимов Л.Д. 271, 388
 Любомирский С.Е. 272
 Людовик XIV 9
 Людовик XVI 9
 Лядов А.В. 121
Ляндрес С.М. 22, 401

 Маевский И.В. 19, 27
Мак-Ки А. 142
 Макаров А.А. 22, 103, 133, 173, 229, 230, 271, 285, 293, 297, 299, 302-304, 329, 352, 376, 378
Маккензи-Уоллес Д. 40
 Маклаков В.А. 14, 19, 25, 27, 185, 247, 263, 275, 336, 357, 363, 366, 391
 Маклаков Н.А. 11, 40, 43, 45, 49-51, 61, 63-66, 70-76, 128, 129, 133, 163, 174, 198, 202, 244, 260, 266, 278, 305, 306, 311, 314, 335, 345, 350, 354, 356-358, 379, 381, 389
 Максимович К.К. 135

Макушин А.В. 145
 Маликов А.И. 147, 236, 273
 Мамантов В.И. 22, 97, 157, 175, 261
 Манасевич-Мануйлов И.Ф. 157, 177, 185, 187, 248, 258, 261, 263, 264, 271, 275, 293, 302, 320, 373, 376, 378, 379, 387, 388
 Маниковский А.А. 23, 75, 214, 215, 218, 219, 222, 234, 269, 270, 322, 324, 326, 369, 382-384
 Манус И.П. 185, 211, 212
 Манухин С.С. 22, 26, 50, 126, 353
 Мария Николаевна 242
 Мария Павловна (младшая) 390
 Мария Павловна (старшая) 122, 242, 359-361, 367, 368, 370
 Мария Федоровна 126, 139, 169, 252, 275, 358, 359, 361, 362, 364, 367, 371, 375, 390
 Марков В.И. 23
 Марков 2-й Н.Е. 26, 39, 140, 162, 266, 298, 336, 354, 377
 Мартынов А.П. 239
Мартынов Е.И. 19, 27, 143, 272
 Марченко М.К. 246, 275
 Маслов С.Н. 111
 Маццато К. 21, 28, 147
Медушевский А.Н. 25
 Мейендорф А.Ф. 30, 43
 Мейер П.П. 280
 Меллер-Закомельский В.В. 91, 131, 193, 333
Мельгунов С.П. 19, 27, 111, 148, 149, 160, 161, 164, 269, 275, 375, 380, 383, 384, 386, 387
 Мещерский В.П. 138, 173
 Милица Николаевна 70, 71, 122, 250, 275
 Мильнер А. 315, 342, 381
 Милоков П.Н. 19, 25, 27, 38, 52, 57, 63, 84, 85, 91, 92, 95, 96, 142, 144, 145, 147, 154, 156, 162, 179, 180, 184, 200, 201, 212, 214, 226, 233, 253, 255, 262, 263, 266, 267, 269, 272, 279, 282-284, 286-290, 326, 335, 336, 338, 357, 362, 366, 373, 374, 376, 384, 386, 390, 391, 395
 Милютин П.Н. 50
Миронов Б.Н. 22, 24
 Митроцкий М.В. 340
 Михаил Александрович 118, 137, 283, 302, 310, 331, 337, 359, 360, 363, 367, 370-372, 392
 Михаил Михайлович 363, 380
 Михайловский Г.Н. 143, 146, 275, 276, 374, 378
 Мокиевский П.Г. 11
 Молодовский А.Н. 12
 Монтескье Ш.Л. 18
 Мордвинов А.А. 157, 263, 268, 344, 387
Москва Г. 22, 395
 Мосолов А.А. 137, 138, 141, 142, 153, 227, 252, 253, 271, 275, 293, 344, 376, 384, 387, 389, 390, 392
 Мрозовский И.И. 334
 Муравьев В.Н. 218
 Муравьев М.Н. 32
 Муратов Н.П. 65, 85, 134, 154, 164, 197, 259
 Мусин-Пушкин В.В. 45-50, 53, 69, 77, 83, 86-88, 143-146, 150, 152, 154, 155
 Мясоедов С.Н. 48, 144

Нардова В.А. 22, 264
 Нарышкин А.А. 16, 170
 Нарышкин К.А. 327
 Нарышкина А.Н. 154

 Наумов А.Н. 104, 105, 107, 108, 120, 146, 159, 160, 162-164, 180-182, 185, 186, 188, 191, 203-205, 216, 219, 220, 222, 224, 230, 236, 238, 262, 264, 265, 267, 269, 270, 271, 273, 318, 361, 382
 Наумов Я.Я. 337
 Неверов А.Н. 264
 Нейдгарт А.Б. 43, 102, 125, 194, 305, 348
 Нейдгарт Д.Б. 41, 104
 Некрасов Н.В. 214, 269, 283, 332
Нектария (Мак-Лиз Н.) 138
 Немешаев К.С. 22
 Ненарокомов Н.И. 11
 Нератов А.А. 12, 230, 246, 251, 259, 271, 272, 275, 276, 362
 Нессельроде К.В. 249
 Нечаев Н.И. 386
Николаевский Б.И. 274, 382
 Николаенко А.И. 311
 Николай 1386
 Николай II 10, 20, 24, 27-46, 50-53, 56, 58, 59, 62, 66, 69, 73-83, 86-93, 97-112, 114-121, 124-127, 134-145, 148, 150-155, 157-161, 163, 164, 166, 168, 169, 172, 174-178, 181, 183-188, 190, 192, 195, 200-202, 205-210, 212, 215, 217, 217, 219, 222-225, 227-231, 233, 234, 238, 240, 245, 248, 250, 252, 254, 255, 257, 259-280, 282-285, 289-296, 298-315, 317-319, 321-344, 347-393, 396, 398-401
 Николай Михайлович 162, 252, 258, 275, 320, 359-365, 368-372, 375, 377, 379, 380, 384, 390-392
 Николай Николаевич 64, 67, 70, 71, 73, 75, 76, 78-83, 89, 131, 151-153, 160, 208, 225, 327, 331, 359, 363, 365, 366, 369, 371, 391-393
 Никольский А.П. 22, 172, 265
 Никольский Б.В. 171
 Нилов К.Д. 338, 370
 Новгородцев П.И. 25
 Новицкий И.И. 126
 Нольде Б.Э. 10, 22, 106, 225
 Нольде Э.Ю. 26, 139

Обнинский В.П. 137, 139, 141
 Оболенская А.А. 163, 164
 Оболенский А.В. 240, 274, 332, 374, 378, 383, 385
 Оболенский Александр Д. 163
 Оболенский Алексей Д. 125, 128, 131, 132, 163, 164
 Оболенский А.Н. 103, 236, 280
 Оболенский В.А. 26, 140, 145, 147
 Оболенский Н.Л. 279, 323
 Озеров И.Х. 367
 Олсуфьев Д.А. 15, 279, 280, 360, 373
 Ольга Александровна 359
 Ольга Константиновна 361
Ольденбург С.С. 19, 27, 137, 138, 140-142, 157
 Ольденбургский А.П. 70, 219, 277, 359
 Ольденбургский П.А. 359
Ону А.М. 24
 Ордовский-Танаевский Н.А. 103
 Орлов В.Г. 113, 114, 241, 336
 Орлов В.Н. 70, 71, 73-77, 79, 126, 138, 150-152, 160
Орлов Ю.Г. 160, 266, 271, 378, 381
 Осипенко И.З. 177
 Осипов Н.П. 185
Островский А.В. 20, 28, 139
 Охотников В.Н. 354

Павел I 133, 338, 349
 Павел Александрович 51, 360, 364-367
 Павленков В.И. 287, 369
Павлов А.В. 22
Павлова Е.А. 22
Павлова Е.С. 22
 Павлов Н.А. 171
Пайнс Р. 20, 28, 146, 154, 157
 Палей О.В. 360, 368, 391, 392
 Пален К.И. 18
 Палеолог Ж.М. 14, 25, 45, 47, 125, 129, 143-145, 149, 152, 153, 156, 157, 162, 163, 194, 195, 197, 225, 227, 231, 249, 255, 263, 265-268, 271, 272, 275, 284, 337, 345, 350, 357, 359, 366, 367, 374-376, 378-380, 383, 386-392
 Палицын Ф.Ф. 353
 Паоли К. 157
 Панины 175, 261
 Папа-Афанасопуло И.А. 316
 Папиос (Анкосс Жерар) 30
Парето В. 22
Партаненко Т.В. 149
 Пасхалов К.Н. 148, 198, 262, 267, 354
П.Г. 382, 385
 Педжет 392
 Перетц Г.Г. 217, 269, 270, 384, 392
 Петерсон Н.Л. 136
 Петр I 31, 351
 Петр Николаевич 70
 Петров Н.П. 130, 136, 201
Петрова Е.Е. 389
Петропавловский С.С. 19, 27
 Петрункевич И.И. 24, 259
 Пильц А.И. 12, 40, 82, 211, 273
 Пираниг Р.Ю. 374, 381, 382, 388
Пирсон Р. 20, 27, 154
 Писаренков Б.В. 263
 Пистолькорс А.А., фон 51
 Питирим (Окнов П.В.) 177, 230, 325
 Плансон-Ростков Г.А. 253
Платонов О.А. 137
 Платонов С.Ф. 126
 Плеве В.К. 31, 33, 138, 141, 167-169, 259
 Плеве Н.В. 11, 354
 Победоносцев К.П. 31, 137
Погребинский А.П. 146, 149
 Позен Л.В. 12
 Покидов Н.А. 161
 Поклевский-Козелл С.А. 252
 Покотило В.И. 66
 Покровский Н.Н. 23, 126, 137, 181, 182, 195, 197, 204, 236, 237, 243, 262, 265, 273-275, 285, 286, 295, 305, 308, 310, 311, 365, 368, 375, 377, 380, 381
 Поливанов А.А. 48, 50, 51, 54-56, 68, 69, 73, 76, 77, 79-82, 84, 87-90, 97, 120, 126, 136, 142, 146, 149-153, 155-160, 163, 164, 180, 187, 188, 202, 203, 207, 211, 212, 235, 260, 262-264, 266, 269, 272, 273, 321, 357, 372, 379, 388
Поликарпов В.В. 269
 Полнер Т.И. 26, 148, 149, 156, 161, 269, 274, 336, 386
 Половцов А.А. (младший) 251
 Половцов А.А. (старший) 138, 139, 157, 260
 Полянский Н.П. 163
Понделков А.В. 22

Посников Н.П. 12
 Постников А.С. 286
Правилова Е.А. 22, 265, 388
 Прилежаев В.В. 23, 263
 Протопопов А.Д. 49, 143, 147, 149, 157, 220, 260, 271, 272, 274, 276-283, 285, 287, 289-303, 305, 306, 308-315, 317, 327-333, 335-347, 349, 352, 354, 368, 369, 371-382, 384-389, 392, 397
 Протопопов С.Д. 258, 276, 374, 381, 385
Процай Л.А. 137
 Прутенко С.М. 104
 Пуанкаре Р. 154
 Пугачев Е.И. 395
 Пуришкевич В.М. 121, 122, 263, 326, 347, 365, 366, 376, 384, 386-388, 391
 Пустовойтенко М.С. 207, 210
 Путилов А.И. 367
 Путилов А.С. 250, 259, 261, 275, 372, 374, 377, 379, 381
 Путятин М.С. 175
Пэйрс Б. 19, 27, 383

Радзивилл Е. 246
Радзинский Э.С. 137
 Раев Н.П. 23, 230, 311, 312, 325, 338
 Разумовский А.Н. 22, 354
 Разумовский В.И. 23, 311
 Распутин Г.Е. 23, 30, 40, 45, 48, 50, 51, 55, 56, 70, 73, 76-79, 99-104, 133, 137, 141, 144, 145, 152, 153, 157, 158, 173, 175-177, 183, 185, 187, 188, 205, 211, 212, 229, 230, 247, 249, 259, 261, 263, 265, 271, 278-280, 286, 290-295, 300, 302, 303, 305, 307, 309, 316, 319, 320, 325, 326, 328, 346, 347, 350, 356, 359-362, 366, 367, 369, 372, 375-377, 379, 391, 398
 Распутина М.Г. 157
 Рафес М. (Борисов М.Г.) 386, 387
Рахманова Н. 141
 Рачинский А.К. 48, 340
 Редигер А.Ф. 11, 150, 162, 196, 266, 345, 357, 387, 389
 Рейн Г.Е. 23, 141, 277, 283, 285, 316, 372, 374, 379-382, 389
Ремнев А.В. 138
 Решетников Н.Н. 103
 Ржевский Б.М. 185
 Римский-Корсаков А.А. 16, 123, 134, 162, 354, 358, 380, 386, 389
 Риттих А.А. 25, 144, 152, 160, 230, 295, 311, 329, 377, 384
Роббинс Р. 22
 Рогович А.П. 104
 Родзевич Н.Н. 198, 265, 267, 273
 Родзянко А.Н. 309, 315
 Родзянко М.В. 38, 39, 44, 45, 49-51, 56, 64, 70, 74, 75, 80, 81, 87, 88, 92, 97, 108, 140, 142, 143, 145, 148, 151-153, 155-157, 160, 179, 183, 185, 189-191, 201, 206, 210, 216, 218-222, 262-265, 267-270, 272, 278-280, 282-286, 288-290, 292-298, 300-302, 306, 308, 309, 311, 313-317, 321, 327-331, 333, 337, 356, 361, 365-368, 370-382, 384, 385, 387, 389, 390, 392
 Родичев Ф.И. 165
 Рождественский А.Н. 12
 Розен Р.Р. 199-201, 267, 353
Розенберг У.Д. 20, 21, 27, 28, 154
Романов А.Ф. 157, 266, 378

Романовы 24, 27, 38, 174, 270, 359, 364, 368, 370, 378, 379
 Рооп Х.Х. 353
 Ротшильд Э. 380
 Руадзе А.И. 298
 Рубинштейн Д.Л. 185, 211, 212, 320
Руднев В.М. 157, 263, 275
 Рузвельт Т. 200
 Рузский Н.В. 22, 315, 316, 330-332
 Русин А.И. 23
 Руссо Ж.Ж. 18
Рутыч Н.Н. 373
 Рухлов С.В. 22, 54, 59, 60, 66, 82, 92, 99, 113, 143, 161, 305, 352
Рыбка О.Ю. 354
 Рябушинский П.П. 65, 111, 115, 118, 134, 211, 244

Саблер В.К. 11, 26, 45, 49-51, 64, 66, 74-76, 151
 Саблин Н.П. 327
 Сабуров А.А. 136
 Сабуров П.А. 131, 164, 348, 388
 Савельев А.А. 137
 Савенко А.И. 361
Савич Г.Г. 138, 139, 141
 Савич Н.В. 49, 81, 140, 143, 153, 211, 269, 274, 282, 288, 333, 375, 377, 382, 385
 Сазонов Г.П. 158, 291
 Сазонов С.Д. 45, 55, 66, 70, 80, 84, 97-99, 106, 143, 145, 153-155, 176, 180, 183, 194, 195, 200, 201, 212-214, 218, 224-231, 236, 246-248, 250-253, 256, 259, 260, 266, 267, 271, 273, 278, 318, 345, 350, 360-362, 370
 Саломон А.П. 17
 Самарин А.Д. 50, 51, 54, 69, 71, 73, 76, 77, 82, 98, 99, 101, 103, 104, 116, 118, 133, 152, 164, 356, 361, 365
Сафонов М.М. 22, 139
 Саханский С.П. 206, 268
 Сахаров В.В. 305, 307
 Свенторжешский Л.В. 240
 Сверчков Д.Н. 282
 Святополк-Мирская Е.А. 138, 139, 141, 162, 260, 390
 Святополк-Мирский П.Д. 31, 33, 34, 42, 138, 169
Селецкий В.Н. 25
 Селиванов А.Н. 353
Семенов В.П. 19, 27, 378
 Семенов В.Н. 354
Сенин А.С. 143
Сергеева С.Л. 149
 Сергей Александрович 31, 34
 Сергей Михайлович 75, 214, 215, 221
 Сидоров А.А. 146, 152
Сидоров А.Л. 19, 27, 144, 149, 273, 384
 Силин А.Н. 12
 Симанович А.С. 23, 40, 78, 141, 146, 153, 157, 265, 377
 Сипягин Д.С. 33, 168, 372
 Сироткин Д.В. 65
 Скворцов В.М. 230
 Скобелев М.И. 244
Слонимский А.Г. 20, 27, 154
Смирнов А.Ф. 154
 Смирнов И.К. 343
Смирнов Н.Н. 22

Смирнов С.А. 239
Смолин А.В. 22
 Снежков В.Н. 133
 Соболевский А.И. 16, 22, 198, 354
 Соколов В.П. 162
 Соколов Н.А. 148, 157, 158, 376, 382-384, 388
 Соколов Н.Д. 382, 385, 391
Соколовская О.В. 276
 Соколовский И.Н. 380
Соловьев Ю.Б. 137, 138, 260
Солсбери Х. 20, 27
Сомов С.А. 144
 Спиридович А.И. 66, 103, 149, 152, 268, 280, 316, 372, 380, 382, 385
Спирин Л.М. 154
 Спроге В.Э. 25
 Станкевич А.А. 103
 Станкевич В.Б. 392
Старостин А.М. 22
Старцев В.И. 20, 27, 145, 154, 156, 160, 161, 267, 372, 375, 379, 382, 385
 Стахович А.А. 146
 Стахович М.А. 185, 347, 360, 364, 391
 Стемпковский В.И. 282
 Степанов А.В. 236-238, 260, 264, 273, 320, 341
Степанов В.Л. 137
Степанов С.А. 26
 Стиннес Г. 247
 Стишинский А.С. 11, 203, 248, 357
 Столыпин П.А. 26, 31, 36-38, 41, 43, 83, 101, 106, 125, 127, 138, 140, 141, 144, 157, 158, 163, 172, 173, 179, 180, 186, 221, 266, 271, 372
Сторожев В.Н. 19, 27, 384
Стоун Н. 20, 27
 Стремоухов П.П. 73, 102, 138, 157, 186, 245, 256, 259, 274, 276, 290, 374, 375, 380
 Струве П.Б. 16, 26, 52, 53, 56, 84-86, 105, 106, 130, 143, 145, 146, 154, 159, 160, 372, 399, 401
 Струков А.П. 132, 164, 170
 Суворин А.С. 41, 137, 140, 141
 Суворин М.А. 77, 185
Судацов Н.Д. 146
 Судейкин В.Т. 162, 354
 Суковкин М.А. 334
Султанов С. 158
 Сухоминов В.А. 45, 48-51, 55, 61, 64, 65, 67, 73-76, 130, 136, 141, 144, 145, 149, 151-153, 161, 201, 202, 207, 293, 302, 379, 390
 Таганцев Н.С. 22, 131, 164, 196, 353, 354, 389
Тальберг Н.Д. 386
 Танеев А.С. 51, 99, 129, 149, 157, 158, 162, 163, 175, 178, 187, 197, 261, 303, 305, 350, 352, 378
Тарле Е.В. 163, 400, 401
Тарновский К.Н. 19, 27, 144
Тарсаидзе А.А. 384
 Татищев Б.А. 250, 252, 253, 259, 260, 275
 Татищев В.С. 176
 Татищев Д.Н. 280, 384
 Таубе М.А. 48, 72, 126, 163, 354
 Теляковский В.А. 141, 162, 391
 Терещенко М.И. 69, 207, 214, 245, 283, 316, 332, 370, 371
 Тимашев С.И. 47, 64, 136, 144, 196
 Тимирязев В.И. 126
Тимохова К.И. 22

Тиханович-Савицкий Н.Н. 193, 198, 265-267, 272, 273, 334, 335, 337-339, 357, 385, 386
 Тихомиров Л.А. 26, 30, 35, 137, 139, 140, 163, 172, 173, 198, 260
Токвиль А., де 9
 Толстой Д.И. 271
 Толстой И.И. 25, 40, 141, 142, 147-150, 153, 163, 173, 261, 266, 390
 Толстой П.М. 360
 Толь С.А. 170
 Тома А. 189, 265
 Трегубов С.Н. 121
 Трепов А.Ф. 11, 104, 105, 109, 180, 188, 190, 202-205, 220, 223, 224, 226, 232, 238, 256, 265, 284, 285, 287, 288, 291-293, 295-307, 311, 312, 327-329, 334, 335, 347, 348, 350, 352, 356-358, 375-379, 385, 387, 388, 397
 Трепов В.Ф. 38
 Трепов Ф.Ф. 12, 126, 142, 353
Трибунский П.А. 22, 145, 164, 380, 381
Труайя А. 137
 Трубецкая О.Н. 138
 Трубецкой Г.Н. 70, 214, 361
 Трубецкой П.Н. 32
 Трубецкой С.Е. 24, 57, 147
 Трусевич М.И. 354
 Туган-Барановский Н.И. 44, 47, 53, 65, 84, 92, 113, 114, 143-145, 147-149, 155, 161, 266
 Туманов Н.Е. 325
 Тхоржевский И.И. 24-26, 143, 163
 Тьrkova-Вильямс А.В. 25, 145, 388
Тютюкин С.В. 140

Уланов В.А. 20, 28
 Унтербергер П.Ф. 11
Уортмен Р. 137
 Урусов Н.П. 267
 Урусов С.П. 104
 Утгоф Л.К. 72
 Утин С.Я. 12

 Фашотти 118
Федоров Б.Г. 140
 Федоров М.М. 66, 283, 360, 365
Федорченко В.И. 23
 Феодосьев С.Г. 295, 311
Ферро М. 137
 Филипп (Вашо Низье) 30, 137
Филлипов М.А. 24
Фирсов С.Л. 21, 28, 158
Флоринский М.Ф. 20, 21, 28, 144, 145, 150, 152, 153, 156, 159, 160, 259, 262, 265, 268-270, 379, 383
Флоринский Т.М. 19, 27
 Фредерикс В.Б. 38, 77, 82, 110, 113-117, 135, 158, 160, 161, 164, 174, 200, 208, 252, 262, 267, 268, 271, 288, 290, 299, 304, 313, 335, 348, 349, 369, 372, 377, 381
 Фрезе А.А. 11
Фриз Г. 158, 391
 Фриш В.Э. 12
 Фриш Э.В. (младший) 12
 Фролов П.А. 61
 Фролов С.П. 354

 Хабалов С.С. 342
 Хагондоков К.Н. 280

Харитонов П.А. 46, 54, 59-61, 65, 66, 82, 88, 91, 92, 98, 129, 144, 180, 181
Хасегава Ц. 20, 27, 154
 Хатисов А.И. 365, 369
 Хвостов А.А. 50, 51, 54, 69, 76, 82, 89, 91, 97, 101-105, 107, 109, 116, 121, 160, 176, 188, 202, 204, 229, 230, 241, 243, 265, 267, 271, 274, 277, 279, 291, 320
 Хвостов А.Н. 101-109, 120, 121, 123, 134, 135, 158-160, 176, 179-187, 197, 211, 247, 262-264, 266, 269, 376, 397
 Хвостов И.С. 320, 376
Хеймсон Л. 19, 21, 27
Хереш Э. 137, 138
Хильдермайер М. 20, 28
 Хис К.О. 30
 Хомяков Н.А. 259
 Хрипунов С.С. 104
 Хрусталеv-Носарь Г.А. 341
 Хэнбери-Вильямс Д. 109, 160

Цамутали А.Н. 22, 25

 Чаплинский Г.Г. 11, 354, 355, 389
 Чебыкин А.Н. 287
 Чебышев Н.А. 354
 Челноков М.В. 49, 57, 63-65, 68, 69, 111, 115-118, 147, 148, 161, 208, 209, 211, 214, 239, 240, 243, 244, 274, 333-336, 338, 341, 342, 360, 365, 385, 386
 Ченьякаев Н.С. 207, 268
Черменский Е.Д. 19, 142, 145, 148, 154-156, 159, 160, 262, 372, 373, 375, 379
Чернуха В.Г. 22, 25, 137, 266
Черняев В.Ю. 22
 Четвериков С.И. 47
 Чихачев Д.Н. 282
 Чихачев Н.М. 136
Чичерин Б.Н. 15, 25, 26, 36, 94, 139-141, 156, 277, 395, 401
 Чолокаев Н.Н. 133
 Чхеидзе Н.С. 244, 245, 274

 Шавельский Г.И. 77, 82, 83, 138, 150-153, 168, 206, 211, 216, 260, 264, 268, 269, 318, 325, 327, 348, 376, 382-384, 387-392
 Шаховская М.А. 158, 388
 Шаховской В.Н. 14, 25, 47, 48, 66, 75, 84, 89-91, 143, 144, 147, 149, 152, 153, 155, 203, 204, 220, 238, 240, 262, 264, 266, 269, 274, 278, 285, 291, 292, 308, 344, 372-374, 376, 384
 Шаховской Д.И. 213
 Шаховской Н.В. 42
Шаццло К.Ф. 25, 144
 Шванебах П.Х. 36, 140, 162, 266
 Шведов Н.К. 11, 104, 230, 352, 354, 255
 Шебеко В.Н. 149
 Шебеко И.А. 49
Шевырин В.М. 21, 28, 374
 Шевяков В.Т. 23, 374
Шелаев Ю.Б. 137
Шелохаев В.В. 25, 142, 154
 Шереметев Д.С. 76
 Шереметев С.Д. 137, 347, 353, 389, 390
 Шереметева Д.А. 151, 163, 374, 383
 Шереметевы 137

Щечков Г.А. 331
 Шидловский С.И. 88, 91, 269, 283, 286, 315, 316
 Шиллинг М.Ф. 250
Шилов Д.Н. 23, 376, 379
 Шингарев А.И. 82, 208, 282, 283, 286, 315, 316, 338, 357
 Шинкевич Е.Г. 12
 Шипов Д.Н. 143
 Шипов И.П. 126, 136
 Ширинский-Шихматов А.А. 341, 356
Шишкин О.А. 137
 Шлейфер Р.Г. 12
 Шликевич С.П. 214
 Шлиппе В.К. 11
 Шмеман Н.Э. 126
 Штакельберг Р.А. 117, 161
 Штюрмер Б.В. 11, 14, 109, 110, 131, 132, 155, 156, 159, 163-191, 193-197, 202-205, 209, 210, 215, 216, 218-267, 279, 280, 284-291, 295, 306, 318, 320-327, 332, 345, 351-355, 361-363, 372-375, 379, 383-385, 387, 388, 397
 Штюрмер Э.Н. 175
Шубин Н.А. 149
 Шуваев Д.С. 22, 64, 65, 187, 188, 203, 230, 232, 235, 236, 238-240, 243, 272-274, 278, 285, 287-289, 292, 306, 311, 321-323, 374-376, 383
 Шульгин В.В. 91, 156, 193, 282, 314, 361, 364, 366, 370, 380, 381, 391
Шумков А.А. 24

Шеголев П.Е. 19, 27
 Щегловитов И.Г. 39, 40, 45, 49-51, 66, 70, 72, 75, 76, 104, 129, 133, 141, 159, 162-164, 196-198, 266, 290, 291, 295, 303, 305, 314, 352-357, 375, 378, 379, 388, 389
 Щербатов Н.Б. 50, 51, 54-56, 68, 69, 71, 73, 76, 77, 80, 81, 87, 91, 97-99, 101-105, 107, 110, 111, 113-120, 123, 146, 151, 157, 158, 161, 206, 268
 Щербатов П.Б. 79
 Щербачев А.Н. 136, 201

 Эбергард А.А. 11
 Эйлер А.А. 334
 Энгельгардт Б.А. 201, 282, 324, 384
 Эрн А.А. 377
 Эрн Ю.М. 377
 Эрнст Гессен-Дармштадтский 41
 Эссен А.О., фон 72

 Юань Шикай 220, 332, 343
Юрий М.Ф. 146, 149, 150
 Юст М.Н. 12
 Юсупов Ф.Ф. (младший) 263, 331, 352, 360, 364, 366, 367, 369, 385, 390, 391
 Юсупова З.Н. 158, 309, 315, 367, 369, 370

Яковлев Н.Н. 269
 Якунчиков Б.М. 22, 354
 Янушкевич Н.Н. 70, 72-74, 76-79, 81, 144, 145, 150-152, 206, 379, 390
 Яхонтов А.Н. 25, 59, 143-148, 152, 154-156, 188, 204, 262, 266, 267, 372, 384, 400, 401

Ascher A. 139, 140

Bohn T.M. 145

Conroy M.S. 140

Eldersveld S.J. 22
Essaulov A. 137

Fallows T. 147
Fischer G. 25
Florinsky M.T. — см. Флоринский Т.М.
Frankland N. 137

Galai S. 25
Gleason W. 143, 146
Goldston R. 27
Guchkov A.I. — см. Гучков А.И.

Haimson L. — см. Хеймсон Л.
Hamm M.F. 154
Hanbury-Williams J. — см. Хэнбери-Вильямс Д.
Hasegawa T. — см. Хасегава Ц.
Hildermeier M. — см. Хильдермайер М.
Holliday E. 27
Hosking G. 140

Jones D.R. 152
Judg E.H. 138

Kochan L. 27
Korros A.S. 162

Lieven D. — см. Ливен Д.
Lowe H.-D. 141
Lyandres S.M. — см. Ляндрес С.М.

Malone G. 137
Mayzel M. 268
Menashe L. 143
Mosca G. — см. Моска Г.

 Nicholas II — см. Николай II

Pares B. — см. Пэйрс Б.
Pareto V. — см. Парето В.
Pearson R. — см. Пирсон Р.
Pipes R. — см. Пайпс Р.
Plehe V.K. — см. Плевее В.К.

Rasputin G.E. — см. Распутин Г.Е.
Riha T. 145
Rosenberg W.G. — см. Розенберг У.Д.

Seton-Watson H. 27
Siegelbaum L. 149
Solisbury H. — см. Солсбери Х.
Stockdale M.K. 145
Stolypin P.A. — см. Столыпин П.А.
Stone N. — см. Стоун Н.
Szeftel M. 25

Taylor E. 27
Timberlake C.E. 25, 154

Verner A.M. 139

Wortman R.S. — см. Уортмен Р.